

проект социализм **XXI**

Социализм**21**

14 текстов
постсоветской
школы
критического
марксизма

Издательство «Культурная революция»
Интернет-институт «Социализм-XXI»
Библиотека журнала «Альтернативы»

Социализм21

14 текстов
постсоветской
школы
критического
марксизма

авторы проекта
«Социализм XXI»
А.В. Бузгалин
В.Н. Миронов

Москва, 2009

авторы проекта

А.В. Бузгалин

В.Н. Миронов

авторский коллектив

В.Г. Арсланов, Г.А. Багатурия, А.В. Бузгалин, Л.А. Булавка,

Г.Г. Водолазов, М.И. Воейков, С.С. Дзарасов, Л.Г. Истягин,

А.И. Колганов, В.М. Межуев, В.Н. Миронов, Б.Ф. Славин,

О.Н. Смолин

Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. — М., Культурная революция, 2009. — 720 с.

ISBN 978-5-250-06043-1

Авторы сборника показывают, как социальное творчество может помочь человечеству в поиске альтернативы угрозам экологических и финансовых кризисов, пандемий ассиметричных войн, политико-идеологического и масс-культурного манипулирования. Эта книга — квинтэссенция многолетних трудов известных ученых, наследующих и развивающих классические традиции постсоветской школы критического марксизма.

Адресована исследователям, студентам и преподавателям, всем, кто интересуется проблемами современного социального бытия, поиском путей разрешения его глобальных противоречий.

© Культурная революция. 2009

© Авторский коллектив. 2009

Содержание

<i>Введение. Постсоветская школа критического марксизма: differentia specifica</i>	5
--	---

11 Концепты. Рефлексии

<i>А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. Социализм как пространство-время глобальных общественных трансформаций (методология и теория исследования)</i>	13
<i>Б.Ф. Славин. О социализме, свободе и тоталитаризме</i>	83
<i>В.М. Межуев. Социализм — пространство культуры</i>	113
<i>Г.А. Багатурия. К вопросу о развитии марксистской теории формационного преобразования общества</i>	165
<i>В.Г. Арсланов. О материалистической диалектике и всемирной истории (некоторые поправки к марксистской концепции современного революционного процесса)</i>	213
<i>Л.Г. Истягин. Пацифизм и социализм — тенденция к синтезу</i>	246

269 Начала. Опыты. Перспективы

<i>М.И. Воейков. Начало начал: Ленин и проблема русской революции</i>	271
<i>А.И. Колганов. К оценке социально-экономической природы общества советского типа</i>	333
<i>А.В. Бузгалин. От «мутантного социализма» к «царству свободы» (социально-экономические аспекты)</i>	388

<i>В.Н. Миронов. Трагедия Октябрьской революции</i>	438
<i>С.С. Дзарасов. Переосмысление социализма XXI века</i>	450
<i>Г.Г. Водолазов. От «социализма» к «реальному гуманизму» (об идейной эволюции социалиста-шестидесятника)</i>	517
<i>Л.А. Булавка. Советская культура как идеальное «советского социализма»</i>	615
<i>О.Н. Смолин. Новейшая революция в России и перспективы социализма XXI века</i>	669

Введение
Постсоветская школа
критического марксизма:
differentia specifica

Эта книга несколько необычна. Это не монография — для этого собранные в ней тексты недостаточно однородны. Но это и не сборник статей — работа проникнута единым замыслом, некоторой внутренней логикой, явным и неявным диалогом авторов. В ней есть и некая сверхзадача. Каждый из авторов текстов определил бы ее по-своему, но я, как один из инициаторов проекта и автор введения, рискну поискать некий инвариант. Этим инвариантом стало *проблемное поле книги — поиск различных аспектов генезиса нового социализма, социализма XXI века*. При всем многообразии оттенков и даже цветов, которые близки разным авторам, нас объединяет ряд принципиальных теоретических положений.

Можно ли всех авторов данной книги отнести к постсоветской школе критического марксизма — это вопрос. *Некоторые из нас* (прежде всего профессора Г.Г. Водолазов, В.М. Межуев и В.Н. Миронов) *лишь отчасти могут отнести себя к марксистам*. Однако и они близки к нашей школе, ибо в их работах с большей или меньшей долей приближения сохраняются те границы теоретического поля, которые в принципе характерны для всех нас.

Мы все базируемся на определенном наследии, которое и сделало нас теми, кто мы есть. И для нас в этом наследии, безусловно, прежде всего важен К. Маркс, на работах которого мы все выросли. В отличие от догматического советского (и не только) «марксизма» авторы этой книги исходят из того, что критика К. Маркса и его сподвижников, развитие этого блока идей через их существенное обогащение и изменение в соответствии с изменяющейся реальностью

и делает нас не просто марксистами, но марксистами критическими, не боящиеся подвергать сомнению все, с чем они сталкиваются в своей общественно-теоретической практике.

Гораздо сложнее *отношение авторов к различным последователям К. Маркса*. Одни из нас будут тяготеть к теоретическим работам К. Каутского, другие В. Ульянова; для одних ближе Н. Бухарин, для других Л. Троцкий. Но ни один из нас не берет на веру в качестве догмы работы того или иного представителя из плеяды постмарксовых марксистов.

Есть, однако, круг ученых XX века, прежде всего марксистов, чьи труды стали едва ли не наиболее значимыми для нас. Это такие ученые, как Дьердь Лукач, Михаил Лифшиц, Эвальд Ильенков, Жан-Поль Сартр, Эрих Фромм и многие другие представители творческого гуманистического марксизма (и не вполне марксизма) прошлого века. При этом у каждого из нас, конечно же, есть свои предпочтения. У экономистов они одни (например, диалог с посткейнсианством у С. Дзарасова), у философов культуры — другие (например, у Л. Булавки — с Н. Злобиным), у политологов — третьи (так, для В. Миронова оказалось принципиально важным соотношение с работами М. Хардта и А. Негри). Но мы все выросли из классического наследия К. Маркса и творческого советского марксизма, особенно — работ «шестидесятников».

Что же касается западного марксизма, то здесь мы все оказались достаточно далеки от аналитического марксизма, несколько ближе к школе «Праксиса», выборочно склонны к диалогу с левым постмодернизмом (В. Миронов, отчасти В. Межуев), в большинстве относясь к нему сугубо критически; столь же ограниченным является наш диалог и с теоретиками западной социал-демократии. Как ни странно покажется советскому читателю, мы оказались ближе к работам теоретиков новых социальных движений, эко-социализма, левым исследователям постиндустриальных тенденций и глобальных проблем, современным ученым, близким к троцкистской и еврокоммунистической тенденциям. Перекликается наш подход и с разработками американского внепартийного марксизма 50–70-х гг. XX в. и некоторыми идеями Франкфуртской школы.

Что касается нашего Отечества, то здесь наша школа в большинстве своем (исключение по некоторым вопросам составляют Г. Водо-

лазов и В. Межуев) далека не только от неолиберальных и консервативно-державных философов и экономистов, но и от их левоцентристских собратьев. Наши идеи более «социалистичны», если так можно выразиться, более артикулированы в критике современной системы отчуждения (и прежде всего глобального капитализма) и предложении социалистической альтернативы, чем рассуждающие о необходимости «опоры на две ноги» (либерализм и социализм) представители горбачевской традиции, или же о наследовании державных достижений СССР теоретики-«патриоты». Во втором случае лакмусовой бумажкой нашего направления является последовательный интернационализм, акцент на противоречивом единстве современного мирового развития, неприятие национализма и категорическое отторжение великодержавного шовинизма. Наконец, мы все далеки от сталинской догматической версии «марксизма-ленинизма» с его обязательной «пятичленкой» и т.п. методолого-теоретическими штампами и от возрождаемого культа сталинизма.

Что же касается *позитивных differentia specifica* нашей школы, то они определяются несколько более аморфно, что неслучайно: мы ищем новые решения. Ищем по-разному, исходя из традиций и наследия разных наук и течений, еще не обретя окончательных общепринятых формул. Тем не менее и здесь есть некоторые достаточно значимые инварианты, характеризующие наше направление.

Во-первых, мы в подавляющем большинстве последовательно исходим из того, что капиталистическая система вообще и современный глобальный капитал в частности — это исторически-ограниченная система. Она принесла человечеству и многие достижения, и многие преступления, но чем далее, тем более она развивается по все более опасной и в конечном итоге тупиковой траектории, в общем и целом уже выполнив свою прогрессивную историческую миссию. В то же время мы не идеализируем, подобно нынешним ортодоксам от марксизма, «реальный социализм». В конкретной оценке этого общества мы расходимся, оставаясь, однако, едины в том, что эта система была первой столь масштабной попыткой продвижения к некапиталистическому обществу. С ее развитием связаны многие достижения человечества (а не только нашей страны) в социальной и культурной областях. Но этот опыт и глубоко трагичен. Во многих своих проявлениях и основах «реальный социализм» был далек от

тех принципов даже начальной стадии «царства свободы», которые были не только предсказаны, но обоснованы в социалистической теории (прежде всего в данном случае речь идет о социализме как системе социально более эффективной, демократичной и гуманной, нежели капиталистическая).

Во-вторых, мы считаем возможным и закономерным развитие человечества и, в частности, России по социалистической траектории, предполагающей качественный скачок на пути эмансипации человека от власти отчужденных общественных сил, и экономического, и внеэкономического принуждения, освобождения от власти и капитала, и неподконтрольной человеку политической власти. Социалистическая траектория развития (для автора введения — более определенно: генезис коммунистического общества, для других авторов — менее жестко: прогресс реального гуманизма, социализма как мира культуры) в рамках нашего течения определяется как снятие и капитализма, и «царства необходимости» в целом.

Здесь важны два акцента.

Первый: мы говорим не об уничтожении, а о снятии прежних систем, т.е. об отрицании и одновременном наследовании достижений, развитии прогрессивных тенденций (прежде всего культуры в самом широком смысле этого слова — от технологий до воспитания; принципов «негативной свободы», свободы от личной зависимости, политического диктата и др.).

Второй акцент: мы говорим о снятии не только капитализма, но всех предшествующих отношений, основанных на отчуждении, а ведь в нынешнем мире сохраняются и, более того, вновь развиваются отношения рабства, имперские тенденции, религиозный фундаментализм и мн. др. феномены, казалось бы, канувшие в Лету в прошлом столетии.

В-третьих, для нас достаточно очевидно, что мир нового социализма будет базироваться на преимущественно творческой деятельности, развиваясь прежде всего в пространстве креатосферы, сферы сотворчества. Один из авторов нашей книги — В. Межуев, развивая идеи К. Либкнехта («социализм = культура»), Н. Злобина и ряда других марксистов-шестидесятников, из «клуба» которых он сам вышел, прямо пишет, что социализм — это пространство культуры. Для О. Смолина более подходящим является термин «общество знаний»,

для автора этих строк — марксово понятие «царство свободы». В любом случае мы говорим о мире, преодолевающем узкие горизонты индустриальной системы, о «постиндустриальном социализме», если угодно. При этом, однако, мы далеки от активно и справедливо критикуемой последние десятилетия на Западе идеи отождествления современной модели развития постиндустриальных тенденций в странах «золотого миллиарда» и социализма будущего. Первые идут в тупиковом направлении «общества потребления» и новой глобальной прото-империи; сверхзадача второго — качественно изменить траекторию развития новых технологий, отношений, институтов.

Соответственно, для нас социалистическая траектория есть процесс развития не только личностных качеств, но и таких необходимых для этого предпосылок, как *основанная на приоритетных полномочиях гражданского общества демократия* (с переходом к базисной, низовой демократии, демократии участия), *безусловное соблюдение социальных и гражданских прав человека* и т.п. И все это — лишь начало движения к новому, пока еще не ясному в деталях всестороннему самоуправлению открытых добровольных ассоциаций. Мы понимаем, что «строительство» социализма «сверху», при опоре на насилие — это путь в тупик. Многие десятки лет назад еще В. Ульянов подчеркнул, что социализм есть не только результат, но и процесс творчества самих людей.

В-четвертых, опыт XX века показал всем, и авторам этой книги в частности, что *движение по социалистической траектории есть долгий и нелинейный процесс* — процесс побед и поражений, успехов и отступлений, причем процесс всемирный, тесно взаимосвязанный во всех своих звеньях. Поэтому удел ближайшего времени — инициирование и поддержка первых ростков этого нового мира внутри прежней системы, развитие переходных к социализму форм в тех анклавах мирового сообщества (странах, регионах, сетях, мире культуры), где сознательно ставятся задачи социалистического развития.

При всех этих общих посылах мы существенно расходимся во многих вопросах.

Если начать с методологии, то одни из нас отчетливо делают акцент на диалектике (А. Бузгалин, Л. Булавка, А. Колганов), другие — на постмодернизме (В. Миронов), третьи не акцентируют своих методологических пристрастий.

Мы различаемся и по степени радикальности нашей критики существующей системы: для одних социализм — это значительное реформирование нынешней системы или развитие одного из ее слабых («пространства культуры»), ведущее к торжеству качественно нового мира; для других (в частности, упомянутых сторонников диалектического метода) — качественно новый мир, путь к которому лежит через социальную революцию.

Таких различий много. Тем не менее для нас важно то пространство, которое нас объединяет и границы которого были намечены выше. Я думаю, что другие авторы этой книги его бы определили несколько иначе и в несколько иных терминах, но я предупредил — это авторское видение нашего проекта.

Что же остается объективным — это то, что проект «Социализм-XXI» работает. Нам интересно вести диалоги и споры внутри нашего относительно узкого сообщества (вот уже более года работает постоянно действующий семинар, на котором мы представляем и обсуждаем наши оригинальные идеи). Мы выходим на широкую аудиторию на многочисленных конференциях и в своих публикациях, обретая значительный круг сторонников в регионах России, среди молодежи. Мы ведем активный диалог с нашими зарубежными коллегами как в интернете (он отображен на страничке международного интернет-института «Социализм-XXI» на сайте www.alternativy.ru), так и непосредственно. За последнее время прошли дебаты с М. Хардтом и А. Негри, С. Амином, С.-М. Михаилом и др.

Однако наиболее значимым результатом нашего проекта на данный момент мы считаем эту книгу. Насколько она удалась — судить Вам, читатель. Мы будем рады расширению поля нашего диалога.

Александр Бузгалин

Концепты. Рефлексии

А.В. Бузгалин, А.И. Колганов
Социализм как пространство-время
глобальных общественных
трансформаций
(методология и теория исследования)

Введение

Кризис и саморазрушение так называемого реально-го социализма в СССР и большинстве других стран мировой социалистической системы привели к глобальным сдвигам в социальной теории. Доминирующие позиции (особенно ярко проявляющие себя в преподавании) заняли неопозитивизм и неолиберализм в странной смеси с постмодернизмом — в философии, неоклассика и неоинституционализм — в экономической теории и т.п. В последние годы, правда, дает о себе знать «славянофильская» тенденция, восходящая к работам Бердяева, Булгакова и др. Крах марксизма в России стал казаться едва ли не очевидным.

Предлагаемая ниже работа представляет собой краткое изложение основных итогов наших научных исследований последних двух десятилетий. Они частично были представлены в монографии «Глобальный капитал», а также в серии статей¹. При этом мы прямо по-

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. — М.: Едиториал УРСС, 2007; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Россия и новая экономика: на пути к общедоступным сетям знаний, распределению издержек и отказу от интеллектуальной частной собственности // Философия хозяйства. 2002. № 3. С. 193–201; 2002. № 4. С. 209–223; продолжение см. на с. 14

зиционируем себя как представителей постсоветской школы критического марксизма, претендующей на разработку новых аспектов этой теории, отвечающих на вызовы новой эпохи — генезиса информационного общества, глобализации и ростков протоимперии.

начало см. на с. 13 2002. № 6. С. 79–89; Бузгалин А.В. Основные пласты глобализации и ее конфликтогенный потенциал. // Международные процессы. 2003. № 2. С. 31–43; Бузгалин А.В. Эвристический потенциал политической экономии социализма в XXI веке. // Вопросы экономики. 2003. № 3; Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел... (закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии») // Философия хозяйства. 2003. № 3, 4; Бузгалин А.В. Постиндустриальное общество — тупиковая ветвь социального развития? // Экология и жизнь. 2003. № 3. С. 11–16; № 4. С. 16–19; Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела // Вопросы экономики. 2004. № 3; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Нужен ли нам либеральный марксизм? // Вопросы экономики. 2004. № 7; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия постсоветского критического марксизма // Вопросы экономики. 2005. № 9; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социальная философия постсоветского критического марксизма в России: ответ на вызовы XXI века // Вопросы философии. 2005. № 9; Бузгалин А.В. «Политпроизводство» и «политпотребление» на фоне глобализации // Международные процессы, 2005. № 2. С. 83–90; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. 2006. № 3; Бузгалин А.В. Так что же такое постиндустриальный капитализм? // Свободная мысль. 2007. № 4. С. 191–204; Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» в XXI веке: pro et contra // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 104–120.

В силу необходимости представить краткую версию масштабной книги авторы в данном тексте в большинстве случаев отказались от многочисленных отсылок к источникам и конкретным авторам, с которыми они соглашаются или ведут полемику, также от сколько-нибудь развернутой аргументации предлагаемых тезисов.

Следует также учесть, что на протяжении последнего года в центральной печати появляется целый ряд работ (в том числе — известных либералов)¹, а в научной среде проходит ряд дискуссий, в которых активно обсуждается вопрос о роли и актуальности марксизма в XXI веке. При этом марксизм обычно отождествляется с его догматически сталинской версией. Между тем наряду с сохраняющимся ортодоксальным марксизмом в нашей стране (как и во всем мире) развивается новое течение, которое мы обозначим как «постсоветская школа критического марксизма».

Это имя пока не устоялось, но оно указывает на социопространственное и социовременное позиционирование этой школы, а также на то, что она выросла из критики как старых догматических версий марксизма и попперовского либерализма XX века, так и современных вариантов неосталинизма («философии имперскости», державности и т.п.) и постмодернистских «дискурсов».

Отличительными чертами формирующейся *постсоветской школы критического марксизма*² становятся:

¹ См.: например: Гайдар Е., Мау В. Марксизм между научной теорией и светской религией (либеральная апология) // Вопросы экономики. 2004. № 5, 6. Авторы дали развернутую критику этой версии «либерального марксизма» в своих статьях «Нужен ли нам либеральный марксизм?» (Вопросы экономики. 2004. № 7) и — более полная и развернутая версия — «Начало и конец либерализма в России» (Экономико-философские тетради. 2004. Вып. 2). Последняя статья публикуется в настоящей книге. Позже в «Вопросах экономики» вышли и другие статьи, а в начале 2005 г. (№ 1 и № 2) был опубликован отчет о «круглом столе» по проблемам современного марксизма.

² Постсоветская школа критического марксизма в России — это пока достаточно аморфное течение, его сторонники существенно различаются в трактовке тех или иных конкретных явлений современной действительности. Многие авторы, работающие в марксистской парадигме, по-прежнему тяготеет к постулатам классической ее версии и вряд ли согласится с предложенным выше критическим отношением к опыту реального социализма. *продолжение см. на с. 16*

— критическое наследование достижений классического марксизма и связанных с ним гуманистических отечественных и международных научных течений второй половины XX века¹;

— критика догматических сталинистских версий марксизма и пересмотр ряда тезисов на основе опыта последних десятилетий;

начало см. на с. 15 В данной работе, не претендующей на обобщение всех течений новой возникающей школы, дается *авторская версия* ее основных принципов.

¹ Речь идет о работах Г. Батищева, В. Вазюлина, Н. Злобина, Э. Ильенкова, В. Келле, В. Лекторского, М. Лифшица, В. Межуева и др. — в нашей стране, Д. Лукача, Б. Олмана, И. Мессароша, А. Шаффа и т.п. — за рубежом (См.: Adorno T.W. Negative Dialectics. New York: Continuum. 1995; Aronson R. After Marxism. New York — London 1995; Bensaid D. Marx for our times. L. 2002; Callinicos A. Against Post-Modernism. Cambridge: 1989; Derrida J. Specters of Marx. London — New York 1994; Jameson F. Late Marxism. London — New York: 1996; Meszaros I. Beyond Capital: Towards a Theory of Transition. New York: 1995; Meszaros I. Marx's Theory of Alienation. L.: 1970; Ollman B. Alienation. N.Y. — Cambridge: Cambridge University Press. 1971; Schaff A. Alienation as Social Phenomenon. Oxford: 1980, 1990; ; Батищев Г. Диалектика творчества. СПб.: 1997; Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1962; Библер В.С. Мышление как творчество. М., 1975; Вазюлин В.А. Логика истории. М., 1988; Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. М., 1979; Злобин Н.С. Культурные смыслы науки. М., 1997; Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991; Келле В., Ковальзон М. Теория и история. М., 1979; Лифшиц М.К. Маркс. Искусство и общественный идеал. М., 1979; Лекторский В. и др. Материалистическая диалектика. М., 1979; Мандел Э. Власть и деньги. М., 1991; Межуев В.М. Культура и история. М., 1976; и др.) Безусловно, все эти ученые разнятся по своему влиянию на философию. Весьма существенно различаются их философские концепции. Однако все они в общем и целом тяготеют к пространству критического марксизма, для которого характерны подлинно диалектический метод, традиции гуманизма, критического отношения к сталинизму.

— открытый диалог с другими школами, прежде всего (но не только) экзистенциализмом и другими гуманистическими течениями, классическим институционализмом и т.п.;

— акцент на понимании современной (в широком смысле слова, начиная с XX века) реальности как эпохи глобальных, качественных изменений в самих основах общественной жизни, создающих предпосылки для генезиса не только посткапиталистического, но и постиндустриального, постэкономического общества («царства свободы»); в этом смысле мы можем назвать наше течение **«марксизмом постиндустриальной эпохи»**;

— диалектическое отношение к опыту «реального социализма» как противоречивому, сочетающему черты тупиковой авторитарно-бюрократической системы, с одной стороны, прогрессивных ростков социалистических отношений — с другой.

Такой подход позволяет нам рассмотреть современную социально-экономическую жизнь целостно, системно-диалектически, в контексте её исторического развития.

1. Реабилитация и развитие диалектического метода

В наших работах проблемам метода уделено незаслуженно незначительное место, что особенно обидно, если учесть, что как ученые мы формировались именно и прежде всего как методологи. Однако все наши теоретические работы целиком основаны на использовании именно диалектического метода, и потому мы здесь сочли важным подчеркнуть основные его черты.

Сложность и многообразие **диалектико-материалистического метода** не позволяют дать его краткое описание, поэтому сошлемся лишь на то, что авторы относят себя к ученикам Э.В. Ильенкова и именно в этой традиции будут проводить свое исследование¹. К сожа-

¹ Рассмотрение социальных отношений как органической, генетически саморазвивающейся (вследствие ее внутренних противоречий во времени и пространстве) системы, не представляет собой чего-то радикально нового. продолжение см. на с. 18

лению, именно в сфере диалектического метода наши продвижения наименее значимы, за исключением, может быть, четырех аспектов.

Первый — использование диалектического метода в его полноте и сложности для исследования новых социальных процессов.

«Охранительная» функция нашего течения сегодня оказалась принципиально важна, ибо диалектический метод в последние десятилетия господствующая методологическая традиция не только не развивает и предает забвению, но и активно выдавливает. Вот почему для нас принципиально важным было как минимум напоминание о критическом наследии и его систематическое использование (последнее важно, конечно же, прежде всего в силу научной продуктивности диалектического метода). Авторская позиция по этим вопросам уже высказывалась¹, вот почему здесь мы ограничимся лишь напоминанием ряда принципиально значимых для понимания дальнейшего аспектов диалектического метода и некоторыми соображениями о возможных направлениях его развития (и тем самым снятия).

Начнем, во-первых, с акцента на *диалектических противоречиях* как единстве противоположных, отрицающих друг друга (и в силу единства — самих себя) сторон предмета. Начинаясь с фиксации в виде антиномии, противоречие разворачивается в действительное, содержательное единство (тождество) и одновременно противоположность своих сторон, соединение которых возможно лишь в живом процессе разрешения противоречия². Разрешаясь, противоречие «сни-

начало см. на с. 17 Проблема скорее в другом — в том, что такой метод выглядит устаревшим в эпоху господства постмодернизма (но об этом ниже), он мало кому знаком и еще меньше ученых им владеет, а между тем он отнюдь не проще высшей математики. Поэтому, ограничиваясь несколькими пояснениями, авторы рискуют быть не понятыми неспециалистами, но с этим уже ничего не поделаешь.

¹ См.: Булавка Л.А., Бузгалин А.В. Бахтин: диалектика versus метафизика постмодернизма // Вопросы философии. 2000. № 1; Бузгалин А.В. Закат постмодернизма // Вопросы философии. 2007, № 2.

² Строго говоря, диалектическое противоречие как категория наиболее точно раскрыто во II томе «Науки логики» Г.В.Ф. Гегеля. При этом классик диалектики продолжение см. на с. 19

мается» в новом отношении (противоречии), где происходит отрицание, но и сохранение в генетическом преемнике прежнего отношения, и так далее, пока этот процесс развития (снятия) не доходит до предела, взрывающего *системное качество*, что вызывает *снятие* прежней системы. Это ее гибель, но вместе с тем и развитие в новое качество, рождение новой системы при «наследовании» прошлого.

Последний тезис требует особого внимания. Мы настаиваем на преодолении догматических версий марксизма, применявших отрицание как уничтожение (например, частной собственности при переходе к социализму). Современный марксизм, творчески восстанавливающий классические идеи, подчеркивает единство процессов отрицания и развития [в новое качество]. Однако самое главное — это *критика господствующего ныне внеисторического подхода к общественной жизни*. Ныне получили широчайшее распространение идеи «естественности» тех или иных исторически особенных типов общественных отношений или характеристик личности (будь то постулат либерализма об эгоистической природе человека или идеи славянофильства о богоизбранности российской цивилизации). Они трактуются как вечные, не имеющие исторических границ, что однозначно противоречит историческим фактам и делает критику этих идей важнейшей задачей марксистов. Последнее требует для своей реализации новых аргументов и подходов, вырабатываемых нашим направлением.¹

Напомним также азбуку классического марксизма тем, кто приписывает нам догмы разрушительства: диалектический метод пред-

начало см. на с. 18 показал развертывание того, что в XX веке обобщенно (и не точно) называется «противоречие», от взаимоотношения бытия и ничто к развертыванию диалектики качества, количества, меры («бытие») к видимости, явлению, форме, действительности («сущность») и далее... Строгое использование диалектического метода предполагает различение всех этих взаимодействий, часто не точно названных «видами противоречий».

¹ Поскольку, как уже было сказано, в данной статье мы ограничиваемся лишь авторской трактовкой, укажем на одну из наших работ: Бузгалин А.В. Анти-Поппер. Социальное освобождение и его друзья. М., 2004.

полагает необходимость исследовать *не только революционные*, качественные изменения, но и изменения *эволюционные*, проходящие в рамках некоторой системы, где определенное накопление «взрывного потенциала» (если так можно выразиться) будет не менее важной исследовательской проблемой, чем анализ самого скачка.

Во-вторых, диалектический метод предполагает акцент на принципе *диалектического единства исторического и логического*, когда система теоретических категорий формируется в процессе «отслеживания» объективного процесса *генезиса, развития и «заката»* самой материальной системы. Последнее может быть сделано лишь методом движения от практики к теории и обратно исследователем, погруженным в практику. При этом критерием «отсечения» исторических случайностей (зигзагов) и отображения теоретически значимых процессов служит воспроизведение ставшим целым основных компонентов своего генезиса. Эти тезисы в принципе были хорошо известны в XX веке, а ныне лишь «забываются».

Что касается постсоветского критического марксизма, то важнейшим его новым достижением в разработке исторического подхода к исследованию общества стали акценты на *продолжительности стадий генезиса и «заката» социальных систем* по сравнению с их «зрелым» состоянием и исследование разнообразных *переходных отношений и форм*, связанных с длительными процессами революционной и эволюционной трансформации систем. Ниже в связи с анализом философии истории мы еще вернемся к этим проблемам, а сейчас ограничимся лишь указанием на этот пункт.

В-третьих, принципиально важным для исследования современной действительности по-прежнему остается применение метода восхождения *от абстрактного к конкретному* — от исходной абстракции («клеточки»), в которой в потенции «спрятана» вся система (как дуб в желуде), *до конкретного, которым является* не результат («конечный пункт»), *а вся система в ее становлении и развитии*. Последний тезис ныне упорно предается забвению, и акцент на конкретности истины, на сложном системном *развивающемся* знании о системном сложном развивающемся объекте стал явной угрозой постмодернистской методологии, предполагающей отказ не только от метатеории, но и от поиска Истины, ибо она исторически и теоретически конкретна, разворачивается от абстрактного к конкрет-

ному, и исторически, и логически, системна. Эта угроза тем более реальна, что практически вся постмодернистская критика направлена против претендующей на абсолютную и единственную истинность догматической марксистской «метатеории» и абсолютно бесцельна против диалектически открытого взгляда на истину, которая разворачивается и снимается в процессе восхождения от абстрактного к конкретному. Вот почему реабилитация диалектического метода ныне становится важнейшей философской задачей.

Для теоретиков же в нашем Отечестве наиболее типичной *de facto* (т.е. во многом тоже полубессознательно — методологией сейчас вообще очень мало кто занимается) стала парадигма даже не постмодернизма, а старого позитивизма. Диалектический же метод дает возможность выделять не только функциональные закономерности (поддающиеся математическому моделированию, которое в своих развитых версиях весьма диалектично...), но и *сущностные противоречия*, позволяя различать «то, что кажется» [обывателю и его ученому апологету], и то, «что есть на самом деле», а также показывать их взаимопереход.

Тем самым этот метод позволяет сделать акцент на вопросах *основ, сущности, причин и следствий* тех или иных процессов, задавая вопросы не только о том, как, например, устроены процессы глобализации, но и какими противоречиями века они вызваны. Он позволяет различить объективную необходимость развития глобальных постиндустриальных технологий и диалога культур — с одной стороны, и их исторические, антагонистические формы (неолиберальная экономическая политика, «столкновение цивилизаций» и т.п.)¹ — с другой.

Более того, как мы уже заметили, диалектический подход позволяет отражать действительность в виде развивающейся системы категорий, которые лишь в своей совокупности дают истинное представление о развивающейся практике. Так возникает возможность и необходимость поставить ряд вопросов, принципиально «закрытых» для недиалектического исследования.

¹ Развернутая критика позитивистской методологии дана в упомянутой книге А.Бузгалина «Анти-Поппер» (М., 2003) и нашей статье «Нужен ли нам либеральный марксизм?» (Вопросы экономики. 2004. № 7).

Отметим лишь некоторые из них:

— Как происходит смена качественно различных общественных систем в реальной истории и как ее трактовать в теории? Является ли этот переход всегда социальной революцией хотя бы уже потому, что он носит характер качественного скачка (независимо от того, какие политические формы он принимает)?

— Когда (исторически и логически) капиталистическая система стала господствующей в мировом масштабе, и какие этапы она проходит в своем развитии (очевидный для марксистов и регулярно «забываемый» неоллибералами, позитивистами и постмодернистами вопрос)?

— В чем принципиальные отличия «человека вообще» и homo economicus, которого современный неоллиберализм трактует как «естественное» состояние человека? (Для марксиста ответ на этот вопрос, опять же элементарен, но для неоллиберала он вообще не стоит, ибо для последнего не характерна историческая трактовка личности и общества).

— Каково историческое место отношений отчуждения в общественном развитии и могут ли они быть сняты, а если да, то опять же когда и как?

— Существует ли предел развития капиталистической системы (в терминологии неоклассических экономистов — «рынка») и если да, то где и каков он (исторически и логически)? Возможны ли посткапиталистические (пострыночные) материальные общественные отношения и если да, то что они такое?

Все это вопросы даже не постсоветского, а старого классического марксизма, усиленно «забываемые» современной философией истории. Но даже «классическая» материалистическая диалектика, глубоко чуждая догматическим версиям марксизма, сегодня может стать большим шагом вперед по сравнению с методологическим дилетантизмом, прикрываемым постмодернистской риторикой, господствующим сегодня в философии и социальных науках.

И все же наиболее важной и сложной задачей, как мы отметили, становится развитие диалектического метода. И хотя здесь, как мы уже самокритично заметили, продвижение в сравнении с достижениями 60–70-х годов относительно невелико, все же укажем на ряд важных для методологии нового века позиций.

Начнем с констатации того, что диалектический метод в отличие от приписываемых ему постмодернизмом недостатков принципиально *открыт*. Он открыт во времени, ибо утверждает историческое развитие и смену качественно разнородных систем. Этого, кстати, нет у такого анти-диалектика, как К. Поппер, чье «открытое общество» на самом деле оказывается абсолютно «закрыто» в историческом измерении¹, что и показал своим «концом истории» Ф. Фукуяма. Но еще более важно то, что марксизм *открыт самокритике*.

* * *

Второй аспект, который мы хотели бы акцентировать, рассуждая о нашем вкладе в развитие диалектического метода — это разработка проблем, ранее в наименьшей степени рассматривавшихся классиками, а именно, вопросов методологии исследования процессов заката старой системы, генезиса новой, революционной и эволюционной трансформации первой во вторую, диалектики переходных форм и отношений. В частности, продолжена серьезная разработка диалектики «заката» общественной системы. Суть этого «заката» вкратце может быть представлена как закономерное самоотрицание внутри этой системы ее генетических основ (качества) и сущности вследствие развития внутри нее элементов новой системы. По видимости, парадоксом при этом является то, что последние вызываются к жизни потребностями самосохранения и развития прежнего строя, прогресс которого далее некоторой качественной черты невозможен вне самопродуцирования ростков новых качеств и сущностей.

Эта качественная черта — невозможность дальнейшего прогресса системы без внесения элементов новой — и знаменует собой начало «заката» некоторого общественного образования, в частности капитализма. Первые шаги такой диалектики были показаны В.И. Лениным применительно к капитализму (тезис о подрыве товарного производства и генезисе элементов плановости как свидетельстве перехода к фазе «умирания» капитализма) и развиты в советской политической экономии (хотя и в несколько апологетической форме).

¹ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2.

Мы предлагаем развитие этого тезиса, показывая, что такое снятие не сводится к подрыву исходного качества системы, а должно пройти по всей ее структуре, видоизменяя все основные блоки системы и порождая внутри нее сложную систему переходных отношений.

При этом «ренессанс» неолиберальной стратегии в капиталистических странах и нынешние тенденции движения к прото-империи помогли подтвердить сформированный нами еще в последние годы существования советской системы тезис о *нелинейности развертывания этого подрыва*. Прогрессивные тенденции развития элементов сознательного регулирования, ограничения рынка и капитала со стороны общества и государства, прогресс социальной защиты и т.п. шаги по развитию элементов будущей системы внутри капитализма могут сменяться реверсивными движениями укрепления собственных основ старой системы. Именно таким реверсивным процессом и стали характерные для последних десятилетий феномены снижения регулирующей роли общества и государства, наступления на многие социальные и гуманитарные завоевания 60-х годов прошлого века. Все это подтверждает нелинейность процесса развития систем на нисходящей стадии. Более того, постоянные смены прогрессивных и регрессивных форм самоотрицания основ системы можно отнести к закономерностям, наиболее типичным именно для стадии «заката».

Другой новой разработкой стало акцентирование проблемы мультисценарного развития новой системы в условиях ее революционного генезиса. Качественный скачок есть по определению отрицание одного качества и рождение другого, для него характерны процессы и возникновения, и прехождения (что показал еще Гегель), и именно в силу этого временного «взаимоуничтожения» качеств старой и новой систем в момент революционного скачка становятся особенно значимыми флуктуации, зависящие отнюдь не только от предшествующего объективного развития системы. Для социальной революции этот тезис связан с известным феноменом возрастания роли субъективного начала, но, на наш взгляд, последний есть лишь одно из проявлений более общей закономерности диалектического революционного скачка, кратко отмеченной выше.

На этой основе неявно принятая ранее в марксизме тарктовка всякого революционного рождения новой социальной системы как явления однозначно прогрессивного, ведущего к появлению более

эффективного и гуманного нового образования, критически переосмыслена; обоснован упомянутый выше мультисценарный прогноз развития, показывающий где, когда и почему, при каких предпосылках и условиях в результате революционного перехода наиболее вероятным станет собственно прогрессивное развитие новой системы или же вырождение революции, контрреволюционный возврат к старому качеству, или рождение нового качества при недостаточных предпосылках, дальнейшая мутация прогрессивных тенденций, ведущая к кризису и контрреволюции при накоплении негативного потенциала внутри возникающего нового образования. Соответственно, возникает и вариант диалектики тупикового развития старых и новых систем с возможной стагнацией в этом состоянии или его революционным (контрреволюционным) взрывом.

Анализ реверсивных социоисторических траекторий позволил показать некоторые черты *диалектики регресса* — сферы, ранее лежавшей вне непосредственного поля марксистских исследований. Опыт последнего столетия дал, однако, немало материала для такого анализа. Стадия «заката» системы может порождать парадоксальную ситуацию объективно неизбежных, но при этом столь же объективно несвоевременных, не имеющих достаточных предпосылок попыток революционного слома старого качества и рождения нового. И это касается не только примера революции в Российской империи. Весь период самоотрицания («заката») системы чреват такими попытками взрыва, которые становятся потенциально возможными с момента вхождения системы в эту стадию, но могут произойти при разной степени вызревания предпосылок нового качества и при недостаточном уровне развития последних порождать регрессивные процессы, характеризующиеся обратным нарастанием старых форм и снижением роли ростков нового в рамках переживающей «закат» системы.

Все эти компоненты характеризуют *диалектику перехода одной системы в другую*. Как явственно следует из предыдущего, этот переход предполагает, во-первых, достаточно длительное существование и нелинейное нарастание элементов новой системы внутри старой и, во-вторых, достаточно долгое и нелинейное отмирание элементов старой системы внутри новой. На всем протяжении первого процесса может начаться революционный переход к новому качеству. На всем протяжении второго этапа может возникнуть контрреволю-

ционный возврат к прежней системе. Кроме того, для обоих этапов — «заката» [старой системы] и становления [новой системы] типичным будет доминирование переходных отношений, а не «чистого» бытия той или иной системы.

Названные закономерности нами (в данном случае не только лично авторами этого текста: мы опирались на хорошо известное марксистское наследие, развивая его в меру своих сил) были выведены на основе анализа процесса «заката» капиталистической системы, «царства необходимости» в целом и первых попыток зарождения нового общества. Но, на наш взгляд, эти закономерности могут быть генерализованы и послужить в качестве гипотезы существования более общих закономерностей диалектики «заката», регресса, трансформаций.

Процессы нелинейного «заката» капиталистической системы и в особенности реверсивные асоциальные процессы, ведущие к деструкции прежних прогрессивных достижений, неизбежно породили господство (особенно в кругах прогрессивной интеллигенции) методологии постмодернизма как теории деконструкции. Видимостное фиаско диалектики прогресса и характерное для периода «заката» вообще, а для его реверсивных стадий в особенности, широчайшее распространение превращенных форм создало еще большие предпосылки для его развития, породив атмосферу иррациональных смыслов и бессодержательностей (превращенные формы — это формы, не только «отрекающиеся» от своего содержания, но и создающие видимость другого, в действительности несущего содержания и смысла). Это объективное господство «бессодержательностей» не могло не породить философии «симулякров» и им подобных постмодернистских «концептов».

Для консервативной интеллигенции, позитивно воспринимающей реверсивное течение социального времени, наиболее типичной становится философия антимодернизма. В России она сопровождается ростом влияния консерватизма, религиозной философии, почвенничества. На Западе и особенно в США — философии имперскости.

Понимание закономерности нарастающего влияния пост- и антимодернистской методологии не избавляет нас от необходимости их критики как регрессивных философских следствий регрессивного этапа социального развития. Так сложилось **третье** направление в

сфере развития диалектики в рамках постсоветской школы критического марксизма — критика господствующих принципиально вне- (а то и анти-) диалектических, а подчас даже и антисистемных методологических установок. Эти две в принципе скромные задачи в эпоху господства постмодернистских установок методологического безразличия оказались принципиально значимы и не так просто решаемы. Тем более что выполнение этих «охранно-критических» функций обусловило необходимость развития диалектического метода в его полемике с постмодернистской методологией безразличия.

* * *

Четвертый аспект. Заметим, что постсоветская школа критического марксизма, ставя новые вопросы в области метода, прежде всего рассматривает проблему универсальности самого диалектического метода, выдвигая гипотезу *исторической ограниченности поля (пространства и времени) применения классической (гегелевско-марксовской) диалектики эпохой отчуждения*. Как таковой классический диалектический метод требует своего снятия для исследования процессов, лежащих в поле «царства свободы». И это вопрос не праздных рассуждений о далеком будущем, а актуальная проблема настоящего. «Закат» постмодернизма уже сейчас ставит вызов: или возврат к *постплюралистическому* господству государственных идеологий (фундаментализм и его alter ego в лице имперских идеологий защиты цивилизации от терроризма), или обновленная диалектика диалога, или *диа-логика* (логика диалога, или полифонирования), предвестниками которой стали работы Бахтина, Батищева, Библера и др. ученых прошлого века.

Главным аргументом в пользу возможности развития новой логики диалога («полифонирования» — Г. Батищев) является переход к исследованию принципиально новой реальности — креатосферы, мира со-творчества, где открытый диалог субъектов, и их субъект-субъектные отношения становятся главным полем общественных отношений и, следовательно, главным предметом социального исследования. Более того, здесь сами социальные отношения — деятельность становятся полем диалога равноправных субъектов, что требует поиска нового метода исследования этой реальности — ме-

тогда, снимающего традиционную диалектическую логику. В определенной мере это уже сегодняшняя реальность — «человеческая революция» и генезис «общества знаний», а также бурный рост различных форм социального творчества — от местного самоуправления до новых социальных движений¹ — оказывается полем различных видов сотворчества, и в этой мере становятся актуальны и названные выше интенции поиска нового метода. В той мере, в какой мы остаемся в мире отчуждения, «старая» диалектическая логика во всей ее современной актуальности остается важнейшим рабочим инструментом любого социального исследования.

*2. Гносеологические предпосылки
исследования перехода к «царству свободы»:
гуманистическая философия истории*

Естественно, что такой современный диалектический метод марксизма не может не акцентировать и ряда ранее относительно слабо развитых сторон марксистской философии истории. Прежде всего это понимание крайней ограниченности сталинской версии формационного подхода. «Пятичленка», однозначный акцент на том, что развитие производительных сил приводит к смене общественно-экономических формаций, а базис определяет надстройку, грубый классовый подход к анализу любых общественных событий и т.п. оказываются сугубо недостаточны для исследования современной социальной динамики. Впрочем, они никогда не были адекватны реальной диалектике истории...

Парадоксом, однако, является то, что большинство серьезных исследователей, которые вопреки внеисторической методологии позитивизма и постмодернизма все же берутся исследовать качественные изменения в экономической жизни, как правило, так или иначе, используют те или иные из этих упрощенных подходов. Наи-

¹ Подробнее о новых формах социального творчества см.: Альтерглобализм. Теория и практика «антиглобалистского» движения. П.р. Бузгалина А.В. М., 2003; Глобализация сопротивления. П.р. Амина С., Утара Ф. М., 2004 и др.

более часто — тезис об определяющем влиянии технологических изменений на экономику и институты¹.

Между тем, начиная с середины прошлого века, и в России, и за рубежом в *гуманистической философии истории* марксизм сделал ряд важных новых акцентов.

Начнем с того, что для нашего течения характерно *переосмысление ортодоксальных представлений о структуре общества* (производительные силы, определяющие производственные отношения, и базис, определяющий надстройку). Мы в полной мере унаследовали от творческого марксизма XX века признание активной роли национальных, политических, социокультурных факторов, в основе своей определяемых «базисом», но оказывающих в те или иные периоды времени решающее воздействие на общественное развитие. Это прежде всего периоды радикальных трансформаций, когда базисная детерминация ослаблена — старая система производственных отношений уже разрушена, а новая еще не сложилась. Постсоветская школа критического марксизма добавила к этому анализ причин и последствий возрастания роли этих факторов в период «заката» экономической общественной формации. Последнее, кстати, косвенно отражается в неслучайно возросшей ныне популярности «цивилизационного» подхода: выход на первый план небазисных различий и конфликтов типичен для периода перехода «по ту сторону» материального производства, происходящего, однако, в превращенных формах глобальной гегемонии капитала.

Именно этот процесс, как показано в наших исследованиях, создает видимость «столкновения цивилизаций». За ней, однако, скрывается иное содержание, а именно — противоречия субъектов и объектов гегемонии глобального капитала, где первые монополизировали высокие технологии, институты экономического (ТНК, МВФ, ВТО...) и политического (НАТО и т.п.) господства, информационно-образовательные и масс-культурные каналы манипулирования, обрекая вторых (прежде всего — беднейшие и относительно самостоятельные

¹ Это типично, в частности, для большинства исследователей генезиса постиндустриальной (информационной, знаниеинтенсивной и т.п.) экономики, начиная с Д. Белла, если не раньше...

страны второго и третьего миров — от Югославии до Ирака, Ирана и т.п., включая в будущем, возможно, Россию) на поиск альтернатив в единственно не монополизированных глобальным капиталом формах общественной жизни — в реакционно-добуржуазных формах религии и традиций. Поскольку же господство первых имеет видимость доминирования западной цивилизации, а обособление вторых — борьбы за сохранение «традиционных ценностей» восточной, постольку названные противоречия и получают видимостную окраску столкновения цивилизаций, за что и хватаются стремящиеся не различать содержание и формы исследователи-позитивисты.

Соответственно, наш подход предполагает критическое восставление классического положения о *диалектическом взаимодействии* производительных сил и производственных отношений. Производительные силы, развиваясь, требуют рождения новых производственных отношений, а развитие производительных сил в рамках одной и той же формации происходит вследствие противоречий господствующих производственных отношений. Это развитие предполагает в том числе и их существенные изменения, например, переход от простой кооперации и мануфактуры к индустрии, от формального к реальному подчинению труда, описанный еще в «Капитале».

Существенно при этом, что каждая исторически конкретная система производственных отношений (1) способствуют большему или меньшему (в этом, в частности, мера их прогрессивности) стимулированию прогресса производительности труда и (2) создает свои *особые формы прогресса производительных сил*. Так, например, капитализм стимулирует прежде всего рост вещного богатства и утилитарного потребления. Эта же исторически конкретная система производственных отношений (3) задает границы и пределы характерного для данного способа производства прогресса производительных сил. Но это все лишь подзабытый классический марксизм.

Ключевым же вопросом современного марксизма в этом поле становится проблема *форм, потенциала и границ прогресса постиндустриальных технологий в условиях глобального капитализма*. И здесь мы доказываем, что этот новый тип производительных сил (и глобальные проблемы, с ним связанные) исчерпывает потенциал прогресса в рамках не только капитализма, но и всей экономической общественной формации («царства необходимости», предыстории),

создавая возможность и необходимость перехода к новому типу общественного развития («царству свободы»).

Базируясь на обновленных представлениях о структуре социума, мы постарались развить известное ранее положение о принципиально более сложной, нежели сталинская «пятичленка», периодизации общественного развития. Здесь авторы предложили мультипространственную модель выделения и сравнения социально-экономических систем. Эта модель предполагает выделение сложной системы взаимосвязанных параметров, определяющих особенности генезиса, развития и «заката» этих систем, а также их трансформаций. Ключевыми из них являются определяющие сущность каждой из систем отношения работника и собственника средств производства. Это тезис университетской школы, восходящий к работам Маркса, выделявшего периоды личной и вещной зависимости (отношения внеэкономического принуждения или капиталистической, «экономической» эксплуатации, предполагающей овещнение человеческих отношений), а также свободной индивидуальности. Еще более важен для нас акцент на процессе перехода от эпохи господства материального производства и отчужденных экономических отношений («царства необходимости») к новому обществу, лежащему «по ту сторону» (К. Маркс) этих отношений («царству свободы»). Этот переход, внешние формы которого фиксируются теориями постиндустриального (информационного и т.п.) общества¹, является ключевым пунктом исследования всех современных процессов, так что мы можем сказать: *если классический марксизм вырос на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия капитализма, то постсоветская школа критического марксизма вырастает на базе исследования противоречий, пределов и объективно возможных путей снятия мира отчуждения в целом («царства необходимости»)*².

¹ Подробнее анализ этой связи см.: Бузгалин А.В. Постиндустриальное общество — тупиковая ветвь социального развития? // Вопросы философии. 2003. № 2.

² Следует отметить, что эта постановка проблемы содержится и в работах самого К. Маркса (особенно в его экономико-философских и экономических рукописях) и в работах ряда его последователей в XX веке.

Данный подход позволяет раскрыть характерное для «царства необходимости» *фундаментальное противоречие исторического процесса*. Одна сторона этой противоположности — господство в условиях «царства необходимости» системы отношений отчуждения, превращающих человека в марионетку объективных сил — разделения труда, личной зависимости, рынка, капитала и государства... Другая — творчество как родовое свойство человека. Именно творческая деятельность Общественного Человека в материальном производстве, культуре, общественной жизни изменяет этот мир по законам Истины, Добра и Красоты, обеспечивая технический, научный и культурный прогресс, осуществление социальных революций и реформ, позволяющих преодолеть рабство и крепостничество, колониализм и ужасы дикого капитализма, а в дальнейшем и саму капиталистическую систему...

Тем самым мы не только восстанавливаем и реаргументируем в полемике с постмодернизмом классический марксистский критерий прогресса — свободное всестороннее развитие личности, — но и показываем его актуальность. Этот критерий в современную эпоху становится не просто абстрактным социально-нравственным императивом, восходящим к Аристотелю и Канту, но и практически актуальным критерием экономико-социально-политических действий.

В самом деле, переход к обществу, основанному на превращении творческой деятельности в главный «фактор», «ресурс» (авторы нарочито используют здесь прагматично-экономическую терминологию) развития, аналогичный по своей роли земле в добуржуазных системах и машине в капиталистической, автоматически вызывает необходимость в приращении и разворачивании креативного потенциала человека как «сверхзадаче» общественного развития. Другое дело, что глобальная гегемония капитала загоняет эту тенденцию в узкий коридор «общества потребления» и «общества профессионалов», ведущий в конечном итоге в тупик глобальных проблем.

Реакцией на эту угрожающую человеку тупиковость глобальных проблем становится постмодернистское безразличие к проблеме прогресса, скрывающее не просто признание, но и пассивное подчинение нынешней глобальной протоимперии, на откуп которой отдается право на навязывание своих критериев «прогресса» («ци-

визированности») методами экономической, политической, идеологической и масс-культурной экспансии¹.

В отличие от постмодернистской апологии пассивности постсоветская школа критического марксизма, развивая классические положения марксистской философии истории, подчеркивает *активно-созидательную роль человека как творца общественных отношений*, способного на развертывание своих социально-творческих сил в период прогрессивных социальных реформ и революций (будь то война за независимость в США или хрущевская «оттепель» в СССР). Однако современный марксизм в отличие не только от догматических своих ответвлений но даже и от классики, на первый план выносит проблему *границ активизма созидательно-творческой деятельности человека и ответственности пассивно-недеятельностного конформиста*, способствующего застою и регрессу.

Опыт XX века, практические результаты научно-технического прогресса, равно как и стремлений социальных творцов осчастливить человечество, показали всю противоречивость такого «активизма». Но именно противоречивость, а не однозначную неприемлемость. Ныне очень принято указывать на жертвы технического и социального прогресса, и это вполне справедливо, но не будем забывать о второй стороне медали. И дело здесь не только в том, что без НТП мы не могли бы пользоваться массой ныне абсолютно необходимых благ, радикально сократив детскую смертность и увеличив в полто-

¹ Отдавая дань политико-экономической специализации авторов, заметим, что, например, методология неоклассической экономической теории, восходя к философии позитивизма (а уж тем более постмодернизм) вообще отрицает прогресс, а реальная экономическая политика, основанная на неоклассических постулатах, в качестве критерия прогресса рассматривает меру приближения экономических систем к идеалу свободно-конкурентного рынка. Особенно явно это проявляется в неоклассических трактовках трансформаций в России, где «переход к рынку» есть самоцель, которая, как показала практика, оправдывает любые средства (в том числе грандиозный регресс «человеческих качеств») без всяких дальнейших оговорок в точном соответствии с буквой и духом Макиавелли–Сталина.

ра раза продолжительность жизни. И даже не только в том, что именно благодаря социально-творческим интенциям профсоюзных активистов, экологов и деятелей левых партий хотя бы часть человечества сегодня знает, что такое 8-часовой рабочий день, бесплатное среднее образование и минимальная социальная защищенность. Дело прежде всего в том, что при ослаблении активности позитивного (а объективно-обусловленный критерий прогресса уже был показан) социально-творческого начала силы отчуждения вызывают еще большие жертвы и преступления. Искусственно заторможенные реформы и революции оборачиваются кровью жертв реакции, а культурно-творческие потери периодов «застоя» с их немзыкальной (А. Блок) жизнью сотен миллионов вообще трудно измерить.

Еще более важно помнить о том, что в социальной жизни всегда присутствует «активизм» не только слишком увлекающихся «прогрессоров», но и сил реакции. Еще двадцать лет назад эти слова выглядели бы как пропагандистское клише, но в начале нынешнего века, с его неокOLONиализмом и асимметричными войнами активизм сил реакции становится вполне конкретным понятием, за которым стоит экономико-политическая и идеолого-культурная гегемония глобального капитала и его alter ego — фундаментализм и терроризм.

Открыто выступающие ныне идеологи протоимперии почти всегда исповедуют методологию социального «безразличия» (ко всему, кроме собственных доходов и безопасности), но на практике не забывают навязывать всему миру свои однозначные представления о «добре» и «зле». Впрочем, это ситуация, типичная не только для последних лет: вспомним хотя бы Первую и Вторую мировые войны.

Вот почему перед постсоветским марксизмом встает философская проблема границ социально-творческого активизма, которая на предельно абстрактном уровне решается так, что социально-творческое воздействие общественного субъекта на историю возможно и необходимо в той мере, в какой оно содействует снятию отчуждения и прогрессу человека. Определение же этой меры — задача всякий раз конкретная и решается она мучительно реальными общественно-культурными силами, для которых стратегия невмешательства всегда оказывается злом потакания реакции, будь то мракобесие инквизиции, сталинский террор или отупляющая пропаган-

да стандартов общества потребления с его масс-культурой и философским безразличием к человеку.

Такой подход непосредственно корреспондирует с акцентом современного марксизма на *нелинейности общественного развития*, возможности и типичности не только прогрессивно-поступательных реформ и революций, способствующих развитию человеческих качеств и росту производительности труда, но и реверсивных общественных процессов — контрреволюций и контрреформ. Такое *пятнающее, реверсивное течение исторического времени* становится особенно характерно тогда, когда прогрессивный активизм заходит слишком далеко (относительно объективных и субъективных предпосылок) в своих попытках продвижения к новому обществу, и обратное колебание маятника исторического процесса вызывает мощные регрессивные изменения. Последнее, в частности, характерно для постсоветских трансформаций.

Более того, как мы уже отметили выше, современный марксизм, особенно отечественный, показал, что *в развитии общественных систем наиболее продолжительными и значимыми, а вместе с тем и наиболее сложными для исследования, являются не столько зрелые, развитые состояния, сколько длительные периоды возникновения и отмирания исторически-конкретных систем, связанные с образованием широкого круга переходных отношений, противоречиями революционных и контрреволюционных, реформаторских и контрреформаторских процессов*. При этом данные переходы подчиняются некоторым специфическим закономерностям (нелинейное течение социального времени, мозаичность, расколотость социального пространства, более высокая, чем в стабильных системах, роль неэкономических детерминант перехода, господство неформальных институтов и мн. др.).

Особенности таких трансформационных процессов наиболее подробно нами раскрываются на примере социально-экономических изменений в постсоветском пространстве¹. Здесь как раз марксистская методология оказалась наиболее востребована в силу объективных

¹ См. также: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория социально-экономических трансформаций. М., 2003.

особенностей трансформационных экономик¹ и именно здесь отечественным постсоветским критическим марксизмом достигнуто наибольшее продвижение. Не случайно и то, что наиболее интересные результаты в развитии социально-экономической теории оказались связаны с исследованиями именно позднего капитализма, его специфических черт и противоречий на стадии развития постиндустриальных тенденций и глобализации, где, как мы постарались показать, происходит самоотрицание собственных основ рынка и капитала. Причем это самоотрицание, как и в эпоху империализма XX века, происходит в рамках прежней системы и служит ее укреплению.

*3. Переход «по ту сторону»
собственно материального производства:
трактовка постиндустриальных тенденций
как предпосылок генезиса царства свободы*

Итак, содержанием современной эпохи глобальных трансформаций, на наш взгляд, является длительный период нелинейного прехождения («заката») экономической общественной формации — целой эпохи общественного развития, основанной на господстве материального производства и отчужденных социально-

¹ Не случайно даже ортодоксальные либералы, исследуя фундаментальные вопросы трансформаций, оказались вынуждены обращаться к некоторым аспектам марксистской методологии — проблемам исторических и логических границ экономических систем, диалектике производительных сил и производственных отношений, исследованию отношений собственности и т.п. Так, содержащая ряд вполне разумных аргументов теза неолибералов о том, что реальный социализм погиб, т.к. не смог справиться с новой волной технологических изменений, в точности (и даже несколько вульгарно) воспроизводит ортодоксальный марксистский тезис о том, что старая система производственных отношений сменяется качественно новой тогда, когда она становится тормозом развития переросших ее производительных сил.

экономических отношений¹. Этот переход предполагает (1) прогресс творческой деятельности и постиндустриальных технологий, создающий (2) предпосылки для рождения новых общественных отношений, при этом (3) содержательно совпадающий с прогрессом глобального капитала за счет самоотрицания (подрыва) своих собственных основ и развития переходных форм, что неизбежно порождает (4) противоречия, ведущие к возникновению различных попыток построения посткапиталистических систем («реальный социализм» и др.), которые, в свою очередь, входят в состояние кризиса и вызывают (5) реверсивные тенденции в социально-экономическом развитии (в первую очередь — «мутантный капитализм» на постсоветском пространстве).

ЕСЛИ ТЕОРИЯ НЕ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ПРАКТИКОЙ,
ТО ТЕМ ХУЖЕ ДЛЯ ПРАКТИКИ

Прежде чем пояснить вынесенный в заглавие подраздела известный парадокс, заметим следующее: критика теорий постиндустриального общества, как правило, идет по двум линиям.

Первая: масштабы распространения и, главное, роль процессов развития нового качества социума сильно преувеличены. Бум информационных технологий, резкое возрастание роли элиты про-

¹ Не можем отказать себе в этой связи в удовольствии упомянуть некоторые выводы В.М. Межуева, развивающего идеи будущего мира как мира свободного времени, где и культура, и человек освобождаются от границ своего вещественного существования. При этом, правда, В.М. Межуев делает вывод, что рабочее время в принципе не может изменить своей природы, и потому все проблемы перехода к новому миру лежат «по ту сторону» экономики и политики. В принципе, акцентируя тот же вывод — мир будущего как «царство свободы» лежит по ту сторону экономики и политики, — мы не согласны с тем, что экономическая и политическая системы современного мира отчуждения не должны быть изменены для того, чтобы движение к «царству свободы» стало реальным. Сходную дискуссию с В.М. Межуевым ведет и Б.Ф. Славин (См.: Межуев В., Славин Б. Диалоги о социализме. М., 2000).

фессионалов в жизни общества и т.п. характерны лишь для «золотого миллиарда», но даже там радикальных, качественных изменений в природе рыночной буржуазной экономики, гражданского общества и homo economicus не происходит, и потому основные постулаты прежней экономической, социальной, политической и т.д. теорий остаются актуальными.

Как следствие развивается вторая линия критики: пережив в период перестройки (особенно это было характерно для теоретиков-горбачевцев) краткосрочную эйфорию по поводу новых импульсов для «социализма будущего» в связи с постиндустриальными тенденциями, критики нынешней системы слева довольно быстро впали в пессимизм, убедившись, что на практике рост информационных технологий ведет к прямо противоположным процессам: упрочению транснациональных корпораций и рынка — в экономике, правых — в политике и идеологии.

Этот вялый пессимизм дополнил господствующую смену настроений, когда фукуямовский тезис о «конце истории» и всеобщей победе либерализма был вытеснен хантингтоновским пророчеством предстоящих «столкновений цивилизаций». Так укрепился постмодернистский взгляд на рассматриваемые нами процессы: практика показывает, что прогресс информационного общества (общества профессионалов) есть реальность; она может дать и дает определенные преимущества одним «экторам» и приносит проблемы другим; она описывается принципиально разнообразно в рамках разных парадигм, а «метатеоретическое» определение этих процессов невозможно, да и не нужно, что выглядит очевидным для всякого, кто принимает методологию постмодернизма¹. При этом, что характер-

¹ В России этот подход к исследованию постиндустриальных тенденций характерен прежде всего для В.Л. Иноземцева — автора серии книг и статей по данной проблематике (См.: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М., 1998; Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М., 1999 и др.). Начав с ряда гипотез, вырастающих из марксистского тезиса о будущем обществе, как системе, лежащей по ту сторону товарного производства и эксплуатации, ныне этот автор все больше склоняется к западному социологическому mainstream'у.

но, критика практики постиндустриального развития стран первого мира во всех этих случаях отсутствует — она воспринимается почти всегда как единственно возможная.

В отличие от этих подходов авторы предлагают *подвергнуть критике не только теорию, но и практику протекания постиндустриальных процессов.*

Напомним (всякое новое есть хорошо забытое старое), что теоретическая критика практики была и остается неотъемлемой частью и мощным предвестником грядущих изменений социальной жизни: качественные изменения социумов не происходили в истории последних столетий — от Ренессанса и Просвещения до перестройки — без предшествующего теоретико-культурного ниспровержения основ их существования как экономически, социально, политически, нравственно регрессивных. Именно так расценивали феодальный абсолютизм — Просвещение, монархию Романовых — российская интеллигенция, «реальный социализм» — диссидентство. (При этом, однако, полезно не забывать, что не всякая теоретико-культурная критика действительности приводила к позитивному изменению последней: благими намерениями может быть устлана и дорога в ад¹).

Выдвигая гипотезу — *мир (и в особенности — «первый») прогрессирующими темпами уходит с «магистральной дороги социального прогресса» и переходит на тупиковую ветку,* — авторы поневоле присоединяются (пока, или, точнее, вновь) к сонму романтиков. Как таковые, мы (опять же пока) можем лишь напомнить сформулированный их великими предшественниками — от К. Маркса до Ж.-П. Сартра и Э. Фромма — критерий онтого прогресса — *это мера свободного всестороннего развития человека в ассоциированной творческой деятельности в диалоге с природой* — на этой основе мы можем кратко сформулировать суть своей гипотезы.

¹ Кстати, даже естественным наукам хорошо известны примеры плодотворности критики практики с позиций теории. Так, Периодическая система элементов Менделеева противоречила одно время «практике»: ряд элементов «не вписывался» в таблицу вследствие «неподходящих» атомных весов. Однако вскоре выяснилось, что ошибка не в теории, а в «практике»: атомные веса элементов первоначально были определены неправильно.

Постиндустриальные технологии, доминирование творческой деятельности, новых «ресурсов» мотивов и ценностей — все это проявления «заката» эпохи доминирования материального производства, общественной экономической формации.

Этот процесс уже начался в мире, хотя и идет крайне неравномерно. Более того, он ознаменовался новым этапом в развитии буржуазной общественной системы, который мы назвали бы *глобальной гегемонией корпоративного капитала*.

В результате развертывания процессов «заката» экономической общественной формации и капитализма происходит специфическая деформация процесса развития производительных сил вообще и постиндустриальных технологий в частности. Так, наиболее современные, определяющие лицо экономики сегодняшнего и завтрашнего дня *know how*, *информационные продукты* *сейчас* главным образом производятся, потребляются, распространяются в **«превратном (фиктивном) секторе»** — секторе воспроизводства превращенных форм человеческой жизнедеятельности. Это такие сферы, как финансовые спекуляции, масс-культура, паразитическое перепотребление, ВПК и т.п. В них не создаются ни материальные блага, необходимые для производства, ни культурные ценности, необходимые для развития человеческих качеств¹. Это сфера, где одни превращенные социально-экономические формы используются для производства, тиражирования *etc.* других таких же превращенных форм в той мере (*NB!* Это очень важная оговорка), в какой эта сфера не является управляющей подсистемой экономики. Иначе этот сектор можно определить как **социально-экономическое пространство, где создается и воспроизводится в расширенном масштабе со-**

¹ Позволим себе две оговорки. Необходимо принять во внимание, что, во-первых, во всех этих сферах создаются продукты и услуги абсолютно необходимые для воспроизводства отношений отчуждения, а значит, и для жизнедеятельности современного общества — общества, основанного на отчуждении (но это блага, которые абсолютно не нужны миру, лежащему «по ту сторону» отчуждения); во-вторых, в этих сферах как *побочный продукт их деятельности* (трактор на танковом заводе) создаются и общественно-полезные блага.

вокупность фиктивных стоимостных агрегатов (превращенных форм).

Анализ «заката» капитала позволяет дать его более точные характеристики. С социально-экономической точки зрения превратный сектор есть сфера создания, потребления и превращений (транзакций) продуктов глобального виртуального капитала. В целом превратный сектор может быть определен как паразитическая составляющая «вторичных» производственных отношений (в отличие от «управляющей подсистемы» хозяйства). Говоря образно, он может быть сравнен со своего рода гигантским «пылесосом», всасывающим наиболее ценные интеллектуальные, финансовые и т.п. ресурсы общества и запирающим их в пыльном мешке, где человек-творец превращается в «человека в футляре». В то же время именно превратный сектор становится сферой, в которой тотальная гегемония капитала воспроизводится в наиболее адекватных для нее формах, и потому он служит укреплению и консервации этой гегемонии.

СМЕНА ДОМИНАНТЫ: ОТ МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ
И УТИЛИТАРНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ
К КУЛЬТУРНЫМ ЦЕННОСТЯМ.

Индустриальное материальное производство предполагает использование ограниченных массивов материальных ресурсов с целью удовлетворения неограниченных утилитарных потребностей; в то же время очевидно, что ныне происходит существенное изменение этих параметров материального производства.

Каким же может быть снятие этих качеств? При этом авторы будут исходить не только из формальной логики отрицания данного системного качества, но и из анализа тех действительных процессов, которые развиваются на протяжении всей предыстории человечества, но особенно интенсивными стали во второй половине XX — начале XXI века.

Начнем анализ с рассмотрения нового качества «ресурсов» (этот термин не случайно взят в кавычки: культурная ценность, используемая в процессе сотворчества, лишь формально может отождествляться с «ресурсом»).

Первая черта. На смену ограниченным ресурсам приходит новый тип — «ресурсы», которые теряют свое качество ограниченности и

становятся всеобщими. Такими своего рода «ресурсами» являются *всеобщие культурные ценности*. Они не ограничены, не уничтожимы, они могут быть «потребляемы» (точнее — *распредмечиваемы*) сколь угодно широким кругом лиц и на протяжении сколь угодно продолжительного периода времени. Если «ресурс» является объектом для *распредмечивания*, то в процессе последнего он всякий раз как бы «оживляется», превращаясь из потенциальной в актуальную культурную ценность. Более того, их *ценность определяется именно тем, сколь широко и сколь долго они служат одним из «партнеров», субъектов для диалога, для сотворчества, для распредмечивания.*

С другой стороны, эти всеобщие «ресурсы» ограничены, но иначе, нежели в мире материального производства. Они ограничены с точки зрения экологических и гуманитарных параметров: *природа как биосфера и человек как творческий субъект*, в том числе его потенциал *распредмечивания*, т.е. способность воспринимать и использовать в сотворчестве ценности искусства, науки, общения, *актуально ограничены, хотя и открыты в бесконечность* (в пределе человек и биосфера открыты для бесконечного самосовершенствования). Так, например, человек способен за данный ограниченный период времени использовать для со-творчества (научной деятельности) лишь ограниченный круг знаний. Но он способен формально присвоить (купить, завоевать) неограниченное количество «обычных» материальных благ в обществе потребления. В первом случае в «царстве свободы» главная трудность состоит в том, чтобы «потребить» ресурс. В старом мире — в том, чтобы его получить.

Вторая черта: на смену ресурсам, которые являются воспроизводимыми и массовидными, приходят «ресурсы», являющиеся *уникальными* по своей природе. И речь в данном случае идет не только о развитии и все большем распространении потребления уникальных предметов в рамках современного мира. Речь идет прежде всего о другом — о том, что всякая культурная ценность уникальна и не воспроизводима (лишь тиражируема). Нельзя многократно производить Шестую симфонию Чайковского — она единственна. Нельзя заново создавать «Гамлета» или «Сон в летнюю ночь» Шекспира — это неповторимые произведения. Можно тиражировать лишь материальные носители этих культурных феноменов, а сами по себе они уникальны с момента своего рождения и навсегда. В этом смысле

опять-таки данное качество «ресурса» мира культуры является отрицанием предшествующего качества ресурсов в системе материального производства.

Наконец, *третья черта: «ресурсы» мира культуры не потребляемы, они подлежат лишь распредмечиванию*. Они выступают лишь как феномены, с которыми можно вступать в творческий диалог. В некотором смысле, конечно, они могут быть «потреблены» за счет физического уничтожения их материального носителя, но в этом случае мы будем иметь не что иное, как акт вандализма или просто глупости¹.

Итак, по основным качествам «ресурсы», лежащие по ту сторону собственно материального производства, отрицают основные характеристики ресурсов и потребностей мира материального производства.

Соответственно, и потребности в условиях нового мира становятся иными: они *качественно безграничны, не утилитарны, но при этом они ограничены количественно*. В этом их отличие от утилитарных потребностей, которые количественно всегда безграничны (всегда хочется больше предметов потребления или всегда нужно побольше ресурсов для производства большего вещного богатства). Культурные ценности порождают иной мир потребностей, которые безграничны качественно, в том смысле, что человек никогда не ограничен данным кругом культурных феноменов. Он всегда стремится к новому, и эта новизна — не искусственная, а действительная творческая новизна — является главным импульсом и главной ценностью. В то же время эти потребности сугубо ограничены количественно. И не потому, что здесь присутствуют некоторые внешние ограничения, связанные с господством той или иной экономической или институциональной формы. Например, в мире развитого материального производства, имеющего форму рынка, вам всегда не хватает денег для того, чтобы купить достаточно потребительских благ, а в «экономике дефицита» у вас не было возможности достать

¹ Подобным образом «потребляли» произведения искусства пресытившиеся вещным потреблением, но не способные к творческому диалогу мещане в «Хищных вещах века» А. и Б. Стругацких.

необходимые блага, даже если у вас и были деньги. В мире культуры *суть ограничения* в ином: своего рода «потребление», а на самом деле распредмечивание культурных ценностей предполагает сложную творческую деятельность, требующую времени, усилий, энергии от того, кто хочет эту ценность «потребить». Здесь само «потребление» превращается в проблему.

СМЕНА ДОМИНАНТЫ: ОТ РЕПРОДУКТИВНОГО
К ТВОРЧЕСКОМУ СОДЕРЖАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Характеристика репродуктивной деятельности как господствующей в условиях материального производства, позволяет (по принципу диалектического отрицания) предположить, что творчество, как сущностная характеристика мира, лежащего по ту сторону материального производства, должно обладать параметрами, снимающими ее основные черты. Следовательно, мы можем предположить, что *творчество — это деятельность, развивающая ее агентов и созидаящая культурные ценности в процессе диалога (субъект-субъектного отношения) между индивидами*¹.

Сотворчество (диалог) может быть как непосредственным, *актуальным*, когда индивиды кооперируются друг с другом в процессе совместного научного, педагогического, художественного, социального etc. новаторства, так и *опосредованным*. В последнем случае взаимодействие может быть опосредовано книгой, оборудованием, компьютером и системой информационных сетей: важна не специфика технологии, которая опосредует этот диалог, а то, что этот диалог построен именно как сотворчество, то, что здесь происходит распредмечивание и опредмечивание культурных ценностей, а не материальное производство и утилитарное потребление. Это может быть взаимодействие автора книги и ее читателя, ученого, создавшего научную гипотезу, и его ученика, который изменяет, критикует, развивает идеи своего учителя.

Результатом творческой деятельности является не только культурная ценность (и, может быть, даже в первую очередь не культурная ценность), но и саморазвитие человека в процессе творческой

¹ Это определение восходит к упомянутым выше работам Г. Батищева, В. Библера и др.

деятельности. Здесь изменяется само содержание труда. Последний превращается в деятельность по созиданию (и саморазвитию) человека. Продукт творческой деятельности — книга, научная теория или что-то еще — является своего рода «побочным» результатом, ибо человек, осуществляющий творческую деятельность, преследует прежде всего один (причем в некотором смысле эгоистический) интерес — *интерес самореализации, интерес творчества*¹.

Соответственно, атрибутом творческой деятельности становится ее *внутренняя мотивация*. Ценность, мотив, интерес, который движет таким человеком, — это труд как таковой плюс свободное время, которое на самом деле соединяется с временем труда. Если для «царства экономической необходимости» рабочее время определялось как время труда, подчиненного внешней необходимости, причем это рабочее время, как правило, распадалось на необходимое — связанное с воспроизводством работника — и прибавочное, в течение которого создавались блага, необходимые для воспроизводства общественных условий жизни, включая потребление господствующего класса.

Переход к творческой деятельности существенно изменяет содержание рабочего и свободного времени. В новых условиях *свободное время, будучи, как и прежде, периодом, когда человек не занят репродуктивным трудом, становится временем, в течение которого человек может развиваться как свободная творческая личность, как личность, обладающая потенциалом творческой деятельности*². Соответ-

¹ Этот тезис давно известен в социофилософской литературе. Нам наиболее известна марксистская традиция, идущая от самого К. Маркса через Лукача, Сартра и т.п. ученым 70 — 80-х годов, для которых тезис о самореализации и свободном развитии человека в творческой свободной деятельности, выступающей как самоцель стал банальностью. Кроме того, эта идея довольно полно представлена в работах Э.Фромма и его единомышленников.

² В этом качественное отличие свободного времени от времени «досуга». Последнее — это нерабочее время, подчиненное власти... производства и ставшее частью экспансии рынка и капитала, что было хорошо показано в работах западных марксистов еще в середине XX века.

ственно, рабочим в «царстве свободы» становится время, которое необходимо затратить на репродуктивную деятельность. Напомним: она всегда будет иметь место, хотя и сокращается. Сказанное позволяет сделать в принципе известный уже К. Марксу, но «забытый» многими нынешними учеными вывод: *мера продвижения к «царству свободы» может определяться соотношением свободного времени и рабочего времени, которым располагает данное общество.*

Далее, если в качестве «ресурсов» творческой деятельности выступают культурные ценности, а средством их использования становятся так называемые субъект-субъектные отношения, диалог, процессы опредмечивания и распредмечивания, то достаточно понятно, что ключевым «ресурсом» для такой деятельности становится культурный человек, «человек-креатор». Соответственно, *формирование человека, обладающего творческим, культурным потенциалом, новаторскими способностями, становится, с одной стороны, главной задачей, а с другой — главным средством прогресса мира, основанного на творческой деятельности.* Отсюда — задача свободного всестороннего развития личности, сформулированная Марксом 150 лет назад как сверхзадача для общества, снимающего противоречия капитализма, противоречия всей предыстории.

Здесь уместна своего рода аналогия между «производством» творческой личности как главным «средством» прогресса постиндустриального общества и производством средств производства как главным средством развития индустриального общества. В последнем, напомним, именно увеличение индустриального потенциала, постоянного капитала является главным технико-производственным орудием роста общественного богатства. В «царстве свободы» *формирование «человека культурного» является своего рода аналогом производства средств производства в «царстве экономической необходимости».* Тем самым образование и воспитание становятся своего рода «первым подразделением» общественной деятельности в рамках мира культуры. Соответственно, *деятельность по созиданию культурных ценностей как таковых, — будь то деятельность ученого, художника, социального новатора и так далее — становится своего рода аналогом «второго подразделения», созданием непосредственных предметов, которые не потребляются, а распредмечиваются в культурном диалоге.*

Спецификой творческой деятельности, однако, является не столько разделенность, сколько синкретичная сращенность, слитность этих двух «подразделений», ибо, как уже говорилось, *творчество есть деятельность, в которой одновременно развивается ее субъект и создается культурная ценность.*

Адекватной творческой деятельности является система общественных отношений, при которых эта деятельность не может быть отчуждена, подчинена внешним по отношению к ней целям и условиям. По своей сути творческая деятельность не отчуждаема и не может осуществляться в рамках общественного разделения труда, ибо предполагает гармоничное саморазвитие творца в процессе создания культурных ценностей путем сотворчества.

*«Капитал XXI века»:
глобальная гегемония капитала
и новые предпосылки нового социализма.*

Было бы, однако, неправомерным считать, что нынешнее глобальное сообщество уже стало постэкономическим. Тенденции рождения нового социального качества лишь пробивают себе дорогу, и скорее всего в XXI столетии мы будем находиться в основном в переходном периоде — периоде нелинейного генезиса «царства свободы», лежащего «по ту сторону» собственно материального производства и капитала. Однако в ближайшем будущем человечество будет по-прежнему оставаться в рамках капиталистической системы, но уже прошедшей через ряд этапов своего самоотрицания, находящейся в процессе длительного и противоречивого «заката», ознаменовавшегося ныне глобальной гегемонией корпоративного капитала.

При этом мы хотели бы подчеркнуть неслучайное совпадение во времени и в пространстве двух процессов: самоотрицания капитала и «заката» царства экономической необходимости как целого. Самоотрицание капитализма и «царства необходимости» есть не просто совпадающие, но **единые** процессы, ибо капитал есть важная и наиболее совершенная (а значит, и наиболее мощная) на данный момент форма мира отчуждения.

ТОТАЛЬНЫЙ КОРПОРАТИВНО-СЕТЕВОЙ РЫНОК
(«РЫНОК ПАУТИН»)

Пройдя по спирали виток «отрицания отрицания» своей эволюции (товарное производство как генезис капитала — развитый промышленный капитализм — империализм и последующие стадии «заката»), капитал в конце XX — начале XXI века начал процесс восстановления подорванной социал-реформистским периодом *всеобщей власти рынка как господствующей формы координации экономической деятельности и аллокации ресурсов*. Но это восстановление происходит на новой основе — на основе информационных технологий, достижений предшествующей эволюции капитала, кризиса «социализма», глобализации... Потому оно имеет новое содержание. Следовательно, современная эпоха — это «восстановление» всевластия не просто капиталистического рынка, а некоторого нового вида последнего.

Корпоративный капитал эпохи глобализации существенно видоизменяет все основные черты товарных отношений, генерируя процесс становления *тотального рынка*. Тотальный рынок на эмпирическом уровне оказался достаточно хорошо замечен именно в конце XX века, когда неолиберальная практика и идеология дошли в своей экспансии до рубежа так называемого *рыночного фундаментализма*, который посчитал основной угрозой «открытому обществу» даже такой адепт господства капитала, как Дж. Сорос, выпустивший после серии финансовых потрясений конца 90-х книгу с неосталинистским названием «Кризис глобального капитализма». Существеннейшая черта этого нового качества рынка — завершение начавшегося с эпохой монополистического капитала перехода к *рынку, где господствует не покупатель, а тот, кто навязывает ему определенную систему потребностей*, а именно — корпоративный капитал. Именно он сознательно манипулирует остальными агентами рынка, будь то домохозяйства или мелкие производители. Все они превращаются в клиентов корпораций, еще точнее — корпоративного капитала.

Самое главное изменение в природе общественного разделения труда, характерное для современного тотального рынка, связано с развитием *глобального обобществления и информационных технологий*. На место подвижной и гибкой атомарной структуры (от-

дельные производители и их связи) приходит вязкая и аморфная структура, образующаяся как взаимоналожение различных *сетей-паути*н. Так возникает своего рода **тотальный рынок сетей**, где место отдельных единиц занимают аморфные, врастающие друг в друга *сети*, причем действующие в большинстве случаев либо вне материального производства, либо в пограничных областях. Это различного рода масс-медийные, информационные, энергетические, транспортные, финансовые и т.п. системы. Но наиболее близким по своей технологической природе для корпоративно-сетевого рынка становится так называемое *сетевое предприятие*, где единая система информации и стандартов соединяет в единую цепочку производства «точно вовремя» и для конкретного потребителя тысячи звеньев¹.

Они принципиально отличны по своим признакам от обычных индустриальных звеньев общественного разделения труда, ибо (1) связаны с генезисом постиндустриальных технологий; (2) подвижны, аморфны, слабо привязаны к определенному «месту» (в отраслевом, территориальном и т.п. плане); (3) потенциально, а в ряде случаев — интернет и т.п. — реально, всемирны и разомкнуты; (4) неопределенно велики и постоянно изменяют свои масштабы (растут, пульсируют)... Перечень легко продолжить.

Если использовать образы, то этот рынок можно сравнить с совокупностью мощных паути*н* или *полей притяжения*, центрами формирования которых (генераторами поля, «пауками») являются крупнейшие корпоративные капиталы, *агенты глобализации* (подробнее о них — в конце этого текста), прежде всего — ТНК. Так складывается **тотальный корпоративно-сетевой рынок — рынок паути*н***.

Социально-экономическая природа «поля зависимости», генерируемого крупнейшими корпоративными капиталами, состоит в мультипликации эффекта «неполной плановости» (рождаемой всяким капиталом-монополией и известной с конца XIX — начала

¹ Пожалуй, наиболее полно и точно (из числа источников, известных автору) природа сетевого общества раскрыта в работах Мануэля Кастельса (Castels M. The Rise of the Network Society. Oxford: 1996).

●

XX века¹) на основе (1) развития обобществления производства до образования новой, «сетевой» системы разделения и интеграции труда в глобальных масштабах; (2) снятия достижений социал-реформизма и превращения корпоративных сетей в квази-государства, распространяющие контроль и регулирование («неполная плановость») не только на параметры рынка (цены, объемы закупок/реализации и т.п.), но и на социально-институциональные параметры экономической жизни (то, что мы назвали бы «правилами игры»); (3) включения методов неэкономического воздействия — от современных методов социально-психологического давления при помощи mass media и т.п. с целью создания такой общественной атмосферы, где «поле» их власти распространяется максимально легко и эффективно (формирование установок социально-пассивного поведения потребителя, клиента, «профессионала», например), до старых методов прямого насилия по отношению к «непослушным» объектам (вплоть до «асфальтирования» целых государств)².

Более того, можно сделать вывод, что *в той мере, в какой развит тотальный корпоративно-сетевой рынок, в этой мере крупнейшие капиталистические корпорации-сети как бы «выпадают» из-под общественных ограничений, уходят от контроля государства, профсоюзов и других институтов гражданского общества; нарушают «правила игры», разрушая достижения социал-реформистского периода.*

В то же время здесь обнаруживается внутреннее противоречие тотального рынка. С одной стороны, он формируется как взаимона-

¹ Теория «неполной плановости» была развита рядом ученых МГУ (Н.А. Цаголов, В.Н. Черковец, В.В. Куликов, А.А. Пороховский и др.), а также С.Е. Янченко, опираясь на работы по империализму В.И. Ленина. Авторская позиция по этому вопросу изложена в книге: Бузгалин А., Колганов А., Шухтин В. «Становление плановой организации общественного производства» (Томск. 1985. Ч. 1).

² Как отмечает Т.Фридман, «Тайная рука рынка никогда не работает без тайного кулака. Макдональдс не может расцветать без МакДоннел-Дуглас, производителя F-15. И тайный кулак, который поддерживает безопасность технологий Силиконовой долины, называется армия, флот, ВВС США». (New York Times Magazine, 1999, March 28).

копление «полей зависимости», регулирующих воздействий корпоративных структур. С другой — борьба и взаимодействие корпоративных структур в целом является стихийным и неподконтрольным никому (ни корпорациям, ни государствам) процессом¹. Его параметры, как будет показано ниже, определяются прежде всего стихийно формирующимся финансовым рынком и глобальными процессами.

Все это воссоздает видимость восстановления свободного равноправного рынка. Эта видимость скрывает иную суть тотального рынка — контрактно-блатного (термины введены в США) по форме, корпоративно-сетевого по содержанию. Это система, где победителям достается все (*winner-takes-all market*).

Естественно, что в эпоху «заката» «царства экономической необходимости» и обострения вызываемых этим процессом глобальных проблем неомаркетизация не может не приводить к фундаментальным противоречиям. Важнейшее из них воспроизводит на новом этапе антагонизм эпохи империализма: необходимость сознательно, исходящего из интересов социума в целом (а это значит и Природы, и Человека как родового существа) решения существенно углубившегося (по сравнению с началом века) комплекса глобальных проблем, с одной стороны; способности этой системы в целом в лучшем случае на время законсервировать проблемы, в долговременном плане лишь усугубляя их, — с другой.

ВИРТУАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ

Опираясь на марксистскую методологию исследования капитала, можно сделать вывод: в целом в современных условиях функционирование денег в узком смысле слова качественно и количественно определяется глобальным **виртуальным капиталом**. Это новая ипостась финансового капитала, которую последний обретает в результате диалектического соединения своих прежних качеств (фиктивного и финансового капитала, где второе во многом снима-

¹ Характерно, например, что З. Бжезинский одну из своих работ завершает постановкой двух ключевых на его взгляд проблем современного мира: глобального беспорядка и иллюзий контроля (См.: Brzezinsky Z. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. N.Y. 1993. P. 201).

ет первое), описанных еще К. Марксом, Р. Гильфердингом, В. Лениным и др., и новых качеств, порожденных развертыванием: (1) информационных технологий (качество виртуальности); (2) корпоративно-сетевого рынка и (3) процессов сращивания транснациональных финансовых и иных корпораций, национальных государств и международных финансовых институтов; этот капитал в отличие от «обычного» фиктивного капитала XIX века уже (4) «в себе» содержит процесс сращивания с производственным монополистическим капиталом; но в отличие от «обычного» финансового капитала, пройдя спираль «отрицания отрицания», он (5) вновь оторвался от жизнедеятельности реального капитала и образовал особое пространство своей виртуальной жизни (отчасти оно может быть соотнесено с мировым финансовым рынком); к тому же, пройдя стадию социально-государственного контроля середины XX века, он (6) преодолел эту власть, вырвавшись на простор глобальных финансовых спекуляций.

Тем самым мерой ценности и главным средством жизнедеятельности корпоративно-сетевого рынка становится виртуальный капитал (финансовый капитал особого рода), скрывающийся за формой виртуальных денег. С определенной долей условности эта научная абстракция может быть соотнесена, но не отождествлена с агрегатом М4, «живущим» преимущественно в информационных компьютерных системах. Деньги становятся виртуальными и по своей технологической природе, и по социальной форме.

В первом случае — это продукт развития информационных технологий, создающих (1) вид виртуальной реальности, заменяющей золото (металл) и (2) возможность неограниченного перемещения и преобразования форм в информационных сетях.

Во втором случае деньги виртуальны как продукт тотального корпоративно-сетевого рынка. Он находит в них адекватные меры ценности товаров — тоже все более виртуальных — и средство своего функционирования. Деньги виртуальны и как продукт корпоративного финансового капитала, «живущего» в информационных сетях. Виртуальность денег в данном случае означает их *вероятностное*, неустойчивое, случайное бытие. Деньги из «абсолютного» всеобщего эквивалента (продукта всеобщего труда), сращенного с устойчивой натуральной формой (золота или серебра), превращаются в аморфную совокупность продуктов жизнедеятельности виртуаль-

ного капитала, причем совокупность качественно разнородную. Иными словами *деньги* лишь *вероятностно (виртуально) выполняют роль и меры стоимости, и средства обмена, и уж тем более средства накопления*. Каждый из особых видов этих виртуальных денег с той или иной вероятностью выполнит завтра или послезавтра ту или иную из своих функций, что касается и национальных валют (они же существуют почти *исключительно* в виде электронных записей на одном из счетов одного из банков), и облигаций, и любых других слагаемых агрегатов М3 и М4.

Соединение названного носителя и социальной формы превращает виртуальные деньги в особую [финансовую] *суперсеть*, «*паутину паутин*», у которой, естественно, есть и свои «пауки». Так виртуальный капитал как «суперсеть» (сеть — «всеобщий эквивалент») обретает особую роль — всеобщего полустихийного регулятора «сетевого рынка». Он играет роль универсального «оценщика» [NB! он же выполняет функцию меры стоимости!] стоимости компаний-сетей и, опосредованно, всех товаров, плюс универсального средства [механизма, посредника, властителя] транзакций.

ТОТАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАПИТАЛУ

Прежде чем рассмотреть основные пласты подчинения труда современному капиталу, обратим внимание на *изменения в природе каждого из агентов и самого капитала как отношения, как процесса извлечения прибавочной стоимости* в процессе эксплуатации рабочей силы.¹ Рассматривая процесс как глобальный, мы можем зафиксировать следующее.

Во-первых, в конце XX — начале XXI веков как никогда массовым стал слой классических индустриальных наемных работников (в мире в целом — более 1 млрд. человек, а с учетом Китая, если считать его экономику преимущественно государственно-капиталистической — более 1,5 млрд. человек), создающих классическим образом прибавочную стоимость. С учетом накопленной за столетия капитальной стоимости это — та масса богатства, которая в основном позволяет воспроизводиться материальным основам превратного сектора. Эту

¹ Авторы здесь и далее базируются на марксистской теории прибавочной стоимости.

реальную капитальную стоимость не следует путать с фиктивным капиталом, уже давно оторвавшимся от действительной капитальной стоимости — овеществленного абстрактного труда¹.

Во-вторых, как будет показано ниже, современный капитал частично присваивает богатство, создаваемое всеобщим творческим трудом. Это действительное общественное богатство (хотя стоимостная форма для него — иррациональна), лежащее в основе воспроизводства материальных и культурных основ современного капитала.

В-третьих, известный тезис об исчезновении капитала как накопленной прибавочной стоимости и превращении его в накопления граждан в основе своей неверен (во всяком случае, с точки зрения марксистской теории прибавочной стоимости). Но не потому, что мы отрицаем роль пенсионных фондов и других форм сбережений, используемых для капитализации: она действительно велика, хотя в глобальной экономике не решающая. Дело в ином.

В пенсионных и иных (страховая медицина, накопления для образования детей и т.п.) фондах² аккумулируется преимущественно прибавочный продукт общества, который в условиях общественного присвоения и должен был бы использоваться на увеличение продолжительности жизни, рациональное использование свободного времени, содержание уже и еще нетрудоспособных.

В условиях капитализма дело обстоит сложнее.

Первоначально «классический» капитализм не предполагал включения этих расходов в необходимый продукт работника (детский труд, низкая продолжительность жизни).

Научно-техническая революция потребовала перехода к среднему специальному и высшему образованию значительной части работников *развитых стран* как условию накопления капитала. Параллельно условием воспроизводства рабочей силы «профессионалов»

¹ См. подробнее: Левина И. К вопросу о соотношении реального и финансового секторов. // Вопросы экономики. 2006. №9.

² Ниже, анализируя новое качество работников в условиях гегемонии корпоративного капитала, авторы покажут, почему это качество сопряжено с резким возрастанием роли таких фондов.

стало увеличение продолжительности жизни. В этом же направлении действовали такие факторы, как организованная борьба трудящихся и граждан, соревнование с мировой социалистической системой, в конечном итоге — переход к социал-реформизму. В результате часть этих расходов вошла в цену рабочей силы, часть стала вычетом из прибавочной стоимости, перераспределением в пользу работников. Кризис социал-реформизма и «общества двух третей», наступление капитала на социальные расходы (1) заморозили эти расходы в целом; (2) изменили пропорцию (относительно увеличились расходы за счет сбережений работников, относительно, а в большинстве стран и абсолютно, сократились общественные расходы) и (3) привели к концентрации этих сбережений в частных фондах. Последнее стало по сути дела *приватизацией капиталом части необходимого продукта и общественного прибавочного продукта, используемой для накопления на социально-гуманитарные цели.*

Подытожим сказанное. Главными источниками образования капитала в современной глобальной экономике являются по преимуществу *«классическая» прибавочная стоимость*, создаваемая в материальном производстве, абсолютные масштабы которого в XX веке неуклонно росли, а также *имеющее стоимостную форму всеобщее богатство, создаваемое творческим трудом в креатосфере.*

Эти источники, однако, трансформируются в инвестиции и личное потребление нового капиталистического класса (в том числе, корпоративной номенклатуры, «профессионалов» и т.п.), опосредуясь сложной системой промежуточных форм.

После этих существенных ремарок по поводу процесса извлечения прибавочной стоимости мы можем обратиться собственно к проблеме подчинения труда капиталу.

Сущностью системы отношений гегемонии корпоративного капитала на современном этапе «позднего» капитализма становится *тотальное подчинение капиталу не просто труда, но и человека в целом.* Оно снимает, критически наследует, с одной стороны, все предшествующие «достижения» капитала в деле подчинения и эксплуатации наемного труда, с другой — те предпосылки, которые создают для этого «рынок паутин», неоприватизация и доминирование виртуального фиктивного капитала. Иерархия отношений *тотального подчинения* определяется *сущностью* последнего — движением

капитала к *гегемонии над всеми человеческими качествами всех членов общества*, а не только эксплуатации рабочей силы наемного рабочего¹.

Здесь требуется ряд уточнений. Существенно, что творческая по содержанию деятельность, как мы отмечали выше, является по самой своей природе (1) неотчуждаемой, и потому с содержательной точки зрения она не может быть объектом эксплуатации; (2) всеобщей, априори общественно необходимой, и в этом качестве она может служить аналогом денег — всеобщего эквивалента, продукта всеобщего труда; но при этом в отличие от денег она (3) создает безграничное (с количественной точки зрения) богатство, ценности.

Подчинение *такой* деятельности капиталу в его классическом виде с содержательной точки зрения является неразрешимой задачей. Не случайно классический капитализм так и не смог создать в массовом масштабе капиталистически-организованных форм творческой деятельности. Но это не означает невозможности возникновения социально-экономических отношений, подчиняющих капиталу (и отчуждающих от творца) социальную форму творческой деятельности и ее результаты.

Именно эту задачу и начал решать во второй половине XX века корпоративный капитал, ища переходные формы, позволяющие ценой подрыва своих сущностных черт (т.е. отношений подчинения труда капиталу) найти ответ на наиболее фундаментальный вызов эпохи. Этот вызов — назревшая смена «царства необходимости»,

¹ Безусловно, эта тенденция к тотальной гегемонии никогда не реализуется абсолютно, сталкиваясь с контрсилами. Прежде всего, это глобальный кризис общих основ мира отчуждения, порождающий мощный импульс борьбы с отчуждением на путях массового ассоциированного социального творчества, вырастающего из классовой борьбы пролетариата. И все же генезис и экспансия тотального подчинения труда капиталу стали знаменем современной эпохи. Упомянем в этой связи слова из работы В. Грейдера, который специально подчеркивает, что основным конфликтом современного мира вновь является противоречие труда и капитала, а К.Маркс может с улыбкой взирая на всех кричащих о смерти марксизма (Greider W. Op. cit. P. 39).

основанного на отчужденном репродуктивном труде, «царством свободы», основанном на свободной творческой деятельности.

При этом в ближайшей исторической перспективе перед капиталом стоит и будет стоять *задача подчинения* не столько собственно творческой деятельности, сколько относительно более простого феномена — *новаторского, инновационного, профессионального потенциала работников и процессов их воспроизводства*. И здесь капиталом испробована сложная система переходных форм. Авторы хотели бы заострить внимание только на трех, показав пути подчинения капиталу новаторского потенциала «рядовых» работников, управленцев и творческой «элиты».

Первая — различные механизмы частичного снятия формального подчинения труда капиталу путем привлечения работников к выполнению некоторых функций капитала, в частности — к управлению и собственности¹. Во всех известных авторам случаях (производственные советы в ФРГ, «кружки качества» в Японии, ESOP в США, сходные проекты в Европе и мн. др.) эти механизмы всегда сохраняют основные функции в руках капитала, мобилизуя при этом в целях накопления последнего новаторский потенциал работников. В то же время эти механизмы создают элементы ассоциированного социального творчества работников и этим особенно ценны для будущего.

Вторая группа форм связана с широчайшим развитием феноменов предпринимательства и менеджмента, когда творческие, новаторские способности человека (причем, как правило, наиболее талантливых лиц) подчиняются капиталом и направляются в сферу деятельности по укреплению его гегемонии. Это «оттягивает» творческий потенциал человечества от науки, искусства, образования, воспитания и других аспектов развития креатосферы, «царства свободы», не говоря уже об ассоциированном социальном творчестве.

Наконец, *третья* форма отображена теорией «человеческого капитала». В основе последней лежит действительный феномен не-

¹ Зарубежный опыт в этой сфере проанализирован многими учеными. Обобщение эмпирического материала и массы зарубежных работ можно найти в книге А. Колганова «Коллективная собственность и коллективное предпринимательство» (М., 1993).

которой аналогичности творческой деятельности как всеобщего труда, создающего неограниченную ценность, и капитала как самовозрастающей стоимости [ценности]¹.

В конце XX века прогресс творческого содержания труда создает и ряд ростков *подрыва реального подчинения труда капиталу*, когда перед последним встает задача так видоизменить свою гегемонию, чтобы сама технология процесса деятельности, лежащая в основе капитала, подчиняла человека-творца современному капиталу. В полной мере эта задача в принципе неразрешима, ибо, как уже было замечено, творческая деятельность неотчуждаема по самой своей природе. Однако определенные переходные отношения здесь могут возникнуть, продолжая линию подрыва формального подчинения труда капиталу.

Среди них, во-первых, монополизация капиталом «средств производства» творческой деятельности: развитие т.н. интеллектуальной частной собственности — *частной собственности на изобретения, know how и другие культурные ценности* — приводит к своего рода «огораживанию» капиталами культурных пространств. Доступ в них возможен для творца только путем подчинения капиталу — устройства на работу в фирму с обязательством неразглашения ее тайн... Как следствие, во-вторых, возникает иррациональный по своему содержанию феномен собственности корпорации, а не новатора на результаты творческой деятельности (культурную ценность) и на новые способности работника-творца (отсюда, кстати, господство долгосрочных контрактов). В-третьих, «производство» творческих личностей так же монополизируется капиталом, контролирующим наиболее высококачественные учебные заведения и центры переподготовки кадров. Так, с XX века известны феномены сращивания элитных вузов с крупнейшими корпорациями и превращения первых — таких, например, как Гарвард в США — в ТНК. Наконец, в-четвертых, современный капитал доводит до совершенства характерные для любых обществ эпохи отчуждения (от азиатской деспотии до «реального социализма» и корпоративного капитализма) механизмы подчинения интеллигенции господствующей социальной силе.

¹ Подробнее этот тезис раскрыт в нашей статье о человеческом капитале, публикуемой в настоящей книге.

Подчинение творческого труда капиталу открывает перед последним поистине безграничные перспективы повышения эксплуатации и извлечения прибавочной стоимости особого рода. Мы бы назвали ее *сверхстоимостью*, имея в виду, что здесь происходит не только количественное увеличение стоимости товара сверх стоимости рабочей силы, но и качественное продвижение «по ту сторону» границы стоимости как общественного отношения, отрицание собственной природы стоимости как овещненного в товаре абстрактного общественного труда обособленных производителей. Сверхстоимость — это «одетое в стоимостное платье» по сути дела безграничное общественное богатство, созданное всеобщим трудом творца и присваиваемое (за вычетом стоимости воспроизводства работника) капиталом. Эта сверхстоимость несоизмеримо превосходит по своей величине затраты на обеспечение жизни и деятельности даже высокооплачиваемого специалиста.

Причина этого в том, что творческий труд, как уже было отмечено, способен создавать безграничные ценности, рыночная стоимость которых также оказывается бесконечно велика. Так, например, приватизировав произведенный неким гением рецепт лекарства от рака, корпорация, заключившая с этим творцом контракт, получит в свои руки источник едва ли не бесконечного роста богатства.

Соединение ростков нового реального подчинения не только труда, но и человека капиталу с использованием новых механизмов формального подчинения создает предпосылки для сращивания элиты корпоративного капитала и элиты новаторов («профессионалов»), мультиплицируя власть капитала, «умножая» власть современного корпоративного капитала на «власть» творцов. В результате поздний капитализм мультиплицирует противоречие труда и капитала, рождая и новое **противоречие — человека и капитала**. Это не только противоположность общественных (по технологической природе) средств производства и частнокапиталистической формы присвоения, но и *противоречие растущего потенциала свободной творческой деятельности работников, развития личностных качеств человека (как родового существа), с одной стороны; глобальной гегемонии капитала, стремящегося подчинить себе даже личность человека — с другой.*

Противоположность этих полюсов уже была показана выше, где, в частности, было отмечено, что **капитал вызывает к жизни две**

общественные силы, которые он не может до конца содержательно себе подчинить, — обобществление [в материальном производстве] и массовую творческую деятельность [в креатосфере], требующих в конечном итоге решения двух «сверхзадач» будущего общества — планомерности [производства] и освобождения [труда]. Естественно, что достижение этих целей может быть обеспечено лишь при условии решения более общей «сверхзадачи» — снятия противоречия общества и природы.

Так складывается система отношений поистине тотальной (воспроизводящей в снятом виде всю предшествующую эволюцию капитала, пронизывающей все аспекты социальной жизни, воздействующей на все качества человека...) гегемонии корпоративного капитала. **На рубеже XX–XXI веков эта гегемония лишь возникает**, усиливаясь политикой и идеологией неолиберализма и нарождающимися прото-имперскими тенденциями. Станет ли эта гегемония доминирующей или даже абсолютной — это зависит от сил ассоциированного социального творчества, единственно способных бороться с ней.

Такой достаточно сложный и целостный, акцентирующий глобальный характер переживаемых ныне трансформаций и нелинейность исторического развития подход позволяет по-новому взглянуть на проблему предпосылок и противоречий рождения нового общества, снимающего в своем развитии не только капитализм, но и «царство необходимости» в целом, а также на проблему причин возникновения и гибели советской системы.

«Царство свободы»

и предпосылки общества будущего:

трактовка революций, реформ и социализма

Выделяя конкретные, исторически ограниченные общественно-экономические системы мы, как уже было отмечено, делаем акцент на том, что они являются различными стадиями развития «царства [экономической] необходимости», мира отчуждения. Соответственно, *эпоха рождения новой [социалистической] системы с этой точки зрения является периодом снятия не только капита-*

листических, но и всех предшествующих форм отчуждения, освобождения человека не только от вещной, но и от личной зависимости. Мы рассматриваем реальный объективный процесс долгосрочных качественных трансформаций, в который мировое сообщество вступило, начиная с XX века, как процесс **социального освобождения**.

Эти трансформации затрагивают буквально все пласты общественной жизни.

На уровне технологий, как мы уже показали, это переход от доминирования репродуктивного индустриального труда, использующего ограниченные ресурсы для производства утилитарных благ, к преимущественно творческой деятельности, в которой общественные культурные блага используются с целью гармоничного развития человека в диалоге с природой. В этом смысле *постсоветский критический марксизм есть теория развития нового общества на базе доминирования творческой деятельности*, и здесь мы в своих разработках сближаемся с теоретиками экологического, гуманистического, постиндустриального течений.

На уровне социально-экономических отношений это процесс снятия всех форм социального отчуждения и зависимости человека (от рабства, крепостничества, других форм личной зависимости и политико-идеологического тоталитаризма до рыночного фундаментализма, вещной зависимости и глобальной гегемонии современного корпоративного капитала).

На уровне социокультурных изменений это переход от господства различных форм духовного производства (идеологий, религий, массовой культуры) к доминированию культурно-творческого диалога. И здесь мы смыкаемся с широким потоком исследователей-культурологов, особенно принадлежащих к школе Сартра.

Такой подход позволяет, *во-первых*, выйти за узкие рамки трактовки социализма лишь как общества, сменяющего частную собственность общественной и позволяющего передать в распоряжение общества (по сути дела — государства) создаваемую наемными рабочими прибавочную стоимость. Проблема разворачивается в задачу *формального и реального* освобождения труда, т.е. не только преодоления всех (в том числе — свойственных «реальному социализму») форм отчуждения, но и развития *реально* свободной деятельности (творчества), способностью к которой, как показано еще в 60-е

годы и ранее в работах философов и психологов-марксистов (Ильенков, Леонтьев, Выгодский, Лурия и мн. др.), обладает каждый, и поле для которой бесконечно — от деятельности новаторов в сфере технологий, ученых, художников до наиболее общественно значимых сфер — труда воспитателя в детском саду, садовника, учителя и врача.

Тем самым, *во-вторых*, переход к новому обществу ставится в зависимость от продвижения к новому типу деятельности (в современной терминологии — постиндустриальной революции), а не только изменения общественных отношений. На индустриальной стадии рождение нового общества становится возможным лишь как первые пробные шаги, почти неизбежно вырождающиеся вследствие недостаточного уровня развития материальных предпосылок и человеческих качеств, подобно тому, как капиталистическая система оставалась фрагментарной и неустойчивой в доиндустриальный период формального подчинения труда капиталу. (В качестве исторической аналогии напомним о кризисе и поражении первых капиталистических «экспериментов» в ренессансной Италии, крестьянской антифеодальной революции в Германии и т.п.). Этот подход развивает идеи самого Маркса и ряда его последователей (акцент на всеобщем труде и свободном гармоничном развитии личности как принципах коммунизма), в то же время критически снимая тезис ряда марксистов об индустриальном производстве как адекватной материально-технической базе нового общества.

В-третьих, этот подход позволяет показать, что развивающиеся процессы всемирного перехода «по ту сторону» эпохи господства материального производства и отчуждения (в современной терминологии — переход к постиндустриальному обществу и глобализация) могут идти и идут не только нелинейно и неравномерно, но и в разных общественно-экономических и идеолого-политических формах. Так, мы согласны с неолибералами в том, что глобализация и переход к «обществу знаний» — процессы объективные и при всех их противоречиях прогрессивные. Но, выделяя в соответствии с буквой и духом марксизма, содержание процесса и его особые социальные формы, мы доказываем, что современные неолиберальные (а тем более нарождающиеся протоимперские) формы экспансии глобального постиндустриального левиафана (1) являются не только не самыми

эффективными, но и социально, гуманитарно и экологически опасными, (2) в историческом смысле реакционны и тупиковы и потому (3) могут и должны быть сняты другими, социально-ориентированными формами всемирного продвижения к постиндустриальному обществу («царству свободы»).

Наконец, в-четвертых, сказанное позволяет высветить в полной мере роль и значение таких слабо акцентировавшихся ортодоксальным марксизмом *предпосылок нового общества, как (1) развитие и освоение широкими общественными слоями подлинной культуры и (2) их включение в ассоциированное социальное творчество.*

Первый тезис связан с тем, что прогресс будущего общества как «царства свободы» объективно может и должен опираться на культурное наследие человечества, постоянно осваиваемое гражданами, ибо последнее есть абсолютно необходимое условие творческой деятельности и прогресса креатосферы как основы «царства свободы» (отсюда сформулированная выше необходимость освоения подлинной культуры). В то же время базирующаяся на прогрессе технологий и социальном прогрессе «революция знаний» создает возможность такого освоения культуры все более широким кругом членов общества, в той мере, в какой преодолеваются стоящие на этом пути барьеры, создаваемые отношениями отчуждения. А это искусственно сохраняемая нищета 2/3 граждан мира и иные социальные ограничение доступа к образованию и культуре, вытеснение подлинной культуры масс-культурой и — шире — воспроизводство стандартов общества потребления и другие формы духовной гегемонии корпоративного капитала.

Второй круг предпосылок — это прогресс ассоциированного социального творчества, имеющего форму реформ и революций, что требует своего специального анализа.

При этом для нас особое значение имеют именно *революции*, не случайно названные «локомотивами истории» и «праздником угнетенных», ибо именно в эти относительно краткие периоды предельно обнажается весь комплекс названных выше проблем. Кстати, именно через реформы и революции, посредством них, в них *любой* член «глобального человекика» уже сегодня и сейчас, в любой точке планеты Земля может возвыситься до личностного включения в процесс освобождения человечества и тем самым позитивного са-

моосвобождения. При этом реформы будут общедоступным паллиативом, переходной формой отчуждения/освобождения, тогда как *социальная революция есть общедоступный мир* (пространство и время) *позитивной свободы в рамках «царства необходимости»*.

Социальная революция как качественный перелом, смена качественно различных систем отчуждения (способов производства), а уж тем более как грядущее начало перехода из «царства необходимости» в «царство свободы» знаменуется рядом особо важных для нас характеристик процесса социального освобождения¹.

Во-первых, революция ломает старую систему институтов отчуждения и вплоть до момента торжества нового способа производства знаменуется кратковременным торжеством «царства свободы», когда старая система подчинения уже разрушена, а новая еще не возникла, рождая тот самый **«праздник угнетенных»**, когда вы, кажется, можете своими руками изменять мир как захотите («опьянение свободой»). Это, кстати, порождает хорошо известный философам истории феномен «забегания вперед», когда революции заходят чрезмерно далеко по отношению к объективным возможностям: пока длится этот «праздник», объективные детерминанты, «ограничители»; в том числе новые производственные отношения, социально-политические институты и т.п., уже или еще не действуют. Именно здесь оказывается особенно важна мера «культурности» революции, ибо последняя по идее должна ограничивать претензии революционеров (характерно в этом отношении «отступление» Ленина к НЭПу, не принятое сталинистами).

Более того, оставляемый как бы «за скобками» в данном тексте анализ диалектики взаимодействия процессов развития креатосфе-

¹ Авторы здесь хотели бы сослаться не только на классические марксистские работы и советских ученых-«шестидесятников», о которых шла речь выше (см., например: Водлазов Г.Г. Диалектика и революция. М., 1975; Проблемы теории социальной революции. Сб. статей под ред. М.Я. Ковальзона. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1976), но и на работу одного из ведущих постсоветских марксистов О.Н. Смолина (См.: Смолин О.Н. Образование, революция, закон. Ч. 1. Новейшая революция в России. Опыт политико-ситуационного анализа. М.: ООО «ИПТК «Логос ВОС», 1999).

ры и социального освобождения (коротко она может быть выражена в законе взаимообогащения прогресса культуры и социального освобождения) позволяет показать, что **социальные революции являются взрывом** не только социального недовольства, но и **перенакопленного культурного потенциала общества**, сжатого до взрывоопасного состояния «старой» системой отчуждения. Не только производительным силам, но и культуре, развитие которой оказывается особенно необходимо для самосохранения старого, загнивающего общества, с одной стороны, становится тесно в прежних социальных рамках. С другой стороны, культура, креатосфера (нелинейное развитие которой есть инвариант жизни рода Человек) стремятся в лице своих лучших представителей как бы к самозащите себя от агрессивно-разрушающего (или застойно-разлагающего) воздействия мира отчуждения, дозревшего до очередной революционной ситуации.

Не случайно поэтому и то, что первоначальный импульс подлинной революции сначала рождается в умах «диссидентской» (и, как правило, творчески наиболее продуктивной) интеллигенции. Другим слагаемым этого процесса является протест творческой части общества против разрушения и подавления подлинной культуры. Старая система, одной рукой пытаясь влить в свое дряхлеющее тело «кровь молодых девушек» (развивать культуру), другой тормозит все новое и прогрессивное. Взрывающая это противоречие революция, рождая временное состояние социального освобождения, притягивает к себе наиболее ищущую и творчески открытую часть интеллигенции, в то же время всасывая как мощный вихрь и массу мусора. Революция как мощный энергетический всплеск социального творчества и антиотчуждения рождает тем самым и мощное поле, генерирующее потенциал для развития креатосферы (отсюда культурные всплески революций). При этом подавляются и разрушаются основы жизнедеятельности той части интеллигенции, кто был сращен со «старой» системой отчуждения, чьи творческие качества оказались подчинены ролью привилегированного раба, обслуживающего гегемонию власти.

В то же время всякая социальная революция в рамках «царства необходимости», начинаясь как освобождение, заканчивается как торжество новой системы отчуждения, и творцам приходится или

рисковать утратой общественного положения, или подчиняться новой власти. Так, например, при переходе к капитализму творцы, уйдя от подчинения аристократии, попадают в подчинение рынку, золотому тельцу. Как заметил В. Межуев, интеллигенция в революции ждет Дон Кихота, а попадает в удушающие объятия Санчо Пансы.

И все же всякая подлинная революция служит прогрессу культуры. Более того, **только тот социальный качественный сдвиг («взрыв»), который способствует (1) новому скачку в развитии креатосферы, (2) рождению системы отчуждения, относительно менее антагонистичной для прогресса человека и культуры, чем предыдущая, и (3) росту меры социального освобождения, мы можем назвать подлинной социальной революцией, праздником не только угнетенных, но и культуры.**

Во-вторых, всякая революция (в отличие от бунта или государственного переворота) поднимает к творчески-преобразовательной, созидательной деятельности широкие слои трудящихся, возвышая их до совместных сознательных, позитивных действий. Причем, чем глубже преобразования, тем более масштабные и организованные действия оказываются востребованы историей. Не случайно поэтому революции поднимают до творческой деятельности (и культурной, и социальной) столь широкий круг новаторов из «низов» и оказываются праздником именно **угнетенных**. Так, например, большая часть культуры Ренессанса, Просвещения и других периодов буржуазных революций была создана именно представителями угнетенного третьего сословия.

В-третьих, революции оказываются теми уникальными периодами «предыстории», когда люди сами, непосредственно, на глазах у ошеломленных обывателей создают новые общественные отношения и оформляющие их институты: новые отношения собственности и распределения, новые формы организации труда и политической жизни, новые направления в искусстве и образовании. В течение дней и даже часов создаются общественные феномены, навечно остающиеся в истории — Декларация прав человека, Советы рабочих и крестьянских депутатов и тысячи других. Именно поэтому революции становятся **«локомотивами истории»**.

Суммирование сказанного выше позволяет сделать вывод, что именно **социальные революции оказываются пространством и вре-**

менем максимального (в рамках «царства необходимости») продвижения человечества по пути социального освобождения.

Но это происходит только в той мере, в какой эти действия не вырождаются в беспочвенный активизм и волюнтаристическое насилие. Между тем на практике в той или иной мере (а для нас объективно важна именно эта мера) все имевшие место в истории революции «переболели» этой заразой вырождения; все — от крестьянских войн и Войны за независимость до Великой французской и Великой Октябрьской революций — и истории еще предстоит рассудить, где была, а где не была перейдена та качественная грань, за которой революция вырождается в бунт, где перегретый пар взрывает «локомотив истории», неся разрушения, жертвы и социальный регресс. Но как угроза взрыва локомотивов не могла остановить объективного хода научно-технического прогресса, так и угроза вырождения революций не может остановить прогрессивных изменений, непосредственно и прямо совершаемых трудящимися на пути к «царству свободы». К тому же, как было замечено выше, несвершение революционных действий в условиях, когда они объективно необходимы, чревато еще большими социальными потерями.

Реформы же можно квалифицировать как социальное творчество, шаги к освобождению человека в пределах «царства необходимости», совершаемые в рамках прежнего системного качества, но направленные на продвижение к новому. Так, на этапе, который можно назвать «закатом» экономической общественной формации, с необходимостью появляются феномены, с одной стороны, подрывающие системное качество мира отчуждения, а с другой — как бы добавляющие ему новую, молодую кровь, помогая найти ответ на вызов, бросаемый старому миру им же самим вызванными к жизни силами научно-технического и социального прогресса. Этой «новой кровью» и становятся элементы ассоциированного социального творчества, которые, «вливаясь в старое тело», приобретают вид реформистских переходных отношений, соединяя черты отчуждения (власть рынка, капитала, бюрократии и т.п.) и социального творчества. К таким переходным формам можно отнести жизнедеятельность большинства современных общественных организаций, движений и союзов, несомненно способствующих процессу социального освобождения, но в весьма узких рамках и весьма противоречиво.

Суммируя основные тезисы этой части наших размышлений, можно сделать вывод, что **основными предпосылками, которые подводят человечество вплотную к великой эпохе перехода из «царства необходимости» в «царство свободы»,** являющееся прямым наследником и адекватной формой прогресса и креатосферы, и социального творчества, **становятся:**

(1) *рост производительности труда и материального богатства*, создающий необходимые основы для социального освобождения;

(2) *прогресс креатосферы*, самой этой деятельности — науки, искусства, социальных инноваций и нравственного багажа — всего созидательного творчества человека как родового существа, этой деятельности и ее субъекта. Как таковая креатосфера (2.1) является импульсом повышения производительности труда, прогресса личностных качеств человека, в конечном счете — прогресса производительных сил, вплотную подводящих к необходимости скачка «по ту сторону» материального производства, к превращению творческого труда в основной фактор развития и (2.2) — основой «культурности», созидательной позитивности будущих социальных преобразований, своеобразной «прививкой» против активизма и чрезмерной гносеологической гордыни, условием адекватного постижения законов истории;

(3) *борьба за социальное освобождение* (идущая через серию реформ и революций к негативной свободе и далее — классовой борьбе пролетариата). Пройдя ряд ступеней, она приводит к образованию переходных форм самоорганизации трудящихся и граждан и в конечном счете ведет к формированию (3.1) субъекта ассоциированного социального творчества¹, способного на совершение коммунистической социальной революции. Именно в ней — в процессе качественной трансформации «царства необходимости» в «царство сво-

¹ Им являются те трудящиеся, кто не только (а) создает общественное богатство, будучи отчужден от возможности его присваивать [«класс-в-себе»], и (б) осознает свою историческую миссию [«класс-для-себя»], но и (в) способен в силу высокого уровня культуры и опыта сознательного творчества («реформ») на осуществление позитивной деятельности.

боды», который займет, возможно, долгие десятилетия, если не более, — субъекту освобождения действительно нечего терять, кроме цепей отчуждения. Но не потому, что он беден, а потому, что он (3.2) превращает в этой революции материальное богатство из самоцели в средство и предпосылку прогресса человека. Именно в ней он действительно приобретет *весь мир*, и опять же не потому, что установит всемирную диктатуру, но потому, что откроется дорога развития ассоциированного социального творчества, позволяющего человеку обрести (3.3) *мир подлинной свободы* — сознательного ассоциированного творения истории в меру познания ее собственных законов. Это будет вместе с тем дорога в мир Добра, Истины и Красоты, наследующий развитие всего мира культуры, накопленного человечеством.

(4) В этом смысле мы можем, перефразируя К. Маркса, сказать, что *мир отчуждения в силу своих внутренних противоречий сам создает* силы своего снятия, *своих «могильщиков»* по мере прогресса производительных сил, развития креатосферы и формирования субъекта ассоциированного социального творчества (борьбы за социальное освобождение).

Так складываются предпосылки и основания генезиса нового общества. При этом авторы хотели бы специально отметить, что аспекты (2) [особенно (2.2.)], (3.1.) [особенно (в)], (3.2.) и (3.3.) во многих советских и зарубежных марксистских работах не акцентировались и не акцентируются, хотя по отдельности почти все из тезисов (1)–(4) о предпосылках «царства свободы» можно найти в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и марксистов XX века. Мы в данном случае поставили в качестве задачи-минимум систематизацию этих тезисов и их обоснование процессом «заката» экономической общественной формации в целом.

Что же касается основных черт «царства свободы», то мы, как и все марксисты, отнюдь не намерены конструировать утопии, а по-сему ограничимся только несколькими ремарками, исследуя лишь объективные тенденции рождения «царства свободы».

Первая. Авторам хотелось бы специально подчеркнуть отличие разрабатываемой ими теории общества будущего от почерпнутой из примитивных учебников и затем чудовищно вульгаризированной неолиберальной трактовки коммунизма (как общества, напоминающего всеобщую казарму с поголовной уравниловкой и избытком

примитивных материальных благ) и социализма как его первой фазы. Более того, ортодоксальная марксистская трактовка будущего как прежде всего отрицания капитализма также требует существенного развития. Для нас *«царство свободы»* — это прежде всего снятие, *диалектическое отрицание всей предыстории* [отчужденной жизни] человечества (в том числе — но не только — капитализма) и наследование истории креатосферы и борьбы за социальное освобождение. Это мир, где свободные ассоциации становятся адекватной социальной формой для свободной творческой деятельности, а прогресс креатосферы, диалог, полифонирование субъектов творческой деятельности становятся основным содержанием общественной жизни. Но не менее важно для нас и то, что *расцветить это царство свободы может лишь на базе такого материального производства, где уровень производительности труда достаточно высок для того, чтобы свободное время индивидов и общества в целом обеспечивало простор для прогресса креатосферы как основной сферы жизнедеятельности человека.*

Вторая. Путь к этому миру будет не менее (а скорее всего — более) сложным и долгим, чем дорога от первых буржуазных революций XVI века до мирового торжества промышленного капитализма в конце XIX. И начинается он в условиях, когда творческая деятельность является уделом лишь относительно небольшой части человечества. Хотя в настоящее время ее ростки пронизывают труд широкого круга людей массовых профессий — и квалифицированного рабочего, и педагога, и врача, а не только ученых и художников. В США так называемый креативный класс составляет всего 30% занятых. Если же мы предположим снятие противоречий глобализации и прекращение паразитических расходов, вызываемых милитаризмом, финансовыми спекуляциями, искусственно раздуваемым массовым потреблением, то ныне это будет около 1/3 занятых¹). И все же это будет меньшинство работников. Поэтому мы можем предположить,

¹ Напомним, что «победное шествие» капитализма началось, например, в Англии, когда адекватным для него индустриальным трудом была занята меньшая часть жителей этой страны, а в мире — так и вообще несколько процентов населения.

что на протяжении ближайшей эпохи общедоступной творческой деятельностью окажется только социальное творчество во всем его многообразии: от новаторства на рабочем месте, самоуправления в бригаде или микрорайоне до изменения фундаментальных основ жизни общества¹. Более того, как бы ни сокращался в дальнейшем удельный вес материального производства и репродуктивного труда, они всегда будут играть роль основы «царства свободы».

В силу сказанного правомерно выделение *двух фаз в развитии «царства свободы»* (они не случайно корреспондируют с идеей двух фаз коммунизма в классическом марксизме) — **формального и реального освобождения труда**. На первой освобождение и общедоступная творческая деятельность оказываются характерны лишь для социальной сферы, формы; содержание труда основной части членов общества остается репродуктивным. В этом случае мы можем говорить о *формальном освобождении труда* (по аналогии с формальным подчинением труда капиталу на доиндустриальной стадии развития капитализма). Именно с него, *с социального освобождения единственно может начаться дорога к общедоступному творчеству*; вне социального освобождения творчество останется уделом меньшинства, которое при этом будет вынуждено в своей деятельности постоянно противостоять (или подчиняться) системе отчуждения.

И лишь по мере прогресса творческого содержания деятельности расширять и углублять освобождение будет становиться *реальным*, когда содержание деятельности и ее общественная форма будут адекватны друг другу, снимаясь в едином качестве диалога, «полифонирования». Но это лишь прогноз далекого будущего...

Сформулированный выше подход к проблемам предпосылок будущего общества (коммунизма) и тех задач, которые оно объективно должно решить, позволяет трактовать **социализм** не как первую фазу коммунизма и не как «социализированный («шведский» или т.п.) капитализм», а как *единый (имеющий единую природу) интернациональный нелинейный и противоречивый процесс трансформации*

¹ Другое дело, что ближайшей задачей будущего станет ускоренное развитие таких ключевых для креатосферы и к тому же общедоступных видов деятельности, как образование, воспитание, здравоохранение и т.д.

ции мира экономической необходимости, отчуждения в «царство свободы». Такая квалификация социализма позволяет, помимо акцента на преемственности и переходности, выдвинуть достаточно простой критерий «социалистичности» системы: она должна обеспечивать более высокую меру экономической эффективности и свободного гармоничного развития человека, нежели капитализм.

В своем развитии социализм проходит, как показывает новейшая история, как минимум следующие этапы.

Первый, связанный с потенциальной возможностью начала социалистических преобразований в условиях развитого индустриального, государственно-монополистического капитализма. Его противоречия привели к серии социалистических и национально-освободительных революций, но завершились вследствие ряда объективных причин генезисом «мутантного социализма».

Второй этап, ознаменовавшийся кризисом мирового капиталистического хозяйства в первой половине XX века (Великая депрессия, фашизм, Вторая мировая война), был связан с появлением новых предпосылок социализма, прежде всего — с объективной необходимостью социализации и гуманизации (а не только государственного регулирования) мирового капиталистического хозяйства. Ответом на этот вызов XX века стали социал-демократические реформы и переход к «обществу 2/3» в развитых странах после провала попыток разрешить эти противоречия путем фашизации, а не социализации.

Третий этап, связанный с новой волной в технологической революции, был ознаменован компьютеризацией, миниатюризацией и гибкостью технологий, возрастанием роли индивидуальных инноваторских способностей и инициативы. Постклассический капитализм отреагировал на это возрождением традиции либерализма при одновременном усилении власти крупнейших глобальных игроков — транснациональных корпораций, сверхнациональных государств (США), международных институтов (НАТО, Международный валютный фонд и т.п.). По сути дела, это иррациональная реакция, использующая достижения НТР преимущественно в транзакционном секторе (торговля, финансы, фондовый рынок, посредничество), в росте милитаризма и т.п. и дающая лишь незначительный прогресс даже в области роста потребления, не говоря уже о культуре.

«Реальный социализм» предпринял ряд попыток самореформирования. Перестройка с ее попытками перехода к модели «гуманного» и «демократического» социализма при помощи реформ сверху (своего рода «бюрократического реформирования бюрократической власти») провалилась, ибо разложение системы зашло слишком далеко, потенциал социального творчества к началу 80-х выдохся почти окончательно.

Представленная выше трактовка социализма позволяет сделать некоторые выводы *о роли и месте рынка в условиях социализма*.

Достаточно общеизвестно, что трактовка социализма как разновидности рыночной системы фактически игнорирует то, что рынок есть форма товарных производственных отношений. Эти отношения, порождают соответствующие механизмы отчуждения (в частности, товарный фетишизм и конкуренцию), тип личности (эгоистический homo economicus) и развиваются в силу внутренних противоречий в капитализм. Более того, в конце XX века рынок как господствующая система не может существовать без всей совокупности своих атрибутов, характерных для «позднего капитализма» (в частности, гигантской надстройки транзакционного сектора, съедающего до 1/2 ресурсов). В то же время «нерыночный» социализм до настоящего времени существовал либо как бюрократическая «экономика дефицита», либо как теоретическая конструкция системы отношений демократического планирования и самоуправления.

Разрешение этой дилеммы возможно на пути динамической трактовки социализма как процесса перехода к обществу, лежащему «по ту сторону» и материального производства, и рынка. При таком подходе становится очевидно, что для социализма характерен процесс *отмирания рынка* (точнее, форм и механизмов хозяйствования, характерных для «позднего капитализма») *по мере развития более эффективных и прогрессивных (в экономическом, социальном, экологическом и т.п. отношениях) пострыночных отношений* регулирования, учета затрат и т.п. Их превратные и переходные формы во множестве давала и дает практика и капитализма, и «социализма»; задача за «малым» — очистить эти формы от деформаций.

Трактовка социализма как переходного процесса, главным «энергетическим потенциалом» которого является ассоциированное социальное творчество, позволяет дополнительно обосновать тезис об

отмирании политических форм (в частности, партий, государства и вообще принципа представительной демократии) и *развитии базисной демократии и самоуправления* как направлений, характерных для всех трех «потоков» («русел») социализма (социалистически ориентированных реформ в «странах капитала», социалистических движений, социалистических обществ).

Слагаемые базисной демократии включают:

(1) последовательную и наиболее полную реализацию всех международно признанных прав и свобод человека (свобода слова, совести, митингов, собраний, создания политических и общественных организаций и др.);

(2) всеобщее развитие производственного (в разной мере на предприятиях с разными формами собственности) и территориального самоуправления как основных базисных форм ассоциирования населения;

(3) отмирание политических партий (представляющих отмирающие классы), все в большей мере действующих через массовые демократические организации, органы самоуправления и т.п. и постепенно сливающихся с ними.

(4) превращение массовых демократических организаций и движений (профсоюзных, женских, экологических, потребительских) в полновластных субъектов регулирования общественной жизни;

(5) формирование законодательной власти по принципу представительства депутатов от низовых ассоциаций (органов самоуправления) с императивным мандатом (правом отзыва, замены и т.п.), подчинение исполнительной власти (правительства) законодательной; избрание независимой судебной власти при отсутствии президентского или аналогичных институтов.

Тем самым мы можем сказать, что будущий социализм все в большей мере вырисовывается как *«социализм гражданского общества»* — теоретическая модель, разработанная и получающая определенные практические импульсы для своего подтверждения в Латинской Америке.

И все же все размышления о социализме будущего остаются весьма абстрактными, если мы оставляем без ответа вопрос о природе так называемого реального социализма.

*Россия рубежа веков: природа постсоветских
социально-экономических трансформаций.*

Конец XX века ознаменовался на первый взгляд тенденцией, обратной марксистским предсказаниям — движением от «реального социализма» к капитализму. Однако эта объективная видимость скрывает более сложный процесс реверсивного движения истории от зашедших в глубокий кризис первых деформированных ростков будущего в направлении, которое пока не имеет однозначно предопределенной конечной точки.

Именно диалектический метод и философия истории постсоветского критического марксизма (в частности, акцент на нелинейности исторического развития) позволяют показать, что *наша страна оказалась ныне в состоянии не столько однозначного движения к рынку, сколько в процессе противоречивых социально-экономических трансформаций*, в своего рода турбулентном потоке реверсивно текущего социально-экономического времени.

Не менее важными являются также акценты на, во-первых, диалектическом исследовании трансформаций исторически конкретных систем производственных отношений, во-вторых, принципиально значимом для наших социумов глобальном контексте «реформ», а так же, в-третьих, на существенном влиянии политико-идеологических факторов социокультурных особенностей и традиций на тип трансформаций, складывающихся в той или иной стране.

Данные методологические подходы позволяют выделить гораздо более сложный, нежели традиционный (либерализация, приватизация, стабилизация) комплекс отношений трансформирующихся систем. Определение конечного пункта перехода как поливариантного означает *отказ от идеологической заданности в понимании трансформации как перехода к рынку* и потому требует определения основных векторов перехода. В экономике постсоветских стран пересекаются *четыре основных вектора*: (1) постепенное умирание (как естественное, так и искусственное) «реального социализма»; (2) генезис отношений позднего капитализма (но в подавляющем большинстве случаев, как будет показано ниже, — в виде зависимой периферийной модели); (3) возрождение пережитков добуржуазных отношений, порождаемых реверсивным ходом истории и (4) тен-

денции социализации, экологизации и гуманизации общественно-экономической жизни, как фундаментальная черта эпохи рождения «царства свободы».

Вследствие взаимопересечения названных четырех тенденций трансформационная экономика может быть охарактеризована как поле противоречивого пересечения двояких процессов: трансформации «реального социализма» в различные модели капитализма (скорее всего внешне сходные с тем или иным типом, свойственным развивающимся странам) и одновременного накопления в мире элементов качественно нового социального состояния. Соответственно, можно говорить о переходной экономике в двух смыслах. Во-первых, о трансформационной экономике в узком смысле слова — о генезисе капитализма в процессе разложения «реального социализма». Во-вторых, о переходе в широком смысле слова, составляющем всемирный исторический контекст для экономической трансформации в странах бывшей «социалистической системы» (напомним нашу базовую гипотезу: ныне, на рубеже тысячелетий весь мир находится в начале перехода к новому качеству общественного развития — «царству свободы»).

Для трансформационных (в узком смысле слова) социально-экономических систем в целом оказывается характерно присутствие *реверсивного движения в историческом времени*, когда ростки перехода к новому качеству общества (прежде всего — постиндустриальные технологии, ростки креатосферы, элементы социального освобождения) свертываются, замещаясь гипертрофированным развитием в названной «пустоте» архаических для конца XX — начала XXI веков социально-экономических форм. Тем самым процесс разворачивания отношений глобального капитализма в странах «второго мира» в последнее время идет скорее экстенсивными, чем интенсивными путями и, повторим, возрождая многие архаические формы. В результате за видимостью генезиса (восстановления) современных форм капитала в этих системах скрывается процесс постепенного разворачивания деформированной капиталистической системы, основанной на соединении архаических капиталистических (и даже добуржуазных) отношений с современными формами «позднего» капитализма.

Логика поиска специфических содержательных закономерностей трансформационной экономики диктуется как соподчиненностью

экономических черт исходной системы («социализма»), так и закономерностями трансформационного процесса. Если мы исходим из логики прежней экономики, то ее основные черты совпадают (только с взаимно противоположными знаками) в трактовке наиболее ортодоксальных школ политической экономии социализма, с одной стороны, право-либеральной советологии — с другой. И в том, и в другом случае в исходном пункте стоит определенная форма координации (аллокации ресурсов) и поддержания пропорциональности (в одном определении — «плановность», в другом — «командная экономика»); в основе лежит способ соединения работника со средствами производства («свободная ассоциация», общественная собственность — «тоталитарная система», всеобщее огосударствление) и распределение («каждому по труду» — «уравниловка»); в качестве «*summa summarum*» — суть отношений воспроизводства («закон социалистического накопления» — «экономика дефицита»).

В главном эту логику поневоле воспроизвела и история экономических реформ: начавшись с роста товарных отношений, она неизбежно столкнулась с ростом не только рынка, но и капитала (первоначально полулегального, развивающегося, например, в СССР под вывеской «кооперативов»), а после радикальных политико-волевых шагов («бархатная революция» конца 80-х в ряде стран Восточной Европы, распад СССР в 1991 г. и т.п.) в повестку дня стала приватизация, а затем — и стабилизация, призванная покончить с «экономикой дефицита».

Тем самым здесь мы можем и должны (ибо такова логика реальной истории) последовать критически осмысленной марксистской парадигме исследования производственных отношений.

Разрушение преимущественно планово-бюрократической системы отношений координации (бюрократической плановности) привело к возникновению сложного комплекса способов координации — *распределения, или аллокации, ресурсов и поддержания пропорциональности.*

Во-первых, мощная инерция прошлого обуславливает сохранение некоторых элементов бюрократической плановности (в соединении с элементами рынка, несколько трансформирующими эту форму частичной плановности). В результате получается своеобразный переходный вариант свойственного капитализму *государ-*

ственного регулирования, где неоднородные элементы, составляющие переходную форму, вдобавок еще и деформированы.

Тенденции ведомственности и местничества породили мощный сепаратизм, приведший к образованию полицентричной системы локального бюрократического регулирования; бюрократический характер последнего превратился в самодовлеющий, приведя к почти полному отрыву управляющих подсистем (*разнородных и борющихся друг с другом* бюрократических группировок) от интересов выживания экономической системы в целом; блат и плановые сделки развились во всестороннюю коррупцию, широко использующую механизмы прямого и косвенного насилия.

В результате широкое развитие получило *теневое (нелегальное) государственное регулирование* — деятельность бюрократии вне общественного контроля и законов в своих собственных интересах — как отдельного чиновника, их особого клана или всей страты в целом. Коррупция — лишь одно из проявлений этого феномена.

Во-вторых, в этих условиях не могут не развиваться *дориночные формы координации*.

В-третьих, *рынок* возникает как система, первоначально в основном подчиненная этим нерыночным или не вполне рыночным отношениям (наподобие феодального рынка) и потому сам живет в деформированном виде (когда отношения с государством и криминальными структурами для производителя важнее, чем конъюнктура). В силу инверсии социально-экономического времени в трансформационных экономиках возникают преимущественно деформации *разных типов рыночных отношений*: от примитивных, полufeодалных до самых современных. При этом *доминируют неразвитые деформированные формы позднего рынка*, для которого характерны мощные монополии, государственное регулирование, интенсивное воздействие глобальной гегемонии капитала и т.п. Именно в силу этого в такой экономике необычно большую роль играют механизмы корпоративно-монополистического регулирования, также деформированные по сравнению с их классическим проявлением в странах развитого капитализма.

В области *отношений собственности* отличительной чертой большинства трансформационных экономик является постоянное *перераспределение экономической власти (прав собственности и имуще-*

ства) под определяющим влиянием локального корпоративного регулирования («конкуренции» корпораций) и неэкономических факторов (государственные акты, коррупция и т.п.).

Действительным содержанием практически всех форм собственности в переходной экономике России является корпоративно-капиталистическое отчуждение работников от средств производства. Реальными хозяевами (институтами, концентрирующими в своих руках большую часть прав собственности, прежде всего — распоряжение и присвоение) становятся номенклатурно-капиталистические (кланово-капиталистические) корпоративные группы.

Эти структуры являются деформациями позднего корпоративно-го капитала, т.к. ими становятся старые и новые хозяйственные (производственные, торговые, финансовые и т.д.) системы. Они (1) предполагают не только экономическое (капиталистическое), но и внеэкономическое (бюрократическое и т.п.) принуждение к труду, наличие отношений добуржуазной (мафиозно-феодальной) структуризации и подчинения; (2) возникают, как правило, на базе политико-хозяйственной власти «номенклатуры» в результате трансформации в права собственников и легализации теневого сектора и сохраняют их черты; (3) организованы как закрытые бюрократические кланово-корпоративные структуры, «командные экономики» в миниатюре.

Можно сделать вывод, что трансформационная экономика характеризуется процессом интеграции принципов и черт тоталитарно-огосударственной собственности прошлого с различного рода деформациями тенденции корпоративизации собственности, свойственной позднему капитализму, и воссозданием добуржуазных форм принуждения и зависимости. Данные процессы свойственны в той или иной степени всем переходным экономикам, но в России они стали очевидно господствующими.

Среди закономерностей, характеризующих направленность развития трансформирующейся экономики России, бросается в глаза особенность тех социальных целей, на которые в реальности эта экономика ориентируется. Проанализированные выше способы координации (аллокации ресурсов) и содержание отношений собственности подавляют ориентацию на цели, характерные для классической буржуазной экономики (накопление капитала) и для общевиллизационной тенденции социализации (свободное всестороннее

развитие человека). Закономерностью воспроизводства и, следовательно, объективной направленностью («целью») трансформирующейся экономики кризисного типа становится концентрация экономической власти в руках номенклатурно- и спекулятивно-капиталистических корпораций.

Под этим авторы понимают концентрацию не только имущества, капитала; но и особой формы общественного богатства, соединяющей реальное присвоение средств производства, ликвидных ресурсов и иных хозяйственных благ с бюрократическим, волевым, насильственным контролем за определенной частью экономики. От традиционных корпораций развитых стран корпоративные группы в трансформирующихся экономических системах отличается качественно большая степень контроля за рыночными процессами, номенклатурно-бюрократический или спекулятивно-криминальный (и лишь в редких случаях «классический» частно-капиталистический) генезис и значительно более широкое использование добуржуазных, командных, вообще внеэкономических методов концентрации своей власти.

Таким образом, марксистский анализ и в области исследования трансформационных процессов оказывается существенно отличен от традиционных подходов. В том числе это отличие касается и того, что нормативный подход (мы должны то ли радикально, то ли постепенно переходить к то ли свободному, то ли регулируемому рынку) заменяется исследованием реальных глубинных противоречий, объективных процессов, причем рассматриваемых в широком контексте (во времени — в контексте общих тенденций XX — XXI веков; в пространстве — глобально; структурно — акцентируя внимание на сложной системе трансформаций производственных отношений с учетом технологических, социальных, культурных и т. п. параметров).

* * *

Крах, загнивание и закат капитализма, империализма и Европы многократно предсказывали ученые мужи самых разных направлений на протяжении всего XX века, да и ранее, однако же, практика показывает, что...

Конечно, ныне, в начале нового столетия, идея окончательной победы либерализма и «конца истории», как мы уже отмечали, ушла в прошлое. И хотя социалистическая критика позднего капитализма по-прежнему не в чести, ставшая модной ныне геополитика пророчит массу других проблем. Вызов гегемонии «первого мира» со стороны Китая и мусульманского мира и тому подобные сюжеты ныне скло-няются повсеместно.

Однако во всех этих геополитических угрозах слышится критика постмодернистского «первого мира» скорее из фундаменталистско-го прошлого. Более того, в них нет угрозы главному: рынку, частной собственности, капиталу (а по большому счету — и общественному разделению труда, принципам элитарности, эгоизма, религии и иным атрибутам современного мира отчуждения). По сути дела, не оспаривая складывающейся ныне гегемонии корпоративного ка-питала как господствующей социальной формы развития постин-дустриальных тенденций, «третий» и «второй миры» просто ищут путь своего самосохранения, причем главным образом на путях кон-сервативно-фундаменталистских, по большому счету — добуржу-азных.

Ортодоксальный марксизм зачастую пытается (как мы уже от-мечали во введении) критиковать содержание происходящих из-менений, подвергая сомнению наличие таких явлений, как глоба-лизация, снижение роли материального производства и индустри-ального рабочего класса и т.п.

Авторы же, повторим, предлагают иные, в принципе известные в рамках творческого марксизма тезисы:

— *уже в XX веке мир действительно, и по большому счету окон-чательно вступил на дорогу качественного изменения в технологиях, структуре и факторах производства. Определяющими социальный прогресс (и мира в целом, и отдельных стран) действительно стано-вятся процессы, лежащие «по ту сторону материального производ-ства», такой фактор, как творческий потенциал человека, такие об-ласти, как креато-(ноо-)сфера;*

— *попытки остановить эти процессы — реакционная утопия;*

— *не менее реакционно (а по сути дела, специально повторим, апологетично) и стремление выдать существующую ныне в странах «первого мира» социальную модель этих процессов за единственно*

возможную, нравственную, эффективную, для всех желательную, но, к сожалению, не для всех возможную.

* * *

Сформулированные выше тезисы являются не более чем аннотацией сложного комплекса идей, раскрываемых авторами в весьма объемной (более 40 авторских листов, более 400 источников...) работе «Глобальный капитал». Несмотря на значительный объем, эта книга — лишь одна из многих наших публикаций, где предложена система теоретических положений, которые, на наш взгляд, могут стать одним из слагаемых формирующейся школы постсоветского критического марксизма в России. Естественно, что эти положения могут и будут служить почвой для дебатов, и потому мы заранее выражаем признательность всем тем ученым, кто примет участие в обсуждении данных проблем.

Б.Ф. Славин

О социализме, свободе и тоталитаризме

Факты прошлой и современной истории свидетельствуют, что действительность буржуазного общества за столетия своего существования так и не сумела снять ключевое противоречие между трудом и капиталом: максимум, что ей удалось, — это смягчить и модифицировать его в развитых странах мира. Одновременно современный капитализм породил новые проблемы, связанные с острыми противоречиями процесса глобализации, международным терроризмом, экологической безопасностью населения Земли, растущим антагонизмом между Севером и Югом, социальной беззащитностью иммигрантов в развитых странах, трагедией народов Югославии и Ирака, резким падением жизненного уровня народов России. Нет никакой уверенности, что капитал в принципе может решить эти или подобные проблемы. Там, где есть корыстные интересы наживы, страдания простых людей будут продолжаться.

В первую очередь это относится к России, где реставрированный в 90-е годы капитализм приобрел наиболее варварские и разрушительные формы. Вместе с тем, чем глубже в плоть российской действительности входят буржуазные отношения с их атрибутами поклонения «золотому тельцу», общественного неравенства, непрекращающихся национальных и социальных конфликтов, безработицы и низкопробной массовой культуры, тем больше людей ищут им действенную альтернативу. Если не брать во внимание религию, которая сегодня всячески навязывается властями общественному сознанию, то такой альтернативой может быть только социализм с его идеалами свободы, справедливости, гуманизма и интернационализма.

«Социализм» — понятие многозначное. Оно связано с характеристикой общественного устройства, названием политических дви-

жений и партий, определенной идеологией и т. д. Существуют разные основания при различении типов социализма. Например, с классовой точки зрения говорят о феодальном, буржуазном, мелкобуржуазном и пролетарском социализмах. Характеризуя властные отношения, выделяют государственный, бюрократический, демократический и самоуправленческий социализмы. С позиций познания и практической осуществимости рассматривают научный, утопический, идеальный, реальный, «мутантный» и др. виды социализма.

Как известно, понятие «социализм» было впервые введено в научный оборот Пьером Леру в качестве альтернативы понятию «индивидуализм»¹. Оно подчеркивало значение и роль общественного начала в человеческом сообществе. Отсюда некоторые теоретики стали видеть отличительную специфику социализма только в преобладании общественного начала над частным². И хотя в таком понимании социализма есть доля истины, я не склонен его преувеличивать. В этом случае понятие «социализм» приобретает во многом внеисторический, сугубо абстрактный характер. Так, примат общего над частным можно наблюдать и в первобытных обществах, однако называть их социалистическими вряд ли возможно. Как известно, Маркс связывал специфику социализма прежде всего с материальными предпосылками его зарождения в недрах капиталистического общества, в частности, с тенденциями реального обобществления труда и наличием активного рабочего класса. Социализм в научном понимании, конечно, начинается со взятия власти рабочим классом и кончается ликвидацией всех и всяческих классов. В этом смысле социализм выступает посткапиталистическим обществом, которое наследует у капитализма все лучшее, что накоплено мировой цивилизацией и культурой.

Многомерность научного понятия «социализм» наиболее наглядно проявляется в его различных определениях. Так, с философско-исторической точки зрения социализмом называют первую фазу преодоления эксплуатации и всех видов социального отчуждения; с экономической точки зрения социализм выступает как результат

¹ См. подробнее: Славин Б.Ф. Социализм и Россия. М.: Едиториал УРСС. 2004. С. 29, 69 и др.

² См.: Коммунист, № 4. 1991. С. 31.

реального обобществления производства; с точки зрения процесса строительства нового общества социализм — это живое творчество масс; наконец, с социально-политической точки зрения — это власть трудящихся, утверждение демократии, самоуправления и свободы личности.

Давая самое общее и простое определение понятию «социализм», можно сказать, что наука видит в нем такое общество, в котором власть принадлежит трудящимся и служит удовлетворению их интересов.

К сожалению, бывшая советская власть, провозгласившая своей конечной целью построение социализма в СССР, на практике не всегда выражала и удовлетворяла интересы людей труда. Мало того, она нередко направлялась против них: незаконные массовые репрессии в сталинские времена, нарушение социальной справедливости и двойная мораль в брежневскую эпоху, неумение вовремя оседлать научно-техническую революцию и поднять жизненный уровень народа в восьмидесятые годы полностью подтверждают этот тезис. Именно эти негативные явления послужили в конечном счете причиной ее крушения в начале девяностых годов.

«Проницательный читатель» может спросить: зачем так много говорить о социализме, если он уже сошел в нашей стране с исторической сцены? Отвечу просто: история социализма не сразу делается. Есть много людей и политических партий, до сих пор разделяющих и отстаивающих социалистические идеалы. Нельзя также сбрасывать со счетов и те завоевания трудящихся, которые были рождены Октябрьской революцией и наглядно проявились в ликвидации остатков Средневековья и социально-экономического неравенства, в решении проблемы трудовой занятости и удовлетворении основных потребностей населения, индустриализации и создании стабильной системы социальной защиты, в массовом образовании, передовой науке и культуре. Эти завоевания до сих пор во многом продолжают стабилизировать политическую обстановку в России, во второй раз переживающей первоначальное накопление капитала со всеми вытекающими отсюда негативными, а иногда и трагическими последствиями. Как революция находит свою меру в реставрации, так и социализм в России может найти свою меру в становлении современного «дикого» капитализма.

Во всяком случае, не следует забывать, что падение советского социализма — лишь исторический зигзаг на пути прогрессивного развития человечества. Оно не означает прекращения социалистического строительства в других странах, тем более оно не означает исчезновения социалистических идей и ценностей: напротив, они продолжают сохранять свою актуальность для тех, кто ищет действенную альтернативу миру отчуждения и насилия, кто считает, что лучший мир возможен и за него следует бороться.

Умение видеть противоречивость реального капитализма и социализма, их сильные и слабые стороны дает возможность правильно наметить линию в спорах о необходимости и прогрессивности идеала социализма, под которым мы понимаем такое общество, где труд властвует над капиталом в отличие от классического буржуазного общества, где капитал господствует над трудом. В таком обществе прошлое постепенно перестает господствовать над настоящим, и люди начинают сознательно творить свою историю, подчиняя себе вещи и общественные отношения. В то же время переходный характер социализма показывает возможность сосуществования в этом обществе элементов прошлого (капитализм) и будущего (коммунизм).

В литературе понятие «социализм» часто связывают только с господством общественной собственности на средства производства. Такое узкое понимание социалистического общества явно недостаточно. Оно носит сугубо экономический характер. Маркс, напротив, отождествлял социализм с переходом к гуманистическому обществу, где экономика становится не целью, а средством социального и духовного развития людей. Что же собой представляет социализм в его философской и научной аутентичности? Каковы его характерные и сущностные признаки?

Нам представляется, что отличительным признаком, позволяющим выделить концептуальный стержень разных ипостасей и граней социализма, является идея свободы. Она выступает действенной альтернативой зависимости человека от денег, разделения труда и социального отчуждения в буржуазном обществе. Движение к социализму означает не что иное, как рост реальной свободы человека. При социализме начинает исчезать всякое отчуждение, свойственное прошлой истории, и человек возвращается к себе как человеку обще-

ственному. Здесь люди постепенно перестают противостоять друг другу как враждебные классовые индивиды. Они начинают дополнять и творить друг друга как свободные существа, наделенные разумом и сердцем.

Сегодня необходимо возродить и развить понятие социализма как всеобщего дела свободы. В этом же смысле следует говорить и о всемирно-исторической миссии рабочего класса, призванного в конечном счете освободить самого себя и все человечество от всех форм угнетения и порабощения, сделать труд каждого человека творческим и всеобщим. Можно сказать, что рабочий класс является объединителем человечества для высвобождения его созидательных потенций и производительных сил. Логически и исторически верно заключение о том, что социализм есть такой феномен, который, преодолевая крайности индивидуализма, генетически связан с такими фундаментальными ценностями, как солидарность, справедливость, гуманизм и свобода. При этом свобода здесь не должна пониматься только через отрицание, только как свобода «от». В крайнем своем выражении подобная свобода есть свобода от всего материального. Понятно, что она не достижима в реальном мире: ее удел — это потусторонний религиозный мир.

Марксистское понимание свободы, напротив, позитивно и материалистично. В этом случае она определяется через такие понятия, как «власть», «мощь», «господство», «деятельность», «труд». Свобода — это власть человека над окружающей его природной и социальной средой, над реальными обстоятельствами жизни. Свобода без власти — звук пустой.

Маркс и Ленин использовали категорию «свобода» для обозначения конечной цели революционной борьбы рабочих не случайно. Она наиболее полно выражает сознательное отношение людей к условиям их жизни. Без нее невозможно управление общественными отношениями и ходом истории. В таком понимании свободы человек рассматривается не как пассивный объект управления, а как творческий и активный субъект деятельности или самодеятельности. Социализм с необходимостью возникает там, где власть используется в интересах трудящихся, для их полного освобождения от всех форм рабства и угнетения. По Марксу и Энгельсу, свобода — это «преодоление препятствий», это «власть над обстоятельствами и от-

ношениями», опирающаяся на познание объективных законов природы и общества¹.

Отсюда понятно, что свобода трудящихся невозможна без взятия ими политической власти, призванной выражать их всеобщие интересы. Не может быть свободы и без экономической власти, без собственности на средства производства. При этом следует заметить, что частная собственность ведет к свободе частного собственника, общественная собственность — к свободе всего общества или отдельных объединений и ассоциаций трудящихся. В условиях господства частной собственности свобода для одних означает несвободу для других — «чужое» для них дело.

Реальной свободой обладают те, кто владеет средствами производства и обращения. При этом производство должно экономически и технологически дозреть до обобществления, до ассоциированной собственности — материальной основы «свободной ассоциации» людей. Общественная или ассоциированная собственность — не сама по себе свобода, а лишь ее необходимая основа, условие, путь к ней. Этот путь может быть искажен, если общим достоянием распоряжается не общество, а бюрократия.

Есть важный аспект технологической свободы, возвышающий человека над природой, над отношениями вещей. Свобода иллюзорна при низком уровне производительных сил, при формальном или насильственном обобществлении. Овладение стихией производственных отношений определяет свободу в экономической сфере. Свобода в социальной сфере есть сначала смягчение, а затем и ликвидация зависимости от тяжелых условий труда и быта. Человек не должен страдать от тяжести физического труда, нищеты, убогости быта и сферы обслуживания. Решение этих проблем способствует росту степеней социальной свободы.

Свобода в области культуры — это овладение людьми ценностями высокой культуры в противоположность владению стандартизированной массовой культурой. Только преодолев пропасть бескультурья, достигнув высот в духовном развитии каждого человека, можно говорить о свободе в этой сфере. Культура производства, обмена,

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 292, 298; Т. 20. С. 116; Т. 46. Ч. 2. С. 109.

торговли, общения и т. д. — лишь отдельные проявления такой свободы.

Выяснение сущности свободы подводит нас к более глубокому пониманию социализма. В отличие от свободы немногих в капиталистическом обществе социализм имманентно связан со свободой многих, т. е. большинства трудящихся. Повторюсь, трудящиеся достигают свободы лишь тогда, когда овладевают политической и экономической властью, когда используют ее в интересах всех объединившихся вокруг них индивидов, всего общества. Здесь корни подлинного коллективизма. Социализм — это коллективистское общество, это движение людей труда ко всеобщему благу.

Анализ античного, азиатского, феодального и — специально — капиталистического способов производства привел К. Маркса к выводу о естественно-историческом вызревании социально-экономических предпосылок социалистического общества, преодолевающего отчуждение, эксплуатацию человека человеком, индивидуализм и эгоизм. По его мнению, такое общество рано или поздно породит утверждающий коллективизм как гармонию личных и общественных интересов, как свободу и взаимопомощь, умножающие творческие возможности каждого индивида. Такое органическое взаимодействие индивида и коллектива, личности и общества и есть подлинный социализм, который отличается, с одной стороны, от капитализма с его анархией и эгоизмом интересов, а с другой — от «казарменного коммунизма», в котором происходит тоталитарное поглощение личности государством.

Для Маркса и его последователей индивидуальное проявление свободы возможно лишь в коллективе, ибо человеческий индивид по природе своей сугубо общественное существо. В условиях подлинного социализма или коллективизма свобода личности обеспечивается ассоциацией и посредством нее. Коллективность, в том числе государственность, должна выступать не противоположностью личности, а условием ее свободного развития и выражения. Здесь контроль трудящихся над государством — основное условие. Свобода начинается там, где государство полностью подчинено и подконтрольно народу, где коллектив не противостоит личности, а продолжает ее.

Формула демократии: «власть трудящихся и для трудящихся» является, на мой взгляд, определяющей для специфики социализма.

В этом смысле демократия и социализм — понятия неразрывные. При имевшихся в советской истории деформациях государства это коренное свойство социализма смазывается. Когда власть трудящихся узурпируется и от их имени начинает править один человек или узкая группа лиц (бюрократия), свобода масс исчезает, и нарастают многообразные процессы социального отчуждения. Бюрократизм и формализм власти порождает отчуждение человека от человека, от труда и самой власти. Раскрестьянивание, чрезмерная работа на фабрике или заводе, антигуманизм в социальной сфере — примеры обратного движения от свободы к рабству, это прямое извращение социалистического идеала и социалистического бытия. Именно это извращение и берется за основу при критике социализма. Так, сегодня псевдодемократическая критика социализма без конца повторяет максимум известного неолиберального фундаменталиста Ф. Хайека о том, что «социализм — это дорога к рабству». Но нельзя забывать, что для Ф. Хайека социализм тождественен безликому бюрократическому планированию и тотальному коллективизму, в котором нет личности а, стало быть, и свободы.

На самом деле социализм как результат сознательного подхода к истории не сводится только к планированию. отождествление социализма с директивным планированием весьма далеко от научного или марксистского его видения. В этой связи следует напомнить известный спор Ленина и Плеханова по поводу содержания первой Программы социал-демократической партии России, где Плеханов пытался связать определения социализма только с планированием и удовлетворением потребностей людей. В ответ Ленин говорил, что планирование и удовлетворение потребностей осуществляется в определенной степени и при капитализме трестами. Социализм есть нечто большее: это общество, где удовлетворяются потребности не только отдельных групп общества, а всех членов общества и за счет всего общества. Здесь властный приоритет отдан трудящимся, которые должны в конечном счете создать условия для свободного и всестороннего развития личности¹. Как мы видим, это прямо противоречит тому, что утверждают Ф. Хайек и его современные последователи в России.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 204.

Освобождение всех производительных и творческих сил человека для достижения всеобщего блага — вот открытый Марксом закон, объективно пробивающий себе дорогу в истории человечества. Вместе с тем история учит, что искусственно форсировать данную тенденцию и насильственно навязывать людям «лучшее будущее» — значит блокировать развитие социализма.

Место и роль политики здесь должны быть строго функциональны. Чрезмерное расширение сферы и методов политики ведет, как правило, не к свободе, а к бегству от нее. Любое нарушение меры в органике процессов становления и формирования социализма чревато формальной переорганизацией, абсурдом, тотальностью. Это и происходит в условиях мелочного директивного планирования, расширения государственных функций до прямого вмешательства в личную и общественную жизнь. Здесь свобода превращается в произвол, коллективизм — в тотальность, общее благо — в выгоду государственных чиновников.

Чтобы избежать ловушки тотальности для социализма и свободы, следует помнить, что тоталитаризм может вырасти из абсолютизации коллективистских или государственных начал. Тождество и различие, «то же и иное» — на этих принципах должны строиться основы самоорганизации социалистического общества. Философская формула «единство многообразного» применительно к свободе при социализме означает, что свобода людей должна гарантироваться разнообразием видов общей и индивидуальной собственности, форм хозяйствования, политическим представительством разных социальных интересов и т. д. Именно к этому подошел Ленин в своем анализе нэпа и реальных противоречий становления социализма в двадцатые годы.

Как известно, политика нэпа позволила в кратчайшие исторические сроки вывести Россию из разрухи и тем самым сохранить советскую власть. Вместе с тем Ленин видел в нэпе гораздо больше, чем просто политику, рожденную необходимостью выживания страны, как своеобразный тактический маневр. Осмысливая позитивные результаты нэпа в России, Ленин пришел к выводу о закономерности этой политики для всех стран, вступающих на путь социалистического строительства. В одной из своих работ он прямо спрашивает: «...Как (НБ) подойти к социализму?» И отвечает: «Не иначе как через

НЭП»¹. Считая «военный коммунизм» ошибочной политикой забегающего вперед, он говорит о нэпе как о необходимой предпосылке, без которой победа социализма в России невозможна. В своей последней речи на Пленуме Московского совета 20 ноября 1922 г. он подчеркивал, осмысливая результаты нэпа: «Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой — либо отвлеченной картины, или какой-либо иконы... Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что, как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей и как много трудностей она нам ни причиняет, — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая»².

Стремление «разобраться» с той действительностью, которая рождалась благодаря нэпу, вылилось у Ленина в ряд его последних статей, посвященных вопросам кооперации, национальных отношений, реформе политической системы и другим важнейшим вопросам строительства социализма и будущего России. Эти статьи как раз и отвечают на вопрос: при каких условиях из России нэповской станет Россия социалистическая? Одним из таких условий он считал проведение в жизнь идеи кооперации как составной части общественной культуры. В этой связи Ленин писал: «Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную “культурную” работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество»³. Под словом «культурничество» Ленин понимал целую революцию, которая должна дать «развитие материальных средств производства», поголовную

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 440.

² Там же. С. 309.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.

грамотность и просвещение масс, кооперирование в деревне и т. д. Он писал в 1923 году: «...Культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования, мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве»¹.

Один из моих критиков как-то заметил, что я отождествляю социализм с нэпом. Это не соответствует сути дела. Я рассматривал и рассматриваю нэп как необходимую дорогу к социализму. Сразу после Октября зародышем социализма стала советская власть и различные национализированные средства производства. В это время в стране существовало по меньшей мере пять укладов, начиная с первобытного и кончая госкапитализмом и социализмом. Позднее утверждение социализма было связано уже с реальным преобладанием социалистической собственности, подъемом производительных сил страны, кооперированием, приданием законодательных функций Госплану, решением национальных и важнейших социальных проблем, развитием демократии и т. д. При этом социализм как переходное общество продолжал сохранять в себе многообразие форм собственности, рынок, деньги и другие оставшиеся от капитализма формы экономической жизни. Именно этим вопросам и были посвящены последние работы Ленина, в которых он разрабатывал новое, во многом неклассическое видение социализма в отдельно взятой стране. Его в определенной степени можно назвать рыночным.

Есть утверждение, что крах «социализма» в СССР и «развал мировой социалистической системы» подтвердили идею о том, что никакого социализма в советском обществе не было. На мой взгляд, падение реального социализма в СССР и странах Восточной Европы доказывает другое: для победы социализма недостаточно взять политическую власть в одной стране или ряде стран: нужно уметь ею пользоваться так, чтобы одерживать постоянные победы над миром капитала во всех сферах жизни, начиная с экономики и кончая политикой. Конечно, подобная победа не может быть абсолютной или окончательной до тех пор, пока в других странах будет сохраняться капитализм. Опыт создания и крушения социализма в XX веке показывает, что окончательная победа социализма возможна лишь в

¹ Там же.

мировом масштабе. Однако к ней невозможно прийти, не реализовав сначала успешное строительство социализма в одной стране или ряде стран. Одним словом, если страна, вставшая на путь социалистического строительства, сумеет обогнать развитые капиталистические страны по производительности труда и эффективности производства, сможет на этой основе создать наивысший уровень жизни своему народу, реализует более полную и широкую демократию, победа социализма в этой стране будет обеспечена. Подчеркну, расширение демократии — важнейшее условие жизнеспособности нового общества. Без этого социализм не может привлечь к себе симпатии миллионов трудящихся всего мира, тем более стать его прогрессивным революционизирующим фактором.

К сожалению, социалистическая революция с приходом к власти Сталина во многом захлебнулась. Ее идеалы со временем были девальвированы и извращены. Вскоре после Октябрьской революции реакция подняла голову, паразитируя на усталости масс. Главную роль в этом сыграл лично Сталин, опираясь на созданный им репрессивный аппарат власти. На мой взгляд, марксистское понимание социализма никакого отношения к сталинскому пониманию не имеет. Говоря коротко, при Сталине не социализм был для человека, а человек для социализма. Тем самым он полностью дискредитировал марксистское гуманистическое прочтение социалистической идеи. По сути дела, он воспроизвел на практике знаменитую легенду Достоевского о Великом инквизиторе, считавшем, что народ не нуждается в свободе: ему нужны для счастья лишь сытость и слепая вера в авторитет.

Следует отметить, что впервые критическое осмысление режима Сталина было начато не Хрущевым на XX съезде КПСС и не Солженицыным с его «Архипелагом ГУЛАГом», как считают многие, а «левой оппозицией» сразу после смерти Ленина. Тогда сталинский режим называли разными словами: «бонапартизм», «термидор» и т. д. Лишь позднее Троцкий его назовет «тоталитаризмом», и этот термин войдет в научный и политический обиход. Следует также отметить, что задолго до Солженицына сталинский тоталитаризм нашел свое художественное отражение в малоизвестных у нас романах Виктора Сержа — талантливого русско-французского писателя, публициста и революционера.

Прежде чем охарактеризовать природу сталинского тоталитаризма, ответим на вопрос: что вкладывается в понятие «тоталитаризм» вообще? Как известно, впервые это понятие стало употребляться в Европе. Его использовали Муссолини, другие политики и философы для характеристики режима государственной власти, охватывающего своим политическим влиянием практически все сферы общественной жизни в современном массовом обществе. Наиболее тесно понятие «тоталитаризм» связано с фашистскими политическими режимами государственной власти. Вот, например, что говорил Муссолини о роли фашистского государства в обществе в своей известной статье «Доктрина фашизма»: «Фашистская концепция Государства всеобъемлюща; вне его не существует ни человеческих, ни духовных ценностей, либо они имеют ценность значительно меньшую. Понимаемый таким образом фашизм тоталитарен, и фашистское Государство — синтез и объединение, включающее в себя все ценности, — объясняет, развивает и придает силу всей жизни народа»¹. По мнению Муссолини, «вне Государства нет индивидов, или групп (политических партий, экономических союзов, социальных классов)»². Оно организует нацию и является центральным мотивом человека, оно живет в его сердце, является своеобразной «душой души».

Как мы видим, Муссолини словом «тоталитаризм» характеризует всевластие и всеобщность государства, в котором он видит важнейший и отличительный признак фашистской доктрины, позволяющий отличить ее от социализма, либерализма, тред-юнионизма и других социальных учений. И в этом он совершенно прав: либерализм минимизирует роль государства в обществе, а социализм, как и анархизм, ставит своей стратегической целью ликвидацию государства вообще. По мнению марксистов, государство есть признание относительной неразвитости общества, всеобщего отчуждения в нем человека, выражение непримиримости классовых отношений. С уничтожением последних оно с необходимостью отмирает. Однако в отличие от анархистов, отрицающих государство и политическую

¹ См.: Антология мировой политической мысли в пяти томах. М., 1997. Т. 2. С. 237.

² Там же. С. 237–238.

власть с порога, социалисты признают необходимость государства в условиях перехода к бесклассовому обществу. Что касается стремления Сталина, неосталинистов и наших современных «державников» из КПРФ связывать социализм, по сути дела, с вечным господством государства, здесь можно сказать лишь одно: данное стремление ближе к политической философии Муссолини, чем к марксизму и социализму.

Фашизм рассматривает государство как некую корпорацию, в которой объединяются все: буржуа и пролетарии, крестьяне и интеллигенция. Оно разрешает противоречия капитализма, личности, семьи и общества, подчиняя их единой политической воле. Фашистское государство является духом нации, связывая различные социальные группы и различные поколения между собою. Такое тотальное государство не есть государство прошлого: оно плод XX века.

Аналогичное понимание тоталитаризма развивает знаменитая ученица немецкого философа Карла Ясперса Ханна Арендт. По ее мнению, тоталитаризм есть следствие атомизации личности в обществе, возникшей в XX веке. Только полностью атомизированный или изолированный человек, лишенный различных социальных привязанностей, порождаемых семьей, друзьями, сослуживцами, может быть предан вождю, тоталитарному движению или государству. «Тоталитарные движения, — пишет Арендт, — это массовые организации атомизированных, изолированных индивидов. В сравнении со всеми другими партиями и движениями их наиболее выпуклая внешняя черта есть требование тотальной, неограниченной, безусловной и неизменной преданности от своих индивидуальных членов. Такое требование вожди тоталитарных движений выдвигают даже еще до захвата ими власти»¹.

Как ни парадоксально, но изолированность индивида возникает с возникновением массового общества, в котором нет четкой классовой или иной социальной структурированности, где люди перестают верить в политические партии, профсоюзы, организации местного самоуправления и т. п. В каждой стране существуют большие массы политически равнодушных людей: они не ходят на выборы, не вступают в имеющиеся партии, не интересуются идейной борь-

¹ Там же. С. 540.

бой. Именно они составляют социальную базу фашистских и тоталитарных режимов, которые используют их безразличие и нейтральность, их своеобразную маргинальность в своих интересах.

Крушение традиционной социальной стратификации и появления маргинальных и люмпенизированных масс после Первой мировой войны в Германии и России заложило фундамент для возникновения тоталитарных режимов Гитлера и Сталина. Но если немецкий тоталитаризм стал реакцией на тяжелые последствия послевоенной эпохи и неспособность социал-демократических правительств организовать социальный порядок на основе буржуазной конкуренции, то сталинский тоталитарный режим, паразитируя на усталости масс от революции и гражданской войны, прибегал к сознательному уничтожению любых проявлений социально-политической оппозиции существующей власти. Х. Арендт считает, что Сталин «искусственно» создавал атомизированное общество, которое для Гитлера приготовили исторические события. В отличие от Ленина, который публично анализировал свои ошибки и всегда исходил в политике из учета различных общественных интересов, Сталин нивелировал социальные интересы и почти всегда списывал свои ошибки на других. Так было при коллективизации, когда под видом борьбы с кулачеством экспроприировались середняки, так было во время индустриализации, когда стахановские методы организации труда волевым способом переносились на весь рабочий класс, так было в предвоенный период и во время Отечественной войны, когда ошибочные решения вождя переносились на подчиненных ему генералов и офицеров.

Тоталитаризм предполагает характерное разделение общества на всевластного вождя и послушную некритическую массу. Интересно замечание Ханны Арендт о том, что высококультурные люди вовсе не противостоят массовым тоталитарным движениям. Даже, напротив, «развитой индивидуализм и утонченность не предотвращают, а в действительности иногда поощряют саморастворение в массе»¹. Тоталитарное общество — это всегда безликая масса, где существует лишь две позиции: вождь и все остальные. Причем ни бюрократия, ни партии, ни какие-либо общественные организации не играют здесь никакой самостоятельной роли.

¹ Там же. С. 531.

Вождь и верящая в него безликая масса людей тесно взаимосвязаны друг с другом: они в определенном смысле творят друг друга. Так, Гитлер выступая перед штурмовиками говорил: «Все, что вы есть, вы есть со мною. Все, что я есть, я есть только с вами». Отсюда один шаг до обожествления вождя и религиозного преклонения перед ним, что мы и встречаем во всех видах тоталитаризма. Это хорошо подтверждает известный гиммлеровский девиз для эсэсовцев: «Моя честь — это моя верность».

Важнейшей чертой тоталитаризма является постоянное вмешательство государства во все области жизни людей. Он не принимает независимого существования какой-либо деятельности людей, какого-либо их своеобразия. По остроумному выражению Арендт: «Если тоталитаризм воспринимает свою цель всерьез, он должен прийти до такой точки, где захочет раз и навсегда покончить с нейтральностью даже шахматной игры». Подтверждением этого тезиса может служить чрезмерная политизация шахматных соревнований на звание чемпиона мира в СССР во второй половине XX века.

Таково, в общем, основное понимание тоталитаризма как некоторой политической формы управления обществом. Не буду углубляться в другие трактовки его понимания, которых много в литературе. Разница между Арендт и Муссолини в интерпретации тоталитаризма состоит в том, что Муссолини отводил бюрократии определенное место в обществе и государстве, Арендт же считает, что бюрократия при тоталитаризме не имеет никакого самостоятельного значения.

До сих пор я говорил об общем понимании тоталитаризма, как оно представлено в литературе. Обычно это понятие рассматривают не как характеристику режима политической власти, а как определение социально-экономического строя общества. На мой взгляд, такой подход закрывает путь к познанию и анализу советского общества и его противоречивой истории. Тоталитаризм, говоря марксистским языком, явление надстроечное, а не базисное, хотя он и оказывает свое обратное влияние на базис. Что касается сталинского тоталитаризма, то он тоже явление сугубо политическое. Это объясняет, в частности, вопрос, почему «левая оппозиция», выступая против сталинизма, говорила о необходимости в СССР политической, а не социальной революции, свержения сталинизма, а не советского

стройка. По ее мнению, свержение сталинизма в ходе политической революции могло бы восстановить в советском обществе ленинские демократические ценности и политику Октября. Позднее фактически того же хотели и представители «правой оппозиции», выступавшие против Сталина. Что же касается тех, кто в 30-е годы умирал в застенках ГУЛАГа с именем Сталина на устах, то, как правило, это были жертвы пропаганды, отождествлявшей социализм со сталинским режимом государственной власти.

Повторю, тоталитаризм — это понятие, характеризующее сугубо политический режим государства. И хотя этот политический режим может охватывать все стороны общества, от семьи, экономики до социальной и духовной сфер, он тем не менее выступает сугубо надстроечным явлением, которое не следует отождествлять с социально-экономическим строем общества. Надстроечный характер тоталитаризма позволяет нам лучше понять советскую историю, которую нельзя сводить к существованию только одного вида политического режима: их, конечно, было несколько. Так, на смену сталинскому тоталитаризму со временем пришло авторитарно-демократическое правление Н.С. Хрущева, сменившееся, в свою очередь, определенным возрождением урезанного неосталинизма в эпоху Л.И. Брежнева. Что касается горбачевской перестройки, то она как всестороннее отрицание сталинского тоталитаризма и его последствий дала наглядный пример возможности существования демократического режима в условиях социалистического выбора.

Итак, тоталитаризм в Советском Союзе возникает с приходом к власти Сталина. Окончательно он формируется в 30-е годы, когда были полностью ликвидированы элементы социалистической демократии, существовавшие после Октября 1917 года. Известно, что в 20-е годы существовали различные формы проявления гражданской активности, демократии и свободы: в частности, в сфере культуры функционировали различные художественные школы и течения, выходило множество литературных журналов различной эстетической направленности, развивалось самодеятельное народное творчество. В то время, вдохновленные идеалами Октября представители творческой интеллигенции создали целые пласты новой советской культуры, включая такие шедевры литературы и искусства, как «Двенадцать» Блока, стихи и поэмы Маяковского, конармейские расска-

зы Бабеля, «Тихий Дон» Шолохова, «Броненосец «Потемкин» Эйзенштейна и др. С укреплением власти Сталина окончательно сворачивается революционная демократия, уничтожаются полностью все виды и формы политической оппозиции режиму, намечается спад в литературе и искусстве.

Какова же природа сталинского тоталитаризма? Она коренится в двойственной природе бюрократии, составляющей его социальную базу. Как известно, бюрократия не является самостоятельным классом: она выполняет (хорошо или плохо) обслуживающую социальную функцию в обществе. Если у власти стоит рабочий класс, она, чтобы жить и функционировать, вынуждена считаться с его интересами, если у власти — буржуазия, то бюрократия обслуживает ее классовые интересы. Конечно, это не мешает ей иметь свои собственные интересы, которые она удовлетворяет за счет привилегий правящей касты. В этом плане советская бюрократия вынуждена была, с одной стороны, охранять интересы трудящихся, которые взяли власть в ходе Октябрьской революции, т. е. охранять национализированную экономику, плановое хозяйство, власть Советов, с другой — подтачивать корни революции с помощью постепенного разрастания своих привилегий, усиления бюрократизма, незаконных массовых репрессий и сосредоточения власти в руках одного человека — Сталина. Как свидетельствуют новейшие исторические документы (в частности, недавно опубликованные «расстрельные списки» сотен людей, которых приговорил к смерти своей подписью Сталин), не революция «пожирала собственных детей», а лично Сталин со своими ближайшими соратниками уничтожили всю так называемую ленинскую гвардию. Это они вместо постепенного сворачивания насильственной функции государства и расширения социалистической демократии создали всепроникающую машину уничтожения инакомыслящих, это они вместо научного марксистского мировоззрения создали религию коммунизма, по которой идеальное будущее нуждается в жертвоприношениях настоящего. В этом смысле Сталин справедливо заслужил звание «могильщика революции».

Почему же сталинский тоталитарный режим так долго мог существовать в СССР? Ответ на этот вопрос также вытекает из двойственной природы советской бюрократии, которая могла паразитировать на шее рабочего класса только при одном условии: если она сохра-

няла и защищала господство этого класса, его национализированную экономику, его социально-политический строй, возникший в ходе Октябрьской революции. Эту двойственную природу бюрократии и сталинского режима власти мало кто из современных исследователей и политиков понимает, хотя с ее помощью объясняется многое в истории, в частности, такие малопонятные и противоречивые действия Сталина, как восхваление Ленина и скрытое враждебное отношение к нему, особенно к его Политическому завещанию, необоснованный и резкий переход от нэпа к политике насильственной коллективизации, оказание помощи Испанской революции и уничтожение в этой стране многих тысяч революционеров-интернационалистов, критика фашизма и установление тесного сотрудничества с нацистской Германией накануне Второй мировой войны и т. д., и т. п.

Сталин как персонификация советской бюрократии, как ее вождь был вынужден одновременно защищать советский строй и деформировать его, защищать завоевания революции и извращать ее социалистическую направленность. Деятельность Сталина в большинстве случаев противоречила социализму и его идеалам, хотя она и прикрывалась марксистской фразеологией и лозунгами социалистической революции. Поэтому не следует смешивать сталинизм, или сталинский тоталитаризм, с сутью советского общественного строя, основы которого были заложены Октябрьской революцией. Тем более не равнозначны понятия «социализм» и «сталинизм», на чем настаивают современные неосталинисты и смыкающиеся с ними неолибералы. Сталинизм — это не только извращение социализма: он его прямой антипод.

Непонимание двойственной природы сталинского режима присуще сегодня многим идеологам правого и левого толка. Так, либерально настроенные идеологи утверждают, что сталинизм мало чем отличается от гитлеризма. Некоторые из них даже утверждают, что первый намного хуже последнего. Конечно, с формальной стороны и по своей кровожадности эти два тоталитарных режима похожи друг на друга как две капли воды. И там, и там были отказ от демократии и узурпация власти одним человеком, и там, и там существовали концлагеря и их многочисленные жертвы, и там, и там был оболванивающий многих культ личности вождя.

В то же время, при более глубоком сравнении этих режимов возникают вопросы: почему, например, эти два режима вели войну друг с другом? Почему развитые демократические государства в итоге выступили на стороне СССР, воевавшего против фашистской Германии, предпочтя в трудную минуту иметь дело со Сталиным, а не с Гитлером? Наконец, почему даже наиболее последовательные анти-сталинисты в лице троцкистов и их вождя выступили за защиту СССР в возможной войне с фашистской Германией? Думаю, что ответы на эти вопросы дают возможность всесторонне понять сущность сталинизма и тем самым прийти к объективному суждению о нем.

Столкновение двух видов тоталитаризма (сталинского и гитлеровского) было обусловлено прежде всего противоположностью социально-классовой природы того общественного строя, который они обслуживали. Сталинский тоталитаризм вырос и паразитировал на базе завоеваний Октябрьской революции, давшей впервые в истории государственную власть трудовому народу. Сталин, со временем узурпировавший эту власть, был вынужден защищать советское государство против его внешних врагов. Гитлеровский нацистский режим возник из стремлений финансовой буржуазии Германии к мировому господству, и эту потребность он последовательно обслуживал своей агрессивной внешней политикой. Социально-классовая противоположность этих режимов во многом объясняет факты поощрения агрессивных действий Гитлера со стороны западных демократий в начале войны и открытие второго фронта против фашистской Германии на ее исходе. Поддержка СССР в войне с Германией стала возможной для западных демократий лишь тогда, когда они почувствовали угрозу собственному существованию со стороны гитлеровского фашизма. Сталинский режим, перешедший к тому времени от интернациональной к национал-державной политике, был в этой войне для Запада меньшим злом, чем гитлеризм, рвавшийся к мировому господству и требовавший покончить с «гнилой демократией» западных государств. Учитывал Запад и то, что Сталин в отличие от Гитлера все-таки не сжигал в печах миллионы людей, не набивал волосами своих жертв спальные матрасы и не выделял из кожи заключенных абажуры.

Что касается таких последовательных противников сталинизма, как троцкисты, то их защита СССР в этой войне обуславливалась не

их компромиссом со Сталиным, а стремлением защитить основы того строя, которые были заложены Октябрьской революцией. Для них Сталин, защищавший СССР, а стало быть, и его социальные основы, являлся меньшим злом, чем Гитлер и нацизм, стремящиеся одержать победу в войне не только над советским государством, но и полностью покончить с большевизмом и коммунизмом.

Тоталитаризм и сталинизм — понятия во многом тождественные. Подрывая демократические и социалистические основы советского общества, сталинизм стал причиной деформации не только советского государства, но и самой идеи социализма. Имеющаяся сегодня аллергия у многих людей на социализм — это во многом следствие сталинизма, который нанес глубокую и до сих пор кровоточащую рану всему левому движению.

«Сталинизм» и «Сталин» — понятия родственные, но не тождественные. Что касается первого понятия, то, как я уже говорил, оно характеризует тоталитарно-репрессивный режим власти, который создали Сталин и его команда. Что касается понятия «Сталин», то оно относится к конкретно-исторической личности, которая правила в СССР почти тридцать лет. Хотя этого или нет противники Сталина, но он вошел в историю советского государства. Другое дело — оценка его как политика. В этом отношении одни считают его «исчадием ада», другие — «великим политиком» и «вождем всех народов». На мой взгляд, противоречивая личность Сталина должна оцениваться «по ее плодам», т.е. по результатам ее конкретной деятельности. Конечно, Сталин был тираном, может быть, самым большим тираном в истории человечества; тем не менее нельзя исключать, что в отдельных случаях его деятельность могла иметь положительные результаты. Так, позитивной акцией во время войны было освобождение Сталиным из застенков ГУЛАГа многих военных специалистов. (Правда, посажены они были в концлагеря тоже с его санкции.) Рассказывали мне и такой случай: в военное время один звонок Сталина на машиностроительный завод с просьбой значительно увеличить выпуск танков повышал производительность труда рабочих и инженеров в несколько раз. Понятно, что такой звонок объективно выполнял прогрессивную роль. Ясно также, что в подобных случаях Сталин вел политику, прямо противоположную «сталинизму».

Другое дело — «плоды» его политики, когда физически и морально уничтожались лучшие люди страны: руководители партии и государства, талантливые ученые и представители культуры. По данным доклада специальной комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК, только за 1935–1940 годы за «антисоветскую деятельность» было арестовано 1 980 635 человек, из них расстреляно 688 503. Соответственно за 1937–1938 годы арестовано 1 548 366 и расстреляно 681 692. В итоге был уничтожен весь тонкий слой революционеров, о которых в свое время так хорошо говорил Ленин, отмечая, что для них правдивость и честность были естественными человеческими качествами. Подчеркну: среди них были ликвидированы, за исключением самого Сталина, все руководители партии и государства, о ком писал Ленин в своем письме к XII съезду партии. Одни погибли от пули в отечественных тюремных застенках, как Каменев, Зиновьев, Бухарин, другие были уничтожены за границей, как, например, Троцкий, получивший от сталинского агента удар ледорубом по голове. Подобная практика и есть «сталинизм», или «сталинщина» в точном смысле этого слова. Она, конечно, ничего общего с социализмом не имеет.

К сожалению, по данным социологии, около половины российских граждан сегодня желает вернуться к сталинским порядкам. Чем это объясняется? На мой взгляд, это прямое следствие современных радикальных реформ неолиберального толка, породивших невиданную социальную поляризацию и криминальный беспредел в обществе. Парадоксально, но факт: люди ищут альтернативу этим явлениям не в развитии подлинной демократии, а в сталинском тоталитаризме, заложившем в середине XX века многие предпосылки перехода к современному дикому или варварскому капитализму.

Что касается идеологии социализма, то она была Сталиным фактически превращена в типичную светскую религию. Вопреки всем марксистским традициям (вспомним негативную позицию Маркса и Ленина по отношению к культу личности) Сталин всячески поощрял культ собственной личности, во многом также носивший религиозный характер. Я, будучи мальчишкой, помню, как на праздновании 70-летия Сталина в Москве был поднят на аэростате портрет вождя в форме светящегося куба. Видимый со всех сторон, он представлял собой гигантскую объемную икону человека-бога. Для отдельных людей он был даже больше, чем Бог. Никакая религия не

додумалась превратить в своеобразный храм всю Москву, включая ее небо, а сталинисты додумались.

Именно поэтому меня никогда не удовлетворяло стремление правых и левых радикалов, неолибералов и неосталинистов, намертво связывать тоталитаризм с социализмом и всей советской историей, начиная с Октября 1917 г. и кончая перестройкой. Я до сих пор убежден, что понятие «тоталитаризм» нельзя переносить на совершенно различные периоды нашей истории. Одно дело советская власть при Ленине, другое — при Сталине, одно дело хрущевская «оттепель», другое — брежневский неосталинизм. Не вмещается в это понятие и горбачевская перестройка, суть которой состояла в полном отрицании и преодолении пережитков сталинизма.

В связи с этим — несколько слов о моем споре с М.С. Горбачевым по поводу реформируемости или нереформируемости советского общества и его политической системы. Спустя несколько лет после окончания перестройки Горбачев под влиянием некоторых своих помощников утверждал, что неудачи перестройки определялись нереформируемостью советской системы. В беседе с ним я говорил, что, если эта система была нереформируемой, то перестройка теряет исторический смысл и все достижения, связанные с гласностью, демократизацией общества, рынком и т. д. превращаются в своеобразный исторический выкидыш. Позднее Горбачев изменил свое мнение и накануне 20-летия перестройки признал, что нереформируемых систем не бывает, иначе не было бы социального прогресса.

Таким образом, качественное отличие сталинского тоталитаризма от других политических режимов, существовавших в советской истории, дает возможность лучше ее понять и соответствующим образом описать. Рассматривать советскую историю как сплошное господство тоталитаризма, начиная с 1917 года, — это значит подгонять живой исторический процесс под одностороннюю и далекую от жизни схему. В свою очередь, это не снимает того исторического факта, что отношение к сталинизму в нашей стране продолжает оставаться важным идейно-политическим критерием в осмыслении характера советского общества и его исторической эволюции.

На Западе все историки, пишущие о нашем советском обществе, разделяются на две характерные группы. Первые — это сторонники «тоталитарной школы», которые считают, что тоталитаризм у нас

утвердился с Октября 1917 года. К ней на Западе можно отнести таких историков, как Ричард Пайпс, Збигнев Бжезинский и др. У нас в России к ней принадлежит наш известный писатель Александр Солженицын и историки так называемого радикал-либерального направления: Пихоя и др. Среди представителей этого направления был и известный историк Волкогонов, бывший сталинист, ставший в одночасье «радикал-демократом» и ярким противником Ленина.

Ко второй группе историков, примыкающих к школе так называемых ревизионистов (здесь слово «ревизионизм» используется не в традиционном понимании, как характеристика идейно-политического уклона от ортодоксального марксизма), относятся те политические историки и мыслители, которые пытаются воспроизводить советскую историю во всей ее противоречивости, нюансах и тонкостях. На Западе к этой школе примыкают два крупных историка: Роберт Такер (он много писал о Сталине и сталинском периоде нашей истории) и Стивен Коэн, автор известных работ о Бухарине. В России аналогичных историков немного. К ним можно отнести Владлена Логинова, недавно умершего Виктора Данилова и др. Их отношение к сторонникам «тоталитарной школы» очень критично: они считают, что понятие «тоталитаризм» закрывает вход в реальную советскую историю, в частности, оно не дает возможность понять и объективно воспроизвести ни социальную структуру советского общества, ни ее основные политические силы, ни поведение вождей и масс в крупных исторических событиях.

Для историков и идеологов «тоталитарной школы» вся советская история едина и однозначна: она — закономерный результат господства тоталитарного режима власти. Стивен Коэн в своей книге «Пересмысливая советский опыт» считает, что методологической основой «тоталитарной школы» является идея непрерывности, то есть представление советской истории как сплошного непрерывного процесса, который идет без каких-либо качественных изменений, периодов, этапов. Такое представление исторического процесса не дает подлинного понимания советской истории, в частности, понимания закономерностей борьбы правящего сталинского режима с троцкистской и бухаринской оппозициями. Сторонники идеи непрерывности, как правило, автоматически ставят знак тождества между такими различными историческими фигурами, как Ленин и Сталин,

Хрущев и Брежнев, Горбачев и Ельцин. В их понимании все они лишь различные личностные проявления господствующего тоталитарного режима власти. Таково же отношение представителей этой школы и к оценке Октябрьской революции. Для них это большевистский переворот, утвердивший в стране тоталитаризм, не более того.

Среди отмеченных двух групп историков, оценивающих советскую историю, мне, конечно, ближе «ревизионисты», которые ограничивают период тоталитаризма рамками сталинского политического режима власти. Такой подход дает возможность не заикливаться на идее тоталитаризма и более объективно рассматривать советскую историю во всей ее полноте и противоречивости.

Неумение различать в похожих исторических явлениях их существенное различие, а за различием видеть их определенное тождество — характерный порок многих современных исследований, посвященных советской истории. Недавно мне на заседании клуба «Свободное слово» историк культуры и эстетик Ванслов подарил свою книгу, в заключении которой он написал о том, что во времена Хрущева и Брежнева было принято вопреки сталинистам противопоставлять Ленина и Сталина в том духе, что Сталин плохой, а Ленин — хороший. На самом же деле, считает автор подаренной мне книги, Ленин и Сталин мало чем отличаются друг от друга. При этом он ссылаясь на авторитет известного в прошлом идеолога КПСС, а затем неистового «лениноеда» академика Александра Яковлева, который утверждал, что Сталин лишь исполнял то, что завещал Ленин. Нечто подобное недавно по ТВ говорил известный политолог и историк В. Никонов, утверждавший, что Сталин был либералом по сравнению с Лениным. В определенном «генетическом родстве» Ленина и Сталина убеждены и некоторые историки РАН. Их рассуждения на эту тему я, в частности, слышал на одной из конференций, посвященной изучению истории международной социал-демократии. И об этом говорят профессионалы!? В то же время любому вдумчивому и честному исследователю советской истории должно быть ясно, что эти две исторические фигуры были во многом антиподами в политике. Не случайно Ленин решительно требовал в своем Политическом завещании устранения Сталина с поста генсека партии. Ясно и другое: один из них под конец своей жизни оказался жертвой, а другой его моральным и физическим палачом.

Характерно, что на отождествлении Ленина и Сталина сегодня сходятся между собой многие радикальные либералы и неосталинисты. Оказывается, что для обеих сторон является истиной в последней инстанции тезис старой советской пропаганды о том, что «Сталин — это Ленин вчера, а Ленин — это Сталин сегодня». На самом деле данный тезис является одной из грубейших фальсификаций истории, отождествляющей две совершенно противоположные политические фигуры. Исторически идея тождества этих политиков, как известно, принадлежала самому Сталину, который, создавая культ собственной личности, не хотел, чтобы массы знали о тех принципиальных расхождениих и противоречиях, которые были между ним и Лениным, особенно в последние годы жизни вождя Октябрьской революции. Сталин и его сторонники пытались их всячески замолчать. Тем не менее эти противоречия очевидны: Ленин и Сталин принципиально по-разному понимали национальный вопрос и связанный с ним процесс создания СССР, необходимость реформирования политической системы советского общества, кадровые и другие проблемы, нашедшие свое отражение в Политическом завещании Ленина. Несмотря на все эти факты, мы снова становимся свидетелями того, как на новом витке исторической спирали начала возрождаться старая порочная теория о единстве двух вождей. В этой связи закономерен вопрос: кому выгодна сегодня реанимация подобной теории? Думаю, она нужна не только маргинальным сталинистам, но и тем, кому хочется во что бы то ни стало окончательно дискредитировать социалистическую идею, воплощением которой в нашей истории, конечно, являлся Ленин, а не Сталин.

В заключение я хочу поднять еще один вопрос, связанный с темой статьи. Это вопрос о неизбежности или необходимости сталинского тоталитаризма в советской истории. Удивительно, что даже среди последователей выдающегося марксистского философа и, насколько мне известно, принципиального антисталиниста Э.В.Ильенкова есть сторонники подобной точки зрения. Главный их аргумент состоит в том, что индустриализация и коллективизация страны требовали жесткого руководства, и такое руководство было реализовано железной рукой Сталина, его тоталитарным режимом власти. По их мнению, любой на месте Сталина делал бы то же самое, будь то Ленин или Троцкий.

Скажу прямо: я категорически не согласен с подобным подходом к нашей истории как раз потому, что не вижу фатальной необходимости тоталитарного режима власти в Советском Союзе. Тоталитаризм — это прежде всего репрессивный режим, создающий и уничтожающий своих врагов в лице любой политической оппозиции, будь то правые или левые. Он действует, как правило, по логике физического уничтожения своих противников, по принципу «секир башка», а не по марксистской логике преобразования экономических условий существования классов.

Как известно, марксизм допускает физическое уничтожение отдельных представителей буржуазии лишь в особых случаях: при их активном вооруженном сопротивлении рабочему классу, а не потому, что они принадлежат другому классу. Тоталитаризм, напротив, абсолютизировал логику классового насилия, перенося ее, например, из периода гражданской войны в мирное время. Именно так и поступал Сталин, провозгласив идею обострения классовых противоречий по мере продвижения к социализму. В частности, он любил проводить «политику чрезвычайщины» в сугубо мирное время. На самом деле классовая борьба не может и не должна сводиться только к насилию и тем более к физическому насилию, ведущему к смерти людей. Существует масса различных форм государственного принуждения, не требующих физического истребления людей. Если бы у власти вместо Сталина и его окружения были люди ленинского склада, я уверен, они бы не допустили тех ужасов ГУЛАГа, которые были инициированы тоталитарным режимом Сталина. Никакой фатальной закономерности утверждения тоталитаризма в истории нашей страны не было. Он был прямым следствием отхода руководства правящей партии от марксизма, отказа от демократических и подлинно революционных традиций в управлении обществом. Объективные условия, связанные с исторической отсталостью нашей страны и усталостью масс от войны и революции, конечно, сыграли свою роль в возникновении сталинского тоталитарного режима, но они не могут его оправдать.

Люди не только рабы существующих условий, они могут эти условия познавать и изменять. Именно это Ленин имел в виду, когда предлагал совершить в нашей стране настоящую культурную революцию, означающую не столько ликвидацию безграмотности, сколь-

ко органическое усвоение всех «прогрессов» капитализма, начиная с техники и кончая культурой. Ленин последовательно добивался раскрепощения труда путем добровольной его кооперации и ликвидации его принудительного, наемного характера. Он требовал постоянного усвоения большевиками лучшего буржуазного опыта ведения хозяйства. В этой связи он писал: «Черпать обеими руками хорошее из заграницы: советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование... = социализм»¹. Он требовал активно внедрять в практику достижения научных систем организации труда у Форда и Тейлора за минусом буржуазной практики «выживания пота» из рабочих. Что касается Сталина, то он пошел иным путем, путем создания тоталитарного режима власти и насильственного принуждения людей к труду. Тем самым он полностью дискредитировал идею социализма, связанную с освобождением труда.

История не есть простая функция развития экономики. Она — результат борьбы различных социальных тенденций и интересов. В советском обществе эта борьба, как известно, продолжалась и после Октября 1917 года. Мало того, она обрела острейшую форму гражданской войны, которая во многом определялась тем, что демократическим и социалистическим силам не удалось создать единое коалиционное правительство. Однако и после гражданской войны в стране продолжали действовать две тенденции: демократическая и антидемократическая. Демократическая тенденция выражала интересы рабочего класса и всех остальных слоев трудящихся. Я ее связываю прежде всего с ленинским пониманием положения дел в стране, с необходимостью перехода к политике НЭПа и возможностью осуществления идей его Политического завещания, в котором были намечены реальные пути демократического реформирования Советского государства. Это Завещание было подлинно научным выражением интересов рабочего класса России. Другая тенденция — антидемократическая, бюрократическая, тоталитарная, базировалась на выражении интересов других слоев общества. Она выражала прежде всего запросы советской бюрократии, мелкой буржуазии и консервативных слоев крестьянства. Сталин был их рупором.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 39, 550.

В борьбе этих двух социально противоположных тенденций и осуществлялась советская история. В итоге бюрократическая тенденция в форме сталинизма взяла верх над демократической ленинской тенденцией. Позднее, с началом научно-технической революции, наступил ее предел развития, предел тоталитарного режима власти вообще. Чтобы двигаться вперед, нужно было вобрать в себя и утилизировать плоды научно-технической революции, размагнитить и освободить мозги от различных идеологических догм, осуществить на деле демократию, но выращенная Сталиным бюрократия этому всячески препятствовала.

Отсюда и возникла историческая необходимость сначала в XX съезде партии, а затем и в перестройке. Заслуга Горбачева и его окружения состояла в том, что они раньше других это осознали, начав обновление советского общества на началах гуманизма и демократии. Они, по сути дела, начали трансформировать авторитарный социализм брежневской эпохи в демократический социализм. Им многое удалось сделать на этом пути: осуществить свободу слова, отменить цензуру, окончательно ликвидировать остатки тоталитаризма в руководстве страной, реализовать плюрализм в политической и духовной сфере, наладить альтернативные выборы, разрешить свободный выезд граждан за границу, отодвинуть угрозу ядерной войны, начать процесс всеобщего разоружения и т. д. Я поэтому во многом остаюсь поклонником этого подлинно демократического периода в развитии нашей страны, своеобразной политической весны советского общества, пришедшей на смену зимним рецидивам брежневского неосталинизма.

Несмотря на силовое прекращение перестройки во время путча и последующего прихода к власти радикал-либералов во главе с Борисом Ельциным, она в принципе доказала реальную возможность существования в истории демократического социализма. Прошедшие шесть лет перестройки показали, что не тоталитаризм, а демократия — наиболее адекватная политическая форма реального социализма. На мой взгляд, перестройка была настоящим прорывом к свободе советского общества. Она фактически продолжила демократические и социалистические преобразования, начатые Октябрьской революцией и прерванные сталинизмом. Очень жаль, что те, кто ее осуществлял в свое время, сегодня под влиянием политической конъюнкту-

ры от нее отказываются или трактуют ее в сугубо неолиберальном ключе. Но это их дело, дело их совести — или ее отсутствия.

Как показывает история России, становление социализма является сложным, длительным и противоречивым процессом. Не хочу сейчас глубоко затрагивать непростой вопрос о возможности победы социализма в отдельно взятой стране или ряде стран. Меня волнует другой вопрос. Возможно ли вообще построение социализма сразу во всех развитых странах мира? Думаю, нет. Революции вызревают сначала на национальной почве и затем продолжают на мировой. Мировая революция — это, видимо, долгий исторический процесс отпадения от капиталистической системы отдельных стран, в которых социальные противоречия дошли до высшей точки кипения. Что касается возможности создания социализма в отдельной стране, то, как уже отмечалось, все зависит от умения этой страны и ее руководства создавать более эффективную, чем в развитых странах, экономику, более высокий жизненный уровень своему народу и более широкую демократию. В противном случае страна, вступившая на путь социализма, не выдерживает конкуренции с развитыми капиталистическими странами и, как показывает опыт советской России, в ней происходит реставрация капитализма в его самой дикой, криминальной форме.

Вместе с тем с падением советской модели социализма история не кончается. Как говорится, еще не вечер. История продолжается и, я уверен, опыт создания социализма и преодоления тоталитаризма, который был осуществлен в нашей стране, не канет в Лету: он еще будет востребован Россией и миром.

В.М. Межуев

Социализм — пространство культуры

О социализме принято говорить в разных смыслах и значениях. В нем видят, во-первых, *идеологию*, обосновывающую необходимость определенных социальных изменений, во-вторых, *политическое движение*, представленное разными партиями — от радикальных до умеренных, в-третьих, существовавшую у нас и еще кое-где сохранившуюся *реальность* со своим особым социальным порядком и институтами власти. Во всех этих значениях социализм достоин научного изучения. Наука не может пройти мимо того, что имело место в истории, стало историческим фактом, какую бы оценку этому факту мы ни давали сегодня. Но вот в чем отказано в наше время социализму, так это в праве самому считаться научной теорией, претендовать на статус хотя бы научной гипотезы.

Признавая существование людей с социалистическими убеждениями, социалистического движения и даже социалистической реальности, мало кто видит в социализме теоретическую идею, способную конкурировать сегодня с другими идеями в объяснении хода и направления современного общественного развития. За социализмом прочно укрепились репутация ложной идеологии, в лучшем случае — утопии. По словам Ф.А. Хайека, «социализм — одно из наиболее влиятельных политических движений нашего времени — основывается на явно ложных посылах. Пускай он вдохновляется благородными намерениями, пусть во главе его стоят некоторые из лучших умов нашего времени — из-за него оказывается под угрозой уровень жизни, да и сама жизнь значительной части человечества»¹.

¹ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С.21.

Хайек не отрицает наличия в идее социализма разумного элемента, но считает, что он воплощается здесь в «наивную и некритичную рационалистическую теорию, устаревшую и ненаучную методологию», названную им «конструктивистским рационализмом»¹, т.е. искусственным и волюнтаристским вмешательством разума в эволюционный процесс. Ложь социализма имеет в своем истоке «пагубную самонадеянность» человеческого разума, полагающего, что он способен во всех деталях предугадать ход и направление исторического развития. Социализм — не просто заблуждение ума, но проявление его высокомерия по отношению к стихийности и иррациональности исторического процесса. Цена этого высокомерия — бесчисленные человеческие жертвы и страдания.

Подобная оценка социализма была бы в чем-то справедливой, ограничивайся она версией, которая была реализована в СССР и других странах так называемого социалистического лагеря. В этом виде социализм действительно мало кого сделал счастливым. Однако причиной тому вопреки сказанному Хайеком стал не избыток, а, скорее, недостаток разума у политиков, взявшихся за «построение социализма» на местах, не сообразуясь при этом ни с реальными обстоятельствами, ни со смыслом самого учения.

Идеями еще нужно уметь пользоваться. Они способны оборачиваться собственной противоположностью в руках тех, кто не готов к их восприятию ни исторически, ни нравственно, ни культурно. К сожалению, такова судьба многих идей, попадавших на неподготовленную для них почву. В истории было пролито немало крови во имя самых возвышенных, но неверно понятых или ложно истолкованных идей. Призывы к свободе приводили к анархии и насилию, лозунги народовластия — к тотальной власти государства над личностью, стремление к равенству — к нетерпимости ко всякой яркой индивидуальности. Разве имевшие место в истории примеры злоупотребления свободой отвергают саму идею свободы, ее непреходящую ценность для человека? Отрицая с первым и второе, мы рискуем никогда не достигнуть состояния свободы.

Идеи обычно живут до тех пор, пока существуют люди, верящие в них. Сегодня людей с социалистическими убеждениями явно поу-

¹ Там же. С. 18–19.

бавилось, но они есть, и никто не может гарантировать, что завтра их не будет больше. Потому и вопрос о том, чем является социализм — утопией, ложной химерой, злым умыслом или общественно значимой идеей, — остается открытым. Как средневековое общество не во всем совпадало с моральными заповедями христианства, господствовавшего тогда в общественном сознании, так и общество «реального социализма» далеко разошлось с идеалами и целями социализма. Будущий историк не пройдет мимо очевидного факта колоссального разрыва между теорией и практикой социализма, провозглашенными лозунгами и достигнутыми результатами. И как конец Средневековья не сопровождался гибелью христианства, хотя породил атеистическое умонастроение, так завершение эпохи «реального социализма», подняв волну антикоммунистических настроений, не обязательно повлечет за собой исчезновение самой идеи.

Социализм — идеология или наука?

Несостоятельность «реального социализма» ни в чем не проявилась так отчетливо, как в сфере сознания. Безграмотность партийных вождей в вопросах теории социализма, их пренебрежение задачами ее модернизации, обогащения новыми фактами и гипотезами, соответствующими современным реалиям, создали ей репутацию архаического и догматического монстра. «Научный коммунизм» советского образца стал предметом всеобщего презрения и насмешки, примером схоластики, лишенной какого бы то ни было научного дискурса. Не потому ли конец этой псевдонаучной дисциплины был встречен всеми с чувством явного облегчения? Интеллектуальный кризис «реального социализма» стал причиной и всех остальных его кризисов. Бог наказал систему тем, что лишил ее разума¹.

Важно разобраться в том, что привело к этому кризису. Его истоком стал, по нашему мнению, созданный Сталиным миф о «победив-

¹ Своеобразным признанием этого кризиса стали часто цитируемые слова предпоследнего генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова о том, что мы не знаем общества, в котором живем и трудимся.

шем социализме». Даже Ленин считал, что социализма у нас нет и долго еще не будет, что ему предшествует длительный переходный период с элементами рынка и частной собственности. Через двенадцать лет после смерти Ленина Сталин объявил, что социализм «в основном» построен, выдав за него систему полуфеодального принуждения к труду и государственного насилия над личностью. Социализм был приравнен к его сталинистской версии, и с тех пор они воспринимаются как синоним. В итоге социализм проделал обратный путь от науки не к утопии даже, а к мифу, выдающему за реальность то, что ею вовсе не является. Этот миф и сегодня владеет умами как защитников, так и противников социализма. Те и другие свято верят, что жили при социализме, что другим он быть не может. Но если для первых защита социализма тождественна оправданию сталинизма, то для вторых борьба со сталинизмом равнозначна антисоциализму.

Если даже Сталин и верил в построенный им социализм, то почему мы должны верить Сталину? Я не оспариваю права людей, живших в СССР, называть то время социализмом. Но о степени его социалистичности лучше все же судить не по тому, что советское общество само думало о себе, а исходя из более объективного критерия. Что именно в обществе, называвшем себя социалистическим, соответствовало этому понятию? Можно ли, например, называть демократией все то, что происходит сегодня в России, считающей себя демократической страной? Для сомневающихся наши политтехнологи придумали простой выход: достаточно добавить к слову «демократия» слово «суверенная» — и все сомнения разрешаются сами собой: кто же будет спорить с тем, что у нас демократия не такая, как у всех?

По словам Роберта Даля, «когда мы обсуждаем проблемы демократии, ничто, пожалуй, не порождает такой путаницы, как один простой факт: понятие «демократии» относится в равной мере и к идеалу, и к реальной действительности. Порой нам трудно их разграничить»¹. Одни говорят о демократии как об идеале, другие выдают за нее реально существующую политическую систему. «До тех пор, пока собеседники не выяснили, что имеет в виду каждый из них, они будут спорить, не понимая друг друга»².

¹ Даль Роберт. О демократии. Пер. с англ. М., 2000. С. 30.

² Там же.

Чтобы не попасть в положение такого собеседника, сразу оговорюсь: меня интересует не то, что у нас существовало под видом социализма, а та его теоретическая версия, которая была представлена марксизмом. Почему именно марксизмом? Не отрицая выдающейся роли Маркса в развитии социалистической теории, нельзя все же не признать, что его версия социализма далеко не единственная в истории социалистической мысли, во многом уже устарела, не соответствует реалиям сегодняшнего дня. Однако именно к ней апеллируют все те, кто пытается доказать социалистическую природу существовавшего у нас общественного строя. По их мнению, построенное у нас общество если не целиком, то в главном соответствовало теории Маркса. На Маркса в конечном счете возлагается и вся ответственность за грехи и пороки этого общества. Не ставя перед собой задачи полной реабилитации марксизма, хотелось бы тем не менее снять с него обвинение в причастности к тому, что у нас называлось социализмом и до сих пор ассоциируется с этим словом. В реабилитации нуждается не марксизм, а социализм, который даже в своей марксистской версии не является тем, чем он стал в нашей стране.

Сам Маркс, как известно, называл себя не социалистом, а коммунистом. В «Манифесте» он вместе с Энгельсом подверг критике все существовавшие к тому времени разновидности социалистической мысли — социализм реакционный (феодальный, мелкобуржуазный и «истинный»), консервативный, или буржуазный, и утопический. Социализм, как они считали, способен выражать интересы любого класса — аристократии, крестьянства, буржуазии, пролетариата, причем последнего в тот период его истории, когда он еще не развит, когда отсутствуют реальные предпосылки для его освобождения от власти капитала. Коммунизм же для них — это политическая партия рабочего класса, выражающая интересы международного пролетариата, лучше других партий понимающая конечные цели пролетарского движения.

У Энгельса термин «социализм» (в работе «О превращении социализма из утопии в науку») приобретает несколько иной смысл. На первый план здесь выходит не общественно-политическая, а теоретическая сторона коммунистического движения, система воззрений коммунистов на историю и ход ее развития. «Научный социализм» для Энгельса — не партия или движение, а учение, базирующееся

на таких открытиях Маркса, как материалистическое понимание истории и трудовая теория прибавочной стоимости. Отсюда никак не следовало, что социализм есть особое общественное состояние, первая фаза коммунизма, предшествующая полному коммунизму. Похоже, что такая трактовка социализма родилась в среде русских марксистов, в частности, была инициирована Лениным в его работе «Государство и революция». В «Критике Готской программы» Маркс говорит о двух фазах — низшей и высшей — коммунизма, но не называет первую из них социализмом.

В представлении Маркса и Энгельса социализм — не общество, а учение, теоретическое воззрение, что и фиксируется в эпитете «научный». К коммунизму он относится как теория к практике, мысль к действию, наука к реальному движению. В плане теории он противостоит утопическому и всем другим разновидностям социализма, с одной стороны, либерализму — с другой. Практическим же отрицанием капитализма является не социализм, а коммунизм. Впоследствии большевики, считавшие себя коммунистами, назовут созданное ими общество социализмом, что окончательно разведет их с западными социалистами, не желавшими признавать в СССР воплощение социалистических целей и идеалов. И я буду называть социализмом не общество, построенное у нас, а теорию, формулирующую конечные цели рабочего — коммунистического, в терминологии Маркса и Энгельса, — движения.

Любое общественное движение устремлено к какой-то цели, и рабочее движение — не исключение. Задачей социалистической теории является доведение до сознания рабочих того, что ими реально движет в борьбе с капиталом. В любом случае научный социализм в представлении его творцов — не идеальная модель будущего общества, а теоретически осознанное выражение классовых интересов пролетариата. До этого социализм присутствует в сознании людей как, скорее, благое пожелание, как утопическая мечта об обществе всеобщего изобилия и равенства. Научной теорией он становится с момента своего соединения с рабочим движением, обретая в нем свою социальную почву и практическое подтверждение.

Для многих современных теоретиков социализм наряду с консерватизмом и либерализмом так и остался идеологией. По мнению, например, И. Валлерстайна, каждая из этих идеологий представляла

собой один из способов утверждения нового мировоззрения, «которое мы называем современностью»¹, содержала в себе особый проект современного общества («проект модерна»), приходящего на смену феодальному строю. Все они были вызваны к жизни великими потрясениями Французской революции, пытаясь каким-то образом справиться с вновь возникшими обстоятельствами. Первой по времени стала «консервативная реакция» на Французскую революцию, стремившаяся минимизировать ущерб от ее последствий и воспрепятствовать происходившим переменам. Затем последовал либерализм, ставший в оппозицию к консерватизму и сделавший современность своим знаменем. Последним был социализм, который, согласно Валлерстайну, выделился в самостоятельное идеологическое течение с 1848 года (год выхода в свет «Манифеста Коммунистической партии»), поскольку до того, считая себя также наследником Французской революции, мало чем отличался от либерализма.

В качестве критики настоящего с позиции более радикального и ускоренного исторического развития социализм находится в оппозиции к либерализму. Главное в каждой из идеологий, как считает Валлерстайн, — это *«против кого они выступают»*², ибо только наличие противника придает им характер сплачивающего и объединяющего идеологического учения. В настоящее время — в результате структурного кризиса капиталистической мироэкономики и ее перехода в новое состояние, сравнимого с крупной «бифуркацией» с неопределенным исходом, — судьба всех этих идеологий, уже сейчас заметно сблизившихся между собой, оказывается под вопросом. Возможно, на смену им придет какая-то совершенно новая идеология. «Мы не можем прогнозировать мировоззрение (мировоззрения) системы (систем), которая возникнет на развалинах нынешней. Мы не можем сейчас вести речь о тех идеологиях, которые возникнут, или о том, какими они будут, если они будут вообще»³.

Можно согласиться с тем, что социализм есть критика либерализма, а в его лице современности, которую либерализм берет под

¹ Валлерстайн Иммануэль. После либерализма. Пер. с англ. М., 2003. С. 76–77.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 91.

свою защиту. Но вот от имени кого ведется эта критика? Можно ли считать ее научной или она основывается на субъективном недовольстве тех, кому просто не повезло в настоящем? Как связано социалистическое учение с действительностью, с научным видением происходящих в ней общественных процессов?

Хорошо известно, что Маркс и Энгельс видели свою задачу в замене любой идеологии наукой. Отношение к идеологии в наше время, конечно, отличается от того, каким оно было во времена Маркса, не несет в себе прежнего негативистского смысла, отрицавшего право на существование всего, что не является наукой. Но этим не снимается принципиальное отличие идеологии от науки. Для самого Маркса идеология несовместима с наукой хотя бы потому, что, будучи классовым сознанием, лишена достоинства «всеобщего знания». В отличие от науки, руководствующейся поиском общей для всех истины, идеология выражает особые интересы отдельного класса, которые она, правда, пытается выдать за всеобщие интересы, абсолютизировать и увековечить их. В этом, собственно, и состоит ложь любой идеологии.

Маркс, разумеется, не отрицал важной роли идеологии в истории, ее обратного и порой положительного воздействия на общественную жизнь, ее практическую необходимость и даже пользу для определенных общественных классов. Исключением для него являлся только пролетариат, который, будучи «всеобщим классом» — провозвестником будущего бесклассового общества, обязан мыслить также всеобщим образом, т.е. научно. Соотношение науки и идеологии — не только гносеологическая проблема, отделяющая истинное знание от ложного, но и социологическая, раскрывающая коренную противоположность пролетарского и буржуазного сознания. Класс, отстаивающий в обществе свой особый интерес, нуждается в идеологии, но класс, чей интерес совпадает с интересами большинства, в пределе — всех (а таким классом, по мысли Маркса, как раз и является пролетариат), способен выражать его без всякого идеологического камуфляжа, на языке рациональной теории. Соответственно, учение, выражающее интересы рабочего класса, может быть только научным. Таковым, по мнению Маркса, и являлось его собственное учение. Что же предопределило неудачу этой главной претензии марксизма — быть не идеологией, а наукой?

Причину, несомненно, следует искать в самом марксизме, попытавшемся сочетать несочетаемое — научность с классовостью, истину с интересом, пусть и пролетарским. В своей трактовке социализма Маркс претендовал как бы на двойной синтез — на его соединение с рабочим движением (пролетарская версия социализма) и на его соединение с наукой (научный социализм), т.е. на создание чего-то подобного «пролетарской науке». В подобной двойственности и заключалось исходное противоречие марксизма, сыгравшее роковую роль в его истории. Претендуя на преодоление всяческой идеологии, он был истолкован его последователями как идеология по преимуществу.

Данное противоречие со всей очевидностью обнаружилось в XX веке, когда стало ясно, что между социализмом и рабочим движением нет прямой связи. В ходе существенных трансформаций капитализма, преобразивших его из индустриального в постиндустриальное общество, представление о всемирно-исторической миссии пролетариата, несущего человечеству освобождение от власти капитала, оказалось самой большой идеологической иллюзией. Будучи относительно верно на этапе раннего капитализма с его массовой пролетаризацией общества, данное представление перестало соответствовать действительности на его последующих стадиях. В эпоху постиндустриализма рабочий класс обнаружил тенденцию к своему не только количественному сокращению, но и качественному преобразованию, все больше обретая черты не столько класса, сколько профессии, уступая место главной производительной силы работникам умственного труда. Потому и представлен он сегодня в обществе не столько политическими партиями, сколько профсоюзами. Правда, к пролетариату в наше время принято относить представителей не только физического, но и умственного труда, работающих по найму у капитала. При этом, однако, упускается из виду качественное различие между этими двумя группами работников, касающееся прежде всего отношений собственности и источников дохода. Если для первых таким источником является собственность на рабочую силу, данную им от природы, то для вторых — собственность на знание, представляющее собой уже не природный, а общественный дар. Именно последняя, как станет ясно дальше, включает в себе зародыш общественной собственности. Во всяком случае, рабочий класс

в том виде, в каком он сформировался в XIX веке, сегодня уже не столь опасен для капитализма, как прежде, и никак не обнаруживает осознанного стремления к изменению существующего строя.

Рабочее движение утратило в наши дни характер политической борьбы за власть и смахивает скорее на экономический торг за более выгодные условия труда. Оно давно не испытывает потребности к объединению во всемирном масштабе, да и сами социалистические партии на Западе менее всего напоминают сегодня политические организации рабочего класса, проникнутые духом пролетарской солидарности и интернационализма. В этой ситуации представление о пролетариате как «могильщике капитализма» со всей очевидностью обнаружило свою иллюзорность и идеологическую предвзятость. После Маркса «верные марксисты», которые не захотели расстаться с этой иллюзией, довершили процесс превращения его учения в идеологию, причем за счет даже тех элементов научности, которые в нем содержались.

Уже Ленин, как известно, пришел к выводу, что рабочие собственными усилиями не могут выработать правильного, т.е. марксистского, понимания своих интересов, что оно должно вноситься в рабочее движение извне — революционно мыслящей и антибуржуазно настроенной интеллигенцией. «Внесение сознания» обернулось затем его насильственным навязыванием, идеологическим диктатом партии «профессиональных революционеров». Круг замкнулся: учение, противопоставлявшее себя при своем зарождении любой идеологии, стало орудием невиданного в истории идеологического насилия, практически лишившего его ранга научной теории.

Нет смысла перечислять здесь остальные «ошибки» Маркса, естественные для любого мыслителя, претендующего не на абсолютную истину, а на ту, которая доступна ему в обстоятельствах его времени. Разумеется, многое сегодня выглядит не так, как в середине XIX века. Капитализм стал другим, найдя новые источники своего экономического роста, связанные прежде всего с применением знания, с развитием информационных систем. Не количество затраченного живого труда, а качество продукции, производство которой базируется на принципиально новых технологиях, стало главным источником получения прибылей, поставив под сомнение всю трудовую теорию стоимости. Само понимание капитализма как общества не-

примиримой классовой борьбы между трудом и капиталом требует существенной корректировки. В своем нынешнем виде капитализм оказался способным реализовать многие программные установки социализма, как он мыслился в позапрошлом веке. Между капитализмом и социализмом уже трудно увидеть ту разграничительную черту, заполненную революциями и насильственными переворотами, которая раньше считалась обязательной при переходе от одного общества к другому. Сама пролетарская версия социализма с ее верой в освободительную миссию рабочего класса сегодня уже никем не воспринимается всерьез.

Что же в таком случае остается от социалистической теории, чем она интересна людям XXI века и почему может претендовать на звание научной? Об этом, собственно, и пойдет речь в данной статье.

Культурный смысл социалистической идеи

Как бы в прошлом не трактовалась социалистическая идея — а в ней, естественно, было много отжившего, утопического и даже реакционного — она есть, в конечном счете, концентрированное выражение тех претензий, которые можно предъявить буржуазной цивилизации, сформировавшейся в Новое время, со стороны европейской культуры. В отличие от буржуазной цивилизации, движущей силой которой стали интересы частного лица, принципом существования европейской культуры в ее классических образцах (начиная с эпохи Возрождения) является *свободная индивидуальность*, творчески реализующая себя в различных областях человеческой деятельности (о различии между частным и индивидуальным будет сказано ниже). С позиции этой индивидуальности и ведется в социалистической теории критика цивилизации.

В истоке социалистической мысли лежит, следовательно, гуманистическая установка европейской культуры. Не случайно первые утописты (Томас Мор, например) были и выдающимися гуманистами своего времени. При всех расхождениях в трактовке социализма его появление на свет было вызвано образовавшимся в Новое время разрывом между частными формами жизни людей в буржуазном обществе и существованием человека как свободной индивидуаль-

ности. Социализм родился как осознание этого разрыва и как поиск путей его преодоления в пользу культуры.

Своими корнями данное сознание уходит в образ жизни и менталитет людей, которых на Западе принято называть интеллектуалами. Даже для Маркса с его пролетарской ангажированностью желаемое им общество скроено «по образу и подобию» людей интеллектуального труда. Именно для них наилучшим является то общество, которое гарантирует право на такой труд, делает его доступным для каждого. А как называть такое общество — дело второе.

По своей природе труд интеллектуала не совместим с властью над ним ни государства, ни денежного капитала. Власть последнего и оспаривается социализмом (подобно тому, как либерализм отвергает всевластие государства). И как либерализм означает не уничтожение государства, а лишь его перевод в правовое и конституционное пространство, так и социализм вопреки своим крайним — революционным — версиям призывает не к насильственной ликвидации рыночной экономики и денег, а к постепенному ограничению их власти над человеком. Последнее, по мысли Маркса, может быть достигнуто в результате максимально возможного на данный момент сужения пространства «экономической необходимости» и вытекающего отсюда расширения пространства («царства») свободы.

Это пространство можно назвать также *пространством культуры*. Рынок не ликвидируется, но постепенно ограничивается в своих притязаниях на тотальную власть в обществе, уступая главенствующее место внерыночным формам производства и общения, целью которых является нечто иное, чем просто получение экономической (денежной) прибыли. Запретами и насилием эту задачу не решишь. Кто не усвоил этого главного урока XX столетия — пагубности для социализма любой формы насилия, — не только не понял действительного смысла его идеи, но придал ей вид, вызывающий у всех здравомыслящих и морально ответственных людей ее вполне оправданное отторжение.

В своей структурной сложности общество не исчерпывается сферами экономической рациональности и политической целесообразности. Существует и сфера культуры, в которой люди руководствуются ценностями иного порядка — моральными, эстетическими, познавательными. Как бы ее ни называть — сферой «духа», свободы,

подлинно человеческой коммуникации, — именно она являет собой наиболее глубинный, фундаментальный пласт человеческой истории. К нему, собственно, и обращена социалистическая мысль. В самом общем виде социализм есть идея общества, живущего по законам культуры, отдающего им приоритет перед экономическими и политическими законами. В связке «экономика — политика — культура» социализм ставит культуру на первое место. Социалистическое видение общества в отличие от его экономического или политико-правового видения можно назвать культурологическим, или собственно человеческим. Правда, считать социализм не экономической и политической, а культурологической теорией, возможно, покажется кому-то экстравагантной идеей, но только так, как нам кажется, можно отличить эту теорию от всех остальных.

На одном экономическом и политическом пространстве социализм явно проигрывает по сравнению с другими направлениями общественной мысли. Что может противопоставить он либеральной теории правового государства и свободного рынка? Существовавшие у нас «политическая экономия социализма» и «теория социалистического государства» всегда вызывали сомнение в своем праве называться наукой (и раньше трудно было понять, что такое социалистическая экономика и социалистическое государство). Таких наук нет у Маркса и Энгельса, им нельзя найти аналога и в современной общественной мысли.

В противоположность экономической науке с ее категориями и понятиями, абсолютизирующими систему капиталистических отношений, выводящими их за рамки исторического рассмотрения, научный социализм взял на себя функцию *критики* этих отношений, а также соответствующей им формы теоретического сознания (вспомним хотя бы подзаголовок «Капитала» — критика политической экономии). Критика здесь — не отрицание экономики и экономической науки, а установление исторических границ их существования в качестве базиса общества и общественной формы сознания. В этом смысле социализм — культурная альтернатива не капитализму только, но всей предшествующей цивилизации, которая на этапе капитализма достигает лишь своего наивысшего расцвета.

Так понимал эту проблему и Маркс. «Великую цивилизующую роль капитала» он никогда не отрицал. И если бы мы хотели ограни-

читать историю человечества историей цивилизации, то лучше капитализма ничего не придумали. Но ведь помимо истории цивилизации есть еще и *история культуры*. Обе они до сих пор почему-то плохо «стыковались» друг с другом, оказывались во взаимоисключающем отношении. На этапе капитализма такая нестыковка становится особенно очевидной. Четко обозначившийся на этом этапе конфликт цивилизации и культуры был зафиксирован разными направлениями общественно-философской мысли, включая и марксизм. С него, по нашему мнению, и следует начинать.

Причину этого конфликта Маркс усмотрел в *общественном разделении труда*, разрушившем первоначальную цельность человеческой деятельности и, следовательно, самого человека. По мысли Маркса, цивилизация в ходе своего развития постепенно, но неуклонно утверждала принцип общественного разделения труда, собственности, власти, сознания и пр. История цивилизации демонстрирует победу разделенного, или *частного*, индивида над всеми коллективными формами его жизнедеятельности на предшествующих этапах истории, когда части еще не выделились из целого, сливаются друг с другом в какой-то однородной и неразличимой внутри себя общности. Но частное — не синоним индивидуального. В обществе частных (разделенных) интересов индивидуальное есть, скорее, юридическая или эстетическая видимость частного, чем его реальная характеристика. Части на то и части, что могут удерживаться в составе целого от них независимой, вне их находящейся силой — то ли возвышающимся над ними государством, то ли механизмом товарного производства и обмена, вплоть до господства денег и капитала. Компенсацией разделения людей на частных индивидов стала концентрация на другом полюсе цивилизации развившихся до всеобщности, но существующих в отрыве, отчуждении от большинства людей их собственных сил и отношений. Вся цивилизация движется в этой противоположности частного и всеобщего, каждая из которых в отрыве от другой тяготеет к чистейшей абстракции. Цивилизация объединяет людей как частных, или абстрактных, индивидов, т.е. связывает узамы, не имеющими прямого отношения к их личности, индивидуальности. В этом смысле ей и противостоит культура, принципом существования которой является общение людей как свободных, обладающих своим лицом индивидуальностей.

Можно ли такую связь сделать — если не сразу, то хотя бы постепенно — не исключением из общего правила, а всеобщим основанием общественной жизни? Иными словами, можно ли, не отвергая положительных результатов предшествующего развития, положить в основание общественной жизни существование людей не как частных (абстрактных) индивидов (цивилизационный принцип), а как индивидуальностей (культурный принцип)? В социально-исторической теории Маркса эти принципы предстают под названием *капитализма* (как высшей фазы цивилизационного развития) и *коммунизма* (как уходящей в историческую бесконечность культурной альтернативы этому развитию). Переход от одного к другому — в смысле сроков и способов осуществления — в разное время может видеться по-разному, но в любом случае предстает неизбежным с точки зрения реализации права человека на свою не только частную, но и индивидуальную жизнь. За набившей оскомину терминологией скрывается проблема, вполне актуальная и для нашего времени.

По словам Раймона Арона, в критике Марксом современного ему общества «с надеждой реализации идеала целостного человека в результате простой замены одной формы собственности другой выражены одновременно величие и двусмысленность марксистской социологии»¹. Здесь, как считает Арон, социологическая по своей сути теория становится философией. В чем же состоит ее двусмысленность? У Маркса, полагает Арон, неясно, какой вид человеческой деятельности соответствует этому идеалу. «Если сугубо человеческая деятельность не определена, то остается опасность возврата к понятию целостного человека, отличающемуся крайней неопределенностью»². Маркс, утверждает Арон, нарисовал прекрасный идеал общества, но не указал пути его реализации. Как будет показано ниже, такое обвинение совершенно беспочвенно, поскольку не учитывает сказанного Марксом по поводу «всеобщего труда» и «свободного времени». Здесь же отметим, что «целостный человек» в изображении Маркса — не абстрактный философский идеал, а вполне земное существо, следы существования которого следует искать,

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 184.

² Там же. С. 183.

однако, не в экономике или государстве, а в культуре. Превращая без всяких на то оснований историческую теорию Маркса в социологическую, Арон не заметил заключенную в ней апелляцию к культуре как главному результату исторически создающей деятельности. Не замечают этого и другие критики Маркса.

Догматический ум сделает из сказанного вывод: раз социализм и цивилизация — «две вещи несовместные», один из них надо отбросить. Либо социализм, либо цивилизация с ее частной собственностью, рынком и правовым государством. Раньше мы строили социализм, отбросив все нормы и институты цивилизованного общества. Ничего из этого не получилось. Сегодня мы хотим жить в цивилизованном обществе, следовательно, надо отказаться от социализма, причем не только на практике (где его, собственно, никогда не было), но и в теории. Можно предположить, что и из этого ничего не выйдет. Ибо социалистическая критика цивилизации есть закономерное порождение той же самой цивилизации — ее самокритика и самоотрицание, без которых она просто не может выжить и двигаться дальше.

Как любая динамическая система, современная цивилизация включает в свое движение момент собственного отрицания и самокритики, благодаря чему она и приобретает способность к движению. В этом ее отличие от статических, традиционно замкнутых цивилизаций древнего мира, каждая из которых видела своего противника не в себе, а в других, истощая и разрушая себя в непрерывных войнах с ними. Застойный характер этих систем объясняется тем, что они не допускали критики в собственный адрес, испытывали по отношению к себе «чувство глубокого удовлетворения», а все недостатки и пороки приписывали своим близким или далеким соседям.

Цивилизация, родившаяся в Европе, несомненно, разделила бы судьбу предшествующих ей цивилизаций, если бы с момента своего возникновения в лице своей культуры постоянно не критиковала себя, не развивалась в весьма нелицеприятном для себя духовном контексте. Только в таком контексте могла возникнуть столь критическая теория, как социализм. Ее первоначальный радикализм во многом объясняется временем ее происхождения, когда бедственные для большинства людей социальные последствия цивилизации были

еще слишком остры и заметны. С течением времени эта критика теряет характер классовой непримиримости, требующей применения революционного насилия, о чем свидетельствует вся последующая история западного марксизма. Но кто и сейчас может утверждать, что история завершилась, что общество в его современном виде есть предел желаемого состояния, если его оценивать с позиции той же культуры?

Социализм в этом смысле — критика не только капитализма, но любого общества, коль скоро оно стремится задержать на себе ход истории, становится преградой, своеобразной плотиной на ее пути, стремится прекратить бег времени. Во все предшествующие эпохи общество, условно говоря, было пожирателем времени: каждое из них пыталось остановить, задержать его на себе, считало себя последним в истории. Нужны были огромные усилия, вплоть до революционных, чтобы прорваться из одного общества в другое. Но может ли общество быть для истории не наглухо перегораживающей ее плотиной, а открытым шлюзом, позволяющим людям жить в истории, а не за ее пределами? Можно ли примирить общество с историей, сделать его открытым к историческим инновациям и преобразованиям? Сознание невозможности когда-либо освободиться от истории, свести ее к окончательной и заключительной фазе отличает видение общества Марксом от любого другого.

Мы никогда не понимали этого центрального мотива его теории. Маркс не ставил перед собой задачу нарисовать картину будущего общества, которое когда-то будет построено на радость всем. Коммунизм в его представлении есть общественное состояние, которое не останавливает на себе историю, а позволяет течь ей в нужном направлении. Будучи «решением загадки истории», «возвращением человека к самому себе», он предстает в своем реальном существовании не как рационально сконструированная социальная система, в которой все выстроено раз и навсегда, а как непрерывно и сознательно осуществляемый процесс производства людьми своих отношений друг с другом, а значит, и себя как общественных существ. Не совершенное общество с совершенными людьми должно прийти на смену истории, а история наконец должна покончить со всяким общественным застоєм, с любыми попытками навязать людям раз и навсегда установленный порядок.

Вопрос, решаемый Марксом, — это, стало быть, вопрос о том, как жить в истории, в историческом времени, а не просто в том или ином социально организованном пространстве. Способность к исторической жизни, позволяющая людям общаться во времени, вступать в связь со своими предками и потомками, в историческую связь, в наибольшей степени отличает человека от животного. Но каким может быть общество, позволяющее людям жить в истории, а не на ее обочине? Ведь его уже нельзя уподобить жестко институтизированной социальной системе, предписывающей каждому определенные функции и роли. Вопреки тому, что Карл Поппер писал о социализме, он в своем замысле — намного более открытое общество, чем даже то, каким оно предстает в своей либеральной версии. Обвиняя Маркса в отсутствии у него «социальной технологии» будущего общества¹, усматривая в его теории социализма всего лишь историческое пророчество, Поппер не заметил заключенной в этой теории особой «технологии» — не экономической или политической, а культурной. Это тоже «социальная технология», но совершенно иная по сравнению с той, которая предлагается либерализмом. Различие между ними необходимо теперь рассмотреть более подробно.

*Одна цель — два подхода
(либерализм и социализм о свободе и равенстве)*

Спор между либерализмом и социализмом, по существу, — главный спор Нового времени. Оба они разделяют установку на свободу как высшую человеческую ценность, хотя и по-разному трактуют ее. Для либерализма она исчерпывается свободой человека как частного лица, для социализма тождественна его индивидуальной свободе, которая выходит далеко за пределы частной жизни.

Следует, как уже говорилось, отличать частное от индивидуально-го. Частник — частичный рабочий или частный собственник — это

¹ «Как признает Ленин, — пишет Поппер, — в работах Маркса вряд ли вообще можно найти хотя бы одно слово об экономике социализма» (Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 99).

человек, равный части, продукт общественного разделения труда и собственности. Как индивидуальность человек равен не части, а целому, как оно представлено во всем богатстве человеческой культуры. Творцов культуры — мыслителей, художников, поэтов, людей науки и искусства — никак не назовешь частниками. В своем творчестве они предстают не как частные лица, а как личности со своим неповторимым авторским лицом. Только потому они и поднимаются до высот подлинной универсальности, способны создавать то, что при всей своей индивидуальной уникальности получает значение всеобщей ценности. Если цивилизация с ее разделением труда делит человека, приравнивает его к части, то культура ставит своей целью сохранение и самоосуществление его целостной индивидуальности, пусть до определенного времени только в духовной форме. Вот почему цивилизация и культура двигались до сих пор как бы по разным орбитам, не стыковались друг с другом.

Для либерализма цивилизация, родившаяся в Европе и обеспечившая победу частника во всех сферах жизни, стала высшим достижением и заключительным этапом мировой истории; для социализма она — только ступень в общеисторической эволюции, далеко не последняя. Либерализм возник как оправдание и обоснование этой цивилизации, социализм — как ее критика, переходящая порой в утопию. Последним словом либерализма стало пророчество о «конце истории», для социализма история, если понимать под ней собственно человеческую историю, историю самого человека, только начинается.

Из всех свобод либерализм особо ценит свободу частного предпринимательства. Его идеал — общество равных прав и возможностей, где каждый, если он достаточно трудолюбив и удачлив, может добиться жизненного успеха и общественного признания. Подобную свободу и обеспечивает защищаемое либерализмом право на частную собственность. В обществе, базирующемся на частной собственности, свободным является тот, кто владеет этой собственностью. В формулировке Милтона Фридмана данный тезис звучит следующим образом: «Сущность капитализма — частная собственность, и она является источником человеческой свободы»¹.

¹ Фридман М. Капитализм и свобода. М., 2006. С. 30.

Но в чем состоит такая свобода? Согласно Фридману, она имеет своим истоком экономическую свободу, без которой, как он полагает, невозможна и политическая свобода. «С одной стороны, экономическая свобода сама по себе есть часть свободы в широком смысле. Поэтому экономическая свобода является самоцелью. С другой стороны, экономическая свобода — это необходимое средство к достижению свободы политической»¹. Получается, что источник несвободы заключен в государстве, тогда как рынок, на котором приобретает частная собственность, и есть «царство свободы».

Уже во времена Маркса подобное отождествление свободы с частной собственностью вызывало сомнение и резкое несогласие. Даже если частная собственность и делает человека политически свободным существом, насколько она освобождает его от тех, кто находится с ним в острой конкурентной борьбе за ту же собственность? Может ли экономическая конкуренция, означающая, по существу, экономическую войну, быть состоянием свободы? Тогда и просто войну следует считать свободой. Кто в ней победит, тот и свободен. Победителей, как известно, не судят. Такая свобода мало чем отличается от «войны всех против всех», которую философы когда-то называли «естественным состоянием», предшествующим цивилизации, или просто варварством.

Есть и более серьезное возражение. Существование частных собственников, экономически свободных от государства, предполагает наличие людей — и таких большинство — свободных от всякой собственности, кроме своей рабочей силы, и потому вынужденных работать на тех, кто этой собственностью обладает. Как быть с ними? Считать их тоже свободными? Свобода торговать своей рабочей силой — тоже, конечно, свобода, но не от тех, кто ее покупает. Работа по найму есть все что угодно, но не экономическая свобода. Экономическая свобода частного собственника влечет за собой экономическую несвободу значительно большей части населения. Они, конечно, уже не рабы, на труде которых греки основывали свою свободу, но и не полностью свободные люди. Идущее от греков деление людей на свободных и несвободных сохраняется здесь в полной мере.

¹ Там же. С. 31.

Отождествление свободы с частной собственностью оказывается в противоречии с принципом фактического равенства людей: ведь далеко не каждый обладает этой собственностью в равной мере. Либеральное требование правового равенства, реализуемое на рынке, оборачивается в итоге фактическим неравенством в тех же отношениях собственности. Подобное неравенство как бы закодировано в самом рыночном механизме реализации равного права. Все имеют право на собственность, но не все реально владеют ею, не говоря уже о том, что собственность конкретных лиц сильно разнится друг от друга. Здесь как бы все свободны и наделены одинаковыми правами, но никто не равен друг другу. Даже если предположить, что в конкурентной борьбе на рынке побеждают наиболее достойные (что, конечно, крайне сомнительно), то и тогда налицо нарушение принципа социального равенства.

Отсюда первоначально и родилась социалистическая оппозиция либерализму. Если либерализм видел в частной собственности необходимое условие свободы, то первые, еще незрелые концепции социализма, ставя перед собой задачу достижения фактического равенства, искали путь к нему в передаче собственности из частных рук в общее владение. То, что принадлежит всем и никому в отдельности, мыслилось как синоним общественной собственности. Общественное мыслилось как общее, принадлежащее всем и никому в отдельности. Равенство, достигаемое посредством всеобщего и подчас принудительного уравнивания, и есть утопия уравнительного социализма. Здесь как бы все равны, но никто не свободен. Такой социализм, по выражению Хайека, — «путь к рабству». В нем все решается мнением большинства или акциями централизованного и бюрократического государства. «То, что принадлежит всем, — справедливо полагает Фридман, — не принадлежит никому»¹. И сегодня многие связывают с социализмом эти примитивные представления о равенстве.

Принято считать, что либерализм защищает свободу в противовес равенству, социализм — равенство, часто за счет свободы. В результате оба они создают ложную видимость возможности существования свободы без равенства (либеральная утопия свободы) и равенства без свободы (социалистическая утопия равенства). Эта ви-

¹ Там же.

димось и сейчас владеет умами многих либералов и социалистов, сталкивая их в непримиримой борьбе.

Несомненно, основополагающим для теории социализма является принцип *общественной собственности*. Можно наделять социализм разными свойствами — гуманизмом, социальной справедливостью, равенством, свободой и пр., но это только слова, пока не выяснено главное — что такое общественная собственность. При этом следует избегать широко распространенного сведения общественного к общему, ибо общей может быть и частная собственность (например, кооперативная). Но чем тогда общественная собственность отличается от частной собственности? С этого, собственно, и следует начинать разговор о социализме.

Приходится удивляться, когда слышишь, что общественная собственность — это когда все общее, принадлежит всем. Достаточно объединить любые средства производства в руках многих, чтобы считать такую собственность общественной. Но что мешало тогда установить такую собственность на любом этапе истории? Почему теория запрещала обобществлять все подряд — соху, мотыгу, орудия ремесла, средства индивидуального и просто разделенного труда, хотя это и делали, не считаясь ни с какой теорией?

В советской экономической науке господствовало мнение, что общественная собственность при социализме существует в двух основных формах — государственной (она же — общенародная) и колхозно-кооперативной. Первая — более зрелая форма общественной собственности по сравнению со второй. Сегодня некоторые экономисты советской выучки, продолжая отстаивать идею общественной собственности, поменяли местами лишь знаки своего предпочтения: теперь они отдают преимущество «собственности трудовых коллективов», или кооперативной собственности, называя ее непосредственно общественной собственностью, тогда как собственность государства оценивается ими как опосредованная общественная собственность. Однако ни то, ни другое, по нашему мнению, не имеет отношения к общественной собственности.

Нельзя, во-первых, отождествлять общественную собственность с собственностью государственной. Любая ссылка на Маркса здесь не проходит. Подобное отождествление — чисто российское изобретение. Попытку преодолеть социальное неравенство посредством

концентрации собственности в руках государства Маркс еще в «Философско-экономических рукописях» называл «грубым коммунизмом» — доведением до логического конца принципа частной собственности, превращающим все работающее население страны в пролетариев, в наемных рабочих на службе у государства. Чуть позже Энгельс отождествит государство в качестве собственника общественного богатства с ассоциированным, или абстрактным, капиталистом. Это и произошло при Сталине. Созданный им государственно-монополистический социализм не надо путать с государственным капитализмом, возможность существования которого допускалась Лениным при переходе к социализму. Но Ленин, как и Маркс, никогда не отождествлял социализм с государственной собственностью (хотя бы по причине разделяемого им вместе с Марксом убеждения в отрицании государства при социализме).

Так называемая политическая экономия социализма строилась во многом на сталинских догмах. Именно она возвела в ранг научного постулата сталинский миф о государственной собственности как синониме социализма. Большевики предпочитали вообще больше говорить о власти, чем о собственности, рассуждая по схеме — кто властвует, тот и распоряжается всем богатством. Никто в то время всерьез не задумывался о природе общественной собственности и всего, что с ней связано.

В равной мере не является общественной и собственность трудовых коллективов. Обобществление собственности в рамках отдельного предприятия юридически, конечно, вполне возможно, но еще не является общественной собственностью. Такое обобществление может иметь место и при капитализме. Коллективной может быть и частная собственность, примером чему являются производственные и бытовые кооперативы, акционерные общества и пр. Ленинский план построения «кооперативного социализма» нигде и никогда не был реализован на практике и, как нам представляется, плохо согласуется с представлением Маркса об общественной собственности. Хотя Маркс и писал об «обществе ассоциированных производителей», распоряжающихся на правах собственности всем общественным богатством, под общественной собственностью он понимал все же собственность не отдельных трудовых коллективов, а всего общества в целом.

Частная собственность характеризуется не числом субъектов (если один, то частник, а если много, то уже не частник), а частичностью находящегося в их распоряжении богатства, наличием границы между своим и чужим: (то, что принадлежит одному или нескольким лицам, не принадлежит другим лицам). Принципом частной собственности является, следовательно, *дележ* собственности на части, на неравные доли, причем пропорция, в которой она делится, постоянно колеблется в зависимости от рыночной конъюнктуры.

Но если общественная собственность не является ни государственной (общей), ни групповой, какой еще она может быть в своем реальном осуществлении? Ответить на этот вопрос, оставаясь в границах экономического мышления с его принципом *дележа* собственности на части, на мой взгляд, невозможно. Простая передача собственности из частных рук в общие также не меняет природы собственности, в лучшем случае носит характер формального, но никак не реального обобществления, исключающего такой *дележ*.

Царство *дележа* есть подлинное царство частной собственности. Оно и породило мечту о равном *дележе* в ранних социалистических утопиях. Когда все станет общим, каждый сможет рассчитывать на равную со всеми долю общественного пирога. Принцип *дележа* сохраняется и здесь, но трактуется как уравнительный, распространяясь прежде всего на сферу распределения материальных благ. Равенство в достатке — самая возвышенная греза такого социализма. Его можно назвать также равенством в сытости, мечтать о котором вполне естественно в странах с хронической нищетой большинства населения.

Стоит ли специально говорить об иллюзорности этой мечты? Все мыслимые формы *дележа* не приведут к равенству, хотя бы потому, что люди разные, а значит, обладают разными потребностями и запросами. Даже распределение «по труду», в котором многие видят высшую форму социальной справедливости, есть остаток, «пережиток» защищаемого либерализмом неравного (буржуазного) права, позволяющего каждому иметь в своем распоряжении только ту часть общественного богатства, которую он заработал своим трудом. Опять же часть, но не все богатство. *Дележ* и тут остается основным принципом распределения. Принцип «по труду» никак не адекватен общественной собственности.

Но может быть мечта о равенстве — химера, пустой звук, несбыточное и ложное ожидание? Думать так проще всего, но за этим потянется ряд следствий, главное из которых — отказ от свободы, ибо свободы без равенства не бывает. Решением вопроса является, видимо, не отказ от равенства, а иное его понимание, которое исключало бы любой дележ. Его следует искать не в праве каждого что-то *иметь* (пусть и «по труду»), но в праве каждого *быть* тем, кем его сделала природа, Бог или он сам себя, т.е. в праве жить «по способностям». Конечно, если не полное изобилие, то определенный достаток нужен любому человеку, но сам по себе не гарантирует ему ни свободы, ни равенства. В погоне за материальным благополучием люди часто жертвуют тем и другим. Равными они становятся тогда, когда владеют не частью богатства, а всем богатством, т.е. используют его «по потребности». Когда каждому принадлежит все богатство, а не его часть, все равны между собой.

Путь к такому равенству действительно лежит через собственность, понимаемую, однако, не как *общая собственность на что-то* — на какую-то часть общественного богатства, а как *собственность каждого на все общественное богатство*. Если как частное лицо индивид владеет частью богатства (или вообще ничем), то как индивидуальность, личность он нуждается во всем богатстве. Это и есть формула общественной собственности: она предполагает не дележ богатства, а его присвоение каждым целиком и без остатка. Как свобода каждого есть условие свободы всех, так собственность каждого на все богатство есть условие общественной собственности, собственности всех.

Последняя — не та обезличенная собственность, которая принадлежит всем и потому никому в отдельности, а та, которая принадлежит каждому и только потому всем. Собственность, исключаящая дележ, и делает людей равными друг другу. В отличие от провозглашенного либерализмом равенства людей в их праве на собственность (и потому разделившего их по степени реального владения этой собственностью) социализм ставит своей целью равенство людей в самом обладании собственностью, т.е. превращение каждого в собственника всего общественного богатства. Иными словами, он ставит вопрос не о формально-правовом, а о фактическом, или реальном, равенстве людей.

Такую общественную собственность Маркс в «Капитале» называл *индивидуальной собственностью*. Ее нельзя мыслить по принципу абстрактного отрицания частной собственности. Если капиталистическая частная собственность, используя труд наемных рабочих, отрицает индивидуальную частную собственность, основанную на собственном труде, то общественная собственность, отрицая капиталистическую, восстанавливает индивидуальную собственность «на основе достижений капиталистической эры», т.е. является не просто отрицанием капиталистической частной собственности, а ее «отрицанием отрицания». Она отрицает ее по объекту (объектом общественной собственности становится не часть, а все общественное богатство) и восстанавливает по субъекту (каждый индивид оказывается собственником этого богатства). В таком понимании общественная собственность сохраняет и воспроизводит ту позитивную сторону частной собственности (при отрицании ее негативной — неравноправной — стороны), которая составляет «необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника»¹.

Но какая собственность может принадлежать каждому без ущерба для других, следовательно, не нуждается ни в каком дележе? Тут мы подходим к главному. Общественная собственность — категория не экономическая, а совершенно иного уровня и порядка: она служит условием существования человека не как агента материального производства, а как возвышающегося над ним общественного субъекта. Переход к общественной собственности равносителен переходу человека в «царство свободы», которое, по словам Маркса, находится «по ту сторону экономической необходимости». Все знают эти слова, но кто из экономистов придал им серьезное значение?

Объектом реального обобществления не могут быть средства разделенного труда, хотя юридически-формально их, конечно, можно обобществить в ущерб делу. Но кому из нормальных людей нужна собственность на орудия и средства чужого труда? Горожанину не обязательно быть собственником орудий сельского труда, равно как и наоборот. И не в этом состоит общественная собственность. Она есть собственность на то, без чего невозможен труд каждого.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. С. 771.

Таким «всеобщим условием труда» в современном производстве является, как известно, наука. Ее действительно нельзя приватизировать, поделить на части, принадлежащие разным лицам. Можно приватизировать, например, электростанцию, но нельзя приватизировать теорию электричества. Наука по природе своей принадлежит каждому, есть всеобщее достояние, что и делает ее главным объектом реального обобществления.

Само по себе существование науки, разумеется, еще недостаточно для установления общественной собственности. Оно становится возможным в условиях, когда наука обретает значение основной производительной силы, а соединение человека с наукой — главного фактора процесса производства. Производство, в котором наука играет решающую роль, Маркс называл «научным производством», отличая его от фабрично-заводского, или промышленного, производства. По мере того как наука (по его терминологии, «всеобщий труд»), внедряясь в производственный процесс, сводит непосредственный труд рабочих «к минимуму», превращает во «второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду», возникают реальные условия для перехода к общественной собственности. Выявленная Марксом тенденция превращения производства в «научное производство» содержит в себе, следовательно, иную версию перехода к общественной собственности, чем та, которая обычно излагается в качестве марксистской — через революцию, диктатуру пролетариата и насильственную экспроприацию. В отличие от первой вторая — политическая — версия представляется ныне архаической и безнадежно устаревшей, хотя сам Маркс и пытался как-то сочитать их.

В более широком смысле под общественной собственностью следует понимать *собственность на культуру в целом*. Наряду с наукой она включает в себя все то, что служит средством производства самого человека как «основного капитала», — искусство, образование, различные виды интеллектуальной и творческой деятельности, информационные системы, формы общения. Частная собственность есть собственность на капитал, общественная — на культуру. Общественная собственность делает человека не имущественно, а духовно богатым существом, богатство которого заключено в его собственном индивидуальном развитии. Но тогда она — не экономиче-

ская, а культурная категория. Ее можно назвать также *обобществлением человеческого духа* — всего того, в чем этот дух получает свое символическое оформление. Установление общественной собственности знаменует собой переход человека не к свободной экономике (рыночной или какой-то другой), а к *свободе от экономики*, его освобождение от навязанных ему экономикой функций и ролей.

Стремление Маркса вывести «царство свободы» за пределы «экономической необходимости» вызвало в адрес его теории социализма немало злобных шуток и нареканий, особенно со стороны либералов, для которых свобода тождественна частной собственности и рынку. Причем мало кто захотел разобраться в том, как он мыслил такой переход. Ведь речь у него шла не об отрицании экономики, что было бы, конечно, утопией и весьма вредной, а об ином источнике экономического развития, чем просто непосредственный и разделенный труд рабочих, т.е. об экономике, освобождающей человека от функции рабочей силы. Капитализм знает этот источник и широко пользуется им. «Поэтому тенденция капитала, — писал Маркс, — заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства»¹. Внедряясь в производство, наука меняет характер собственности на средства труда, поскольку в качестве всеобщего условия труда ее нельзя присвоить частным образом, сделать недоступной для других. В истоке общественной собственности лежит, следовательно, не насильственная экспроприация частной собственности, а развитие материального производства до уровня научного.

Трактуя общественную собственность как экономическую категорию, экономисты в действительности воспроизводят точку зрения на нее не Маркса, а Ф. Лассалья, против позиции которого Маркс выдвинул убедительные аргументы в «Критике Готской программы». Согласно Лассалю, общественная собственность устанавливается рабочими с целью более справедливого распределения трудового дохода. Задачей социал-демократии, по его мнению, является борьба за так называемый неурезанный трудовой доход, в силу которого рабочие должны получать за свой труд сполна, без всяких вычетов и удержаний. Формула «каждому по труду», по мнению Лассалья, и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. II. С. 206.

выражает конечную цель освободительного рабочего движения. Против такого понимания смысла и цели классовой борьбы пролетариата (а заодно и устанавливаемой им общественной собственности) Маркс выдвинул два возражения. Во-первых, в любом обществе люди будут вынуждены отчислять часть своих личных доходов в пользу общественных нужд и потребностей. Поэтому идея «неурезанного трудового дохода» — чистая утопия. Но главное даже не в этом. Общественная собственность нужна рабочим не для того, чтобы получать больше и жить лучше, но прежде всего для того, чтобы вообще перестать быть рабочими, стать совершенно новыми людьми, способными включиться в общественное производство на совершенно ином уровне. Необходимость перехода к общественной собственности диктуется, следовательно, не потребностью рабочих в более справедливом распределении доходов, а характером научного, или всеобщего, труда, сменяющего собой абстрактный труд непосредственных производителей. Такой труд может функционировать в производстве лишь при условии непосредственного единства человека со знанием, социальной формой чего и является общественная собственность.

Вот чего не поняли экономисты, увидевшие в общественной собственности экономическую категорию. Для них она соединима с любым трудом, будь то труд крестьянина или рабочего. Ее можно ввести на любом предприятии, в любой отрасли производства. Но тогда непонятно, почему общественная собственность не появилась на свет раньше своей теоретической версии. Почему и сегодня переход к ней — только тенденция, пробивающая себе дорогу в наиболее развитых странах? Что мешает ей стать реальностью при любых обстоятельствах? Большевики так и поняли проблему: достаточно взять власть в свои руки, чтобы, опираясь на нее, ввести декретом общественную собственность. Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, власть — Советам — ни один из этих лозунгов не был реализован на практике. И причина тому — ложное отождествление общественной собственности с собственностью общегосударственной. Последняя, конечно, способна покончить с рыночной экономикой, но ценой искоренения даже того минимума свободы, которая потребна для нее. Именно эта версия социализма стала удобной мишенью для нападок на него со стороны самых разных антисоциалистических сил.

Большинство критиков социализма не сомневается в том, что социализм на практике есть этатизм — прямое вмешательство государства во все сферы общественной жизни, командно-административная система управления хозяйством. Глядя в сторону недавно существовавших и кое-где еще существующих «социалистических стран», легко сделать вывод, подобный тому, какой сделал Д. Белл, а именно, что социализм в этих странах есть иной способ решения проблемы создания технологической базы индустриального общества, которая в передовых странах создавалась капитализмом. «В этом смысле “коммунизм”, — пишет Белл, — является не “следующим” этапом истории, а одним из многих альтернативных способов индустриализации, а то, что создают эти режимы, суть “индустриальные” общества, но формирующиеся с помощью специфических политических, а не рыночных механизмов»¹. Социализм отличается от капитализма особым типом управленческой бюрократии — не рациональным, а партийно-номенклатурным и идеологическим. С переходом в постиндустриальное общество, которое Белл называет «обществом знания», данное различие будет стираться, уступая место единой в своей основе социальной системе. Иными словами, социализм и капитализм — лишь две разновидности индустриального общества, за пределами которого их противостояние теряет всякий смысл. Вопрос о том, каким будет постиндустриальное и информационное общество — капиталистическим или социалистическим, — для Белла, похоже, не имеет существенного значения.

Нельзя отрицать, что в странах догоняющей модернизации социализм действительно во многом выглядит так, как описал его Белл — излишне бюрократизированным и даже тоталитарным, приспособленным исключительно для нужд технического развития. Но только ли в этом состоит его историческое предназначение? В мире информационных технологий и экономической глобализации становится очевидным более глубокий смысл идеи социализма, связанный с решением не столько технологической или экономической, сколько культурной задачи, стоящей перед человеком. Именно на эту за-

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Пер. с англ. М., 1999. С. 97–98.

дачу у капитализма нет ответа, что заставляет многих интеллектуалов на Западе говорить о переживаемом им культурном кризисе. Живучесть идеи социализма в общественном сознании предопределена именно этим кризисом, а не «кризисом перепроизводства», «обнищанием пролетариата» или еще какими-то экономическими или финансовыми катаклизмами. Все предсказания конца капитализма, основанные на экономических прогнозах подобного рода, включая и предсказания самого Маркса, оказались ошибочными. Не экономический, а культурный тупик капитализма заставляет теоретическую мысль искать выход из него в социалистическом направлении.

О враждебности капитализма некоторым отраслям духовного производства, например искусству и поэзии, о том, что экономический прогресс не всегда сопровождается прогрессом духовным, писал уже Маркс. В рамках одной статьи невозможно обозреть всю существующую на Западе литературу, посвященную описанию и анализу культурного кризиса, порожденного современной цивилизацией. Его главным проявлением, по общему мнению, является предельная рационализация человеческой жизни, сужение до минимальных пределов свободного индивидуального выбора, полное подчинение индивида безличной власти социальных структур и информационных сетей. Будучи полностью «запрограммирован» этими структурами, человек утрачивает здесь личную связь с «вечными ценностями», заменяя их нормами и правилами корпоративной этики и делового партнерства. Экономическая выгода от такой стандартизации и обезличивания жизни очевидна, но сама культура перестает быть в этой ситуации чем-то большим, чем просто средством бездумного потребления, развлечения и внешнего украшения.

По выражению З. Баумана, культура есть «мост», связующее звено между временем и вечностью, конечным и бесконечным¹. Куль-

¹ «Мы называем “культурой” как раз тот тип человеческой деятельности, который в конечном счете состоит в превращении неуловимого в осязаемое, связывании конечного с бесконечным, или, иначе, в строительстве мостов, соединяющих смертную жизнь с ценностями, неподвластными разрушающему влиянию времени» (Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 301).

туре, пишет он, удалось построить много таких мостов. Один из них связан с религиозной идеей жизни после смерти, «бессмертия души», которая, однако, в силу своей теоретической недоказуемости не может служить людям надежной опорой в их земных делах. Новое время попыталось перебросить новые мосты через пропасть, отделяющую преходящее от вечного. Одни «мосты» предназначены для индивидуального пользования, другие — для массового. Первые связывают человека с вечностью посредством великих исторических деяний и доступны только выдающимся личностям, вторые — посредством семьи и нации. Но и они в эпоху транснациональной экономики перестали служить этой цели. Путь в вечность, как считает Бауман, полностью перекрыт для современного человека, и ему остается только сосредоточиться на своей телесной и сиюминутной жизни. Это, как считает Бауман, даже не кризис культуры, а попытка пересадить ее на новую и ранее чуждую ей территорию, на которой нет места прошлому и будущему, всему тому, что несет на себе печать вечного и непреходящего.

Но не является ли подобный метаморфоз отказом человека от жизни в истории, а в конечном счете — и от своей творческой свободы? Можно ли отстоять это право в условиях современной цивилизации?

На этот вопрос, как мне представляется, и призван ответить социализм. Решая его, необходимо вслед за Марксом обратиться к тому времени человеческой жизни, которое, как правило, находится за пределами внимания подавляющей части экономистов, — к свободному времени. Именно здесь содержится ответ на вопрос о том, что является социализм по своей сути и историческому предназначению.

Свободное время — реальность социализма

Уже для древних греков, считавших себя «свободно-рожденными», свободное время обрело значение наиболее ценимого и желаемого общественного блага, позволяющего индивиду участвовать в общественной жизни, в обсуждении и решении всех общественно значимых дел. В их представлении свободное время дано

человеку для того, чтобы он мог заполнить его поступками и действиями, которые обессмертят его имя, прославят в веках, сохранят в памяти потомков. Это время не физически конечной, а вечной жизни, пусть только духовно вечной, могущей продолжиться в новых поколениях. Оно позволяет человеку жить в истории, а не только в ограниченном пространстве его времени. В эпоху Возрождения свободное время получит значение основополагающей гуманистической ценности. Для гуманистов этой эпохи свобода человека тождественна наличию у него свободного времени — свободного от вынужденного труда ради физического выживания, но открытого к любому виду творческой деятельности. И для социализма свободное время — единственная реальность, в которой он находит свое обоснование.

Не социализм, конечно, является причиной появления свободного времени. Происходящее уже при капитализме внедрение науки (всеобщего труда) в производственный процесс приводит, во-первых, к упрощению непосредственного труда в рабочее время, во-вторых, к его замене умственным трудом, в-третьих, к сокращению рабочего времени, следствием чего как раз и является рост свободного времени.

Тенденция к упрощению непосредственного труда дает знать о себе уже при переходе от мануфактуры к машинному производству. Если мануфактура разделила непосредственный труд рабочих на простейшие операции, превратила в частичный труд, то машина вообще отобрала у рабочих функцию непосредственного изготовителя конкретной продукции, сведя его к «придатку машины», следящему за исправностью ее работы. Труд становится предельно механическим, а с переходом к конвейерной системе производства доводится до состояния чуть ли не природного автоматизма с его отупляющей монотонностью и однообразием. Утрачивая качественную определенность, он реально перестает быть конкретным трудом, фактически, а не только теоретически сводится к труду абстрактному. Это влечет за собой повышение качества продукции (без чего ее вообще нельзя было бы реализовать на рынке), но теперь ответственность за это качество несут уже не рабочие, а представители умственного труда (инженеры, проектировщики и пр.), число которых в производстве неуклонно возрастает.

В итоге фабрично-заводское производство постепенно превращается в «научное производство»¹, в котором решающая роль принадлежит умственному труду. Задолго до возникновения теорий постиндустриального и информационного общества Маркс открыл реально происходящий процесс замены непосредственного труда рабочих научным трудом², усмотрев в нем главную тенденцию развития капиталистического производства³. «В этом превращении в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы (т.е. науки — В.М.), его понимание природы и господства над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом — развитие общественного индивида»⁴. Непосредственный труд не отменяется, а сокращается «до минимума», превращается «во второстепенный момент» про-

¹ «...По мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность) не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. II. С. 213).

² «...Превращение процесса производства из простого процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службу у человеческих потребностей, выступает как свойство *основного капитала* в противовес живому труду...» (Там же. С. 208).

³ «Поэтому тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства» (Там же. С. 206).

⁴ Там же. С. 213–214.

изводства. «...Непосредственный труд и его количество исчезают в качестве определяющего принципа производства, созидания потребительных стоимостей; и если с количественной стороны непосредственный труд сводится к менее значительной доле, то качественно он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду, по отношению к технологическому применению естествознания...»¹.

При этом «одновременно происходит отделение науки... примененной к производству, от непосредственного труда...»². Непосредственный труд предельно упрощается и интеллектуально обесмысливается. Если «на прежних ступенях производства ограниченный объем знаний и опыта был непосредственно связан с самим трудом, не развивался в качестве отделенной от него самостоятельной силы»³, то в качестве самостоятельной силы наука основывается на «отделении духовных потенций этого производства от знаний, сведений и умения отдельного рабочего»⁴, «совпадает с подавлением всякого умственного развития в ходе этого процесса»⁵. «Правда, — добавляет Маркс, — при этом образуется небольшая группа работников более высокой квалификации, однако их число не идет ни в какое сравнение с массой «лишенных знаний»...рабочих»⁶. Упрощение физического труда уменьшает потребность в его количестве, что и приводит к сокращению рабочего времени. Наука не отменяет непосредственный труд, но сокращает его до минимума, а значит, сокращает и время, в течение которого он осуществляется. Экономия рабочего времени — наиболее существенный социальный показатель научно-технического прогресса.

Вопрос в том, как распорядиться высвободившимся временем. Существуют, разумеется, разные способы его перераспределения — перекачка рабочей силы в слабо индустриализированные отрасли

¹ Там же. С. 207–208.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 47. С. 554.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

производства (например, в сферу услуг), в экономически малоосвоенные районы, ее перекавалификация и пр. Но общая тенденция от этого не меняется. Нельзя считать экономически нормальным положение, когда общий объем рабочего времени остается неизменным.

Для подтверждения этой мысли нет необходимости ссылаться на статистические данные, на обширную социологическую литературу, специально посвященную бюджету времени: с периода жизни Маркса прогресс в этой области очевиден. В наиболее развитых странах свободное время давно уже стало общедоступным благом. Но может ли оно стать основой общественной жизни человека, его базисом, заменив в этой функции рабочее время? Это и есть, на наш взгляд, основной вопрос теории социализма. Если в общественной собственности социализм находит социальную форму присвоения каждым общественного богатства, то в свободном времени — необходимое для этого присвоения социальное пространство.

Хотя уже капитализм способствует росту свободного времени, оно значимо для него, как подчеркивает Маркс, в качестве лишь времени прибавочного труда. Никакого иного смысла он в нем не видит. Поэтому *«постоянная тенденция капитала заключается, с одной стороны, в создании свободного времени, а с другой стороны — в превращении этого свободного времени в прибавочный труд»*¹. И так будет до тех пор, пока рабочее время остается главной мерой общественного богатства². Человек интересен капиталу только как рабочий, а его время — как время непосредственного труда. Все, что сверх того, выносится им за скобки.

Заметим, что и существовавшему у нас «социализму» человек был интересен в качестве прежде всего рабочего, чей труд считался

¹ Там же.

² «Рабочее время в качестве меры богатства предполагает, что само богатство основано на бедности и что свободное время существует в виде противоположности прибавочному рабочему времени и благодаря этой противоположности, или благодаря полаганию всего времени индивида в качестве рабочего времени и потому благодаря низведению этого индивида до положения только лишь рабочего, благодаря подчинению его игу труда». (Там же).

«делом славы, доблести и геройства», постоянно прославлялся в искусстве и пропаганде. К социализму в его истинном значении подобное понимание труда имеет косвенное отношение, ибо главным для него является как раз то, что выходит за рамки рабочего времени.

Пока мерой общественного богатства является рабочее время, свободное время остается временем не общественной (публичной), а приватной жизни людей, их частным делом. Только в нем они чувствуют себя относительно свободными. Это и понятно. В рабочее (или служебное) время люди не выбирают начальников и сослуживцев, подчиняются правилам и инструкциям, которые предписаны им характером труда, организацией производства. Все их действия здесь жестко регламентированы и расписаны по функциям и ролям. Труд в рабочее время носит необходимый, вынужденный, но никак не свободный характер.

Для большинства людей рабочее время и сегодня — основное время их общественной жизни. Но могут ли они распоряжаться этим временем по собственному усмотрению? Разве за его пределами — в сфере семейной или личной жизни — они не чувствуют себя более свободными, чем на работе? Для многих и сейчас время, проведенное в семейном кругу, среди родных и близких, заполненное домашними делами и заботами, намного предпочтительнее времени трудовой деятельности на производстве или на службе. В первом времени мы живем, во втором — только зарабатываем на жизнь. Получается, что общественная жизнь — только средство для частной жизни, что свободными мы чувствуем себя не в обществе, а за его пределами. Но отсюда следует, что общественная и человеческая жизнь во многом еще расходятся между собой, находятся друг с другом во взаимоотношающем отношении. И не так уж неправ был Маркс, сказавший как-то, что в современном обществе человек чувствует себя человеком при исполнении своих животных функций — в еде, питье, процессе размножения и пр., тогда как в обществе он чувствует себя животным.

Как очеловечить общественную жизнь, сделать ее по-человечески насыщенной и интересной? Ведь только в обществе человек становится чем-то большим, чем просто животное. Каким же должно быть общество, в котором его человеческая сущность, как и общественная сущность человека, получает адекватную форму существования?

Таким оно становится в границах свободного времени, обоснованием чего и является теория социализма.

Сам по себе рост свободного времени ничего не меняет в плане «очеловечивания» общества. В лучшем случае он способствует росту потребительской активности, усиливает страсть к приобретательству, дает простор гедонизму и консюмеризму. Для человека, чья общественная жизнь протекает в основном в рамках рабочего времени, свободное время сводится исключительно к личному потреблению, к поиску новых развлечений и острых ощущений. На подобное времяпровождение работает вся современная индустрия досуга. Время летит здесь с ускоренной быстротой, ни на чем не задерживаясь, ничего не оставляя в памяти, ни к чему не устремляясь. Это время без прошлого и будущего, оно все в настоящем. Нормой для него является правило «живи одним днем», наслаждайся мгновением, ни о чем не задумывайся, ни о чем не беспокойся, пользуйся тем, что есть.

Не только Маркс, но и многие после него осознавали пустоту, бесцельность и бесплодность свободного времени, заполненного исключительно приобретением материальных благ и услуг. Такое время подобно дурной бесконечности, ничего не меняющей в человеческом существовании. Оно не столь уж и свободно от рыночной экономики, навязывающей с помощью рекламы нужные и не нужные для человека потребительские товары. Этим, разумеется, не снижается роль потребления в его жизни. Никакое общество не освободит людей от необходимости потребления, как не освободит от необходимости спать положенное время. Но ведь и потреблять можно по-разному, преследуя в процессе потребления разные цели.

В глазах общества, основанного на рабочем времени, измеряющего им свое богатство, потребление служит целям воспроизводства рабочей силы. Для тех, кто распоряжается этим временем, свободное время, помимо источника прибавочного труда, значимо постольку, поскольку дает возможность работнику отдохнуть после работы, набраться новых сил, чтобы затем с новой энергией включиться в работу, за которую ему платят деньги. Но для самого человека время имеет и иную ценность, позволяя ему решать собственные проблемы. Последнее возможно при условии, что время принадлежит самому человеку, находится в его полном распоряжении. Только в этом случае его можно считать подлинно свободным временем.

В терминах Маркса это означает присвоение прибавочного труда самими рабочими. Такое присвоение равносильно превращению их свободного времени в общественное время, в основную меру общественного богатства. По словам Маркса, «рабочие массы должны сами присвоить себе свой прибавочный труд. Когда они начнут это делать — и когда тем самым *свободное время* перестанет существовать в *антагонистической* форме (т.е. в форме прибавочного труда — В.М.), — тогда, с одной стороны, мерой необходимого рабочего времени станут потребности общественного человека, а с другой стороны, развитие общественно-производительной силы пойдет столь быстро, что хотя производство будет рассчитано на богатство всех, *свободное время* всех возрастет»¹.

Превращение свободного времени в меру общественного богатства (в том смысле, что чем его больше в обществе, тем оно богаче) означает, что таким богатством становится сам человек. «Ибо действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов. Тогда мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время»². Сокращая рабочее время, капитал «помимо своей воли выступает как орудие создания условия для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества к все сокращающемуся минимуму и тем самым — для высвобождения времени всех членов общества для их собственного развития»³. Ибо свободное время по своей сути есть время «развития всей полноты производительных сил отдельного человека, а потому также и всего общества»⁴.

Свободное время если и есть время потребления, то такого, которое имеет своей целью *производство самого человека как «основного капитала»*. Принадлежа самому человеку, оно имеет своим результатом, часто неосознаваемым, его существование не просто как рабочей силы, но как существа с «более богатыми свойствами и связями». Потребляя в свободное время, люди ведь думают не только о работе, но и о самих себе, желая узнать или испытать что-то

¹ Там же.

² Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. II. С. 217.

³ Там же.

⁴ Там же.

новое, ранее неизведанное. Тем самым вольно или невольно они становятся другими. Важно лишь направить этот процесс в русло прежде всего культурного потребления. В этом смысле «сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т.е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек»¹.

В свободное время, если оно действительно свободно, хочет сказать Маркс, люди производят не вещи и не идеи, а *самих себя* во всем богатстве и разносторонности своих связей и отношений с миром и другими людьми. Даже если индивид ничем особенным не одарен от природы, свободное время позволяет ему разнообразить свой досуг, расширить кругозор, приобщиться к тому, что создано до него, существует в культуре, следовательно, в чем-то измениться, стать другим по сравнению с тем, каким он был до сих пор. Время по-настоящему свободно тогда, когда предоставляет индивиду свободу выбора форм общения и видов деятельности, позволяет ему жить в меру собственной индивидуальности, а не внешней по отношению к нему необходимости. Оно позволяет человеку быть самим собой, т.е. тем, кем он является от природы, наделившей его определенными способностями и дарованиями. Но разве не в этом состоит в конечном счете цель общественного развития, если, конечно, понимать под ним развитие самого человека, а не чего-то другого?

Свободное время делает человека не материально, а духовно богатым существом, позволяя ему включаться в процесс общественно-го производства в качестве совершенно «иного субъекта» деятельности. «Свободное время — представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности — разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства»². Возвышение индивида до уровня такого субъекта и

¹ Там же. С. 221.

² Там же.

есть цель социализма. Всеобщий труд, общественная собственность, свободное время — базовые условия для ее реализации. «Происходит свободное развитие индивидуальностей, и потому имеет место не сокращение необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т.п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам»¹.

Мы выписали многочисленные высказывания Маркса о свободном времени с единственной целью показать место этой проблемы в его теории социализма. К сожалению, мимо нее прошли все те, кто считался у нас специалистами в области научного коммунизма. Истину социализма они упорно искали не там, где ей надлежит быть, т.е. не в свободном, а в рабочем времени, в сфере экономики, управляемой государством, полагая, видимо, что именно здесь содержится доказательство превосходства социализма над капитализмом. Вера Маркса в способность человека быть чем-то большим, чем просто рабочей силой, предстала в их изображении как его уверенность в сохранении за ним этой функции на вечные времена. Но если удел человека всегда быть рабочим, зачем ему социализм? Чтобы получать больше и жить лучше? Капитализм решает эту задачу намного эффективнее любого социализма.

Сведя теорию социализма к идее освобождения рабочего класса от власти капитала, мы упустили в ней главное — идею освобождения человека от самой необходимости быть рабочим, принадлежать к какому-то классу. Ведь только так можно освободить человека от этой власти. Пока существует рабочий класс, будет существовать и капитал. Нельзя ликвидировать одно, сохранив другое. Усмотрев в необходимом труде высшую человеческую добродетель, советская власть сделала его объектом эксплуатации со стороны государства даже более эффективной, чем капиталистическая. Не свободный, а вынужденный и плохо оплачиваемый труд в рабочее время стал отличительной чертой «социалистического пути развития». После многих лет такого «развития» стоит ли удивляться, что само слово «социализм» вызывает у людей идиосинкразию, полное отторжение от

¹ Там же. С. 214.

него без желания вдуматься в действительный смысл и содержание предлагаемого им социального проекта.

Подобное отношение к социализму сохранится, видимо, надолго. Но то, что им обозначается, рано или поздно опять встанет на повестку дня. И объяснение тому — в неспособности даже самой развитой экономической системы решить проблему существования человека как свободной индивидуальности, без чего нет и дальнейшего общественного развития. Когда социальные проекты и прогнозы встанут перед необходимостью исходить из расчетов не только технологического и экономического, но и культурного порядка, т.е. из перспективы целостного развития самого человека, социалистическое видение будущего, пусть в модифицированном виде и под другим названием, вновь будет востребовано обществом.

Социалистическая идея в современном мире

Изложенная выше социалистическая перспектива развития плохо согласуется с тем, куда сегодня движется Россия. Переход к рынку и частной собственности — действительно, не социалистические лозунги. По сравнению с властью государства над экономикой они, несомненно, представляют более высокую ступень развития, но что делать социализму там, где даже эта ступень — пока еще только желаемое состояние? Здесь исток той драмы, которую переживают в наши дни люди с социалистическими убеждениями.

Оправданность социалистической идеи лучше видна в контексте все же не нашей, а европейской цивилизации, критикой которой она и стала в первую очередь. Многое из того, что составляло ее позитивное содержание, реализовано этой цивилизацией на практике, стало здесь повседневной реальностью. А вот в неевропейских странах она обрела вид, далеко разошедшийся с ее подлинным смыслом и содержанием. В этих странах, не прошедших полного цикла модернизации, не имевших развитого гражданского общества, сильного среднего класса с городской культурой, традицией правового сознания и демократической власти, социализм предстал не в собственном качестве, а как одна из разновидностей модернизационной стратегии, осуществляемой вне рыночными и недемократическими

средствами, что называется, «минуя капитализм». Субъектом модернизации выступило предельно централизованное государство, опирающееся на традиционную для данных обществ силу авторитарной власти.

В России такой силой стали большевики, продолжившие начатое царями дело модернизации (индустриализации) страны. Социализм, который они объявили своей целью, явился для них лишь синонимом мощного государства, обладающего промышленным — военным, прежде всего — паритетом с экономически развитыми государствами Запада. В нем видели решение как бы двойной задачи: с одной стороны, мобилизации всех человеческих ресурсов для сокращения технологического отрыва от Запада, с другой — сохранения территориальной целостности страны, ее государственного суверенитета. Ускоренная индустриализация страны в сочетании с военной мощью государства стала для них главным оправданием их власти. Социалистическая риторика, в которую облекалась эта стратегия, позволяла избегать участи периферии капиталистической мировой системы, целиком зависящей от ее ядра. И до определенного момента такая стратегия вполне срабатывала, хотя сегодня можно констатировать ее полную исчерпанность и неспособность противостоять вызовам современного мира¹. Кризис советского — этатистского — социализма — это кризис прежде всего данной стратегии, которая, повторим, имеет мало общего с подлинным смыслом социалистической идеи.

В сознании большинства социализм обычно связывают с решением проблемы бедности и социального неравенства. По мнению, идущему еще из XIX века, социализм защищает интересы рабочих — тех, кто живет на заработную плату, образует армию наемных

¹ Разумеется, что-то от социализма существовало и в СССР. Недаром этот период в нашей истории многие оценивают как социально более справедливый, чем нынешний. Нельзя объяснять подобную оценку одними лишь идеологическими предпочтениями, она во многом продиктована вполне искренними чувствами и настроениями людей. И все же негатив в практике «реального социализма» перевешивал позитив, заставляя судить о социализме явно с ложных позиций.

работников. В наше время этот критерий требует существенной корректировки. Если под интересами рабочих понимать облегчение условий их труда, более высокий уровень заработной платы, нормированный рабочий день с правом на отдых и медицинское обслуживание, сокращение безработицы и пр., то все это давно делается в капиталистических странах профсоюзами, государством и частными фирмами, заинтересованными в квалифицированной, хорошо оплачиваемой и здоровой рабочей силе. Если капитал и эксплуатирует рабочих, то расплачивается с ними ценой более высокой, чем могут предложить сегодня все социалистические программы. Социализм, собственно, не знает никаких особых путей повышения благосостояния людей, какие были бы неизвестны либеральным партиям и движениям. Он может содействовать им в осуществлении этой задачи, но не в этом состоит его собственное историческое предназначение.

Следует честно признать: капитализму в развитых странах многое удалось, а его критика со стороны традиционно мыслящих коммунистов выглядит подчас излишне предвзятой и не очень убедительной. Будучи оправдана в позапрошлом веке, когда капитализм только становился на ноги, а люди на Западе переживали не лучшие времена, эта критика сейчас во многом устарела, утратила свою силу. Бедность, конечно, не устранена полностью, но концентрируется в основном в экономически неразвитых странах. Никто уже всерьез не говорит о нищете рабочих в странах капитала. Проблемы, связанные с уровнем жизни, конечно, остаются и, видимо, будут всегда, но их острота не такова, чтобы ставить человека на грань выживания, заставляя прибегать к крайним — революционным — мерам своей защиты.

Но в одном критика капитализма достигает цели: человек и здесь не стал тем, каким ему положено быть, оставаясь в границах европейской культуры. Не считаться с ее требованиями (как и требованиями природы) — значит, становиться поперек истории, рано или поздно оказаться в состоянии стагнации и умирания. В чем-то человек даже утратил ту степень свободы и личной независимости, какой обладал раньше — на начальном этапе становления буржуазного общества. Данный факт зафиксирован не только социалистической, но и всей общественно-философской мыслью XX века. При всех

техничко-экономических достижениях капитализма цивилизация, созданная им, оказалась в конфликтном отношении с природой и культурой, что позволило говорить о поразившем ее экологическом и духовном кризисе. О причинах этого кризиса и способах выхода из него говорят и пишут люди самых разных убеждений и идеологических пристрастий, в том числе и социалистической ориентации. В своем современном виде социализм, как я думаю, предлагает свое решение этой проблемы, которое в ряде пунктов расходится с тем, что предлагалось им раньше.

Так, речь не идет уже о необходимости политических революций для осуществления социалистических преобразований. Классовые войны если кого и вдохновляют сегодня, то либо наиболее крайние в своем радикализме левые группировки, являющиеся в западном мире политическими маргиналами, либо некоторые находящиеся у власти политические режимы в экономически отсталых странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Отказ от революционных методов борьбы вносит существенные коррективы в теорию и практику современных партий, стоящих на социалистических позициях. Они уже не рассматривают себя как революционные партии, хотя сохраняют за собой право находиться в оппозиции к власти, если та расходится с их программными целями. Такую оппозицию можно назвать парламентской, и она предполагает мирный — демократический — путь перехода к социализму. В своей зрелой фазе социализм, следовательно, обретает характер не революционного, а эволюционного движения, постепенно осуществляемой реформы, причем не столько в экономической или политической, сколько в культурной сфере¹.

Вопрос о связи социализма с революционным движением имеет особое значение применительно именно к российской истории. Если европейская социал-демократия достаточно быстро встала на путь парламентаризма, то его российская ветвь так и не вышла из-под

¹ Даже Ленин к концу жизни пришел к выводу, что перейти к социализму посредством одной политической революции невозможно, что для этого необходима еще и культурная революция. Слово «революция» сохраняется и здесь, но в ином — не политическом, а культурном — контексте.

влияния отечественной традиции революционного демократизма с его неприятием либеральных ценностей и правового государства. Наиболее ярким примером революционной демократии в России стали народники. Хотя впоследствии народничество и осуждалось российской социал-демократией, для его наиболее радикальной — большевистской — части оно осталось образцом революционного героизма и подвижничества. Те, кто вместе с Лениным создавали РСДРП, отмечали огромное влияние на него не только марксизма, но и русских революционных демократов первой волны (от Чернышевского до Ткачева и Нечаева). Большевики, в сущности, — те же революционные демократы, свято верящие в возможность построения социализма исключительно революционными методами.

Допущенная ими ошибка очевидна: методы революционной борьбы за власть в недемократическом обществе они перенесли на процесс перехода к социализму, требующего совершенно иных способов своего практического осуществления. Если борьба с деспотизмом и тиранией действительно выливается в революцию, то переход к социализму может быть осуществлен исключительно демократическими средствами, поскольку касается изменений в сфере прежде всего человеческих отношений и культуры. Революционным насилием тут ничего не решишь. Социализм может претендовать на общественное влияние в современном мире только в том случае, если, с одной стороны, признает права и свободы, отстаиваемые либерализмом, а с другой — отвергнет крайности социального утопизма с их требованиями немедленной отмены частной собственности и рынка. По этому пути и пошла европейская социал-демократия. Предложенная когда-то Лениным новая экономическая политика вроде бы свидетельствовала также о сдвиге в эту сторону, но надежда, как известно, оказалась преждевременной: чуть позже революционные методы «построения социализма в одной стране» опять взяли верх,

Отказ от революции не является, как иногда думают, отказом от социализма. Его целью, как и раньше, является общество, в котором каждый обретает право собственности на все богатство культуры. Переход к нему в любом случае предполагает такое *соединение труда с собственностью*, которое в равной мере меняет и природу самого труда, и характер собственности, придает им обоим непосред-

ственно общественный характер. Такое соединение нельзя мыслить, однако, как насильственное перераспределение общественного богатства, будь то конфискация, экспроприация или национализация частного имущества. Но как иначе можно соединить труд с собственностью? Существуют ли ненасильственные, сугубо правовые формы такого соединения? Ответ на этот вопрос и отличает современную — демократическую, или социал-демократическую, — версию социализма от его революционной версии, на наш взгляд, навсегда ушедшую в прошлое.

В общей форме этот ответ сводится к следующему: переход к социализму означает изменение не правовой нормы, а ее фактического содержания. Он — следствие не волевого (революционного) перераспределения собственности, а естественного процесса развития производства до уровня научного. В ходе этого развития правовая норма, позволяющая человеку владеть собственностью, не отменяется, а наполняется новым содержанием, включает в себя теперь собственность не только на приобретенное им имущество в его вещественном или денежном выражении, но и на всю существующую в обществе культуру. Она как бы передается ему в бессрочное и безвозмездное пользование, что в итоге превращает частную собственность в общественную. Разумеется, переход к общественной собственности предполагает целый ряд чисто социальных мер, обеспечивающих каждому равный и свободный доступ (через образование, систему просвещения, средства информации и пр.) ко всему богатству культуры, ко всем видам профессиональной деятельности, ко всем формам гражданской инициативы и свободного общения.

Надежду на такой переход нельзя назвать утопической: она подтверждается всем тем, что уже сегодня происходит в обществе. На наших глазах рождается новый тип производительного работника, оперирующего не механическими орудиями труда, а сложной вычислительной техникой. Местом его работы является не заводской цех, а конструкторское бюро, научная лаборатория, проектная мастерская или аналитическая служба, занимающие в техноструктуре современного производства все большее место. Профессиональной характеристикой такого работника является его способность генерировать новое знание, внедрять в производство новые образцы, поставлять информацию, повышать конкурентоспособность пред-

приятия на рынке. В каком-то смысле его можно назвать специализмом по инновациям.

В лице такого работника мы также имеем дело с классом, но уже иным, чем класс промышленных рабочих. Занимая промежуточное положение между рабочими и работодателями, он потому и называется новым средним классом. Источником его дохода является не рабочая сила, а полученное образование, которое затем становится для него средством производства нового знания. Хотя данный класс также включен в производственный процесс (прямо или косвенно), его уже нельзя считать экономическим классом в обычном смысле этого слова. Принадлежность к нему определяется во многом внеэкономическими факторами. И в производство он входит со своим особым капиталом, который в отличие от капитала денежного можно назвать культурным. В современном производстве культурный капитал постепенно обретает значение основного, конкурируя с финансовым капиталом за приоритетную роль в обществе.

Американский социолог Ричард Флорида называет этот класс «креативным», полагая, что в современном обществе он занял «доминирующее положение». «Если вы ученый или инженер, архитектор или дизайнер, писатель, художник или музыкант, — пишет он, обращаясь к читателям своей книги, — если креативная деятельность является решающим фактором вашей работы, — будь то в сфере бизнеса, образования, здравоохранения, права или какой-то другой, — вы также принадлежите к этому классу. С образованием креативного класса, объединяющего 38 миллионов представителей (более 30% рабочей силы США), связаны глубокие и значительные перемены в наших привычках и методах работы, ценностях и стремлениях, а также в самой структуре нашей повседневной жизни»¹. Именно этому классу, считает Флорида, принадлежит ведущая роль в обновлении мира. И пора ему повзрослеть и осознать свою ответственность. Каким же должен быть этот мир, если на не него смотреть с позиции этого класса? Общий вывод, к которому он приходит, во многом схож с тем, который был сделан когда-то творцами научного социализма. «Глубокие и устойчивые преобразования нашей эпо-

¹ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Пер. с англ. М., 2005. С. 12.

хи, коренятся не в технологии, а в обществе и культуре. Поэтому их труднее наблюдать, учитывая, насколько незначительны те мелкие изменения в нашей повседневной жизни, которые в сумме к ним приводят. Эти изменения нарастают в течение многих десятилетий и только сейчас они выдвигаются на первый план»¹.

Культурный капитал, потребный для креативной деятельности в сфере производства, может функционировать исключительно как собственность самого работника. Он принадлежит ему в той же мере, в какой рабочему принадлежит его рабочая сила. В отличие, однако, от рабочей силы культурный капитал дарован ему не природой, а обществом, является следствием его образования и обучения. В этом смысле, будучи его индивидуальной собственностью, он принадлежит ему на правах общественной собственности. Предметы культуры могут, конечно, принадлежать и частному лицу, быть частной собственностью (в виде, например, частных коллекций), но в функции не производительной силы, а только предмета потребления. Как условие общественного производства культура, знание, в частности, является неотъемлемой собственностью самого производителя, полученной им в процессе образования. Если частная собственность приобретает человеком на рынке, в процессе экономической конкуренции, то общественная (она же и индивидуальная) — в процессе образования. Само образование может быть, конечно, товаром, оплачиваемой услугой, но знание, даваемое им, неотчуждаемо от получившего образование человека, функционирует в процессе производства как лично ему принадлежащий капитал. Традиционное для социализма требование соединения труда с собственностью означает на практике передачу всего культурного богатства в личное достояние каждого человека. Современный социализм, не отвергая либеральных прав и свобод, дополняет их *правом на культуру*, без которого все остальные права повисают в воздухе, оборачиваются фактическим неравенством.

Сферой реализации этого права и является свободное время. С превращением свободного времени в меру общественного богатства потребность в культуре становится важнейшей потребностью человека, а ее удовлетворение — целью общественного развития. Осме-

¹ Там же. С. 32.

янный многими тезис «каждому по потребностям» означал удовлетворение не любой потребности, которая может прийти в голову человека, а только той, которую Маркс обозначил как главную в жизни человека — потребность в творческом труде и необходимой для этого культуре. Никто не заметил такого толкования этого тезиса в его «Критике Готской программы». Не бесконечное расширение рамок материального потребления (в духе современного консьюмеризма), а снятие всяческих ограничений с потребления культуры — вот что в действительности предлагалось Марксом. Возможно, это и есть то, что называется социальной справедливостью. Во всяком случае, именно к такому ее пониманию тяготеет социалистическая мысль. Если либерализм ищет социальную справедливость в относительном выравнивании доходов (абсолютного равенства здесь просто не может быть), то социализм — в праве каждого владеть всем богатством культуры. И пусть каждый решит для себя, какое из этих равенств делает его более свободным.

Скажут, образованные и культурные люди также нуждаются в деньгах, которые в большинстве своем могут заработать на рынке или поступая на службу к частному капиталу. И какой тогда толк от их собственности на культурный капитал? От кого или от чего она освобождает? Все это, конечно, так, но в этом и состоит основное противоречие экономики, основанной на производстве товаров. Деньги и культура приобретаются человеком все же разными путями. Деньги мы зарабатываем, продавая свои знания и умения, тогда как сами знания и умения приобретаем в результате огромной самостоятельной работы, требующей значительной части нашего времени. Вот это-то время и должно стать свободным, основным временем общественной жизни.

Этим вовсе не устраняется сфера необходимости. В любом обществе человек должен зарабатывать на жизнь, и никакой социализм не освободит его от этого. Но зарабатывать можно по-разному — посредством принудительного, бездумного и малопривлекательного труда, требующего только физических усилий, и труда интеллектуально насыщенного, творчески одухотворенного, доставляющего моральное и эстетическое удовлетворение. Такой труд в современном производстве и выше ценится, и лучше оплачивается. По существу он и есть эквивалент человеческой свободы. Многим ли он доступен

сегодня? Каждый знает, что нет, и по причинам, от человека часто не зависящим. А раз так, то рано говорить и о равенстве. Сократить сферу «экономической необходимости» до минимума, сделать свободное время — время производства человеком самого себя как целостного существа — основным временем его жизни, дать возможность все большему числу людей не только хорошо зарабатывать (что, конечно, тоже немало), но и получать от работы творческое удовлетворение, короче, снести в человеческой жизни границу между «иметь» и «быть» — вот программа, которую предлагает социализм. И никакая это не утопия, а констатация того, что уже поставлено на повестку дня развитием современного производства. В ряде случаев данная программа поразительно совпадает с видением будущего представителями других идейных ориентаций и течений¹.

¹ Сошлемся, к примеру, на книгу христиански мыслящего немецкого философа Петера Козловски «Культура постмодерна». «Общество постмодерна, — пишет он, — это творческое общество, общество формирующейся культуры» (Козловски Петер. Общество постмодерна. М., 1997. С. 183). Один из параграфов его книги так и называется «Конец общества труда — начало общества культуры?» Совершенно безосновательно относя Маркса к числу мыслителей, проповедовавших нетрудовой образ жизни, Козловски вполне в духе марксовых пожеланий пишет: «Освобождение человека от принуждения к физическому труду, достигаемое благодаря рационализации производства и организации труда, является новым шансом для самоосуществления человека. Разумеется, этот шанс менее всего связан с избавлением от труда, он состоит в избавлении от принудительного физического труда ради обретения свободы творческого труда». (Там же. С. 150). И далее: «С увеличением доли свободного времени и пауз на получение образования искусство, игра, наука и духовность, все богатства культуры займут значительное место в нашей жизни. Это дает особый шанс для философии и религии. Такое развитие могло бы означать конец модерна как общества, которое первоначально определено экономикой, и возврат к обществу, определяемому развитием религиозных, духовных и художественных его параметров. Без труда и продолжение см. на с. 164

Подобным совпадением можно и пренебречь, но суть дела от этого не меняется.

Мы изложили концепцию социализма, во многом отличающуюся от той, которую под видом марксистско-ленинской пропагандировалась у нас в советские времена. О социализме до сих пор судят либо по книгам, написанным в СССР, либо полагаясь на личные воспоминания и прожитый опыт. Как бы, однако, не относиться к тому социализму, надо, хотя бы ради восстановления истины, вернуться к его теоретическому первоисточнику, очистить его от идеологических наслоений и искажений советского периода. В конце концов, это нужно не социализму, а нам самим, если мы хотим освободиться от ложных иллюзий. Неправильно поставленный диагноз влечет за собой и не вылеченную болезнь, которая может оказаться неизлечимой. Даже выбросив социализм из головы, свалив на него все грехи прошлого, можно легко оказаться там же, где мы были и раньше, ибо не в социализме, а в нас самих следует искать причину того, что с нами произошло.

начало см. на с. 163 экономики такое общество не могло бы жить, но труд в нем обретает духовную и игровую форму. Культура, философия и религия выполняют функции смысловой ориентации человека, насколько он не теряется в мире чистого потребления. Когда ослабевает давление проблем производства, тогда свободное время направлено на становление культуры и духовности. Таким образом, еще предстоит наступление часа культуры, философии и религии». (Там же. С. 153). За исключением акцентирования роли религии в обществе постмодерна все остальное вполне вписывается в марксистский прогноз будущего.

Г.А. Багатурия

**К вопросу о развитии марксистской теории
формационного преобразования общества**

Мой «вклад» в теорию социализма XXI века, а правильное сказать мои идеи, относящиеся к теории предстоящего формационного преобразования общества, не порождены только постсоветским периодом, многие из них возникли в советское время. (Что касается «теории социализма XXI века», то ее, по моему мнению и убеждению, еще только предстоит создать.)

Упомянутые идеи — продукт работы в области марксоведения, изучения и публикации теоретического наследия Маркса и Энгельса. Это связано прежде всего со вторым русским изданием «Сочинений Маркса и Энгельса» (МЭС: 50 т., Москва. 1955–1981) и с международным полным изданием наследия Маркса и Энгельса на языках оригинала — Marx/Engels Gesamtausgabe (MEGA: Berlin. 1975–2007; к настоящему времени вышло 113 книг: 59 с текстами Маркса и Энгельса и 54 с комментариями, научно-справочным аппаратом к ним). Существенными моментами в этой научно-публикаторской работе были: а) подготовка новой публикации I главы «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса (восстановление реальной хронологической последовательности написания рукописи позволило впервые выявить логическую структуру материалистического понимания истории, как оно впервые в виде относительно целостной концепции сложилось в «Немецкой идеологии», ядро этой концепции — диалектику производительных сил и производственных отношений, и связанное с этим философское, или социологическое, обоснование необходимости коммунистического преобразования общества) и б) работа в течение 12 лет над большим (двухтомным) предметным указателем к 39 томам «Сочинений Маркса и Энгельса»; в моей части было более

500 рубрик (с более чем 9000 подрубрик и более чем 100 000 отсылок к текстам основоположников марксизма) по философии, естествознанию и теории научного коммунизма, включая грандиозную сверх-рубрику о коммунистическом преобразовании общества и коммунистической общественной формации (более 600 рубрик и подрубрик, т.е. аспектов, в которых высказывались об этом основоположники данной теории; более 12 000 отсылок на 2000 страниц «Сочинений»)¹. Такая многолетняя работа позволила проследить содержание и развитие взглядов Маркса и Энгельса лучше, чем это было возможно при прежних условиях. Такая работа создавала необходимые предпосылки для нового отношения к их теоретическому наследию.

Наиболее важным было стремление развить позитивное содержание теоретического наследия Маркса и Энгельса с учетом современной действительности.

К сожалению, преобладало изложение в устной форме: лекции на философском факультете Московского государственного университета (в течение четверти века), выступления на международных конгрессах и конференциях, публичные выступления в Советском Союзе, в современной России, во многих других странах (в Германии, Китае, Японии, Индии, Мексике, Чехословакии, Великобритании, Нидерландах, Греции); все это множество раз в течение многих лет.

Некоторые теоретические результаты могут быть перечислены:

1. Аутентичная интерпретация теории Маркса — в противоположность распространенной ее вульгаризации.

2. Историзм в понимании и в отношении к теоретическому наследию Маркса и Энгельса. Историзм в трех аспектах: 1) понимание исторической связи и обусловленности их теории эпохой XIX века; 2) понимание действительного изменения и развития этой теории на протяжении десятилетий, более полувека деятельности ее основоположников; 3) понимание невозможности ее продуктивного применения в современном мире без существенного дальнейшего раз-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии».) М., 1966. Первая публикация в журнале «Вопросы философии», 1965, №№ 10–11.

вития ее с учетом всего дальнейшего развития общества, познания и практической деятельности человечества. Ибо **развитие есть способ существования марксизма.**

3. Анализ диалектического аспекта материалистического понимания истории.

4. Осознание подлинного смысла знаменитого 11-го тезиса Маркса о Фейербахе. Из чего вытекало понимание необходимости современной теории преобразования мира.

5. Специфика марксистской методологии предвидения будущего: историческая экстраполяция на базе диалектико-материалистического понимания общества и его истории.

6. «Закон периферийного развития»: новая система возникает на периферии предшествующей.

7. Подлинный смысл «уничтожения частной собственности».

8. Возрастание роли сознания в развитии общества и, соответственно, роли духовного производства в совокупном общественном производстве.

9. Место и роль потребностей в структуре, функционировании и преобразовании общества.

10. Критическое рассмотрение трудовой теории стоимости как основы Марксовой теории прибавочной стоимости.

11. Расширение понятия «производительные силы», что стало исходным пунктом сомнений в безупречности трудовой теории стоимости.

12. Расширение понятия «рабочий класс».

13. Важные моменты марксистской теории государства. Его возникновение, двоякие функции. Подлинный смысл необходимости слома старой государственной машины и отмирания государства.

14. Оценка «реального социализма» и анализ причин его краха с точки зрения марксистской теории.

15. Понимание глобализации с точки зрения марксистской теории.

16. Размышления об основе социальной революции.

Попробую пояснить перечисленные пункты.

1) Непосредственное и более глубокое изучение наследия Маркса и Энгельса привело автора к пересмотру многих традиционно сложившихся представлений:

Были не три, а пять теоретических источников марксизма: философия, политическая экономия, социалистические и коммунистические идеи, история (как наука), естествознание. Марксизм возник на стыке и в результате синтеза достижений всех этих теоретических направлений (так же, например, как в результате синтеза соответствующих научных достижений возникла кибернетика). Из этого следовало, что новая, современная форма марксизма должна синтезировать достижения всего дальнейшего развития человеческого познания, как и учесть всё дальнейшее развитие человеческого общества.

Переход Маркса и Энгельса к коммунизму произошел, соответственно, не во Франции и Англии, а уже в Германии. Из чего следовало, что грубо социологическое объяснение эволюции их взглядов (непосредственное знакомство с рабочим движением и участие в нем) является примитивным и ошибочным.

Идея диктатуры пролетариата появляется не в «Манифесте Коммунистической партии», а уже в «Немецкой идеологии»¹.

Идея необходимости слома старой государственной машины появляется не в результате опыта революции 1848/1849 года, а уже до революции при знакомстве с идеями одного из идеологов и участников Великой французской революции — Бриссо [Brissot]². Слом этой машины угнетения — это не просто смена чиновников, не только изменение структуры власти, и борьба против бюрократизма — это не просто борьба против формализма, волокиты и т.д., а это по сути своей — преодоление отчуждения государства от общества.

Идея о фазах развития коммунистического общества появляется не в «Критике Готской программы» (1875), а на четверть века раньше, в несохранившихся письмах Маркса одному из руководителей Союза коммунистов — Петеру Герхарду Рёзеру [Peter Gerhard Roeser]³.

Помимо таких фактов, относящихся к истории марксизма, накапливалось немало фактов, относящихся к марксистской теории:

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 32.

² MEGA IV/3. S. 427.

³ Багатурия Г.А. Контуры грядущего. Энгельс о коммунистическом обществе. М., 1972. С. 117. — Bagaturija G.A. Konturen der Zukunft. Engels über die kommunistische Gesellschaft. Moskau, Berlin: 1975.

почему необходимо коммунистическое преобразование общества, каковы его предпосылки и перспективы, что значит уничтожение частной собственности, что такое рабочий класс, что такое социалистическое общество, роль сознания в его отношении к бытию.

И т.д. и т.д. Но главное — это «развитие» марксистской теории как не просто все новое и новое подтверждение ее неизменных истин, подтверждение их все новыми и новыми фактами, а как реальное изменение, действительное *развитие* взглядов ее основоположников. Из чего логически следует необходимость дальнейшего серьезного, *действительного развития* ее позитивного содержания, а не просто сохранение в девственной чистоте ее вечных истин, подобных ценнейшим музейным экспонатам.

2) Историзм в отношении к теоретической и практической деятельности Маркса и Энгельса позволил наметить новую периодизацию истории марксизма: три основных периода — до революции 1848/1849 годов, от этой революции до Парижской коммуны 1871 года и после Парижской коммуны; и шесть более конкретных периода: 1835–1845/1846–1848/1849–1857/1858–1871–1883–1895, где узловыми моментами являются: начало становления теоретических взглядов — первое великое открытие (материалистическое понимание истории) — европейская буржуазно-демократическая революция — второе великое открытие (теория прибавочной стоимости) — Парижская коммуна — смерть Маркса — смерть Энгельса (см. прилагаемую схему 1). Применительно к теории социализма это означало необходимость учитывать конкретные исторические условия выработки, соответственно — изменения тех или иных теоретических положений основоположников марксизма.

3) Изучение становления и развития материалистического понимания истории показало, что в известном смысле в одном из своих главных аспектов история марксизма — это определенный процесс познания, в котором действуют многие и, вероятно, все известные нам законы познания, в особенности законы диалектического познания. Одной из важнейших особенностей этого процесса явилось углубление диалектического аспекта материалистического понимания истории, которое все более и более осознавалось как не просто материалистическое, а диалектико-материалистическое понимание общества и его истории.

Диалектический аспект этой концепции проявляется в понимании исторического характера основных элементов структуры общества и самой основы общества, в понимании взаимодействия его элементов и исторического характера этого взаимодействия. Исторически возникли и исторически преходящими являются, например, частная собственность, государство и религия, исторически возникли и развиваются все элементы общественной структуры. Предисловие Энгельса к первому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства» (1884) позволяет сделать вывод о смене решающей роли производства самого человека (продолжения рода) всеопределяющей ролью производства средств жизни; а по аналогии предположить, что дело идет к определяющей роли «духовного производства», что и подтверждается современными процессами развития. Развитие самого взаимодействия между различными элементами общественной структуры приводит даже к переворачиванию функциональной зависимости между ними и к явлениям своего рода самоиндукции. Первична, например, определяющая роль потребностей в развитии производительных сил как средства их удовлетворения; но впоследствии развитие самого производства начинает порождать новые потребности. Еще один пример: бытие определяет сознание; важнейшей основой бытия является природа; сознательная деятельность человека преобразует эту объективную основу, наряду с первичной природой возникает и все больше расширяется «вторая природа»; бытие во все большей степени определяется сознанием, что и приводит к своего рода «самоиндукции сознания».

Если первоначально основоположники марксизма осознавали и акцентировали определяющую роль производительных сил, прежде всего материальных производительных сил (средств производства), а также рабочей силы (как способности человека к труду), то по мере углубления ими познания структуры и функционирования общества они обращают свое внимание на то, что в процессе производственной деятельности людей и другие элементы общественной структуры, и сама природа тоже выполняют функции производительных сил. С развитием взглядов Маркса и Энгельса происходит расширение понятия производительных сил. Осознание этого факта явилось одним из главных импульсов к критическому анализу трудовой тео-

рии стоимости, на которой базируется марксова теория прибавочной стоимости — одна из главных основ научного социализма.

4) В процессе работы над «Немецкой идеологией», наброском идей для первой главы которой были знаменитые Тезисы Маркса о Фейербахе, удалось переосмыслить распространенное упрощенное понимание смысла важнейшего 11-го тезиса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, а дело заключается в том, чтобы изменить его». В немецком оригинале: «Die Philosophen haben die Welt nur verschieden *interpretiert*, es kömmt drauf an sie zu *verändern*»¹. Сравнительный анализ текстов Маркса этого периода показал, что он противопоставлял тогда понятия «понимание» и «интерпретация»: в отличие от объективного понимания действительности философская интерпретация ее всегда вносит и содержит определенный субъективный момент. А сопоставление данного тезиса с одним соответствующим местом «Немецкой идеологии»² позволило понять двойное противопоставление, которое содержится в данном тезисе: это не только противопоставление пассивного (созерцательного) и активного отношения к существующему, но и противопоставление действительного понимания — философской интерпретации существующего. Поэтому подлинный смысл этого тезиса: философы лишь различным образом интерпретировали мир, чтобы примириться с существующим, а дело заключается в том чтобы понять мир и — на этой основе, опираясь на действительное познание и понимание существующего, — изменить его³. Из такого нового понимания этого тезиса вытекала необходимость действительного понимания нашего современного мира для его продуктивного преобразования, что в принципиально новых исторических условиях было невозмож-

¹ MEGA IV/3. S. 21.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 18. В оригинале: «Diese Forderung, das Bewußtsein zu verändern, läuft auf die Forderung hinaus, das Bestehende anders zu *interpretieren*, d.h. es vermittelt einer andren *Interpretation* anzuerkennen» (MEGA I/5. Berlin: 1932. S. 9; курсив мой. — Г.Б.).

³ Багатурия Г.А. «Тезисы о Фейербахе» и «Немецкая идеология». // Научно-информационный бюллетень сектора произведений Маркса и Энгельса. № 12. М., 1965.

но без дальнейшего существенного развития марксистской теории, а такой актуальной, современной марксистской теории у нас еще нет. Морального возмущения существующим недостаточно для его успешного преобразования. Ср. аналогичную мысль в «Капитале» Маркса, где он говорит о слабости такой критики, которая умеет рассуждать и осуждать, но не умеет понять существующее¹; а ведь еще молодой Маркс провозгласил необходимость не догматически предвосхищать будущее, а посредством критики существующего найти новый мир².

5) Необходимость более глубоко разобраться в соотношении утопического социализма и коммунизма, с одной стороны, и марксизма — с другой, привела к проверке марксистского обоснования необходимости коммунистического преобразования общества и к выявлению специфики марксистской методологии предвидения будущего. Ответ на первый вопрос явился, в сущности, уточнением общеизвестного положения: противоречие между общественным характером производительных сил и частной собственностью на общественные средства производства. Ответ на второй вопрос привел к осознанию некоторой общей основы всякого предвидения, начиная от самых элементарных и кончая самыми сложными: экстраполяция на обозримое будущее тенденций развития, которые действовали в прошлом и действуют по настоящее время; это осознали уже предшественники Маркса и Энгельса, например сенсимонисты. Специфика основоположников марксизма заключалась в том, что такая экстраполяция осуществлялась на базе диалектико-материалистического понимания общества и его истории: учет определяющей

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 514. По поводу одной цитаты из Давида Уркхарта [David Urquhart] Маркс замечает: «Diese Stelle zeigt zugleich die Stärke und die Schwäche einer Art von Kritik, welche die Gegenwart zu be- und verurtheilen, aber nicht zu *begreifen* weiß» (MEGA II/5. S. 410; курсив мой. — Г.Б.).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 379. В сентябре 1843 г. Маркс писал Арнольду Руге [Arnold Ruge]: «Indessen ist das gerade wieder der Vorzug der neuen Richtung, daß wir nicht dogmatisch die Welt anticipiren, sondern erst aus der Kritik der alten Welt die neue finden wollen» (MEGA I/2. S. 486).

роли материальной основы общества, действия всех законов диалектики (взаимодействие всех действующих одновременно тенденций, закон перехода количества в качество, в соответствии с которым ни одна тенденция не может продолжаться до бесконечности, рано или поздно развитие переходит в иную плоскость, и т.д.)¹.

6) Закон периферийного развития.

За последние 20 и более лет мне приходилось много раз говорить об этом законе в своих многочисленных публичных выступлениях, но лишь лаконично упоминать о нем в опубликованных текстах². Поэтому позволю себе более подробно остановиться на этом немаловажном явлении.

Много лет назад в выступлении одного молодого тогда философа была высказана оригинальная мысль о возникновении рабовладельческой формации на периферии предыдущей (Египет и Месопотамия — Греция и Рим), а феодальной формации на периферии рабовладельческой (Германия ... — Рим). Не знаю, была ли это его собственная идея или повторение чьей-то чужой. Это интересное наблюдение запало в мое сознание. Если я не ошибаюсь, имя этого человека — Анатолий Сергеевич Арсеньев, в настоящее время он доктор психологических наук, профессор Московского городского педагогического института. С ним я никогда не встречался и его работ не читал, но среди его интересов упоминается «проблема развития органических систем». То есть, как в детской игре, — «тепло».

Годы спустя, занимаясь теоретическим наследием Маркса и Энгельса, я обратил внимание на то, что они констатируют действие

¹ Багатурия Г.А. О специфических особенностях научного предвидения будущего в работах Маркса и Энгельса. В интернете: http://ispu.philos.msu.ru/bagaturia_text_1.html. Первая публикация в 1980 г. в издании Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований: «Неформализованные элементы системного моделирования».

² См.: например: Багатурия Г.А. Основные этапы становления и развития материалистического понимания истории в работах Маркса и Энгельса. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук в форме научного доклада. М., 1988. С. 36–37.

аналогичной закономерности в разных других областях, хотя нигде не формулируют ее в общем виде. В первом приближении ее можно было сформулировать так: новое возникает на периферии существующего. Размышляя о том, где она действует, можно было заметить, что это происходит во всех трех основных сферах действительности — в природе, обществе и мышлении. А развитие чего мы здесь наблюдаем? Появилась догадка: это — развитие систем. И отсюда возникла формулировка «закон периферийного развития» (ЗПР): новая система возникает на периферии существующей, старой системы. Такую догадку подтверждали всё новые и новые факты. Обратимся к наследию Маркса и Энгельса.

Исследуя возникновение капиталистических отношений, Маркс неоднократно отмечал их появление первоначально на периферии существовавшей экономической системы.

Так, во «Введении» к первоначальному варианту будущего «Капитала» (август 1857 г.) он обращает внимание на то, что некоторые из экономических отношений появились сначала не в сфере собственно производства, а в армии (позднее в одном из писем он назовет войну «человекоубойной промышленностью»¹):

«Война раньше достигла развитых форм, чем мир; способ, каким на войне и в армиях и т. д. такие экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т. д., развились раньше, чем внутри гражданского общества. Также и отношение между производительными силами и отношениями общения особенно наглядно в армии». И еще: полное развитие денег составляет предпосылку современного буржуазного общества; но что касается Римской империи, то: «Денежное хозяйство было там вполне развито, собственно говоря, только в армии. Оно никогда не охватывало всю сферу труда в целом»².

¹ В оригинале: Menschenabschlachtungsindustrie (Маркс — Энгельсу, 07.07.1866. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 197).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 46, 40. В оригинале: «Krieg früher ausgebildet, wie Frieden: Art wie durch den Krieg und in den Armeen etc gewisse ökonomische Verhältnisse, wie Lohnarbeit, Maschinerie etc früher entwickelt als im Innren der bürgerlichen Gesellschaft. Auch das Verhältniß» (продолжение см. на с. 175)

Капиталистические отношения возникают первоначально не в сфере производства, а в сферах обмена, торговли, ростовщичества (т.е. на периферии тогдашней экономики):

«...вначале обмен возникает чаще между различными общинами, чем между членами одной и той же общины»¹.

Та же мысль развивается потом в первом выпуске «К критике политической экономии» (1859) и в первом томе «Капитала» (1867):

«В действительности процесс обмена товаров возникает первоначально не внутри первобытных обществ, а там, где они кончаются, на их границах, в тех немногих пунктах, где они соприкасаются с другими общинами. Здесь начинается меновая торговля и отсюда она проникает во внутрь общины, на которую она действует разлагающим образом»².

«Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путем обратного действия они становятся товарами и внутри общины».

«...как я уже отметил раньше, обмен продуктами возникает в тех пунктах, где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины, потому что в начале человеческой культуры не отдельные индивидуумы, а семьи, роды и т.д. вступают между собой в сношения как самостоятельные единицы. ... Здесь общественное разделение

начало см. на с. 174 von Productivkraft und Verkehrsverhältnissen besonders anschaulich in der Armee.» ... «Das Geldwesen eigentlich nur vollständig dort entwiskelt in der Armee. Es ergriff auch nie das Ganze der Arbeit» (MEGA II/1.1. S. 43, 38).

¹ Там же. С. 39. В оригинале: «Er [Austausch] tritt vielmehr im Anfang eher in der Beziehung der verschiedenen Gemeinwesen auf einander, als für die Mitglieder innerhalb eines und desselben hervor» (MEGA II/1.1. S. 38).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 37. В оригинале: «In der That erscheint der Austauschproceß von Waaren ursprünglich nicht im Schooß der naturwüchsigen Gemeinwesen, sondern da wo sie aufhören, an ihren Grenzen, den wenigen Punkten, wo sie in Kontakt mit andern Gemeinwesen treten. Hier beginnt der Tauschhandel, und schlägt von da ins Innere des Gemeinwesens zurück, auf das er zersetzend wirkt» (MEGA II/2. S. 129).

труда возникает посредством обмена между первоначально различными, но не зависимыми друг от друга сферами производства»¹.

Еще в «Немецкой идеологии» (1845/1846) Маркс и Энгельс показали, что переход от ремесла к мануфактуре — этой первой форме капиталистического предприятия — стал возможен там, где цеховая организация производства не контролировала экономику (т.е. на ее периферии). В «Капитале» Маркс развивает и эту мысль:

«Превращению денежного капитала, образовавшегося путем ростовщичества и торговли, в промышленный капитал препятствовал феодальный строй в деревне, цеховой строй в городе. Ограничения эти пали, когда были распущены феодальные дружины, когда сельское население было экспроприировано и отчасти изгнано. Новая мануфактура возникла в морских экспортных гаванях или в таких пунктах внутри страны, которые находились вне контроля старых городов с их цеховым строем»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 97, 364. В оригинале: «Der Waarenaustausch beginnt, wo die Gemeinwesen enden, an den Punkten ihres Kontakts mit fremden Gemeinwesen oder Gliedern fremder Gemeinwesen. Sobald Dinge aber einmal im auswärtigen, werden sie auch rückschlagend im innern Gemeinleben zu Waaren.» ... «...wie ich früher bemerkt, entspringt der *Produktaustausch* an den Punkten, wo verschiedene Familien, Stämme, Gemeinwesen in Kontakt kommen, denn nicht Privatpersonen, sondern Familie, Stämme u.s.w. treten sich in den Anfängen der Kultur selbstständig gegenüber. ... Hier entsteht die gesellschaftliche Theilung der Arbeit durch den Austausch *ursprünglich verschiedner, aber gegen einander selbstständiger* Produktionssphären» (MEGA II/5. S. 54, 286).

² Там же. С. 760. В оригинале: «Das durch Wucher und Handel gebildete *Geldkapital* wurde durch die Feudalverfassung auf dem Land, durch die Zunftverfassung in den Städten an *seiner Verwandlung in industrielles Kapital* behindert. Diese Schranken fielen mit der Auflösung der feudalen Gefolgschaften, mit der Expropriation und theilweisen Verjagung des Landvolks. Die neue Manufaktur ward in See-Exporthäfen errichtet oder auf Punkten des flachen Landes, außerhalb der Kontrolle des alten Städtewesens und seiner Zunftverfassung» (MEGA II/5. S. 601).

Возникновение раннего капитализма Маркс констатирует в процессе экономического взаимодействия Англии и Голландии.

Приведем, наконец, очень важное наблюдение Маркса относительно того, почему революционные потрясения капиталистического общества должны происходить прежде всего не в его сердце, а в его конечностях (т.е. не в центре, а на периферии). Это результат анализа опыта революции 1848/1849 годов:

«Как период кризиса, так и период процветания наступает на континенте позже, чем в Англии. Первоначальный процесс всегда происходит в Англии; она является демиургом буржуазного космоса. ... Если поэтому кризисы порождают революции прежде всего на континенте, то причина их все же всегда находится в Англии. **В конечностях буржуазного организма насильственные потрясения естественно должны происходить раньше, чем в его сердце, где возможностей компенсирования больше.** С другой стороны, степень воздействия континентальных революций на Англию вместе с тем является барометром, показывающим, в какой мере эти революции действительно ставят под вопрос условия существования буржуазного строя и в какой мере они касаются только его политических образований.

При таком всеобщем процветании, когда производительные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, о действительной революции не может быть и речи. Подобная революция возможна только в те периоды, когда оба эти фактора, современные производительные силы и буржуазные формы производства, вступают между собой в противоречие»¹. (Подчеркнуто мной. — Г.Б.)

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Третий международный обзор. — 1 ноября 1850. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 466, 467. В оригинале: «Wie die Periode der Krise später eintritt auf dem Kontinent als in England, so die der Prosperität. In England findet stets der ursprüngliche Prozess statt; es ist der Demiurg des bürgerlichen Kosmos... Wenn daher die Krisen zuerst auf dem Kontinent Revolutionen erzeugen, so ist doch der Grund derselben stets in England gelegt. In den Extremitäten des bürgerlichen Körpers muß es natürlich eher zu gewaltsamen Ausbrüchen kommen als in seinem Herzen, da hier die

продолжение см. на с. 178

В общей структуре общества его материальную экономическую основу с точки зрения марксизма, т.е. диалектико-материалистического понимания действительности, можно рассматривать как ядро социальной системы, а политическую надстройку и в особенности формы общественного сознания — как периферию этой системы. Вот некоторые высказывания Энгельса, относящиеся к обсуждаемому закону и в этой области (все они относятся к периоду после смерти Маркса и касаются революции в сознании):

«Подобно тому как во Франции в XVIII веке, в Германии в XIX веке философская революция предшествовала политическому перевороту»¹.

«...для того чтобы отстранить имущие классы от власти, нам прежде всего нужен переворот в сознании рабочих масс...»².

начало см. на с. 177 Möglichkeit der Ausgleichung größer ist als dort. Andererseits ist der Grad, worin die kontinentalen Revolutionen auf England zurückwirken, zugleich der Thermometer, an dem es sich zeigt in wie weit diese Revolutionen wirklich die bürgerlichen Lebensverhältnisse in Frage stellen, oder wie weit sie nur ihre politischen Formationen treffen.

Bei dieser allgemeinen Prosperität, worin die Produktivkräfte der bürgerlichen Gesellschaft sich so üppig entwickeln wie dies innerhalb der bürgerlichen Verhältnisse überhaupt möglich ist, kann von einer wirklichen Revolution keine Rede sein. Eine solche Revolution ist nur in den Perioden möglich, wo diese beiden Faktoren, die modernen Produktivkräfte und die bürgerlichen Produktionsformen, mit einander in Widerspruch gerathen» (MEGA I/10. S. 466).

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 273. В оригинале: «Wie in Frankreich im achtzehnten, so leitete auch in Deutschland im neunzehnten Jahrhundert die philosophische Revolution den politischen Zusammenbruch ein» (Friedrich Engels: Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. Stuttgart 1888).

² Энгельс — Макс Оппенгейму [Max Oppenheim]. 24.03.1891. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 51. В оригинале: «...um die besitzenden Klassen vom Ruder zu verdrängen», продолжение см. на с. 179

«...революция в головах рабочих ... является залогом еще более мощной и всеобъемлющей революции во всем мировом порядке»¹.

В одном из фрагментов «Диалектики природы» («Электрохимия». Ок. 1882 г.) Энгельс, фиксируя аналогичную закономерность, делает очень глубокое замечание: при исследовании электролиза и физики, и химии «заявляют о своей некомпетентности в месте соприкосновения науки о молекулах и науки об атомах, между тем именно здесь надо ожидать наибольших результатов»². Да, именно в местах соприкосновения различных наук (т.е. на их взаимных перифериях) следовало ожидать наибольших результатов. И это подтвердилось множество раз во всем дальнейшем развитии научного познания. Так на стыках, в местах соприкосновения различных научных направлений появились физическая химия, химическая физика, космическая биология, математическая экономика. Так возникла кибернетика. Так возник и сам марксизм — как синтез достижений философии, социологии, политической экономии, исторической науки, естествознания, социалистических и коммунистических идей. Так только и может развиваться новая, современная, актуальная форма марксизма.

Дальнейшие размышления показали, как проявляется действие закона периферийного развития во многих других областях и ситуациях, как проявляется его действие и в наше время, и, наконец, какое значение он может иметь для современной теории социализма.

Сначала еще ряд примеров или наблюдений.

В области неживой природы: возникновение более сложных элементов и более сложно организованных видов материи (вплоть до

начало см. на с. 178) brauchen wir zuerst eine Umwälzung in den Köpfen der Arbeitermassen...» (Engels an Max Oppenheim, 24.03.1891).

¹ Энгельс — Карлу Эберле [Carl Eberle]. 24.04. 1894. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 203. В оригинале: «...die Revolution in den Köpfen der Arbeiter ... verbürgt uns eine noch weit gewaltigere und umfassendere Revolution in der ganzen Weltordnung» (Engels an Carl Eberle, 24.04.1894).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 607. В оригинале: «So erklären sich an den Berührungspunkten der Molekular- und der Atomwissenschaft Beide inkompetent während grade da die größten Resultate zu erwarten sind» (MEGA I/26. S. 121/122).

возникновения жизни и сознания) происходит не в центрах галактик и солнечных систем, на их периферии.

В области живой природы: древо возникновения и развития биологических видов схематически демонстрирует соотношение тупиковых и перспективных линий эволюции.

В истории общества: подобно переходам от одной классовой формации к другой (азиатский — античный — феодальный — капиталистический способы производства) первые попытки перехода к будущей, бесклассовой общественной формации начались тоже на периферии — на периферии капиталистического общества. Отсюда, очевидно, и неизбежные трудности такого, беспрецедентного по глубине и сложности, перехода к принципиально новой организации общества: ведь именно на периферии менее развиты материальные (да и не только материальные) предпосылки такого радикального, формационного преобразования.

Не случайно и то, что попытки реформировать «реальный социализм» (превратить этот социализм в «социализм с человеческим лицом») тоже были предприняты не в центре, а на периферии системы «реального социализма».

Подобно тому как становление капитализма начиналось не в сфере собственно производства, так и в наше время реставрация капитализма, переход от «реального социализма» к светлому капиталистическому будущему начался не в сфере производства, а в сфере идеологии, политики, передела собственности, посредничества, торговли, банковского дела и т.д.

Современная глобализация — процесс, затрагивающий все сферы человеческого общества. Но где и когда начинался этот процесс? То, что стали называть глобализацией в начале 90-х годов XX века, после краха «реального социализма» и возникновения единого капиталистического центра, претендующего на мировое господство, — это не что иное, как современный этап начавшегося тысячи лет назад становления единого человеческого общества.

Уже авторы «Немецкой идеологии» констатировали, что именно при капитализме история впервые становится всемирной историей в подлинном, глубоком смысле слова. Одним из внешних показателей этого было развитие мировой торговли. В наше время этот процесс вступил в новую фазу: превращение всемирной торговли в ре-

гулируемый и контролируемый процесс; и более того: не только интернационализация обмена, началась интернационализация производства — возникли транснациональные корпорации. И здесь новая глобальная система возникает первоначально на периферии экономической деятельности человечества. Но всему этому предшествовали «еще более периферийные» процессы: интернационализация в сфере науки, культуры, политики.

В сфере сознания: в «Немецкой идеологии», а затем и в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс показали, что господствующими идеями общества являются идеи господствующего класса. Из чего следует, что революционные идеи, идеи преобразования существующего общества возникают и могут возникнуть только на периферии господствующей идеологии.

Действует этот закон и в сфере познания. Так возникают новые парадигмы. Так идет и процесс познания конкретных объектов. Каждую вещь (в широком смысле) можно представить как определенную систему, как определенное единство сущности и явления, своего рода центра и периферии. Процесс познания начинается с изучения явления — периферии этой системы. Аналогично и при познании причинно-следственной связи исследование углубляется от следствия к причине. История открытий дает множество подобных примеров. Так «на кончике пера» Лавуазье [Le Verrier], анализируя возмущения в движении последней известной тогда планеты (Уран), открыл в 1846 году новую планету Солнечной системы (Нептун). Так анализ движений элементарных частиц привел к открытию кварков. Так шел и процесс познания Марксом общей структуры общества, процесс становления материалистического понимания истории: от общественного сознания через политическую надстройку к экономическому базису (совокупности производственных отношений) и к выяснению диалектики производительных сил и производственных отношений. (Экстраполяция этого движения позволяет обратить внимание на роль потребностей в структуре и функционировании общества.)

Нетрудно заметить, что понятие периферии используется здесь не в пространственном, тем более не в географическом, а в самом широком смысле, когда «система» определяется как иерархически организованное множество элементов, имеющее определяющий

«центр» и определяемую «периферию». Понятие системы, как и многие другие категории, имеет относительный характер. В зависимости от «масштаба рассмотрения» один и тот же объект познания может быть элементом определенной системы или системой, состоящей из определенных элементов. Так, «центр» некоторой системы может быть в то же время «системой» иного масштаба, т.е., в свою очередь, иметь более узкий центр и соответственно периферию меньшего масштаба. (Эти «тонкости» могут иметь практическое значение при рассмотрении социальных систем.)

Какое значение все эти размышления могут иметь для теории социализма?

1. Новое понимание того, почему попытки перехода к новой общественной формации начались не в центре, а на периферии капиталистического общества; почему эти попытки неизбежно сталкиваются со столь серьезными проблемами; почему только во всемирном масштабе переход к новой формации может стать необратимым.

2. Понимание того, что сопротивление капиталистической глобализации, глобализации по-американски, может наиболее продуктивно развиваться на периферии мировой системы и на периферии каждого относительно самостоятельного общества; что центр борьбы все более перемещается на мировой уровень; что борьба на разных рубежах периферии, в том числе в сфере идей, общественного сознания, — это борьба на дальних подступах, где от ее исхода зависит очень многое, если не все.

3. Без действительного понимания современного мира, без современной научной теории его невозможно преобразовать, а может быть, и спасти.

Что касается проверки и дальнейшей разработки ЗПР, то, очевидно, следует иметь в виду:

- соотношение с теорией систем и синергетикой;
- накопление фактического материала (включая и факты, противоречащие такому закону) и разработка его типологии;
- конкретизация формулировки этого закона;
- изучение возникновения, развития и смены природных, социальных и интеллектуальных систем;
- возможности применения ЗПР в теории и практике.

7) Почти 160 лет назад, в «Манифесте Коммунистической партии» было сформулировано важнейшее положение марксизма: «...коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»¹. Каков его подлинный смысл?

Уже в самом «Манифесте» достаточно точно говорится, об уничтожении какой частной собственности здесь идет речь: о буржуазной частной собственности. Но смысл этого центрального пункта коммунистической программы более конкретно раскрывается в контексте всего теоретического наследия основоположников марксизма. Поэтому антимарксистские домыслы о стремлении коммунистов обобществить все и вся, уничтожить все виды собственности кроме государственной, общественной, коллективной, «все отнять и все поделить», вся эта неправда — либо результат полного невежества, либо сознательная ложь.

Все коммунисты-предшественники Маркса и Энгельса видели в частной собственности корень всех социальных зол и выступали за ее уничтожение; этим они отличались от социалистов. Основоположники марксизма восприняли эту идею, но — как это обычно бывает — существенно переосмыслили и обосновали ее. Их новое понимание сводится к четырем главным моментам: почему необходимо преобразование отношений собственности; частная собственность на что должна быть уничтожена; что означает уничтожение частной собственности; когда и как она должна быть преобразована в общественную собственность.

Почему? — Потому что развивается противоречие между новыми производительными силами и существующими, старыми производственными отношениями. Производительные силы — это рабочая сила (люди как производители) и средства производства. Производственные отношения — это организационные отношения (кооперация и разделение труда в процессе производства) и отношения собственности (отношения между людьми, опосредованные их отношением к материальным элементам процесса производства: одни являют-

¹ В оригинале: «In diesem Sinn können die Kommunisten ihre Theorie in dem einen Ausdruck: Aufhebung des Privat-Eigenthums zusammenfassen» (Manifest der Kommunistischen Partei. Veröffentlicht im Februar 1848. London. S. 11).

ся их собственниками, другие — несобственниками). Противоречие между производительными силами и производственными отношениями — это в особенности противоречие между производительными силами и отношениями собственности. Старые отношения собственности мешают развитию новых производительных сил, превращаются в «тормоз» их развития. Поэтому отношения собственности должны быть преобразованы, приведены в соответствие с производительными силами. Такого обоснования не было у утопистов.

На что должна быть уничтожена частная собственность, что именно должно быть обобществлено? — В отличие от тех предшественников, которые считали необходимым обобществление всего и вся, вплоть до быта, и даже вплоть до «общности жен» (Платон, Кампанелла), Маркс и Энгельс ограничили уничтожение частной собственности только обобществлением средств производства, но они пошли и дальше. Они различали индивидуальные и общественные средства производства, в зависимости от способа их использования, применения. В «Капитале» Маркс различал частную собственность, основанную на собственном труде, и частную собственность, основанную на эксплуатации чужого труда¹. Поэтому их фундаментально обоснованная позиция: необходимость обобществления общественных средств производства (упрощенно говоря, основных средств производства). Необходимо, разумеется, учитывать исторический характер различения индивидуальных и общественных средств производства: одни и те же средства производства при различных исторических обстоятельствах могут быть и общественными, и индивидуальными (пример: первоначальные ЭВМ и современные РС).

Уничтожение частной собственности? — В русском переводе произведений Маркса и Энгельса термин «уничтожение» соответствует двум вариантам немецкого оригинала: *Aufhebung* («снятие») и *Ab-schaffung* («устранение»). Основным у Маркса и Энгельса является первый, простоты ради они употребляют и второй. «Снятие» — гегелевский термин. Для Маркса и Энгельса, прошедших гегелевскую школу, *Aufhebung* — не просто разговорное, бытовое слово, синоним устранения. «Снятие» как философское понятие, как термин диалектической философии имеет тройное значение: устранение не-

¹ См., в частности: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 137.

гативного, сохранение позитивного и переход на более высокую ступень развития. Именно в этом смысле Маркс и Энгельс и употребляли понятие «снятие частной собственности». Что в этом случае означает устранение негативного? Устранение всех антагонизмов, которые порождает частная собственность на общественные средства производства, и прежде всего уничтожение отчуждения производителей от средств производства. Что означает сохранение позитивного? Отношение к общественным средствам производства как к своим, а не чужим или неизвестно чьим, ничейным. А переход на более высокую ступень? Прежде всего свободное развитие производительных сил, повышение производительности труда.

Когда и как необходимо обобществление средств производства? — По мере их превращение в общественные в материальном, техническом смысле. Поэтому, согласно концепции Маркса и Энгельса, обобществление средств производства в переходный период — это длительный поэтапный процесс. Крупное производство, банки, железные дороги, почта могут быть обобществлены сравнительно быстро, остальное — по мере дальнейшего развития производительных сил — «быстрее или медленнее последует за этим».

Для Маркса и Энгельса уничтожение (точнее, «снятие») частной собственности на общественные средства производства тождественно уничтожению эксплуатации, т.е. неправомерного присвоения чужого труда. Такое понимание этого важнейшего принципа марксистской теории исключает, с одной стороны, извращение марксизма в духе грубо-уравнительного коммунизма, а с другой — стремление, якобы оставаясь на почве марксизма, думать, будто создание условий для свободного развития каждого — а это как раз и есть высшая, конечная цель коммунистического преобразования общества — возможно на базе сохранения частной собственности на общественные средства производства и рыночных отношений.

8) Прогнозирование роли сознания в будущем обществе базируется на диалектико-материалистическом понимании соотношения общественного бытия и общественного сознания. Вульгаризацией марксизма является представление, будто центральное положение марксистской философии сводится к формуле: бытие определяет сознание. Если бы это было так, тогда философия Маркса и Энгельса не отличалась бы от философии их предшественников-материалис-

тов. Но уже в своем первом тезисе о Фейербахе (весна 1845 г.) Маркс противопоставил новое мировоззрение всей предшествующей философии — и идеалистической, и материалистической. Подлинный смысл центрального положения диалектического материализма может быть сформулирован в четырех основных тезисах:

— бытие определяет сознание первично и в конечном счете, но не в каждом конкретном случае;

— сознание оказывает обратное влияние на бытие и между ними возникает взаимодействие на основе определяющей роли бытия;

— это взаимодействие носит исторический характер и по мере его развития роль сознания возрастает;

— при определенных обстоятельствах роль сознания может стать преобладающей.

В подготовительных материалах к «Анти-Дюрингу» (1876) Энгельс высказывает на первый взгляд парадоксальную в устах последовательного материалиста, но в сущности глубоко диалектическую мысль: «Взгляд, согласно которому будто бы идеями и представлениями людей созданы условия их жизни, а не наоборот, опровергается всей предшествующей историей» [т.е.: вся предшествующая история опровергает идеалистическую концепцию], «в которой до сих пор результаты всегда оказывались иными, чем те, каких желали, а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противоположными тому, чего желали. Этот взгляд лишь в более или менее отдаленном будущем может стать соответствующим действительности» [т.е.: идеалистическая концепция может стать в будущем соответствующей действительности? Да, в известном смысле], «поскольку люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя (*sit venia verbo*), вызванную изменением отношений, и пожелают этого изменения, прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 639. В оригинале: «Die Vorstellung als ob die Ideen und Vorstellungen der Menschen ihre Lebensbedingungen schüfen und nicht umgekehrt, wird durch die ganze bisherige Geschichte dementirt, in der stets etwas Andres als das Gewollte herauskam, meist im weiteren Verlauf sogar das Gegentheil. Erst in einer mehr oder weniger entfernten Zukunft kann sie sich in sofern realisiren als die Menschen die Nothwendigkeit einer durch die sich ändernden

продолжение см. на с. 187

Это значит: во всей предшествующей истории преобладала определяющая роль материальных условий жизни, и их изменение осознавалось преимущественно задним числом (*post festum*); в будущем обществе научное предвидение необходимых преобразований будет опережать стихийное развитие и позволит людям сознательно творить свою историю. Этот фрагмент в подготовительных материалах к «Анти-Дюрингу» не случаен. Он органически связан с представлениями Энгельса, развитыми им в основном тексте «Анти-Дюринга»: предстоящее историческое (социалистическое) преобразование общества это «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы», а «свобода есть познание необходимости», возможность действовать на основе познания объективных законов мира¹.

С основной философской концепцией Маркса и Энгельса связано и их представление о качественном изменении материального производства и его роли в будущем обществе, и развитие их представлений об исторической роли и судьбах рабочего класса, и их понимание роли науки — в истории, в предстоящем преобразовании общества и в будущем обществе.

9) Прослеживая процесс становления взглядов Маркса на общую структуру общества, удалось обратить внимание на такую закономерность всякого познания, которая проявилась и в истории возникновения марксистской концепции, — как процесс всё большего его углубления. В данном случае это было, как уже упоминалось, движение от сферы общественного сознания через политические и

начало см. на с. 186 *Verhältnisse gebotnen Änderung der gesellschaftlichen Verfassung (sit venia verbo) vorher erkennen und wollen, ehe sie sich ihnen unbewußt und ungewollt aufzwingt» (MEGA I/27. S. 77). +* *научаются всё больше!*

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 116 и 294–295. В оригинале: «Es ist der Sprung der Menschheit aus dem Reich der Nothwendigkeit in das Reich der Freiheit». «Hegel war der Erste, der das Verhältniß von Freiheit und Nothwendigkeit richtig darstellte. Für ihn ist die Freiheit die Einsicht in die Nothwendigkeit... Freiheit besteht also in der, auf Erkenntniß der Nothwendigkeiten gegründeten Herrschaft über uns selbst und über die äußere Natur...» (MEGA I/27. S. 446, 312). Так Энгельс переосмысливает гегелевское понимание свободы.

экономические отношения к осознанию производительных сил как глубинной основы общества. Возникла идея дальнейшей экстраполяции этого процесса, попытка найти еще более глубокую основу функционирования и развития общества. Некоторые наблюдения и высказывания Маркса и Энгельса позволили предположить, что такой еще более глубокой основой могут быть потребности. Если это так, тогда можно развить основную концепцию истмата (материалистического понимания истории) в ряде аспектов.

Если, с точки зрения основоположников этой концепции, противоречие между производительными силами и производственными отношениями является основой социальной революции, то противоречие между потребностями и средствами их удовлетворения (прежде всего уровнем развития производительных сил) является глубинной основой всех (а не только революционных) изменений в обществе.

Если производительные силы не сводятся к средствам производства, то противоречие, обуславливающее социальную революцию, — это и противоречие между потребностями производителей и социальными отношениями, препятствующими их нормальному удовлетворению; а потребности производителей — это и потребности в жизненных средствах, и потребности в развитии самих производителей (не хлебом единым).

Если такова роль потребностей, то их учет необходим и в теории стоимости.

Если развитие материалистического понимания истории выразилось и в усилении диалектического аспекта этой концепции, то необходимо обратить особое внимание не только на разработку теории потребностей вообще, но и на диалектику производства и потребностей, их взаимодействие, переворачивание функциональной зависимости между ними, смысл «разумных потребностей», манипуляцию потребностями в современном мире, смысл распределения по потребностям в будущем обществе и многое другое.

10) Критический анализ трудовой теории стоимости — особая тема. Мы воздержимся от ее разработки в данном случае. Ограничимся только некоторыми основными моментами.

Теоретическое наследие Маркса содержит определенные внутренние противоречия. Это нормально для любой подлинной науки. Как объективный исследователь он видит и факты, которые против-

речат основной концепции. Именно Маркс в начале «Капитала» (Т. I. Гл. I. § I) предпринял наиболее серьезную попытку обосновать трудовую теорию стоимости (ни Смит, ни Рикардо этого сделать не смогли). Вот решающее место, где рассматривая обмен двух товаров, он ставит вопрос о том, что является тем общим, что позволяет приравнять их друг другу: «Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства принимаются во внимание вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, т.е. поскольку они делают товары потребительными стоимостями. Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей...». Как меновые стоимости товары не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости. «Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда». (Подчеркнуто мной. — Г.Б.)¹. Относительно первого предложения: общим являются здесь не перечисленные материальные свойства *сами по себе*, а эти свойства *в их отношении к потребностям людей*, т.е. потребительные стоимости

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 45–46. Этот важный фрагмент текста возник только при подготовке второго издания первого тома «Капитала». С чернового варианта данного текста как раз и начинаются в декабре 1871 года добавления к новому изданию. В оригинале окончательный вариант сформулирован так: «Dieß Gemeinsame kann nicht eine geometrische, physische, chemische oder sonstige natürliche Eigenschaft der Waaren sein. Ihre körperlichen Eigenschaften kommen überhaupt nur in Betracht, soweit selbe sie nutzbar machen, also zu Gebrauchswerthen. Andererseits ist aber das Austauschverhältniß der Waaren augenscheinlich charakterisirt durch die Abstraktion von ihren Gebrauchswerthen. ... Als Gebrauchswerthe sind die Waaren vor allem verschiedner Qualität, als Tauschwerthe können sie nur verschiedner Quantität sein, enthalten also kein Atom Gebrauchswerth. Sieht man nun vom Gebrauchswerth der Waarenkörper ab, so bleibt ihnen nur noch eine Eigenschaft, die von Arbeitsprodukten» (MEGA II/6. S. 3, 71/72).

товаров. А значит, товары — не только продукты труда и их стоимость — не только кристаллизация общественно необходимого живого труда.

Целью теории прибавочной стоимости, базирующейся на трудовой теории стоимости, было выяснение механизма эксплуатации. Эта теория, если верны указанные сомнения, должна быть не отброшена, а развита дальше, обобщена путем учета всех факторов, определяющих стоимость. В этом случае, как и во многих других, перспективы дальнейшего развития марксистской теории представляются мне по аналогии с историей теоретической физик, подобными переходу от классической механики Ньютона к квантовой релятивистской физике XX века, физике Эйнштейна, Бора и др.

Такое обобщение теории не может быть отрицанием факта эксплуатации как неправомерного присвоения чужого труда.

Оно не может быть и сведением труда к одному из факторов, определяющих стоимость. Труд — ключевой момент всей системы, без него все остальные «факторы» не функционируют.

11) Расширение понятия «производительные силы» было замечено в истории истмата, когда становление и развитие теории Маркса прослеживалось как определенный процесс познания¹. Если первоначально внимание основоположников теории концентрировалось на материальных производительных силах (средства производства), то — по мере углубления познания и развития теории — помимо двух основных факторов (рабочая сила и средства производства) в составе производительных сил различаются и другие: силы природы, кооперация, наука и вообще духовные производительные силы, даже потребности («Способность к потреблению... представляет собой развитие некоего индивидуального задатка, некоей производительной силы»²). В конечном счете, очевидно, все элементы структуры общества могут выполнять функции производительных сил, или,

¹ Багатурия Г. А. Категория «производительные силы» в теоретическом наследии Маркса и Энгельса // «Вопросы философии». 1981. № 9.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 221. В оригинале: «Die Fähigkeit des Genusses ... ist Entwicklung einer individuellen Anlage, Productivkraft» (MEGA II/1.2. S. 589).

интерпретируя это иначе, содействовать увеличению производительных сил труда. (Это напоминало изменение физических представлений об атоме, как о маленькой солнечной системе: не электроны как маленькие шарики, вращающиеся вокруг центрального ядра, а своего рода электронное облако. Так и первоначальная простая, статическая, «метафизическая» картина структуры общества «при ближайшем рассмотрении», как сказал бы Гегель, приходит в движение и размывается, становится более сложной, диалектической.) Но возникал вопрос, — если понятие производительных сил расширяется, то почему только одна из них, именно живой труд, является единственным источником стоимости? Так появились первые сомнения относительно трудовой теории стоимости, а следовательно, и мысли относительно необходимости обобщения теории прибавочной стоимости.

12) Расширение понятия «рабочий класс».

Одной из главных особенностей теории Маркса было выяснение «всемирно-исторической роли рабочего класса», т.е. той объективной материальной силы, которая будет способна и вынуждена осуществить предстоящее преобразование общества. Поэтому принципиальный вопрос марксистской теории — что такое рабочий класс. Анализ истории марксизма, теоретического наследия Маркса и Энгельса позволяет утверждать, что соответствующие представления основоположников этой теории со временем существенно развивались, что нашло свое выражение прежде всего в расширении самого понятия «рабочий класс».

Уже в «Проекте Коммунистического символа веры» (июнь 1847 г.) и в «Принципах коммунизма» (октябрь 1847 г.) Энгельс дает принципиально важное определение того, что такое пролетариат, рабочий класс, трудящийся класс в отличие от класса капиталистов. Вот эти важнейшие определения:

В «Проекте»: «Пролетариат — это тот класс общества, который живет исключительно за счет своего труда, а не за счет прибыли с какого-нибудь капитала...»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 355. В оригинале: «Das Proletariat ist diejenige Klasse der Gesellschaft, welche ausschließlich von ihrer Arbeit und nicht vom Profit irgend...» продолжение см. на с. 192

В «Принципах»: «Пролетариатом называется тот общественный класс, который добывает средства к жизни исключительно путем продажи своего труда, а не живет за счет прибыли с какого-нибудь капитала... Одним словом, пролетариат, или класс пролетариев, есть трудящийся класс XIX века. ... Пролетариат возник в результате промышленной революции, которая произошла в Англии во второй половине прошлого века и после этого повторилась во всех цивилизованных странах мира»¹.

В «Манифесте Коммунистической партии» (декабрь 1847 г. — январь 1848 г.) такие прямые определения отсутствуют. Но 40 лет спустя в примечании к английскому изданию 1888 года Энгельс повторил аналогичное определение: «Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд. Под пролетариатом понимается класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу»².

начало см. на с. 191 eines Kapitals lebt...» (Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten (Juni bis September 1847). Herausgegeben von Bert Andreas. Hamburg 1969).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 322. В оригинале: «Das Proletariat ist diejenige Klasse der Gesellschaft, welche ihren Lebensunterhalt einzig und allein aus dem Verkauf ihrer Arbeit und nicht aus dem Profit irgend eines Kapitals zieht... Das Proletariat oder die Klasse der Proletarier ist mit einem Worte die arbeitende Klasse des neunzehnten Jahrhunderts. ... Das Proletariat ist entstanden durch die industrielle Revolution welche in der letzten Hälfte des vorigen Jahrhunderts in England vor sich ging und welche sich seitdem in allen civilisirten Ländern der Welt wiederholt hat» (MEGA I/6. Berlin 1932. S. 503, Tafel VIII).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 424. В оригинале: «By bourgeoisie is meant the class of modern Capitalists, owners of the means of social production and employers of wage-labour. By proletariat, the classe of modern wage-labourers who, having no means of production of their own, are reduced to selling their labour-power in order to live» (MEGA I/6. Berlin 1932. S. 525).

В связи с этими определениями возникает ряд вопросов:

1. Сводятся ли все классы буржуазного общества к этим двум? Что представляют собой — с точки зрения такого определения — промежуточные слои при капитализме? На это основоположники марксизма дали ответ: это — мелкая буржуазия города и деревни, это чиновники, которые превращают или по крайней мере стремятся превратить государство в свою частную собственность, и т.д. Можно сказать так: те, кто не может жить, используя только свои индивидуальные средства производства, или только на прибыль со своего капитала.

2. Что представляет собой трудящийся класс XXI века?

3. Если трудящийся класс XIX века возник в результате промышленной революции, то в результате чего формируется трудящийся класс XXI века?

Марксистский ответ на два последних вопроса может быть дан только с учетом дальнейшего развития теоретических представлений Маркса и Энгельса и, главное, с учетом качественных изменений современного общества.

Углубленное изучение капиталистического способа производства привело Маркса в его главном труде, «Капитале», к концепции «совокупного рабочего» (Gesamtarbeiter).

В апреле 1862 года во втором черновом варианте «Капитала» (рукопись 1861–1863 гг. «К критике политической экономии») Маркс отмечает: «К числу этих производительных работников [Arbeiter] принадлежат, разумеется, все те, кто так или иначе участвует в производстве товара, начиная с рабочего [Handarbeiter] в собственном смысле слова и кончая директором [manager], инженером (в отличие от капиталиста)»¹.

В 1864 году в рукописи «Главы шестой» (I тома «Капитала»), а затем в 1873 году в авторизованном французском издании I тома «Капитала» Маркс конкретизирует: «...один больше работает руками,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I. С. 138. В оригинале: «Unter diese productiven Arbeiter gehören natürlich alle, die zur Production der Waare d'une manière ou d'une autre mitarbeiten, vom eigentlichen Handarbeiter bis zum manager, engineer (als unterschieden vom Capitalist.)» (MEGA II/3.2. S. 443).

другой больше головой, один как управляющий, инженер, технолог и т.д., другой как надсмотрщик, третий непосредственно как рабочий физического труда или даже как простой подручный...»¹.

Наконец, в последнем прижизненном (точнее: подготовленном при жизни автора), третьем издании I тома «Капитала» (1883) Маркс окончательно формулирует эту важную мысль:

«Пока процесс труда является чисто индивидуальным, один и тот же рабочий объединяет все те функции, которые впоследствии разделяются. При индивидуальном присвоении предметов природы для своих жизненных целей рабочий сам себя контролирует. Впоследствии его контролируют. Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приводя в движение собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности. Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт *совокупного рабочего*, т.е. комбинированного рабочего персонала,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 49. С. 95. Ср. со с. 190. В оригинале: «...der eine mehr mit der Hand, der andre mehr mit dem Kopf arbeitet, der eine als manager, engineer, Technolog etc, der andre als overlooker, der dritte als direkter Handarbeiter, oder gar blos Handlanger...» (MEGA II/4.1. S. 109).

«A partir du moment, cependant, où le produit individuel est transformé en produit social, en produit d'un travailleur collectif dont les différents membres participent au maniement de la matière à des degrés très-divers, de près ou de loin, ou même pas du tout, les déterminations *de travail productif, de travailleur productif*, s'élargissent nécessairement. Pour être productif, il n'est plus nécessaire de mettre soi-même la main à l'œuvre ; il suffit d'être un organe du travailleur collectif ou d'en remplir une fonction quelconque. La détermination primitive du travail productif, née de la nature même de la production matérielle, reste toujours vrai par rapport au travailleur collectif, considéré comme une seule personne, mais elle ne s'applique plus à chacun de ses membres pris à part» (MEGA II/7. S. 440/441).

члены которого ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда. Поэтому уже сам кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом *совокупного рабочего*, выполнять одну из его подфункций. Данное выше первоначальное определение производительного труда, выведенное из самой природы материального производства, всегда сохраняет свое значение в применении к *совокупному рабочему*, рассматриваемому как одно целое. Но оно не подходит к каждому из его членов, взятому в отдельности» (курсив мой. — Г.Б.)¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 516–517. В оригинале: «Soweit der Arbeitsproceß ein rein individueller, vereinigt derselbe Arbeiter alle Funktionen, die sich später trennen. In der individuellen Aneignung von Naturgegenständen zu seinen Lebenszwecken kontrolirt er sich selbst. Später wird er kontrolirt. Der einzelne Mensch kann nicht auf die Natur wirken ohne Bethätigung seiner eignen Muskeln unter Kontrolle seines eignen Hirns. Wie im Natursystem Kopf und Hand zusammengehören, vereint der Arbeitsproceß Kopfarbeit und Handarbeit. Später scheiden sie sich bis zum feindlichen Gegensatz. Das Produkt verwandelt sich überhaupt aus dem unmittelbaren Produkt des individuellen Producenten in ein gesellschaftliches, in das gemeinsame Produkt eines Gesamtarbeiters, d.h. eines kombinierten Arbeitspersonals, dessen Glieder der Handhabung des Arbeitsgegenstandes näher oder ferner stehn. Mit dem kooperativen Charakter des Arbeitsprocesses selbst erweitert sich daher nothwendig der Begriff der produktiven Arbeit und ihres Trägers, des produktiven Arbeiters. Um produktiv zu arbeiten, ist es nun nicht mehr nöthig, selbst Hand anzulegen; es genügt, Organ des Gesamtarbeiters zu sein, irgend eine seiner Unterfunktionen zu vollziehen. Die obige ursprüngliche Bestimmung der produktiven Arbeit, aus der Natur der materiellen Produktion selbst abgeleitet, bleibt immer wahr für den Gesamtarbeiter, als Gesamtheit betrachtet. Aber sie gilt nicht mehr für jedes seiner Glieder, einzeln genommen» (MEGA II/8. S. 483/484).

Мы вправе констатировать, что в «Капитале» Маркс расширяет понятие «производительный труд» и вводит понятие «совокупный рабочий».

Проходит еще десятилетие. Развивая эту идею, Энгельс вводит понятие «пролетариат умственного труда» (во французском оригинале «*prolétariat intellectuel*»): «Пусть ваши усилия, — обращается он к Международному конгрессу студентов-социалистов в декабре 1893 года, — приведут к развитию среди студентов сознания того, что именно из их рядов должен выйти тот *пролетариат умственного труда*, который призван плечом к плечу и в одних рядах со своими братьями рабочими, занятыми физическим трудом, сыграть значительную роль в надвигающейся революции.

Буржуазным революциям прошлого от университетов требовались только адвокаты, как лучшее сырье, из которого формировались их политические деятели; для освобождения рабочего класса понадобятся, кроме того, *врачи, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты*, ибо дело идет о том, чтобы овладеть управлением не только политической машиной, но и всем общественным производством, а тут уж нужны будут отнюдь не звонкие фразы, а солидные знания» (курсив мой. — Г.Б.)¹.

Итак, пролетариат умственного труда — это врачи, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты. В сочетании с концепцией

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 432. В оригинале: «May your efforts succeed in developing among students the awareness that it is from their ranks that there must emerge *intellectual proletariat* which will be called on to play a considerable part in the approaching revolution alongside and among their brothers, the manual workers.

The bourgeois revolutions of the past asked nothing of the universities but lawyers, as the best raw material for their politicians; the emancipation of the working class needs, in addition, *doctors, engineers, chemists, agronomists and other experts*; for we are faced with taking over the running not only of the political machine but of all social production, and in that case what will be needed is not fine words but well-grounded knowledge.» — To the International Congress of Socialist Students. [19.12.1893]. MECW. Vol. 27. P. 413.

Энгельса о возрастании роли общественного сознания в жизни общества, а, соответственно, и с возрастанием роли и удельного веса того, что Маркс и Энгельс называли духовным производством, в совокупном общественном производстве, — что наглядно подтверждается современной научно-технической и информационной революцией, — эта эволюция представлений Маркса и Энгельса о рабочем классе дает необходимые теоретические предпосылки для разработки современной марксистской концепции рабочего класса, а, следовательно, и концепции его политического господства в переходный период к новой общественной формации.

На правильном понимании идеи Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата необходимо тоже остановиться.

Понятие диктатуры пролетариата было для Маркса и Энгельса тождественно политическому господству пролетариата, рабочего класса. Диктатура пролетариата противопоставлялась диктатуре буржуазии. В отличие от аналогичных идей у предшественников (например, у бабувистов, бланкистов, вейтлингианцев), она мыслилась как диктатура не какого-то революционного меньшинства, а рабочего класса. Диктатура пролетариата — это государство переходного периода, она отмирает вместе с отмиранием классов. Уже «Манифест Коммунистической партии» свидетельствует о том, что диктатура пролетариата не противопоставляется демократии. Но она противопоставляется буржуазной псевдodemократии. Приведем некоторые основные высказывания о диктатуре пролетариата в теоретическом наследии Маркса и Энгельса:

1845 год — Маркс и Энгельс, «Немецкая идеология»: «Каждый стремящийся к господству класс, — даже если его господство обусловливает, как это имеет место у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще, — должен прежде всего завоевать себе политическую власть»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 32. В оригинале: «...jede nach der Herrschaft strebende Klasse, wenn ihre Herrschaft auch, wie dies beim Proletariat der Fall ist, die Aufhebung der ganzen alten Gesellschaftsform und der Herrschaft überhaupt bedingt, sich zuerst die politische Macht erobern muß...» (MEGA I/5. Berlin 1932. S. 23).

1848 год — Маркс и Энгельс, «Манифест Коммунистической партии»: «...первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»¹.

1850 год — Маркс, «Классовая борьба во Франции»: Революционный боевой лозунг парижского пролетариата во время июньского восстания 1848 года: «Низвержение буржуазии! Диктатура рабочего класса!»².

«...пролетариат все более объединяется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма, который сама буржуазия окрестила именем Бланки. Этот социализм есть объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата как необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 446. В оригинале: «Wir sahen schon oben, daß der erste Schritt in der Arbeiter-Revolution die Erhebung des Proletariats zur herrschenden Klasse, die Erkämpfung der Demokratie ist.

Das Proletariat wird seine politische Herrschaft dazu benutzen der Bourgeoisie nach und nach alles Kapital zu entreißen, alle Produktions-Instrumente in den Händen des Staats, d.h. des als herrschende Klasse organisirten Proletariats zu centralisiren und die Masse der Produktionskräfte möglichst rasch zu vermehren» (Manifest der Kommunistischen Partei. Veröffentlicht im Februar 1848. London. S. 15).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 31. В оригинале: «Sturz der Bourgeoisie! Diktatur der Arbeiterklasse» (MEGA I/10. S. 139).

³ Там же. С. 91. В оригинале: «...gruppirt sich das Proletariat immer mehr um den *revolutionairen Socialismus*, um den *Communismus*, für den die Bourgeoisie selbst den

продолжение см. на с. 199

Апрель 1850 года — «Всемирное общество коммунистов-революционеров» [Société universelle des communistes révolutionnaires], договор подписали: Ж. Видиль, Август Виллих, Дж. Джулиан Гарни, Адан [J. Vidil, Auguste Willich, G. Julian Harney, Adam], К. Маркс, Ф. Энгельс. В октябре 1850 г. — после раскола в Союзе коммунистов, когда бланкисты поддерживали фракцию Виллиха-Шаппера [Willich-Schapper], — договор Марксом, Энгельсом и Гарни был расторгнут.

«Статья 1. Целью общества является низложение всех привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариата путем поддержания непрерывной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой устройства человеческого рода»¹.

Сопоставление двух последних фактов (относящихся к 1850 году) позволяет сделать предположение о «французском» происхождении самого термина «диктатура пролетариата».

Март 1852 года — известное письмо Маркса Иосифу Вейдемейеру [Joseph Weydemeyer]: «...классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата ... эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»².

Начало см. на с. 198 *Namen Blanqui erfunden hat. Dieser Socialismus ist die Permanenz-Erklärung der Revolution, die Klassendiktatur des Proletariats als nothwendiger Durchgangspunkt zur Abschaffung der Klassenunterschiede überhaupt, zur Abschaffung sämtlicher Productions-Verhältnisse, worauf sie beruhen, zur Abschaffung sämtlicher gesellschaftlicher Beziehungen, die diesen Productions-Verhältnissen entsprechen, zur Umwälzung sämtlicher Ideen, die aus diesen gesellschaftlichen Beziehungen hervorgehen» (MEGA I/10. S. 192).*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 551. В оригинале: «Art. 1. — Le but de l'association est la déchéance de toutes les classes privilégiées, de soumettre ces classes à la dictature des prolétaires en maintenant la révolution en permanence jusqu'à la réalisation du communisme, qui doit être la dernière forme de constitution de la famille humaine» (Marx an Joseph Weydemeyer, 05.03.1852 — MEGA I/10. S. 568).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 427. В оригинале: «Was ich neu that war 1) nachzuweisen, daß die Existenz» продолжение см. на с. 200

1871 год — запись речи Маркса 25 сентября «О семилетии Интернационала»:

«Последним и величайшим из всех когда-либо происходивших движений была Коммуна. Коммуна представляла собой — об этом не может быть двух мнений — завоевание политической власти рабочим классом». Чтобы передать все средства труда производителю и заставить, таким образом, каждого физически пригодного индивиду работать «необходима диктатура пролетариата»¹.

1873 год — Энгельс, «К жилищному вопросу»: «...так называемые бланкисты ... провозгласили не «принципы» прудоновского плана спасения общества, а воззрения, и притом почти буквально, немецкого научного социализма о необходимости политического действия пролетариата и его диктатуры, как перехода к отмене классов, а вместе с ними и государства, как было сказано об этом еще в «Комму-

НАЧАЛО СМ. НА С. 199 *der Klassen bloß an bestimmte historische Entwicklungsphasen der Production gebunden ist; 2) daß der Klassenkampf nothwendig zur Diktatur des Proletariats führt; 3) daß diese Diktatur selbst nur den Uebergang zur Aufhebung aller Klassen und zu einer klassenlosen Gesellschaft bildet»* (MEGA III/5. S. 76).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 438. В оригинале: «The last movement was the Commune, the greatest that had yet been made, and there could not be two opinions about it—the Commune was the conquest of the political power of the working classes. There was much misunderstanding about the Commune. The Commune could not found a new form of class government. In destroying the existing conditions of oppression by transferring all the means of labor to the productive laborer, and thereby compelling every able-bodied individual to work for a living, the only base for class rule and oppression would be removed. But before such a change could be effected a proletarian dictatorship would become necessary, and the first condition of that was a proletarian army. The working classes would have to conquer the right to emancipate themselves on the battlefield. The task of the International was to organize and combine the forces of labor for the coming struggle» (MEGA I/22. S. 479).

нистическом манифесте» и с тех пор повторялось бесчисленное количество раз»¹.

«Впрочем, всякая действительно пролетарская партия, начиная с английских чартистов, всегда выставляла первым условием классовую политику, организацию пролетариата в самостоятельную политическую партию, а ближайшей целью борьбы — диктатуру пролетариата»².

1873 год — Маркс: «Политический индифферентизм». Маркс пародирует «апостолов политического индифферентизма» [gli apostoli dell'indifferenza in materia politica] (т.е. анархистов): «Если политическая борьба рабочего класса принимает революционные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, рабочие придают государству революционную и преходящую форму вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 262. В оригинале: «Ebenso haben die sogenannten Blanquisten ... nicht die „Prinzipien“ des proudhonschen Plans der Gesellschaftsrettung proklamirt, wohl aber, und zwar fast buchstäblich, die Anschauungen des deutschen wissenschaftlichen Sozialismus von der Nothwendigkeit der politischen Aktion des Proletariats und seiner Diktatur als Uebergang zur Abschaffung der Klassen und, mit ihnen, des Staats — wie solche bereits im kommunistischen Manifest und seitdem unzählige Male ausgesprochen worden» (MEGA I/24. S. 62).

² Там же. С. 263. В оригинале: «Uebrigens hat jede wirkliche proletarische Partei, von den englischen Chartisten an, immer die Klassenpolitik, die Organisation des Proletariats als selbstständige politische Partei, als erste Bedingung, und die Diktatur des Proletariats als nächstes Ziel des Kampfes hingestellt» (MEGA I/24. S. 63).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 297. В оригинале: «Se la lotta politica della classe operaia assume forme violente, se gli operai sostituiscono la loro dittatura rivoluzionaria alla dittatura della classe borghese, essi commettono il

1874 год — Энгельс, «Эмигрантская литература. II. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны»: «Из того, что Бланки представляет себе всякую революцию как переворот, произведенный небольшим революционным меньшинством, само собой вытекает необходимость диктатуры после успеха восстания, диктатуры, вполне понятно, не всего революционного класса, пролетариата, а небольшого числа лиц, которые произвели переворот и которые сами, в свою очередь, уже заранее подчинены диктатуре одного или нескольких лиц»¹.

1874–1875 годы — Маркс, «Конспект книги Бакунина “Государственность и анархия”»: «Классовое господство рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов»².

1875 год — Маркс, «Критика Готской программы»: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»³.

начало см. на с. 201 *terribile delitto di lesa-principio; perché per soddisfare i loro miserabili bisogni profani di tutti i giorni, per schiacciare la resistenza della classe borghese, invece di abbassare le armi e di abolire lo Stato, essi gli danno una forma rivoluzionaria e transitoria» (MEGA I/24. S. 105/106).*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 511–512. В оригинале: «Daraus, daß Blanqui jede Revolution als den Handstreich einer kleinen revolutionären Minderzahl auffaßt, folgt von selbst die Nothwendigkeit der Diktatur nach dem Gelingen: der Diktatur, wohlverstanden, nicht der ganzen revolutionären Klasse, des Proletariats, sonder der kleinen Zahl Derer, die den Handstreich gemacht haben und die selbst schon im Voraus wieder unter der Diktatur Eines oder einiger Wenigen organisirt sind» (MEGA I/24. S. 373).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 617–618.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 27. В оригинале: «Zwischen der kapitalistischen und der kommunistischen продолжение см. на с. 203

1891 год — в двадцатую годовщину Парижской коммуны Энгельс во Введении к новому изданию работы Маркса «Гражданская война во Франции» писал: «В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую коммуну. Это была диктатура пролетариата»¹.

Чтобы понять, как основоположники марксизма понимали диктатуру пролетариата достаточно обратиться к конкретному, подробному анализу опыта Парижской Коммуны в «Гражданской войне во Франции», разумеется, с учетом того, что это был уникальный исторический опыт в условиях Франции XIX века, в одном большом изолированном от всей страны городе, в течение десяти недель, когда во главе Коммуны стояли не только сторонники марксистского социализма.

1891 год — Энгельс, «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года»: «Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция»².

НАЧАЛО СМ. НА С. 202 Gesellschaft liegt die Periode der revolutionären Umwandlung der einen in die andre. Der entspricht auch eine politische Übergangsperiode, deren Staat nichts andres sein kann als *die revolutionäre Diktatur des Proletariats*» (MEGA I/25. S. 22).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 201. В оригинале: «Der deutsche Philister ist neuerdings wieder in heilsamen Schrecken geraten bei dem Wort: Diktatur des Proletariats. Nun gut, ihr Herren, wollt ihr wissen, wie diese Diktatur aussieht? Seht euch die Pariser Kommune an. Das war die Diktatur des Proletariats» (MEW, Bd. 22).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 237. В оригинале: «Wenn etwas feststeht, so ist es dies, daß unsre Partei und die Arbeiterklasse nur zur Herrschaft kommen kann unter der Form der demokratischen Republik. Diese ist sogar die продолжение см. на с. 204

Сопоставление приведенных высказываний с работами В.И. Ленина показывает определенное изменение представлений о диктатуре пролетариата:

«Диктатура есть господство части общества над всем обществом и притом господство, опирающееся непосредственно на насилие». «Диктатура есть государственная власть, опирающаяся непосредственно на насилие...»¹.

«Диктатура пролетариата... власть, опирающаяся не на закон, не на выборы, а непосредственно на вооруженную силу той или иной части населения»².

Сущность буржуазного государства — «диктатура буржуазии»³.

«Диктатура есть власть, не связанная никакими законами». «Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами». «Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насилием пролетариата над буржуазией, власть не связанная никакими законами»⁴.

Таким образом, революционная диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами, — такого определения у основоположников марксизма еще не было.

Приведенные формулировки Ленина относятся ко времени перед Октябрьской революцией (1916–1917) и сразу после нее (1918). Такое понимание диктатуры пролетариата, обусловленное и спецификой места и времени, утвердилось в коммунистическом движении прошлого века и, очевидно, стало одной из главных причин отказа ряда западноевропейских компартий от диктатуры пролетариата как программного требования.

13) Подлинный смысл марксистской теории государства дает возможность по-новому взглянуть на ряд важнейших ее положений

начало см. на с. 203 *spezifische Form für die Diktatur des Proletariats, wie schon die große französische Revolution gezeigt hat» (MEW, Bd. 22, S. 235).*

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 122, 152.

² Там же. Т. 32. С. 315.

³ Там же. Т. 33. С. 35.

⁴ Там же. Т. 37. С. 244, 245.

и на определенную эволюцию соответствующих взглядов Маркса и Энгельса.

Можно констатировать три предпосылки возникновения государства: появление прибавочного продукта, разделение труда, т.е. выделение функций управления, и дифференциация общества на богатых и бедных, т.е. классовое расслоение общества. Это обусловило и двоякие функции государства как механизма управления всем обществом: управление в интересах всего общества и управление в интересах господствующего класса, т.е. общие, правомерные функции и классовые, политические функции. Эти последние обусловили отчуждение государства от общества.

Отсюда: слом старой, буржуазной государственной машины, согласно марксистской теории, это не просто смена чиновников и даже не просто переделка государственного аппарата, а преодоление отчуждения государства, контроль общества над государством. Борьба против бюрократизма — это не борьба против формализма и волокиты, а подчинение государственного аппарата контролю общества.

Отсюда: отмирание государства — это не отмирание функций управления обществом, а отмирание его классовых, политических функций.

Эволюция взглядов Маркса и Энгельса на сущность государства ясно видна при сопоставлении известной формулировки «Манифеста Коммунистической партии» с их позднейшими произведениями. «Современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии»¹, т.е. господствующего класса. Так было в «Манифесте».

Впоследствии Маркс и Энгельс расширили свое представление о функциях государства. Углубленный анализ капиталистической экономики в «Капитале» убедил Маркса в необходимости функций управления в процессе совместной деятельности людей. Парижская Коммуна явилась первым, хотя и непродолжительным опытом диктату-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 426. В оригинале: «Die moderne Staatsgewalt ist nur ein Ausschuß, der die gemeinschaftlichen Geschäfte der ganzen Bourgeoisie verwaltet» (Manifest der Kommunistischen Partei. Veröffentlicht im Februar 1848. London. S. 4).

ры пролетариата, когда в течение десяти недель в рамках одного большого города пролетариат находился у власти. Анализ этого опыта в работе «Гражданская война во Франции» приводит Маркса к выводу, что существуют «функции, необходимость которых вызывается главными и общими потребностями страны», что эти «функции, правомерно принадлежащие правительственной власти, должны были осуществляться не органами, стоящими над обществом, а ответственными слугами самого общества», что задача Парижской коммуны «состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества»¹; одним словом, что существуют не только классовые, но и правомерные функции государства. Позднее, в работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) выясняются предпосылки возникновения государства: помимо появления прибавочного продукта, это развитие разделения труда и дифференциация общества на богатых и бедных, т.е. выделение труда по управлению обществом и разделение общества на классы. Отсюда следовало развитие двоякого рода государственных функций, а в условиях классового общества одним из проявлений классовой борьбы становилась борьба за преобладание тех или иных его функций.

Все это не отрицало той существенной характеристики государства, которая была сформулирована в «Манифесте Коммунистической партии». Спустя 30 лет, в «Анти-Дюринге» Энгельс по сути дела повторяет такую характеристику: «...современное государство ... есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 602, 344. В оригинале: «...the General functions ... necessitated by the general and common wants of the country... these functions were not to be exercised by a body superior to the society, but by the responsible agents of society itself» (MEGA I/22. S. 106). «While the merely repressive organs of the old governmental power were to be amputated, its legitimate functions were to be wrested from an authority usurping pre-eminence over society itself, and restored to the responsible agents of society» (ibid. S. 140/141).

производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист»¹.

Специфическая особенность классовых функций государства проявляется, в частности, в том, что государство идет на социальные уступки тогда, когда они в конечном счете служат и интересам господствующего класса, когда его классовые интересы совпадают с интересами всего общества, например, если это необходимо ради предотвращения социального взрыва. В классовом обществе классовые функции государства преобладают над его правомерными общими функциями; интересы господствующего класса преобладают над общими интересами всех граждан. И в этом смысле государство выступает как комитет, управляющий общими делами господствующего класса. При этом совокупный интерес господствующего класса, конечно, не тождественен интересам каждого его члена.

С точки зрения основоположников марксизма, буржуазная демократия — важная предпосылка политических преобразований и готовая форма политического господства трудящихся. Но в условиях современного общества существующая демократия фактически — не власть народа, а власть богатства, денег, т.е. не демократия, а плутократия. Опыт Парижской Коммуны для Маркса и Энгельса и наш современный опыт показывают, что подлинная демократия предполагает равенство избирателей (включая запрет на частное финансирование партий и избирательных кампаний, на использование так называемого административного ресурса, равный доступ к средствам массовой информации), отсутствие неоправданных привилегий для депутатов и чиновников, право отзыва депутатов и обращения граждан в суд для обжалования действий чиновников.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 290. В оригинале: «Und der moderne Staat ist wieder nur die Organisation, die sich die bürgerliche Gesellschaft gibt, um die allgemeinen äußeren Bedingungen der kapitalistischen Produktionsweise anfrecht zu erhalten gegen Uebergriffe sowohl der Arbeiter, wie der einzelnen Kapitalisten. Der moderne Staat, was auch seine Form, ist also eine wesentlich kapitalistische Maschine, Staat der Kapitalisten, der ideelle Gesamtkapitalist» (MEGA I/27. S. 443).

14) Что касается «реального социализма», то констатирую здесь только один важный с марксоведческой точки зрения факт. В идеологии «реального социализма» он отождествлялся с первой фазой коммунистического общества. Как известно, классическая характеристика этой фазы дана Марксом в «Критике Готской программы». Так вот: ни по одному из основных критериев — форма собственности, способ распределения, классовая структура, политическая надстройка — «реальный социализм» не был первой фазой коммунистического общества. Это была новая форма общества, с элементами социализма и вектором развития в направлении подлинно социалистического общества. Парадокс заключается в том, что и защитникам «реального социализма», и антикоммунистам выгодно называть практику такого общества социализмом и коммунизмом, так что фактически одни сознательно, а другие бессознательно дискредитируют сами идеи социализма и коммунизма.

Что касается причин краха «реального социализма», то с точки зрения марксистской концепции социальной революции одной из главных причин было противоречие между интернациональными производительными силами, созданными современной научно-технической и информационной революцией, и производственными отношениями в странах «реального социализма».

15) Основоположники марксизма были принципиальными сторонниками интернационализации развития общества. Одной из исторических заслуг буржуазии они считали уже упомянутое «превращение истории во всемирную историю». Отсюда вытекала их концепция международного характера коммунистического преобразования общества. Они считали, что предстоящее преобразование общества будет развивать и углублять дальше этот процесс. Но они были против интернационализации угнетения и эксплуатации. Они считали, что равенство между народами так же необходимо, как и равенство между гражданами. Они были против того, чтобы и дальше развитие рода «человек» осуществлялось за счет большинства человечества, за счет большинства человеческих индивидов¹.

¹ Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» писал: «...развитие способностей рода «человек», хотя оно вначале совершается за счет большинства человеческих продолжение см. на с. 209

Вот некоторые их высказывания.

Буржуазия централизует отдельные страны. «Буржуазия уже достигла значительной централизации. Пролетариат весьма далек от того, чтобы считать себя этим ущемленным; наоборот, именно эта централизация только и дает ему возможность объединиться, почувствовать себя классом, обрести в демократии надлежащее политическое мировоззрение и победить в конце концов буржуазию. Демократическому пролетариату нужна централизация не только в том виде, в каком ее начала осуществлять буржуазия, но он должен будет провести ее в значительно больших размерах. ... Демократический пролетариат, когда ... он ... установит свое господство, должен будет централизовать не только каждую страну в отдельности, но как можно скорее объединить все цивилизованные страны» (Энгельс, 1847)¹.

начало см. на с. 208 индивидов и даже целых человеческих классов, в конце концов разрушит этот антагонизм и совпадет с развитием каждого отдельного индивида» и т. д. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 123). В оригинале: «...diese Entwicklung der Fähigkeiten der Gattung *Mensch*, obgleich sie sich zunächst auf Kosten der Mehrzahl der Menschenindividuen und ganzer Menschenklassen macht, schließlich diesen Antagonismus durchbricht und zusammenfällt mit der Entwicklung des einzelnen Individuums...» u.s.w. (siehe MEGA II/3.3. S. 768).

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 355. В оригинале: «Schon die Bourgeoisie zentralisiert bedeutend. Das Proletariat, weit entfernt davon, hierdurch benachteiligt zu sein, wird vielmehr erst durch diese Zentralisation in den Stand gesetzt, sich zu vereinigen, sich als Klasse zu fühlen, sich in der Demokratie eine angemessene politische Anschauungsweise anzueignen, und endlich die Bourgeoisie zu besiegen. Das demokratische Proletariat hat nicht nur die Zentralisation, wie sie durch die Bourgeoisie begonnen ist, nötig, sondern es wird sie sogar noch viel weiter durchführen müssen. ... Das demokratische Proletariat, wenn es ... zur Herrschaft kommt, wird nicht nur jedes Land für sich, sondern sogar alle zivilisierten Länder zusammen so bald wie möglich zentralisieren müssen» (MEGA I/6. Berlin 1932. S. 347/348).

И много лет спустя: «...рабочие стремятся создать условия для коллективного производства в масштабе всего общества, и прежде всего у себя в национальном масштабе...» (Маркс, 1875)¹. Решающее отличие социалистического общества «от нынешнего строя состоит, конечно, в организации производства на основе общей собственности сначала отдельной нации на все средства производства» (Энгельс, 1890)².

Проблема равенства между народами была связана с проблемой социального равенства. В «Анти-Дюринге» Энгельс обосновал историческую необходимость социального равенства, пролетарское требование которого (в отличие от буржуазного требования равенства граждан перед законом) сводится к требованию уничтожения классовых различий (природного равенства между людьми нет и не может быть, поэтому «Требование равенства, идущее дальше этого пролетарского требования, т.е. абстрактно понятое, становится нелепым»³). Вместе с тем он много раз говорил: «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы»⁴. Это применимо и к социальным отношениям в каждой стране: не могут быть подлинно свободными

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 26. В оригинале: «Dass die Arbeiter die Bedingungen der genossenschaftlichen Produktion auf socialem, und zunächst bei sich, also nationalem Massstab herstellen wollen, heisst nur dass sie an der Umwälzung der jetzigen Produktionsbedingungen arbeiten...» (MEGA I/25. S. 20).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 380. В оригинале: «Die sogenannte „sozialistischen Gesellschaft“ ist nach meiner Ansicht nicht ein ein für allemal fertiges Ding, sondern, wie alle andern Gesellschaftszustände, als in fortwährender Veränderung und Umbildung begriffen zu lassen. Kritischer Unterschied vom jetzigen Zustand besteht natürlich in Organisation der Produktion auf Grundlage des Gemeineigentums zunächst der Nation an allen Produktionsmitteln» (Engels an Otto von Bönigk, 21.08.1890 — MEW, Bd. 37, S. 447).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 638. В оригинале: «Weiter als diese letzte getrieben d.h. abstrakt gefaßt wird die Gleichheit Widersinn» (MEGA I/27. S. 83).

⁴ См, например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 509.

члены господствующих классов, пока существуют угнетаемые и эксплуатируемые классы. Поэтому «равенство между нациями также необходимо, как равенство между индивидами»¹. Глобализация по-американски: ее вектор диаметрально противоположен, она ведется даже с прямым нарушением международного права. Современная, капиталистическая глобализация в условиях экономического неравенства стран ведет к усилению социального неравенства.

С диалектической точки зрения, суверенитет отдельных стран и покровительственные пошлины так же не являются всегда и при всех обстоятельствах абсолютным злом, как интернационализация и свобода торговли абсолютным благом. Поэтому защита национального суверенитета в условиях капиталистической глобализации может быть средством защиты от угнетения и эксплуатации со стороны экономически более развитых стран и средством защиты прогрессивных тенденций в странах глобальной периферии. Экономическая конкуренция между странами часто ведет к «монополизации» общественных отношений, когда серьезные социальные завоевания становятся бременем в экономической конкуренции (пример: Швеция и ряд других стран).

16) Если основой формационного преобразования общества является противоречие между производительными силами и производственными отношениями и если в условиях современного капиталистического общества продолжается развитие материальных производительных сил, то не свидетельствует ли это о бесперспективности такого преобразования по крайней мере в обозримом будущем? Казалось бы, все говорит именно об этом. Но не исходим ли мы при таком пессимистическом взгляде на обозримое будущее из очередной вульгаризации подлинной марксистской концепции? Ведь производительные силы не сводятся к материальным средствам производства. Ведь главная производительная сила — это сам человек, а основоположники теории включали в состав производительных сил и «духовные производительные силы» (прежде всего знания,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 78. В оригинале: «...l'égalité entre nations est aussi nécessaire que celle entre individus» (Friedrich Engels, Paul et Laura Lafargue: Correspondance. T. 3. Paris 1959. P. 294).

науку), и силы природы, и многое другое, и даже потребности. Не углубляют ли основное противоречие, накладывая оковы на развитие самого производителя, сведение его к придатку машин и даже более высоких технологий, и невозможность удовлетворения возрастающих разумных потребностей основной массы населения, и экологическая деградация природы, порождаемая бегудержной погоней за прибылями любой ценой ради удовлетворения антисоциальных потребностей меньшинства?

Все вышеизложенное намечает возможное направление дальнейшего развития теоретического наследия Маркса и Энгельса, и эти наброски следует рассматривать лишь как возможный мыслительный материал для разработки современной теории социализма XXI века.

В.Г. Арсланов

**О материалистической диалектике
и всемирной истории (некоторые поправки
к марксистской концепции современного
революционного процесса)**

Беда современной эпохи — отсутствие целостной концепции, целостного мировоззрения. Концы с концами не связываются. Впрочем, на это жаловались и во времена Маркса (Герцен) и много раньше, если вспомнить шекспировского Гамлета. Но ныне разорванность бытия воспринимается как его неустранимое онтологическое качество. Дело в том, что не оправдался, не подтвердился, согласно почти общепринятому мнению, самый грандиозный проект создания целостной картины мира — марксизм. Он дал трещину в самом своем основании, экономическом учении о природе капитализма. На 16-м конгрессе социологов Т. Адорно выдвинул тезис о том, что гибель капитализма отсрочивается до «греческих календ», но самое удивительное состоит в том, что при этом капитализм остается капитализмом, и многочисленные факты современности не могут быть удовлетворительно объяснены без обращения к «ключевым понятиям капитализма»¹. Тем самым Адорно сформулировал основы новой постмодернистской логики: «ни то, ни это; и то, и это».

Мне представляется, что Т. Адорно в частности и постмодернизм в целом схватил очень важные, но внешние признаки, симптомы современной эпохи, но не ухватил самого главного потому, что логи-

¹ См.: Spätkapitalismus oder Industriegesellschaft? In: Adorno Th. W. «Ob nach Auschwitz noch sich leben lasse». Frankfurt am Main.: Edition Suhrkamp. 1997. S. 156.

ка постмодернизма как раз очень традиционная, давно известная, логика всех софистов мировой истории.

Начнем с экономики. Маркс полагал, что абсолютный предел капиталистической экономики наиболее ярко проявляется в открытой им тенденции нормы прибыли к понижению. Однако на протяжении длительного исторического времени эта тенденция в XX и XXI веках не проявляет себя, скорее можно говорить о тенденции нормы прибыли к повышению. Наблюдается экономическое явление, обратное предсказанному Марксом, по очень серьезным причинам: рост производительности труда сопровождается не увеличением стоимости основного капитала, а наоборот, происходит относительное удешевление его благодаря внедрению научных достижений. Собственно, и Маркс прекрасно описал и предсказал нечто подобное, но он был убежден, что капитализм разрушится раньше, что нельзя это экономическое явление вместить в рамки капиталистического способа производства. В чем причина такой, по мнению многих, безграничной эластичности капиталистических производственных отношений? Или же надо ждать прихода «греческих календ»?

Капиталу удастся реализовать производимую прибавочную стоимость посредством интенсивного развития т.н. второго подразделения общественного производства — вместо поглощения этой прибавочной стоимости основным капиталом идет разбухание потребительской экономики, сферы услуг, «массовой культуры» и так далее. В непосредственно экономическом отношении это такое же уничтожение произведенной прибавочной стоимости, как и милитаризм. Но не только в экономическом. Основным капиталом современного производства становится — или, точнее, должен становиться, согласно предсказанию Маркса, — сам человек, его всестороннее свободное развитие. Однако вместо такого развития происходит деградация человека. Впрочем, не стоит принимать на веру тезис постмодернистов об исчезновении субъекта и человека вообще. Точнее было бы говорить о тенденции саморазрушения человечества и основ человеческой культуры, что является до известной степени неизбежной платой за тот фантастический рывок в сфере технического развития, которое сделало человечество в последнее столетие.

Итак, мы ожидали саморазрушения капитала в процессе его диалектического движения, при котором из куколки обязательно долж-

на вылупиться бабочка. Такое представление о развитии является диалектическим, но линейным, и в силу этого — одномерным. Мы должны вспомнить, что все великое достигается благодаря ограниченности, ограниченность в этом смысле великое благо, но все же это ограниченность. Европейский путь развития был великим достижением человечества благодаря известной ограниченности, и об этой ограниченности забывать нельзя. Если мы о ней забудем, то диалектика превратится в полную бессмысленность — финальность всего развития Вселенной, как в идеалистической системе философии Гегеля. Даже органическое диалектическое движение не является абсолютно самодостаточным: чтобы бабочка вылупилась из куколки, необходима — в строгом смысле — вся Вселенная, а не только та среда, в которой живет бабочка.

Мы впитали в себя логоцентризм с молоком матери и не можем избавиться от него, даже если расточаем филиппики по его адресу. И потому мы ожидаем, что бабочка социализма должна вылупиться из того ограниченного явления, которое называется капитализмом. Но она может появиться только как результат бесконечного развития, при учете этой реальной бесконечности. В человечестве и его истории разворачивает себя и познает себя весь мир в целом, то есть кантовская «вещь в себе» (которую сам Кант именовал «абсолютной реальностью» — (die absolute Realität)¹, и это положение не должно остаться пустыми словами, абстракцией. Разумеется, Вселенная не влияет на человеческую историю так прямо и примитивно, как это представлялось, например, Л.Н.Гумилеву. Гумилевская «пассионарность» народов мировой истории как результат действия физических излучений Космоса — это, конечно, миф. Физические излучения не исчерпывают собой всей энергетики Вселенной, гораздо вернее было бы назвать ту энергетику, что влияет на развитие общества, «мировым духом» идеалистических систем прошлого. Идеальное — реально, но оно тоже не исчерпывает собой всей Вселенной, оно связано с материальным и в известном смысле является продуктом материальных процессов, отражением их.

Исчерпанность — или кризисность, если говорить осторожнее — европейского пути проявляется в угасании энергии западноевро-

¹ См. Eisler R. Kant Lexikon. OLMS. Darmstadt.: 1964. S. 93.

пейских народов, их духа, «пассионарности». Вернее, их энергия приняла односторонний характер, сосредоточенный на техническом развитии. Сама демократия стала техникой управления и манипулирования людьми. Распространение капитализма, расширение его влияния, мировой рынок вывели из спячки восточные народы, активизировали их. Но они не повторяют опыт европейского капитализма.

Российская революция согласно логике марксизма решала свои частные проблемы, дорастала до европейского капитализма и входила в число цивилизованных современных стран. Но вышло все наоборот! Российская революция решила в большей степени проблемы западного капитализма, позволила ему подняться еще на одну ступень, а Россия при этом запуталась в своих противоречиях, что было ценой ее прорыва как решения проблем мирового значения.

Этот факт говорит о том, что периферия капитализма становится до известной степени центром общемирового развития, не переставая при этом быть периферией. Россия страдала и от недостаточного развития капитализма, и от его перезрелости, то есть она была воплощением крайностей, которые отождествились. Это тождество выразилось в том, что она страдала не от капитализма и не от феодализма, а от соединения уже перезрелого, упадочного капитализма с крепостничеством. Подобное соединение крайностей представляло собой общемировую тенденцию, то есть самый передовой капитализм перенимал черты азиатчины и феодализма. Это тоже было возвращение к первоначалу, но сугубо реакционное.

Вместо такого синтеза крайностей в России начала XX века наружу вышел другой синтез, который был рожден Октябрем. Смысл этого синтеза не вполне был понятен даже тем, кто его творил. Хотя что-то уже брезжило и выразилось в новой логике Ленина: соединение архаической крестьянской демократии, пугачевской справедливости с самыми современными и прогрессивными формами технического и духовного развития, созданными Западом на протяжении всей его истории. Но «симфоническое» (Ленин) соединение противоположностей, найденное Октябрем, перерастало в синтез крайностей, в какофонию. «Чапаев» (литературный герой романа Д. Фурманова и его прототип — крестьянский военачальник периода гражданской войны) и «чапаевщина» — это социальное явление заключало в себе одновременно жуткую поэзию пугачевщины, мировой

размах крестьянско-азиатской революции и реальную почву, на которой сформировался сталинизм. Соединение архаики с цивилизацией — такова проблема мировой истории, поставленная еще Вальтером Скоттом в его «шотландских» романах и затем Пушкиным в «Капитанской дочке», на что обратили пристальное внимание советские литературные критики и философы из «течения» Мих. Лифшица — Г. Лукача в тридцатые годы XX века.

Марксу казалось, что вся эта «шотландская» (см., например, его замечания о швейцарцах и их роли в современной ему Европе) поэзия с ее неизбежными реакционными чертами будет раздавлена сапогом капитализма — хотя печально, но неизбежно и прогрессивно (см. также его анализ владычества англичан в Индии и его последствий). Впрочем, не столько Маркс, сколько марксисты неуклонно следовали этой логике. Однако сам Маркс был не только величайшим диалектиком, но и материалистом. Он понимал ограниченность любой формы даже органического развития и потому понимал ограниченность любой теории, схватывающей действительность тоже лишь в рамках определенной ограниченности. В ответе на письмо В. Засулич, которая от имени своих товарищей обратилась к Марксу, как сообщается в редакционном комментарии к Сочинениям К. Маркса и Ф. Энгельса, «с просьбой высказать его точку зрения о перспективах исторического развития России и особенно о судьбах русской сельской общины»¹, Маркс продемонстрировал, что его диалектика отнюдь не была линейной и не страдала логоцентризмом.

Привожу выписки из его письма В. Засулич (того его краткого варианта, который был послан Марксом адресату): «Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликования ответ на вопрос, с которым Вы изволили обратиться ко мне. (...). Надеюсь, однако, что достаточно будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей мнимой теории. (...) ... «историческая неизбежность» этого процесса (движения по капиталистическому пути развития. — В. А.) *точно* ограничена странами Западной Европы. (...). Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные исследования, —

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 35. С. 419.

продолжает К. Маркс, — которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России (подчеркнуто мной. — В. А.), однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»¹.

Маркс писал о дуализме, заключенном в русской общине, о двух одинаково возможных, но принципиально различных путях развития. Конститутивная форма общины «допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. Все зависит, — заключает Маркс, — от исторической среды, в которой они находятся... *a priori* возможен и тот, и другой исход...»². Первый из них, который представлялся не только буржуазным экономистам, но и большинству марксистов движением вперед, развитие по пути капитализма, является, согласно Марксу, наименее желательным: «Даже с чисто экономической точки зрения Россия может выйти из тупика, — отмечал Маркс, — в котором находится ее земледелие, только путем развития своей сельской общины; попытки выйти из него при помощи капиталистической аренды на английский лад были бы тщетны: эта система противна всем сельскохозяйственным условиям страны»³.

Такой вывод, казалось бы, противоречил логике — вместо движения России вперед возвращение к архаике. Однако не только России, всему миру, полагал Маркс, придется возрождать архаику. Ибо как раз в наиболее развитых странах Запада общий кризис «кончится уничтожением капитализма и возвращением современного общества к высшей форме наиболее архаического типа — к коллективному производству и коллективному присвоению»⁴. Маркс специально подчеркивает, что речь идет именно о *возвращении*, то есть о неизбежном движении назад, причем возвращении к исходному пункту

¹ Там же. С. 137.

² Там же. Т. 19. С. 404–405.

³ Там же. С. 407.

⁴ Там же. С. 408.

всего исторического движения, к наиболее архаическому типу общества. Он неоднократно подчеркивает и повторяет эту мысль в своих набросках письма к В. Засулич: «Итак, не следует особенно бояться слова “архаический”»,¹ — указывает Маркс.

Впрочем, неизбежность возвращения к первоначально соответствовала азам гегелевской диалектики, которая гласит, что начало обретается только в конце развития. Формально и Ленин еще не выходит за пределы этой логики. Потребовался опыт XX века, в частности, нетрадиционного термидора в России 30-х годов, чтобы возникли контуры логики, преодолевающей логоцентризм и прямолинейность движения гегелевской диалектики.

В XX веке весь мир действительно стал стремительно возвращаться к архаике, но насколько различным и по форме, и по сути было это возвращение! Уже в конце XIX века Маркс и Энгельс отметили, что монополия есть архаика на высших ступенях общественного развития. Но эта архаика способствовала упрочению капитализма, являясь его отрицанием на почве самого же капитализма. Продолжая мысль Энгельса о том, что вмешательство буржуазного государства в экономику, государственный и потому мнимый социализм «является всего лишь феодальной реакцией»², Мих. Лифшиц писал, что «чрезмерное развитие политической надстройки» вполне может быть «гальванизацией феодальных и азиатских чиновничьих форм»³.

Итак, есть по крайней мере два типа и способа возвращения к первоначально, два вида возрождения архаики. В этом выводе, казалось бы, тоже нет ничего принципиально нового, ибо Маркс тоже писал о дуализме, о двух путях дальнейшего развития русской общины. Но в целом если не Марксу, то марксистам представлялось, что именно развитые страны смогут осуществить то прогрессивное возрождение архаики, которое именовалось у них коммунизмом. Ибо подлинное начало обретается в конце развития. Однако история XX века показала, что прогрессивный и экономически развитый Запад возвращался в конце XIX и начале XX веков не к подлинному, а к ложному началу, не к прогрессивным элементам, заключенным в общине, а к реак-

¹ Там же. С. 402.

² Там же. Т. 35. С. 140.

³ Лифшиц Мих. Собр. соч. в 3-х томах. Т. I. М., 1984. С. 288.

ционным, тем, кому ходом исторического развития предстояло отмереть, уйти в небытие — к той «азиатчине», что характеризуется всевластием бюрократического сословия и омертвлением всей общественной жизни. Напротив, отсталая Россия двинулась в начале XX века вперед благодаря тому, что усваивала марксизм и другие «сливки» западного типа развития — науку, технику, культуру. Возвращение к первоначалу, к архаике получилось перекрестное: отсталая Россия двинулась по направлению к коммунизму, потому что смогла — до известной степени и в известной мере, хотя и посредством ряда катастроф (насильственная коллективизация сельского хозяйства!) — синтезировать крестьянскую общину с плодами западноевропейского пути развития. Тогда как по гегелевской логике именно данный общественный организм должен вернуться к своему первоначалу. Он вернулся, но к началу ложному. В то время как совсем другой организм, гораздо более отсталый, усвоил плоды более развитого организма и потому стал возвращаться к первоначалу истинному.

Наметки подобного развития событий предугаданы Марксом. «Если бы в момент освобождения крестьян сельская община была сразу поставлена в нормальные условия развития (...) ... то никто не стал бы теперь раздумывать насчет “исторической неизбежности” уничтожения общины: все признавали бы в ней элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, которые еще находятся под ярмом капиталистического строя»¹. Однако кто мог хотя бы теоретически предположить, что центр мирового *западного* развития сместится в Россию и вообще на Восток в XX веке? Предполагал это Герцен, но вовсе не Маркс и не марксисты. А когда такое перемещение стало *фактом*, то он вызвал полнейшее недоумение у марксистов, а критики марксизма увидели в этом факте опровержение не только марксизма, но всего Великого освободительного проекта человечества (франкфуртская школа), включая классическую философию от Сократа до Гегеля и Маркса. Между тем этот факт противоречит логике идеалистической диалектики, но полностью укладывается в логику материалистической.

Если подлинное начало обретается только в конце развития, то перед нами логический порочный круг. Он разрывается только при

¹ Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 19. С. 401.

том предположении, что в реальном историческом начале содержатся по крайней мере две возможности принципиально различного движения, что движение раздваивается уже в самом начале. Вы поступили в институт, но это было началом вашего успеха только после получения диплома. И когда вы его получили, то возвратились к одной из реальных возможностей, и отбросили, победили другую — возможность вашей катастрофы. Таким образом, мы реально воздействуем на начало в конце развития, мы отправляем в небытие ложное начало и даем жизнь истинному. Тем не менее, ложное начало тоже существовало реально, и победа начала истинного не дана автоматически, она зависит от нашего относительно свободного выбора не только в начале, но и в конце движения. Вместо одного круга, в котором начало отождествляется с концом, перед нами два перекрещивающихся круга — или «извилистый круг» Делеза со смещающимся центром¹.

Однако у Делеза это только догадка, которой противоречит вся его философия, сводящаяся, по сути дела, к выводу, что «Ариадна повесилась»², выхода из лабиринта современности нет, и «уши выше лба не растут». Логика, о которой мы говорим, логика материалистическая, а не постмодернистская, развивалась на основе исторического движения, рожденного Октябрем. Вот, например, некоторые важные поправки, которые были сделаны Мих. Лифшицем по отношению к гегелевской диалектике начала и конца:

«Материалистическая дедукция (логико-историческое движение) заключается в развитии через противоречия, но *противоречия реальных фактов, отклонения от простого повторения общего типа*, а не через отрицание, заключенное в общем типе или тайком эмпирически обогащенное — как бывает у Гегеля — но в таком виде, как будто оно развивает только внутреннее содержание данного типа. Вот в чем смысл марковского положения о том, что простое товарное хозяйство не содержит в себе условий для капитализма. Это означает, что новое рождается не посредством чисто-внутреннего октроирования из общего типа (таким путем получается только его же собственный негативный портрет), а путем реального возникновения

¹ См. Делез Ж. Различие и повторение. СПб. 1998. С. 162.

² Там же. С. 79.

новых фактов, не укладывающегося в простое повторение данного общего типа, но и не являющегося чем-то совершенно произвольным, тождественным новой логической сфере. Эпикуровское *declinatio*¹. Словом, речь идет о реальном процессе, а не о логическом развитии, похожем на матрешку в матрешке, и не о плюралистическом разграничении законов, которым подчинена историческая.

Суть дела именно в реальной не-абстрактности тождества, не в неполном и не безусловном повторении самого себя, а в полном и безусловном своеобразии, конкретности, процессе, действительно соединяющем всеобщность с единичностью»².

Согласно «теории тождеств» Мих. Лифшица, с самого начала в любом типе движения имеются два пути: один из них соединяет противоречия симфонически и потому является более прогрессивным, другой — какофонически, и потому возникает стагнация или другие регрессивные явления. Затем эти два пути не только далеко расходятся, но и взаимодействуют между собой. И возможно на определенном этапе развития как раз регрессивный путь приходит на помощь зашедшему в тупик пути более прогрессивному. Так архаические восточные государства застыли на долгие века, но вместе с тем сохранили общину, которую потеряла Европа. И вот в конце своего прогрессивного развития Запад вместо того, чтобы вернуться к истинному началу — архаике коммунистической, возвращается к своему ложному началу, к тому, что в начале движения цивилизации вылилось в азиатчину, застывшие империи с невероятно разбухшим государственным аппаратом и полным подавлением личности. При всей формальной свободе личность на современном Западе, по утверждению западных социологов и философов, исчезла, субъект совершенно бессилен перед автоматически действующим общественным механизмом, «дающей терпимостью» плюрализма. Другими словами, тот путь прогрессивного развития, начало которому положила классическая античность, завершается возвращением не к своему первоначалу, а к тому, которое было тупиком, стагнацией на долгие столетия, практически вплоть до XX века.

¹ Отклонение (лат.)

² Лифшиц Мих. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». М., 2004. С. 190.

Напротив, молчащий и остановившийся Восток пробуждается благодаря тому, что соединяется с наиболее ценными результатами западного прогрессивного типа исторического развития. Что дает и что означает это перекрещивание двух разных кругов исторического движения? Во-первых, это означает, что даже самое прогрессивное развитие до известной степени ограничено, и если круг этого развития замыкается, если он не черпает свое содержание в бесконечности, а становится, как у Хайдеггера, по словам Мих. Лифшица, бесконечным вращением на одном месте, то это движение с неизбежностью будет возвращением к ложному началу, то есть историческим тупиком. Напротив, даже то, что представлялось началом ложным, что на самом деле было историческим тупиком, неожиданно обнаруживает — по причине бесконечности бытия — непредсказуемые возможности прогресса.

Так иной лентяй, вроде Пушкина, который «в садах Лицея... читал охотно Апулея, а Цицерона не читал», демонстрирует в конце концов гораздо более глубокое понимание истории вообще и античности в частности, чем прилежный ученик и великий труженик типа Сальери, делающий, казалось бы, все уже в начале обучения, чтобы достигнуть реального успеха. Причем никак нельзя рекомендовать лень и бегство с уроков ни как наилучший путь к получению диплома, ни как гарантию гениальности. Перед нами извилистый круг, исключающий возможность автоматического результата и предсказания. Но отсюда, вопреки Делезу, вовсе не следует, что «Ариадна повесилась». Пост фестум мы постигаем высшую разумность того, что произошло, но это не разумность логоцентризма, она не может заранее содержаться даже в самой гениальной голове, это разумность, почерпнутая из бесконечности.

Перекрещивание двух кругов развития происходило на протяжении всей истории человечества, начиная с первых этапов и шагов этого движения, оно характерно и для до-человеческой истории природы, но замечена и понята эта форма диалектического движения после ее «классики» — советского нетрадиционного термидора. Так, «в ходе истории свободного Запада мы наблюдаем возрождение на западной почве худших форм азиатского деспотизма», — говорил Мих. Лифшиц в своих лекциях о русской культуре (1943 года). И продолжал: «В то же время “восточное” развитие явилось исторической

основой, на которой только и могло происходить последующее “западное” развитие. Кто был первым “западником” мира? Та общественно-политическая верхушка, которая создавалась высоко над миром архаических восточных общин. Такого рода “западничество” мы найдем уже в Египте, Вавилоне, Персии, в эллинистической монархии, в Древнем Риме. Таковы по своему характеру действия цивилизованного правительства, господствующего над огромным миром однообразных, замкнутых в себе крестьянских общин»¹.

Это не значит, что подлинным началом был Восток и азиатская деспотия, а не греческая демократия. Это значит, что «не старое и новое противостоят друг другу в истории культуры, не Восток и Запад, не архаическая крестьянская демократия и передовой, прогрессивный европейский элемент. В русской истории более конкретные и определенные сочетания — положительные и отрицательные — противостояли, хотя и по-разному, на каждой ступени развития»².

Почему более конкретным и определенным было сочетание именно России с марксизмом в начале века, а не Запада с плодами своего же, то есть более, казалось бы, органического для Запада, а не России, духовного развития, классической философской, экономической, политической мысли и культурой? Потому что тот «удобный средний путь» (Мих. Лифшиц), который избрал Запад, дал великие результаты, но в нем была непреодолимая на западной почве ограниченность, заключенная в демократии на основе частной собственности и рынка. Западная форма демократии в конце концов выродилась в совершенно бездушный формализм. Напротив, пугачевская справедливость, от которой веяло, по словам Пушкина, «пиитическим ужасом», позволила российскому народу пойти на тот «штурм неба», на который оказались в конечном счете не способны народы Запада, несмотря на то что пролетариат там был несравненно более, чем в России, развит и организован, во всяком случае, по формальным признакам. Пугачевская справедливость — «казнить так казнить, жаловать так жаловать» — была продуктом той «демократии несвободы» (К. Маркс) традиционного российского деспотизма, который уходил своими корнями в общину. Последняя, по словам Маркса, «на

¹ Лифшиц Мих. Очерки русской культуры. М., 1995. С. 87.

² Там же. С. 90.

протяжении всего Средневековья была единственным очагом свободы и народной жизни»¹ не только в России, но и на Западе, и там она «погибла незаметно в обстановке непрестанных войн и переселений; возможно, она умерла насильственной смертью»². Напомним, что в российской общине Маркс видел «элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, которые еще находились под ярмом капиталистического строя»³.

Впрочем, это был такой неотразимый факт, что его видели и правые, и левые, и панслависты-державники вроде Н. Данилевского и К. Леонтьева, и русские революционеры от Н. Чернышевского до террористов-народовольцев. Но если у Данилевского и Леонтьева, а затем у евразийцев, этот факт превратился в концепцию вечного противоборства двух непримиримых и несовместимых, замкнутых в себе цивилизаций — России и Запада, — то диалектика Лифшица позволяет различать черты азиатчины, делающие ее первой формой «западничества», т.е. либерального реформирования «сверху», а на Западе различать возвращение его к азиатчине на вершине прогрессивного капиталистического развития. Материалистическая диалектика видит разные формы сочетания противоположностей, образование многих своеобразных кругов движения и их пересечения.

Многие русские крепостники-изуверы были при этом утонченными западниками и либералами, их выразительные образы нарисованы и Тургеневым, и Толстым, и Достоевским. Не лучше были и такие патриоты-почвенники, как шеф жандармов Л.В. Дубельт, считавший распространение книгопечатания величайшим грехом западной цивилизации и одновременно превосходно писавший и говоривший по-французски. Плоды западной культуры он считал полезными только высшему сословию России. Напротив, Пушкин мечтал о таком Робеспьере на российском троне, который бы, подобно Петру, соединял западное просвещение с народом, плодя новых Ломоносовых.

«В чем же главнейшее своеобразие нашей истории?» — ставил Мих. Лифшиц вопрос в 1943 году перед своими слушателями, офицерами Военно-морского флота, и отвечал: «В том, что две противопо-

¹ Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. Изд. второе. Т. 19. С. 418.

² Там же. С. 417.

³ Там же. С. 401.

ложнейшие формы соединения Востока и Запада в нашей стране не только развились, но и разошлись наиболее полно. И важна не противоположность Востока и Запада, не противоположность этих двух форм, а их поляризация. (...). Следствием крайней поляризации, — продолжал Лифшиц, — которая являлась как бы законом нашей истории, было то, что если перед нами прогрессивные явления нашего прошлого, то это явления действительно прогрессивные, удвоенные в своей силе. Если же перед нами явления отрицательные, реакционные, то также удвоенного характера: принадлежавшие к самым темным, самым черным из всех, какие когда-либо были в истории»¹.

Демократизм русского рабочего и крестьянина, пошедших на почти самоубийственный подвиг всемирной революции, был удвоенного характера, он был синтезом пугачевской справедливости и гуманизма европейского культурного развития. С одной стороны, этот удвоенный демократизм воплощался в Ленине, с другой — в том крестьянине, который жертвовал собой, чтоб землю крестьянину в Испании отдать. Этот удвоенный демократизм сдвинул мировую историю с мертвой точки, придал ей новый вектор развития, результаты которого можно видеть в масштабном реформировании всей западной экономики.

Но этот же демократизм русского крестьянина был не только самым глубоким, но и, по словам Ленина, самым грубым, он заключал в себе элементы и такой грубой уравнительности, которые равнозначны черносотенству. Центр исторического движения, рожденного Октябрем, стал в результате непреодолимых трудностей, возникших перед революционной Россией, оставшейся в одиночестве, смещаться к другой паре противоположностей, к другому типу поляризации (Л. Дубельта и К. Победоносцева, условно говоря, на одном полюсе, а на другом — хама и насильника, «чумазого» Салтыкова-Щедрина, Шарикова М. Булгакова), и цикл исторического движения в России XX века принимал все более извилистые формы. Яростные фанатики периода Октября и коллективизации, «каплуны тощие», ко второй половине 30-х годов стали естественно трансформироваться, по словам Лифшица из его статьи 1934 года «О культуре и ее поро-

¹ Лифшиц Мих. Очерки русской культуры. М., 1995. С. 91–92.

ках», — в «каплунов жирных», иначе говоря, сталинских термидорианцев, возрождавших черты русской империи по образцу Дубельта и Победоносцева, а не Пушкина и не Ломоносова. При этом мы стали черпать на Западе не лучшее, а худшее в нем, как это делали русские либералы-западники, осмеянные великой русской литературой. Отцом советского либерализма оказался товарищ Сталин¹ — такова логика извилистого круга нашей послеоктябрьской истории.

Напротив, после Великой депрессии 30-х годов буржуазный Запад сумел мобилизоваться, актуализировать все свои внутренние резервы и усвоить — в экономике, социальной сфере и даже культуре — многие плоды нашей послеоктябрьской истории, от элементов планирования в экономике, до социальной, почти социалистической политики и «защиты прав человека». Прозападная до мозга костей В. Новодворская, идеолог российского олигархического капитализма, провозглашающая на митинге в защиту народа Чечни, на котором не было красных флагов, слово в слово марксистский лозунг — «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы», — один из ярких символов и знаков этой парадоксальной исторической трансформации. Два круга мировой истории вновь в середине XX века пересеклись, что дало удивительный результат, остающийся загадкой для самых просвещенных умов и по сей день.

¹ Однажды, вспоминает К. Симонов, Сталин сказал ему в личной беседе: «Мы здесь думаем... что Союз писателей мог бы начать выпускать совсем другую “Литературную газету”, чем он сейчас выпускает... “Литературная газета” как неофициальная газета может быть в некоторых вопросах острее, левее нас, может расходиться в остроте постановки вопроса с официально выраженной точкой зрения. Вполне возможно, что мы иногда будем критиковать за это “Литературную газету”, но она не должна бояться этого, она, несмотря на критику, должна продолжать делать свое дело». Я очень хорошо помню, — заключает Симонов, — как Сталин ухмыльнулся при этих словах» (См.: «Знамя». 1988. № 3. С. 62). Так в СССР возникла легальная либеральная оппозиция, во главе которой, разумеется, стояли люди, лично преданные диктатору. Старая, известная еще со времен императорского Рима политика!

Эту загадку не разрешить, не усвоив азов материалистической диалектики, известной уже Марксу, но уточненной событиями российского термидора 30-х годов и всей мировой историей XX века.

Две формы единства противоположностей, два типа поляризации в России XX века — это союз марксизма ленинского типа с российским рабочим и крестьянином вроде восставшего Платона Каратаева и Пугачева, с одной стороны, а с другой — союз бывшего большевика, уничтожившего большевизм физически, и склоняющегося к западной практике манипулирования, то есть либерализму, с черносотенным крестьянином-революционером, появление которого было замечено Лениным как характерное явление революции. Один круг движения вырастает из другого, но при этом центр его качественно меняется, революция перерастает в контрреволюцию.

На Западе движение конца XIX и начала XX веков к архаике азиатского деспотизма сменяется или, скорее, дополняется другим циклом, связанным с первым, но тоже при изменении характера центра этого первого круга: мировая история делает после 30-х годов заячий скачок в сторону, снимая «сливки» с послереволюционной России. В результате появляются такие образования, как «шведский социализм» или социально ориентированная экономика. При этом и первый круг начала века тоже сохраняется, пересекаясь со вторым, ибо бюрократизация и омертвление всей социальной и культурной жизни на Западе не уменьшаются, а прогрессируют.

Итак, в соответствии с «теорией тождеств» Мих. Лифшица, перед нами четыре случая соединения противоположностей, а образующаяся в результате их пересечения пятая позиция есть та реальная «мировая линия», которую мы можем эмпирически созерцать. Эта пятая позиция, то есть «мировая линия», если не рассматривать ее с точки зрения «теории тождеств», кажется совершенно иррациональной, во всяком случае, опровергающей азы марксизма и диалектики.

Обратимся, например, к явлению, поставившему в тупик всех марксистски ориентированных авторов, в том числе представителей франкфуртской школы и их последователей, — пресловутому исчезновению пролетариата или утрате им своей исторической миссии, растворении значительной части людей наемного труда (на Западе) в «среднем классе». При этом столь же очевидно и прямо противоположное: увеличение армии наемного труда и количественно, и ка-

чественно, под марксово определение пролетариата попадает, например, и прежняя интеллектуальная элита. К тому же, замечает Т. Адорно, «ставшая притчей во языцех инфантильность масс есть выражение того факта, что они не могут быть действительными хозяевами своей судьбы»¹. Однако как соединить эти равно достоверные, но противоречивые факты? Непосредственно они не соединяются, т.к. рост пролетариата сопровождается явлениями, прямо противоречащими его революционной сущности. Отсюда Т. Адорно делает вывод, из которого выросла философия и логика постмодернизма: старые капиталистические черты сохраняются, «сущность» старая, но реальные явления этого современного мира из старой сущности не вытекают, не объясняются ею. Между внутренним и внешним, сущностью и явлением нет уже больше, как в старые добрые времена, диалектического взаимодействия противоположностей, тождество последних заменяется зияниями и «различиями» Делеза, «парергоном» Деррида.

Непосредственное, линейное соединение противоположностей — черта идеалистической логоцентрической диалектики. Путь от сущности современного капитализма к явлениям современности не прямой, он опосредован четырьмя по крайней мере видами тождеств противоположностей капитала и наемного труда и взаимодействием между возникающими в результате этих тождеств типами круговых движений. Ни в одном из этих кругов противоречие между трудом и капиталом адекватно не воплощается, а только искаженно и сложно-опосредованно.

В СССР, который двигался в цикле, возвращающем его к азиатчи-не старого русского державничества, пролетариат становится полу-рабом (крестьянство — полукрепостным), полупенсионером у государства, которое возвышается над ним подобно древним азиатским деспотиям. На Западе наблюдается похожий процесс благодаря росту социально-ориентированной экономики, обществу потребления и массовой культуры. Все это хорошо известно и неплохо описано в современной западной социологической литературе, в первую очередь — в социальной философии франкфуртской школы. Омеща-нившимся Западу и до некоторой степени СССР противостоит революционный Восток — «мировая деревня». Такова известная маодзе-

¹ Adorno Th. W. Op. cit. S. 157.

дуновская логика, являющаяся пародией на гегелевскую логоцентрическую диалектику, но пародией вполне реальной.

Не в абстрактной противоположности Запада и Востока дело, а в конкретных, определенных сочетаниях этих начал. Линия водораздела между мировым капиталом и мировым рабочим классом проходит внутри многообразных конкретных тождеств и циклов движения, между этими циклами. В СССР позднего периода, а затем в перестроечной и постперестроечной России цикл, в котором передовой Запад соединяется с низовыми движениями за справедливость в мировом масштабе, не исчез, но практически не заметен, хотя именно благодаря этому циклу в конечном итоге возникли все великие достижения XX века и в СССР, и на Западе. Такие фигуры, как Василий Теркин (А. Твардовского) и Иван Денисович (А. Солженицына) — порождения этого цикла. Однако парадокс истории, который разрушил все благие иллюзии старых большевиков, заключался в том, что этот первый цикл смог выжить в XX веке и просуществовать практически вплоть до конца этого века потому, что на смену ему пришел совершенно другой, со смещенным первоначальным центром — цикл сталинского нетрадиционного термидора 30-х годов. Но этот же второй цикл, до известной степени позволивший выжить СССР в сложнейшей исторической ситуации, практически уничтожил в конце концов первый, революционный цикл. Когда державническо-бюрократически-азиатские тенденции окончательно победили в СССР, социализм внезапно рухнул.

Западная левая социологическая литература ярко в литературном отношении изобразила процесс превращения современного пролетария в «одномерного человека». Но вне поля ее внимания оказался прямо противоположный процесс — а именно, чем больше западный пролетариат в целом обуржуазивался, чем больше над его сознанием господствовала «массовая культура», тем больше были научные и технические успехи западного общества, порожденные «одномерным человеком» Г. Маркузе. Этот реальный факт отражен в разнообразных концепциях «индустриального общества», «информационного общества» и так далее, но столь же односторонне, как и в левой литературе франкфуртской школы.

Реальные факты и явления современности не могут быть объяснены ни логоцентрической диалектикой, ни ее отрицанием в совре-

менной рационалистической или иррационалистической философии, которая просто узаконивает бессмысленность и иррационализм. Реальная логика была гораздо более сложной и парадоксальной. Соединение полюсов — внутренних возможностей капитализма и самых ценных результатов опыта строительства социализма в СССР — дало феномен «потребительского общества», «массовой культуры», «одномерного человека». Но отсюда не следует, что исключительно благодаря «массовой культуре» и «одномерному человеку» достигнут впечатляющий экономический, социальный и научный прогресс. Как нельзя утверждать, вслед за «советским марксизмом», что только вопреки. Не только вопреки внутренним возможностям капитализма, но в известной степени и благодаря им человечество во второй половине XX века совершило новую научно-техническую революцию. В какой мере благодаря? В той, в какой Россия начала XX века стала возвращаться не к азиатскому деспотизму и мертвечине, монополизму образа начала XX века, а к тому европейскому, западному первоначалу, которое возродилось в наше время благодаря великому подвигу русского крестьянина и рабочего. История движется не линейно, а неожиданными и непредсказуемыми скачками в сторону, неравномерно. Запад в XX веке не вернулся к своему первоначалу, к своему подлинному началу, то есть архаике — общественности, общинности, но он смог совершить выдающийся технологический прорыв во второй половине XX века потому, что революционная Россия, сохранившая основы общинного строя, насильственно разрушенного, по предположению Маркса, на Западе еще в период Средневековья, сумела до известной степени осуществить это возвращение.

Но то, что буржуазный Запад получил от революционной России, усилило не элементы социализма, а перезрелый и умирающий капитализм. И этот парадокс тоже не был случайностью. Так, например, все левые движения на Западе поддерживали СССР в его противостоянии мировому фашизму, закрывая глаза на ужасы и преступления сталинского режима, и это было правильно. Но победа во Второй мировой войне усилила именно Сталина и его режим, что стало ясно еще до окончания этой войны. По этой же парадоксальной, но реальной логике результаты героической борьбы рабочих и крестьян во всем мире, не только в СССР, присваивались не столько социализмом, сколько капитализмом.

Ко второй половине XX века на обоих полюсах двухполярного мира усиливались не элементы социализма, а его противоположность. Но нельзя упускать из виду парадоксальность этих процессов, иначе говоря, действительное содержание их выражалось в неадекватных формах. Повсюду, во всем мире, в том числе и в третьем, количественно и качественно росла и увеличивалась армия наемного труда, ибо современный профессор и высококвалифицированный компьютерщик живут только продажей своей рабочей силы, а не доходом с принадлежащего им капитала, равно, как и латиноамериканский крестьянин. Однако по своему реальному положению в конкретном социально-экономическом цикле ни советский, ни американский, ни китайский или бразильский рабочий не являлись классическими пролетариями, а в той или иной степени все они — до известной меры — «пенсионеры» или рантье. Ибо господствующим циклом во всех современных общественных системах является тот, что рожден соединением реакционных конечных продуктов исторического развития со столь же реакционными, «азиатскими», «архаическими» началами. Все революционные, прогрессивные круги и циклы в современном мире сместили свои центры и породили такие извилины исторического движения, которые не только кажутся совершенно иррациональными, но в известной мере являются ими. В этой реальной иррациональности действительности второй половины XX и начавшегося XXI веков — известная правота постмодернизма вообще с его идеей симулякра и Деррида в частности, для которого титаническая борьба Маркса с призраками времени была не только проигранной, но и в основе своей заключала якобы теоретическую ошибку, ибо *призрачность* от духа, то есть идеального начала реальности, согласно Деррида, не отличается¹.

Перекрещивающиеся круги исторического процесса в XX веке разрезали мировой пролетариат на такие «половинки», которые нельзя соединить непосредственно. Линия разреза проходит внутри современного работника наемного труда, образуя две его души подобно тому, как две души было у советского крестьянина: одна его душа, по словам Лифшица, в колхозе работает или, скорее, мается, а другая живет в советском бюрократическом аппарате, который давит это

¹ Деррида Ж. Призраки Маркса. М., 2006. С. 174–174 и др.

же крестьянство, поскольку этот аппарат не только по своему физическому составу в значительной мере происходил из крестьянства, но и перенял его «дух» — увы, не дух честного труженика Платона Каратаева и Федора Кузькина, а дух «чумазого», воплотившийся в секретаря райкома Мотякова (из повести Бориса Можаяева).

Дело в том, что такие полярности, как СССР и США, мировой город и мировая деревня, являются превращенными формами противоречия труда и капитала. Когда в революционной России стала побеждать связка — Сталин или Берия на вершине общественной пирамиды, а у подножия ее «чумазый», сын лавочника (из повести М. Кураева «Ночной дозор»), который стал сотрудником НКВД или секретарем райкома, то это страшное явление в конечном счете усиливало мировой капитал, но в конкретных обстоятельствах новый служивый, номенклатурщик, *в известной мере* работал на СССР и способствовал его победе в борьбе с фашизмом. Следовательно, не только вопреки «чумазому» Салтыкова-Щедрина, ставшему советским партийным деятелем, выжил социализм в мировой схватке, но в известной мере и благодаря ему. Такие парадоксы делают историческую картину фантазмагорической. Но вовсе не лишенной смысла.

Где современный пролетариат? Нигде и везде, он одновременно и виртуален, и реален. Отсюда популярность таких представлений, как «множество» М. Хардта и А. Негри. Эти авторы описывают реальный феномен, раздробленное множество, и делают вывод, что это множество в его нынешнем состоянии и есть то, что пришло на место пролетариата и заменило его¹. С тем же правом мы могли бы сказать,

¹ Уже Бланшо, по утверждению Деррида, размышлял прежде всего «о том, как “удержать вместе” само разнородное. Не удерживать вместе разнородное, но отправляться туда, где само разнородное “удерживается вместе”, не повреждая несвязность, разбросанность и различия; не устраняя гетерогенности другого. «От нас требуется (а может быть, таков наказ), — говорил Деррида еще в 1993 году, — самим явиться в будущее, объединиться в этом мы — там, где разнородное стремится к этому уникальному соединению, не руководствуясь концепцией и гарантированной детерминацией». «Это союз, — продолжает Деррида, предвосхищая концепцию «множества» Хардта и Негри,

что такие фигуры как Федор Кузькин и Мотяков, образуют единое «множество» советского общества периода коллективизации, Второй мировой войны и послевоенной истории СССР. Ведь оба они работали на СССР, каждый — по-своему, и каждый был по-своему необходим, при том, что честный труженик и партийный бюрократ образуют не гомогенное, а гетерогенное парадоксальное единство. Не близкая ли (разумеется, парадоксально близкая) современной западной и «левой» концепции «множества» советская бюрократическая новация брежневской эпохи — о растущей якобы однородности советского общества, об образовании нового социального единства, «советского народа» — способствовала распаду СССР и историческому поражению социализма? Ибо эта новация мешала видеть, как в недрах якобы однородного советского «множества» созревает «новый русский», будущий олигарх. Так самая острая и честная мысль талантливых левых современного Запада возвращается, неведомо для себя, к доморощенным фантазиям тупого российского бюрократа эпохи брежневского «застоя», образуя новый порочный круг.

История пульсирует, концы соединяются с началами парадоксальными скачками в сторону. Движение назад есть необходимость для движения вперед. Вопрос в том, как соединяются противоположности. Если как в Октябре 1917 года, то история идет вперед. Если возникает возвращение неортодоксальной мысли к Победоносцеву, вульгарной социологии 20-х годов или идеологическим новациям брежневского времени, то перед нами гримаса истории, ее насмешка.

Впрочем, различие двух типов движения, двух видов возвращения, двух видов синтеза противоположностей — только начало материалистической диалектики. Последняя способна видеть, как эти два противоположных синтеза взаимодействуют, как «ложный» синтез приходит на помощь «истинному», когда истинный встает перед исторически неразрешимой проблемой. Думать, что можно непосредственно из Чапаева и Пугачева сделать Канта и Маркса, без особых

начало см. на с. 233 — объединяющий без объединения, без организации, без партии, без нации, без государства, без ответственности («коммунизм», который мы впоследствии назовем новым Интернационалом)» // Деррида Ж. Призраки Маркса. С. 47.

проблем соединить эти противоположности, создав за несколько лет в крестьянской стране богдановскую «пролетарскую культуру» без органического усвоения норм демократии и правового государства, без усвоения достижений буржуазной бытовой культуры, — реакционная утопия, что неустанно доказывал Ленин своим сторонником после победы Октября. Столь же опасна, на мой взгляд, концепция «множества», в коренном недостатке, — распыленности и хаотичности — современных движений сопротивления видящая их достоинство. Противоположности (гетерогенность и единство), как во всякой «дурной» логике, т.е. софистике, соединяются непосредственно.

Непонятая, на мой взгляд, до сих пор материалистическая диалектика Ленина подсказала ему возможный выход из тупиковой ситуации истории: дополнить «истинное» единство противоположностей — «ложным», то есть совершить сознательное и контролируемое революционной властью пересечение двух кругов, двух циклов. Вместо стихийного смещения центров двух противоположных циклов — опосредованное сознательной волей революционного класса. После Октября «чумазый», т.е. мелкий лавочник, быстро шел к власти, смещая центр революционного цикла в сторону возрождения великодержавной, большевистско-черносотенной империи. Ленинский план нэпа был попыткой так встроить этот реакционный цикл в революционный, чтобы общий центр их способствовал делу революции, а не контрреволюции. План этот потерпел поражение, и где ныне оказался центр мировой истории? Он именно прошел между, хотя и не так, как надеялся Ленин, он переместился на Восток, а Восток оказался в центре Запада, причем, самый отсталый и самый реакционный. То есть центр оказался виртуальным, неуловимым?

Да, противоречие труда и капитала проявляется не в форме столкновения западного капиталиста и западного рабочего. Это противоречие не отменяется, но оно выражается во вторичных формах. Столь же примитивна идея о столкновении мирового города и мировой деревни: внутри мировой деревни решается вопрос о форме синтеза и форме противоречия. Там, где Пугачев и Чапаев или чилийский, венесуэльский крестьянин соединяются с Марксом и Лениным, Шекспиром и Толстым, — там мировой пролетариат ведет успешную борьбу против мирового капитализма. Там, где современный Чапаев соединяется с черносотенством, с западным фашизмом, с Бен Ла-

деном, — там побеждает мировой капитализм, который ведет к войнам и бессмысленному терроризму. Вопрос о вторичных формах существования первичного противоречия очень важен.

Дело в том, что вторичные формы по видимости и по существу размыывают первичные. Противоречие между трудом и капиталом неустранимо в рамках капиталистического способа производства, но не только и не столько в непосредственной экономической борьбе выражается это противоречие, как было ясно уже Ленину, автору «Что делать?». М. Хардт и А. Негри верно пишут о «возрастающей нераздельности явлений экономики и культуры»¹, что предполагает новую культурную революцию, сравнимую с французским Просвещением. Но возможен ли такой подъем человечества? Необходимость его для всеобщего освобождения очевидна: отказ от массовой культуры разрушает одну из тех чрезвычайно вредных надстроек современного капитализма, которые, пожалуй, еще более разрушительно действуют на развитие всеобщих производительных сил человечества, чем милитаризм. Первые симптомы стихийного осознания этого: антиглобалистское массовое мирное движение.

Но необходимо учитывать и важность зла для всемирной истории, важность ложного соединения противоположностей как необходимой, увы, замены верного решения, но проигравшего, потерпевшего трагическое поражение в данное время по ряду объективных причин. Та же массовая культура (как «дополнение» Ж. Деррида) до известной степени являлась условием нового подъема производительных сил — не только вопреки, но и благодаря массовой культуре стали возможны персональные компьютеры. Мировая линия проходит между двумя синтезами противоположностей, один из которых — симфонический, а другой — какофонический.

Массовая культура — один из тех факторов (гипертоническое разбухание второго подразделения общественного воспроизводства), которые сделали возможным тенденцию нормы прибыли к повышению, они стабилизировали мировой капитализм. Но они же, эти факторы, неизбежно будут порождать протест против «потребительского общества» и массовой культуры — пробуждение духа целого. Если пробуждение этого духа было возможно в период раннего хри-

¹ Хардт М., Негри А.. Империя. М., 2004. С. 258.

стианства, почему мы должны исключать его сегодня? Правда, протест против «потребительского общества» и его ценностей превращается в реальную социальную силу не столько на Западе, сколько на периферии современной цивилизации, приобретая формы реакционного мусульманского терроризма.

Так перерос капитализм свои границы или нет? Да, перерос, он стал устойчивой переходной формой — «между» — вроде утконоса. Но он перерос потому, что, как Кощей Бессмертный, поместил свою смерть в яйцо, то есть за свои пределы, и этого Кощея убить стало очень трудно — в прямом столкновении с ним даже невозможно, и в то же время убить его очень просто — достаточно найти это яйцо и сломать заключенную в нем иглу. Вопрос о судьбе современного капитализма решается сегодня в Ираке, Чечне, Палестине, Китае и российской глубинке не меньше, чем в Париже и Нью-Йорке. Но разве думает тот, кто делает выбор между исламом, торговлей наркотиками и альтерглобалистским движением, что от его выбора зависят судьбы мира? Что поможет ему думать об этом?

Судя по всему, готовящийся мировой кризис. Значит ли это, что экономические проблемы заменяются чисто культурными? Настало время думать о «благородной вторичности духа», о том, что духовные вопросы могут быть вторичной и в то же время самой важной формой первичных противоречий. Проблема, поставленная Достоевским: «ветошка», увы, имеет тенденцию превращаться в удавку, но, с другой стороны, иной злодей, «бескорыстно злой», мучитель может, как Дмитрий Карамазов, внезапно перейти к святости.

Это не значит, что вопрос об экономической и политической борьбе снимается. Совсем напротив, речь идет о создании армий, способных противодействовать эскалации всемирного насилия. Но для того, чтобы такие армии были созданы, необходима общая, то есть духовная, основа. Так было уже во времена «Что делать?» Ленина. Но во времена Ленина объект протеста был очевиден, зримо нагляден. Теперь он скрывается за различными формами ложного, превратного протеста против капитализма. Потому что ложный протест усиливает армию капитала.

Сказанное выше свидетельствует о необходимости «симфонического» синтеза, то есть соединения концов с концами. Для начала было бы важно осознать такую необходимость хотя бы в теоретиче-

ской форме. Не лишним будет напоминание, что открытие первобытности, начал человеческой истории, подтолкнуло мысль Дидро, помогло искать выход из тупика цивилизации. Однако каким же образом Пугачев все-таки найдет общий язык с Пушкиным, а исламский террорист — с Марксом? Первый шаг должен сделать, условно говоря, Пушкин, ибо он имеет шанс понять Пугачева, и Пушкин действительно понял Пугачева, русского мужика, более глубоко и верно, чем собственно крестьянские писатели и поэты. Нужно быть графом, чтобы стать настоящим крестьянским писателем. Вот пример «перекрещивания», необходимых скачков в сторону, как закона мировой истории и культуры, закона, открытого и советским философско-эстетическим «течением» 30-х годов (Мих. Лифшиц, Г. Лукач, Е. Усиевич и др.). «Саша, — говорил наполовину в шутку, а наполовину всерьез Мих. Лифшиц А. Твардовскому, — тебе для того, чтобы стать настоящим народным поэтом, не хватает только дворянского происхождения». Пародия на эту реальную парадоксальную логику развития культуры, эрзац этой реальной закономерности — добровольный поход современной модернистской и постмодернистской интеллигенции «в дураки», то есть намеренный, искусственно культивируемый примитивизм.

Для масс путь встречного движения к Пушкину, Шекспиру и Марксу не прямой, а очень трудный и постепенный, не требующий спешки. Самая большая опасность — думать, что можно перескочить через длительный этап органического усвоения культуры. Надо снять все преграды для такого труда усвоения, но не сам труд. Думать, что можно перескочить через необходимость органического развития, усвоения всех реальных достижений предшествующего развития — это самая вредная мысль, которая погубила революционную Россию. Современная элита, в том числе и революционная, которая «идет в дураки», культивирует искусственный примитив (вроде контркультуры 60-х годов XX века), объективно смыкается с той мировой «темной демократией», которая в лице Смердякова и Шарикова (героев Ф. Достоевского и М. Булгакова) считает себя умнее всех профессоров и учит их уму-разуму свысока.

Идея российского «течения» 30-х годов XX века, открытая им неравномерность и скачкообразность исторического развития, проявляющаяся в феномене «великих консерваторов человечества» (от

Платона до Гегеля, Бальзака и Толстого), более ценных для революции, чем многие собственно революционные мыслители, писатели и художники, эта идея помогает сегодня понять и *относительную* необходимость симулякров, ложного решения и ложного синтеза противоположностей. Так, например, М. Булгаков поднялся до понимания высокой трагедии современности не только вопреки своим контрреволюционным убеждениям, но в известной мере и благодаря им, ибо без иллюзий барина, доброго хозяина не была бы видна вся острота проблемы мировой шариковщины, смердяковщины, «темной демократии», которая погубила революцию. Так проявляется относительная правда классового врага, о которой писал Ленин.

Пример рабочего и крестьянина — А. Платонов и А. Твардовский. Пример аристократов духа — М. Булгаков, О. Мандельштам, М. Нестеров. В идеале эти противоположности должны были найти друг друга, и если бы аристократ и мужик соединились органически, то революция вышла бы из тупика. До известной степени такое соединение осуществилось, и возникли шедевры — «Мастер и Маргарита» Булгакова или «Василий Теркин» Твардовского. А чему Маяковский научился у крестьянина и рабочего? Искусственный примитив, политический плакат, созданный им, был в значительной степени итогом революционного «похода в дураки». Дурной эстетизм этого намеренного искусственного примитива: С. Эйзенштейн с его «Иваном Грозным» — сознательный сервизм (кстати, не всем ли «левакам» свойственный? В. Шкловский и его приспособленчество, о котором еще в 30-е годы гневно писал И.А. Сац). «Буденовщина» и ЛЕФ, их сближение, вплоть до союза (сталинизм), что понять нетрудно. Труднее понять, как возможен Маяковский — более значительное явление, чем традиционно-классический Есенин. Его значительность в том, что ложный синтез был все же не только реальной формой, но в известной степени и необходимой. На этой основе — ложного синтеза, правда, уже не леваческого, а его противоположности, выросшей из левачества (державность + социализм = сталинизм), — возникали города, строилась страна.

Но о чем в итоге говорят эти парадоксы? О том, что если мы хотим избежать повторения сталинизма или фашизма, то нужно видеть и понимать те «скачки в сторону» мировой истории, которые породили их. И сопротивляться дурному синтезу, соединению крайностей

со знанием дела. А это значит — видеть и понимать *относительную* необходимость, а в иных случаях, даже прогрессивность архаических, даже реакционных явлений. Ибо такое понимание есть действительная теоретическая основа для практической борьбы с искусственным примитивом, один из ярчайших примеров которого — современный исламский терроризм! Ибо последний есть продукт ложного синтеза Востока и Запада (Бен Ладен, хорошо усвоивший уроки Запада — наглядный пример этого ложного синтеза).

Итак, история в XX веке не была бессмысленной, те явления, которые кажутся опровержением великого освободительного проекта человечества, на самом деле демонстрируют реальность этого проекта, который, однако, придуман не человечеством, а есть логика самой действительности. Скачки в сторону, кажущиеся простым хаосом, заключают в себе разумность, которую трудно заранее уловить и угадать. Она проявляется только пост фактум. Кто мог предположить заранее, что «законсервированная» в России община потребует Запад для выхода из его собственных противоречий, из которых сам Запад выхода бы не нашел? Кто мог предположить, что грандиозный рывок России к социализму, героизм ее народа, а также пробудившийся революционный Восток, возникший в результате народного героизма уродливый «азиатский социализм», — все это необходимо мировой истории для того, чтобы на почве ожившего капитализма появилось «постиндустриальное общество», произошел новый рывок в развитии производительных сил, совершенный в конечном итоге таким современным пролетариатом, который существует виртуально, но все же существует, без всякого сомнения, хотя и в виде «множества»?

Наконец, сама история в качестве необходимого условия своего дальнейшего продолжения и существования требует усвоения материалистической диалектики, существенно уточненной на почве современной, и прежде всего российской истории, а без этой уточненной и усвоенной левым движением диалектики «множество» так и останется манипулируемым хаосом, ведущим мир к катастрофе — вместо того чтобы «множество», совершив культурную, и затем и социальную революции, превратилось в субъект истории.

И потому европейцам надо думать в первую очередь не о том, как поучить арабов и мусульман с высот своего просвещенного раз-

ума, а поучиться на Востоке тем азам демократии, о которых Запад потерял какое-либо представление. Забытые Западом первоосновы, первичные феномены демократии вышли наружу в русской крестьянской революции с такой силой, что позволили российскому народу подняться в XX веке до истинных чудес самопожертвования и героизма, не только освободив Европу от фашизма, но и указав пути реформирования для западной экономики. Речь идет, таким образом, о необходимости современной духовной революции на Западе, которая станет возможной лишь в том случае, если Запад обнаружит способность учиться у арабов и мусульман (как Ленин советовал учиться у крестьянина) — не говоря уже об усвоении российского опыта — с той же глубокой детской непосредственностью, с какой греки учились у цивилизаций Древнего Востока.

Вот наглядный симптом необходимости сближения противоположностей. В одной из последних своих книг Ж. Деррида предлагает вернуть разуму его права: для того, пишет он, «чтобы разум вспомнил о своей самостоятельности, его необходимо разумно переосмыслить»¹. Мы не выживем, предупреждает на пороге своей смерти философ, если не сможем «сплотиться одновременно и против американской гегемонии (...), и против арабско-мусульманского теократизма, лишённого Просвещения и политического будущего (стоит обратить внимание на противоречия, на проистекающие отсюда процессы, на гетерогенности внутри этих блоков и заключить союз с теми, кто сопротивляется им изнутри)»². Задача сформулирована верно, но, увы, та философия, которую создавал на протяжении своей жизни Ж. Деррида, философия, по его собственным словам, «полноты неопределенности», замыкает и мысль, и действие в порочном круге, а не выводит за его пределы.

Поиски «полноты истины», плеромы в мировой истории вообще и российской истории в частности, привели Мих. Лифшица к выводу, что сегодня необходим, по его словам, не «эклектический синтез на западный лад», но и «не дубовая антитеза на восточный». В наши дни

¹ Derrida J. Schurken. Zwei Essays ueber die Vernunft. Suhrkamp Verlag. Frankfurt am Main. 2003. S. 215.

² Деррида Жак. Наконец-то научиться жить (последнее интервью) // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 139.

неудержимо стремление народов *вернуться к себе*, а не стоять в позе робкого ученика перед старшим братом. Вот это движение и должно быть продолжено, но путем более точных отличий и дифференцирований.

Вы хотите вернуться к себе, почему же так сильно зависимы от Запада и его ложных ценностей? Разве не тайная зависть к успешно-му и благополучному «золотому миллиарду» и бешеная уравни-тельная энергия, жажда мести — наряду с самоотверженным героизмом — лежит в основе современного фундаментализма и терроризма? Различите в себе то, что возвращает вас к себе, и то, что делает вас *зависимыми* от реакционного, умирающего Запада, что превращает ваш террор и бунт в необходимое средство стабилизации неправед-ных режимов и глобализации по-американски. Поучать сверху ни-кого нельзя, но поставить сократовский вопрос, побудить к самопо-знанию — обязанность каждого мыслящего существа.

Такое различение и дифференцирование — программа для целой эпохи. Наша революция родила предпосылки для новой логики. Проблема советского термидора 30-х годов: он не понятен с точки зрения не только формальной, но и гегелевской диалектической логики, которая была результатом теоретического анализа Гегелем истории Французской революции. Отрицание отрицания, в согласии с гегелевской диалектикой, приводят к тому, что все положительное со-держание процесса сохраняется в его снятии (гегелевская концепция «снятия», *Aufhebung*, справедливо подвергнутая критике постмодер-низмом). Но Гегель был все же по-своему прав, ибо в его время от-рицание революции (то есть термидор, контрреволюция) действи-тельно оказалось формой сохранения и развития ее реального бур-жуазного содержания (термидор — осуществление действительных целей Французской революции, как показал Маркс). У нас, то есть в России эпохи сталинского термидора 30-х годов, все было не так, гегелевская идеалистическая диалектика не применима к истории Октябрьской революции.

В «Науке логики» Гегеля «ничто» появляется как результат диа-лектики «бытия» и «ничто». Но великий диалектик не обратил вни-мания на такой, казалось бы, очевидный факт, что есть два вида «ничто»: смерть под трамваем и смерть как условие жизни. И потому возникают две формы тождества: симфоническое и какофоническое,

то есть по принципу — крайности сходятся. Дифференциал между ними — мировая линия.

Постмодернизм сделал предметом своего анализа переходные объекты, симулякры, «между», и в этом его теоретическая заслуга. Но действительный анализ этих неклассических объектов был у постмодернистов заменен их апологетикой, принципом «полноты неопределенности». Тогда как требование дня в эпоху господства симулякров — необходимость более тонкого и точного дифференцирования, чем в гегелевской идеалистической диалектике. Так, в отличие от Термидора Великой французской революции, российский нетрадиционный термидор 30-х годов не привел к экономическому господству революционный класс — пролетариат. В результате российского термидора возникло крайне противоречивое явление — общество, в котором необходимо различать «незаконченную законченность» этой революции и ее дурную «законченную незаконченность»¹. Что было у нас «незаконченной законченностью», подобной шедеврам *non-finito* в искусстве, то есть такой незаконченностью, что несравнимо выше слишком поспешной законченности, таящей в себе действительную незаконченность и зерно будущего разложения? Что навсегда вошло в вечность? Ленинский план нэпа. Победа в войне благодаря энантиодромии народа, возвращения его к истине Октября, вопреки сталинизму и неожиданно для самого Сталина в первый год войны.

И что было «законченной незаконченностью», что закруглилось, осуществилось, но неизбежно отомрет и уже отмерло? Как давно установлено марксистскими авторами — формальное, поспешное обобществление, породившее псевдосоциализм, государственный социализм.

Да, но мировая линия прошла «между» — не только вопреки формальному обобществлению и раскулачиванию, сталинскому деспотизму, но в известной мере и благодаря им, этим ложным синтезам.

Вот чего, по сути дела, не могут понять современные «сыновья Маркса», по ироническому замечанию Ж. Деррида. Они не могут

¹ См. об этой диалектике двух видов законченности и незаконченности: Лифшиц Мих. В мире эстетики. М., 1985. С. 190–200.

понять, что не только сталинизм, но и фашизм, как это ни чудовищно звучит для тех, кто называет себя марксистами, все же как-то связаны и с марксизмом, и с социалистической Октябрьской революцией. В ответ на обвинение, что Деррида якобы ставит знак равенства между ленинизмом и фашистским тоталитаризмом, он отвечает: «Я никогда и нигде этого не утверждал, и нигде в моих текстах нет и следа подобного “уравнивания”»¹, более того, пишет Деррида, «я никогда не воевал ни с марксизмом, ни с марксистами»². Но, с другой стороны, Деррида не облегчает себе задачу, слишком поспешно связывая концы с концами, как те современные марксисты, которые доказывают, что СССР был просто государственным капитализмом и не имел никакого отношения ни к Марксу, ни к Ленину. Следовательно, и жалеть тут не о чем, нечего оплакивать, разрушился этот псевдосоциализм, туда ему и дорога!

Но Деррида, не причисляя себя к марксистам, сожалеет о разрушенном социализме, и, разумеется, вовсе не потому, что ему нравится Сталин или ГУЛАГ, а потому, что у него достаточно научной честности и глубины, чтобы видеть *нерешенную* и не решаемую в рамках известных логических приемов и методик центральную проблему времени. Он более чем скептичен по отношению к распространенной в среде «творческих марксистов» идее, согласно которой в перерождении советской власти виновата бюрократия. Безусловно, виновата, но в бюрократизации ли самой по себе *первооснова* перерождения советской власти? Не лежат ли причины бюрократизации глубже, а именно в том, что сам революционный пролетариат, столкнувшись с неразрешимыми для него проблемами после Октября, *нуждался* в этой бюрократии, что без нее пролетариат исторически проиграл бы много раньше 1991 года, что бюрократия *до известной степени* служила советскому пролетариату? Который был в строгом смысле не классическим пролетариатом, а скорее *симулякром* его, особенно в брежневский период.

Но если это предположение верно, то именно потому, что нам дорог социализм, что нам дороги те реальные ростки его, которые сумели сохранить себя в XX веке, именно по этой причине мы долж-

¹ Деррида Ж. Маркс и сыновья. М., 2006. С. 56.

² Там же. С. 25.

ны честно признать, что между социализмом, марксизмом и страшными карикатурами на них есть все же реальная связь, как есть она, например, между телом и отбрасываемой им тенью. Напомню, что фашизм, по определению Мих. Лифшица, — «страшная тень коммунизма». В книге «Призраки Маркса» Ж. Деррида пытался выявить «логику призрачного»¹ в XX веке, то есть понять значение и смысл тех реальных теней, которые отбрасывали великие явления современности. Другое дело, насколько удачна эта попытка.

Без научной честности, к которой призывает современных марксистов Деррида, мы окажемся такими «сыновьями Маркса», которые, как он пишет, озабочены прежде всего проблемами собственности — «присвоением» и дележом марксистского наследства, точнее, окажемся такими «сыновьями», которые присваивают себе по тем или иным причинам омертвевшие марксистские ярлыки, но нечувствительны к духу этого учения, увы, ставшему призрачным в наши времена. Сможет ли этот дух стать той могучей реальной идеей, которая до сих пор покоряет сердца читателей «Капитала»? Утвердительный ответ на этот вопрос предполагает, что в соответствии с духом учения Маркса сама реальность XX и XXI веков откроется нам неожиданной, но вполне разумной, логикой.

Надо усвоить эту логику тем, кто не хочет играть в чужие игры. Возможно ли усвоение «теории тождеств», аристократической классической культуры в период господства авангардистского искусственного примитива («похода в дураки») и «одномерного человека»? Задача тем более сложна, что материалистическая диалектика, эта живая душа идей и практики Маркса и Ленина, до сих пор еще не изложена в систематической форме. Однако и в более сложных условиях человечество обнаруживало заключенные в нем необыкновенные возможности. Например, «пралогическое» мышление древних людей (вспомним Леви-Брюля) демонстрирует настоящие чудеса разумной природы человека вопреки иррациональной интерпретации самим же Леви-Брюлем этого удивительного феномена. Всемирная история, но реальная в своей фантастичности, без искусственных рационалистических и иррационалистических современных мифов внушает надежду.

¹ Там же. С. 89.

Л.Г. Истягин
Пацифизм и социализм —
тенденция к синтезу

I

К числу важнейших в теории и практике социалистических и леводемократических движений по-прежнему принадлежит проблемам войн и милитаризма. К сожалению, она же относится и к разряду тем, и в наши дни недостаточно глубоко, а зачастую, даже неверно раскрываемых в дискурсах этой среды. Как известно, лево-социалистическое крыло международного движения сто лет назад, на рубеже XIX и XX веков сделало прямую ставку на использование последствий войны в интересах революций и созидания нового, свободного от эксплуатации социального строя. Это с достаточной отчетливостью проявилось в позиции левых на предвоенных конгрессах Второго Интернационала в Штутгарте (1907 г.) и в Базеле (1912 г.). В принятой Штутгартским конгрессом поправке Р. Люксембург и В. Ленина к резолюции указывалось, что, если война, несмотря на все усилия ее предотвратить, все же начнется, то задача социалистических сил должна будет заключаться «во всемерном использовании вызванного войной экономического и политического кризиса для того, чтобы всколыхнуть наиболее глубокие общественные слои и ускорить падение власти капитала»¹.

С еще большей определенностью о своем расчете на выгодные для революции следствия войны 1913 года высказался В.И. Ленин в своем письме М.Горькому. «Война Австрии с Россией, — отмечалось здесь в связи с обстановкой на Балканах, — была бы очень полезной

¹ Борьба за мир. Материалы трех Интернационалов. // М.: Высшая школа. 1967. С. 37.

для революции (во всей Восточной Европе) штукой». Далее, правда, следовала оговорка: «Но мало вероятно, чтобы Франц Иосиф и Николаша доставили нам сие удовольствие».¹ Тут непростительно упускалась из виду неизбежная реакция Германии. Берлин, несомненно, пришел бы на помощь своей союзнице, как только последняя позволила бы себе (что и сделала через год) военное «удовольствие». Налицо, следовательно, была иллюзия локализации войны, для чего, собственно, было уже тогда крайне мало оснований. Война надвигалась именно мировая, как потом оказалось, первая глобальная.

Объективное исследование международных отношений кануна Первой мировой войны побуждает к выводу об общей недооценке разрушительных последствий войны для всего социального процесса, в том числе и для революционного. Мировая социалистическая мысль — все ее представители, а не только левые — оказалась по ряду причин не в состоянии развить идеи Ф.Энгельса последнего периода его жизни о катастрофическом характере предстоящей схватки держав. Главный (и непростительный для марксистов) просчет состоял в неверном анализе динамики производительных сил. Война в своем конкретном выражении сводится к злоупотреблению в разрушительных целях производительными силами, их, как правило, высшими достижениями (ныне такое злоупотребление, как показывает обстановка, может произойти и без войны, иными путями). С этой точки зрения предстоящую войну следовало рассматривать с приоритетным учетом внедрения в военное дело результатов происшедшей к тому времени в большинстве капиталистических стран промышленной революции. Именно этого марксистскими теоретиками не было сделано в удовлетворительной степени.

Нельзя сказать, чтобы новшества вооружений вовсе игнорировались специалистами, не принимались ими во внимание. В рядах тогда только нарождавшегося течения исследователей мира в составе либерально-пацифистского лагеря делались попытки прогнозирования войны и результатов военных действий в условиях применения новых технических средств (а к ним относились не только новые виды порохов, скорострельные орудия, но уже и химические вещества и летальные аппараты — сначала воздушные шары, а затем

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 155.

и аэропланы). В России такие оценки и предположения содержались, в частности, в шеститомном труде, составленном по инициативе и на средства известного пацифиста и коллеги (а одно время и начальника) С.Ю. Витте банкира И.С. Блюха.¹

Однако в целом, в широких общественных кругах не слишком серьезно отнеслись к предсказаниям многомиллионных человеческих жертв, гигантских разрушений и экономических потрясений. Социалисты тут не составили исключения. Для российских, возможно, сыграла усугубляющую роль неправомерно расширительная оценка опыта недавней русско-японской войны, когда военные неудачи царизма действительно в чем-то стимулировали революционный процесс. Скорее всего именно о подобной «полезной штуке» думал В.И. Ленин, когда писал свое вышецитированное письмо А.М. Горькому. Но частный опыт русско-японской войны, который не перерос в стадию крупного военного противоборства даже между этими двумя странами, не говоря уже о вовлечении в них иных держав, ни в коем случае нельзя было распространять на предстоявшую большую схватку. Отсюда и роковое заблуждение В.И. Ленина и других левых социалистических теоретиков.

С нашей точки зрения, уже Первая мировая война засвидетельствовала контрпродуктивность любых крупных и, безусловно, любых мировых войн для прогрессивных социальных преобразований, в том числе и, возможно, качественных, глубоких, революционных. Полагал бы, что именно это обстоятельство должно учитываться наряду с прочими и для идентификации той социально-политической модели, которая возникла у нас после Октябрьского переворота (но не обязательно исключительно в качестве его результата) и существовала, модифицируясь, в течение семи десятилетий. К формуле Л.Д. Троцкого о «бюрократическом извращении» нашего строя с не меньшим основанием следовало бы добавить положение о его «милитаристском извращении». На таком базисе не могла произойти реализация гуманистического идеала К.Маркса, а потому и возник-

¹ См. подробно: Истягин Л.Г. Иван Блюх и российская инициатива по ограничению вооружений в конце XIX в. Актуальные аспекты исторического опыта «пути к безопасности». // ИМЭМО РАН. 2002. № 1-2/23-24. С. 65-91.

новение чего-либо более существенного, чем «мутантный», незрелый, противоречивый, во многих отношениях ущербный, искаженный перегибами насилий, обремененный попытками администрирования и казарменности социализм, хотя развитие определенных черт общества равенства и справедливости в таком строе до известной, заведомо ограниченной степени, в разные периоды все же происходило.

К тому же вынесенная «из винтовки» болезнь авторитаризма, а то и тоталитаризма заразила вовсе не одну только Советскую Россию. В целом ряде стран, главным образом побежденных и понесших наибольшие потери, воцарились в послевоенный период самые разнообразные диктатуры и полудиктатуры. Даже в государствах-победителях, в том числе США, Франции, Англии, Бельгии, Скандинавских странах, возникали и длительное время активно действовали социальные движения экстремистского толка; в ряде случаев они опасно притязали на власть. В таких условиях не реалистично было бы ожидать созидания общественно-политических структур подлинно демократического, а тем более социалистического характера. Проведенная война, по существу, заведомо обрекала такие попытки на разные формы «мутантности».

II

К вопросу о значении войн, вооруженных конфликтов и приготовлений к ним в указанном плане необходим в любом случае **конкретно-исторический подход**. Можно найти и в довоенном прошлом, начиная хотя бы с той же русско-японской войны, и в настоящем, особенно приняв во внимание немирные формы распада колониальной системы во второй половине XX века, примеры позитивного влияния силовых методологий на общий процесс завоевания свободы народами и социальными слоями, высвобождения их от эксплуатации, нужды, голода, зависимости. Но тут, нам представляется, надо иметь в виду два важнейших, особенно для современной эпохи всеобщей глобализации, момента: обязательный критерий общепланетарной безопасности, защиту общечеловеческих и экологических ценностей, во-первых, и возникшую уже перед Первой мировой войной тенденцию стремительного нарастания витков индустриальной, научно-технической, информационной и иных рево-

лющий. Что выразилось в превращении производительных сил в разрушительные, причем с перспективой глобально-гибельной катастрофы, во-вторых.

Итоги Второй мировой войны принято оценивать с плюсом, и для этого есть весомые основания. Но не следует забывать, что она, в сущности, представляла собой второй акт единой колоссальной трагедии. Человечество в ее финале смогло в чем-то существенно исправить положение. Честь ему и хвала за такое достижение. Но это еще не говорит о позитивности общего итога двуединой мировой войны. Этот итог для человечества в целом отрицательный. Да и такие следствия самой Второй мировой, «как холодная война», с блоковыми противостоянием, разрушениями и кровопролитиями «малых» войн и разорительным балансированием на грани горячий, не следовало бы упускать из виду. Ничего себе триумф гуманизма!

Успехи народов, достигнутые в борьбе, в том числе и вооруженной, нельзя, конечно, приуменьшить. Но общее развитие милитаризма и насилия в мире закономерно вызывает — должно вызывать, — в том числе и у революционных сил, самую большую озабоченность как раз вследствие своего наложения на вторую отмеченную тенденцию — на революционизацию средств борьбы. Выход на сцену средств массового поражения (не только ядерных) делает смертельно опасным для человечества любую разборку с употреблением вооруженного насилия уже из-за неизбежной эскалации применяемых средств. То же в принципе относится и к терроризму, во всяком случае, ко многим его видам, при возможном исключении только «террора против вещей» в интересах психологического воздействия на — увы, весьма инертное — массовое сознание.

Особый случай представляют собой **гражданские войны**. В целом они не выходят за пределы общей закономерности. В каком-то плане гражданские войны, по крайней мере большинство из них в XX веке, еще хуже войн межгосударственных, межправительственных, и даже в некоторых случаях межконфессиональных и межцивилизационных (по С. Хантингтону). В гражданских войнах по общему правилу не соблюдаются нормы «права войны», действующие в обычных, официальных войнах, хотя и там далеко не всегда правовые установления носят обязывающий характер, что нам хорошо известно по опыту минувшей большой войны.

Специфически усугубленный вид гражданских войн — партизанские войны. Помимо неконтролируемой жестокости, они еще и дают длиннейшие шлейфы отравления общественных отношений ядом криминала, произвола, полууголовного и просто уголовного самоуправства. Историки затрудняются определить хронологический верхний рубеж гражданской войны. Одни, включая в эту войну также целый ряд местных мятежей и партизанских столкновений, относят ее окончание к середине 20-х годов. Другие — совсем не без основания — причисляют к гражданской войне также и раскулачивание с голодоморами (не только на Украине) и насильственной коллективизацией. Третьи предлагают включать сюда и периоды подавления басмачества и «большой террор» второй половины 30-х годов. Четвертые указывают — опять же с резонансом — на элементы (да еще какие) гражданской войны в ходе войны Отечественной. Наконец, все веселее звучат голоса тех, кто отмечает методологию гражданской войны в современный период «десоветизации» и проведения неолиберальных «реформ», включая такие феномены типично гражданской войны, как расстрел из танков парламента в 1993 году, так и незаконченную чеченскую войну, а также и иные будто бы анти-террористические операции.

В сущности, весь сталинизм был под этим углом зрения сплошной террористической партизанщиной, усугубленной сознательной установкой на непрерывное «углубление и обострение» классовой борьбы. Собственно, здесь заключен едва ли не главный аргумент против того типа общественного строя, который под названием развитого социализма был возведен в нашей стране, а временами очень не безуспешно экспортировался и за рубежи.

С учетом сказанного автор пришел к выводу, что лозунг перерастания империалистической войны в гражданскую, выдвинутый большевиками в самые первые месяцы Первой мировой и в 1917 году воплощенный им в практику, был с самого начала глубоко стратегически ошибочным. Именно он дал ориентир на строительство не просто «казарменного», но уголовно-бандитского, расхристанно партизанского порядка. Правда, попытка уйти от методов гражданской войны, беспредела партизанщины позднее все же предпринималась (хотя бы через организованные Троцким трудармии), но кончилось все после смерти В.И. Ленина победой, причем закономерной, самых

авторитарных и даже антисоциальных элементов, взявших власть «всерьез и надолго».

Гражданские войны и в наши дни в условиях глобализации отнюдь не отошли в прошлое. Они бушуют во многих регионах «третьего мира», а в форме террористических вспышек, т.н. беспорядков, то и дело, чаще всего на почве обостряющейся иммигрантской проблемы, вспыхивают и в развитых странах, включая ведущие из них. В каких-то случаях и в какой-то мере повстанческие выступления и связанные с ними войны насилия могут стать противодействием монополистической глобализации. Это, разумеется, должно соответственно учитываться при их оценке и при отношении к ним. С точки зрения левосоциалистической нельзя стричь под одну гребенку даже террористические акты. Здесь сохраняется существенный разрыв между подходами современных левых и пацифистов. Последние отвергают вооруженное насилие даже и в позитивных целях защиты от экспансии монополистического капитала и иных реакционных сил. Представляется, что намечается тенденция все же в сторону сближения обоих подходов, причем с уклоном в пользу второй, принципиально ненасильственной позиции. «Критика оружием» в наши дни становится все менее извинительной и допустимой.

Возможно, что ключевую роль в данном процессе будет способен сыграть латиноамериканский современный опыт использования инструментария гражданских войн или подобных им выступлений для поддержки и усиления происходящего на континенте теперь уж в целом ряде стран сдвига влево. На общественное мнение, особенно на молодежь и студенчество, здесь вдохновляюще действует романтика гражданской войны, образ и пример Че Гевары и иных «комиссаров в пыльных шлемах». Но сами эти движения держатся, за некоторыми исключениями (Колумбия), все же относительно скромных и во всяком случае несопоставимых с уникальными российскими масштабов. В большинстве случаев они играют роль скорее символических инструментов давления на власть, в свою очередь, злоупотребляющую милитаризмом и парамилитаризмом, тем более что на ее захват латиноамериканские герильясы обычно не претендуют. Характерно, что лидер сапатистского движения в Южной Мексике субкоманданте Маркос, пользующийся большой популярностью в антиглобалистском движении, специально подчеркивает: «... Мы

стремимся как раз к тому, чтобы перестать быть армией. Военный — это абсурдная личность, потому что он должен прибегать к оружию, чтобы убедить другого в том, что его истина — единственная, которой нужно следовать». За пределами производства определенного демонстрационного эффекта движение партизанского типа, по Маркосу, утрачивает свое оправдание, и, если оно в качестве «революционной армии» придет к власти, то «это станет ее поражением».¹

Подобное самоограничение весьма похвально. Но всегда ли оно реально осуществимо? Во всяком случае, опыт иных регионов, российский XX века особенно, позволяет в этом сомневаться. «Революционные армии» и ими обычно порождаемые опричные «силовые структуры» вполне могут захотеть вкусить власти, даже и независимо от тех или иных своих идеологов. В наши дни это к тому же может привести к быстрому расширению арсенала применяемых средств, хотя бы получаемых по вполне легальному импорту, как это делал, до недавних пор режим Кастро. А сейчас широко практикует правительство Уго Чавеса в Венесуэле, становящейся чем-то вроде флагмана упомянутого и высоко оцененного некоторыми отечественными латиноамериканистами левого поворота.

Вопрос о последствиях гражданских войн, естественно, нуждается в специальной, далеко еще не осуществленной в удовлетворительном размере научно-экспертной проработке. По мнению автора, в будущем здесь очень многое будет зависеть от состояния и структуры международных отношений, от функционирования международных организаций и прежде всего ООН, от баланса сил, характера и направленности тенденций в этой сфере в новых глобализирующихся условиях.

III

В современном общественном мнении, в том числе леводемократическом, господствует представление, согласно которому **роль государств**, в том числе в международном общении, падает, а их суверенитет размывается, растворяется глобализационны-

¹ Субкоманданте Маркос. Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка / Под ред. А.Н.Тарасова. М.: Гилея. 2004. С. 32.

ми процессами. С нашей точки зрения, такой взгляд, будучи во многих аспектах достаточно обоснованным, нуждается в то же время в определенной коррекции, причем особенно применительно к объектам, целевым установкам затрагиваемых социальных движений. Экспансия транскорпоративного финансового капитала, деятельность международных организаций типа МВФ и ВТО, которых иной раз именуют предтечами «мирового правительства» (на наш взгляд, поспешно), а с другой стороны, функционирование социальных движений, неправительственных организаций экологического, правозащитного, культурного и гуманитарного толка действительно во многих случаях ограничивает национальную самостоятельность, суверенитет государств в традиционном, «вестфальском» смысле.

Такова тенденция. Но в реальной практике ей противостоит контртенденция, выражающаяся зачастую не только в сохранении, но и в возрастании роли национальных государств в международном общении. Нет никакого основания считать, что как-то умалится суверенитет США или Китая, Индии или Ирана. Интеграционная группировка Европейского союза сама постепенно превращается во все более централизованно — из Брюсселя — управляемое государственное образование, причем и там отмечается тяга ряда стран-членов, на данном этапе преимущественно центрально- и восточно-европейских, к ревнивой защите как раз своей национально-государственной идентичности.

Особое значение имеет то обстоятельство, что упрямые, не желающие исчезать «государства-нации», в ряде случаев действительно противостоят катку монополярной монополизации. А это делает оправданной — конечно, до определенных пределов и в определенных условиях — их поддержку общественными течениями, исповедующими приверженность «иной глобализации». Защита государства в этом плане важна и как условие сохранения цивилизационного многообразия планеты от нивелирующих демократизацией с помощью американских и натовских бомбардировок.

IV

С точки зрения автора, развивавшего ее в ряде последних своих работ, определенные возможности в этом плане открывают некоторые намечающиеся перемены в самой **структуре**

международных отношений. Монопольное лидерство США в мировой политике, по многим оценкам (они, впрочем, требуют осторожного к себе отношения, в прошлом такие прогнозы не всегда сбывались), постепенно отступает и в перспективе через 15–20 лет вообще может сойти со сцены. Все чаще речь заходит о некоей системе центров силы. Их, правда, в свою очередь, никак не следует идеализировать ни с принципиально социалистической, ни с пацифистской точек зрения. Но с их наличием и потенциалом развития необходимо считаться. По нашему мнению, речь должна идти в какой-то мере о возрождении ультраимпериалистической комбинации по формуле К. Каутского, ожидавшего, что «система картелирования» ведущих держав «может положить конец соперничеству в вооружениях».¹

Уже сложившиеся или складывающиеся центры силы — США, ЕС, Россия, Китай, Япония, Бразилия (в перспективе), Индия (в близкой перспективе) — представляют собой типичные централизованные государства или — в случае с ЕС в виду его упомянутой специфики — межгосударственные образования. В свою очередь, такие центры все в большей мере подпираются группой региональных центров силы.² Почти у всех таких государств налицо та или иная привязка к имперскому прошлому. В их политике заметны установки на экспансию вполне традиционными средствами на внешние сферы. Поэтому, когда некоторые из современных левых теоретиков говорят об «исчезновении империй», то этот тезис, в сущности, должен быть уточнен. Нынешние центры и те, которые стремятся и могли бы выйти на их уровень, представляют собой образования и комбинации сход-

¹ Каутский К. Империализм. Харьков: 1927. С. 19–20.

² Известный российский теоретик международных отношений член-корр. РАН О.Н. Быков относит к разряду кандидатов в региональные центры-лидеры, способные образовать «промежуточные ярусы глобальной структуры», такие страны, как Австралия, Иран, Индонезия, Корея (в случае объединения), Вьетнам, Мексика, ЮАР и Нигерия. На Ближнем Востоке, полагает автор, такую роль может даже взять на себя Израиль, конечно, после урегулирования арабо-израильского конфликта. — См.: Быков О.Н. Международные отношения. Трансформация глобальной структуры. М.: Наука. 2003. С. 439–443.

ного типа. Другое дело, что социальным движениям придется серьезно бороться и с ними, как это, кстати и предлагалось К. Каутским в отношении ультраимпериализма, во имя защиты социальных прав трудящихся, преодоления колониализма и милитаризма.¹

Тенденции в рамках взаимоотношений указанных центров могут быть неоднозначны. Пока, однако, в них наметился отход от монополярных стратегий и методов. Это могло бы предвещать возникновение некоей более сбалансированной, чем моноблочная, модели, например, «восьмерочного» образца при более эффективной опоре на усовершенствованную ООН, с отключением рычагов монополизации, отказом от возобновления гонки вооружений, с переключением соответствующих средств на цели развития, защиты среды.²

V

Показательно, что в программатике новых левых и пацифистских движений наибольшее сближение обнаруживается по линии оперативных лозунгов, обращенных к существующим государственным образованиям, их политике, к главной системе безопасности — ООН. Это наглядно выразилось в совместных выступлениях обоих течений против войн и карательных операций, принятых США, НАТО и различными «коалициями добровольцев» под флагом борьбы против терроризма (при косвенном участии в афганском случае и России), за внедрение демократии и всяческие формы «принуждения к миру». Сюда относятся и такие единодушно выдвигаемые или поддерживаемые ими (в том числе на всех последних форумах антиглобалистских сил) лозунги, как требование (к сожалению, все же недостаточно энергично и предметно отстаиваемое) общего ограничения и сокращения вооружений наряду с укреплением режима нераспространения ядерного оружия — перехода

¹ См.: Истягин Л.Г. Перспектива метаимпериалистического миропорядка и актуальные задачи новых социальных движений // Государство и общество, философия, экономика, культура / Под. ред. А.В.Бузгалина, А.И.Колганова. М.: ЛЕНАНД. 2005. С. 260–263.

² См.: Истягин Л.Г. Через призму великой катастрофы / Свободная мысль. 2004. № 10. С. 56–66.

к решительному демонтажу арсеналов самих членов ядерного клуба, конверсии военной экономики, обложения дополнительными налогами военных монополий, с переадресовкой финансовых потоков на цели развития, борьбы с бедностью, голодом, защиты природы.

Есть в этой сфере между двумя течениями и расхождения. Например, пацифисты проводят одну кампанию за другой за запрет использования противопехотных мин. «Новые» (как и «старые») левые довольно-таки равнодушны к этим акциям, как и зачастую к проблемам альтернативной службы, многим формам диалога по этим вопросам. Пацифисты, в свою очередь, мало интересуются заботами профсоюзов и вообще социальными проблемами за пределами их конфликтных следствий. Но в целом и в данной зоне тенденция к схождению увеличивается, и она, по имеющимся наблюдениям, обладает наибольшими шансами оказать влияние на мировую политику — прежде всего через электоральные и иные факторы ведущих государств и их группировок.

Меньшая, но также увеличивающаяся зона общих концептуальных подходов у леводемократических сил и пацифистов обнаруживается в отношениях к потребностям и интересам многочисленных групп современного общества и в связи с этим к комплексу иных, соседствующих социальных движений. Возможно, наибольшее взаимное приятие относится к лозунгам экологистов, «зеленых». Пацифисты видят в них воплощение «принципа жизни», социалисты и левые демократы — борьбы против капитала с его иррациональным и самоубийственным в современных условиях индустриализмом.

Расхождений, впрочем, хватает и в данном случае. Забастовочная борьба далеко не при всех условиях одобряется традиционным пацифизмом (конфликты!), но на нее делают ставку социалисты, профсоюзы, причем не одни только левые. Неоднозначное отношение к себе встречают некоторые контркультурные, бунтарские подходы, унаследованные от революции 60-х годов. Они вполне охотно поддерживаются многими левыми, особенно тяготеющими к либертарному анархизму, но скептически воспринимаются основным ядром пацифистского течения. Роль соединяющего и в известной степени примиряющего звена тут играет молодежь, причем не только в «северном» мире, но и в «южном», о чем свидетельствует практика многих международных форумов, встреч и манифестаций. Очевидно,

молодежи здесь проще договориться и легче отойти от традиционных, сковывающих норм и обычаев.

В перспективе в данном аспекте следует иметь в виду перспективу намечающегося перехода в постэкономическую стадию, пока, впрочем, наблюдаемую лишь в наиболее развитых индустриальных странах. По мнению одного из наиболее глубоких российских исследователей темы, такая тенденция сможет обеспечить «преодоление традиционного классового конфликта экономического общества», но в то же время угрожает «вызвать болезненные расколы в средних слоях, до сих пор служивших залогом социальной стабильности, а на этой основе вновь сделать актуальной опасность серьезных социальных конфликтов».¹

Очевидно, что в таких условиях может дополнительно усилиться потребность в сочетании пацифистских подходов к разрешению конфликтов мирными средствами с идеями новых левых, например, в духе теории английского социалиста А. Каллиникоса, настаивающего на преимуществах экономического планирования на базе широких, частично глобальных, систем и механизмов демократического согласования (включая детальное экспертное изучение) общественных интересов.²

Наибольшие трудности для взаимного сочетания концепций обоих движений представляет конечный, стратегический уровень. Пацифисты настаивают на абсолютной необходимости отказа от применения насилия. В обоснование своего категоризма они обычно ссылаются на катастрофический опыт двадцатого столетия и на самоубийственный прогресс средств разрушения, которые неизбежно были бы использованы в грядущих вооруженных столкновениях. Социалисты, не отрицая этого, указывают на необходимость революций для свержения строя с применением всех действенных, хотя и по возможности мирных средств.

¹ Иноземцев В.Л. Концепция постэкономического общества: Теоретические и практические аспекты / Автореф. диссертации доктора экон. наук. М.: ИМЭМО РАН. 1998. С. 19–20.

² Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М.: Праксис. 2005 С. 116, 133–144.

Представляется, что в настоящее время как никогда актуален совет Г.В. Плеханова проводить различие между силой и насилием, и, опираясь главным образом на силу идей, материальных, духовных позиций, «не увлекаться насильственными действиями».¹ Более продвинутыми в силу обстоятельств здесь оказались, пожалуй, пацифисты. В рамках проводимых ими исследований по мирному разрешению конфликтов ими предложено немало заслуживающих внимания рецептур.²

Конечно, нужно еще доказать, что методики пацифистов могут оказаться пригодными для употребления в интересах радикальных политических сдвигов, в том числе революционных. Но оказывается, что и современные социалисты, новые левые располагают собственными наработками сходного характера. Их предшественники шестидесятники, переболев террористическими увлечениями, оставили неплохое наследие мирных массовых форм борьбы. Результатом такой школы явилось то отрадное обстоятельство, что большинство так называемых цветных революций в Восточной Европе, а затем и на постсоветском пространстве совершались, хотя и в сопровождении вспышек и провоцирования насилия, в целом мирно, при относительно незначительных жертвах. Во всяком случае, они даже отдаленно не могут быть сравнены с российской гражданской войной 20–30-х годов.³

Речь в данном случае не идет о самом содержании «бархатности». В ряде случаев такие выступления смогли инструментировать в своих интересах внешние силы или собственные компрадорские элиты.

¹ Плеханов Г.В. Сила и насилие // Соч. 2-е изд. / Под ред. Д.Рязанова. М.—П.: Госиздат. 1923. Т. IV. С. 257–258.

² См., в частности, с указанием на опыт сопротивления нацизму в годы Второй мировой войны в Европе, особенно на примерах Дании и Польши: Dietrich Anne M. Ziviler Widerstand gegen Totalitare Gewalt // Friedens-Forum. 2005. № 2. S. 35–36; Ebert Th. Ohne Waffen gegen Nazismus // Ebenda. S. 32–34.

³ См. подробно: Истягин Л.Г. Дихотомия войн и революций в реалиях эпохи глобализации // Альтернативы. 2006. № 2. С. 144–162.

Некоторые из этих революций, массовых площадных акций заканчивались беспомощной охлократией, обнаруживали «синдром незавершенности». И, возможно, вслед за ними еще проявятся какие-то иные витки социальных всплесков, не исключая насильственных.¹

И все же в плане использования средств социальными движениями важно, что «праздники угнетенных» состоялись в этих условиях (в том числе и в России во время путча ГКЧП в августе 1991 г. в отличие от расстрела парламента в октябре 1993 г.) практически без жертв, во всяком случае, без кровавого разгула, обычно отличавшего революции прошлого и считавшегося для них извинительным. Хотелось бы верить, что произошедший сдвиг в сторону пацифизации революционных процессов окажется устойчивым, будет закреплён последующей практикой и получит подлинно международную акцептацию. В таком случае возникло бы иное, более высокое качество сотрудничества обоих рассматриваемых движений.

VI

В современную эпоху большое значение приобретает **организационный аспект**, система связей движений друг с другом и с иными, сопутствующими им социальными силами и организациями. Исторически социализм и пацифизм как общественные движения возникли почти одновременно — после эпохи наполеоновских войн. С тех пор они прошли двухвековой путь параллельного существования, взаимодействия, того или иного учета друг друга. Но в целом их сотрудничество не всегда удавалось, что и явилось одной из причин губительных войн и переизбыточного социального насилия. Появление марксизма в середине 40-х гг. XIX века в принципе могло способствовать развитию и совершенствованию также и акций сторонников мира (они тогда назывались «друзья мира»), поскольку он обратил внимание на внутренние, социальные причины войн, на экспансию капитала, на которые пацифисты тради-

¹ Киргизской «революции тюльпанов» многие эксперты предрекают «латиноамериканские или центрально-африканские» сценарии развития с возможными длительными увлечениями герильей или иной в значительной мере силовой «романтикой». См.: Ведомости. 08.11.06. С. 1–4.

ционного либерально-этического типа не обращали должного внимания.

Но, во-первых, марксисты, не исключая их классиков, ошибочно абсолютизировали указанные факторы. У такого древнего явления как война немало и иных корней и источников. Их надлежало (и надлежит) учитывать самым тщательным образом. Теоретики социалистического движения, включая марксистов, делали это далеко не всегда в достаточной степени. Во-вторых, послушное К. Марксу руководство Первого Интернационала заявило претензию на монопольное представительство идеи мира и в соответствии с этим осенью 1867 года отклонило предложение пацифистской организации «Лига мира и свободы» об участии в организационном конгрессе последней (где, правда, согласились участвовать Бакунин и Огарев).¹

Раскол сохранился фактически до Первой мировой войны, а в других формах — и в ходе и после нее. Позитивную роль играли выступления отдельных социалистов-пацифистов вроде Ж. Жореса, но в целом эффективного сплочения миротворческого лагеря не получилось. Левореволюционное крыло социал-демократии, презиравшее пацифистов за их (совершенно правильный) лозунг демократического мира и разоружения, возможно, внесло наибольший вклад в организационный диссонанс и практические несостыковки с последовательными противниками войн как таковых.

В межвоенный период мировое пацифистское движение пыталось упрочить мир, опираясь на возникшую организацию безопасности — Лигу Наций и систему заключенных мирных договоров. Именно эту политику советская историография объявила ответст-

¹ На заседании Генсовета Международного товарищества рабочих (I-й Интернационал) 13 августа 1867 года доктор К. Маркс заявил: «Конгресс Международного товарищества рабочих сам по себе является конгрессом мира, поскольку объединение рабочего класса разных стран в конечном счете должно сделать войны между народами невозможными. Если бы инициаторы женеvского конгресса Лиги мира понимали суть данного вопроса, они бы присоединились к Международному товариществу». (Борьба за мир. Материалы трех Интернационалов. М.: Высшая школа. 1967. С. 22).

венной за «поощрение агрессоров», мюнхенское предательство, пособничество Германии и за подталкивание Гитлера на Восток. Но линия Коминтерна и Кремля, рассматривавших Лигу Наций как своего врага (СССР вступил в нее только в 1934 г. после прихода нацистов к власти в Германии), во многом сама способствовала срыву антифашистского единения. К формированию антифашистского фронта приступили с очень большим, уже непоправимым опозданием. Впрочем, здесь действовал двойной раскол. Помимо «вредных», по квалификации И. Сталина, пацифистов, в Москве не выносили вплоть до конца 30-х годов и социал-демократов. На пользу это могло пойти только агрессорам.

В послевоенный период движение за мир стало подлинно массовым, многомиллионным, а отдельные его кампании охватывали чуть ли не всю планету. Многое здесь стимулировалось прямой заинтересованностью социалистических и развивающихся стран в мире, в ограничении вооружений. Но в условиях «холодной войны» пацифизм зачастую принимал деформированный характер, а социалистические звенья в нем компрометировались связью — действительной или только предполагаемой — со сталинистской моделью, все глубже погружавшейся в свой общий безысходный кризис.

Это негативно отразилось, в частности, на движении послевоенных конгрессов мира, которые были призваны обеспечить широкую организационную базу прежде всего для диалога и контактов именно указанных сил — пацифистов, сторонников мира, с одной стороны, и приверженцев демократии, социализма, равенства и развития — с другой. Пожалуй, интенсивнее всего объединительные тенденции сказались в кампании против вьетнамской войны конца 60–70-х годов, ставшей в определенном смысле интегральной частью революционной волны 60-х годов, во всяком случае, так полагают некоторые из авторитетных историков.¹

¹ Как отмечает известный английский историк Эрик Хобсбаум, «одна из разновидностей антивоенного протеста — выступление молодых американцев против призыва на войну во Вьетнаме — оказалась весьма эффективной». (Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий XX в. (1914–1991). М.: Независимая газета. 2004. С. 257.

Последовавшие антинейтронные и антиракетные кампании 70-х и 80-х годов подтвердили плодотворность данного направления, хотя социалистическая и даже центристская — социал-демократическая — компоненты в движении за мир существенно слабели под влиянием начавшегося распада «реалсоциализма» и прямого поворота к сотрудничеству с официальными западными, в том числе натовскими, верхами советских и восточноевропейских диссидентов.

С окончанием «холодной войны», прекращением блоковой конфронтации в форме односторонней западной «победы» (во всяком случае, так пропагандистски поданной) и мирное движение, и лево-демократические течения снизили свою активность (за исключением, возможно, «зеленых»). Попутно подверглись разрывам и многие организационные узы, связавшие их в предыдущие годы. Но так, к счастью, продолжалось недолго — развернувшееся под знаменем неолиберализма глобальное наступление международных монополий и их государственного претендента на гегемонию довольно быстро предъявило спрос на критическую аналитику современного капитализма.¹

Одновременно резко возросшая конфликтность в мире включая все ее формы, кроме отодвинутой (не временно ли?) с непосредственного горизонта мировой войны, сделала актуальным новый подъем антимилитаристских, антивоенных акций, причем с приведением в действие в ряде случаев более эффективных и политически рациональнее структурированных рычагов влияния не только на общественное мнение, но и на властные эшелоны. Россия тут в отличие от прошлого не оказалась исключением.² Необходимо отметить, что фактор исчезновения реалсоциализма в виде СССР и социодружества, поначалу оказавший шоковое воздействие на обе груп-

¹ В российской литературе наиболее основательной по содержанию и в то же время удачно ориентированной по стилю на широкую студенческую аудиторию представляется работа: Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Глобальный капитал*. М.: УРСС. 2004. — 512 с.

² См. подробно: Истягин Л.Г. *Пацифистский компонент большой политики // Пути к безопасности*. 2004. № 1-2/26-27. С.44-57.

пы указанных течений и организаций, с середины 90-х годов стал оборачиваться скорее плюсом: исчез элемент иногда достаточно докучливой «руки Кремля» и повод для их компроментации капиталистическими СМИ в глазах общественности. Перед обоими движениями в отдельности и перед их сближением открылись более благоприятные перспективы.

VII

В таких условиях во второй половине 90-х годов приобрел актуальность и, более того, стал принимать острую форму вопрос о способах, методах, инструментариях взаимодействия между леводемократическими, социалистическими течениями и пацифистской общественностью, антимилитаристами в широком плане. Новизна постановки вопроса заключалась прежде всего в необходимости создания максимально широких рамок для вовлечения в дискурс всех спектров сил как упомянутых движений, так и других, так или иначе озабоченных развитием ситуации с глобализацией.

Известная концепция «множественности», выдвинутая в последней книге М. Хардта и А. Негри, привлекательна, с нашей точки зрения, именно своей направленностью на образование максимально по охвату общечеловеческого противодействия натиску монополярных глобализаторов. Но поскольку под категорией «множества» авторы понимают чуть ли не универсальное «собрание личностей», «самоуправляемую живую плоть», «плюральность, не поддающуюся упрощению», «совокупность всех тех, кто трудится под властью капитала», иными словами, практически всех людей Земли, выступающих под знаменем гуманизма,¹ то, очевидно, что образованию такого единения должна предшествовать некая предпосылочная, скорее всего длительная, стадия диалога и сближения всех тех современных социальных и политических слоев групп, течений и движений, которые хотя бы приблизительно соответствовали сформулированным авторами критериям. Едва ли может быть сомнение, что и пацифисты, и новые демократы, социалисты, профсоюзы, все левые могли

¹ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. М.: Культурная революция. 2006. С.129–130, 135–136.

бы в этом процессе сыграть позитивную, в чем-то даже первопреходческую, пионерскую, выражаясь былой (и ныне немодной) терминологией, авангардную роль.

По нашей оценке, на современном этапе наиболее благоприятные возможности для своего рода совместного «изменения путем сближения» предоставляет антиглобалистское (теперь часто именуемое себя альтерглобалистским) движение. Посредством применения принципа сетевой организации — ее, впрочем, не только одобряют, есть и критические суждения,¹ — антиглобалисты стремятся избежать возникновения лидерских тенденций, амбиций в движении и вовлечь в него максимальное число участников. Манифестации антиглобалистов по случаю саммитов индустриальных держав собирали иной раз аудитории в много сотен тысяч человек. Не менее важно то обстоятельство, что им удалось прорвать информационную блокаду. В настоящее время движение располагает значительными и устойчивыми спектрами присутствия в мировых СМИ. В целом это действительно массовое движение, причем оно впервые хорошо принимается почти во всех регионах мира, а Латинская Америка — тоже симптоматичное, беспрецедентное явление — сделалась своеобразным вторым, а в чем-то даже и первым, его центром.

При всем многообразии представляемых на форумах антиглобалистов точек зрения, позиций, взглядов и вообще очень большой (и, по наблюдениям, усиливающейся) фрагментарности движения в нем резко обозначились две доминирующие константы. Во-первых, это — преобладающая направленность большинства выступлений и текстов против капиталистической глобализации.² И тут, несомненно, налицо влияние новых левых, альтерналистов, с их антикапитали-

¹ См., в частности, не лишнее оснований замечание одного из российских участников Европейского социального форума в Афинах 2006 г. о фактическом наличии некоего «незримого» оргкомитета, притом «реформистской окраски». (Абрамсон И.Г. Майские Афины 2006 // Альтернативы. 2006. №3. С. 87–89.

² См.: Животовская И.Г. По пути к новому Интернационалу? // Альтерглобализм и антиглобалистские движения в современном мире. М.: ИНИОН РАН. 2006. С.112–118.

стической позицией, пусть не всегда четкой и больше эмоциональной, чем рациональной. Четкость и определенность в лозунги антиглобалистов еще предстоит внести, и это как раз по преимуществу задача сильного социалистического крыла движения. Во-вторых, это — практически достигнутый движением широкий консенсус относительно применения лишь ненасильственных форм, что предполагает и соответственно мирное сопротивление.¹ В данном случае правомерно усматривать вклад пацифистов, торжество их подходов, хотя бы и «доставших» сторонников иной глобализации через косвенные, например правозащитные, каналы. В массовых мероприятиях пацифистский контингент нередко берет на себя функцию умиротворителя радикального меньшинства (вроде анархистского «Черного блока»). Пацифисты порой физически пытаются воспрепятствовать столкновениям радикалов с полицией.

В последнее время кое-кто из экспертов прогнозирует спад и даже кризисные осложнения в антиглобалистском движении.² Ни того ни другого исключать нельзя. Подъемы и спады, как и кризисные моменты, — вообще закон динамики общественных движений. Но и в неблагоприятном случае нынешнее пребывание социалистов и пацифистов под общей крышей антиглобализма — в сообществе большого набора социальных и культурных течений, организаций,

¹ См.: Животовская И.Г. Является ли альтерглобализм утопией? // Альтерглобализм и антиглобалистские движения в современном мире. М.: ИНИОН РАН. 2006. С. 67–75. Положение о неприменении силы при «наращивании движения сопротивления» зафиксировано и в официальном документе Всемирных социальных форумов (ВСФ) — «Хартии принципов», принятой организационным комитетом ВСФ в апреле 2001 г. в Сан Паулу. (См.: Черноморова Т.Н. Всемирный социальный форум — новая форма организации партий и движений // Альтерглобализм и антиглобалистские движения в современном мире. М.: ИНИОН РАН. 2006. С. 84–110.

² Наиболее пессимистическую точку зрения на перспективы движения см.: Тарасов А. Афины 2006. Европейский «антиглобализм» в тупике // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2006. № 3 (047). С. 170–189.

инициатив — представлялось бы бесполезным. Оно позволяет им накопить ценный опыт, срезать или хотя бы сгладить острые углы своих индивидуальных идентичностей, улучшить контактные способности общения с иными субъектами.

Очень возможно, что пацифисты и социалисты не достигнут полного единомыслия, не смогут унифицировать в удовлетворительной степени свои взгляды, предпочтут сохранить собственные выработанные подходы, методологии, системы средств, организационные способы и формы действий. В конце концов, большинство новых левых, как и старых, — революционеры, а почти все пацифисты — эволюционисты. Но события развиваются так, что левые будут стремиться к мирным революциям, к разрешению конфликтов ненасильственными методами. А пацифисты — по имеющимся признакам — будут стремиться к тому, чтобы пополнять арсенал своих целей качественными, революционными идеями, осуществляемыми без обращения к разрушительному злоупотреблению техникой.

Что касается российских новых левых и российских пацифистов, то у них в своеобразной обстановке электоральной и иной изношенности либеральных организаций, структур и лидеров есть серьезный шанс на сотрудничество и прежде всего на сближение, в чем-то даже на слияние с такой интеллигентской российской средой, как учителя, врачи, ученые, люди культуры и науки. Пути к образованию таких «множеств», в свою очередь, многообразны. Генеральная цель одна — созидание подлинно гуманистического общества, обеспечение выживаемости человеку, защита природы от надвинувшихся на нее угроз.

Начала. Опыты. Перспективы

М.И. Воейков

Начало начал:

Ленин и проблема русской революции

Из этой большой и масштабной темы, по которой написаны десятки или даже сотни разнообразных книг, выберем только три вопроса, представляющих для нашего исследования важнейший интерес. Это — были ли объективные предпосылки революции и, главное, какой революции, а также как, собственно, сам Ленин понимал и трактовал революцию 1917 года, особенно октябрьский ее этап, и был ли у большевиков проект послереволюционного развития (строительства) нового общества. Но сперва охарактеризуем проблему русской революции.

1. Проблема русской революции

Для научного анализа характера русской революции 1917 года и октябрьского ее этапа в том числе на первый план выдвигаются те теоретические концепции, которыми руководствовались лидеры большевиков при формировании нового общественно-экономического строя. Как известно, у большевиков, а равно и меньшевиков теоретической базой их революционной деятельности был марксизм. Но вот вопрос. Если теоретическая основа их деятельности была одна, то почему же произошло разделение на эти две ветви русского революционного движения? Одна и та же теория, одни и те же принципы и цели, но две разные партии. Как такое объяснить?

Итак, марксизм. Мало кто спорит с тем, что марксизм впервые дал научное понимание социализма. Тем не менее по самой теории социализма идут бесконечные дискуссии. И действительно, здесь

есть о чем спорить. Однако прежде коснемся самого марксизма, его диалектического противоречия, на что очень редко обращается внимание в специальной литературе.

Тут мы подходим к одной из сложнейших проблем марксизма, к так называемой его двойственности («дуализму»), которая в целом восходит к традиционной проблеме философского дуализма. С одной стороны, марксизм есть строго научная материалистическая теория развития общества (построенная на обобщении фактов, системе аргументов), согласно которой смена общественно-экономической формации происходит только тогда, когда вызревают необходимые для этого объективные условия. Основными такими условиями являются развитие производительных сил общества и соответствующий культурный уровень населения. Только их достаточно высокое развитие дает возможность смены, существенного обновления производственных отношений, что совершается в общем и целом эволюционным путем или можно определить как эволюционные изменения. Конечно, этот путь не отрицает революционных периодов, т.е. резких скачков в развитии. Но эти революционные скачки все же остаются моментами в целом эволюционном развитии общества. И не они доминируют. Согласно классическому марксизму сменить, например, капиталистические производственные отношения на социалистические любым путем и в любое время в стране со слабо или среднеразвитыми производительными силами невозможно. Это есть абсурд. Это направление можно обозначить как эволюционный марксизм.

С другой стороны, в марксизме есть и другая составляющая, согласно которой сознательная революционная деятельность масс ускоряет процесс исторических преобразований, революция способствует ускорению развития производительных сил. С этой точки зрения нет нужды ждать «автоматического краха капитализма», а можно сознательно его ускорить, революционным путем установить новые производственные отношения. Эта сторона марксизма основывается на теории классовой борьбы, необходимости социальной революции, особой роли пролетариата. Следовательно, это направление можно определить как революционный марксизм. Понятно, что это направление марксизма не отрицает в целом эволюционный характер общественного развития, но упор делает в нем на революционные, скачкообразные моменты.

Это противоречие между эволюционной и революционной сторонами, конечно, не есть какой-то недостаток или ущербность марксизма. Просто марксизм более адекватно стремится отразить самую противоречивую действительность, что приближает его к реальной жизни, но снижает его теоретическую стройность. Теория в принципе не должна быть противоречивой. Хотя, как не странно, особого рода противоречия (скажем, диалектические) придают теоретической конструкции особые достоинства, особую прелесть. Это подметил в свое время еще П.Б. Струве: «Марксовскую систему упрекают в разнообразных и глубоких противоречиях. Но я полагаю, что никогда еще не была создана такая великая и богатая содержанием система, которой не были бы присущи научные противоречия или, выражаясь еще сильнее, нелепости»¹. «И нужно понять сущность марксизма и его двойственность, — добавим сюда еще и Н.А. Бердяева, — чтобы ориентироваться в дальнейших русских течениях»².

На это противоречие многие исследователи обращали внимание и по-разному его трактовали. Например, К. Поппер понимает дуализм марксизма следующим образом. Хотя Маркс и признавал, пишет Поппер, «что материальный мир и его необходимость являются фундаментальными, он не чувствовал никакой любви к “царству необходимости”, как он назвал общество, находящееся в плену своих материальных потребностей. Он ценил духовный мир, “царство свободы” и духовную сторону “человеческой природы” так же сильно, как и любой христианский дуалист, и в его работах даже имеются следы ненависти и презрения к материальному». Поппер в данном случае смешивает «сущее» и «должное», не понимает этого различия у Маркса. «Глубокая пропасть разделяет активизм и историзм Маркса, — пишет далее Поппер, — и эту пропасть еще более углубляет его доктрина, согласно которой мы должны подчиняться чисто иррациональным силам истории. Ведь раз он осудил как утопические

¹ Струве П.Б. Марксовская теория социального развития. В кн.: Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. Избранные произведения. М., 1994. С. 135.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 80.

любые попытки применить разум для разработки проектов будущего, то выходит, что разум не может играть какую бы то ни было роль в создании более разумного мира»¹. Почувствовав противоречие марксовой конструкции, но совершенно не поняв диалектичности этого противоречия, Поппер берет всерьез лишь одну сторону марксизма — экономический детерминизм и объявляет, что «пророчества Маркса» не сбылись, ибо марксистский историзм не предусматривал русской революции как революции социалистической.

Иную (и добавим, более интересную и объемную) трактовку этого противоречия марксизма мы находим у Бердяева: «Марксизм есть не только учение исторического или экономического материализма о полной зависимости человека от экономики, марксизм есть также учение об избавлении, о мессианском призвании пролетариата, о грядущем совершенном обществе, в котором человек не будет уже зависеть от экономики, о мощи и победе человека над иррациональными силами природы и общества. Душа марксизма тут, а не в экономическом детерминизме»². Как видим, Бердяев, глубже и «адекватнее» понимая марксизм, все-таки упор делает на вторую сторону, что помогает ему в объяснении феномена «русского коммунизма».

По-моему, дуализм марксизма можно правильно понять, только взяв его исторически. В менее экономически и культурно развитом обществе экономический детерминизм определяет очень многие или почти все стороны общественного устройства и развития. Причем в более архаических обществах экономическая доминанта проявляется сильнее, подчас закрепляясь в мистических или религиозных нормах как этический или моральный императив. Здесь бессознательные ощущения экономической необходимости превращаются в якобы сознательно формируемые нравственные (точнее, мистические) нормы.

По мере развития производительных сил и экономического базиса общества появляются все большие возможности для более свободного развития людей, для действительного понимания исторического процесса. В обществах более развитых социальный фактор

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 122, 232.

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 81.

играет все большую роль. И не потому, что люди вдруг смогли освободиться от материальной необходимости и стали такими умными, а потому что они теперь могут ее глубже изучить и лучше понять на основе более развитой материально-технической и научной базы производства. И главное, эта более развитая материальная база предоставляет людям значительно большие возможности для удовлетворения всех своих потребностей. В результате общество может быть более свободным и в своем социальном выборе, может рассуждать о социально-экономических альтернативах. Поэтому проблема социальных альтернатив возникает только на очень высокой стадии экономического развития, когда, собственно, экономическое развитие перестает быть доминирующим фактором. И на первый план выходят идеальные цели лучшего общественного устройства. То есть такое общество можно сознательно (планомерно) формировать так, как это будет считать разумным его большинство. Тем самым можно говорить, что идеи становятся формирующим общество фактором.

В конце концов эти две стороны марксизма дали в начале XX века и два крупных ответвления социалистического движения: социал-демократическое и коммунистическое. Соответственно и лидеров, теоретиков того и другого. Центр второго движения в силу ряда причин оказался в России, и его ведущим теоретиком стал В.И. Ленин.

В период до сталинского переворота конца 20-х годов большевики старались, и это следует специально подчеркнуть, исходить из теории, из принципиальных установок марксизма, но это далеко не всегда получалось. В том-то и отличие марксистского политического деятеля от других, что марксист должен, обязан исходить из теории вопроса, из предварительного его научного исследования и анализа. Он должен просчитывать все этапы и последствия намечаемого хозяйственного или политического мероприятия с точки зрения интересов большинства трудящегося населения. Другое дело, что это не всегда удается сделать или делается плохо. Но для марксистского деятеля характерно прежде всего сознательное отношение к действительности, даже, можно сказать, научно-теоретическое отношение. Марксист должен владеть научно выработанной доктриной и ею руководствоваться в практической деятельности. Иногда некоторые последующие критики и комментаторы большевизма, далекие от марксизма это «доктринерство» ставят им в вину. Так, Г. Вернадский,

описывая политику Ленина в связи с нэпом пишет, что «марксистская догма как мертвый груз продолжала даже после начала Новой экономической политики тянуть назад, в пропасть, все творческие предприятия российских политических лидеров. Этот груз мешал дальнейшему развитию самой политики».¹ Это верно. Принципиальная марксистская установка на социалистическое преобразование капиталистического товарного производства «мешала» развитию политики воспроизводства рыночных отношений и, стало быть, развитию буржуазных отношений, в том числе и капиталистических элементов. В этом и состояла проблема Ленина, его дилемма.

Отметим еще один важный момент для всей темы. Марксистски грамотные революционеры (большевики и меньшевики) не могли «поступаться принципами», ибо это шло бы вразрез с их марксистским мировоззрением, которое, как они считали, впервые является научным. Это были не только идейные люди, но стремящиеся и в своих практических действиях к целям общественного развития так, как они формулировались в научном социализме. Поэтому-то так много среди лидеров большевизма было теоретиков, потому то они так любили всяческие теоретические дискуссии, потому-то В. Ленин, Л. Троцкий, Н. Бухарин и другие в самые неподходящие моменты принимались писать сугубо теоретические сочинения. Согласно доктрине марксизма, революционеры должны действовать не просто сознательно, но исходя из теоретического понимания трактования исторического процесса. Необходимо было сознательно творить историю. Меньшевики это «доктринерство» довели до абсурда, когда в середине и конце лета 1917 г. отказывались составить однородное социалистическое Временное правительство под тем предлогом, что революция была буржуазная, а не социалистическая. Большевики все же власть взяли, чем продемонстрировали большую гибкость.

Но проблема отсутствия объективных материальных предпосылок для социализма в России (о чем будет специально идти речь в следующем разделе) и для большевиков составляла громадную теоретическую трудность. Идею социализма и социалистического общества они ставили во главу всей своей деятельности, подчиняя ей отдель-

¹ Вернадский Г. Ленин — красный диктатор. М., 2000. С. 307.

ные шаги и мероприятия. В этом состоял один из важнейших принципов марксизма, согласно которому переделывать старое общество надлежит сознательно и планомерно. Беда этих людей была в том, что объективных условий для социализма тогда в России еще не было. Не было также и достаточных теоретических накоплений в общественной науке. Идеи Ленина и Троцкого могли быть великолепны, но они не могли быть реализованы в тех материальных и культурных условиях. В конце концов условия и сокрушили или извратили эти великие идеи. Идеи марксизма превратились в практику сталинизма, ничего, кроме нескольких фраз, не имеющую общего с марксизмом.

Анализируя теоретический материал на эту тему, нужно избегать двух крайностей, которые почему-то очень привлекательны и легко доступны. Крайности идеализма и эмпиризма. Первая — крайность идеализма, когда вольно или невольно полагают, что идеи всегда и всюду творят мир. Это, например, представление, что большевики, вооруженные с ног до головы передовым учением марксизма, способны построить новое общество в любых материальных условиях так, как им хочется, или, точнее, как они поняли это передовое учение. Само это учение, как уже говорилось, давало основания для такого рода умозаключений. На самом деле все было много сложнее.

Трудно удержаться, чтобы не привести очень характерное высказывание новомодного в современной России апостола либерализма Л. Мизеса. Заканчивая свою книгу «Социализм», он делает такое заключение: «Не мистические “материальные производительные силы”, а разум и идеи определяют жизнь человека. Чтобы остановить сползание к деспотизму и социализму, необходимы здравый смысл и нравственное мужество».¹ Однако Мизес при этом не потрудился объяснить — почему же идеи Платона не смогли определить жизнь человечества или идеи Августина о божьем граде так и не воплотились в жизнь, почему «идеи» немецкого национал-социализма потерпели крах. Даже его ученик и последователь также небезызвестный либеральный идеолог Ф.А. Хайек не смог разделить этот вздорный вывод своего учителя. Хайек пишет совсем обратное, как раз почти в духе материалистического понимания истории К. Маркса:

¹ Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994. С. 374

«Человеческое сознание, каким мы его знаем, вовсе не было единственной движущей силой цивилизации, целиком определявшей направление ее эволюции, но скорее оно само развивалось и эволюционировало совместно и одновременно с цивилизацией».¹ Мизес вообще не объяснил нам истории, спутав при этом социализм со сталинизмом. Мизес много цитирует Маркса и Энгельса, но почему-то не заметил следующее их высказывание: «Взгляд, согласно которому *будто бы идеями и представлениями людей созданы условия их жизни*, а не наоборот, опровергается всей предшествующей историей, в которой до сих пор результаты всегда оказывались иными, чем те, каких желали, а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противоположными тому, чего желали».² Эта последняя мысль Энгельса как нельзя лучше соответствует положению большевиков, в которое они попали в 1917–1922 гг. в России.

Вольно или невольно в эту ловушку реакционного идеализма попал академик Т.И. Ойзерман, искушенный, казалось бы, марксовед. В одной из своих последних многословных книг он, справедливо указывая на то, что основоположники марксизма допускали наряду с революционным и мирный, эволюционный переход к социализму (парламентским путем), в то же время обвинил Ленина, что тот не понял или исказил этот путь. И делается такой вывод: реальное содержание «мирных социалистических преобразований» Лениным и большевистской партией «не было понято и, больше того, было искажено». И это все «стало одной из главных причин той трагедии, в которую была ввергнута Россия, начиная с Октябрьской революции и кончая крахом “реального социализма”».³ А в другой еще более толстой книге Т.И. Ойзерман прямо пишет: «С высоты сегодняшнего исторического опыта можно со всей определенностью сказать, что и теория и практика ленинской партии повернули развитие России на путь, который в конечном итоге оказался тупиковым»⁴. То есть

¹ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. С. 43.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 639

³ Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003. С. 366.

⁴ Ойзерман Т.И. Оправдание ревизионизма. М., 2005. С. 54–55.

Ойзерман хочет сказать, что Ленин что-то не понял и навязал России трагедию, начиная с Октябрьской революции. То есть, один человек может «навязать» огромной стране не тот путь развития, «повернуть развитие России», изменить исторический процесс. И этот автор написал три десятка книг о марксизме! И не понял в нем главного.

В переводе с языка Ойзермана на нормальный человеческий язык получается, что Ленин в отличие видимо, от Ойзермана, марксизм понимал плохо, а что там понял, то и это исказил. Поэтому Ленин и придумал Октябрьскую революцию и «ввергнул Россию в трагедию», привел ее в тупик. Вообще говоря, интересно было бы знать, что имеется в виду под словами «трагедия», «тупик», которые часто используют поверхностные либералы, когда говорят о судьбе России в XX веке. Ведь по большому счету, Россия к концу века превратилась в мощную индустриальную державу которая почти по всем важнейшим показателям находилась на уровне самых развитых стран мира. Но оставим этот сюжет и вернемся к Ойзерману. Ведь он же не поверхностный либерал, а серьезный ученый, прекрасно знающий всю западную философию. А на марксизме он «проел все зубы» и «промыл» много голов не таких послушных ученых. Понятно, если бы все это написал человек, знающий марксизм понаслышке, но ведь Ойзерман был признанным главой советской школы марксоведов. Все это показывает — чего стоит эта школа марксоведов или один академик Т.И. Ойзерман. К сожалению, не он один такой.

Другая крайность состоит в том, что уповают на стихийное саморазвитие общества. Мол, все учения плохи, а надо жить и развиваться в соответствии с объективными требованиями природы и здравого смысла. Эта крайняя форма либерализма, которая низводит общество до почти скотского состояния. К сожалению, российских интеллектуалов беспрестанно мотает от одной крайности к другой, и трудно удержаться где-то в разумных границах. Поэтому, говоря о теориях и концепциях, всегда следует иметь в виду, что дельные теории есть лишь отражение в гениальных головах частичной объективной реальности.

Некоторые дубоватые либералы часто, не понимая диалектической двойственности марксизма, иронизируют по поводу марксистского положения о формировании социалистического общества, которое должно совершиться как объективно необходимый исторический

процесс в сочетании с активизацией субъективного фактора, т. е. развития социалистического движения и социалистической революции. Но эти авторы забывают, что человеческая история развивается не как трава — сама по себе, а через людей и посредством действий людей. Люди могут действовать менее сознательно или более сознательно, менее организованно или более организованно. С развитием общества степень организованности и сознательности в человеческом действии заметно возрастает, по учению марксизма, что, напомним, было «библией» для большевиков, социалистическая стадия истории как раз будет характеризоваться наибольшей сознательностью и организованностью. Человеческое сознание в накопленном виде и выражается в социальной науке, в теоретических концепциях и гипотезах. Как раз марксизм все это раскрывает и объясняет, либерализм же более ста лет талдычит о «конце истории».

Согласно концепции марксизма новый общественный строй может появиться, когда для него созреют необходимые материальные предпосылки. Теория лишь помогает правильно понять эти предпосылки и наметить пути ближайшего развития общества. Теория как бы луч фонаря, освещающего путь человечества. Марксистская теория непременно условием ставит наличие фонаря у просвещенного, цивилизованного человека, в противном случае путь будет бессмысленным. Вместе с тем при всей важности общей теории марксизма вопрос также заключается в том, как и кем эта теория трактуется, преломляется и приспособливается для решения конкретных задач.

Итак, напомним некоторые моменты марксистской теории смены эпох, смены общественного устройства, а также теории революции. Социалистическая революция согласно историческому материализму должна означать не просто народный взрыв от нищенской жизни, а то положение, когда массы сознательно, с полным пониманием этапов и последствий берутся за переустройство общества. Причем до этого капитализм должен исчерпать все возможности своего поступательного развития. Напомним, о чем писал К. Маркс, чьи работы составляли теоретический фундамент для политической и революционной деятельности и большевиков, и меньшевиков. В этом отношении никакого различия между ними не было. Так вот, марксово понимание исторического процесса можно найти в следующих словах: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем

разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созревают материальные условия их осуществления в недрах самого старого общества»¹. И еще: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего». «Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»². Тем самым говорится, что никакая нация, никакая страна не может выпасть из мировой истории. При всех географических и цивилизационных особенностях каждая страна подчиняется общим объективным законам экономического и культурного развития. Кроме того, эти классические положения означают, что, например, буржуазные отношения никогда не могут появиться на базе феодальных производительных сил. Так же и социалистические производственные отношения никогда не могут появиться на основе еще вполне успешно развивающихся капиталистических производительных сил. То есть для образования социалистического общества необходим настолько высокий уровень развития производительных сил капиталистического общества, который по сути будет означать, что им уже тесно в рамках старых (т.е. буржуазных) производственных отношений. Согласно теории марксизма получается, что социализм может «победить» только в самых экономически развитых странах и в силу транснационального характера современного производства, что сегодня стало совершенно очевидным, в целом ряде стран одновременно как взаимосвязанный процесс. Более того сегодня также можно утверждать, исходя из современных общемировых тенденций и прежде всего глобализации основных проблем, что социализм (или посткапитализм) будет характерной чертой современного исторического процесса для большинства стран исторически одновременно.

Эти положения — исходный постулат всей социал-демократической идеологии, меньшевики постоянно их педалировали в дис-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 13. С. 7.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 9–10.

куссиях с большевиками. Так, А.Н. Потресов в статье 1917 года с характерным названием «Роковые противоречия русской революции» писал: «Русская революция — последняя по времени европейская политическая и социальная катастрофа, связанная с переходом от средневековья к развитому буржуазному строю. И то, что она при этом переходе последняя, наложило на нее такую же яркую печать повторяемого своеобразия, как на Великую французскую революцию»¹. Между прочим, Троцкий этот же тезис положил в основу своей теории «перманентной революции», когда писал о неопределенно долгом времени перестройки всех социальных отношений: «общество непрерывно линяет».²

Однако в России революция произошла только в начале становления капитализма, российская буржуазия была не в силах возглавить революцию. В результате революции власть оказалась в руках пролетарской, марксистской партии, которая и встала перед проблемой строительства социализма в экономически и культурно отсталой стране. Как это можно было объяснить, не порывая с марксизмом, историческим материализмом? На это противоречие как основное в понимании всей революции обратил внимание еще в 1920 году П.Н. Милуков. В своей «Истории второй русской революции» он писал, что это противоречие по существу было противоречием «между научным и утопическим социализмом». «Умеренные течения социализма были убеждены в невозможности социалистического переворота и безусловно признавали необходимость идти вместе с “буржуазией”, но в то же время они не могли разорвать нитей, связывающих их в общий социалистический блок со сторонниками борьбы за немедленный социалистический переворот. Это внутреннее противоречие и вытекающая из него неустойчивость тактики и погубили социалистический блок».³ Это основная проблема русской революции сказывалась не только в тактике революционных партий 1917 года, но и после победы большевиков.

¹ Потресов А.Н. Избранное. М., 2002. С. 183.

² Троцкий Л.Д. Перманентная революция. Cambridge: 1995. С. 308.

³ Милуков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 207.

В марксистской литературе иногда встречаются умные попытки разрешить эту проблему, так сказать, примирить классический марксизм с русской революцией. Так, Д. Лукач, в общем, правильно рассуждает: «Исторический переход от одной эпохи к другой никогда не совершается механически, так, чтобы какой-то способ производства утвердился и стал бы исторически действенным лишь после того, когда предшествующий ему и превзойденный им способ производства уже повсеместно выполнил свою миссию преобразования общества».¹ Конечно, такая тонкая диалектическая позиция безусловно верная. Но она не объясняет случая России и русской революции. Ее можно приложить к развитым странам Западной Европы, а не к европейской периферии. Ведь в России в начале XX века буржуазный способ производства нельзя рассматривать в качестве прочно утвердившегося и даже господствующего. В исторической действительности России того периода «перекрещивались и сталкивались» (Д. Лукач) не капиталистический и социалистический способы производства, а феодальный и буржуазный. А Ленин и большевики считали революцию социалистической (хотя бы в потенции) и жаждали построения социалистического общества.

Проблема построения социализма в отдельной, к тому же слабо-развитой, стране и встала непроходимой стеной между большевиками и меньшевиками. На первый взгляд может показаться, что скепсис меньшевиков для ленинского крыла партии был не больше, чем резонерство политических конкурентов, к тому же неудачников. Но не все так просто. Этот вопрос для Ленина и большевиков составлял существенную проблему. Конечно, среди большевиков были и другие грамотные и умные марксисты, которые также хорошо понимали сложность проблемы взятия власти пролетарской партией в буржуазной по сути дела революции. Вспомним, например, октябрьский эпизод Г. Зиновьева и Л. Каменева, который Ленин не ставил им «в вину лично». Или уход в ноябре 1917 года со своих партийных и государственных постов группы ведущих большевиков в знак протеста против нежелания Ленина и Троцкого сформировать коалиционное социалистическое правительство. Но здесь мы рассматриваем

¹ Лукач Д. Ленин: исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М., 1990. С. 88.

взгляды главным образом Ленина как наиболее очевидного или бесспорного лидера революции. При этом, конечно, надо иметь в виду и Троцкого как второго человека в революции.

Крупнейшими деятелями Русской революции были В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий. Они не только практически возглавили дело революции, особенно октябрьского ее этапа, были двумя самыми видными или крупными ее вождями, но и, что особенно важно, оставили громадное количество литературных работ, которые формируют, так сказать, теорию вопроса. Ленин и Троцкий оказались единственными, кто не только успешно руководил осуществлением Октябрьской революции, но и кто наиболее глубоко и успешно разрабатывал теоретическую концепцию этой революции. Конечно, ни Ленин, ни Троцкий специально не писали теоретических работ по концепции революции. Даже книга Троцкого «История русской революции» все же прежде всего работа исторического плана. Но в силу большой склонности к теоретизированию (любви к теории и понимания ее значения) этих деятелей даже их мелкие статьи и выступления содержат многие концептуальные положения. Можно сказать, что почти все их работы этого периода (1917–1923 гг.) пытаются выстроить концепцию революции. По крайней мере их концепция или почти только их полностью реализовалась на практике (вернее, они ее пытались реализовать), если иметь в виду, например, период при жизни Ленина. Правда, здесь надо сделать некоторые оговорки.

Если говорить более точно, то в русской революции получила подтверждение концепция марксизма, российской социал-демократии в целом, включая большевиков и меньшевиков. Ведь концептуально, теоретически между большевиками и меньшевиками расхождений не было. В 1917 году у них была единая партийная программа и единая марксистская теория. Немецкий историк Э. Нольте замечает в этой связи, что «с точки зрения социологии различие между большевиками и меньшевиками было едва уловимым».¹ Теоретические расхождения имели в основном тактический характер. После Октября начались, конечно, и концептуальные расхождения. Они приняли окончательную форму к середине 20-х годов, с провозгла-

¹ Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М., 2003. С. 280.

шением положения строительства социализма в одной стране и резкого отхода сталинской фракции от марксистской теории. С этого времени большевизм как таковой стал превращаться в национал-большевизм. Сейчас же вернемся к 1917 году. В результате революции у власти оказались большевики во главе с Лениным и Троцким. Это, казалось бы, должно свидетельствовать, что концепция большевиков оказалась более жизненной, чем меньшевиков, более правильной. Но вот с этого места начинаются проблемы и загадки.

Если концепция революции большевиков (прежде всего Ленина и Троцкого) была более верная, то почему столь трагична судьба их двух самых выдающихся лидеров? Заметим, что и судьба других лидеров большевистской партии оказалась не менее трагичной.

Так, Ленин умирает сравнительно нестарым (нет даже и 54 лет), умирает практически изолированным от верхушки партии, находясь почти по всем основным вопросам тогдашней политики (внешняя торговля, национальный вопрос, рост бюрократизма в партии и государстве) в оппозиции к большинству «ленинского» ЦК партии. Может быть, за исключением только Троцкого — и это тоже показательно. Ленин в своем знаменитом «завещании» (Письмо к съезду) даже не мог четко назвать своего преемника, хотя по этому вопросу испытывал, вероятно, самое большое беспокойство. Преемником не в смысле занятия поста «первого лица», ибо такого поста тогда просто не было, а человека, способного наиболее адекватно выражать и проводить его идейные и политические установки. Или такой говорящий об очень многом факт. Блестящие и принципиальные статьи Ленина «О кооперации» и «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)» были продиктованы в начале января 1923 года, а напечатаны в газете «Правда» только в конце мая того же года, то есть пролежали впустую более 4 месяцев. Работу Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» Политбюро вообще не хотело публиковать и лишь по настоянию Троцкого эта работа появилась в «Правде».

Более того, если большевистская концепция русской революции как социалистической революции была, скажем, более верной, чем меньшевистская, а для такого утверждения есть много оснований, ибо победили большевики, а не меньшевики, то почему сегодня, после развала СССР, ни один образованный и думающий марксист в мире не может назвать общественный строй, который существовал

в СССР, социалистическим в полном смысле этого слова, без каких-либо эпитетов или оговорок?

В этом, я думаю, заключается одна из крупнейших теоретических загадок нашей истории, без выяснения которой невозможно толком понять ни «государственный социализм», существовавший в бывшем СССР, ни сегодняшние российские пертурбации, ни даже пути развития мировой цивилизации.

Последнее можно проиллюстрировать следующим соображением. Если считать, что в СССР существовал не социализм в марксистском его понимании, как это утверждалось официальной советской пропагандой, а некий квазисоциализм (государственный, бюрократический, мутантный и т. д.), то это означает, что в 1991 году вместе с развалом СССР развалился, собственно, не марксистский социализм, а сталинизм, сталинское извращение социализма. Это, следовательно, означает, что развал СССР есть удар не по марксизму и теории социализма, а по лжесоциализму. Такой удар должен послужить стимулом не только к более сознательной, более организованной и целесообразной борьбе трудящихся разных стран за свои права и лучшие условия жизни, но и к развитию более последовательной и глубокой теории социализма.

Еще несколько лет назад многие исследователи социалистического или социал-демократического толка поворот к «государственному социализму» определяли концом 20-х годов и победой сталинской группировки. На эту тему и на этот период создано много интересных работ.¹ Выясняются, в частности, вопросы: что и как там произошло и почему верх взял Сталин, какая могла быть альтернатива и т. д. И в самом деле период конца 20-х годов может служить вехой в уже окончательном становлении, отвердевании «государственного социализма».

Однако нельзя думать, что до 1929 года социализм в России развивался нормально, в стране все было более или менее прилично,

¹ См., например, цикл работ В.З. Роговина «Была ли альтернатива?»; Краус Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского переворота (1917–1928). Будапешт, 1997; а также: Советский термидор (дискуссия вокруг книги Т.

Крауса). // Альтернативы, 1998. № 2 и др.

проблемы не имели принципиального характера. Ничего подобного, конечно, не было. Были очень острые проблемы, была ожесточенная, в том числе идейная, борьба. И прежде всего никому в голову не приходило этот «переходный период» называть социализмом. Поворот (или переворот) конца 20-х годов был лишь наиболее очевидным и завершающим этапом всего процесса развития, начиная с 1917 года, может быть, исключая только несколько лет самой революции (включая и годы гражданской войны), когда социальный процесс трансформации находился в брожении и когда идеалистический энтузиазм большевистских лидеров питал многие романтические надежды. Но корни, основные причины «государственного социализма», несомненно, лежат в 1917 году, в характере самой русской революции. Можно сказать даже больше, а именно, что концепция революции Ленина и Троцкого при всем том, что они ей посвятили большое число разных работ, оказалась несформулированной, незавершенной. Концепция тактики революционной деятельности разошлась с программной концепцией. От того характер русской революции остался непоясненным.

Я, конечно, далек от пошлых глупостей того рода, что революция в России была искусственно навязана русскому народу, что это была беда для России, что революция увела страну куда-то в сторону от мировой цивилизации. Все эти рассуждения просто невежественный вздор мещански настроенных писателей или, того хуже, прямая ложь в угоду тем, кто платит большие деньги за такого рода сочинения. Конечно, ни один серьезный исследователь любого политического толка в любой стране мира так не считает. Вот что, например, пишет на этот счет весьма респектабельный заокеанский историк Ричард Пайпс, который сам себя аттестует «октябристом»: «Решения, принятые Николаем в августе 1915 года, сделали революцию практически неотвратимой». И несколько дальше: «К концу 1916 года оппозиционные настроения охватили и высшие военные круги, и высшую бюрократию, и даже великих князей, которые решили, как говорилось, “спасти монархию от монарха”. Россия еще не знала такого единения, а двор — такой изоляции. И революция 1917 года стала неизбежной...»¹

¹ Пайпс Р. Русская революция. Часть 1. М., 1994. С. 257, 277.

Это пишет либеральный ученый, честно, в рамках своих возможностей, изучающий документы. А вот документ, который приводит в своем отчете Александр Блок. Это письмо Великого князя Александра Михайловича его брату Николаю II от 25 января 1917 года: «В заключении скажу, что как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию; народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу». Это мнение «великого» князя. А вот выводы великого поэта России: «На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции. Так понимали в то время положение все люди, обладавшие государственным смыслом...».¹ Итак, можно заключить, что все те люди, которые называют Русскую революцию авантюрой, по мнению великого поэта, лишены «государственного смысла».

Революции не могут быть кем-то придуманными действиями, не могут быть искусственно вызваны или организованы даже самыми сильными личностями и самыми организованными партиями. Революции — это спонтанный и закономерный этап естественного процесса исторического развития. Этап, к сожалению, малоприятный и малоблагопристойный, но объективно неизбежный. Князь П.А. Кропоткин как-то сказал о русской революции 1917 года: «Пережитая нами революция есть итог не усилий отдельных личностей, а явление стихийное — не зависящее от человеческой воли, а такое же природное явление, как тайфун, набегающий на берега Восточной Азии... Все мы — я в том числе — подготовили этот стихийный переворот. Но его же подготовили и все предшествующие революции 1798, 1848, 1871 годов, все писания якобинцев, социалистов, политиканов, все успехи науки, промышленности, искусства и т. д.»² Отметим здесь

¹ Блок А. Последние дни императорской власти. М., 2005. С. 6, 114.

² Кропоткин П. А. Что же делать? В сб.: Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 1. М.: ИЭ РАН, 1992. С. 196.

лишь одну тонкость. Революции, как правильно замечает П. Кропоткин, не зависят от человеческой воли, но совершаются через человеческие действия, посредством воли. Вот эту объективную вынужденность посредством субъективной формы многие наблюдатели не могут различать, отчего возникает серьезная путаница и часто форма принимается за содержание. В общем, хорошо сказал один западный исследователь: «Всякая революция порождается врагами революции».¹ И, наконец, приведем слова одного из лучших философов России, который как бы специально отвечает многим наплодившимся сегодня недоброжелателям русской революции и русской общественной мысли: «Мне глубоко антипатична точка зрения слишком многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой».²

Конечно, концепцию русской революции не следует понимать упрощенно как какой-то план революции, который имелся в голове Ленина или еще кого-либо. Под концепцией я понимаю общее представление о революции, ее объективных основах и предпосылках, движущих силах, ее характере, а также и результатах. Почти все это вытекало из известных положений марксизма, крупнейшим европейским представителем которого был Ленин. Однако далеко не все в русской революции укладывалось в ортодоксальную марксистскую схему, совпадало с теоретическими представлениями Ленина и Троцкого и тем более с их индивидуальными усилиями. В конце 1920 года,

¹ Фишер Л. Жизнь Ленина. London: 1970. С. 77. Умных свидетельств об объективном характере русской революции множество. Вот Ф. Степун, противник большевизма, пишет так: «Философия Бердяева и искусство Белого были своеобразным “небесным прологом” столь же великой, как и страшной русской революции». (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 222).

² Бердяев Н. А.. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 226.

размышляя в Лондоне над итогами русской революции, П.Н. Милюков заметил: «Приходится, вообще, внести некоторую поправку в наше представление о пределах возможности для индивидуальной человеческой воли управлять такими массовыми явлениями, как народная революция».¹ Это то и порождает многие трудности в научной интерпретации революции, в частности, определения ее характера. Первая и основная трудность, видимо, состоит в том, что в наших головах прочно засела формула о социалистическом характере русской революции, выдвинутая еще первыми большевиками и прежде всего Лениным. Хотя, как мы постараемся показать ниже, у самого Ленина по этому вопросу нет той чеканной четкости, которая появилась потом в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Но куда же было от этого деться, мы все дети или дети детей «Краткого курса».

Как известно, русская революция произошла в отсталой стране с крайне низким уровнем развития капитализма. В советский период многие историки пытались доказать, что Россия в начале XX века была страной «среднего уровня капиталистического развития», но кроме соответствующих цитат Ленина и разрозненных фактов промышленного роста в подкреплении этого тезиса привести что-либо конкретное невозможно. На этой зыбкой основе сегодня появилась вообще фантастическая концепция о высоком экономическом развитии страны до 1917 года. Эта концепция, рожденная очередной политической конъюнктурой, естественно, не заслуживает специального рассмотрения. Но вот вопрос о степени развития капитализма в России заслуживает особого анализа, что и будет сделано в следующем разделе. Здесь лишь укажем, что на этот период в России, конечно, существовал капиталистический уклад, но он не занимал доминирующего положения. При этом следует различать развитие промышленности и развитие капиталистических отношений (капитализма), хотя и связаны эти два процесса самым тесным образом. По общему правилу второе есть следствие первого и уже в силу этого капиталистические отношения должны несколько отставать в своем развитии от развития, собственно, индустриального сектора. Для России это имеет особое значение, ибо промышленность тут в XVIII веке и боль-

¹ Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 12.

шую часть XIX века развивалась преимущественно как государственная. Поэтому, вопреки утвердившемуся в советской исторической и социально-экономической литературе взгляду, применительно к российскому капитализму следует говорить не о среднеразвитости, а именно о слаборазвитости капиталистических производственных отношений в обществе. В этих условиях согласно марксистской теории в России могла произойти только буржуазно-демократическая революция, целью которой было прежде всего преодоление пережитков феодализма. Если же революцию 1917 года считать социалистической и советское общество, возникшее в ее результате, социалистическим, то придется считать классический марксизм ошибочным или по крайней мере постараться выхолостить исторический материализм (или экономический материализм).

Именно этим в ранний советский период пытались заниматься многие отечественные обществоведы, в том числе и историки. Нужно было объяснить социалистическую революцию 1917 года в марксистских терминах. А материалистическое понимание истории (или исторический материализм) такой возможности не давало. Самые умные и грамотные историки это сразу же почувствовали. И началась борьба (иначе и не скажешь) с историческим материализмом или, как тогда это называли, экономическим материализмом.¹ Интересна

¹ Некоторые исследователи, в основном советского раскроя, упорно различают понятия «материалистическое понимание истории» или «исторический материализм» как хорошие категории в отличие от плохих «экономического материализма» или «экономического детерминизма». «Исторический материализм, — пишет, например, В.Н. Черковец, — это не “экономический материализм”, согласно которому развитие производительных сил является единственным фактором общественной динамики» (Черковец В.Н. Политическая экономия. Принципы. Проблемы. Политика. Избранное последних лет. М., 2005. С. 260–261). Таким образом считается, что экономический детерминизм доводит до абсурда исторический материализм, когда в истории все жестко связано, все определяется одним-единственным фактором. Любое экономическое мероприятие неотвратимо вызывает соответствующее следствие в других окончание см. с. 292

позиция в этом вопросе крупнейшего советского историка 20-х годов М.Н. Покровского. Например, его аргументация — в те годы советские историки еще стремились все обосновывать. Для начала Покровский указывает на сильно изменившиеся времена и, стало быть, необходимость по-другому подходить к историческому материализму. В речи при открытии Общества историков-марксистов 1 мая 1925 года он специально акцентировал на этом внимание: «Исторический материализм наших дней есть нечто гораздо более тонкое и сложное, нежели исторический материализм даже 1917, не говоря уже 1897 года». Что же изменилось? Изменилось то, что в 1917 году произошла революция, которую большевики и в 1925 году продолжают называть социалистической. С точки зрения исторического материализма это название революции объяснить невозможно. Значит, нужно отбросить исторический материализм, его «изжить».

В этой связи М.Н. Покровский ставит вопрос: «Кто подходил к нашей Октябрьской революции с точки зрения экономического материализма?» Прежде всего, конечно, наши добрые меньшевики. По «уровню развития производительных сил» Россия 1917 года была совершенно неподходящей страной для начала социалистической революции: статистика тут была решительно против нас — цифры окончательно не хотели «сходиться». И из всего этого следует такой вывод: «Придется изживать и “экономический материализм” 90-х годов, крепко еще сидящий во многих из нас»¹. Еще более резко и выпукло

начало см. на с. 291 надстроечных отношениях, в сознании, политике и т.д. Но до абсурда можно довести что угодно. В реальной же действительности никакого автоматизма, конечно, нет. Все действует и происходит с существенно большими отклонениями и вариациями, как это себе представляет любая теоретическая схема. Поэтому в данной работе рассматриваются как синонимы термины «исторический материализм», «экономический материализм» и «экономический детерминизм», термины, которые раскрывают одно и то же понятие — «материалистическое понимание истории». Попытка же противопоставления этих терминов есть ненужное крохоборчество, которое никуда нас не продвигает.

¹ Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4. М.: Мысль, 1967. С. 377, 384–385.

этот же вопрос Покровский поставил в докладе «Ленинизм и русская история» в январе 1929 года. Здесь он говорил: «Все-таки борьба против экономического материализма нужна, и нужно эту борьбу обосновывать более подробно». В чем же состояла эта подробность? А в том, что «диктатура пролетариата» дала возможность преодолеть всякие объективные экономические законы. Вот его слова: «При чисто экономическом объяснении, при апелляции исключительно к законам экономики, игнорируя все остальное, нельзя было предсказать того, что действительно случилось: что мы прорвемся к социализму сквозь всякие законы, наперекор узкоэкономическим законам. Мы не обуржуазились и не провалились, а занимаемся социалистическим строительством... Так что, повторяю, экономический материализм есть источник больших ошибок в марксизме...». Пожалуй, ясней и откровенней не скажешь. А вот и диктатура пролетариата: «Если диктатура пролетариата не может перевернуть “стихийного” экономического развития, на что диктатура пролетариата?»¹. Хотя в дальнейшем М.Н. Покровского раскритиковали, но его схема так и осталась в советской обществоведческой науке.

Более того, в 20-е и особенно 30-е годы прошлого века в социально-экономической литературе получили широкое хождение положения того типа, что, мол, в Советской России уже нет объективных законов, что экономическое развитие регулируют не экономические законы, а сознательная воля пролетариата, единый народнохозяйственный план. Так, крупнейший советский политэконом еще с довоенных лет Л.М. Гатовский писал в 1930 году: «Регулятором экономики СССР является плановый регулятор процесса построения социализма».² Таким образом, исторический материализм во многих работах советских обществоведов, искренне продолжавших считать себя марксистами, в довоенный период был почти полностью преодолен.

В 30-х и особенно в 50-х годах с расцветом необъявленного национал-большевизма, советские обществоведы стали не только отрывать изучаемую материю от объективных законов развития общества, но и отрывать российское общество от мировой истории. Хотя

¹ Там же. С. 29, 30, 33.

² Гатовский Л. О предмете и методе теории советского хозяйства. Проблемы экономики, 1930. № 1. С. 51.

экономическая дискуссия 1951 года несколько вернула почтение к объективным экономическим законам, но в исторической науке этот процесс шел сложнее. И до сих пор многие российские общественеды пытаются свернуть со столбовой дороги мировой истории на хуторской принцип так называемого цивилизационного подхода. Но наши историки — это особая статья.

В рамках рассматриваемой темы приведем такой пример. На Всесоюзной дискуссии историков в 1965 года один из основных докладчиков Н.И. Павленко заявил: «Задача состоит не в том, чтобы выискивать в истории России черты, сближающие эту историю с историей Запада или Востока, а в том, чтобы изучать историю нашей Родины независимо от эталонов, такой, какой она была».¹ Думается, что это была одна из первых попыток обосновать так называемый цивилизационный подход, который сегодня расцвел пышным цветом. В советский период цивилизационный подход сдерживался необходимостью соблюдать приличия по отношению к марксизму и историческому материализму в частности. На той же дискуссии уже цитированному историку хорошо ответил М.Я. Гефтер. Начав с элегантной фразы, что, видимо, Н.И. Павленко «неудачно выразил свою мысль», Гефтер емко сформулировал позицию, которая полностью опрокидывала весь цивилизационный подход и его носителей: «Процесс исторического развития России, как и всякой другой страны, может быть до конца понят лишь тогда, когда его рассматривают не изолированно, а как часть движения всемирной истории, т. е. во всей сумме не только внутренних, но и внешних связей...».² Цивилизационный подход, запущенный в противовес историческому ма-

¹ Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969. С. 113. В том же выступлении этот историк сделал и такое замечание, видимо, вспомнив 40-летие указания М.Н. Покровского: «Большой вред наносят существующие в нашей стране пережитки экономического материализма» (там же, С. 110). Т. е. этот историк объявил вредным важнейшее положение марксизма, и никто из участников дискуссии ему почему-то не возразил. Это тоже характерно для советского «марксизма-ленинизма».

² Там же. С. 228.

териализму, кроме обычной констатации фактов ничего объяснить в истории не в состоянии. Так изучать историю просто невозможно. История как наука — это сравнение. Сравнение прежде всего по вертикали времени — от начальных форм общественного устройства к современным и сопоставление всех этапов развития этих форм. Иначе нельзя будет понять ход истории. Но сравнение и по горизонтали: разных обществ и их форм в одно и то же время. Иначе нельзя будет понять степень исторического развития. И только в результате этих исторических сравнений выявляются законы развития общества, что, собственно, и изучает исторический материализм. Если же изучать историю просто «как она была», то все дело сведется к бессмысленному и бесконечному перечислению исторических фактов, дат и имен. И любой историк ничем, кроме начальства, не будет связан в типологии исторических фактов и событий. Примерно так и случилось с русской революцией 1917 года.

До самого 1917 года никто из марксистов не полагал будущую революцию как социалистическую, речь шла именно о буржуазно-демократической революции. Об этом писали все русские мыслители, так или иначе изучавшие марксизм. Например, Н. Бердяев отмечал, что «Маркс и Энгельс говорили о буржуазном характере русской революции».¹ А вот что писал Ф. Энгельс в 1893 году: «В России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, которым оперирует и действует капиталистическая революция (ибо для России это настоящая социальная революция)».² То есть за 24 года до реальной революции Энгельс без всякого сомнения говорил о грядущей в России капиталистической революции. Да и почему надо приписывать Марксу или Энгельсу пророчества относительно социалистического характера революции в России, когда это полностью противоречит их собственному учению?

Один из сильнейших аргументов признания Октябрьской революции в качестве социалистической состоит в разделении русской

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 61.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 128.

революции на две: Февральскую — буржуазную и Октябрьскую — социалистическую. Но такое разделение не выдерживает критики ни с теоретической, ни с эмпирической стороны. Теоретически, наверное, и ребенку ясно, что за 8 месяцев между февралем и октябрём не мог капитализм в России так развиваться, чтобы создать необходимые экономические предпосылки для социализма. Изучая же революцию эмпирически, понимаешь, что это была одна революция, но с двумя этапами. Сами ее участники и свидетели не превращали эти два этапа в принципиально различные революции. «Вся суть в том, — писал Л. Троцкий, — что Февральская революция была только оболочкой, в которой скрывалось ядро Октябрьской революции».¹ Это очень любопытная оговорка одного из ведущих деятелей большевистского руководства. Если Октябрьскую революцию трактовать как социалистическую, значит, и Февральская, раз она только оболочка, в существе своем была социалистической революцией. Но тогда где же и когда была буржуазная революция? Ведь не может же феодальное общество с фундаментом «первобытно-коммунистического характера» (по словам Ф. Энгельса) сразу перескочить к социалистической революции, не обратив внимания на необходимость буржуазной стадии развития. Для народников и цивилизационников тут ничего страшного нет, для них все возможно. Но ведь большевики были стойкими марксистами, даже «доктринерами». Вот в чем дилемма.

О двух этапах одной революции писали и Ленин, и даже Сталин, и многие другие. Так, последний в 1927 году замечал, повторяя Ленина, что «доведение буржуазной революции до конца растянулось на целый период после Октября».² С февраля по октябрь шло нарастание революционного напряжения, охват революцией все больших масс населения, углубление ее и, наконец, решение в октябре тех задач, которые были только поставлены в феврале. Таким образом, собственно говоря, Октябрь не решил, да и не мог решить задач социализма. Особенно это ясно стало после 1991 года.

Традиция трактовать Февраль и Октябрь 1917 года как одну русскую революцию довольно давно утвердилась в зарубежной иссле-

¹ Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. М., 1997. С. 24.

² Сталин И. Соч. Т. 9. С. 216.

довательской литературе.¹ В самое последнее время положение о единой русской революции с двумя ее этапами все шире пробивает себе дорогу и в отечественной литературе.²

Отказ от деления русской революции 1917 года на февральскую и октябрьскую как на две самостоятельные революции ведет к необходимости переосмысления утвердившихся схем их характера. Если мы имеем одну революцию, то, стало быть, и характер (сущность) ее также одна.

Пролить дополнительный свет на характер русской революции и корни ленинской дилеммы может более детальный анализ материальных и социально-экономических ее предпосылок. Надо выяснить следующие вопросы: 1) были ли объективные предпосылки революции вообще; 2) какого рода были эти предпосылки, какую революцию они предопределяли. Ясно, что у революций противоположного характера (буржуазной и социалистической) не должны быть, не могут быть одни и те же объективные предпосылки. Поэтому и представляет немалый интерес анализ материальных предпосылок революции.

2. К вопросу о материальных предпосылках революции

Таким образом, проблема наличия материальных предпосылок революции продолжает быть актуальной. Были ли эти предпосылки вообще, насколько они были объективны? От ответа на эти вопросы зависит и объективность самой революции. Если были объективны материальные и социально-экономические пред-

¹ См.: Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 229.

² См., например: Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945). Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. М., 1996. С. 7; а также материалы дискуссий: Октябрь 1917: смысл и значение. Материалы круглого стола в Горбачев-Фонде 30 октября 1997 г. М., 1998; 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998.

посылки революции, что и делает ее объективно неизбежной, то какие они были, т.е. какой характер они придавали самой революции? Тоже интересный и важный вопрос.

В серьезной исторической литературе как в начале XX века, так и в конце его проблема социально-экономических предпосылок русской революции обычно не ставится под сомнение. Но вызывает жаркие споры специальная проблема предпосылок для строительства социализма в России в начале XX века. Большинство исследователей (в основном марксисты и либералы) склоняются к мнению, что именно этих предпосылок для социализма в экономически и культурно отсталой стране в то время не было. Эта точка зрения была общей, например, для социал-демократов (особенно меньшевиков) и тем более с этим вполне были согласны кадеты.

Вопрос о материальных предпосылках русской революции, по сути, сводится к определению степени развитости капитализма в России к 1917 году. Если эта степень была достаточно высокой уже к февралю 1917 года, т. е. капитализм в России к этому сроку был как бы уже и перезрелым, то отсюда следуют два важных вывода. Первый — что февральская революция 1917 года вообще была не нужна, ибо капитализм в России на тот период господствовал и процветал. Зачем же делать буржуазную (а по поводу характера Февраля никто не спорит) революцию, если с капитализмом в стране все было прекрасно. Второй — ничтожный срок между «буржуазным» Февралем и «социалистическим» Октябрем можно легко объяснить или вообще не принимать во внимание. Логическое объяснение этого феномена может быть следующим. Февральская буржуазная революция сильно запоздала в силу исключительных особенностей российского капитализма, но высокая степень развития последнего предопределила быстрый переход к социалистической революции. Можно даже говорить о значительной растянутости буржуазной революции, начиная отсчет с крестьянской реформы 1861 года. Революцию 1905 года будем принимать за кульминацию этого процесса и февраль 1917 года как уже окончательное утверждение господства буржуазно-капиталистических отношений, приобретение ими соответствующей политической оболочки. Конечно, растянутость революции на 50–55 лет — довольно странный и большой срок, но по историческим меркам и для условий России это можно как-то объяснить. Все это, хотя и с трудом,

можно объяснить, если исходить из гипотетического предположения, что российский капитализм к 1861 году был уже достаточно развит, а к 1917 году не просто занимал господствующее положение, но и даже изрядно перезрел. В общем, все упирается в доказательство степени развитости капитализма в России к началу XX века.

Отечественные историки советского периода, которые довольно много занимались вопросами генезиса капитализма в России и перехода от феодализма к капитализму, все свои дискуссии и изыскания проводили в рамках ленинской формулы, что в России капитализм был среднеразвит. Более того, было даже и такое мнение: «Начальный и конечный моменты капиталистической формации на территории нашей страны точно определены классиками марксизма». Это мнение высказал академик Н.М. Дружинин в 1949 году в журнале «Вопросы истории», сославшись при этом на «Краткий курс истории ВКП(б)».¹ Но если в этом «Кратком курсе» все «точно определено», зачем же было писать статью для научного журнала под названием «О периодизации истории капиталистических отношений в России» и вообще развивать дискуссию по данному вопросу? А дискуссия эта, как мы увидим в дальнейшем, шла все последующие годы с нарастающей интенсивностью и сегодня приобретает новый оборот. Однако вернемся к ленинской постановке.

В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» В.И. Ленин писал о «сравнительно развитом капитализме в промышленности», правда, тут же отмечая «чудовищную отсталость деревни»². И в 1920 г. он продолжал держаться этого определения российского капитализма: «Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло», — писал Ленин в замечаниях на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода».³ В общем и целом Ленин полагал, что капитализм в России уже есть и даже в определенной мере достаточный, чтобы рабочая партия могла взять власть. Это положение более или менее признано в литературе. Так, Л. Шапиро писал в конце 60-х годов прошлого века,

¹ Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. М.: Наука, 1987. С. 149.

² Ленин В.И. Соч. Т. 16. С. 301

³ Ленинский сборник. XL. М., 1985. С. 425.

что Ленин «верил, что капитализм уже существует в России и не просто на ранней стадии»¹.

Тут есть один нюанс. По Ленину капитализм в России был достаточен для взятия власти, но не для ее удержания социалистической партией. До самых последних дней Ленин все же ждал мировой революции, когда бы европейский пролетариат смог прийти на помощь русской революции. Обычно на этот нюанс в советской литературе не обращали внимания и в согласии с ленинскими текстами (без нюансирования) считали капитализм, сложившийся в России к началу XX века, вполне достаточным и даже зрелым для успешной социалистической революции. Капитализм в России до революции 1917 года вообще не ставился под сомнение. Даже положение, что Великая Октябрьская социалистическая революция одновременно покончила с царизмом (т.е. с феодализмом) и капитализмом, не воспринималось как алогичное. Ведь невозможно одновременно отбросить две различные стадии социально-экономического развития общества. Это так же фантастично, как если бы человек, заканчивая обучение в средней школе, одновременно с этим закончил бы и университет. Эти положения с оговорками или без них просуществовали в отечественной исторической литературе и до сего дня. Хотя встречались и очень редкие исключения, когда тезис о среднеразвитом капитализме ставился под сомнение. Однако эти исключения нужно выискивать, что называется, между строк, и на них будет указано ниже.

Ничего принципиально нового в перестроечное и постперестроечное время по данному вопросу официальная (т. е. осуществляемая Российской академией наук) историческая наука нам не предложила.² Лишь на периферии ее пробиваются некоторые реалистические воз-

¹ Schapiro L. Lenin after Fifty Years. In: Schapiro L. and Redaway P. (eds.). Lenin. The Man, the Theorist, the Leader. A Reappraisal. London: Pall Mall Press, 1967. P. 13.

² В этой связи можно привести книгу В.И. Бовыкина «Финансовый капитал в России накануне первой мировой войны» (М., 2001), где отмечается, что признание России начала XX века страной «среднего уровня капиталистического развития» до последнего времени повторялось в различных изданиях «как нечто, не вызывающее сомнений» (С. 14).

зрения. Так, например, Л.В. Никифоров из Института экономики РАН вполне обоснованно замечает, что «в фундаментальном труде Ленина “Развитие капитализма в России” уровень капитализации страны был явно преувеличен».¹ При этом оставим в стороне вообще фантастический взгляд, что Россия в начале XX века была мощно развивающейся экономической системой, входившей в число 5–7 ведущих стран капиталистического мира. Этот взгляд был инспирирован конъюнктурным желанием подвести как бы научную базу, найти хоть какое-нибудь серьезное обоснование в защиту идеологической позиции ненужности, искусственности революции 1917 года. Мол, Россия и так прекрасно развивалась. Но этот взгляд полностью игнорирует все результаты многих социальных наук, полученные авторитетными исследователями любой политической тенденции. Поэтому в рассмотрении проблемы материальных предпосылок мы будем использовать не только самые последние работы (которых чрезвычайно мало), но и более ранние (которые также по-своему интересны). Однако есть более чем основательные сомнения в тезисе о среднеразвитом капитализме в России. Рассмотрим эти сомнения по порядку.

Сами отечественные историки противоречивы и далеко не едины в определении основных моментов генезиса капитализма: развитие товарного производства и обмена, капитализма в аграрном секторе, промышленного переворота, первоначального накопления капитала, начала и завершения индустриализации, перехода от мануфактуры к фабрике и т.д. Так, Н.М. Дружинин считает, что «реформа 1861 г. завершила собой процесс первоначального накопления»². Однако после этой крестьянской реформы крупной машинной промышленности создано не было и даже не появились отдельные «гиганты индустрии». После реформы 1861 года можно говорить лишь о начале процесса накопления капитала, и то с большой степенью условности. Ибо к началу первого этапа индустриализации в последней четверти того века собственного капитала в стране было мало. По крайней мере, его явно не хватало для развертывания полномасштабной индустриализации. Другой авторитетный историк Б.Б. Кафенгауз про-

¹ Смешанное общество. Российский вариант. М., 1999. С. 15.

² Дружинин Н.М. Генезис капитализма в России. М., 1955. С. 36.

цесс первоначального накопления растягивает до начала XX века: «Таким образом, методами “первоначального накопления” в России являлись частичная “экспроприация земледельцев”, рост государственного долга, субсидии и привилегии буржуазии, они приходятся на вторую половину XIX и начало XX в.»¹ Действительно, это более реалистическая точка зрения. Однако ее стоило бы дополнить: на этот период приходится лишь начало «первоначального накопления», прерванное Первой мировой войной. После войны, в 20-е годы, вопрос о средствах для экономического развития страны встал опять в повестку дня. Вспомним дискуссии тех лет в советской литературе о «законе первоначального накопления», которое опять же осуществлялось в основном за счет аграрного сектора. И только индустриализацию 30-х годов XX века можно считать естественной формой реализации процесса накопления капитала для экономической модернизации производственного потенциала страны. В пользу тезиса о том, что к началу XX века первоначальное накопление капитала не было завершено или не было достаточным (что то же самое), говорит интенсивное проникновение в страну иностранного капитала.

Некоторые советские историки, правда, очень немногие, хорошо показали, что даже на промышленных предприятиях Урала к началу XX века сохранялись некапиталистические уклады. Так, В.В. Адамов утверждал, что в этот период вся российская промышленность была многоукладна. Он приводит мнение комиссии Д.И. Менделеева, посетившей Урал в 1898 году, о большой степени натурализации в промышленности Урала: «Почти повсеместное господство старого дореформенного принципа “иметь” все свое от рабочего до последнего гвоздя».² Он также отмечал, что лишь в конце XIX — начале XX веков в прессе и литературе был поднят вопрос «о путях и средствах ликвидации крепостнических порядков и реорганизации промышленности

¹ Кафенгауз Б.Б. К вопросу о первоначальном накоплении в России. В сб.: Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1957. С. 224.

² Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала. В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 250.

Урала на капиталистических началах».¹ А надо сказать, что в начале XX века Урал продолжал концентрировать существенную долю национального промышленного производства. Так, в 1910 году из 173 действующих железоделательных предприятий страны 94 (или 54 %) размещались на Урале.² То есть более половины промышленных предприятий основного индустриального ядра (металлургия) даже в начале XX века не было охвачено капиталистическими отношениями.

Период после Великой реформы 1861 года ушел на то, чтобы сделать рабочих из крепостных действительными рабочими, продающими свою рабочую силу. Прав в этом вопросе Н.М. Дружинин, когда утверждает, что «незавершенность капиталистического переустройства в 60-х годах XIX века породила буржуазно-демократическую революцию 1905 г.»³ Однако вспомним, что эта революция вырвала лишь некоторые уступки у феодальной системы, царизма. То есть «незавершенность капиталистического переустройства» растянулась и до 1917 года. Можно вполне утверждать, что всю вторую половину XIX века экономические отношения даже в промышленности характеризовались полукрепостническим состоянием.

В последнее время и среди отечественных исследователей начинают появляться реалистические взгляды на процесс генезиса капитализма в России. Так, Е.Г. Плимак и И.К. Пантин совершенно справедливо пишут, что хотя после реформы 1861 года «была приоткрыта дверь буржуазному прогрессу», но царизму так и «не удалось превратить процесс внедрения и роста “верхушек” капитализма в фактор, преобразующий всю систему общественных отношений». И даже в результате реформ Витте–Столыпина, верно считают эти авторы, капиталистические отношения «оказались неспособными охватить все народное хозяйство».⁴ Или вот аналогичный вывод другого со-

¹ Там же. С. 252.

² Статистический ежегодник на 1912 год. Под ред. В.И. Шаараго. СПб.: 1912. С. 158.

³ Дружинин Н. М. Генезис капитализма в России. М., 1955. С. 36.

⁴ Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000. С. 19, 20.

временного историка: «К XX веку Россия подошла в переходном состоянии, когда ни одна содержательная характеристика капитализма не существовала в развитом виде. Капиталистическая экономика существовала лишь как тенденция, а не как система»¹. Это действительно реалистический и современный взгляд на вещи.

Таким образом, следует признать совершенно несостоятельным общераспространенное среди историков (и, конечно, не только среди них) утверждение, зафиксированное в Советской исторической энциклопедии, что господство капиталистического строя в России приходится на период 1861–1917 годов. И что этот период «делится на две стадии: прогрессивного, восходящего развития (1861-й — конец XIX века) и стадию империализма, гибели капиталистической системы эксплуатации (начало XX в. — 1917-й)».² Нелепость этого положения просто вопиющая. По мнению авторов, капитализм восходяще развивался до конца, т.е. до начала первого этапа индустриализации. Но что же это был за «капитализм» без индустрии, без крупной машинной промышленности? Далее, на зрелую стадию капитализма авторы этой, с позволения сказать, энциклопедии отводят 17 лет, когда капитализм не только стал зрелым, но и перезрел и ликвидировался. И это в России, которая позже других стран вступила на капиталистический путь развития и буквально тут же его и закрыла, несмотря на то что все остальные страны мира преспокойно до сих пор развиваются в лоне капиталистического способа производства. Хотя многие из них начали свой путь к капитализму на несколько сот лет раньше России. Таким образом, развитие капитализма в России после отмены крепостного права действительно началось, но до его господства было еще очень далеко.

Теперь рассмотрим вопрос — как обстояло дело с капитализмом в сельском хозяйстве. Прежде всего заметим, что нельзя распространять господство (подчеркнем, не развитие, а именно господство)

¹ Гусейнов Р.М. Капитализма в России не было даже в период «капитализма». В сб.: Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. С. 68.

² Советская историческая энциклопедия. М., 1965, Т. 6. С. 988.

капиталистического строя в России на период второй половины и конца XIX века, не объяснив, куда девалась община. Ведь более 80% населения страны в начале XX века составляло сельское население и все или почти все это население было охвачено общинными и натуральными производственными отношениями. По имеющимся данным историков, 83,2% крестьянской земли в Европейской России в 1905 году было в общинном пользовании.¹

В этих условиях не было свободного товарного оборота земли и не было свободного рынка труда. Более того, как отмечают специалисты по аграрному вопросу России в конце XIX века, несмотря на усиление процесса замены отработочной ренты на денежную, что могло бы свидетельствовать о проникновении товарных отношений вглубь сельскохозяйственного производства, эта замена была лишь номинальной. Помещики и владельцы земли сообразили, что сдавать землю в аренду выгоднее не за натуральные отработки на земле владельца, а за деньги. Но так как денег на селе было мало, а рабочих рук много, то деньги ценились выше труда. У крестьян денег не было, и расплачиваться им в конце концов приходилось трудом, т. е. теми же натуральными отработками, но уже в большем размере. На это впервые обратил внимание известный историк аграрных отношений в России А.М. Анфимов: «Началась своеобразная мимикрия отработочной системы: по учету — денежная, а по сути — отработочная. Это вконец запутало статистиков, и статистическое отражение арендных цен превратилось в фикцию». И несколько дальше: «Денежные расчеты были лишь оболочкой, денежной оберткой той же отработочной системы».² Значит, даже там, где натуральные экономические отношения в аграрном секторе заменялись как бы денежными, все это было не глубинной трансформацией, а внешней, по форме. Конечно, какие-то моменты капитализации аграрного строя имели место (отрицать это невозможно), но и они были или незначительными, или локальными. «Если капиталистические элементы русской деревни были относительно локализованы, — писал М.Я. Гефтер, — то крепостнический уклад является фактически все-

¹ Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 133.

² Там же. С. 17, 20.

российским».¹ Академик Н.М. Дружинин в одной из своих работ специально отмечал: «Аграрный вопрос и ликвидация сословной не-равноправности крестьян оставались в центре внимания не только революционных социалистических партий, но и либерально-реформистских течений вплоть до социального переворота 1917 г.»² Тем самым признается, что 80% населения страны до самого 1917 года находилось в «сословной не-равноправности», т.е. не освободилось еще от пут феодализма.

Столыпинские реформы начали процесс капитализации деревни, но он не был ни последователен, ни закончен. И по общему мнению специалистов эти реформы потерпели поражение. Тот же А. Анфимов на основе тщательного и детального анализа делает такой вывод: «Официальные государственные акты позволяют высказать утверждение, что столыпинский вариант земельной реформы в России потерпел крушение еще при жизни Столыпина».³ Другой крупный отечественный историк И.Д. Ковальченко, который, заметим, по вопросу капитализации аграрной сферы придерживался взглядов, противоположных позиции Анфимова, тем не менее после тщательного анализа всех современных «мифов и реальностей» столыпинской реформы делает тот же самый вывод: «Проведенный анализ показывает, что столыпинская аграрная реформа по сути провалилась еще до Первой мировой войны».⁴

Итак, основное население страны жило в деревне и занималось сельским хозяйством, несмотря на бурное развитие промышленности. Некоторые историки и экономисты утверждают, что и в аграрной сфере происходило интенсивное развитие капиталистических отношений. Действительно, такое развитие имело место. Однако,

¹ Гефтер М.Я. Многоукладность — характеристика целого. В кн. Вопросы истории капиталистической России. Свердловск: 1972. С. 91.

² Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 366.

³ Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 133.

⁴ Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М.: РОССПЭН, 2004. С. 485.

показатели товарности крестьянского сельскохозяйственного производства свидетельствуют о преобладании натуральной формы производства. Так, известные историки-экономисты Н.Д. Кондратьев и П.И. Лященко дают примерно равный процент товарности сельскохозяйственной продукции в первом десятилетии XX века: 33,3% (Н. Кондратьев)¹ и 26,0% (П. Лященко). Причем последний отмечает, что середняки и бедняки, производя половину всего хлеба, давали его товарность лишь 14,7%.² Иными словами, несколько более 85% производства подавляющего большинства населения страны оказывалось натуральным. Это резко контрастирует с бездоказательными утверждениями многих историков советской поры, что к середине XIX века у нас существовало крестьянское хозяйство, «которое уже в значительной мере втянулось в товарное производство».³

Таким образом, дореволюционная русская деревня, объединяющая абсолютное большинство населения страны и тем самым доминирующая во всех сферах русской жизни, была опутана не капиталистическими, а еще феодальными отношениями. Говорить о сильном проникновении капитализма в аграрный сектор дореволюционной России просто не приходится. Главная проблема в аграрной сфере состояла в малоземелье подавляющего числа крестьянских семей. То количество земли, которым владели крестьяне, не могло обеспечить их выживаемость. Необходимость перераспределения земли, в первую очередь помещичьей, и составляла основную материальную предпосылку русской революции.

Исследуя предпосылки революции 1917 года, необходимо также прояснить вопрос о главном ее субъекте: какой класс или слой выступил основной движущей силой в революции. Если капитализм в стране был достаточно развит и буржуазная революция по сути дела была не нужна, то, видимо, преобладающим классом уже был рабочий класс. Далее, если эта революция была социалистической или

¹ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 101.

² Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956. С. 279.

³ См.: Переход от феодализма к капитализму в России. М., 1969. С. 338.

пролетарской, то, стало быть, основным ее двигателем должен быть пролетариат. Таким образом, важным представляется выяснение вопроса о численности рабочего класса (пролетариата) в канун русской революции 1917 года. В этой связи нелишним будет привести слова К. Каутского, который в согласии с марксистской традицией считал, что сильнейшим оружием пролетариата является его численность. «Он может освободить себя только тогда, — пишет К. Каутский, — когда сделается самым многочисленным классом, когда капиталистическое общество настолько развилось, что в работающих классах уже не преобладают крестьяне и мелкая буржуазия».¹ В России же к 1917 году существенно, ощутимо преобладало крестьянство. Этот факт никто не подвергает сомнению. И тем не менее желательно посмотреть — сколько же было в реальности рабочего класса на этот период.

Большую работу по выяснению численности и структуры трудящегося населения России в предреволюционную пору проделал А.Г. Рашин². По его данным получается в 1913 году: промышленных рабочих и служащих 7850 тыс., занятых на транспорте и связи — 1400 тыс., сельскохозяйственных рабочих — 4500 тыс., чернорабочих и поденщиков — 1100 тыс., рабочие, ученики и служащие в торговле, гостиницах, ресторанах — 865 тыс., разнообразная «прислуга» — 2100 тыс. В целом получается 17 815 тыс. человек или, если принять все население России в 1913 году за 159,2 млн. человек, то все трудящиеся (кроме предпринимателей, хозяев и крестьян в том числе) составят немногим более 11% населения страны.

В этих исчислениях А. Рашина, которые, можно сказать, стали классическими и широко воспроизводятся многими исследователями, есть тем не менее серьезные изъяны. Так, в пункте «фабрично-заводские и горнозаводские рабочие и служащие» (3350 тыс.) объединяются, собственно, рабочие и служащие. Последние в тогдашних условиях России составляли достаточно привилегированный класс

¹ Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тупике. М., 2002. С. 49.

² Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М., 1958. С. 171.

и ни с какой стороны не относятся к пролетариату. В другом месте А. Рашин указывает, что только рабочих промышленных предприятий страны в 1913 году насчитывалось 2120,8 тыс. человек,¹ что составляло примерно 1,3% общей численности населения страны. Но это, по Рашину, касается только численности рабочих промышленности. Затем, весьма сомнительно относить к пролетариату разнообразную прислугу в количестве 2100 тыс. Также и сельскохозяйственные рабочие (4500 тыс.), это все-таки больше крестьяне, которые подрабатывают по найму. Таким образом, если даже очень грубо очистить данные Рашина от явных натяжек (т.е. вычесть прислугу; рабочих, учеников и служащих в торговле, гостиницах, ресторанах; сельскохозяйственных рабочих), но оставить в его перечне «служащих» во всех остальных разрядах, ибо не представляется возможным их статистически вычленивать, то получаем общий итог в 10 350 тыс. человек, или 6,5% от всего населения.

Если же подходить к определению численности пролетариата более строго, то следует выделять лишь промышленный пролетариат, который и является согласно ортодоксальному марксизму собственно носителем идеи «научного социализма». Ясно, что такие категории трудящихся как прислуга, ученики и служащие в торговле, поденщики, рабочие-надомники и т. п., промышленным пролетариатом не являются. Нельзя к нему относить и сельскохозяйственных рабочих, потому что в российских условиях это, по сути дела, те же крестьяне, которые в силу разных причин временно вынуждены работать по найму. Однако и у них есть свой крестьянский дом, свое хозяйство, крестьянская (в целом мелкобуржуазная), а не пролетарская идеология и психология.

Таким образом, если брать только пролетариат в узком его значении, которое является и наиболее точным, то есть рабочих фабрично-заводской промышленности, то мы должны остановиться для 1917 года на цифре где-то в 3 млн. человек. Именно на эту цифру указывают многие другие авторы. Так, авторитетный советский статистик трудовых ресурсов Л.Е. Минц приводит таблицу, в которой на 1917 г. дается цифра в 2,9 млн. человек фабрично-заводских рабочих.²

¹ Там же. С. 42.

² Минц Л.Е. Трудовые ресурсы СССР. М., 1975. С. 39.

Если к этой цифре добавить еще работников железнодорожного транспорта (т. е. рабочих и служащих вместе, ибо мы не располагаем отдельной статистикой по данному разряду) в размере 520 тыс. человек постоянно занятых или даже 905 тыс. вместе с временными и поденными¹, то получим около 4 млн. человек. Другой весьма авторитетный специалист в области экономической истории П.А. Хромов привел почти те же данные. По его мнению, в 1913 году в крупной фабрично-заводской промышленности России было занято 3,1 млн. рабочих. Если же учитывать численность «работников водного транспорта, рабочих коммунальных предприятий, предприятий военного ведомства и других», то П. Хромов дает общую численность пролетариата России в 1913 году приблизительно в 4,5 млн. человек.² Другие авторы приводят примерно такие же данные.³

¹ Там же. С. 103.

² Хромов П.А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического капитализма в России. М., 1982. С. 152. Некоторые советские статистические сборники дают примерно ту же цифру рабочих промышленности в 1913 г. в 3,5 млн. или 3,9 млн. человек. В 1913 г. на территории СССР в границах до 17 сентября 1939 г. среднегодовая численность наемных рабочих составляла «около 3,5 млн. человек» (Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957. С. 23). См. также: Народное хозяйство СССР в 1959 году. М., 1960. С. 139; Страна советов за 50 лет. Сборник стат. материалов. М., 1967. С. 52.

³ П. Лященко приводит цифру в 2,5 млн. рабочих на 1 января 1915 г. (Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956. С. 650). В. Булдаков приводит данные, согласно которым в начале 1917 г. промышленных рабочих в России было 4,8 млн. человек (См.: Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? М.: Политиздат, 1991. С. 25). Известный американский историк М. Левин также считает, что пролетариат перед революцией насчитывал не более 3 млн. промышленных рабочих (Lewin M. Lenin's Last Struggle. N.-Y., 1970. P. 5). Эти же 3 млн. рабочих «в строгом смысле слова» приводит Н. Верт (Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 17).

Ко всему этому следовало бы добавить, что большая часть рабочих сосредотачивалась в 2–3 промышленных центрах: Санкт-Петербург, Московская и Владимирская губернии. В 1910 г. на эти три центра приходилось 683 тыс. рабочих или 42% всех рабочих промышленности страны.¹ Можно предположить, что и в последующие годы при абсолютном увеличении численности рабочих пропорции в распределении их между промышленными центрами и всей остальной Россией существенно не изменились.

Итак, к пролетариату, собственно, можно отнести 3–5 млн. человек на почти 160 млн. населения страны в 1917 году. Другими словами можно сказать, что пролетариата в точном смысле этого слова (тем, кому, с одной стороны, действительно нечего терять кроме «своих цепей» и, с другой стороны, не люмпенов, не деклассированных элементов) перед революцией 1917 года в России было примерно 2–3 % от всего населения страны. Здесь, правда, можно возразить, что в данном подсчете не учитываются члены семьи, что увеличило бы приводимую цифру как минимум в 2–3 раза. Однако нам представляется, что членов семьи, иждивенцев, нельзя включать в общее число пролетариата (или шире — рабочего класса), ибо домашняя хозяйка и тем более дети и старики не являются носителями конституирующих признаков данного класса. Но даже если увеличить численность рабочих за счет взрослых членов семьи, то общий процент этого класса не превысит 5–6 % от всего населения страны.

К этому следует добавить, что даже этот ничтожный процент в большинстве своем охватывал рабочих, которые имели давние корни в деревне, далеко еще не оборвали свои связи с сельскохозяйственным производством, психологически были близки к мелкобуржуазной стратегии поведения, в целом разделяя буржуазные (точнее, мелкобуржуазные) идеологические стереотипы. В старой статистической литературе, а также и в новейшей исторической литературе этот вопрос, думается, прояснен уже основательно.

В этом отношении показательны материалы выборочной переписи 1929 года по рабочим профессиям металлистов, горнорабочих и текстильщиков, обобщение которых опубликовал известный со-

¹ Статистический ежегодник на 1912 год. Под ред В.И. Шапорого. СПб., 1912, Часть 1. С. 202.

ветский экономист Я.Б. Кваша совместно с Ф. Шофманом в 1930 году.¹ Перепись проводилась в главнейших промышленных центрах страны: Московской промышленной области, Ленинграда, Ивановской области, Донбасса, Урала и Баку. Так вот, по данным Я.Б. Кваши, выходцев из крестьян (по социальному положению отца) среди металлургов Ленинграда и Московской губернии было 38%. Среди текстильщиков Московской области — 34,7%, Ивановской области — 43,6%, Ленинграда — 35,5%. В каменноугольной промышленности Донбасса таких рабочих было 63,0%, среди металлургов Украины — 53,7%, металлургов Урала — 26,4%. Последняя цифра может характеризовать уже сложившиеся промышленные традиции Урала. Но при этом надо иметь в виду особый характер уральской промышленности.

Это обнаруживается, если обратиться к рассмотрению вопроса о владении рабочими землей и занятием сельскохозяйственным производством. Так, из тех же данных Я.Б. Кваши следует, что в период 1914–1917 годов землей владели среди рабочих ленинградской металлопромышленности — 12,3%, московской металлопромышленности — 30,9%, уральской — 30,1%, московской текстильной промышленности — 24,7%, ивановской — 15%. Обращает на себя внимание факт, что среди уральских металлургов владели землей более 30% рабочих, но крестьянские корни имели лишь 26,4%. То есть рабочие Урала, с одной стороны, среди всех рабочих России были, так сказать, самыми рабочими. Но, с другой стороны, оказались в числе самых больших «землевладельцев», тех кто не порывал с сельскохозяйственным производством. Это объясняется в целом отсталым характером индустриальных отношений Урала, о чем уже шла речь. В статье Я. Кваши и Ф. Шофмана цитируется одна примечательная резолюция Уральской областной конференции марксистов-аграрников (ноябрь 1929 года), где среди прочего говорится: «Особенностью Урала является то, что рабочие в старых заводских районах Урала в то же время являются сельскими хозяевами, что накладывает своео-

¹ Кваша Я., Шофман Ф. К характеристике социального состава фабрично-заводских рабочих СССР. // Пути индустриализации, 1930, № 1. Перепечатано в кн.: Кваша Я.Б. Избранные труды. Т. 1. Методологические основы статистического анализа. М., 2003. С. 191–215.

бразный отпечаток, и на промышленность и на сельское хозяйство Урала».¹ Вот! А многие советские историки 60-х годов (времен хрущевской «оттепели») продолжали упорно твердить о господстве капиталистических отношений, «не видя» архаичный (полукрепостнический) характер даже промышленности Урала, что хорошо разглядели «марксисты-аграрники» уже в 1929 году.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что почти половина рабочих России в первой четверти XX века стали таковыми лишь в первом поколении. Да и среди всех рабочих от 12% до 30% и более держали землю в целях сельскохозяйственного производства. Рабочий класс в России в 1917 году был и количественно не очень значителен, и качественно далеко не весь обладал пролетарским самосознанием. Собственно говоря, и сами лидеры большевиков это прекрасно понимали. Так, хорошо известны опасения В. Ленина, что после революции большевистская партия может очень легко и просто переродиться. В марте 1922 года он писал о «непролетарском составе нашей партии» и что «пролетарская политика партии определяется не ее составом», а тончайшим слоем «старой партийной гвардии»².

Поэтому сделаем общий вывод, что собственно пролетариат в России кануна революции был столь численно и качественно незначителен, что говорить о преобладании пролетарской идеологии над буржуазной в подавляющей массе населения просто не приходится. Более того, лидеры большевиков в первые послереволюционные годы много сил положили на борьбу против мелкобуржуазного перерождения собственной партии. И как мы знаем из дальнейшего хода истории, такое перерождение и произошло уже в середине 20-х годов. То есть непролетарский характер как революции, так и самой большевистской партии сказался в полной мере.

Россия, пытаясь стать равноправной европейской державой, нуждалась в серьезной и глубокой модернизации. Как было показано, после реформы 1861 года капитализм в стране не смог занять доминирующего места. Главная причина этого состояла в том, что пра-

¹ Цит. по: Кваша Я.Б. Избранные труды. Т. 1. М., 2003. С. 212.

² Ленин В.И. Соч. Т. 45. С. 20.

вающий класс в силу своей феодально-крепостнической природы не смог своевременно провести индустриализацию.

В стране не было развитой промышленности, не было индустриальной инфраструктуры. Все это надо было создавать. А для этого необходимы огромные капитальные вложения, которых в стране не было. С.Ю. Витте и начал индустриализацию с развития железнодорожного строительства, которое стало бы импульсом для развития отраслей металлургии и в целом всей промышленности. Однако, железнодорожное строительство после 1900 года захлебнулось из-за острой нехватки средств. Если в среднем за год строилось железных дорог в России в 1896–1900 годах по 3100 верст, то в 1901–1903 годах по 1902 версты, а в 1908–1913 годах уже по 719 верст. И комментируя эти данные, историк И.Ф. Гиндин пишет: «Цикличность железнодорожного строительства в России объясняется прежде всего тем, что оно почти целиком зависело от привлечения капиталов извне, которое практически могло осуществляться лишь путем государственных и гарантированных правительством займов».¹ Таким образом, русская революция не прервала индустриализацию, начатую еще при Витте, а явилась объективно неизбежным моментом самой индустриализации, которая была закончена уже в 30-х годах XX века. Феодальные социально-экономические отношения не позволяли национальному капиталу создать необходимые накопления. Поэтому-то и был так силен иностранный капитал.

История перед страной ставила вопрос: или развиваться по пути европейской модернизации, т.е. проводить индустриализацию или скатываться на периферию мировой экономики. Царское правительство не смогло найти собственных накоплений для индустриализации. Весь талант С.Ю. Витте, прекрасно понимавшего историческую необходимость индустриального развития для страны, ничего не смог сделать в условиях по существу феодальных отношений. Поэтому и нужна была в России революция как единственно возможный путь ее модернизации. Но революция, как, наверно, стало уже ясно из изложенного материала, отнюдь не социалистическая, а буржуазная

¹ Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Пути сообщения и экономическое развитие России. М.: Наука. 2006. Кн. 2. Ч. 2. С. 591, 592.

или буржуазно-демократическая. Ибо говорить о социализме можно лишь в той стране, которая уже модернизировалась, т.е. прошла стадию индустриального развития, прошла стадию капитализма. Социализм — это не альтернативное капитализму общество, а посткапиталистическое. Если в России не было достаточно серьезного капитализма к 1917 году, то и альтернативы движения к социализму быть не могло.

В этом состояла основная проблема русской революции и, стало быть, основная теоретическая проблема для большевиков. И прежде всего для Ленина как их теоретика и лидера. Оказывается, и тут было не все так просто как это представлялось еще совсем недавно.

3. Ленинская трактовка революции 1917 года

Во многих исторических и политических работах советского периода, да и постсоветского тоже, не высказывается каких-либо сомнений по поводу ленинской трактовки русской революции 1917 года, особенно октябрьского ее этапа. Почти все в один голос утверждают, что Ленин эту революцию понимал как пролетарскую или социалистическую. Однако, попробуем усомниться в такой трактовке. По крайней мере, приведем некоторые материалы или прочтем старые материалы по-новому и покажем очевидную неоднозначность именно такой трактовки.

Но для начала приведем ленинское понимание революции как таковой. «Что такое революция с марксистской точки зрения? — спрашивает Ленин в 1905 году. — Насильственная ломка устарелой политической надстройки, противоречие которой новым производственным отношениям вызвало в известный момент крах ее»¹. То есть нужны новые производственные отношения, которые сбрасывают старую политическую надстройку, а они, как известно с той же самой марксистской точки зрения, не появляются без новых производительных сил. Запомним это ленинское положение.

В.И. Ленин, будучи ортодоксальным марксистом, до самого Октября 1917 года не говорил о социалистическом характере предстоя-

¹ Ленин В.И. Соч. Т. II. С. 118.

щей революции. Это совершенно ясно по отношению к революции 1905 года, которая всеми русскими социал-демократами (и большевиками, и меньшевиками) рассматривалась как революция буржуазно-демократическая. В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин специально и выпукло рассматривает этот вопрос. Он пишет так: «Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делает невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса. Только самые невежественные люди могут игнорировать буржуазный характер происходящего демократического переворота; — только самые наивные оптимисты могут забывать о том, как еще мало знает масса рабочих о целях социализма и способах его осуществления»¹. И еще: «Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции»². Выделим из этих цитат слова «только самые невежественные люди могут игнорировать буржуазный характер», что пригодится нам в дальнейшем.

Даже на основе этих цитат можно заключить, что будущую революцию в России Ленин рассматривал исключительно как буржуазную.³ Почему же в 1917 году надо менять эту точку зрения? Что такого произошло в России за 12 лет? Разве была какая-то революция и пало самодержавие? Разве за эти годы капитализм так мощно развивался, что производительным силам уже стало тесно в его одеждах? Разве появились ростки новых, социалистических производственных отношений, которые требовали сбросить буржуазную политическую надстройку? Ничего этого не было. Простая логика требует полного сохранения ленинского тезиса о буржуазном характере предстоящей революции и в 1917 году. Поначалу так оно и было. Ведь «только самые невежественные люди» могут это игнорировать.

¹ Ленин В.И. Соч. Т. 11. С. 16.

² Там же. С. 35.

³ Этот же взгляд на революцию 1905 года Ленин сохранил и позже. Например, в 1920 году он писал: «Российская буржуазная революция 1905 года обнаружила один чрезвычайно оригинальный поворот... (Ленин В.И. Соч. Т.41. С. 74).

И дальше Ленин не изменял этой традиционно марксистской позиции. Так, в «Прощальном письме к швейцарским рабочим» перед самым отъездом в Россию (середина марта 1917 г.) сказано: «Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней *не может* победить *тотчас* социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 года, *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, *ступеньку* к ней... В России не может непосредственно и немедленно победить социализм»¹. Важно отметить, что все выделенные курсивом слова принадлежат Ленину, т. е. он специально подчеркивал (в марте 1917 г.) невозможность социалистической революции в России. Итак, Ленин допускал русскую революцию при самом широком ее размахе только как пролог «всемирной социалистической революции». Здесь Ленин ни в чем и никак не отходил от смысла и буквы учения марксизма и в этом смысле ничем не отличался от меньшевиков.

Далее. Если внимательно проанализировать знаменитые апрельские (1917 г.) тезисы Ленина, то и здесь мы не найдем формулы социалистической революции. Более того, пункт 8 этих тезисов гласит: «Не “введение” социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов»². В наброске статьи в защиту «Апрельских тезисов» Ленин еще раз специально подчеркивает: «Революция буржуазная в данной стадии. Поэтому не надо “социалистического эксперимента”»³. В «Письме о тактике», которое также входит в блок апрельских работ Ленина, он еще раз отмечает: «Я не только не “рассчитываю” на “немедленное перерождение” нашей революции в *социалистическую*, а прямо предостерегаю против этого»⁴. И наконец, в докладе на Апрельской Всероссийской конференции РСДРП(б) Ленин еще и еще раз подчеркивает: «Мы не можем

¹ Ленин В.И. Соч. Т. 31. С. 91–92.

² Ленин В.И. Соч. Т. 31. С. 116.

³ Ленин В.И. Соч. Т. 31. С. 123.

⁴ Ленин В.И. Соч. Т. 31. С. 142.

стоять за то, чтобы социализм «вводить», — это было бы величайшей нелепостью. Мы должны социализм проповедовать. Большинство населения в России — крестьяне, мелкие хозяева, которые о социализме не могут и думать»¹. Во всех этих ленинских высказываниях нет никакого противоречия между Лениным и классическим марксизмом, между Лениным и меньшевиками.

Таким образом, внимательное чтение апрельских работ Ленина 1917 года и прежде всего «Тезисов» убеждает в абсолютной неправильности «сталинской школы фальсификаций» о том, что «Апрельские тезисы» ориентировали партию на социалистическую революцию. В «Кратком курсе» истории ВКП(б) об этих тезисах Ленина говорилось так: «они давали теоретически обоснованный, конкретный план приступа к переходу к социалистической революции».² Так, к сожалению, думали почти все обществоведы советского времени вслед за этой книгой. В «Советской исторической энциклопедии» 1961 года в статье «Апрельские тезисы В.И. Ленина» почти дословно повторяются слова «Краткого курса» о том, что эти тезисы есть «гениальный план борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую».³ Недавно скончавшийся старейший российский историк Б.Г. Литвак с удручением восклицал: «Все мы вышли из “шинели Сталина” и прошли эту школу с разной степенью успешности».⁴ А некоторые отечественные обществоведы по данному вопросу продолжают пребывать в этой самой «шинели» и до сих пор.

Вот пара примеров. Так, в 1994 году Е.А. Самарская продолжала утверждать, что Ленин «в “Апрельских тезисах” предлагал форсировать социалистическую революцию в России с опорой на ее внутренние силы».⁵ И даже такой мудрый обществовед и писатель, как Р.А. Медведев, на которого уж никак нельзя набросить «сталинскую шинель»,

¹ Ленин В.И. Соч. Т.31. С. 357.

² История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 177.

³ Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. С. 655.

⁴ Литвак Б.Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох. СПб., 2002. С. 9.

⁵ Самарская Е.А. Социал-демократия в начале века. М., 1994. С. 75.

в своей самой свежей книге о социализме бездумно повторяет эти старые клише о том, что Ленин «в апреле 1917 года на первой легальной проведенной в России большевистской партийной конференции» выдвинул «лозунг социалистической революции». И далее пишет наш знаменитый историк: «Ленин провозгласил возможность победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране...»¹. Но ведь можно почитать сами ленинские тексты, это совсем не трудно. Понимая сложность положения и даже «греховность» обществоведов советского периода, все же вносить ясность в вопрос надо. Надо поэтому и выявлять все ошибочные положения прежних историков. Ибо эти прежние положения на удивление прочно сидят в массовом сознании людей даже и сегодня. Так на основе подтасовок высказываний лидеров большевизма утверждались догмы сталинской методологии в общественном знании. Хотя, конечно, нельзя утверждать, что Ленин и вовсе не говорил о социалистической революции. Здесь же мы акцентируем другие места его работ, дающие намного более сложную картину.

Однако вернемся к «Апрельским тезисам». По общему признанию, апрельские выступления Ленина вызвали среди руководящих слоев партии, а также других социалистов замешательство. Впечатления об этих выступлениях Ленина меньшевик Н. Суханов передавал в таких словах: «Ленин, известный доселе как социал-демократ, приемлющий программу Второго съезда, ошеломил не только мне подобных, но и заставил изрядно растеряться более грамотных из верных своих учеников... В этой речи... не было анализа объективных предпосылок, анализа социально-экономических условий для социализма в России. И не было не только разработанной, но и намеченной экономической программы»². Шокирующее воздействие апрельской концепции Ленина заключалось не в провозглашении социалистической революции, а в необходимости немедленного взятия политической власти социалистической партией, в частности, большевиками.

Это тоже интересный сюжет и несколько запутанный в нашей литературе, но сейчас речь идет о другом. Перечитаем некоторые

¹ Медведев Р.А. Социализм в России? М., 2006. С. 104.

² Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2. С. 13–14.

места в казалось бы хорошо известных работах Ленина, что раньше как-то проходило мимо внимания.

Думается, что центральное место в работах Ленина этого периода по интересующему нас вопросу занимает его речь на VIII съезде партии в марте 1919 года. Здесь Ленин говорит следующее: «В стране, где пролетариату пришлось взять власть при помощи крестьянства, где пролетариату выпала роль агента мелкобуржуазной революции, — наша революция до организации комитетов бедноты, т. е. до лета и даже осени 1918 года, была в значительной мере революцией буржуазной. Мы этого сказать не боимся... Но когда стали организовываться комитеты бедноты, — с этого момента наша революция стала революцией *пролетарской*»¹. Это четкая позиция и четкий аргумент. Но вместе с тем это и очень странный аргумент.

Рассмотрим все последовательно. Известно, что комбеды в деревне начали создаваться в связи с Декретом Советской власти от 11 июня 1918 года об организации деревенской бедноты, а были ликвидированы по решению VI съезда Советов в ноябре 1918 года. То есть просуществовали всего лишь 5 месяцев. Не вдаваясь в конкретный анализ их деятельности и ее, так сказать, общественной полезности, все-таки отметим, что такое кратковременное существование комбедов не может свидетельствовать об их особой эффективности или нужности. Тем более, что они существовали параллельно с деревенскими Советами и, надо думать, вносили много путаницы и двойственности в осуществление советской власти в деревне, где к тому же продолжала господствовать традиционная русская община.

Кстати говоря, сам Ленин в ноябре 1918 года говорил, что «комбеды и Советы в деревнях не должны существовать порознь. Иначе получится склока и лишнее словоговорение. Мы сольем комбеды с Советами, мы сделаем так, чтобы комбеды стали Советами»². Так и было сделано. Но это и означает, что революция так и не стала пролетарской.

Итак, какие же сомнения вызывает ленинская формула превращения буржуазной революции в пролетарскую с момента «организации комитетов бедноты». Их несколько.

¹ Ленин В.И. Соч. Т. 38. С. 143.

² Ленин В.И. Соч. Т. 37. С. 180–181.

Первое. Непонятно, почему какие-либо преобразования в крестьянстве, в деревне превращают буржуазную (в данном случае крестьянскую) революцию в пролетарскую. Ведь от создания комбедов деревня не превратилась в город, а сельскохозяйственное производство не превратилось в машинное производство, в крупную или даже мелкую фабрику, и, наконец, крестьянин не стал пролетарием, которому нечего терять, кроме своих цепей. Крестьянин, даже бедняк, имел имущество, собственность на средства производства: землю, дом и подворье, скот, рабочий инвентарь. Крестьянин был и оставался не пролетарием, а мелким буржуа, точнее, протобуржуа, с его специфической психологией и стилем поведения. Более того, по многочисленным воспоминаниям и свидетельствам очевидцев, бедняки, попадавшие в руководящий состав комбедов, вели себя как классические разгулявшиеся мелкие буржуйчики, отбирая у более зажиточных крестьян их накопления. Ни пролетарской сознательности, ни солидарности в действиях комбедов отмечено не было, что явилось одной из причин их ликвидации. Иное дело, если бы комбеды повели к тому, что в результате своей деятельности деревня насыщалась бы техникой, машинами, культурной агрономией, крестьяне стали бы почти горожанами, то есть получали бы основные средства для своего существования не со своей земли и своего подворья, а от какого-то крупного (возможно, коллективного) хозяйства. Тогда да, действительно, можно было бы считать, образование комбедов началом социалистической, пролетарской революции. Но этого не было и не могло быть.

Второе. Странно от марксиста Ленина слышать, что декретом, изданным ВЦИКом от 11 июня 1918 года «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями», можно начать (или закончить) какую-либо революцию, в данном случае пролетарскую. Разве революции возможно вводить декретами? Тем более что данный декрет предусматривал сугубо практические действия, вызванные сложной обстановкой гражданской войны.

Третье. Быстрая отмена декрета о комбедах свидетельствует об их ненужности и, стало быть, несерьезности как крупного политического события, способного развернуть исторический процесс. Это событие по существу и не состоялось.

Четвертое. Нельзя всю сложнейшую проблематику пролетарской революции сводить или концентрировать на каком-то одном моменте, случившемся к тому же в крестьянской сфере.

Следует также отметить, что Ленин в других работах то раздвигает буржуазно-демократическую стадию до 1921-го и даже до 1922 года, то вообще ее не упоминает. Так, 5 июля 1921 года на III Конгрессе Коммунистического интернационала Ленин говорил: «Крестьяне безусловно выиграли в России от революции больше, чем рабочий класс. В этом не может быть никакого сомнения. С теоретической точки зрения это, разумеется, показывает, что наша революция, в известной степени, была буржуазной»¹.

Читаем Ленина дальше. В октябре 1921 года в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» — целый набор противоречивых положений. В начале статьи он пишет, что 25 октября был великий день «пролетарской революции». Ниже поясняется, что социалистическая революция это и есть пролетарская («то есть пролетарская»). А на следующей странице буквально сказано: «Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической...»². Итак, Ленин в начале статьи пишет, что 25 октября была пролетарская, т.е. социалистическая революция, а на следующей странице, что мы «твердо и неуклонно» только лишь продвигаемся к «революции социалистической». Однако цель и смысл этой ленинской статьи, думается, выражен в следующих строках: «Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране». С этой задачей большевики, как известно, прекрасно справились. Но не больше. Пойдем дальше.

В марте 1922 года в речи на XI съезде партии он вдруг заявляет: «Наша задача — буржуазную революцию довести до конца»³. Эта речь на XI съезде очень характерна для уже, видимо, больного Ленина. Но эта же речь — одно из последних его принципиальных публичных

¹ Ленин В.И. Соч. Т. 44. С. 144–145.

² Ленин В.И. Соч. Т. 44. С. 144.

³ Ленин В.И. Соч. Т. 45. С. 107.

выступлений. И получается, что через пять лет после «пролетарской» революции оказалась незаконченной даже буржуазная революция. А когда же была социалистическая?

Таким образом, ленинская трактовка русской революции не отличается достаточной четкостью и стабильностью. Это обстоятельство уже отмечалось в специальной литературе. Так, М. Левин подробно перечисляет противоречивые трактовки характера революции, сделанные Лениным после 1918 года.¹ И действительно, до 1917 года Ленин говорил о грядущей русской революции исключительно как о буржуазно-демократической, после 1917 г. иногда говорил и как о социалистической. Но и то надо признать, что этот социалистический переворот октября 1917 года он трактовал больше как потенцию строительства социализма, как «пролог всемирной социалистической революции». Нигде и никогда он не писал о социалистическом обществе, которое должно появиться на второй день после революции.

4. Была ли у большевиков экономическая программа?

Капитальный вопрос этой темы состоит в уяснении того, были ли переход к социализму (т. е. революция) и экономическое строительство социализма (или то, что получилось — с названиями, как всегда у нас, трудности) в России совершены по какому-то заранее составленному плану или же все это произошло как бы само собой, в силу сочетания различных объективных причин, закономерностей и чьих-то субъективных усилий? Иными словами, верно ли то, что марксистская теория, которая была взята на вооружение русскими революционерами, большевиками, предусматривала (содержала) план революционного преобразования общества и дальнейшего экономического строительства нового общества (не в деталях, понятно, а как стратегию, как укрупненную концепцию практического действия), и большевики в основном все делали согласно этой концепции? То есть стратегия у них вытекала из теории.

Или же тут есть другая линия? Большевики, конечно, знали марксизм и как-то пытались его применять, использовать и в своей прак-

¹ Lewin M. *Lenin's Last Struggle*. N.Y., 1970. P. 24–26.

тической деятельности. Но главное состояло в том, что их вело за собой объективное стечение обстоятельств, закономерности развития революционной борьбы в условиях экономически и культурно отсталой страны. То есть вел их за собой, точнее сказать, тащил, объективный социально-экономический процесс. Заставлял делать не то, что вытекало из теоретических представлений, а то, что было единственно возможным и что требовала жизнь. Всякие планы они строили и меняли на ходу, приспосабливая марксизм и свои собственные представления к жизненным потребностям минуты. Иными словами, были ли большевики доктринерами, строго держась принципов известной теории, или же были прагматиками, готовыми поступиться своими теоретическими принципами и доктринами.

Официальный ответ КПСС и, соответственно, советской историографии на этот вопрос был четким. Большевики, вооруженные передовой идеологией марксизма-ленинизма, сумели осуществить социалистическую революцию и последующее строительство нового общества как закономерный процесс общественного развития. По этой схеме теория почти идеально совпала с практикой или, наоборот, практика совпала с теорией благодаря большевистской партии, сумевшей организовать рабочий класс на революционные действия. Однако эта схема плохо увязывается с реальными жизненными фактами и даже с действительными, содержательными теоретическими рассуждениями самих же первых большевиков.

В соответствии с нашей темой рассмотрим это на примере экономической концепции социалистической революции и первых после нее преобразований.

Из рассмотрения воззрений Ленина на социалистическое общество и прежде всего его экономической части закономерно вытекает проблема экономической программы большевиков перед Октябрьской революцией и в первые месяцы после нее. Понимание этой проблемы осложняется тем обстоятельством, что в 80-е и 90-е годы прошедшего века (т.е. в перестроечное время и после) в научной литературе выявились две противоположные точки зрения. Одна, скажем, традиционная для советской официальной литературы. говорила о том, что Ленин и большевики имели достаточно разработанный план экономических преобразований. Другая — что никакого плана не было, развитие шло по наитию.

Где же истина?

Рассмотрим аргументы традиционной советской версии о наличии экономического плана. Ее сторонники обычно ссылаются на «Апрельские тезисы» Ленина, где, по их мнению, уже даны первые наброски экономической платформы. Далее указывается VII Апрельская Всероссийская конференция РСДРП(б) в 1917 году, где были «конкретизированы основы экономической платформы большевиков», затем VI съезд РСДРП(б) в июле 1917 года, где эта программа дана в «развернутом виде» и работа Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Также называются и некоторые другие ленинские работы.

Сторонники традиционной версии указывают, что Ленин в период между февралем и октябрём 1917 года в ряде своих работ выдвинул и обосновал экономическую платформу большевиков, которая, по их мнению, включала требования конфискации помещичьих и национализации всех земель в стране, установления рабочего контроля над производством и распределением продуктов, объединения и национализации банков, национализации крупной промышленности, установления монополии внешней торговли. Сюда же обычно добавляют кое-что из требований VI съезда партии: немедленное прекращение дальнейшего выпуска бумажных денег и преобразование всей налоговой системы, введение всеобщей трудовой повинности.¹

Из всего этого делается такой вывод: «Разработанная В.И. Лениным экономическая платформа большевиков представляла собой экономическую программу Октябрьской революции, смелый и строго обоснованный план создания важнейших условий для хозяйственного возрождения страны, ликвидации вековой отсталости, план коренного экономического и социального ее обновления».² Вот так — ни больше, ни меньше!

Под такими пассажами, явно восходящими к сталинской постановке вопроса, как ни странно, подписываются сегодня и упорные противники социализма и марксизма. Они так же, как и сталинисты

¹ История экономической мысли. Часть III. Под ред. Ф.Я. Полянского. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 216.

² Пашков А.И. Экономические проблемы социализма. М.: Наука, 1970. С. 55.

считают, что большевики во главе с Лениным полностью реализовали заранее разработанный план совершения революции и воплотили в жизнь основные моменты учения К. Маркса. От сталинистов эту публику отличает лишь неприятие ни революции, ни последующего развития. Им все это не нравится. Но методологически у сталинистов и антикоммунистов в этом вопросе достигается полное единодушие.

В отличие от традиционного советского подхода более серьезные исследователи отмечают, что Ленин указывал лишь на некоторые мероприятия переходного шага к социализму и никакой готовой экономической программы не имел. «На деле это была программа применения насилия к классу буржуазии для его экспроприации и подрыва политической и экономической мощи в государстве. На практике ввиду обострения классовой борьбы программа эти вылилась в апологию децимации, поборов, конфискаций, тюремного заключения, расстрелов. А никакой учет и контроль не может произвести ни одного нового товара».¹ Это утверждение намного ближе к истине, хотя и чрезмерно одностороннее и какое-то раздраженное.

Говорить о том, что вообще никакой экономической концепции или даже программы у Ленина и большевиков не было, конечно же, нельзя. Безусловно была самая общая марксистская концепция социалистического устройства общества и некоторая программа революционных действий. Но это не была программа, собственно, экономического развития, экономического преобразования и созидания именно социалистического общества. Это была программа, а скорее просто набор мероприятий, революционных действий в экономической области, отвечающих в большей мере требованиям буржуазного развития общества (конфискация помещичьих земель, национализация банков и др.), находящегося в условиях мировой войны и разрухи. И даже в этих мероприятиях сказались не столько классические установки марксистского социализма, сколько леворадикальные тенденции большевизма, отвечающие революционным требованиям масс в буржуазно-демократической революции и отражающие их.

Но, повторим, собственно программы экономических преобразований у Ленина не было. И с точки зрения сегодняшнего дня с

¹ Старцев В.И. Выступление. В кн.: Россия 1917 год: выбор исторического пути. М.: Наука, 1989. С. 108.

учетом накопленного социальной наукой объема знаний добавим, что такой программы и не могло быть. Объективно было невозможно разработать экономическую программу строительства социализма для страны, которая только что сбросила (точнее, всеми силами пытается сбросить) последние остатки феодальных отношений. Ведь в чем, так сказать, была главная, почти непреодолимая проблема, вставшая перед большевиками после захвата власти? По марксистской теории, которой держались большевики, после завоевания власти нужно было строить социализм, идти к созданию социалистического общества. И экономическая концепция большевиков была именно этого плана. Но на деле нужно было просто восстанавливать и развивать экономику, проводить индустриализацию и тому подобные мероприятия чисто буржуазно-демократического характера. Естественно, что экономической программы буржуазного развития у большевиков не было и не могло быть. Наметки социалистической программы были, но они оказались малопригодными, а буржуазной программой большевики вообще не озадачивались.

Ленинские работы по экономическим вопросам создания нового общества перед революцией и в первые годы после нее показывают, что они были в основном предположительные, схематичные, умозрительные, впоследствии подвергнутые частичному, а в некоторых случаях и значительному пересмотру. В самом деле последние работы Ленина (его так называемое политическое завещание), которые действительно в значительной мере опирались на опыт первых лет революции и которые уже никак нельзя назвать умозрительными, почти противоположны в конкретно хозяйственных аспектах его дореволюционным работам. В дореволюционных работах доминировали императивы социалистичности, в последних работах упор делался на прагматичности, императивы по существу буржуазного развития. Чего стоит, например, лозунг «учиться торговать». Я не хочу сказать, что это неправильный лозунг или выдвинут не ко времени. Совсем наоборот, это гениальный и очень своевременный лозунг. Но это не есть лозунг социалистического общества. Ведь далеко не случайно Н. Бухарин эти последние работы Ленина назвал «вторым планом» социалистического строительства. Почему же не был выполнен и куда подевался «первый план»? Видимо, потому, что его просто не было.

В последнее время стали появляться некоторые высказывания, опять обосновывающие положение о том, что Ленин имел «действенную программу» социалистических преобразований. Эта мысль высказывалась на дискуссии, посвященной 125-летию со дня рождения В.И. Ленина, проведенной журналом «Альтернативы». Однако в отличие от традиционной советской историографии сегодня это положение аргументируется не предреволюционными ленинскими работами, а как раз последними.

Это очень странно. Ленинская программа перехода России к социализму, утверждал, например, профессор Б.Ф. Славин, «была подробно раскрыта в его последних работах».¹ Такой аргумент никак нельзя признать убедительным. Он бы означал, во-первых, что Ленин и большевики, приступая к революции, все-таки программы перехода к социализму не имели, ибо она была «раскрыта» только в 1923 году. Во-вторых, этот аргумент означал бы, что экономическая политика начала 1918 года и периода «военного коммунизма» вытекала не из «программы», а откуда-то еще. Хотя Ленин посвятил целый ряд теоретических работ обоснованию политики именно этих периодов, которые сами по себе друг от друга существенно отличались и вместе очень резко отличались от периода нэпа. И в-третьих, экономическая программа, «раскрытая» в последних работах Ленина, почти ничем не отличается от требований меньшевиков. Это подробно будет рассмотрено дальше.

Таким образом, можно заключить, что экономической программы социалистических преобразований у большевиков не было.² Это

¹ См.: Ленинское наследие: что живо и что умерло? // Альтернативы, 1995. № 2. С. 6.

² Этот тезис в конце горбачевской перестройки вынуждены были признать и некоторые начальники от исторической науки. Так, тогдашний директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС академик Г.Л. Смирнов отмечал, что надо «отчетливо сознавать, что на самом деле завершенной практической программы у Ленина не было» (Ленинская концепция социализма. М.: Политиздат, 1990. С. 18). См. также высказывания академика П.В. Волобуева на «круглом столе» историков в октябре 1988 г. (Россия 1917 год: выбор исторического пути. М.: Наука, 1989. С. 268).

положение сегодня становится все более распространенным в научной литературе.¹

Однако это не означает того, что Ленин не имел определенной теоретической концепции преобразований. Эта концепция исходила из самых общих марксистских представлений о социалистической революции и новом обществе. Причем эту общую марксистскую концепцию в равной мере разделяли как большевики, так и меньшевики. Однако по мере развития революции начиналось их различие. Отсутствие экономической программы социалистических преобразований, а главное, экономическая и культурная неразвитость страны, заставляли меньшевиков откладывать социалистическую революцию и апеллировать к собственно буржуазным мероприятиям экономического развития России. Большевики держались иной точки зрения. Они попытались на первых порах непосредственно воплотить достаточно абстрактные марксистские схемы в практику социалистического переустройства общества. И из этого ничего путного не получилось. Что же оставалось делать? Развивать товарное хозяйство и рыночные отношения, что объективно требовала жизнь, значит переходить на теоретические позиции меньшевиков и откладывать строительство социализма. Строить социалистическое общество, как это вытекало из марксистского учения, значит насильствовать объективный социально-экономический процесс и репрессировать население. Действительно, оказалась довольно серьезная дилемма.

Говоря об отсутствии экономической программы у большевиков кануна революции, надо иметь в виду и, так сказать, общефилософские обстоятельства этого вопроса. Хорошо известно, что Маркс и Энгельс не делали проектов будущего социалистического общества. Этой же принципиальной установки держались почти все социал-демократы, разделявшие методологический подход марксистского «научного социализма». Считалось, что строить какие-либо проекты будущего общества — удел лишь утопического социализма, а научный социализм призван оперировать только реальностью и фактами. Поэтому, согласно канонам марксистского социализма начала XX

¹ См.: Краус Т. Краткий очерк истории России в XX веке. СПб., 2001. С. 51.

века, можно предусматривать развитие общества в сторону социализма, но знать, каким оно будет, не дано.

В этом месте содержится интересная проблема, которая отражает некоторое противоречие между, так сказать, теоретическим марксизмом и практическим марксизмом или революционной деятельностью марксистских партий. Теоретический марксизм, обосновывая «научный социализм», полагал, что новое социалистическое общество будет формироваться как сознательный и планомерный процесс реализации не только достижений естественных наук, но, что даже более важно, достижений социальной науки. Это означает, что на основе глубокого изучения объективных закономерностей общественного развития предварительно вырабатываются научным путем конкретные положения по развитию и совершенствованию тех или иных сторон общества. То есть необходима разработка программы совершенствования общества. После тщательного обсуждения этой программы и согласия большинства общества с ней возможно приступить к практическим мероприятиям. Поэтому в марксизме и в социализме как интеллектуальном течении важнейшее место должна занимать «программная работа» и прежде всего социальная теория. «Без революционной теории не может быть и революционного движения» — писал Ленин в работе «Что делать?»¹ (Ленин, т. 6, с. 24). В этом, собственно, и заключается смысл «научного социализма».

То есть социалистическое общество «строится» или развивается не путем «живой деятельности масс», а как научная проблема совершенствования общества. Сегодня об этом говорят многие люди, далекие от социалистических устремлений, но говорят в терминах «социального проектирования», «социальной инженерии», наконец, «проектирования институтов». Конечно, «живое творчество масс», как и любое другое творчество масс и отдельных людей должно учитываться, но окончательное решение по поводу целесообразности тех или иных мероприятий «дальнейшего совершенствования» общества должна выносить социальная наука. То есть развитие общества — это задача не дилетантов, а профессионалов.

Однако такое понимание научного социализма в начале XX века еще отсутствовало. Марксистская теория, конечно, была, но она пре-

¹ Ленин В.И. Соч. Т. 6. С. 24.

имущественно описывала развитие буржуазного общества, а не социалистического. Поэтому практическая деятельность большевиков далеко не всегда могла вытекать из соответствующей теории. И не потому что большевики были слабы по части теории. Как раз наоборот — среди большевиков были лучшие теоретики российской социал-демократии. Просто к началу XX века теории социализма как таковой еще и не было.

Марксизм говорит, что такая теория нужна, что без такой теории, такой теоретической работы социализм как сознательно вырабатываемое общество, невозможен. Однако к началу XX века ни социальная наука, ни социальная практика еще не в силах были создать такую теорию. В этом состояла серьезная проблема как для всего марксистского учения, так и лично для Ленина.

Это, конечно, подмечали оппоненты большевиков. Так, лидер эсеров Виктор Чернов писал: «Вся теория марксизма получила чрезмерный крен в сторону какого-то олимпийского объективизма, якобы только бесстрастно познающего жизнь и направляющего свои стопы “по равнодействующей” ее тенденций, но отнюдь не навязывающего жизни “от себя” никаких планов и проектов. Элемент как индивидуального, так и коллективного социального творчества педантически строго сводился к нулю. Все, носившее оттенок идеализма, отбрасывалось; признаком хорошего марксистского тона было щегольство своеобразным историко-философским цинизмом».¹

Тот же Чернов приводит любопытный эпизод, имевший место в Германии в 1893 году при обсуждении в рейхстаге государственного бюджета. Лидеру немецких социал-демократов А. Бебелю представители буржуазных партий задали вопрос о социал-демократическом проекте будущего социалистического общества. В чем же суть дела, к чему, к какому конкретно обществу зовет социал-демократия, как там будет работать экономический механизм? На что Бебель ответил, что пока еще рано об этом говорить. Но когда власть будет у социал-демократов, тогда «наши планы будут выяснены исчерпывающим образом».² Примерно также рассуждал и Ленин. На что тот же Чернов

¹ Чернов В. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН, 1997. С. 52.

² Там же. С. 53–54.

замечал: «Именно этот роковой способ рассуждения, свойственный марксизму довоенного периода, и был как будто нарочно придуман для того, чтобы дать событиям захватить себя врасплох».¹

Таким образом, вопрос о том, имели или нет большевики программу экономических преобразований, перерастает в теоретическую проблему понимания социализма и путей перехода к нему. Однако эта тема выходит за рамки настоящей работы.

×

¹ Там же. С. 53.

А.И. Колганов

К оценке социально-экономической природы общества советского типа

1. Поставим вопрос правильно

Возникновение и гибель советской державы продолжают и, вероятно, еще долго будут продолжать волновать умы, причем не только умы наших соотечественников. Почему возник СССР и, просуществовав 70 лет, ушел в прошлое? Что это было — утраченный «рай» социализма или тоталитарный кошмар? Что привело к распаду этого, несомненно, могучего государства, не без оснований претендовавшего на статус одной из двух сверхдержав?

Я не буду всерьез рассматривать ответы политиков, находящиеся на уровне мышления младшей группы детского сада, вроде утверждений: «СССР развалил Горбачев», или «иностранные спецслужбы и агенты влияния», или «Борис Ельцин», или «демократическая оппозиция». Конечно, все перечисленные выше внесли тот или иной вклад в свершившееся. Но чтобы они уничтожили Советский Союз и советскую систему в целом? Историческое деяние такого масштаба не по силам одному человеку, или даже мощной организации, или государству, и даже союзу государств.

Потому что СССР был не просто страной. Это было историческое явление, возникновение и гибель которого определили лицо XX века. И уничтожить его могли лишь исторические процессы такого же масштаба¹.

¹ В связи с этим необходимо оговорить: здесь я не буду рассматривать совокупность многообразных окопание см. на с. 334

Поэтому гораздо ближе к здравому смыслу позиция тех, кто говорит: «Во всемирно-историческом противоборстве двух мировых систем социализм проиграл, а капитализм выиграл». Но и это утверждение еще очень далеко от исторической правды. Потому что сам советский «социализм»¹, если следовать одной из гипотез, был порождением естественно-исторической эволюции капиталистической системы, говоря на диалектическом жаргоне — «свое иное» капитализма. Ну что же, «иное» погибло, а «свое» выжило?

Это — недialeктический ответ на диалектически поставленный вопрос. Надо понять, что же погибло и что сохранилось от «иного» (социализма), что выжило, а что не выжило в «своем» (капитализме). Капитализм и социализм — не застывшая дихотомия. И то и другое в течение 70 лет находилось в процессе развития, движения, взаимного влияния, и — не стоит исключать и такой вариант — качественного перехода.

Однако можем ли мы с полным правом называть советское общество «социалистическим»? Было ли реальностью провозглашенное Сталиным в 1936 году «построение социализма в основном»?

Ответ на этот вопрос и даже сама его постановка до сих пор даже в научной литературе порождают преобладание эмоциональных оценок над объективным научным анализом. Во многом этот накал эмоций связан с оценкой исторической фигуры Сталина. Для одних Сталин — зловещий тиран и убийца, концентрированное воплощение человеконенавистнической марксистско-ленинской идеологии. Для других с именем Сталина неразрывно связано величие советской державы и весь тот немалый и несомненный социальный и экономический прогресс, который был достигнут за годы ее существования. Третьи связывают все достоинства Сталина с его отходом от ортодоксального марксизма, а все недостатки — с тем, что он из этого марксизма вырос.

начало см. на с. 333 внутренних и международных условий, своеобразное сочетание которых привело к распаду СССР именно на рубеже 80–90-х годов XX века.

¹ Я ставлю здесь слово социализм в кавычки, потому что сам тезис о социалистическом характере советского общества вызывает обоснованные сомнения.

Хотя в среде левого движения уже заметна тенденция к выработке объективной оценки не только советского феномена, но и роли Сталина в революционном процессе XX века, однако и в этих объективных оценках чувствуется давление желаний то демонизировать, то героизировать Сталина, а иногда того и другого вместе, причем в самых парадоксальных сочетаниях.

Мне казалось бы своевременным предпринять попытку очищенного от эмоциональных порывов объективного исследования роли сталинской модели «социализма» в советской истории, хотя я сознаю, что такая попытка встретит жесткое неприятие как со стороны ее хулителей, так и со стороны почитателей.

Чтобы разобраться с этой моделью (как и с феноменом Сталина), прежде всего разберемся с тем, какие именно социально-исторические процессы вывели советское общество на авансцену XX века и превратили в явление всемирно-исторического масштаба. Конечно, это сделала Октябрьская революция 1917 года. Но чем была она сама?

2. Социально-экономическая природа Октябрьской революции 1917 года

2.1. Социальная революция и политическая революция в Российской империи начала XX века. На протяжении последней трети XIX и начала XX века в России постепенно разворачивается капиталистическая социальная революция¹, толчок которой дали

¹ Такую оценку социально-экономическим процессам в России того времени давал и Ф.Энгельс в 1893 г.: «В России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда, рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, которым оперирует и действует капиталистическая революция (ибо для России это настоящая социальная революция)». (Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 39. С. 128). Вообще Ф. Энгельс в 90-е гг. XIX в. неоднократно обращается к теме социальной революции, происходящей в России (см.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 22. С. 47, 261, 452 и др.).

реформы 60–70-х годов XIX века и в первую очередь крестьянская реформа. Однако и в начале XX века эта революция была еще *весьма далека от своего завершения*. Капиталистические производственные отношения охватили меньшую часть общественного производства. Промышленный переворот затронул лишь весьма узкий уклад фабрично-заводской промышленности, охвативший примерно 10–15% занятых. Крестьянское землевладение примерно на 80% оставалось общинным (что, впрочем, составляло уже менее половины от всего землевладения). Вовлечение крестьянства в отношения товарного производства хотя и прогрессировало, но все еще затрагивало меньшую часть крестьянского производства, а многочисленные слои крестьянства не затрагивало практически совсем — уклад их экономической жизни оставался добуржуазным. В товарной части аграрного сектора господствовало помещичье хозяйство, во многом основанное на полуфеодальных методах эксплуатации крестьянства.¹

Задачи буржуазной революции в области политической и юридической надстройки и вовсе не были достигнуты ни в чем существенном (за исключением земского самоуправления и суда присяжных). «Либеральный» монарх Александр II весьма жестоко расправлялся с претензиями на завоевание политических свобод и социальных прав, а его преемник, Александр III, был еще более тверд в своей «охранительной» (по отношению к неограниченному самодержавию) политике. Правда, революция 1905–1907 годов все же принудила монархию обзавестись некоторыми конституционно-парламентскими декорациями, были сделаны некоторые шаги вперед в отношении свободы печати и свободы союзов.²

¹ Все это очень хорошо показано в работе: Воейков М.И. Политико-экономические эссе. М.: Наука, 2004. С. 101–121.

² Однако до буржуазной республики было еще очень далеко — и не случайно. Какая может быть буржуазная республика в стране, где уже заложены основы капитализма, но экономический строй которой в основном еще остается добуржуазным? Примерная такая, каким был буржуазный парламентаризм на Юге США вскоре после освобождения рабов или парламентарная система в Латинской Америке в это же время.

Итак, в повестке дня стояло продолжение капиталистической социальной революции, и использование буржуазной политической революции как рычага назревших социальных преобразований.

2.2. *Буржуазная революция? Но какая?* Историки советской поры сходились в оценке революции 1905–1907 годов и Февральской революции, как буржуазно-демократических. Думаю, это не совсем точно. Если *основные* задачи буржуазной революции *не решены*, говорить о буржуазно-демократическом этапе вроде бы рано. Почему же не только советские историки, но и социал-демократы, участвовавшие в этих революциях, оценивали их, как буржуазно-демократические? Вероятно, потому, что основным политическим вопросом этих революций как раз стал вопрос о политической демократии как средстве проведения буржуазных преобразований. В этих революциях уже невозможно было сделать шаг вперед за счет политического компромисса дворянской монархии с буржуазией — ибо этот компромисс не обеспечивал условий проведения основных преобразований капиталистической социальной революции, названных выше. Этому препятствовала контрреволюционная позиция буржуазии, готовой смириться с сословно-феодальными пережитками ради защиты своих социальных привилегий в деле эксплуатации пролетариата и крестьянства. В результате в революции сложился неформальный «демократический блок» пролетариата, мелкой буржуазии и добуржуазного (или полубуржуазного) крестьянства.

Итак, можно сделать вывод, что назревающая революция действительно была буржуазно-демократической, но с той особенностью, что *буржуазно-демократические задачи в этой революции были поставлены еще до того, как были решены основные задачи революции буржуазной.*

Другая особенность этой революции заключается в том, что это *поздняя* буржуазная революция. Она происходила в условиях, когда в странах капиталистического «ядра» буржуазные революции уже прошли. Поэтому российская революция не могла не встать перед проблемой не только буржуазно-демократических преобразований, но и поиска «места под солнцем» в мировом капиталистическом хозяйстве. Что делать, если мировой промышленный рынок уже поделен, и новую капиталистическую Россию на нем не ждут, тем более с ее

все еще довольно слабой промышленностью? На современном языке это называется проблемой догоняющей модернизации. И эта проблема, как я постараюсь показать ниже, наложила весьма глубокий и своеобразный отпечаток на буржуазную революцию в России.

2.3. Февраль и Октябрь — одна революция... Или все же две? С точки зрения единства и непрерывности политического процесса Февраль и Октябрь, несомненно, представляют собой одну революцию. А в более широком контексте можно назвать революцией весь период с 1903 по 1922 год (как это сделал Теодор Шанин). Однако у каждой революции есть этапы. И если мы не сводим Великую Французскую революцию только к 1789-му или к 1793 году, все же у каждого из этих периодов было явное своеобразие. Поэтому остановимся пока на том, что Февраль и Октябрь — это два различных этапа единой революции.

Но в чем же своеобразие этих этапов?

А своеобразие в том, что в Октябре, во-первых, происходит передвижка классов, находящихся у власти: происходит, по определению Ленина, «рабочая и крестьянская революция». И, во-вторых, к власти приходит партия большевиков с социалистической программой.

Рассматривали ли сами большевики свою революцию как социалистическую? Поначалу — определенно нет. Они полагали, что пока им придется ограничиться только буржуазно-демократическими задачами, так и не разрешенными до конца Февралем. Для них было достаточно ясно, что Россия для социализма не созрела, что она даже в преддверии социализма не находится, что в это преддверие еще нужно прийти, и путь этот небыстрый.

Этот факт вполне осознавался всеми лидерами большевиков. Например, Ленин в «Апрельских тезисах» предостерегал против «введения социализма», не считая это задачей революции¹. А по объективному содержанию тех главных социально-экономических задач,

¹ «Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. (С.Р.Д. — Советы рабочих депутатов — А.К.) за общественным производством и распределением продуктов.» (Ленин В.И. Собр. Соч, 5-е изд. Т. 31. С.116).

которые действительно должна была решить Октябрьская революция — аграрная реформа в пользу крестьянства, широкомасштабная индустриализация, призванная обеспечить приближение к уровню передовых капиталистических держав, освоение всем населением европейской урбанистической культуры — речь может идти только о буржуазной революции.

Другое дело, что это была весьма своеобразная буржуазная революция.

Задачи разрешения противоречий **капиталистического развития на путях догоняющей модернизации** (что тогда означало индустриализацию) стали решаться **без буржуазии** получившими политическую власть ее классовыми противниками, а потому и неизбежно во многом **небуржуазными** методами.

Почему проблема догоняющей индустриальной модернизации во многих странах решалась вполне в рамках капиталистической системы (хотя и со значительными отклонениями от базовой, либеральной модели развитого капитализма), а в России и ряде других стран модернизационный проект был сопряжен с попыткой выйти за пределы капиталистического строя? Потому что в этих странах *буржуазия оказалась несостоятельной* в решении данной задачи и вынуждена была уступить классовое господство.

Итак, Октябрьская революция, будучи **по содержанию** разрешаемых ею социально-экономических противоречий в первую очередь **революцией буржуазной** (буржуазно-демократической), с точки зрения «коренного вопроса всякой революции» — вопроса о власти — **оказалась революцией пролетарской**. А с точки зрения основных социальных сил, принимавших участие в революции, она была революцией рабоче-крестьянской (именно так и определил ее Ленин 25 октября 1917 года в своей речи на заседании Петроградского совета), то есть строилась на союзе пролетариата, полупролетариата, мелкой буржуазии и полубуржуазных (добуржуазных) мелких производителей (крестьян).

Поэтому ее итогом было формирование крайне необычного «буржуазного общества без буржуазии».¹

¹ А вот формирование целостного социалистического общества в начале XX века было, на мой взгляд, окончание см. на с. 340

Однако пролетарский — в значительной мере — характер власти большевиков неизбежно накладывал отпечаток и на цели революции. В потенции большевики все же видели социалистическую перспективу своей революции, если... Если произойдет революция на Западе и Россия получит помощь от победившего пролетариата более передовых стран. Даже в этом случае российскую революцию следовало бы рассматривать как *раннесоциалистическую*, то есть революцию, базирующуюся на недостаточных социально-экономических предпосылках. И если сравнивать с самой ранней успешной буржуазной революцией — в Нидерландах XVI века, то голландская революция имела более широкую и прочную социально-экономическую базу, ибо большая часть населения принадлежала так или иначе к мелкой буржуазии и была в значительной мере втянута в товарное хозяйство. Необходимый же для совершения социалистической революции пролетариат — а тем более фабрично-заводской пролетариат — составлял в начале XX века в России явное меньшинство населения.

Итак, начиная с Октября, к буржуазно-демократической революции примешивается *оттенок революции раннесоциалистической*. Поначалу еще только оттенок... Что же, все-таки две революции, только не последовательно, а одновременно? Не будем спешить.

2.4. *Ленин о шансах строительства социализма.* Я не буду здесь подробно останавливаться на тех социалистических по видимости формах, которые приняла политика «военного коммунизма», определявшаяся отчаянными условиями гражданской войны. Идеологическая оболочка, которую приобрел «военный коммунизм», наложила значительный отпечаток на психологию большевистской партии, и хотя не смогла помешать переходу к новой экономической политике, привела, однако, к ее трактовке как «отступления». Тактически, это, возможно, и было отступлением — от попыток явного забега вперед, совершенных под влиянием войны. Но в смысле социально-экономической стратегии ни один марксист в здравом

начало см. на с. 339 невозможно не только в отдельно взятой России, но и в случае победы пролетарской революции в большинстве наиболее развитых стран. Эта позиция уже противоречит принятому тогда среди большевиков представлению.

уме не мог полагать, что можно устроить социализм в мелкокрестьянской стране, вводя декретами бестоварное хозяйство. Так что возврат к рыночным отношениям в этом смысле должен представляться совершенно необходимым исходным пунктом дальнейшего развития, а не «отступлением» от чего-то, якобы уже достигнутого.

В 1921 году революция в России в социально-экономическом отношении во многом вернулась к положению начала 1918 года. Пролетарское государство (хотя в его пролетарском характере уже сомневались и сами его руководители) могло, конечно, сравнительно легко национализировать крупную и среднюю промышленность. Но что делать дальше с этим разрушенным войной островком промышленности и в значительной мере деклассированным пролетариатом, окруженным морем мелкобуржуазного, а по большей части даже и патриархального крестьянства? *Из чего тут можно строить социализм?*

Вместе со спадом революционной волны на Западе исчезли и надежды на помощь победоносного пролетариата развитых стран (по крайней мере в ближайшем будущем). Что же делать? Отказаться от перспектив строительства социализма, вернуться к чисто буржуазной программе (как предлагали меньшевики)? Но в стране уже сложилась столь своеобразная конфигурация политических сил, что отказ от выдвижения социалистических целей становится для большевиков невозможным. Именно социалистические лозунги обеспечили им поддержку пролетариата и оправдывают их пребывание у власти. В противном случае вместе с отказом от социалистических целей они неминуемо теряют власть, а при тогдашнем политическом положении в России и в мире вместе с властью они потеряли бы и головы.

Ленина весьма беспокоила эта коллизия. В конце концов он предлагает выход, в общем, не находящийся в непримиримом конфликте с марксистской теорией. Пролетариат должен продолжать удерживать государственную власть, допуская в меру развитие капитализма под своим контролем. По мере того как с ростом этого государственного (в смысле — контролируемого пролетарским государством) капитализма будут развиваться и производительные силы, необходимо при помощи государственной власти концентрировать ресурсы на развитии современной промышленности, электрификации страны, подъеме культурного уровня народа, вовлечении крестьянства в кооперацию. Тем самым одновременно с ростом капитализма и отчасти

на основе этого роста будут закладываться материальные предпосылки социализма и обеспечиваться постепенный рост социалистического уклада. А там, глядишь, и революция на Западе созреет...

Получится ли осуществить эту идею на практике? Не будут ли растущие хозяйственные силы буржуазного уклада (вместе со значительной частью крестьянства, вовлеченного в товарный оборот) направлены против сковывающей их политической оболочки пролетарского государства? Эта угроза мелкобуржуазного термидора осознавалась Лениным как «основная и действительная опасность»¹. Впрочем, Сталин справился с этой опасностью ... открыв дорогу другой.

Я хочу заявить прямо — «социализм» XX века был попыткой навязать производительным силам **не адекватные** для них производственные отношения. Индустриальный способ производства с его разделением труда, преобладанием вещных продуктов и потребностей, подчинением человека в производственном процессе машине является адекватной базой лишь для капитализма. Поэтому попытка построить «индустриальный социализм» (да еще начав с преимущественно доиндустриальной экономики!) была заранее обречена.

Сегодня оценка Лениным в статье «О нашей революции. По поводу записок Суханова» перспектив движения СССР к социализму выглядит чрезмерно оптимистической. И дело здесь — с точки зрения марксистской теории — не только в известном теперь результате попыток строительства социализма в СССР. Накал классовых противоречий пролетариата и буржуазии в условиях только что утвердившегося на Западе промышленного капитализма привел к ошибочной оценке степени готовности капитализма к социалистическим преобразованиям. Между тем в начале XX века развитие материальных и экономических предпосылок социализма — в том виде, как они были обоснованы в марксистской теории,² — не давало еще достаточных оснований для такого вывода.

¹ Ленин В.И. XI съезд РКП (б). Политический отчет Центрального комитета РКП (б) 27 марта. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 94.

² Характеристика этих предпосылок дана мною в статье: Колганов А.И. Границы капитализма. // Альтернативы, 2006, №3. С. 16–30.

Поэтому ошибка Ленина заключалась не в его идее провести «достройку» совершенно недостаточной материальной базы для социализма руками капиталистов и мелкой буржуазии под контролем пролетарского государства. Такая идея при определенных условиях могла бы сработать, — хотя она была очень рискованной и никаких гарантий конечного успеха не давала. Ошибка заключалась в оценке уровня тех задач, которые надо было решить, чтобы создать для социализма необходимые материальные предпосылки.

Два основных пункта, на которые напирал Ленин, — «крупная промышленность, способная преобразовать и земледелие», и всеобщая грамотность населения — такими предпосылками не являются. Это — адекватная материальная база для *промышленной стадии капитализма, а не для социализма*. Предпосылки социализма вырастают в результате длительного развития промышленного капитализма — развития, при котором промышленный капитализм вплотную подходит к исчерпанию своих возможностей и создает внутри себя материальные основы для нового, более высокого хозяйственного уклада.

Приходится констатировать, что в первой четверти XX века даже и победоносная пролетарская революция в странах Запада, если бы она произошла, ничего не могла бы исправить в этом отношении. Социалистическая революция осталась бы преждевременной.

3. Что такое «советский социализм»?

3.1. *Возможен ли был социализм в СССР?* Строительство «индустриального социализма» не могло привести к обществу, качественно превосходящему капиталистическое¹. Однако этот факт не означает какого-то абсолютного исторического «запрета» на формирование социалистических отношений на **незрелой** материальной базе. Поскольку уже на индустриальной фазе капитализм развертывает все свои сущностные противоречия, поскольку развивается обобществление труда капиталом, то появляется и *формальная*

¹ Объяснение этого факта было дано, в частности, А.Тарасовым в статье: Суперэтатизм и социализм // Свободная мысль, 1996, № 12.

возможность освобождения труда, то есть снятия этих противоречий в социалистических производственных отношениях.

Такая возможность может быть реализована, однако, лишь в определенных рамках. А именно, возможным является лишь формальное освобождение труда, но не реальное, поскольку для реального освобождения труда необходимы не только достаточные материальные предпосылки, но и переворот в способе материального производства¹. Что же касается России, то там степень развития индустриального капитализма была весьма низкой. По оценкам различных специалистов, численность наемных работников в России перед революцией составляла от 10 до 14,6% от всего населения. Численность же фабрично-заводского пролетариата — 2–3%².

Может быть, достаточными были предпосылки в более передовых странах, и тем самым была возможной победа международной социалистической революции? Судите сами. В начале XX века доля промышленных рабочих во всем населении составляла: в Германии около 13%, в США — около 11%, в Великобритании — около 20%³.

¹ Я употребляю здесь понятия «формальное и реальное освобождение труда» по аналогии с понятиями «формального и реального подчинения труда капиталу», применявшимися Марксом в «Капитале» для определения стадий зрелости капиталистических производственных отношений. «Формальное» и в том, и в другом случае означает основанное на изменении только социально-экономической формы производства (т.е. производственных отношений), а «реальное» — основанное еще и на изменении материального способа производства. Например, при капитализме реальное подчинение труда капиталу развивается вместе с переходом от ручного труда к мануфактуре, а от нее к фабрике.

² См.: Воейков М.И. К вопросу о количественном и качественном составе рабочего класса // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. М.: «Экономическая демократия», 2001. С. 168–169.

³ Рассчитано по: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. Статья «Рабочий класс»; Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С. 248–249.

Здесь я вступаю в прямую полемику с позицией Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге» (за которую несет ответственность и К. Маркс, поскольку соответствующий раздел был подготовлен ими совместно), утверждавшего, что в передовых странах материальные предпосылки социализма в последней четверти XIX века уже были достигнуты¹. Я считаю это утверждение не соответствующим как основным положениям теории К. Маркса², так и другим высказываниям самого Ф. Энгельса.

Применительно к возможной революции в России Ф. Энгельс писал Вере Засулич:

«Люди, хвалившиеся тем, что сделали революции, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали — что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели»³.

Между прочим, классики марксизма, хотя и переоценивали близость социалистической революции, все же достаточно хорошо понимали все опасности преждевременного взятия власти пролетарской партией. Можно напомнить то, что писал Энгельс в 1853 году применительно к Германии (и что в еще большей степени оказалось верно по отношению к России): «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 294.

² Это несоответствие подробно разъяснено в моей статье «Буржуа и пролетарии. Теоретическая ошибка и историческая правота К. Маркса» (Альтернативы, 1998, № 3), а также в упомянутой выше статье А. Тарасова.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 263.

отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы — надо надеяться, только в физическом смысле, — наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать *историческую* оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже»¹.

Итак, с этой точки зрения формирование целостного социалистического общества было невозможно не только в отдельно взятой России, но и в случае победы пролетарской революции в большинстве наиболее развитых стран. (Интересно было бы попытаться составить ретроспективную историческую реконструкцию итогов возможной победы пролетарской революции в странах, где капиталистическая индустриализация уже завершена, а постиндустриальные тенденции еще не проявились. С моей точки зрения, и в этом случае целостное социалистическое общество не сложилось бы. Но, может быть, в этом случае могла бы сработать ленинская схема достройки материальных предпосылок социализма на основе власти пролетариата?).

3.2. *Экономические основы советского строя: мозаика переходных отношений.* Возникавшие в ходе революции действительные социалистические элементы производственных отношений (и социально-экономических отношений вообще, и надстройки) представляли собой лишь неорганические обломки возможного социализма, то есть «проекта» выращивания объективно возможного общества как продукта развития и кризиса позднего капитализма. Когда я говорю «неорганические обломки», я имею в виду **нецельные и самостоятельно нежизнеспособные социально-экономические элементы**, не подкрепленные ни соответствующим уровнем производительных сил, ни адекватной политической формой, а потому внеэкономически сращенные с несоциалистическими формами. Из подобного сращивания и получилось то, что можно назвать деформированными переходными отношениями (или «мутациями») — бюрократическая планомерность, экономика дефицита, уравниловка, административный патернализм. Вот это и был «реальный социализм».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 490–491.

Его можно было бы охарактеризовать как социально-экономическую систему, переходную между капитализмом и социализмом (не «от... к...», а именно «между»), не имевшую почти никаких шансов успешно завершить процесс перехода, а сам этот переход мог начаться лишь в виду огромной силы первоначального **социально-политического** революционного импульса. Ведь социально-экономические предпосылки и элементы капитализма в этой системе были сильнее, чем предпосылки социализма (в экономическом отношении мы даже в преддверии социализма не находимся — как-то честно отметил Ленин). Более того, строя мостик в это «преддверие социализма» (то есть в капитализм, а далее и в государственно-монополистический капитализм — ибо никакого иного «преддверия» у социализма нет), советская система сама в своем развитии неизбежно укрепляла и разворачивала материальные предпосылки капитализма в гораздо более широких масштабах, нежели предпосылки социализма.

Таким образом, моя позиция расходится с позицией тех, кто определяет экономические основы советского строя только в рамках дихотомии «государственный капитализм — не государственный капитализм». Категорически отвергаю я и позицию тех, кто считает возможным употреблять слово «социализм» для характеристики советского общества — будь то социализм казарменный или мутантный¹, деформированный или переродившийся... За такого рода терминами я готов признать лишь статус образных выражений. Я признаю наличие в советском обществе элементов социализма, но не признаю само это общество социалистическим. Поэтому я готов признать правомерность применения упомянутых выше терминов *лишь к тем элементам социализма, которые наличествовали в советской системе, но не к самой этой системе в целом.*

Диалектика экономических основ советского строя заключалась в том, что это была пестрая смесь добуржуазных, раннебуржуазных, зрелых капиталистических (в том числе и государственно-капиталистических) экономических отношений, сквозь которые пытались

¹ Концепция «мутантного социализма» развивается в работах А.В. Бузгалина (См.: например: Критический марксизм. Продолжение дискуссий. М.: Слово, 2001).

прорасти отдельные ростки социализма. Социалистические производственные отношения развивались при недостаточных для них материальных предпосылках, но в силу революционного изменения структуры экономического строя, в силу факта насильственного вторжения в производственные отношения и отношения собственности они пытались распространиться на все общественное производство. В результате не только социалистические производственные отношения оказывались деформированы, но были подвержены деформации и все несоциалистические элементы, которым в острой борьбе навязывалась социалистическая оболочка. Таким образом, все экономические элементы данного переходного общества носили несформировавшийся, нецелостный, фрагментарный характер¹.

Так, например, в национализированном (государственном) секторе можно уже в 20-е годы видеть смесь отношений государственно-капиталистических (коммерческий расчет, форма найма, сдельная зарплата), социалистических (различные формы участия работников в управлении, использование доходов предприятий и государства на социальное развитие работников, выходящее за рамки оплаты цены их рабочей силы) и даже добуржуазных (подсобные хозяйства предприятий и их работников). И ни одно из этих отношений не охватывает этот сектор во всей его целостности, и не образует самостоятельной подсистемы экономических отношений. Эти частичные отношения переплетаются друг с другом, «врастают» друг в друга, образуя своеобразные (в силу деформированности складывающихся их отношений) переходные экономические формы.

В том, что касается ростков социализма, их фрагментарность и деформированность определялась не только отсутствием для них

¹ Я настаиваю на том, что это была не многоукладная переходная система, а конгломерат фрагментарных экономических форм. Укладов как более или менее целостных секторов со своими специфическими системами отношений, покоящихся на разных способах производства, уже с начала 30-х годов в советской системе вообще не существовало. Но даже в 20-е годы не было отдельных «социалистического» и «государственно-капиталистического» уклада, а существовавший госсектор не мог быть прямо подведен ни под одно из этих определений.

адекватного материального базиса внутри России, но и невозможностью придать строительству социализма международный характер. Буржуазные (и добуржуазные) отношения также были деформированы как в силу своеобразного «поглощения» их формальными социалистическими отношениями, так и в силу своеобразных социально-классовых и политических условий развития советского строя. Эти же условия определили возможность существования той пестрой, мозаичной, фрагментарной системы отношений, которую я обрисовал выше.

Если все это обстояло так, то откуда же взялся ожесточенный конфликт двух мировых систем, и убежденность обеих враждующих сторон в их несхожести и непримиримости? Почему СССР именовался социалистической страной? Неужели все это было лишь обманчивой внешней формой, чистой иллюзией?

Нет. Можно смело утверждать, что социально-экономическая форма производства, свойственная социализму (социалистические производственные отношения), с одной стороны, не соответствовала уровню производительных сил СССР, и постольку ее существование подрывалось, выхолащивалось (особенно при попытке сделать эти отношения всеобъемлющими), сами отношения уродовались, деформировались. Однако, с другой стороны, это насильственное, неадекватное материальным условиям производства развитие социалистических отношений вширь *придавливало свободное развертывание буржуазных отношений, не давало им сложиться в адекватных формах и приобрести господствующий характер*. Такое положение, разумеется, не могло сохраняться вечно (и в конце концов зависимость производственных отношений от уровня и характера производительных сил проявила себя как непреодолимая закономерность). Но поскольку такое положение сохранялось, СССР не мог стать буржуазным государством, а его строй не мог сложиться как строй государственного капитализма. С точки же зрения социально-политической и вовсе не было никаких оснований считать СССР буржуазным государством (хотя и пролетарский его характер также сомнителен).

Социалистическая форма играла активную роль по отношению к буржуазному содержанию. И, как я уже сказал, во многом эта роль поддерживалась своеобразной классовой и политической природой советского государства.

3.3. *Социально-классовые основы советского строя: «буржуазное общество без буржуазии».* Речь в данном случае идет не об известных словах Ленина из «Государства и революции» о буржуазном праве и охраняющем его буржуазном государстве без буржуазии. Речь не идет о неизбежных элементах преемственности между буржуазным и социалистическим обществом. Речь идет о глубоко противоречивом сочетании буржуазных и небуржуазных (антибуржуазных) элементов в советском строе. Своеобразие ситуации состояло в том, что наличие элементов буржуазных отношений в силу их нецелостного характера не обеспечивало существования адекватных им классов и социальных групп. Более того, к середине 30-х годов эти социальные группы практически полностью исчезли.

Советский опыт был исторически не случайной попыткой формирования альтернативной капитализму системы, и в своеобразной форме выражал необходимость разрешения назревших противоречий развития мирового капитализма (особенно периферийного), причем уже не в чисто буржуазных формах. Возможность появления таких небуржуазных форм (хотя и в ограниченных пределах, не дающих им развернуться в целостную систему) уже была создана развитием мирового капитализма и его противоречий в начале XX века и его отсталого варианта в России: с одной стороны, — сверхэксплуатация рабочих, колониальные захваты, мировая война за передел рынков и территорий и т.д.; с другой — рост обобществления производства, доходящий до образования международных монополий, рост боевитости, организованности и классового самосознания рабочего класса.

Буржуазия в значительной мере утратила социальный потенциал разрешения этих противоречий не в разрушительных, гибельных для нее самой формах, что особенно гротескно проявилось как раз в России. Поэтому импульс разрешения данных противоречий исходил от международного рабочего и социалистического движения (которое само есть **одно из следствий** развития капитализма).

В большинстве стран этот импульс лишь заставил буржуазию искать формы социального компромисса с пролетариатом. И только в Российской империи в силу исторически случайного (с точки зрения всемирно-исторического процесса) сочетания обстоятельств

капиталистическая буржуазия полностью утратила социальную инициативу, потеряла политическую власть и вообще была изжита как социальный слой (мелкая буржуазия была сначала поставлена в неравноправное политическое положение, а затем были ликвидированы условия ее воспроизводства как таковой).

Если бы речь шла о социалистической революции, опирающейся не то чтобы на адекватные, а хотя бы на более или менее зрелые социально-экономические предпосылки (хотя бы на развитый индустриальный капитализм), то ведущую роль в процессе преобразования общественного строя заняли бы пролетарские и (если будет позволено употребить такой неологизм) постпролетарские слои. Однако для российского пролетариата (хотя бы в силу его малочисленности, не говоря об уровне его социальной зрелости) такая задача оказалась не по плечу. И в условиях недостаточной силы основных противоборствующих классов на первый план исторической сцены неизбежно выдвинулась бюрократия.

Руководители большевиков догадывались об опасности такого поворота событий и довольно близко подошли к осознанию его причин. В.И. Ленин, например, в ходе дискуссии о профсоюзах прямо говорил, что рабочий класс в России не способен самостоятельно осуществлять свое классовое господство, не решаясь, однако, сделать вывод о том, что в подобных условиях классовое господство неизбежно ускользнет из рук пролетариата. Еще ближе к пониманию этой проблемы Ленин подошел в одном из писем, где сформулировал мысль о том, что пролетарский характер большевистской партии определяется не ее классовым составом, а идеологией ее тонкой руководящей прослойки, и что любой конфликт в среде этого тонкого слоя способен привести к поражению революции.

Вообще проблема бюрократического перерождения советской власти сделалась на короткий период конца гражданской войны и начала нэпа навязчивой идеей многих большевистских лидеров. Об этом писали и Ленин, и Бухарин, и Троцкий. Но чем ближе к безраздельной власти приближалась сталинская фракция в партии, тем менее популярной становилась эта тема, сведясь в конце концов к редким дежурным заклинаниям о борьбе с бюрократизмом, каковой дозволялось толковать исключительно как неисполнительность государственных служащих.

Хотя для социалистических отношений **по существу** не было достаточных предпосылок, классовая база революции сделала возможным появление **форм** социалистических отношений (не имевших под собой адекватного содержания). Появление форм этих отношений означало и наличие некоторых, усеченных элементов формального освобождения труда, которые проявляли себя в советской действительности (сначала прямые, а затем совещательные формы участия в управлении, сохранение контроля профсоюзов над условиями и режимом труда и отдыха рабочих, настойчивые попытки поиска более самостоятельных форм организации труда). Ростки социального творчества работников постоянно пытались пробиться через асфальтовую корку бюрократического господства, особенно тогда, когда бюрократия маневрировала, идя на частичные уступки и компромиссы.

В дальнейшем развитии революции происходило — в острой социально-политической борьбе — постепенное исчезновение, либо, в большинстве случаев, вырождение этих форм. Однако многие из них оставались официально признаваемыми общественными атрибутами (роль профсоюзов в контроле над условиями труда и отдыха, «социалистическое соревнование», социальные льготы рабочему классу и др.) и, более того, вытесняли собой все остальные социально-экономические формы. Вот почему социально-экономическое развитие 20–30-х годов могло идеологически оформляться как строительство социализма.

Если первоначально большевики, сознавая ограниченность предпосылок социализма в России, ставили возможность победы социалистической революции в зависимость от революции в передовых странах Запада, то затем под влиянием собственных политических и идеологических лозунгов, вследствие обострения классового конфликта с буржуазией и под давлением необходимости выстроить некоторый работоспособный экономический механизм, пригодный для функционирования в условиях экспроприации буржуазии, социалистические задачи были поставлены в повестку дня. После первоначальной эйфории от создания действующей экономической системы в ходе гражданской войны думающим теоретикам вскоре стало ясно, что система «военного коммунизма» не может рассматриваться не только как прообраз экономического строя социализма,

но и как система, жизнеспособная за рамками чрезвычайных обстоятельств. Однако (по причинам, о которых будет сказано ниже) задачи скорейшего «введения социализма» вскоре вновь были поставлены в повестку дня. Хотя выстроить целостный социализм не удалось (да это было и невозможно), но существенные некапиталистические и прямо социалистические элементы советского строя все же возникли.

Так что же, большевики попали в совершенно безвыходный политический и экономический тупик или все же из него нашелся выход на пути к социализму? Да, выход из тупика все-таки был найден, но этот выход был произведен уже не большевистской партией и не на основе большевистской программы. Чтобы понять, как сложился этот выход, надо на время покинуть область теоретических размышлений и обратиться к реальной эволюции социально-экономических отношений в революционную эпоху.

3.4. *Логика событий: шаги к социализму?* Итак, взяв власть, большевики встали перед необходимостью разрешить задачи буржуазно-демократической революции и подготовиться к решению в перспективе социалистических задач. За дело буржуазно-демократической революции они взялись рьяно: передали помещичьи, удельные, монастырские и т.п. земли крестьянам; ввели в России республиканской строй — установили республику Советов; ввели рабочий контроль над производством... Но одновременно они столкнулись с тем, что буржуазно-демократические преобразования встречают растущее сопротивление буржуазии. Против буржуазии они знали только одно средство — установление классового господства рабочего класса, т.е. *диктатура пролетариата*. А это средство — отнюдь не из арсенала буржуазно-демократической революции.

Чем дальше, тем больше большевики сталкивались с тем, что пролетарская власть может удержаться, только применяя меры, входящие в конфликт с демократическими задачами буржуазной революции. И в самом деле, как совместить развитие прав и свобод, предполагающееся буржуазно-демократической революцией, с ограничением прав непролетарских классов и социальных слоев, предполагаемым диктатурой пролетариата? Особенно если учесть, что пролетариат представлял к тому же явное меньшинство населения.

Но эта политическая проблема, сама по себе крайне острая, дополнялась гораздо более серьезным социально-экономическим противоречием. А именно: как довести до конца буржуазную социальную революцию вопреки буржуазии? Ведь речь шла не только об участии промышленных капиталистов в индустриализации страны, но и — в гораздо большей степени — о неизбежной в ходе развития буржуазной революции экспроприации мелкой буржуазии. А последняя представляла собой основного классового союзника пролетариата.

Пойти путем добровольного кооперирования крестьянства, как предполагал Ленин? Но для этого нужна мощная материальная поддержка крестьянской кооперации со стороны промышленности. Откуда же возьмется эта промышленность и массовые кадры пролетариата для нее? История знала только один путь — пролетаризацию крестьянства...

Уже созданный в России капиталистический промышленный уклад представлялся большевикам готовой основой для создания уклада социалистического, что позволяло им контролировать в экономике «командные высоты» (банки, крупную промышленность, железные дороги). Только социализация промышленности позволяла большевикам создать в стране социально-экономический противовес мелкобуржуазной стихии. Тем более что капиталистическая буржуазия не пожелала участвовать в строительстве материальных основ социализма под рабочим контролем и открыто выступила политическим противником пролетарской власти. И тогда в повестку дня встал переход от рабочего контроля к экспроприации буржуазии.

Стоит напомнить, что еще до Октября В.И. Ленин, даже не предвидя полностью масштаба грядущих проблем, все же сформулировал мысль, оказавшуюся верной оценкой той логики событий, которая толкала большевиков на «коммунистические опыты» и «скачки»: «нельзя идти вперед, не идя к социализму»¹.

Но что получилось в результате экспроприации промышленной буржуазии? Если первоначально функцию социализации промышленности пытались взять на себя органы рабочего контроля, то бук-

¹ Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 191.

вально за несколько месяцев ситуация радикально изменилась. Рабочие организации в условиях гражданской войны не смогли быстро обеспечить жесточайшую концентрацию ресурсов на решении военных задач и были быстро оттеснены от управления промышленностью — их функции взял на себя централизованный государственный аппарат. Поначалу он действовал в той или иной мере по соглашению с рабочими организациями, но уже к началу нэпа участие рабочих в управлении стало почти декоративным.

Так капиталистический уклад в промышленности был заменен не «свободной и равной ассоциацией тружеников», а системой государственного управления. Ведущей социальной силой нового промышленного уклада стали не работники, а бюрократия. При той реальной степени зрелости пролетариата, какая была в России к началу революции, да еще и в условиях массового деклассирования пролетариата в ходе гражданской войны это сделалось неизбежным.

Задачи буржуазной революции вместо буржуазии стал решать не рабочий класс, выстраивающий социалистические отношения, а бюрократия. Пока она была тесно связана по происхождению с пролетарской властью и подчинялась господствующей большевистской идеологии, можно было еще вести речь о том, что перед нами бюрократизированное рабочее государство, где бюрократия выступает от имени пролетариата и, в общем, в его интересах. Но что же связывало интересы бюрократии и интересы рабочего класса?

Механизм политической власти? Вряд ли. Сложившаяся к 1922 году абсолютная монополия большевистской партии на власть сделала демократический механизм республики Советов формальностью. И даже в той части, где рабочие еще могли воспользоваться своими политическими правами, они на деле были мало способны реализовать эти права. А чем дальше, тем больше сконцентрированная в рядах большевистской партии бюрократия (в полном согласии с бюрократией беспартийной) выхолащивала возможность контроля за собой со стороны пролетариата.

Стремление к социализму? Если такого рода настроения и были свойственны как части рабочего класса, так и части бюрократии, то по своему объективному положению в системе общественного производства, достигнутому уровню культуры и сложившейся в начале 20-х годов социальной психологии никакой особой необходимости

в решении социалистических задач не испытывал ни один из этих социальных слоев или уж, во всяком случае, не считал необходимым вступать в борьбу за социализм.

Тем не менее общие интересы, связывающие бюрократию и рабочих, были. Во-первых, это их общее нежелание допустить реставрацию частнохозяйственного капитализма. Во-вторых, их общая заинтересованность в росте промышленности. И, в-третьих, идеология, обосновывающая предыдущие два пункта, и унаследовавшая некоторые традиционные марксистские лозунги.

На основе такого компромисса интересов в СССР все же была создана **альтернативная существовавшей капиталистической системе** социально-экономическая структура.

Выше я говорил о том, что социалистические элементы были представлены в ней в нецелостном, усеченном, деформированном виде, что точно также дело обстояло и с объективно рождавшимися на почве индустриального (а отчасти и доиндустриального) производства капиталистическими элементами. Они тоже были нецелостными, усеченными, деформированными и причудливо переплетались с социалистическими элементами.

В этих условиях само существование такой «мозаичной» системы, состоявшей из смешанных, разнородных (гетерогенных), да к тому же еще и деформированных элементов, как и вектор ее развития, *определялись силой политической и идеологической надстройки*. А эта надстройка была представлена пролетарскими и мелкобуржуазными элементами (главным образом «служащими» из рядов городской мелкой буржуазии), и в политическом отношении, во всяком случае, антикапиталистическими элементами. Существенную роль играло также формирование **антибуржуазной культурной традиции**. Существенную потому, что *эта культурная тенденция играла важнейшую компенсаторную роль, восполняла недостаток материально-технических, экономических, социальных и политических предпосылок социализма*¹.

¹ Значение феномена советской культуры и его роль на различных этапах развития СССР показаны в работах Л.А. Булавки (См.: Критический марксизм. Продолжение дискуссий. М.: Слово, 2001).

Исключительная роль политической надстройки в условиях, когда классовой опорой государства было меньшинство населения, да к тому же в социально-культурном отношении не готовое к самоорганизации в формах, адекватных социалистическим общественным отношениям, породила неизбежную и глубокую бюрократизацию политического строя. Бюрократия оказалась ведущей цементирующей социальной силой и для экономического строя, и для социальных отношений.

Здесь, пожалуй, в наибольшей мере проявилось столкновение теоретических оснований социалистического проекта и реальных возможностей его осуществления. Первые попытки построить отношения в промышленности на основе рабочего контроля и самоуправления быстро столкнулись с тенденцией к государственной централизации управления. В условиях гражданской войны и острейшего дефицита хозяйственных ресурсов (потеря основных источников металла, угля, нефти, хлопка и т.д.) тенденция к централизации неизбежно возобладавала.¹ Кроме того, ей противостояла недостаточно мощная альтернатива в виде социальной самодеятельности рабочего класса, которая оказалась не способна обеспечить функционирование экономики на основе принципа «свободной ассоциации». Эта тенденция была весьма заметной, но явно недостаточно сильной и эффективной в своих усилиях, ибо под ней не было достаточной социальной базы и социальных традиций.

Из сочетания буржуазных специалистов и «красных директоров» в верхних эшелонах управления, тонкой прослойки квалифицированных рабочих, подвергшихся сильнейшей люмпенизации под влиянием войны, — в нижних не могло получиться социалистического самоуправления трудящихся. Происходил рост бюрократической машины, тем более весомой, чем менее она была эффективна.

Вопреки своей программе большевики все дальше двигались по пути отстранения рабочих и их организаций от управления произ-

¹ Эта проблема освещается, например, в работах: Дамье В. Рабоче-крестьянская самоорганизация и большевистская власть в 1917–1921 гг. / Рабочий в XX веке: российский опыт. М.: КомКнига, 2005. С. 22–40; Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление: 1917. М., 1998.

водством. Годы гражданской войны явственно продемонстрировали нам превращение замысла «свободной и равной ассоциации тружеников» в систему «государственного социализма». Бюрократия в этих условиях оказалась и более эффективным способом организации управления, и более активным и энергичным социальным слоем.

Однако какова была природа этой бюрократии? Была ли она, как и любая бюрократия, лишь обслуживающим интересы господствующего класса слоем, пусть и приобретшим некую относительную самостоятельность?

На этот вопрос следует ответить отрицательно. Национализация основных средств производства и сосредоточение руководства экономикой в руках государства создали ситуацию, подобную той, которая сложилась в азиатском способе производства: советская бюрократия совпала (сначала только в тенденции) с господствующим классом. *Такая ситуация не возникла бы в условиях социалистической революции, если бы государство сразу стало превращаться в негосударство в собственном смысле слова (то есть система управления обществом формировалась бы не как отдельная от остального общества структура, а была бы продуктом общественной самодеятельности граждан, результатом их социального творчества).*

Необходимой предпосылкой для этого было бы завоевание условий, при которых государственный аппарат формировался бы рабочим классом и функционировал при его прямом участии и контроле. Однако в ходе экономической и политической борьбы 1917–1922 годов выявилось поражение рабочего класса в схватке с бюрократией за рычаги экономической и политической власти. Бюрократия, хотя и пойдя на компромисс и уступив в порядке этого компромисса некоторые второстепенные рычаги влияния рабочему классу, получила реальную возможность претендовать на политическую монополию и монополию экономического управления.

Таким образом, советская бюрократия сделала шаг к образованию своеобразного господствующего класса, занимающего это место благодаря сосредоточению в ее руках как функций управления экономикой, так и фактического распоряжения средствами и результатами производства. Политическим лидером, наиболее последовательно выразившим эти стремления новой советской бюрократии, и оказался И.В. Сталин.

3.5. «Строительство социализма в отдельно взятой стране» или капиталистическая индустриализация? Первоначальный импульс революционного творчества масс 1917–1918 годов создал политическую структуру, отличавшуюся некоторым фактическим уровнем участия трудящихся масс в экономическом (рабочий контроль, фабзавкомы, профсоюзы) и политическом (Советы, множество общественных организаций) управлении. Формальные же возможности, предоставлявшиеся Советским строем, были еще более широкими. Велик был уровень демократии и внутри правящей партии.

Однако очень скоро (не столько в ходе гражданской войны, сколько после нее) начались как фактические, так и формальные изъятия из советской, как и из партийной, демократии. К началу 30-х годов усилиями сталинской фракции от демократии революционного периода не осталось уже почти ничего, кроме некоторых формальных атрибутов и институтов со старыми названиями (впрочем, и им была суждена недолгая жизнь).

Была ли неизбежной такая эволюция («перерождение») советского строя? Была ли неизбежной победа Сталина? Мог ли окончиться иначе конфликт между сталинцами и «левой оппозицией»?.. Эти вопросы уже давно дебатировались историками, политологами и советологами. История, конечно, не знает сослагательного наклонения. Однако всегда исторические события подвергаются анализу: в какой мере они были закономерны, а в какой — случайны.

Победа Сталина и стоявшей за его спиной партийной и советской бюрократии была не случайна. На дилемму, принявшую вид спора о строительстве социализма в одной стране — *и построить нельзя, и не строить тоже нельзя*, — он нашел прагматический ответ.

Поскольку для Сталина на первом месте стояли задачи захвата и удержания личной власти, а затем и укрепления величия (в его собственном, конечно, понимании) той державы, в которой он эту власть захватил, постольку вопрос о реальной социально-экономической природе советского строя был для него второстепенным. Над ним не тяготела необходимость воплощать в жизнь какие бы то ни было теоретические постулаты или идейные принципы. В этом смысле Сталин не был доктринером, и это была его сильная сторона в борьбе с соперниками, у которых доктринерство оказалось существенной частью их мировоззрения.

В то же время идеологическое оформление своей власти не было для него вопросом второстепенным. Он понимал, или, во всяком случае догадывался, что легитимность власти правящей бюрократии, а вместе с нею и его самого, освящается революцией, совершенной под социалистическими лозунгами. Поэтому позиция Троцкого, убедительно доказывавшего, что вне мировой революции перспектив победы социализма в СССР нет, Сталина категорически не устраивала. Только демонстрация победоносного движения к социализму могла обеспечить ему статус признанного народного вождя.

Вопрос о формировании подлинно социалистических общественных отношений никогда не волновал Сталина сам по себе. Неважно, что строить, — лишь бы строительство укрепляло его власть и мощь державы, которой он руководил. Но при этом надо *непрерывно уверять, что строишь именно социализм*, а затем заявить об успешном завершении его строительства. Можно решать задачи догоняющей индустриализации *любыми*, сколь угодно варварскими методами, разумеется, доступными в тех своеобразных условиях, когда рабочий класс составляет одну из важнейших социальных опор власти, *но обязательно уверять, что это и есть движение к социализму*.

Таким образом, поскольку чисто буржуазная модернизация в СССР была уже невозможна, а социалистическая самостоятельность рабочего класса, да еще и с прицелом на международную социалистическую революцию, отвергалась бюрократическим прагматизмом, Сталин сделал единственно возможный для него выбор — индустриализация на основе бюрократической централизации экономики, при отстранении рабочего класса от реальных рычагов политической и экономической власти, при экспроприации не только капиталистического класса, но и мелкой буржуазии, и даже добуржуазного крестьянства. Это создавало возможность как максимальной концентрации хозяйственных ресурсов на задачах индустриализации, так и дополнительной мобилизации этих ресурсов за счет всех основных социальных слоев советского общества. Таким образом, Сталин нашел ответ на вопрос, как осуществить широкомаштабный капиталистический промышленный переворот в государстве без буржуазии.

Противники Сталина и слева, и справа не имели такого прагматического ответа. Программа Бухарина — программа движения к

социализму через широкое развитие государственного капитализма — тут же оборачивалась риском капиталистической реставрации в условиях неизбежного роста буржуазных социальных слоев. Кроме того, она существенно ограничивала возможности дополнительной мобилизации хозяйственных ресурсов как за счет крестьянства, так и за счет рабочего класса.

Программа Троцкого — ограничивать рост буржуазных слоев, а основную ставку сделать на форсированный рост социалистического сектора на основе развития инициативы и самостоятельности пролетариата (увлекающего за собой и крестьянство) — была теоретически очень выверенной, но практически не реалистичной. Не было в России (да тогда и не могло быть) столько и такого рабочего класса, который смог бы поднять задачу, возложенную на него идеологами «левой оппозиции». Некоторые из их лидеров начали догадываться об этом обстоятельстве. В одном из писем Христиана Раковского можно найти довольно глубокий анализ состояния советского рабочего класса, объясняющий его неспособность противостоять сталинской бюрократии. Однако эти обстоятельства еще не воспринимались как объективные препятствия для самостоятельного исполнения рабочим классом ведущей роли в социалистическом преобразовании общества по линии не только политического, но и экономического господства.

Но Сталин победил не только политико-идеологически. Сталин победил и социально-политически. Его программа опиралась на компромисс наиболее влиятельных социальных сил, одинаково заинтересованных и в индустриализации, и в недопущении буржуазной реставрации. Это был компромисс рабочего класса с бюрократией при ведущей роли последней.

Сталинская власть была во многом схожа с бонапартистским режимом, как власть, смиряющая разрушительное противоборство различных социально-классовых сил, создающая принудительный компромисс между ними, а потому и приобретающая относительную самостоятельность (благодаря опоре на пассивные социальные слои, опасющиеся развертывания социально-классового конфликта). Отражая интересы в первую очередь бюрократии, Сталин не был ее послушной марионеткой, выражая своей фигурой необходимость для бюрократии искать для себя более широкой социальной опоры

в лице рабочего класса (что выразилось в создании и постепенном наращивании системы социальных гарантий). Подчас он натравливал рабочий класс на бюрократию, чтобы обеспечить себе возможность политического балансирования и не нести прямой политической ответственности перед выдвинувшим его к власти социальным слоем. Оба этих слоя (и рабочие, и бюрократия) были объединены также своим неприятием любой возможности социального выдвижения буржуазных и мелкобуржуазных слоев.

Линия Бухарина требовала компромисса с мелкобуржуазными, а отчасти и с буржуазными элементами. А такой компромисс был весьма неустойчив и непрочен, ибо буржуазная и мелкобуржуазная его сторона была заведомо против любых игр в «строительство социализма», да и просто против форсированной индустриализации на спине крестьянства.

Линия Троцкого требовала опоры на рабочий класс против бюрократии. Но эта позиция была нереалистичной в условиях, когда рабочие были явно не в состоянии «своими собственными силами обеспечивать свое классовое господство», будучи не только меньшинством в обществе, но вдобавок еще и необразованным, малокультурным в своей основной массе меньшинством, подвергшимся, кроме того, значительной люмпенизации и деклассированию в ходе гражданской войны. Противостоящая же рабочим бюрократия концентрировала в своих рядах наиболее энергичные и организованные (а нередко и высокообразованные) элементы различных социальных групп.

Для тех, кто видит во власти Сталина государственно-капиталистическую диктатуру, расхождение линии Сталина и линии Бухарина должно быть совершенно необъяснимым (разве что с точки зрения политического соперничества). Однако советская бюрократия сталинского образца отнюдь не была чистым выражением господства государственного капитализма (смотри выше мою позицию об экономических основах советского строя). В классовом же отношении это вообще не была буржуазная или капиталистическая бюрократия.

Таким образом, сложившийся в промышленности уклад представлял собой плод определенного союза между бюрократией и пролетариатом при ведущей роли первой. На этом же союзе, дополненном еще и компромиссом с крестьянством, покоилась и вся обще-

ственная система СССР начала 20-х годов. Но как долго могла продержаться эта конструкция?

В более широком контексте разрушение обоих компромиссов стало следствием объективной логики задач поздней буржуазной революции, функции решения которых приняла на себя советская бюрократия. Напомню, это были задачи догоняющей модернизации, понимавшиеся тогда в терминах индустриализации и перехода к крупному общественному земледелию.

Бюрократия встала перед необходимостью жесткой концентрации хозяйственных ресурсов для проведения догоняющей модернизации (что получило затем отражение в термине «мобилизационная экономика»). Такая концентрация и материальных ресурсов, и трудовых усилий была возможна лишь за счет сильнеешего нажима — как на рабочий класс, так и на крестьянство. Экономическое соревнование с капиталистическим укладом было прекращено, и остатки буржуазии, допущенной нэпом, были ликвидированы административным давлением, а мелкобуржуазное крестьянство сметено коллективизацией. Угроза с этой стороны была ликвидирована — но вовсе не ради интересов рабочего класса и «строительства социализма».

Прежние формы компромисса были отброшены — не без ожесточенной политической борьбы, занявшей почти все 20-е годы, — и политика, проводившаяся с 1929 года, знаменовала собой окончательный переход к своеобразному советскому бонапартизму. Правда, для этого пришлось серьезнейшим образом ревизовать прежние установки большевизма — как идейные (например, партийная программа была просто забыта), так и организационные (стремительный отказ от внутривнутрипартийной демократии), и основательно изменить персональный состав большевистской партии, в конечном итоге превратив ее в течение 30-х годов в иную политическую организацию, хотя и под старым названием.

Как и любые разновидности бонапартизма, советский был основан на лавировании между противоположными интересами классов и социальных слоев — в данном случае между интересами разросшегося слоя бюрократии и трудящихся классов (как рабочих, так и крестьян). Своеобразие советского бонапартизма заключалось в том, что здесь бюрократия превращалась не только в арбитра борющихся классов, стоя как бы над ними, а на деле достигая компромисса

между ними, но в пользу одной из сторон. Она сама была одной из сторон компромисса и арбитром в своем собственном деле. Это было бы невозможно, если бы в советском строе не действовали механизмы самоограничения бюрократии, степень которого не стоит преувеличивать, но которое было реальным фактом, на чем только и могла основываться мобилизующая роль бюрократии в деле модернизации.¹ Это самоограничение, вместе с успехами модернизации, постепенно стало все больше и больше предаваться забвению, и на бюрократию к середине 30-х годов закапал золотой дождичек строго отмеренных привилегий — одновременно с радикальной кровавой чисткой ее от носителей старых большевистских традиций.

Советская бюрократия и политически, и по составу была тесно связана со своим союзником (рабочим классом), но все же преимущественно ее составляли выходцы из низших и средних слоев старых служилых сословий, выдвинувшиеся на высшие должности в ходе революции. Главной социально-экономической детерминантой ее позиции стало в таких условиях не столько ее происхождение, сколько ее положение как центрального звена экономического и политического управления. В этом ее положении присутствовала и буржуазная (государственно-капиталистическая) составляющая — но только как элемент (и даже осколок) в ряду других. Свою эксплуататорскую функцию эта бюрократия осуществляла преимущественно некапиталистическими методами². И в любом случае она была кровно заинтересована воспрепятствовать реставрации частнохозяйственного капитализма.

Итак, бюрократия приступила к решению задач буржуазной модернизации... Поймите! Но как же с социалистической революцией,

¹ Подробнее см.: Колганов А.И. Три модернизации в России и наше время // Политический класс, 2005. № 11.

² Этот тезис нередко оспаривается со ссылками на форму найма, на товарно-денежные отношения, якобы свидетельствующие о капиталистической природе эксплуатации в СССР. Хочу оставить этот спор за скобками данной статьи и замечу лишь, что никому еще не удалось доказать, что бюрократия эксплуатировала трудящихся СССР ради извлечения прибавочной стоимости.

о перспективах которой так много было рассуждений выше? Попытки проведения раннесоциалистической революции постигла именно та судьба, которая и должна была их постигнуть. Поскольку для социалистических преобразований все же были некоторые, хотя и очень незрелые, предпосылки в виде капиталистического промышленного уклада, возникли весьма значимые социалистические формы, охватывающие некоторые стороны социально-экономических отношений. Классовый, политический и идеологический импульс Октября был достаточно силен, и к тому же он подкреплялся заинтересованностью советской бюрократии в сохранении идейно-политической оболочки великой революции, служащей оправданием власти бюрократии. Кроме того, использование этих форм позволяло мобилизовать энергию и энтузиазм рабочего класса. Да и формы государственного централизованного управления национализированной промышленностью, обладая определенной схожестью с прогнозируемыми чертами социалистического планового хозяйства, позволяли отождествлять одно с другим.

Некоторая устойчивость этих форм определялась еще и международным положением СССР. Их наличие позволяло СССР занять особое место в мировом хозяйстве и в мировой политике, провести линию твердого протекционизма в социалистической плановой оболочке, да еще и опереться на поддержку международного рабочего движения, противопоставив себя, как «форпост социализма», «капиталистическому окружению» (тем более что наличие реальных социалистических элементов давало на это основания и было действенным средством давления на мировую буржуазию). Однако *эти социалистические формы не развились, да и не могли развиваться в основы социально-экономического строя, сложившегося в СССР*. Более того, имевшиеся элементы социализма сложились в уродливом, деформированном виде (что служит оправданием применению образного выражения «мутантный социализм» — но не по отношению ко всему советскому строю, а только по отношению к этим элементам).

Таким образом, советский «социализм» сложился первоначально как незавершенное переходное общество с бонапартистской надстройкой, социально-экономической основой которого было решение задач догоняющей буржуазной модернизации без буржуазии и в оболочке социалистических форм хозяйствования.

3.6. *Противоречия нэпа и сталинская концепция их разрешения.* Не следует думать, что обрисованные выше контуры сталинского подхода к социалистическому строительству в СССР были сколько-нибудь внятно сформулированной Сталиным (хотя бы для себя самого) теоретической концепцией. В своем отношении к перспективам социализма Сталин действовал чисто эмпирически, реагируя на насущные хозяйственные и политические проблемы по мере их возникновения.

Пока нэп обеспечивал быстрое восстановление народного хозяйства СССР, Сталин был горячим поклонником и защитником бухаринской линии и активно выступал против Троцкого, требовавшего форсировать рост социалистических элементов в экономической системе Советской России. Когда же Сталин столкнулся с объективными противоречиями нэповской эволюции, что нагляднее всего выразилось в трудностях с хлебозаготовками, он сначала не ставил вопрос об изменении всей экономической стратегии, а реагировал непосредственно на возникшие затруднения. В основе этих затруднений лежало желание крестьянства получать именно тот товарный эквивалент продаваемому зерну, который нужен ему, а не мириться с заниженными хлебными ценами и завышенными ценами на товары крестьянского спроса ради роста тяжелой промышленности.

Итак, чтобы получить крестьянский хлеб, надо было или менять структуру промышленного роста в пользу наращивания производства предметов потребления, сельхозинвентаря и сельхозмашин, отказываясь от форсирования тяжелой промышленности, либо обеспечить откачку этого хлеба не через обычную куплю-продажу или товарообмен. Сталин первоначально испробовал известный по гражданской войне метод — чрезвычайные меры при хлебозаготовках, принуждение крестьян продавать необходимое количество хлеба по фиксированным государством ценам. Однако ответ крестьян на применение таких методов также был известен по гражданской войне — страна встала перед призраком крестьянской «хлебной стачки» (то есть сокращения посевов).

Встав перед фактом неэффективности чрезвычайных мер, Сталин в 1928–1929 годах без колебаний пошел на плагиат у левой оппозиции, сделав ставку на социалистическое преобразование деревни, т.е. на производственное кооперирование крестьянства. Однако уже

в 1929 году ему стало ясно, что этот подход не даст немедленных результатов, ибо, чтобы вовлечь крестьян в производственные кооперативы (артели) путем хозяйственного примера, нужно обеспечить приток в деревню машинной техники в таких размерах, какие в ближайшие годы были не под силу советской промышленности, обеспечить массовую подготовку кадров, способных управлять крупным механизированным сельскохозяйственным производством, и т.д. Именно поэтому произошел переход к политике принудительной форсированной коллективизации, а сами крестьянские кооперативы были превращены в полугосударственные механизмы, обеспечивающие не только принудительное изъятие, но принудительное производство сельхозпродуктов.

Достаточно ясно, что этот переход несколько не зависел от социалистических лозунгов, которыми он прикрывался. Ведь одновременно со сталинской коллективизацией уничтожались те социализированные формы экономических отношений в деревне (и не только в деревне), которые были продуктом усилий по ее социалистическому преобразованию в предшествующее десятилетие. Были ликвидированы коммуны, ТОЗы, все сбыто-снабженческие, кредитные (ссудно-сберегательные), машинопрокатные и иные крестьянские кооперативы, а кадры крестьянской кооперации подведены под раскулачивание. В городах была ликвидирована система потребительской и жилищно-арендной кооперации.

Хозяйственный нажим осуществлялся не только на крестьянство, но и на рабочих. Инфляционное финансирование индустриализации привело к падению реального жизненного уровня рабочего класса. Однако та часть крестьянства, которая переходила в ряды рабочих, выигрывала как в уровне потребления, так и в социальном статусе.

Одним из сильных возражений против концепций, отрицающих социалистический характер советского общества, является указание на тот существенный социальный прогресс, который был достигнут в ходе его развития, — прогресс, выходящий за рамки того, что было возможно и допустимо в буржуазном обществе.

Однако если трезво вычленишь именно те составляющие социального прогресса, которые выходят за рамки буржуазно-допустимого, то окажется, что СССР добился многого — и все же не настолько, чтобы заслужить звание социалистического общества.

Бесплатное школьное образование? Мера вполне буржуазно-демократическая. Бесплатное высшее образование за государственный счет? Да, пока почти ни в одной буржуазной стране эта мера не была распространена на всех студентов. Бесплатное здравоохранение? То же самое — оно есть, но в ограниченных масштабах. Отсутствие безработицы? Вот здесь отличие коренное. Ни одна буржуазная страна до сих пор не в состоянии подчинить процесс накопления капитала в национальных масштабах задаче обеспечения полной занятости.

Другая сторона вопроса заключается в том, что весь экономический и социальный прогресс советского общества представлял перед нами в социалистической оболочке. Безжалостное снижение потребления широких масс ради индустриализации, и варварская экспроприация крестьянства для этих же целей — «социализм». Новые отрасли промышленности — «социализм». Снижение уровня неграмотности — «социализм». Начало роста потребления во второй половине 30-х годов — «социализм».

Таким образом, действительно социалистические меры и действительно социалистические формы развития оказались соединены с чисто буржуазным прогрессом и окрасили его в собственные «красные» тона.

Тем не менее я отказываю советскому строю в праве называться также и государственным капитализмом, хотя и признаю наличие элементов госкапитализма в советском строе.

Был ли это государственный капитализм в виде контроля и ограничения частного предпринимательства пролетарским государством? Да, в той мере и постольку, поскольку на начальном этапе своего развития последнее отчасти сохраняло пролетарский характер, а частно-капиталистические элементы не были полностью экспропрированы.

Был ли это государственный капитализм, основанный на экспроприации частных капиталистов и замене их государственными чиновниками? Да, в той части, в какой государственные предприятия были организованы на капиталистических принципах (конкуренция, коммерческий расчет, найм, сдельщина...). Однако уже в 30-е годы мы имеем не частнопредпринимательскую экономику, управляемую государственными чиновниками, а национальный капитал, организованный на принципах единого общественного хозяйства.

Конечно, в экономической системе СССР можно найти многие атрибуты товарного хозяйства, и некоторые из них даже не были формальными. Можно назвать эту систему вырожденной формой рынка. Но с таким же успехом можно и товарное хозяйство представить как вырожденную форму планомерной организации всего общественного производства.

Экономический расчет в СССР, как и распределение труда между отраслями производства, во всяком случае, не были подчинены критерию прибыльности, а сама прибыльность не была следствием слепой игры стихийных сил рынка.

Это была неустойчивая, разнородная, «несбалансированная» конструкция, ее элементы удерживались вместе силой политической надстройки, и она со временем неизбежно начала разлагаться, выхолащивая и вытесняя менее прочные социалистические формы, впрочем, отчасти сохраняя то из них, что диктовалось общими условиями развития позднеиндустриального уклада (и что параллельно развивалось в странах капиталистического «ядра»). Такое развитие социально-экономических последствий российской революции с точки зрения имевшихся материальных предпосылок было наиболее вероятным. Что же касается политической формы этого процесса, сопряженной с произволом времен сталинской диктатуры, то здесь как раз были возможны варианты, борьба вокруг которых, собственно, и была реальной подоплекой политических конфликтов 20–30-х гг.

3.7. *Схватка за власть.* Победа сталинской линии не была простым следствием объективно более прагматического решения проблемы перспектив развития СССР. Это решение было чревато серьезными идейными, политическими и социальными конфликтами. Ведь программы его противников также не были ошибочными от начала до конца, и содержали в себе рациональные элементы, от которых Сталин во многом отказался.

Если программа Бухарина не могла быть надежной основой для строительства социализма, то содержавшееся в ней стремление к поддержанию баланса экономических интересов между пролетариатом и крестьянством и в связи с этим — выбор экономически сбалансированных темпов индустриализации были вполне рациональными. Если программа Троцкого переоценивала готовность тогдаш-

него капитализма даже в наиболее развитых странах к социалистической революции, то делавшийся в ней упор на инициативу и самостоятельность рабочего класса и необходимую для этого политическую демократию, хотя вряд ли мог привести страну к подлинному социализму, все же мог послужить важным фактором большей устойчивости и гибкости советского строя, его способности к дальнейшей прогрессивной эволюции. По своему объективному смыслу именно эта программа могла заложить основы для дальнейшей эволюции советского строя в сторону действительного социализма (по мере накопления необходимых социально-экономических и социально-культурных предпосылок и изменения международных условий).

Сталин, выражая в первую очередь интересы бюрократии, не мог принять таких установок. Более того, по своим личным качествам он был достойным представителем того социального слоя, интересы которого выражал. Неглупый и начитанный, обладавший прекрасной памятью, способный быстро учиться и вникать в довольно сложные практические вопросы, он умел также быстро реагировать на изменявшиеся обстоятельства общественной жизни и был мастером политической интриги, обладал упорством в достижении цели, умел располагать к себе людей. В то же время Сталин отличался маниакальной подозрительностью и злопамятностью, был склонен к упрощенчеству в области теории и практически полностью неспособен к овладению наиболее отвлеченными теоретическими дисциплинами. Теория никогда не была для него руководством к действию, а служила лишь идеологическому оформлению принимаемых политических решений. Однако некоторые постулаты марксизма (нередко в своеобразной интерпретации) Сталин воспринимал как полезные и действенные принципы, необходимые для руководства государством и массами, а потому и превращавшиеся для него в обязательные догмы.

Разумеется, такой подход сталкивал Сталина с представителями как правой, так и левой оппозиции, обладавшими значительным авторитетом в партии, а потенциально — и с большинством представителей старой партийной гвардии, которые могли расценить действия Сталина как предательство идеалов революции (что во многом соответствовало действительности).

Поэтому все двадцатые годы были для Сталина временем ожесточенной схватки за власть, окончательная победа в которой была

достигнута лишь в середине 30-х годов. Для этого Сталину потребовалось физическое истребление как реальной, так и потенциальной оппозиции в ходе развязывания кампании всеобщей политической подозрительности. Масштаб репрессий определялся не только задачами борьбы за власть, но и личными качествами Сталина, болезненно опасавшегося любой потенциальной возможности инакомыслия. Поэтому он не смог обойтись без организации разнузданной политической истерии по поиску «врагов народа», унесшей заодно и жизни множества верных приверженцев Сталина. Эта истерия была приостановлена Сталиным только тогда, когда она стала угрожать полным развалом всей системе партийно-государственного управления.

Гораздо сложнее было справиться с социальным недовольством сначала крестьянства, а затем и пролетариата, уязвленных наступлением на их интересы в ходе индустриализации. Если рабочие хоть как-то могли мириться с временным падением жизненного уровня, поскольку индустриализация действительно открывала перед ними дополнительные перспективы (что касается и кадровых рабочих, и, в особенности, хлынувшего в 30-е годы потока выходцев из деревни), то гораздо сложнее передовой части рабочего класса было смириться с выхолащиванием их статуса господствующего класса, с глушением или бюрократической формализацией любой инициативы, с отстранением от решения любых производственных вопросов. Короткий всплеск в начале 30-х гг. инициатив рабочего класса, связанных с надеждами, порожденными ускоренной индустриализацией, был либо задавлен (встречное планирование, бригадная организация труда), либо формализован бюрократией (как это произошло с социалистическим соревнованием и стахановским движением).

В совокупности эти проблемы предопределили выбор бюрократией и ее лидером Сталиным антидемократической, тяготеющей к тоталитаризму модели общественно-политического устройства СССР.

4. Эволюция бюрократии в советском обществе

Сталин составил более устойчивую социальную комбинацию — и победил. Однако его победа означала в перспективе и неизбежную гибель той системы, творцом которой он стал. Отказ от

претворения в жизнь наиболее прогрессивных черт социалистической модели соответствовал личным наклонностям Сталина и интересам выдвинувшей его бюрократии, хотя и был в достаточной мере вынужденным объективными обстоятельствами. И в то же время именно отказ хотя бы от попыток постепенного наращивания предпосылок для развития самоуправленческой, социально-творческой составляющей социалистического проекта сделал сталинскую систему окостеневшей, неспособной к значительным социальным маневрам и приспособительной эволюции.

Это произошло именно потому, что бюрократия играла ведущую роль в советской системе. «Строительство социализма», предполагавшее передачу средств производства в общественную собственность, а как первый шаг — национализацию основных из них, — сконцентрировало колоссальную экономическую и политическую власть в руках бюрократии. Поскольку рабочий класс не смог (отчасти по объективным причинам, отчасти из-за активного противодействия бюрократии) самостоятельно овладеть управлением производством и контролем над государственным аппаратом, функции управления монополизировала бюрократия.

Не демократическая, лишенная сколько-нибудь существенных элементов общественной самостоятельности трудящихся, не создававшая достаточно социально-экономических возможностей для превращения в перспективе труда в творческую деятельность, эта жесткая система в то же время хорошо соответствовала решению задач догоняющей индустриализации. Она обеспечивала возможность высокой концентрации и широкомасштабного перераспределения экономических ресурсов. То же самое касается и осуществления масштабных научно-технических и социальных проектов.

Социальный компромисс бюрократии с рабочим классом, представлявший последнему значительные социальные гарантии, обеспечивал заинтересованность рабочих в решении задач индустриализации, и, будучи подкреплен активным использованием социалистических лозунгов и атрибутов, в определенный период времени даже порождал феномен массового энтузиазма в ходе «социалистического строительства». Со стороны бюрократии этот компромисс подкреплялся также активным, а подчас и самоотверженным участием партийных и хозяйственных руководителей в решении задач эко-

номического развития страны. Однако столь же самоотверженное участие бюрократии в реализации очевидно ошибочных установок сталинской политики (головотяпское проведение коллективизации, обернувшееся колоссальными хозяйственными потерями; экономически бессмысленная, не давшая никаких позитивных результатов попытка форсирования темпов промышленного роста в первой пятилетке) показывало реальный статус этого слоя как оторванных от масс и стоящих над массами чиновников.

И вот с течением времени социальная основа советского строя стала неизбежно размываться. Бюрократия, укрепив свое господство и начав превращаться в замкнутую наследственную касту, все более обособляла свои интересы от интересов остального общества.

Общая для рабочего класса и бюрократии позиция защиты от буржуазной реставрации потеряла актуальность и сохранилась лишь в функции защиты от внешней угрозы (которой было придано гипертрофированное значение). Сам рабочий класс из относительно привилегированного меньшинства с завершением индустриализации превратился в большинство населения (в 1940 году официальная статистика оценивала численность рабочего класса в 23,9 млн. чел., или 38% занятых, а в 1960 году — уже 55,1%), и бюрократия уже не могла поддерживать для него прежний высокий социальный статус.

В результате *социальный компромисс, на котором держалось советское общество, стал размываться с двух сторон*. С одной стороны, наемные работники (и особенно научно-техническая интеллигенция) испытывали все большее недовольство от выхолащивания социальных гарантий и потери привилегированного социального статуса, начиная приближаться к осознанию своей роли как эксплуатируемого социального слоя. С другой — бюрократия стала не только претендовать на полную монополию на властно-хозяйственные функции, но и все возрастающая часть ее стремилась превратить каждого своего члена из условного распорядителя общественного богатства, ограниченного в своих функциях всей остальной бюрократической иерархией, в полноправного собственника.

Этапы социальной эволюции советского общества можно резюмировать следующим образом:

1. 1917 год — конец 20-х. На этом этапе происходит переход от попыток рабочего класса непосредственно овладеть государственной

машиной к постепенной уступке функций управления бюрократии, которая пока еще сохраняет тесную социальную и политическую (например, через выдвигенчество) связь с рабочим классом. Однако от политического контроля со стороны рабочего класса бюрократия к концу данного периода полностью эмансипируется, сохраняя за рабочими лишь некоторые социально-политические привилегии. Государство приобретает бонапартистский характер.

2. 30-е — середина 60-х годов. Период компромисса между рабочим классом и бюрократией. Сдвиг социальной опоры бюрократии в сторону «нового» рабочего класса, формирующегося в ходе индустриализации, обеспечивает укрепление социальной базы советского бонапартизма. Бюрократия продолжает поддержку социальных гарантий рабочему классу, создает условия для роста его численности и квалификационного уровня, оставляет некоторые каналы социальной мобильности (через массовое высшее образование), что не мешает ей прибегать и к жестким административным мерам против своего союзника (ограничения свободной мобильности рабочих, репрессии, запрет стачек и свободных профсоюзов). Поддерживается полная занятость. Политически этому соответствует переход от бонапартизма к превращению бюрократии в господствующее сословие.

3. Середина 60-х — конец 80-х годов. Размывание компромисса бюрократии и рабочего класса. Превращение бюрократии в замкнутую касту. Оформляется стремление бюрократии превратиться из господствующего сословия в класс. Отмирание рудиментов социальной ответственности верхушки бюрократии перед работниками. Расширение масштабов бюрократических привилегий, выхолащивание всеобщих социальных гарантий, торможение роста благосостояния. Конфликт бюрократии и технической интеллигенции.

5. От капитализма к посткапитализму

Однако даже такая, усеченная, внутренне неоднородная, деформированная альтернатива мировой капиталистической системе оказала на развитие последней колоссальное влияние. Одна лишь демонстрация возможности существования жизнеспособной альтернативы, создающей социальные преимущества для

класса наемных работников, заставляла капитализм меняться. Тем более что эта осязаемая альтернатива подкреплялась давлением классовой борьбы внутри капиталистических стран.

Если символом альтернативы мировой капиталистической системе был СССР, то ее персонифицированным выражением стал Сталин. Именно этим объясняется его огромный авторитет в левом движении всего мира, даже среди социал-демократии, не питавшей симпатий ни к большевизму вообще, ни к репрессивным методам сталинской власти в особенности.

Буржуазия стала продвигаться все дальше и дальше по пути компромисса с пролетариатом. Впрочем, была испробована в широких масштабах и попытка бескомпромиссного решения — через фашизм. Но она оказалась чревата для буржуазии серьезным риском и дополнительными проблемами (такими, как уничтожение не только десятков миллионов «рядовых граждан», но значительной части собственной элиты, радикальное расширение мировой социалистической системы, угроза победы левых в ряде развитых капиталистических стран и др.).

Итак, буржуазное общество — в наиболее развитых странах, где противоречия капитализма более всего вызрели, — стало эволюционировать, принимая и интегрируя в свою социально-экономическую структуру некоторые уже не вполне буржуазные элементы («ростки социализма»). В этом смысле для капитализма XX века стали характерны все нарастающие переходные процессы и формирование переходных производственных отношений, однако при сохранении господствующей роли капиталистического способа производства. Сюда можно отнести распространение целого ряда ограничений эксплуатации (сужение границ рабочего дня, установление режима отпусков, минимальной оплаты, системы норм, регулирующих условия труда, права на коллективный договор и т.п.) и установление системы социальных гарантий, частично оплачиваемых из прибавочного продукта (пенсии, социальные пособия, в том числе по безработице, финансируемые из бюджета сектора в здравоохранении и образовании и т.д.). Кроме того, продолжали развиваться и ограничения действия рыночного механизма, связанные с разнообразными формами государственного и общественного (например, со стороны профсоюзов, организаций потребителей и т.д.) регулирования экономики.

Именно эти переходные формы (возникновение которых вполне закономерно для зрелого способа производства), как и лежащая в их основе борьба рабочих за более достойные условия существования, и обеспечили странам наиболее развитого капитализма постепенное нарастание элементов постиндустриального производства, а вместе с этим и преимущество в соревновании с СССР.

6. Конец советского эксперимента

Непосредственной причиной экономических трудностей, с которыми столкнулся советский эксперимент, было несоответствие системы экономических отношений, довольно эффективно решавшей задачи догоняющей (по существу капиталистической) индустриализации, задачам развития на позднеиндустриальном этапе (когда задачи индустриализации уже решены), а тем более — задачам перехода на постиндустриальный этап.

Воспроизводственно-технологический аспект этого кризиса хорошо описан А. Белоусовым и А. Клепачем в серии статей в журнале «Альтернативы» («Кризис индустриальной модели советского типа» // Альтернативы, 1995. № 1 и 1996. № 1). Не менее важным представляется мне и мотивационный аспект. Советская система пыталась создать механизм хозяйственной мотивации, альтернативный вещно-денежному. Однако эта попытка совершалась в условиях, когда потенциал вещно-денежной мотивации был далеко еще не исчерпан, а вещно-денежные потребности не насыщены. Кроме того, сама гипербюрократизация ставила мощные препоны на пути действия мотивации, опирающейся на принцип свободной реализации творческих способностей человека. В этих условиях вещно-денежная мотивация оказалась для большинства населения желанной, но не достигнутой целью.

Однако ведь и капитализм начала XX века не был приспособлен для решения задач позднеиндустриального, а затем и постиндустриального этапа. Проблема заключалась в том, что капиталистический строй содержал в себе достаточный потенциал для эволюционного приспособления к условиям позднеиндустриального и появляющегося постиндустриального производства. Во многом это диктовалось

принудительной необходимостью, исходившей от «соревнования двух систем».

Советская же система оказалась для этого чересчур окостеневшей. Ее заложенная при Сталине гипербюрократизация, бывшая неотъемлемым звеном системы, определявшим ее лицо, оказалась и основным тормозом для ее эволюции. Кроме того, устойчивость системы была подорвана размыванием классового компромисса, лежавшего в ее основе.

Кратковременный всплеск научно-технического творчества, опиравшийся на заметный рост реального потребления и качества жизни во второй половине 50-х — начале 60-х годов, обеспечил высокий темп экономического развития и пробудил надежды, оказавшиеся необоснованными. Этот последний период быстрого экономического и социального прогресса пришелся на краткий момент поверхностной «десталинизации». Однако речь на деле шла лишь о ликвидации репрессивных крайностей сталинского режима. Попытки же призвать к изменению экономического и политического устройства советского общества в духе идеалов Октябрьской революции были успешно отторгнуты системой, возглавлявшейся сталинскими выдвиженцами, глубоко проникнутыми духом сталинизма (Хрущев, Брежнев, Суслов). Не произошло даже возврата к мягкому варианту бюрократической системы 20-х годов.

Когда в ходе перестройки была поставлена задача перехода к «социализму с человеческим лицом», то оказалось, что необходимое для этого устранение системы бюрократического централизма разрушает всю модель «реального социализма», поскольку в ее недрах не было почти никаких широко развитых социальных механизмов, способных заместить господствующую бюрократию (были лишь деформированные и рудиментарные вкрапления элементов общественной самостоятельности).

Приход капиталистической системы оказался неизбежным, поскольку она была единственной альтернативной системой, соответствующей достигнутому уровню производительных сил, и к тому же занимающей господствующие позиции в мировом хозяйстве. Она также создавала прочную иллюзию соответствия стремлению большинства насытить свои вещно-денежные потребности. Кроме того, всем была очевидной неспособность тех фракций бюрократии, ко-

торые цеплялись за сохранение старых порядков, к сколько-нибудь конструктивной работе. Интересы же трудящихся не собирались защищать ни те из номенклатуры, кто хотел капиталистической эволюции, ни те, кто выступал против нее.

Что касается такой проблемы, как **международные условия гибели советской системы**, то наиболее кратко эти условия можно определить как образование исторического разрыва между попыткой социалистических преобразований в СССР и вызревaniem объективных предпосылок для такой попытки во всемирном масштабе. Дело здесь не столько в самом факте изоляции СССР и «мировой системы социализма», сколько в том, что эта изоляция была предопределена объективными тенденциями всемирно-исторического процесса. В таких условиях борьба мировой капиталистической системы против вызова со стороны альтернативной системы имела все шансы на успех. Внутренние противоречия советского «социализма», корни которых лежали в объективной невозможности складывания новой, более прогрессивной, чем капитализм, социально-экономической системы социализма без достаточных материальных и экономических предпосылок, да еще и в национально-ограниченных рамках, позволили капиталистической системе сыграть на этих противоречиях и ускорить гибель советской державы. Хотя материальные предпосылки социализма в СССР к тому времени были несравненно более зрелыми, чем в 20-е или 30-е годов, были утрачены социально-политические предпосылки социализма. Советский «реальный социализм» до самых последних дней своего существования так и не нашел выхода за рамки погубившей его сталинской модели.

7. От «строительства социализма» к «строительству капитализма»?

Следует заметить, что ни одна из существующих национальных моделей «социалистического строительства» так и не вышла за рамки того бюрократического прототипа, который сложился в СССР. Хотя югославскую или кубинскую модель при этом нельзя в полном смысле слова назвать сталинистскими, но при всем их своеобразии они все же остались в пределах «бюрократического

социализма». Ни одна из этих моделей не устояла перед натиском буржуазных социально-экономических отношений. Однако следует обратить внимание на своеобразие того ответа, который дали на этот натиск некоторые из национальных моделей.

Кубинская модель, хотя и открыла широкую дорогу развитию буржуазных (главным образом в формах государственного капитализма) и переходных социально-экономических отношений, сохранила очень многое от первоначального социалистического импульса, причем не только в политико-идеологической сфере. Остается лишь удивляться, как стране со столь слабой экономикой удастся столь долго удерживать значительные элементы социалистического эгалитаризма в экономике, социальной сфере и политике.

Китайская модель, хотя и не устояла перед лицом победы капиталистического мира, ответила на эту победу не торжеством «дикого капитализма», а управляемым переходом на государственно-капиталистические рельсы.

Что же касается России, то в ней происходит формирование крайне неустойчивой, неосновательной модели капитализма. Для того чтобы не только указать на видимые, бросающиеся в глаза приметы такой неустойчивости, но и понять их фундаментальные основания, следует совершить небольшой экскурс в теорию.

Переход от одного способа производства к другому в социальном отношении никогда не представлял собой прямое превращение основных классов одного способа производства в основные классы другого. Римские колонаты и «рабы с хижинами» не превратились сразу же в средневековых крепостных: между римским колоном и средневековым крепостным стоял свободный крестьянин, которого еще только предстояло закрепить. Средневековые крепостные не превращались непосредственно в наемных работников — между ними стоит фигура независимого мелкого товаропроизводителя (в деревне ли, в городе ли), лишь экспроприация которого привела к пролетаризации трудящегося населения. Аналогичную трансформацию претерпевали и представители господствующих классов. Кроме того, значительная часть последних рекрутировалась из рядов прежде угнетенных классов (пример — «третье сословие»).

В этом смысле российский капитализм представляет собой совершенно искусственное, «тепличное» растение.

В конечном итоге тенденция к латентному формированию корпоративно-капиталистической структуры в оболочке планового хозяйства, и процесс избавления бюрократии от последних ниточек, связывающих ее с трудящимися классами, неизбежно привели к реставрации капитализма. Полукапиталистическая система, оснащенная немаловажными социалистическими атрибутами, была разрушена и заменена системой корпоративного капитализма. Однако этот новый российский капитализм оказался обременен целым рядом врожденных пороков.

Крайне оригинальный исторический путь формирования в России позднеиндустриального капитализма наложил своеобразный отпечаток и на его нынешний облик. Во-первых, этот капитализм вырос не из эволюции мелкобуржуазного моря, из которого вырастали островки свободного капиталистического предпринимательства, основанного на более или менее свободной конкуренции. Он не развился на почве широкого слоя свободных мелких товаропроизводителей («мелкой буржуазии») — крестьян и ремесленников, выделивших из своих рядов как пролетарские, так и буржуазные элементы. То же самое относится и к Восточной Европе, хотя там во многих случаях существовала хотя и не слишком большая, но заметная прослойка мелкой буржуазии (в этом существенное отличие, скажем, Польши или Венгрии от СССР). «Новый» постсоветский капитализм, не имея за своей спиной исторического опыта развития свободного предпринимательства, с самого начала родился как система господства крупного корпоративного капитала, объединенного в монополистические структуры. Кроме того, переход от государственно-монополистических структур к частно-монополистическим был проведен скачкообразным способом, а потому господство монополистического капитала приобрело ярко выраженную олигархическую тенденцию.

Во-вторых, социальная среда, из которой рос этот капитализм, также была необычной. Новейший российский капитализм вырос из распада и разложения бюрократической плановой системы. К несчастью, именно худшие продукты этого разложения — союз коррумпированной бюрократии и дельцов теневого бизнеса, густо приправленный пропитавшими эту среду криминальными элементами, — захватили господствующие политические позиции и составили

как раз наиболее активный контингент современного российского предпринимательства. С другой стороны, становление этого капитализма происходило при отсутствии свободного наемного работника, который еще только создается заново на наших глазах.

Российский капитализм не имеет длительной истории становления, совершенствования и отладки институтов капиталистической экономики. Эти институты являются плодом поспешной импровизации, основанной на плохо продуманном копировании внешних форм организации бизнеса в развитых странах.

В результате экономическая система российского капитализма обнаруживает гораздо больше сходства с начальным этапом промышленного капитализма, описанным в «Капитале», нежели со странами высокоразвитого капитализма, прогресс которых во многом обеспечивается выходом за рамки классических капиталистических отношений. Российский же капитализм еще не вступил на этот путь постепенного самоотрицания капитализма, служащего для развитых стран неперенным условием выживания капиталистической системы в целом. Этот относительно архаизированный характер российского капитализма служит одним из источников его отсталости, поскольку находится в остром конфликте с относительно современной материально-технической базой, созданной в советский период, с уровнем развития основной массы работников и с условиями конкуренции в мировом хозяйстве.

Другим пороком современного российского капитализма служит неспособность новой буржуазии обеспечить ускоренную модернизацию, парадоксальным образом напоминая подобное же свойство ее предшественника времен Российской империи, что и привело тогдашнюю российскую буржуазию к историческому банкротству, несмотря на весь неисчерпанный потенциал капиталистической системы. Причины этого, впрочем, различны. Если «старая» российская буржуазия не имела достаточной решимости освободиться от обветшалых форм полукрепостнической монархии, довольно прочно сросшись с нею и переплетаясь взаимными интересами, то «новая» буржуазия сформировалась с психологией захватчика, «хапнувшего» в союзе с бюрократией прежнюю государственную собственность и использующего ее как добычу, подлежащую разграблению. В лучшем случае приобретенная собственность рассматривается «новыми бо-

гатыми» подобно какой-нибудь деревеньке, полученной «в кормление» от государя. Любые капитальные вложения поэтому представляются для нашей буржуазии не средством наращивания капитала, а прямым вычетом из ее дохода.

При этом есть и общие черты — и та, и другая генерация буржуазии характеризуются тесной зависимостью от бюрократии, глубоко вросшей в предпринимательство и паразитирующей на нем, одновременно охраняя интересы этого предпринимательства от «претензий» трудящихся классов, а также подчинением финансовой и технологической монополии более развитых держав.

Наконец, проведение нынешней буржуазией ускоренной модернизации означало бы вступление в ожесточенную конкурентную борьбу с сильнейшими капиталистическими державами и мощным транснациональным капиталом, доминирующими в глобализированном мировом хозяйстве. А наша буржуазия явно не готова нести неизбежные издержки такой борьбы.

Следует заметить, что в XX веке в странах, экономика которых основывалась на крупном машинном производстве, невозможно было воспроизвести опыт возникновения европейского капитализма на пути естественно-исторического развития. Единственной формой более или менее «естественной» эволюции к капитализму мог бы в этих условиях быть «рыночный социализм» с отчетливо выраженной буржуазной тенденцией. Собственно, Венгрия, республики бывшей Югославии (Словения, Хорватия) и отчасти Польша демонстрируют нам именно такой переход.

В странах относительно успешного «строительства капитализма» предпосылки сталинизма, таким образом, уже практически изжиты. Противоречия капиталистического развития в этих странах будут проявлять себя уже в иных социально-политических формах, вытекающих не из неразвитости капитализма и слабости буржуазии (и возникающих на этой почве попыток прищипорить развитие страны в социалистической оболочке и не собственно буржуазными методами), а, напротив, из процессов его вызревания и постепенного движения к «перезрелости». В России же, в силу того что наш доморощенный капитализм развивается на крайне хилой социально-экономической базе, предпосылки возрождения сталинизма оказались весьма прочными.

8. Возрождение сталинизма в России

Россия и некоторые другие страны СНГ переживают сейчас парадоксальный ренессанс сталинизма. Правда, сразу замечу, что это никак не повторение прошлого. Сейчас под лозунгами сталинизма продвигается программа укрепления слабого российского национального капитализма, вынужденного в борьбе с более сильным международным капиталом искать протектората государства и обращаться к нему за помощью в деле смягчения социальных противоречий, чтобы не быть похороненным под обломками народного недовольства. Идеологически это оформляется в виде национального российского социализма. С этой целью широко эксплуатируется миф о Сталине как о строгом и мудром народном вожде, символе защиты от национального унижения России, символе наведения порядка в море преступности и коррупции, символе социального патернализма, защиты пострадавших от прихода «дикого капитализма».

Этот миф имеет мало общего с историческим Сталиным, однако его несомненно реалистической компонентой является тот явный и резкий контраст между временами Сталина и нашим нынешним временем, который очевиден как для поклонников, так и противников сталинизма. Организационно-политической основой возрождения этого мифа является значительная масса членов сталинистской по основе своей идеологии и практики КПСС, уцелевшие обломки ее организационных структур. Объективной же основой его возрождения является как незрелость, ублюдочность российского капитализма, слабость национальной российской буржуазии, так и крайняя слабость социальных предпосылок социализма в России.

Основная масса российского населения является еще не до конца устоявшимся продуктом процесса пролетаризации крестьянства, который в основном завершился лишь к концу 70-х годов XX века. В переходном, «мозаичном» по своей структуре обществе «реального социализма» этот преобладающий социальный слой не мог полностью преодолеть черт маргинальности, сложиться как воспроизводящийся на собственной основе общественный класс с глубоко укорененными традициями социального поведения и самосознания.

Приход российского капитализма очень усилил черты маргинальности этого социального слоя в связи с резким и в то же время недо-

статочно определенным изменением его социального статуса. Все 90-е годы значительная часть населения продолжала работать на полумертвых предприятиях и НИИ, в недофинансируемых бюджетных организациях, потеряв определенность своего социального статуса. Для многих из них нищенская и месяцами задерживаемая зарплата перестала быть главным источником дохода. Второй и третий заработок — то ли на дачном участке, то ли за счет занятости в теневом секторе приобрели для них если не преобладающее, то, во всяком случае, критически важное значение. К концу 90-х годов почти 40% занятых продолжали работать в государственном секторе.

Таким образом, представители этого социального слоя никак не могут рассматриваться в качестве классических наемных работников капиталистического общества. Противостояние «капиталист — наемный работник» еще не выкристаллизовалось для них в качестве центрального социального антагонизма. В реальном социальном статусе этих людей смешались черты мелких буржуа («челноки», вынужденные торговцы продукцией своего предприятия), непромышленных рабочих (наемные торговцы на рынках), патриархальных крестьян (натуральное производство на садовых участках), государственных служащих, надеющихся на патернализм государства (работники бюджетной сферы, работники госпредприятий, работники приватизированных предприятий, зависимых от бюджетных заказов, льгот, субсидий).

Для такого типа людей свойственно отсутствие ясно выраженного осознания своих собственных интересов, как и стремления к организации для защиты этих интересов. Для них характерна социальная пассивность, сменяющаяся кратковременными вспышками социальной агрессии. Свои надежды они возлагают на вождей, лидеров, государство («доброго царя»). Очевидно, что такая питательная среда вполне может быть использована для возрождения сталинизма. Одновременно в такой среде могут формироваться и фашистские (национал-социалистические) тенденции, что уже проявилось в деятельности РНЕ и НБП.

Следует заметить, однако, что исторический сталинизм, будучи достаточно консервативным в своей основе (ибо означал фактическое окончание революции, замену ее стабильным бюрократическим «порядком»), паразитировал на импульсе революции, на глубоко

укоренившейся идее замены капитализма более справедливым строем — социалистическим, реализуя за счет этого импульса программу догоняющей модернизации. Современный сталинизм вовсе не носит революционного характера. Он исходит от людей, уже прошедших первичную адаптацию к нынешнему строю, свыкшихся с ним и на деле боящихся радикальных перемен. То, к чему они реально стремятся, — это расширение государственного патернализма как по отношению к работникам, так и по отношению к мелкому и среднему бизнесу для защиты его от международной конкуренции и внутренней финансово-промышленной олигархии. Они фактически открыто провозглашают государственный капитализм своим идеалом и стремятся отодвинуть в сторону марксизм, ранее бывший официально признаваемой идейно-теоретической основой сталинского течения.

Это — логически завершенная эволюция сталинизма, порывающего с породившим его революционным движением и революционной идеологией.

9. Что осталось?

Итак, буржуазная революция в России завершилась. Вся экономика пронизана устойчивыми структурами капиталистических производственных отношений. Сложилась определенная национальная модель капитализма — отсталого, периферийного, занимающего в мировом хозяйстве нишу поставщика сырья и топлива (да, еще и оружия — но это не надолго...). Каково может быть ее будущее?

Россия вполне может существовать и в нынешнем ее виде. Без особых успехов, но все же существовать, постепенно накапливая внутренние противоречия, которые могут увлечь нас в пучину острейших социальных конфликтов. А что может быть альтернативой? Опять догоняющая модернизация?

Нет, новый рывок в духе мобилизационной экономики позднеиндустриального общества вряд ли вынесет — да и вряд ли предпримет. Успех такой политики сейчас более чем сомнителен. Россия — не Сингапур и не Тайвань. При нынешних правилах игры в миро-

вом хозяйстве, живущем в условиях глобализации, Россия вообще не имеет шансов пробиться в первые ряды. Другое дело, что эти правила не вечны.

Гигантски раздутый финансовый рынок, сублимирующий кризисный потенциал, накапливающийся в реальном секторе, не может надуваться беспредельно. В исторически обозримой перспективе глобальный финансовый кризис неизбежен, а вместе с ним может прийти гибель современной «имперской» модели мира и распад глобального мирового хозяйства на крупные блоки. А вот в одном из таких блоков Россия сможет получить шансы занять место под солнцем и продвинуться вперед, но в первую очередь не как промышленная держава, разумеется. Сейчас преждевременно было бы рисовать гипотетические сценарии такого процесса, однако можно сказать одно — через какое-то время после прогнозируемого распада объективно необходимое единство мирового хозяйства вновь властно заявит о себе.

Вот тогда можно будет подумать и о предпосылках социализма в России — но на этот раз только в рамках глобального социализма. И социалистическая революция в формирующихся условиях может выступить только как своего рода «социалистическая глобализация», покоящаяся на новых материальных предпосылках того, что Маркс когда-то назвал «всеобщим трудом».

Этот процесс неизбежно столкнется с проблемой социально-экономической отсталости большинства стран (по отношению к которым Россия выступает как развитая держава). Проблема приобщения их к современной культуре ставит перед социалистической мыслью вопросы, на которые сейчас нет ответов. Каковы могут быть формы помощи этим странам? Как быть с господствующими там косными и коррумпированными политическими режимами? Как обеспечить экономический прогресс всего человечества, не упершись в тупик ресурсного перенапряжения и экологической катастрофы?

Фактически это те же самые вопросы о возможности движения к социализму стран, не обладающих для этого достаточными социально-экономическими предпосылками, что стояли перед Россией в 1917 году, но стоящие уже применительно не к отдельной стране, а ко всему мировому хозяйству. Вопросы гораздо более серьезные, чем этические конфликты, описанные в романах братьев Стругацких

в связи с феноменом «прогрессорства». Готовых ответов пока нет. Но наш собственный исторический опыт может по крайней мере предостеречь от некоторых ошибок.

Поскольку социально-экономические противоречия, свойственные капитализму, не изжиты да и не могут быть изжиты в его рамках, **социалистический потенциал развития остается в повестке дня.** Разумеется, очередная историческая попытка выйти за пределы мира отчуждения не будет предпринята в самом ближайшем будущем, поскольку исторические последствия краха первого социалистического эксперимента преодолеть не так-то легко. Однако эта следующая попытка будет предприниматься уже далеко не на пустом месте.

Речь идет не только о приобретенном — негативном и позитивном — историческом опыте. Прежде всего речь идет о том, что попытка перехода к социализму оставила осязаемый след в самой ткани общественного бытия.

Самыми устойчивыми из **наследия советского эксперимента** являются самые, казалось бы, эфемерные его элементы — массовая культурная и социально-психологическая традиции. Немалую устойчивость продемонстрировали и элементы, связанные с переходом капитализма на его позднюю стадию (всеобщие социальные гарантии), и поведенческие стереотипы, связанные с исторически длительными цивилизационными особенностями российского общества (впрочем, не все из последних можно рассматривать как «позитивное удержание»).

Разумеется, все эти элементы подвергаются сильному разрушающему влиянию утверждающих свое господство капиталистических общественных отношений. Однако сложившаяся в России неэффективная модель капитализма (неэффективная отчасти и потому, что не смогла до конца решить неразрешимую в принципе задачу: справиться в короткие сроки с советским наследием) сама питает культурную оппозицию капитализму. Когда эта культурная оппозиция сможет, соединившись с мировой культурной оппозицией, *сформировать культурную, а затем и политическую платформу, ориентированную не просто на неприятие капитализма, а на его преодоление через выход в более высокое социальное пространство, тогда мы станем свидетелями (и неизбежно участниками) **второго мирового революционного кризиса.***

А.В. Бузгалин
От «мутантного социализма»
к «царству свободы»
(социально-экономические аспекты)

Прежде чем перейти к изложению авторской гипотезы, мне хотелось бы подчеркнуть, что большая часть идей этого текста (за исключением гипотезы «мутантного социализма») генерирована автором в диалоге с его постоянным соавтором А.И. Колгановым, и потому этот текст, хотя и написан непосредственно мной, является скорее нашим совместным произведением. К тому же А.И. Колганов провел значительную работу по редактированию этого текста.

Проблемы социализма в нынешней России поднимаются редко и, как правило, в относительно узком кругу ученых, специально занятых изучением этого вопроса. Между тем противоречия современной глобальной экономики привели к постановке проблемы поиска альтернатив нынешней модели экономической, социальной и политической организации мира глобального капитала. Поиск таких реально видимых уже сегодня альтернатив — «сверхзадача» этого текста.

Если ограничить наше исследование только социально-экономической проблематикой, то следует отметить, что большая часть предлагаемых альтернатив остается в рамках тех или иных модернизаций доктрины социально-ограниченной, государственно-регулируемой рыночной экономики (но можно сказать четче — капитализма). Однако есть и другие исследования (о них ниже) и, что особенно важно — другая практика. Именно с их краткой систематизации мы начнем наш анализ, предварительно выделив основные тенденции в определении понятия «социализм».

К ним относятся, во-первых, различные варианты отождествления теоретической модели социализма с «социализмом», реально

существовавшим в СССР и других странах «мировой социалистической системы»; во-вторых, те или иные трактовки процессов социализации, движения к социальной справедливости и т.п.; в-третьих, различные теоретические модели посткапиталистического общества, предполагающие снятие (т.е. отрицание с удержанием положительных достижений) частной собственности, эксплуатации и — шире — социально-экономических основ отчуждения¹. Для авторов наиболее близка третья позиция. Процесс же социализации мы считаем правомерным рассматривать как развитие элементов социализма внутри переходных (от старой системы к новой) отношений, в той или иной мере характерных для экономики XX–XXI веков.

1. Социализм как практика и как теория: вводные ремарки

Тема этого раздела столь фундаментальна и обширна, что делает невозможной ее сколько-нибудь полное освещение в статье. Однако и обойти ее в таком тексте нельзя. Поэтому поневоле мы вынуждены будем ограничиться лишь некоторыми принципиально значимыми ремарками, адресовав интересующихся к широкому кругу источников по данной теме.

Сначала о тезисах широко известных, но систематически игнорируемых критиками социализма как возможного будущего.

Первая ремарка. Как бы ни относиться к опыту «реального социализма», признаем, что явление такого исторического масштаба некорректно списывать лишь на флуктуации общественного развития. Оно требует объяснения. Таких объяснений много, и это нормально для теоретического изучения сложного общественного феномена².

¹ Неплохой обзор работ советской эпохи по этой проблеме содержится в монографии «Отчуждение труда при социализме» (М., 1988). Позиция автора по этому вопросу была высказана в книге «По ту сторону отчуждения» (М., 1990).

² Обобщение и анализ основных позиций по этому вопросу были проделаны в книге «Теория социально-экономических трансформаций» (М., 2003). Есть немало окончание см. с. 390

Теоретическая работа по этой теме проделана огромная, но она принципиально не завершена. Игнорировать эту работу серьезному исследователю, в том числе и тому, кто считает опыт «реального социализма» исключительно негативным, некорректно. Большинство же современных экономистов, особенно в России, признает, что для экономики СССР и других стран «реального социализма» были характерны определенные достижения, которые могут и должны быть использованы при поиске оптимальных моделей организации социально-экономической жизни в новую эпоху. Кроме того, негативный опыт прошлого может быть не менее ценен, чем позитивный.

Позиция авторов по этому вопросу будет воспроизведена в следующем разделе, поэтому здесь лишь анонсируем ключевой вывод: экономика СССР появилась не случайно. Это был ответ на вызов «ловушки XX века», когда новые общественные отношения должны были возникнуть в силу остроты социально-политических противоречий, но не могли возникнуть в адекватных формах в силу неразвитости технологической и культурной базы. В результате возникла система, приспособленная к условиям форсированной индустриализации и жесткого военного противостояния. Эта система с момента своего рождения была неадекватна тем объективным вызовам новому обществу, которые «предъявляют» условия рождения постиндустриальной системы, она могла относительно успешно жить лишь в прежних условиях. Необходимость перехода к новой экономике привела к объективной необходимости качественного изменения советской системы, что в СССР и странах ЦВЕ оказалось невозможно в силу социально-политических причин.

Тем не менее опыт СССР показал, во-первых, какие пути перехода к новому обществу ведут в тупик и, во-вторых, какими могут быть прогрессивные ростки новой системы (их обобщение — одна из до сих пор не решенных учеными задач).

В некотором смысле, как мы уже многократно писали, опыт СССР с его дефицитом и ГУЛАГами, с одной стороны, и великой культурой, наукой и образованием — с другой, в чем-то подобен опыту ренессансной Италии с ее инквизицией, гражданскими войнами и Высоким

Возрождением. И в том и в другом случае попытки перейти к новой системе (в первом случае — социалистической, во втором — капиталистической) сопровождались чудовищными мутациями (войны, политический и идеологический террор...) и закончились поражением. Однако без Ренессанса бы не было ни культуры, ни экономики Нового времени.

Вторая ремарка. В настоящее время имеется практика ряда стран, которые заявляют о развитии в направлении социализма. И это не только Китай, Вьетнам и стоящая несколько особняком Куба, но и начавшие осуществлять первые шаги в направлении радикальной социализации Венесуэла и Боливия. Мы согласимся с либеральными критиками в том, что Китай и Вьетнам все больше эволюционируют в направлении «нормальной» капиталистической экономики. Однако в этих странах присутствуют и некоторые ростки новой социально-экономической организации (от ассоциирования мелкого частного бизнеса до долгосрочных государственных программ «выращивания» высокотехнологичных ТНК), изучение которых представляет немалый интерес. Что же касается опыта Кубы и отчасти похожего на него опыта первых шагов социализации в Венесуэле, то здесь можно найти немало принципиально важных элементов экономики будущего. В частности, это практика достижения высокого уровня развития человеческих качеств (медицина, спорт, образование, высокая культура, низкий уровень преступности и т.п.) при относительно низком уровне развития технологической базы и экономической блокаде (что особенно болезненно в условиях глобализации)¹.

Третья ремарка. Современная экономика знает не только рынок, капитал и наемный труд, но и ряд других, качественно отличных от

¹ Автор и его коллеги после визита на Кубу подготовили краткий анализ достижений и противоречий в развитии этой страны (См.: Бузгалин А.В. Не повторить на Кубе трагедию «реального социализма» // *Альтернативы*, 2000, №3; Колганов А.И. Кубинская экономика: испытание на прочность // *Альтернативы*, 2000, №3). Что касается Венесуэлы, то здесь мы отсылаем читателя к текстам одного из лучших знатоков и друзей этой страны К.Л. Майданика (См.: Майданик К.Л. Революция XXI века? (Заметки о современной Венесуэле) // *Альтернативы*, 2006, №4).

них институтов. Это и экономика солидарности с ее многообразными формами общественного присвоения и распоряжения (от «старых» кооперативов до новейших сетевых ассоциаций), и системы бесплатного распространения знаний, и многочисленные НПО с их некоммерческой деятельностью и т.п.

Кроме того, общеизвестно, что подавляющее большинство либеральных критиков социализма считает развитие общественного сектора, бесплатных и общедоступных образования, здравоохранения, спорта и культуры и т.п. «опасным» подрывом основ рынка и «открытого общества» и продвижением к социализму. Автор согласен с этим тезисом (правда, с иным акцентом: этот процесс действительно ограничивает рынок, но развивает человеческие качества, и потому он прогрессивен). Из него вытекает, что социальные механизмы регулирования, нацеленные на реализацию интересов общества в целом (быть здоровым, образованным, дышащим чистым воздухом, не сталкиваться с жесткими социальными антагонизмами) и его наиболее уязвимых в экономическом отношении групп, есть процесс «отмирания» капитализма и рождения элементов социализма, переходных (от капитализма к социализму) отношений. Показанная еще в конце XIX века диалектика этого процесса состоит в том, что именно это самоотрицание старой системы является, начиная с конца позапрошлого века, единственным путем ее самосохранения и развития. Этот процесс в чем-то подобен тому, как древнеримская империя для своего сохранения еще на несколько столетий должна была принять христианство, перейти к колонату и все больше ограничивать рабство (что, впрочем, все равно не спасло ее в конечном итоге от гибели).

Четвертая ремарка. Социально-экономическая мысль XX–XXI веков немало сделала для разработки теории социализма.

Кроме упомянутых выше сотен работ по проблемам «уроков» реального социализма, выделим несколько блоков теоретических работ по собственно экономическим проблемам, рассматривающих предпосылки и основные блоки будущей экономической системы, прежде всего отношения координации и собственности. Во-первых, это работы по проблеме предпосылок социализма¹. Во-вторых, это

¹ Из фундаментальных зарубежных работ на эту тему выделим: Schweicart D. *Against Capitalism*. Oxford, окончание см. с. 393

многочисленные исследования, лежащие в русле модели «рыночного социализма»¹ и несколько менее известные работы о возможных моделях демократического планирования². В-третьих, это работы по проблемам развития кооперативов, коллективных предприятий, самоуправления, демократически управляемого «публичного» сектора, НПО и т.п.³. В последнее время они дополняются массой интернет-

начало см. с. 392 1996; Meszaros I. Beyond Capital. London, 1995.

Из работ отечественных авторов отметим коллективную монографию «Критический марксизм: продолжение дискуссий» (М., 2001). Наша позиция полнее всего отражена в моно-графии «Глобальный капитал» (М., 2004).

¹ Одна из наиболее известных работ на эту тему на Западе — книга А. Ноува «Экономика возможного социализма» (Nove A. Economics of Feasible Socialism. Cambridge, 1991). Подробный обзор зарубежных работ на эту тему (начиная с О. Ланге — O. Lange. On the Economic Theory of Socialism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1938) содержится в книге Флакиерски Г. Рыночный социализм: новый взгляд. М., 2001. В нашей стране теория рыночного социализма восходит к работам Бухарина и затем на протяжении всей истории СССР эта модель пользовалась то большей, то меньшей популярностью. Пики внимания к ней приходятся на конец 60-х и 80-х годов прошлого века. В постсоветской России также немало сторонников идеи рыночного социализма. На эту тему писал Б. Курашвили, М. Воейков, Ф. Ключовог (последний склоняется к идее планово-рыночной экономики) и др.

² Среди наиболее известных авторов, писавших на эту тему — Эрнест Мандел (в 80-е годы журнал New left Review публиковал немало статей, в которых этот ученый полемизировал с А.Ноувом) и К. Самари. См.: Мандел Э. Власть и деньги. Общая теория бюрократии. М., 1992; Самари К. План, рынок и демократия. М., 1994.)

³ Позиция авторов по этому вопросу и анализ широкого круга западных работ на эту тему представлен в книге: Колганов А.И. Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М., 1993. Обновленная краткая версия этого обзора представлена в: Бузгалин А.В., окончание см. с. 394

материалов по проблемам знаний (информации) как общественного блага. Наконец, напомним, что и отечественная политическая экономия социализма дала истории примеры не только апологетики, но и серьезных научных достижений, скрытых под покровом цитат «мудрых» генсеков¹.

Но все это тезисы, в принципе хорошо известные профессионалам. Мы кратко обозначили их только потому, что круг людей, хотя бы отчасти профессионально знакомых с проблемами социализма, ныне резко сузился, и подавляющее большинство авторов, так или иначе затрагивающих эту тему, систематически игнорирует названные выше общеизвестные положения, заявляя в стиле партпропа-

начало см. с. 393 Колганов А.И. Экономическая компаративистика. М., 2005. Кроме того, на русском языке в постсоветский период вышли работы П. Абовина-Егидеса, В. Белоцерковского, М. Воейкова, Б. Курашвили, Б. Славина и м.др. Обобщение этих позиций и практического опыта содержится в монографии «От наемного труда к свободному. Производственное самоуправление или «третий путь» в экономике» (М., 2001). Наиболее развернутый анализ отечественной и зарубежной практики коллективных предприятий содержится в книгах Э.Н. Рудыка. Среди множества западных работ о практике рабочей собственности можно назвать: Michael W. Howard. Self-Management and the Crisis of Socialism. New York — Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2000; Frank T. Adams and Gary B. Hansen. Putting Democracy to Work. San Francisco — Eugene: Berret-Koehler Publishers; HuloGosi Communications, 1992; When Workers Decide. Ed. By Len Krimerman and Frank Lindenfeld. Philadelphia, PA — Gabriola Island, BC: New Society Publishers, 1992; Understanding Employee Ownership. Ed. By Corey Rosen and Karen M. Young. Ithaca, New York: ILR Press, 1991.

¹ Анализ этого вклада содержится, в частности, в монографии «Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века» Под ред. А.В. Бузгалина. М.: ТЕИС, 2003; Бузгалин А. Эвристический потенциал политической экономии социализма в XXI веке // Вопросы экономики, 2003, № 3; см. также Дзарасов С., Меньшиков С., Попов Г. Судьба политической экономии. М., 2004.

гандистов советской поры: «Я этих апологетов не читал, но точно знаю, что их работы бессодержательны, реакционны и льют воду на мельницу врагов цивилизованного общества».

Однако в XXI веке это наследие требует не только сохранения, но и позитивной критики. Типичные для эпохи К. Маркса ответы на вопросы о предпосылках и природе социализма уже давно и существенно развиты, и игнорировать это развитие столь же непродуктивно, сколь судить о потенциале неоклассики, не зная ничего, кроме работ А. Маршала.

2. Феномен «мутантного социализма».

В рамках формирующейся школы постсоветского критического марксизма вопрос о *социально-экономической природе СССР и других стран так называемой мировой социалистической системы* (стоящий, как загадка сфинкса, перед каждым исследователем проблем философии истории) решается по-разному, но в рамках единого поля, границы которого относительно строго задаются следующими параметрами.

Мы критически относимся к любым вариантам решения проблемы, исходящим из того, что никакая иная социально-экономическая система, кроме рыночно-капиталистической, вообще невозможна, и потому «коммунистический» строй является исторической случайностью, возникновение которой было обусловлено субъективными факторами, а смерть является совершенно естественным доказательством невозможности существования социализма (коммунизма — либеральные исследователи их, как правило, не различают) вообще. Как было показано выше, мы вслед за нашими учителями и предшественниками исследуем объективные и субъективные предпосылки рождения нового строя и находим достаточно аргументированное доказательство принципиальной возможности и закономерности возникновения новой общественной системы, обеспечивающий больший простор развития личности, нежели «царство необходимости» вообще и капитализм в частности.

Столь же малоубедительно, на наш взгляд, утверждение об однозначной прогрессивности общественно-экономической системы

«реального социализма» и, соответственно, случайности его гибели вследствие субъективных причин¹. Мы прекрасно видим и стремимся объективно исследовать глубокие внутренние противоречия «реального социализма» и тот мировой контекст, который, с одной стороны, вызвал к жизни этот специфический общественный организм, а с другой — привел к его распаду. Более того, мы исходим из тезиса, что **причины возникновения и распада советской системы были в основе своей одни и те же**. Рассмотрим эту непростую диалектику подробнее.

Для авторского понимания природы социального строя общества реального социализма ключевым является тезис о наличии общесоциальной тенденции нелинейного заката «царства необходимости» и генезиса «царства свободы» как общей метаосновы всех конкретных изменений, характерных для XX–XXI веков.

Эта гипотеза позволяет сформулировать следующую тезу: противоречия современной эпохи создают достаточные материальные предпосылки для генезиса «царства свободы». В то же время они показывают, что отмирание отношений отчуждения не может не быть длительным нелинейным интернациональным процессом. Именно его мы и обозначаем словом «социализм».

Весь вопрос, однако, в том, чтобы критически развить традиционное линейное понимание социализма как всего лишь первой стадии коммунистической общественно-экономической формации (ортодоксальный марксизм) или не более чем системы ценностей, которые могут частично реализоваться в рамках «постклассического» буржуазного общества путем реформ (социал-демократия).

Если мы поднимаемся до взгляда на процесс рождения нового общества как на интернациональный глобальный сдвиг в истории человечества, то и сам процесс трансформации приобретает новые характеристики. Потому *социализм может быть охарактеризован*

¹ Отнюдь не странно, что ортодоксальные либералы и ортодоксальные марксисты методологически сталкиваются здесь на одном пятачке апелляций к субъективным флуктуациям, «заговорам» и «предательству», пятясь спинами навстречу друг другу в стремлении выдать свою плоскую позицию за истину в последней инстанции.

не столько как стадия общественно-экономической формации, сколько как процесс перехода от эпохи отчуждения к «царству свободы» (коммунизму). Этот процесс будет включать в себя революции и контрреволюции; первые ростки нового общества в отдельных странах и регионах, их отмирание и появление вновь; социальные реформы и контрреформы в капиталистических странах; волны прогресса и спада различных социальных и собственно социалистических движений.

Нелинейность, противоречивость, интернациональность этих сдвигов составляет специфику социализма как процесса рождения нового общества во всемирном масштабе.

Объективные предпосылки и первые шаги социалистических преобразований, связанных с подрывом отношений отчуждения в конце II тысячелетия, оказались существенно изменены глубоким внутренним кризисом, а затем и крахом первоначальных (мутантных) ростков социализма в СССР и странах Восточной Европы. В мире в 90-е годы появилась новая реальность — пост-«социалистическая» (имея в виду под словом «социализм» в кавычках реальные отношения и идеологию в странах «мировой социалистической системы» и идеологию соответствующих левых организаций в других странах). Именно в этом новом мировом контексте мы можем и должны анализировать перспективы переходных социумов. Ключевым для понимания их природы, таким образом, оказывается вопрос **о природе той системы, которая сложилась в странах «реального социализма» в XX веке.**

Свидетельствами всестороннего кризиса «социализма» стал, как уже было отмечено, в первую очередь распад этого строя в странах Восточной Европы и СССР. В основе чего лежала фундаментальная неспособность этой системы — но не социализма в научном смысле слова — обеспечить более высокую, чем капитализм, производительность труда, больший простор для свободного всестороннего развития человека.

Важным свидетельством этого кризиса стало резкое снижение роли левых в мире, застой в теории социализма, падение его идейного влияния и многое другое. Причиной всего этого является прежде всего (но не исключительно — не будем забывать о глобальной гегемонии капитала) собственная природа «социализма».

В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией «**мутантного социализма**»¹. Под последним понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от капитализма к коммунизму. Это общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к коммунизму.

Эти тезисы требуют некоторых пояснений.

Во-первых, заметим, что исследователям, пишущим работу о социализме на рубеже XX–XXI веков, трудно ответить на мощное возражение критиков, суть которого заключается в констатации кажущегося очевидным положения: никакого иного социализма, кроме того, что был в странах мировой социалистической системы, человечество не знает. Следовательно, у нас нет оснований считать этот строй мутацией.

Эта очевидность, однако, является не чем иным, как одной из классических превращенных форм, в которых только и проявляются все глубинные закономерности мира отчуждения. Ум (или, точнее, «здравый смысл» обывателя и его ученых собратьев) хочет и может видеть только эти формы, но не сущность. Между тем в нашем исследовании без выделения сущностных тенденций не обойтись. Эти сущностные тенденции рождения царства свободы, равно как и ростки социализма как интернационального процесса перехода к новому

¹ Среди известных нам трактовок природы «реального социализма», пожалуй, наиболее близка к авторской позиции трактовка СССР как в определенной мере вырождающегося рабочего государства, предложенная Л. Троцким в работах «Преданная революция» и др., послуживших одним из исходных пунктов нашего анализа. Другим источником стали наши разработки 1983–1987 годов (когда мы отчасти по невежеству, отчасти в силу цензурных ограничений еще не знали многих работ о природе СССР), где мы постарались обосновать вывод о социально-экономическом строе СССР как деформированном социализме. В определении экономического строя наша позиция оказалась близка к позиции Э.Мандела, трактующего советский «социализм» как своеобразный незавершенный переходный период.

обществу, мы постарались показать выше на основе анализа объективных процессов заката «царства необходимости» и позднего капитализма постиндустриальных технологий и творческого труда, пострыночного регулирования, освобождения труда. То, что эти сущностные черты рождающегося нового общества не приобрели адекватных форм и не смогли развить присущий им потенциал прогресса производительных сил, человека как Личности и позволяет квалифицировать прошлое наших стран как **мутантный социализм**.

Следовательно, мы можем заключить, что в странах «мировой социалистической системы» был искажен не некий «идеал» социализма. Речь идет о том, что реальная общеисторическая тенденция перехода к «царству свободы» и адекватные ей реальные ростки социализма развивались в мутантном, уродливом от рождения виде. Это касается ростков и пострыночной координации, в частности, успешного планирования экономики, и ассоциированного присвоения общественного богатства, и социального равенства, и новой мотивации, и особых ценностей, и культуры.

Во-вторых, обращение к термину «мутация» не случайно. Автор в данном случае пошел по не слишком оригинальному пути аналогий с некоторыми разработками в области естественных наук, чем «грешили» и марксизм («формация» и т.п.), и неоклассики. Категория «мутантный социализм» используется нами для квалификации общественной системы наших стран по аналогии с понятием мутации в эволюционной биологии (организмы, принадлежащие к определенному виду, в том числе новому, только возникающему, обладают разнообразным набором признаков — «депо мутаций», которые в большей или меньшей степени адекватны «чистому» виду и в зависимости от изменения среды могут стать основой для «естественного отбора», выживания особей с определенным «депо мутаций», для выделения нового вида).

В момент генезиса, начиная с революции 1917 года, рождавшееся новое общество обладало набором признаков («депо мутаций»), позволявших ему эволюционировать по разным траекториям, в том числе — существенно отклоняющимся от оптимального пути трансформации «царства необходимости» в «царство свободы». Особенности «среды» — уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения

России и международная обстановка — привели к тому, что из имевшихся в «депо мутаций» элементов возникавшей тогда системы наибольшее развитие и закрепление постепенно получили процессы бюрократизации, развития государственного капитализма и другие черты, породившие устойчивую, но крайне жесткую, не приспособленную для дальнейших радикальных изменений систему. В результате возник мутант процесса генезиса «царства свободы» (коммунизма).

Так сложился организм, который именно в силу мутации был, с одной стороны, хорошо приспособлен к «среде» России и мировой капиталистической системы первой половины и середины XX века, но с другой (по тем же самым причинам) — далек от траектории движения к коммунизму, диктуемой закономерностями и противоречиями процесса нелинейного отмирания, прехождения мира отчуждения.

В результате в СССР сформировался строй, который мог жить, расти и даже бороться в условиях индустриально-аграрной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав и т.п. Победа в Великой Отечественной войне — самый могучий тому пример. Но в силу тех же самых причин (мутации «генеральных», стратегических социалистических тенденций) этот «вид» не был адекватен для новых условий генезиса информационного общества, он не мог дать адекватный ответ на вызов обострившихся глобальных проблем, новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX века.¹

У сложившегося в рамках «социалистической системы» строя в силу его бюрократической жесткости был крайне узок набор признаков («депо мутаций»), позволявших приспособливаться к дальнейшим изменениям «внешней среды». Этому мутанту были свойственны мощные (хотя и глубинные, подспудные) противоречия: на одном полюсе — раковая опухоль бюрократизма, на другом — соб-

¹ Одним из парадоксов этого явления является обусловленность процессов некоторой социализации и гуманизации капитализма в 50–60-е годы не только внутренними противоречиями этой системы, но и влиянием мировой системы социализма.

ственно социалистические элементы (ростки «живого творчества народа»), содержащие потенциал эволюции в направлении, способном дать адекватный ответ на вызов новых проблем конца XX века. Но постепенно последние оказались задавлены раком бюрократии. В результате *мутантный социализм не смог развиваться* именно в этих, *более благоприятных для генезиса ростков «царства свободы», условиях* — условиях развертывания НТР, обострения глобальных проблем и т.п., бросавших все больший вызов со стороны «общечеловеческих», т.е. собственно коммунистических, ценностей и норм миру отчуждения. Ответить на эти вызовы жесткий мутантный социализм не смог. Как следствие, он захирел («застой») и вполз в кризис.

Когда «мягкая» модель социально-ориентированного капитализма сменилась в 80-е годы «жесткой» и агрессивной праволиберальной, вызов рождающегося информационного общества стал практической проблемой, а внутренние проблемы мутантного социализма достигли такой остроты, которая не позволяла решить их в рамках сохранения прежнего вида, — тогда и встал выбор: либо преодоление мутаций старой системы и движение в направлении к «царству свободы», либо кризис. Первое оказалось невозможно в силу названной жесткости старой системы. В результате мутантный социализм умер собственной смертью, ускоренной, впрочем, мировым корпоративным капиталом.

Итак, мутантный социализм — тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от «царства необходимости» (в частности, капитализма) к «царству свободы» (коммунизму); это общественный строй, выходящий за рамки капитализма, но не обходящий систему, служащую основанием для последующего движения к коммунизму.

Неслучайным парадоксом этого общества стало то, что в его рамках наименьшее развитие получили те сферы, которые составляют предпосылки социализма и проблемы становления которых по идее должны решаться в рамках буржуазной системы — прежде всего развитие демократии, гражданского общества, прав и свобод индивида, обеспечение населения предметами потребления и услугами, высокий уровень дисциплины труда и т.п. И наоборот, наибольшее

развитие получили именно те сферы, которые собственно и характеризуют это общество как зарождающееся «царство свободы» (социализм) — общедоступные по охвату и гуманистические по содержанию культура, образование, наука и т.п. «Реальный социализм» впервые в истории человечества в массовом масштабе генерировал ростки ассоциированного социального творчества и идеальный образ (теоретико-художественный идеал) будущего, коммунизма (теория социализма и советская культура были восприняты практически, в реальном образе жизни большинством населения именно как такие идеальные прообразы будущего)¹. При этом в силу неразвитости буржуазных предпосылок собственно социалистические задачи решались частично, в весьма специфических, мутантных формах (один из наиболее ярких примеров последних — бериевские «шарашки», где полуголодные заключенные в большинстве своем с искренним энтузиазмом создавали основы нового индустриального сектора СССР).

В результате мутантный социализм, возникнув на обломках еще недоразвитого (хотя в чем и уже переразвитого) капитализма, не смог решить буржуазные задачи, в чем-то успешно решая некоторые сверхзадачи движения к «царству свободы». И это противоречие стало одним из глубинных оснований краха мутантного социализма. Сложилось же оно неслучайно: «реальный социализм возник как продукт «ловушки XX века», сделавшей поворот к социализму объективно необходимым (вследствие обострения противоречий империализма, приведших к первой в истории человечества мировой войне) и одновременно невозможным в силу слабой развитости предпосылок нового общества в нашей стране.

Подчеркнем: сказанное — не осуждение прошлого (хотя мы осуждаем самым решительным образом тиранов-сталиных, порожденных той эпохой, и вдвойне — их прихлебателей). Это констатация исторического факта: первая попытка «прорыва» к коммунизму породила такое общество. Те несколько шансов из ста, которые были даны нам для того, чтобы не скатиться в русло сталинщины в 20-е, для

¹ Эта идея развита в работах Л.А. Булавки, в частности, в написанном ею разделе монографии «Критический марксизм. Продолжение дискуссий». М., 2001.

того, чтобы не свалиться в кризис ельцинщины в 90-е, мы — граждане СССР и других стран мировой социалистической системы — реализовать не смогли. Закрывать глаза на то, что такая мутация произошла, не извлечь уроков из трагедии прошлого так же преступно, как предать забвению героическую борьбу наших отцов, дедов и прадедов за социализм.

В этом чудовищно интенсивном противоречии ростков и мутаций социализма — тайна нашего прошлого. Задача настоящего — трезвый научный анализ этих противоречий. Мы должны не закрывать глаза на ошибки и преступления прошлого, а понять их суть и причины, отделить великие героические достижения созидателей социализма (от «простых» строителей Магнитки до таких титанов, как Ленин или Маяковский) от трагических ошибок и преступлений, очистить зерна освобождения от плевел авторитаризма. Мы подчеркиваем реальную диалектичность, противоречивость, изменчивость и многообразие проявлений первых шагов к новому обществу, предпринятых в наших странах, мощных противоречий и деформаций на этом пути. Важнейшим для нас является анализ как тех реальных новых общественных отношений (пострыночных, посткапиталистических), которые показали возможность возникновения социально-экономических отношений, нацеленных на развитие человеческих качеств, а не максимизацию прибыли, так и их изначальных деформаций, приведших к трагедиям и преступлениям советского периода¹.

¹ Кстати, современным либералам тоже бы не грех «покаяться»: рынок и капитал так же рождались и рождаются первоначально в весьма примитивных и уродливых формах, включающих массу пережитков насилия и личной зависимости, вырастая из крови, революций и массовых преступлений. Не менее кровавой была дорога колониализма; кровавой стала нынешняя эпоха «локальных» войн... Но что-то не видно среди нынешних апологетов капитализма энтузиазма анализировать закономерность преступлений капитала, совершенных им на протяжении столетий своего развития. О них либералы всех мастей — фридманы, хайеки, попперы и их российские ученики — помалкивают в тряпочку: память отшибло?

Этот анализ реальных преступлений, трагедий и прорывов в будущее «реального социализма» позволяет нам сделать вывод: к началу новой эпохи — перехода к глобальному обществу знаний — общественно-экономический строй «реального социализма» оказался не подготовлен. И здесь мы согласны с либеральными критиками социализма.

Но мы принципиально не согласны с тем, что из тупика советской модели был лишь один выход — к капитализму. Существовали и иные альтернативы, которые, однако, требовали «революции снизу» — качественной смены основ старой системы (государственно-бюрократического отчуждения). Произошло же лишь реформирование форм этого отчуждения, и сделано оно было «сверху». Более того, мы еще накануне этих «реформ» показали, как и почему «шоковая терапия» будет откатом назад, вызовет к жизни «негативную конвергенцию»: соединение худших черт старой системы (бюрократизма, волюнтаризма, диспропорциональной структуры экономики) и капитализма (социальное неравенство, криминализация общественной жизни, деградация «человеческих качеств» и т.п.), что будет сопряжено с социально-экономическим спадом, институциональным хаосом и нарастанием теневой экономики, возрождением добуржуазных форм личной зависимости и насилия при феодально-монополистической концентрации капитала и, как закономерное следствие, угрозе восстановления авторитаризма.

Критическое отношение к сложившемуся на постсоветском пространстве типу «реформ» как исторически регрессивному, ведущему к снижению экономической и социальной эффективности по сравнению с и без того кризисной и малоэффективной советской системой, — это еще один важный пункт, характеризующий позицию авторов, предлагавших и предлагающих альтернативные программы опережающего развития для нашей страны.

3. Неоэкономика: новые вызовы обществу будущего

Для постсоветского читателя хорошо знаком старый тезис о том, что социализм является разрешением противоречий капиталистического способа производства и выступает как первая фаза коммунизма.

Между тем еще в 50–60-е годы прошлого века и советский, и зарубежный критический марксизм в полной мере восприняли классическую идею Маркса и Энгельса о будущем обществе как эпохе, снимающей (NB! Именно снимающей, а не уничтожающей) противоречия и достижения всей предыдущей экономической общественной формации (в других вариантах — предыстории, «царства [экономической] необходимости»), *а не только капитализма как ее последней фазы*¹. Этот тезис был соединен с новым (по сравнению с ортодоксальным, сталинским вариантом) пониманием предпосылок нового общества. К ним были отнесены господство творческой деятельности и научно-техническая и человеческая революции. На Западе лет пять–десять спустя начали появляться работы по проблемам постиндустриального общества. Ставшая классикой книга Д. Белла² трактовала эту будущую систему отчасти в духе «легального марксизма».

На перекрестье социально-экономических работ по проблемам нового качества системы, лежащей «по ту сторону собственно материального производства» (К.Маркс), с одной стороны, и гуманитарных изысканий «поколения 68-го года» — с другой, выросло *современное понимание социализма как эпохи перехода от экономической общественной формации к качественно новому обществу* (автор ниже будет вслед за Марксом пользоваться термином «царство свободы»).

Постсоветский критический марксизм дополнил и развил этот подход, сформулировав положения, предлагающиеся ниже³. Итак, опишем разворачивающиеся на протяжении последних полутора веков процессы, ставшие предпосылками рождения нового общества.

Во-первых, типичный для XIX — начала XX века тезис об обобществлении производства как предпосылке социализма требует коррекции. Процесс обобществления как таковой действительно объективен (хотя и *нелинеен!*), но только для индустриального материального производства. Развитие постиндустриальных технологий и

¹ Эти положения развиты в работах Г. Батищева, В. Вазюлина, Н. Злобина, Р. Косолапова, В. Межуева и др.

² Bell D. The coming of Post-Industrial sociaety. N.Y.: 1973.

³ Авторская версия решения этих проблем изложена в монографиях «Ренессанс социализма» (М., 2003) и «Глобальный капитал» (М., 2004).

соответствующих им содержания и форм организации деятельности, ее структуры требует снятия прежнего тезиса об обобществлении как материальной предпосылке социализма. *Переход «по ту сторону материального производства» вызывает к жизни феномен «всеобщего труда»* (категория, введенная еще К. Марксом, который в некоторых своих ремарках предвидел этот процесс). Этот труд, или, точнее, *творческая деятельность* (1) носит с самого начала всеобщий характер, ибо предполагает и полагает непосредственную кооперацию с широчайшим и принципиально неограниченным кругом сотворцов. Эта деятельность (2) создает даже не общественное, а всеобщее благо. Таким благом является результат любого творчества — научное открытие, произведение искусства, социальная инновация и т.п. Ценность этого блага определяется тем, в какой мере оно окажется востребовано в процессе дальнейшего сотворчества. Это благо по определению является неограниченным: его может «потреблять» сколь угодно широкий круг лиц, его от этого «не убудет». Более того, чем шире круг «потребителей» (кооперирующихся с творцом лиц), тем больше прирастает это благо.

Так формируется система, в которой *пирог тем больше, чем больше едоков*. Рынок с его ограничением возможностей кооперации рамками частной собственности и предпосылкой ограниченности благ и безграничности потребностей становится неадекватен для развития такого типа деятельности. Косвенным подтверждением этого становится довольно устойчивая связь, характерная даже для современной, в основе своей все еще рыночной, экономики: чем больше в некоторой сфере роль неотчужденной творческой деятельности, тем более для нее характерны пострыночные общественные формы организации (в качестве иллюстрации представьте себе линию: фундаментальная наука, прикладная наука, массовое производство).

Исчисление и компенсация затрат в этих условиях предполагает формирование механизма распределения издержек. В этих условиях издержки каждого становятся тем меньше, чем шире круг потребителей данного культурного блага. Например, издержки по приобретению новой компьютерной программы, издержки производства которой равны 10 000 денежных единиц, будут равны 1 000 этих единиц, если потребителей 10; 100 — если потребителей 100; 1 — если потребителей 10 000, и т.д. Здесь,

таким образом, действует закон распределения издержек, в соответствии с которым затраты на приобретение блага потребителями («цена») тем меньше, чем шире их круг («спрос»)¹.

Современная экономика реагирует на развитие этого процесса двояко. С одной стороны, развиваются сети, в которых знание, образование, культура создаются и используются как общественные блага. С другой — активно формируются рынок интеллектуальной собственности и система прав частной собственности на нее. Соответственно, все острее встает вопрос о том, каким будет ответ на вызовы все активнее развивающейся креатосферы (сферы сотворчества).

Так вопрос о плане и рынке приобретает качественно новое звучание, акценты переносятся в сферу борьбы за свободное распространение и общедоступность знаний, инноваций и т.п. благ. Обеспечение этой общедоступности становится вызовом системе отношений координации будущего общества.

Во-вторых, к кругу предпосылок нового общества относится непосредственно связанная с развитием креатосферы *«человеческая революция»*. Социализм виделся подавляющему большинству теоретиков этой системы, включая К. Маркса, Ф. Энгельса, Р. Люксембург и других, как *последовательно реализуемый гуманизм*. «Реальный социализм» продемонстрировал глубочайшие противоречия в этой сфере: массовое интеллектуальное и физическое подавление индивида и революционные позитивные подвижки в развитии образования, медицины, культуры и т.п. общеизвестны. Но наша задача в данном случае — анализ не этих противоречий, не разрыва теории и практики, а предпосылок нового общества. И в этой связи теоретики социализма последних десятилетий фиксируют следующую закономерность: для эффективного развития потенциала постиндустриальной экономики необходимо максимально полное использование креативного потенциала каждого члена общества.

Критики социализма утверждают, напротив, что для неоекономики необходим узкий круг интеллектуалов, остальные 80% граждан

¹ Теоретическое обоснование этого тезиса, практически известные и теоретически мыслимые формы его реализации раскрыты в нашей упомянутой выше монографии «Глобальный капитал».

планеты Земля останутся «по ту сторону» этой системы. К вопросу о том, как разрешается эта дилемма, мы еще вернемся ниже. Сейчас же зафиксируем, что в рамках социалистической теории названный выше тезис дополняется утверждением, что творческая деятельность несовместима с отчуждением человеческих качеств, а значит, и с наемным трудом. Соответственно, на этой базе разворачивается модель социального (по форме, формального) и технологического (содержательного, реального) освобождения труда. Этот свободный по содержанию и по форме труд (неограниченное общественными рамками свободное сотворчество индивидов) предполагает, соответственно, всеобщую собственность на культурные блага. Последняя выступает как позитивное упразднение частной собственности — *индивидуальная собственность каждого человека на всё* (все блага, какие он только сможет присвоить в процессе их распределечивания)¹. Присвоение индивида тем самым оказывается ограничено лишь его собственными способностями и трудолюбием, но не социально-экономическими рамками (эту модель на практике может проверить каждый, направившись поработать в хорошую общедоступную библиотеку).

Так вопрос о собственности переносится прежде всего в новую плоскость — плоскость борьбы за общедоступность образования, творческой деятельности и т.п. Система отношений собственности будущего общества должна обеспечить общедоступность творческой деятельности и развития человеческих качеств каждому члену общества.

В-третьих, постиндустриальный глобальный мир создает такую ситуацию, когда *обострение глобальных проблем превращает обеспечение социальной справедливости из препятствия в условие достижения экономической эффективности*. Решение основных глобальных проблем (бедности; миграции; массового насилия, войн и терроризма; загрязнения среды и т.п.)² предполагает формирование

¹ См.: Бузгалин А.В. Частная собственность устарела // Отечественные записки, 2004. № 6.

² Анализ этих проблем и возможных теоретических и практических путей их решения содержится в изданной на многих языках мира (в том числе русском) монографии «Глобализация сопротивления» (М., 2004).

таких условий, в которых (а) уровень доходов любого индивида будет достаточен для «старта», адекватного вызовам постиндустриальной экономики, что не только снимает проблему бедности и миграции, но и обеспечивает массовую подготовку высококвалифицированных креативных работников для постиндустриальной экономической системы, обеспечивая ее эффективность; (б) экологические стандарты будут едины для всех стран, что снизит нагрузку на биосферу и предотвратит угрозу экономической стагнации вследствие обострения экологических проблем; (в) система будет находиться под контролем международного гражданского общества, а не ТНК, имперски настроенных государств и нелегальных вооруженных формирований, что резко снизит военные расходы¹... — этот перечень легко продолжить. Наконец, (г) равномерно высокие расходы на развитие человеческих качеств в любой точке глобальной экономики оставляют только один путь развития — повышение эффективности за счет технологического прогресса, а не бегства в страны с дешевой рабочей силой, малопроизводительными и грязными технологиями. Следовательно, социальная справедливость становится необходимой для эффективного развития экономики в условиях обострения глобальных проблем и «человеческой» революции.

Иными словами, мы можем сформулировать своего рода вызов, который современное глобальное развитие бросает будущему обществу: оно должно иметь такую систему отношений, которая позволит решить задачи (а) — (г) в глобальном масштабе.

Мы сейчас не обсуждаем вопрос *практической (социально-политической)* возможности перехода на эту траекторию развития. Мы пока говорим лишь о том, что с точки зрения достигнутых материальных предпосылок такой путь развития возможен, и он даст эффективное разрешение существующих противоречий.

В-четвертых, *прогресс производительности труда и технологий* привел к такому уровню развития, когда обеспечение названных условий реализации человеческих качеств становится возможным:

¹ Подробнее о глобальных угрозах пандемии насилия см.: Бузгалин А.В. Основные «пласты» глобализации и ее конфликтогенный потенциал // Международные процессы, 2003. № 2.

для него достаточно достигнутого уровня накопления материальных благ. Эта короткая глава — не место для детальных расчетов, но элементарная прикидка показывает, что даже сегодняшнего (2004 г.) уровня мирового ВВП (\$6 280 на душу) достаточно для обеспечения уровня развития человеческих качеств всех граждан Земли почти в 2 раза более высокого, чем в нынешней России (\$3 410 на душу)¹. Если же учесть, что в нынешней России не менее половины доходов уходит на обеспечение паразитического потребления «элиты», содержание бюрократического и репрессивного аппаратов, военные цели, финансовые и подобные им спекуляции, а оставшаяся половина расходуется на социальные цели крайне неэффективно, то можно предположить, что... Что нынешних ресурсов мировой экономики при их справедливом (но не уравнительном) распределении и эффективном использовании достаточно для того, чтобы обеспечить жителям Земли качество жизни в среднем в 3–4 раза более высокое, чем в современной России.

Соответственно, социально-гарантированный минимум для любого гражданина планеты в этих условиях может быть установлен на уровне в 3–4 раза ниже среднего. Располагающие только этим доходом лица будут жить относительно плохо (уровень материального потребления около 10 000 рублей на семью, т.е. как у среднего россиянина, но только имея хорошее общедоступное образование и медицинское обслуживание, а также продолжительность жизни в 75–80 лет, как сейчас на Кубе). Кто-то (мировой «средний класс») будет жить в 3–4 раза лучше, а кто-то — наиболее талантливые и трудолюбивые — в 7–10 (но не в 20 или 30!) раз лучше, чем «низы» (т.е. примерно так, как сейчас живут представители массовых творческих профессий — школьные учителя, воспитатели, социальные работники и т.п. — в развитых странах). Подчеркну, что даже при условии использования все тех же, что и ныне, технологий экологическая нагрузка на биосферу не возрастет, ибо речь идет лишь о сокращении неэффективных (с точки зрения развития человеческих качеств) расходов и увеличении эффективных при прежней суммарной производительности.

¹ Данные взяты из доклада Мирового банка «Справедливость и развитие». М.: Весь Мир, 2006. С. 273.

Если же учесть, что продвижение в направлении социализма (буде оно начнется) займет не менее нескольких десятилетий и будет происходить при темпах роста не ниже, чем, скажем, в современной Кубе (около 5–7% в год), то окажется, что через 15–20 лет после начала перехода к социализму социально-гарантированный минимум развития человеческих качеств для любого жителя на Земле будет равен сегодняшнему уровню среднего класса развитых стран, т.е. вполне достаточен для свободного развития творческой деятельности каждого.

В этих условиях, естественно, встанет вопрос, будет ли востребована такая масса творческих работников. Ответ на него зависит от того, какой будет структура системы, развивающейся «по ту сторону материального производства».

Капиталистическая тенденция обеспечивает приоритетное развитие таких сфер, как финансы, корпоративное управление, ВПК, торговля и сервис, ориентированные на утилитарные потребности и досуг, масс-культура, бизнес-образование и т.п.

Социалистическая тенденция¹ предполагает, что творческий потенциал подавляющего большинства может быть использован в тех сферах творческой деятельности, которые способны «проглотить» неограниченно большое число занятых: рекреация природы и общества (садовники, лесники, социальные работники и т.п.), воспитание и образование, медицина и спорт, наука и искусство... Что подвигнет людей, имеющих социально-гарантированный минимум, уйти от паразитического утилитарного потребления и заняться трудным делом развития и реализации человеческих качеств — это и есть главный вопрос. Мы его переформулируем в соответствии с темой данного подраздела нашей статьи (предпосылки социализма XXI века) в виде императива: новое общество должно иметь такую систему общественных отношений, которая обеспечит, с одной сторо-

¹ Заметим, что для современной экономики характерны, как правило, компромиссные тенденции, особенно типичные для стран с социал-демократической политикой. Анализ опыта такой политики см. в: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 291–392.

ны, социально-гарантируемый минимум, предоставляя достаточные условия для творческого старта, а с другой — достаточно сильные мотивы для включения подавляющего большинства членов общества в общедоступную творческую деятельность.

Возможна ли такая система отношений? Известны ли ее теоретически мыслимые параметры и практически данные ростки? Об этом — ниже.

Наконец, особо важным в этом контексте является тезис о накоплении человечеством огромного культурно-творческого багажа, который является важнейшей объективной предпосылкой движения к новому обществу при условии его общедоступности.

*4. Экономика социализма XXI века,
как мы ее видим сегодня:
место в системе отношений «царства свободы»*

Сформулированные вызовы обществу будущего — это те стратегические проблемы, которые оно должно решить. Если эти решения не будут найдены, причем не только теоретически, но и практически, эта система либо не возникнет, либо, возникнув без достаточных оснований, мутирует и погибнет подобно тому, как это произошло с СССР или с многочисленными попытками ускоренного продвижения к капитализму в XIV–XVI веках (эта попытка увенчалась успехом лишь в Нидерландах).

Есть, однако, и некий паллиатив в ответе на названные стратегические вызовы. При этом он имеет мультисценарный характер.

Сценарий первый. Развитие переходных к новому обществу социально-экономических форм в рамках «закатной» фазы экономической общественной формации (более конкретно — позднего капитализма¹). Сложности здесь состоят в том, что в развитых странах в последние десятилетия идет постепенный медленный дрейф в противоположном социализации направлении, а развертывание процессов социализации, причем именно под социалистическими ло-

¹ Это понятие раскрыто в работах Э. Мандела (См.: Mandel E. Late Capitalism. London: Verso, 1978).

зунгами, началось в среднеразвитых странах «третьего мира» (Венесуэла, Боливия). Исследование перспектив социализации в рамках позднего глобального капитализма мы в данном тексте оставим в стороне — автор немало написали о возможных сценариях альтернативного развития процесса глобализации при условии сохранения основ старого строя¹ — и рассмотрим другой сценарий.

Сценарий второй, пока утопический: развитие переходных к новому обществу социально-экономических отношений на базе качественного изменения основ прежней системы. Именно этот сценарий представляется наиболее интересным для теоретического рассмотрения, ибо он показывает относительно более четко основные черты социализма как процесса перехода от экономической общественной формации к царству свободы.

Проделанный в многочисленных предшествующих работах теоретиков социализма (в том числе — авторов этой статьи) анализ позволяет кратко систематизировать основные черты «социализма как мы его видим сегодня».

Прежде всего позволим себе важное замечание: социализм по определению (а он определен как переходный процесс) *(1) несет в себе многие черты экономики позднего капитализма; (2) новые отношения в нем присутствуют в незрелом виде и, следовательно, (3) господствующими являются не «чистые», зрелые формы нового общества, а переходные отношения.*

Теперь к существу проблемы.

Важнейшая черта социализма будущего состоит в том, что экономика в этом обществе играет роль, подчиненную, вторичную по отношению к социокультурной сфере. Именно последняя формирует «социальный заказ» экономическому развитию (цели) и определяет пределы, которые не может переступить течение экономических процессов (границы пространства возможных средств). Более того, именно эта сфера должна постепенно формировать ключевые предпосылки развертывания социалистической экономики — нового человека и новые институты.

¹ См., например, Альтерглобализм. Теория и практика «антиглобалистского» движения. Под ред. Бузгалина А.В. М., 2003.

Напомню, что предпосылками развития рыночной экономики (они зафиксированы в качестве аксиом в любом учебнике — от марксистской политической экономии до экономикс) являются рациональный экономический человек и частная собственность, права которой незыблемы. Экономическая теория рынка не рассматривает вопрос, откуда берется такой человек и такая система прав собственности, хотя в реальности это сложнейшая проблема, которую человечество решало в течение долгих столетий, мучительно уходя от сословного неравенства, патриархальной модели человека, внеэкономического принуждения и т.п. институтов дорыночного типа.

Точно так же в рамках экономической теории социализма мы можем и должны исходить как из аксиомы из того, что новые ценности и стимулы (новый тип личности) и новые институты являются господствующими. Естественно, что целостная теория социализма должна дать ответ прежде всего именно на эти вопросы: как, где и когда могут и должны возникнуть новые люди, новые формы их социальной организации и правила поведения. Принципиальный ответ известен: основы этого складываются в рамках предыдущей системы. Теоретически он апеллирует к развитию альтернатив подчинению труда капиталу в форме ассоциаций трудящихся. Практически в настоящее время это миллионы (пока всего лишь миллионы...) участников новых социальных движений, которые в рамках сетевых форм социальной организации включены в деятельность, цели и мотивы которой связаны именно с развитием человеческих качеств, социальным прогрессом. Этим людям гораздо интереснее и приятнее вместе с друзьями помогать решать социальные и гуманитарные проблемы, видя счастливые лица тех, ради кого они работают, чем работать ради получения денег, которые они потратят на утилитарные блага (напомню: в рамках аксиоматики экономикс труд есть тягость, его затраты надо минимизировать, деньги есть высшая ценность, их количество надо максимизировать). Если же человек начинает относиться к труду как к ценности и ставить целью не удовлетворение утилитарных потребностей, а развитие личностных качеств (причем не только своих лично), то мы постепенно выходим за границы экономической формации и рынка.

Этот новый тип Человека при социализме будет вырастать из процессов творческой деятельности, освоения подлинной культуры

и включения с детства в процесс ассоциированного социального творчества (подобно тому, как он сегодня включается в рыночные транзакции с младенчества, на практике зная, что позволено богатому, а что — бедному). Соответственно, принципиальной основой новых институтов является свободная добровольная работающая ассоциация-сеть (хорошо известной формой, переходной от буржуазных институтов к свободной ассоциации, являются миллионы временных творческих коллективов, реализующие социальные, культурные, научные, образовательные проекты, многомиллионные новые социальные движения и т.п.).

Рассмотрение этих феноменов не входит в предмет статьи об экономике социализма. Поэтому лишь повторю, что *общедоступными сферами творческой деятельности* являются:

- воспитание и обучение (начиная с профессора в университете и до воспитателя в яслях как наиболее значимого участника образовательного процесса);

- социальная реабилитация (в странах ЕС сотни тысяч работников уже сейчас заняты «социальной работой»);

- работа по обеспечению здорового образа жизни (медицина, профилактика заболеваний, спортивные тренеры);

- воссоздание биосферы и формирование гармоничной среды обитания (человечеству нужны массы экологов, садовников, дизайнеров, архитекторов);

- наука и инженерное творчество;

- деятельность по сбору, хранению, обработке информации и культурных ценностей и обеспечению массового доступа к ним (поддержание и развитие информационных сетей, библиотеки, музеи и т.д.);

- социальные, технологические и экономические инновации;

- искусство и т.п.

Таким образом, экономика социализма видится как система, в которой в материальном производстве будет занято (как сейчас в странах среднего уровня развития) не более 40%, а остальные будут стремиться стать не финансистами, брокерами, адвокатами, менеджерами, чиновниками, рэкетирами, моделями и поп-дивами, а воспитателями, врачами, учителями и садовниками. (Вам никто не запретит заниматься финансовыми спекуляциями, но общество бу-

дет считать эту деятельность глупой и постыдной, как сейчас глупым и непрестижным — занятие теорией социализма...)

Важнейшим слагаемым нового социализма должна стать общественная культурная политика, обеспечивающая ориентацию средств распространения информации на стратегические запросы общества (*развитие подлинной культуры*), а не платежеспособный спрос мещанина, подчиненного экспансии масс-культуры.

Как именно будет обеспечиваться материальная база для всей этой деятельности и ее воспроизводство — на этот вопрос и должна ответить экономическая теория социализма. Но подчеркнем — именно на этот вопрос.

Что касается *институциональной системы, построенной по принципу свободной работающей ассоциации*, то ответ на вопрос о том, как она может быть устроена, дает модель «социализма гражданского общества». Новая институциональная система может и должна вырасти прежде всего из массового и систематического включения граждан в деятельность общественных организаций и движений и «привычки» жить и действовать по правилам, характерным для этих институтов¹.

Наконец, важнейшей институциональной предпосылкой экономики социализма станет *общедоступность средств материального производства и культурных ценностей*. Как именно может решаться этот вопрос — это как раз проблема экономической теории социализма, и мы ее рассмотрим ниже. Пока же заметим, что эта предпосылка по своему значению в чем-то аналогична такому условию развития капитализма, как отделение непосредственного работника от средств производства и господство наемного труда.

Подчеркнем: мы не обсуждаем, как, кто и когда сможет обеспечить формирование таких институтов — это вопрос социокультурно-политический. Мы лишь констатируем: человек, включенный в творческую деятельность, систематически участвующий в решении соци-

¹ Заметим, что еще 30–40 лет назад требования к европейскому сообществу жить по экологически корректным правилам казались утопией, а выдвигавших эти требования «зеленых» считали романтическими мечтателями, оторванными от жизни.

альных вопросов и погруженный в информационное поле подлинной культуры, постепенно будет обретать новые ценности и стимулы. Формирование такого человека и таких институтов — абсолютно необходимая предпосылка для развития экономики социализма, подобно тому, как наличие homo economicus и частной собственности, и свободного (юридически и от средств производства) наемного труда было предпосылкой возникновения и развития экономики капитализма. Иными словами, путь к социализму XXI века открывается только в той мере, в какой создаются названные выше предпосылки. В иных условиях — либо немедленное поражение социалистических экспериментов, либо путь мутаций и последующей гибели.

*5. Экономика социализма XXI века,
как мы ее видим сегодня:
рынок и пострыночное регулирование*

Одна из важнейших характеристик экономики социализма как мы его видим сегодня — снятие рынка как основного способа координации лишь по мере развития пострыночных отношений, обеспечивающих большую эффективность в решении проблем развития нового общества, нежели рынок.

В приведенной выше формулировке есть важнейший «нюанс»: речь идет о решении проблем развития социализма и о социалистических критериях эффективности. Последние отличны от капиталистических так же, как капиталистические от феодальных. Для социализма таким критерием станет развитие человеческих качеств при минимизации затрат репродуктивного труда (живого и овеществленного) и природных ресурсов. Несколько пояснений. Прежде всего заметим, что речь идет о затратах только репродуктивного труда, т.к. творческий труд есть сфера развития человека и потому не столько «затрата», сколько «результат». Соответственно, важно помнить, что развитие человеческих качеств требует не только и не столько роста материального благосостояния, сколько увеличения свободного времени (не времени досуга, а времени развития личности) и сфер, которые обеспечивают возможности адекватного использования этого свободного времени.

Рынок, как показывает практика, не лучшим образом решает задачу развития человека в свободное время (например, для экономики США типичным для большинства граждан является рост реально отработанного времени при наполнении времени досуга для утилитарного потребления, в том числе — продуктов масс-культуры и индустрии развлечений). В то же время он более-менее удачно решает проблему удовлетворения утилитарного спроса. Следовательно, видимым простейшим решением проблемы становится развитие социально-регулируемых рыночных отношений в сфере удовлетворения утилитарных потребностей и пострыночных — в сферах, обеспечивающих развитие человека.

«Реальный социализм» погиб, в частности, вследствие глубокого противоречия между господством среди населения ценностей и мотивов общества потребления (неизбежных на индустриальной фазе развития) и дефицитом потребительских благ. Социализм будущего может развиваться только как общество, в котором будет обеспечено многообразие потребительских благ при господстве у граждан этого общества иных потребностей. Это ситуация, когда для большинства погоня за модной одеждой, обувью, обстановкой и т.п. будет возможна, но не интересна. Дело регулируемого рынка сделать приобретение этих благ возможным. Задача социалистических отношений превратить погоню за ними в неинтересную, лично и социально не престижную (заметим, что один из возможных путей решения этой проблемы очень прост: сконцентрировать усилия экономики социализма на инновациях, а производство шмоток оставить на откуп капитализму; в обмене же инноваций на шмотки новатор всегда выигрывает).

Это первый шаг в решении проблемы «социализм и рынок». Еще один шаг был сделан выше, когда мы зафиксировали возможность неограниченного свободного распространения постматериальных благ при использовании механизма распределения издержек.

Остался «пустяк»: традиционные сферы материального производства. Это «старый» вопрос — вопрос прошлого (и отчасти даже позапрошлого) века. Соответственно базовые решения здесь будут гораздо ближе к «старым», нежели в случае анализа феноменов, лежащих «по ту сторону» материального производства. Возможных решений здесь несколько. Одно — модель рыночного социализма со

всеми ее вероятными вариациями¹. Оно хорошо известно и мы его здесь рассматривать не будем.

Другое — развитие механизмов сознательного регулирования экономики (плана). Здесь готовых решений пока что нет. Но есть несколько важных соображений.

Первое. Эта система отношений может и должна критически использовать достижения советского планирования и регулирования, т.е. обеспечить концентрацию ресурсов на ключевых сферах и стратегическую выверенность развития, но избежать бюрократизации (а значит, волюнтаризма, ведомственности и т.п.) и формирования «экономики дефицита».

Второе. Эта система отношений может и должна критически использовать достижения косвенного регулирования рыночной экономики.

Третье. Эту систему отношений нельзя «внедрять» как искусственную умозрительную конструкцию. Ее можно и должно сознательно выращивать по мере развития необходимых предпосылок и лишь в той мере, в какой она (повторим важнейший тезис!) обеспечивает большую *социалистическую* эффективность, нежели рынок. В чем-то этот процесс должен быть похож на развертывание товарных отношений от простейших форм случайного обмена к денежному и современному рыночно-капиталистическому хозяйству (различие здесь такое же, как в случае с дикорастущим и садовым растением).

Простейшие формы сознательного регулирования, лишь дополняющие и ограничивающие рыночные механизмы, хорошо известны. Это учет и контроль, развивающиеся в косвенное регулирование экономики. Первые обеспечивают, в частности, отмену коммерче-

¹ К числу наиболее известных вариантов этой модели следует отнести модель экономики, основу которой составляют самоуправляющиеся коллективные предприятия и кооперативы, рынок является основной формой связи между производителями и потребителями, наемный труд является исключением, государство осуществляет косвенное регулирование воспроизводственных процессов и обеспечивает социальную защиту. Круг основных работ на эту тему был назван в 1 разделе данной главы.

ской тайны, прозрачность всех транзакций, подотчетность и подконтрольность бизнеса гражданскому обществу и т.п. Второй ведет к формированию комплексной системы обязательных социальных, гуманитарных и экологических нормативов, развертыванию долгосрочных социальных и структурных программ, реализуемых путем поддержки и ограничения бизнеса в зависимости от его следования заданиям программы, и тому подобные в принципе хорошо известные механизмы.

Гораздо сложнее решаются принципиальные вопросы развития пострыночного регулирования и планирования, снимающих рынок¹. Они достаточно сложны, что естественно — это отношения координации, более развитые и более сложные, нежели современный рынок, так что и их теория должна быть качественно отлична от нынешней теории рынка и более сложна, чем последняя. Экономической теории известны первые шаги в направлении формирования таких моделей, предложенных на базе как теоретических исследований, так и анализа позитивного и негативного опыта «экономики дефицита»².

Детального видения последних сейчас предложить в принципе невозможно: эта теория должна развиваться параллельно с практикой, лишь на шаг (но не более — иначе автор впадет в грех утопического конструирования) опережая ее. Что же касается некоторых *принципиальных контуров планирования будущего*, то оно видится не как бюрократическая система административных команд «сверху», а как процесс сотворчества (планового диалога), субъектами которого являются ассоциации-сети производителей, потребителей и собственно управляющей подсистемы экономики. Некоторым грубым прообразом этой системы может выглядеть современная модель

¹ Общие теоретические соображения о характере пострыночного регулирования авторы изложили в: Бузгалин А., Колганов А. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела // Вопросы экономики, 2004. № 3.

² Авторы изложили свое решение проблемы в работах: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Реализация общенародных интересов. М., 1985; Бузгалин А.В. Противоречия самоуправления, централизма и самостоятельности в плановом хозяйстве. М., 1988.

стратегического менеджмента в креативной корпорации-сети¹. Еще более сложным является вопрос о нестоимостной редукции труда².

Достаточно аргументированным выглядит и хорошо известный тезис о том, что мера использования отношений сознательного регулирования должна быть тем больше (а рыночных отношений тем меньше), чем в большей степени обобществлен и близок к креатосфере данный сегмент экономики.

Соответственно *генезис и развертывание социалистической системы отношений координации* может выглядеть следующим образом. В исходном пункте в сфере материального производства — преимущественно современные механизмы рынка, контролируемого и регулируемого обществом; в креатосфере — преимущественно свободное распределение общедоступных ресурсов при использовании некоторых рыночных форм. Развитое состояние: противоречивое сочетание современных механизмов социально-ограниченного и регулируемого рынка (наиболее эффективных в малообобществленных секторах материального производства) с механизмами планового диалога (используемыми преимущественно для интегрированных научно-производственных структур материального производства) и свободного распределения благ в креатосфере³.

¹ См.: Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000, гл. 3. Подробный анализ западных источников по данной теме и авторская модель управления постиндустриальной корпорацией содержится в работах М. Павлова.

² Возможное решение этой проблемы авторы предложили в статье «Гордиев узел (к проблеме нестоимостной редукции труда)» // Философия хозяйства, 2001. № 6.

³ Этот подход базируется на кратко аргументированном во 2-м разделе главы выводе о креатосфере как адекватной базе пострыночного регулирования и прямо отрицает известный тезис либеральных экономистов о том, что именно постиндустриальные, информационные технологии создают адекватные основы для ренессанса свободного рынка. Разбор аргументов сторон не входит в задачу данной статьи, ибо в названных выше работах авторы достаточно подробно обосновали правомерность своей позиции, дав развернутую критику либерального подхода.

И еще несколько важных замечаний по поводу рынка и социализма.

Первое. Если мы говорим об обществе, переходном от буржуазной системы и «предыстории» к «царству свободы», то, естественно, переходный период, сколь угодно продолжительный (это второй вопрос — сколь продолжительный), должен использовать прежние формы. Но весь вопрос в том, какова стратегическая направленность трансформаций. Да, мы можем начать с широкого использования товарных форм. Возможно, после периода жесткой бюрократической централизации необходимо некоторое «отступление» к большей мере рынка (повторим: оно оправдано, если пострыночные формы еще недостаточно зрелы, если для них еще нет достаточных оснований). Но стратегический курс социалистического созидания — это вытеснение рынка (пусть нелинейное, но последовательное) по мере создания необходимых для этого предпосылок. Между тем в последние десятилетия некоторые страны, претендуя на статус социалистических, ведут иную политику.

Так, курс китайского руководства на развитие рынка носит характер долгосрочной стратегии, направленной в конечном счете на превращение экономики в рыночно-капиталистическую при сохранении лишь некоторых политико-идеологических атрибутов «социализма». Современная китайская экономика внешне похожа на советскую экономику периода нэпа: в обоих случаях широко используются рынок и частная собственность. Однако различие ленинского плана построения социализма при помощи использования несоциалистических форм и курса китайских руководителей принципиально. В первом случае это было временное «отступление», нацеленное на создание в конечном итоге пострыночной экономики. Во втором, повторим, курс стратегически ориентирован на развитие капитализма.

«Рыночный социализм» при первом подходе есть не более чем обозначение одной из сторон трансформации, где происходит (1) вытеснение собственных основ прежней системы, включая товарные и капиталистические отношения, отношения империализма, финансового капитала и (2) замещение их другими (принадлежащими к миру рождающегося «царства свободы», раннего коммунизма) основами при использовании форм, порожденных старой системой.

Второе. Мы категорически не согласны с возрождающей неоклассические иллюзии социально-политической «нейтральности» рынка широко цитируемой тезой Дэн Сяопина: «Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она хорошо ловила мышей». Рынок — не кошка. Если уж использовать образные сравнения, то это скорее тигр, который может вместо «мышей» съесть человека (ростки социализма), если потерять над ним контроль. Проблема использования рынка — это проблема контроля над ним со стороны общества, создающего новую систему отношений, его подчинения и вытеснения по мере достижения необходимых условий. При этом мы должны понимать, что это вытеснение будет включать в себя противоречие двух качественно противоположных сторон. *Рынок — это не социально-нейтральный механизм «экономической технологии», а форма товарных отношений*¹; товарные отношения порождают определенный тип собственности, личности, социальной поляризации и т.д. Вот почему вытеснять собственные основы рынка мы можем только создавая другие, коммунистические глубинные, сущностные, первичные (если пользоваться марксистской терминологией) отношения.

Третье. Если мы хотим использовать рынок, то встает вопрос, что мы должны использовать: добуржуазный рынок, рынок, в котором товар еще не превратился в продукт капитала и не является капиталом определенного рода? Деньги, которые возникли до капитала и имеют вид золотой (серебряной, медной и т.п. монеты)? На наш взгляд, *будущему обществу предстоит использовать отношения рынка, порожденные современным поздним капитализмом, то есть наиболее развитые, зрелые формы, формы корпоративного капитализма, по возможности вытесняя из этих форм их собственно капиталистическое содержание*. Иными словами, речь идет об использовании наиболее развитых форм товарной экономики, наиболее развитых форм рынка.

Поэтому проблема оказывается существенно масштабнее и диалектичнее, чем при обычном взгляде на рыночный социализм: мы

¹ Эта классическая марксистская постановка развита, в частности, в трудах нашего учителя — Н.В. Хессина (См.: Хессин Н.В. Вопросы теории товара и стоимости в «Капитале» К. Маркса).

постепенно (по мере генезиса коммунистических отношений) вытесняя собственные основы рынка (отчуждение, обособление, конкуренцию), используя при этом формы суперсовременного (эпохи корпоративного государственно-монополистического капитализма) рынка.¹

¹ Отсюда встает вопрос не о том, нужен или не нужен современный набор рыночных механизмов для социализма как переходного общества (оно потому и переходное, что содержит элементы прежней системы). То, что в переходный период они нужны, признают все. Вопрос в другом. Вопрос в том, что большинство сторонников рыночного социализма считают этот период не переходным, а единственно возможным, то есть они его рассматривают как единственно возможное будущее, а все остальное относят к области утопии, о которой можно говорить, а можно не говорить: это безразлично. У нас же иной взгляд. Нам вопрос о перспективе развития социализма как переходной эпохи (равно как и сам акцент на том, что социализм есть переходное общество) кажется принципиально важным. Если мы считаем, что развитие идет в направлении генезиса пострыночных и постбуржуазных отношений, то вытеснение собственных основ рыночных форм, товарных и буржуазных отношений пострыночными и постбуржуазными (естественно, лишь в той мере, в какой это обеспечивает большие результаты — социальные, технологические, экологические и т.д.) мы можем квалифицировать как объективно необходимый, прогрессивный процесс. Вот эта динамика есть объект спора: признаем ли мы возможность и необходимость вытеснения товарных, капиталистических отношений пострыночными, посткапиталистическими, или мы считаем, что рыночный социализм есть не переходный процесс, а некоторое органичное, финальное состояние будущего общества. Говоря о рыночном социализме, на какой бы позиции мы ни стояли, мы всегда должны учитывать, что рыночные отношения всегда порождают определенные (а именно — не- и антисоциалистические) социальные последствия. Мы можем говорить о том, что их надо ограничивать, регулировать и т.п., но важно подчеркнуть: мы признаем, что рынок Окончание см. с. 425

После этих замечаний мы должны обратиться к проблеме, ключевой для всякого общества, — проблеме отношений работника и собственника средств производства (проблеме собственности) и обусловленных ими отношений распределения и мотивации.

*6. Экономика социализма XXI века,
как мы ее видим сегодня:
отношения собственности*

Ключом к ответу на вопрос о возможной системе отношений собственности социализма будущего послужит общая методологическая установка этой статьи. Социализм есть процесс трансформации «царства необходимости» в «царство свободы», а значит, процесс отмирания отношений отчуждения работника от труда, от средств производства, от результатов производственной деятельности и рождения механизмов свободного ассоциирования работников, присваивающих и средства, и результаты этой деятельности.

Соответственно мере развития реальных основ этой трансформации в креатосфере и материальном производстве будут формироваться и различные отношения присвоения.

В креатосфере (в сфере образования, науки, культуры, искусства и т.д.), в сфере взаимодействия человека и природы как культурной ценности (например, в решении проблем защиты природы, развития

начало см. с. 424) порождает определенные социальные тенденции, и мы их считаем несоциалистическими.

Далее. В любом случае мы можем признать, что рынок порождает моральный, нравственный климат, который, вообще говоря, не является социалистическим. И это признает практически каждый, кому всерьез задаешь этот вопрос. Наконец, сказанное означает, что система отношений товарного производства и рынок как их форма будут порождать и политические силы, которые не являются по сути социалистическими. (Подробнее эти тезисы развиты в статье: Бузгалин А.В. Десять тезисов о рыночном социализме // Альтернативы, 2001, № 1).

национальных заповедников, восстановления биогеоценозов и т.д.) господствующими, по-видимому, будут отношения *всеобщей собственности* — собственности каждого на все — любые ресурсы, которые индивид или ассоциация индивидов может распределить в своей деятельности (мы уже обосновали этот вывод во 2-й части статьи). Подчеркнем: не просто государственной (публичной), а всеобщей собственности, когда основные ресурсы, необходимые для развития креатосферы (а это прежде всего знания, культурные и природные ценности), будут доступны для каждого индивида, и доступ этот будет равноправным. Регулировать этот всеобщий равноправный доступ каждого к таким всеобщим ресурсам уже при социализме могут свободные добровольные ассоциации, создаваемые в этой сфере — ассоциации учителей и ученых, художников и экологов. Безусловно, здесь будут возникать немалые противоречия, регулирование которых, по-видимому, придется взять на себя государству как верховному представителю различных ассоциаций трудящихся и граждан. Конкретные механизмы такого регулирования нам сейчас очень сложно обрисовать. Можно только наметить эту тенденцию.

Что же касается *материального производства*, то в этой «старой» сфере экономики решения проблемы будут тяготеть к традиционным выводам «старых» социалистов. Вслед за ними мы можем выделить ряд сфер с различным уровнем реального (технологического) обобществления средств производства.

Сферы, где господствуют крупные интегрированные технологические структуры, от которых зависит экономика в целом (энергетика и транспортные системы; крупнейшие предприятия в сфере высоких технологий и в отраслях, связанных с добычей и использованием природных ресурсов; само использование природных ресурсов в условиях развития ноосферных технологий, которое становится важнейшей сферой, влияющей на условия жизни всего общества) предполагают развитие отношений соединения работников со средствами производства (собственности), призванных обеспечить использование этих средств на благо общества.

По-видимому, здесь наиболее уместными окажутся отношения с *государственной формой собственности* при наличии широких полномочий (самоуправления) у трудовых коллективов (модель на-

родного предприятия, где государство определяет лишь основные направления его деятельности, а основные вопросы внутренней жизни и выбора наиболее эффективных путей решения программных общегосударственных установок осуществляет самоуправляющийся трудовой коллектив).

В традиционном *индустриальном секторе* (машиностроительные и транспортные предприятия, механизированные аграрные предприятия и т.п.) структура отношений собственности может быть гораздо более сложной. В этом «старом» секторе скорее всего будут доминировать *коллективные предприятия и кооперативы*, но могут сохраняться и акционерные предприятия, где значительную долю среди акционеров будут составлять частные физические лица. Государство и массовые демократические организации трудящихся могут иметь право контроля за деятельностью акционерных обществ, постепенно приобретая значительную часть акций или решающий, контрольный пакет акций. Впрочем, не стоит сейчас фантазировать. Важен принцип: сохранение в индустриальном секторе массового производства смешанных форм собственности, переходных от частной акционерной собственности к общественной собственности (собственности коллективов, государства и общественных организаций).

Если же говорить о секторе, где господствует *ручной труд*, а также о значительной части сферы услуг (там, где требуется непосредственная связь с мелким, раздробленным потребителем, где концентрированное специализированное производство не имеет своих преимуществ), возможно и целесообразно развитие трудовой мелкой собственности и небольших кооперативов. При этом мелкая трудовая частная собственность вполне может сочетаться (это показал опыт нэпа в нашей стране, опыт многих других стран, начинавших социалистические преобразования) с кооперированием этих мелких частных собственников в сфере сбыта, обслуживания, закупки средств производства и т.д. Для мелких частных собственников и небольших кооперативов также обязательными окажутся нормативные ограничения, которые «работают» во всей экономике.

Обрисованная картина может стать типичной для достаточно зрелого социалистического общества. В исходном пункте частная собственность будет играть, по-видимому, большую роль. В общем и целом в процессе развития социализма будет действовать уже из-

вестная нам тенденция: чем далее будет продвигаться новое общество по пути к формальному и, позже, реальному освобождению труда (развитию отношений социального творчества, вытеснению материального производства креатосферой), тем в большей степени целесообразно и необходимо будет вытеснение частной собственности.

В любом случае, однако, ключевая проблема здесь — не столько распределение акций, сколько контроль за реальными правами собственности, каналами экономической власти. А ими могут быть не только акции, которыми владеет тот или иной собственник (государство, трудовой коллектив, частные физические лица). Такими каналами, в частности, могут быть и обязательные нормы, которые должно соблюдать всякое предприятие в социалистическом обществе. Такие нормы могут требовать эффективного приложения капитала, обуславливать определенные предусмотренные программами направления его использования и т. д.

Определенные предпосылки для движения в таком направлении мы можем найти даже в законодательстве, конституциях ряда стран с социальным рыночным хозяйством или социал-демократической моделью. Так, в Основном законе ФРГ, например, записано, что даже частный собственник природных ресурсов может использовать их только в соответствии с конкретным предназначением. Не допускается, например, вырубка лесов, использование пахотной земли для создания промышленных объектов или градостроительства и т. д. Такого же рода нормативы могут и должны действовать для решения проблем приоритетного развития креатосферы, охраны природы, защиты прав человека в социалистическом обществе.

Более сложным может быть механизм косвенного регулирования и программирования экономики, который также ограничит возможности хозяев предприятия на произвольное решение вопросов производства продукции, использования материальных, трудовых, природных ресурсов.

Такие предприятия (как и любые производственные звенья в социалистической экономике) окажутся включены в сложную систему регулирования, где их программы, их производственная деятельность должны будут сталкиваться с ограничениями, которые создаются экологическими объединениями, объединениями потребителей, местными органами территориального самоуправления,

органами государственной власти на региональном и общенациональном уровнях, интернациональными регуляторами и т. д. Всё это сделает весьма условной частную собственность в рамках таких предприятий, но позволит избежать многих конфликтов, связанных с жесткой национализацией и лишением буржуазии всех прав собственности, и прежде всего, капитала как определенной суммы денег, но не капитала как реальной экономической власти (что взаимосвязано, но не одно и то же).

Весьма важными каналами власти должны стать системы управления внутри предприятия. Здесь, как уже отмечалось, возможны разные механизмы сочетания власти трудящихся и власти собственников. Социализм может и должен обеспечить власть самих трудящихся (причем не только данного звена) на государственных и коллективных предприятиях непосредственно. На предприятиях со смешанной собственностью нужен своего рода компромисс между властью акционеров и властью трудящихся, когда целый ряд прав будет неотчуждаем от трудового коллектива (прежде всего прав, касающихся гарантий занятости, оплаты труда, условий труда), кто бы ни был собственником предприятия. В то же время часть прав будет гарантирована для акционеров (право на минимальный дивиденд, не отчуждаемость акций или возможности их выкупа по определенной цене).

Важным каналом реальной власти на предприятии может и должна стать деятельность различного рода общественных структур, начиная от профессиональных союзов и заканчивая объединениями молодежи, рационализаторов, женщин, экологическими объединениями и т.д.

В заключение ещё раз подчеркнем, что даже в секторе массового индустриального производства акционерные фирмы с доминированием частных физических лиц скорее всего не будут составлять основную часть предприятий. Вполне возможно широкое развитие коллективных предприятий, кооперативов и государственных предприятий при самоуправлении трудовых коллективов.

И, пожалуй, последняя по порядку — но не по важности — ремарка.

Поскольку мы предположили, что социализм будет сохранять современные механизмы рынка, характерные для капитала XXI века, то мы должны признать и *сохранение современных финансовых инсти-*

тутов. Вопросы о том, как они будут работать и кому будет принадлежать власть над ними, принадлежат к кругу важнейших для будущей экономики. Здесь следует вспомнить старые идеи марксистов, не случайно требовавших национализации банков и других крупных финансовых институтов и государственного контроля над ними.

Это требование действительно является абсолютно необходимым, ибо финансовая система современной рыночной экономики представляет собой ключевой компонент, обеспечивающий как взаимодействие производителей с потребителями, так и присвоение средств производства. Контроль за финансовой системой облегчен тем, что она высоко обобществлена (ключевую роль в ней играют несколько крупнейших институтов), и он позволяет сосредоточить в своих руках реальную социально-экономическую (а в ряде случаев и политическую) власть. Поэтому совершенно обязательным условием продвижения по пути социализма станет не только национализация, но и реальный контроль за финансовой системой и её функционированием со стороны демократического, на деле отражающего интересы трудящихся государства.

Этот контроль может и не ущемлять интересы отдельных частных лиц (например, вкладчиков банков), ибо контроль за финансами и возможность получения доходов от вложений капитала в условиях социализма как переходной эпохи — это два разных вопроса. Достижение первого — власти государства — не мешает сохранению второго — собственности отдельных физических лиц на вклады в банках.

Таковы некоторые дополнительные штрихи к характеристике возможных отношений соединения работника со средствами производства (собственности), позволяющих гражданам социалистических обществ стать реальными хозяевами экономики в самых разнообразных формах. Они могут быть хозяевами личного частного предприятия и акций, сохозяевами коллективного предприятия, которые работают по общегосударственным правилам и в интересах развития общества в целом. При этом все они будут иметь неограниченный доступ к благам креатосферы (бесплатность знаний, культурных благ, образования и т.п.). Кроме того, как сохозяева общенародных материальных средств производства (в том числе природных ресурсов) они будут иметь возможность присвоения результатов их функционирования (природной ренты, прибыли государственных предприя-

тий), что позволит им получать социальные гарантии. Не менее важной стороной этой системы отношений станет гарантированная занятость и свободный выбор места приложения своей рабочей силы.

Безусловно, при этом одним из важнейших и наиболее сложных вопросов останется реальное участие каждого гражданина в распоряжении не только коллективными, но и общенародными средствами производства в материальной сфере (как быть с креатосферой, мы уже обсуждали выше). Здесь возможности реального распоряжения средствами производства будут связаны с самоуправлением и демократическим регулированием экономики на общенародном уровне. И если здесь общество будущего не сможет обеспечить реальной демократии участия и самоуправления, экономическая система социализма вновь мутирует и окажется в тупике.

Естественно, что само по себе соединение работника со средствами производства в условиях социализма не обеспечивает достаточной социальной справедливости и эффективности. На это должна быть нацелена и система распределения и мотивации.

*Экономика социализма XXI века,
как мы ее видим сегодня:
отношения распределения и мотивация*

В этом разделе нам предстоит ответить на едва ли не самый трудный вопрос: какие стимулы могут подвигнуть человека отказаться от максимизации утилитарного потребления и минимизации трудовых затрат, т.е. сделать шаг от «человека рыночного» к «человеку социалистическому»?

Принципиальный ответ на этот вопрос известен. Если мы исходим из того, что человек не обладает некоей вечной и естественной сущностью, обуславливающей его всегдашнее стремление к деньгам как высшему благу (подчеркнем, что для большинства «старых» неокласиков характерно именно такое понимание человека, но сей подход, не выдерживая столкновения с практикой, все более уходит в прошлое), то открываем поле для ответа на поставленный выше вопрос.

Принципиально этот ответ, как мы уже заметили, прост: в той мере, в какой основной потребностью индивида становятся деятель-

ность и общение, развивающие человеческие качества, утилитарные потребности отступают на второй план. Эта закономерность не абсолютна и начинает достаточно явно проявлять себя, как правило, по мере достижения индивидом определенного уровня материального благосостояния. Его можно назвать «рациональным», т.е. таким, который создает достаточные в данном обществе предпосылки для включения в общедоступную творческую деятельность. Соответственно, для имеющих этот уровень лиц, занятых деятельностью в креатосфере, — ученых и художников (мы говорим, естественно, не о масс-культуре), педагогов и воспитателей, социальных работников и экологов — достаточно типично доминирование таких мотивов, как интересная работа, человеческие отношения с коллегами, свободное время. Если эти лица к тому же включены в социальное творчество (например, активно участвуют в деятельности тех или иных институтов гражданского общества), то у них эти мотивы, как правило, становятся доминирующими. И это происходит (NB!) еще в рамках капитализма, где доминирующие общественные отношения, образование, государство, масс-медиа и т.п. активно формируют противоположную — потребительскую установку. Если же предположить, что государство, общество, культурно-идейный фон в стране будут иными, то и мотивы творческой реализации будут активнее вытеснять чисто утилитарные (при условии, напомним, обеспечения рационального уровня потребления).

Тем самым при абстрагировании от влияния социальной среды мы можем сформулировать некоторую закономерность: для большинства индивидов утилитарные ценности и мотивы нелинейно вытесняются социально-творческими (деятельность, общение, свободное время) по мере их все более полного включения в творческую деятельность. Эта закономерность, как правило, начинает действовать после достижения рационального уровня материального потребления. Чем активнее данный индивид включен в отчужденные отношения (рыночную конкуренцию, борьбу за власть и т.п.) и чем сильнее влияние на него отчужденных социальных форм (от рекламы и социального манипулирования через масс-медиа до образования и государственной идеологии), тем слабее действует эта закономерность. И наоборот, чем дальше такой индивид от отчужденных общественных отношений и чем больше он включен в социальное

творчество, чем ближе он к подлинной культуре, тем более явно проявляется названная связь.

Следовательно, эти мотивы будут действовать тем активнее, чем далее будет разворачиваться продвижения от «царства необходимости» к «царству свободы» (т.е. они будут усиливаться по мере генезиса и развития социализма). Базой этого продвижения станет, во-первых, расширение креатосферы и круга занятых в ней членов будущего общества (при соответствующем сокращении занятых репродуктивной деятельностью), и, во-вторых, развитие отношений социального творчества и прогресс культуры (при соответствующем свертывании отчужденных социальных форм — рынка, насилия, масс-культуры, идеологического манипулирования и т.п.).

Творческие стимулы и мотивы будут развиваться лишь в той мере, в какой будет разворачиваться названный выше двоякий материальный и социальный прогресс. В той мере, в какой социализм остается обществом, сохраняющим репродуктивный труд и отношения отчуждения, для него сохранится необходимость в соответствующих отношениях стимулирования и распределения.

Основные черты социалистической системы распределения, характерные для этапа формального освобождения труда, когда он не стал еще для большинства членов общества потребностью, будут определяться распределением по труду при наличии социальных гарантий, которые были описаны выше. В то же время социализм как эпоха перехода от гегемонии корпоративного капитала к формальному освобождению труда, естественно, будет включать и целый ряд более сложных переходных форм, соединяющих распределение, характерное для рождающегося «царства свободы», и механизмы распределения, достигающиеся в наследство от буржуазной эпохи¹. В частно-

¹ В этих связках нет ничего особенно нового — они хорошо известны любому грамотному теоретику социализма. Однако ныне таковых становится все меньше, а лиц, утверждающих, что социализм — это общество бездельников, — все больше. Именно поэтому мы взяли на себя труд несколько освежить «азы», показав их связь с концептуальной моделью социализма как не просто посткапиталистического общества, а стадии перехода от экономической общественной формации к «царству свободы».

сти, социалистическая система, по-видимому, будет включать (хотя бы на первоначальных этапах) доходы, которые граждане смогут получать от частной собственности, будь то трудовая частная собственность, собственность на акции или собственность на деньги, вложенные в банк. Во всех этих случаях доход, имея нетрудовой характер, сохранит черты дохода буржуа. Однако и здесь возникнут существенные отличия в природе и механизмах получения этого дохода.

Вложения гражданами денег в общенародные финансовые институты (скажем, в государственный банк) или приобретение акций предприятий, работающих под контролем государства и в рамках общенародных программ, — всё это существенно отличает даже такой доход при социализме от дохода, получаемого на основе эксплуатации труда частным капиталом и присвоения прибавочной стоимости. В то же время этот доход не становится автоматически социалистическим или, тем паче, коммунистическим. Для регулирования этого типа доходов в мире, переходном от буржуазного к новому, потребуется использование сложной системы регуляторов, позволяющих постепенно вытеснять такие доходы и укреплять распределение по труду.

Отметим два важнейших из таких регуляторов.

Первый, известный по опыту социал-демократических стран, — прогрессивный налог на доходы от собственности, от капитала, от инвестиций в финансовую сферу. Если такой доход остается в пределах, характерных для дохода, получаемого в рамках распределения по труду, то налог на него может быть относительно невысок. Если же вы получаете более высокие доходы или доходы, качественно отличающиеся от трудовых, то налогообложение может быть очень высоким, достигая 60–70 и более процентов.

Второй механизм — это так называемый социальный максимум. Его внедрение было предложено не только социалистами, но и учеными-гуманистами, теоретиками Римского клуба, в частности Аурелио Печчеи. И первые, и вторые показали, что за определенным пределом сверхвысокий личный доход не является стимулом ни для предпринимательства, ни для новаторства, ни для более эффективной трудовой деятельности. Поэтому такой доход может быть изъят (например, через приближающийся к 90% налог на сверхвысокие доходы) относительно безболезненно для этих принципиально важных с точки зрения генезиса креатосферы направлений деятельности.

Существенным для социалистического общества станет вопрос контроля за движением доходов. И здесь нелишне вспомнить о механизмах, которые были отчасти реализованы ещё в период нэпа в СССР¹. Для такой модели экономической и социальной жизни, связанной к трудовым и другим легальным доходам, возможно использование различных технических средств контроля за движением доходов. Часть из них достаточно хорошо известна, например, индивидуальные электронные деньги. Если мы перейдем к системе, когда каждое физическое лицо будет обладать только одной банковской карточкой (счетом) только в одном банке, к тому же государственном, то в этих условиях автоматически будет обеспечен учет и контроль за движением доходов и расходов данного физического лица. Каждый из нас с вами, имея такую карточку (счет), будет вынужден фиксировать на нем все свои денежные доходы. И всякий раз будет известно, как и от кого именно вы получили эти деньги: заработную плату, гонорар, доход с банковского вклада, личное пожертвование, взаимопомощь от своих товарищей... Точно так же могут фиксироваться практически все основные траты (за исключением мелких покупок, осуществляемых при помощи наличных денег).

Этот механизм развивает некоторые современные тенденции. Например, сегодня в Западной Европе, в Соединенных Штатах Америки покупки на суммы, превышающие несколько десятков евро (долларов), как правило, осуществляются при помощи банковских карточек. Другое дело, что современный буржуазный мир делает счет каждого человека коммерческой тайной. Кроме того, он позволяет открыть счета не в одном, а в нескольких банках, перевести деньги в банки нейтральных стран и иными путями скрыть свои доходы (или, напротив, расходы). Однако даже в буржуазной системе для того, чтобы отмыть нелегально полученные деньги, прихо-

¹ Нам хотелось бы напомнить читателям роман Ильфа и Петрова «Золотой теленок», где подпольный миллионер Корейко, имея гигантские по тем временам (несколько миллионов рублей) денежные накопления, не имел возможности потратить хотя бы малую часть из этих денег, ибо он жил в стране, где общепринятой нормой поведения были трудовые доходы и отсутствие чего-либо сверх этого.

дится предпринимать огромные усилия и тратить немалые суммы, теряя от 20 до 50 процентов полученных доходов на то, чтобы легализовать эти преступные барыши. Тем более возможно создание системы, при которой такое отмывание нелегальных доходов станет чрезвычайно сложным или почти невозможным, в условиях социализма, при помощи перехода к индивидуальным счетам и системе открытой, гласной информации о движении средств на них.

При этом конечно же возникнет мощное противоречие, которое в целом характеризует использование денежных отношений в условиях социализма. В самом деле, для мещанина (субъекта рынка) его денежный доход и траты, которые он совершает, — это святая святых его личной жизни, главное составляющее его человеческой личности. Для него всякая возможность посторонних лиц (а тем паче общественных организаций) заглянуть в это его сокровенное «Я» и посчитать деньги в его кармане будет восприниматься как покушение на личную свободу, на права человека, на свою не только коммерческую, но и душевную тайну, на то, что на Западе называется *privacy* — частная жизнь.

В то же время если мы говорим о социализме как о мире развития творческого человека (мире свободных ассоциаций, мире, уходящем от господства товарного и денежного фетишизма), то в этом случае возможность общественного контроля за движением финансовых средств (причем действительное открытие соответствующей информации должно быть скорее исключением, чем правилом) не будет составлять большой нравственной или личной проблемы, не будет являться угрозой тайне личности, ибо действительная тайна личной жизни для человека творческого — это тайна его общения, его личных отношений с друзьями, его пристрастий и интересов. Впрочем, и эта тайна является весьма условной, и личное дело каждого человека — афишировать или скрывать свои творческие достижения, свою дружбу и свою неприязнь, свою любовь и свою ненависть.

Безусловно, при социализме почти наверняка сохранится масса отклонений от названных механизмов распределения («злоупотреблений») — использование общественных фондов или фондов предприятий, кооперативов и других структур для личного потребления (например, использование служебной машины в личных целях, как это часто бывало в условиях мутантного социализма). Но для того и

необходима система демократического общественного учета и контроля, чтобы предотвратить бюрократические злоупотребления в массовых масштабах, чтобы квалифицировать их будущим социалистическим обществом как уголовные преступления. Безусловно, существует и угроза вырождения системы общественного учета и контроля в некоторую слежку и подрыв тайны личной жизни.

* * *

В заключение заметим: *социализм будущего — это мир переходных отношений, который будет наполнен сложными и болезненными противоречиями*. Противоречиями, которые, во-первых, достаются в наследство от прошлого (противоречиями сохраняющегося рыночного механизма, пережитками отношения отчуждения в социальной, политической и духовной жизни). Во-вторых, противоречиями нарождающегося мира креатосферы с его конфликтами между творческими личностями, между общественными союзами, борьбой за возможность получить интересный, наиболее уважаемый труд и многими другими, которые сейчас трудно представить. В-третьих, это будет система противоречий между сохраняющимися механизмами отчуждения и нарождающимися отношениями «царства свободы».

Этот комплекс противоречий будет образовывать сложный клубок, требующий постоянного демократического разрешения. Именно в силу этой сложной внутренней и внешней противоречивости социализм мыслится нами как эпоха *нелинейного* перехода к «царству свободы». Социализм будет не только обладать потенциалом движения вперед, но и содержать в себе реальные возможности регресса, реверсивного движения к миру отчуждения. В нём будут содержаться постоянные угрозы скатывания в тупик бюрократизма или возврата назад, на дорогу капиталистической эволюции.

В ближайшем будущем надеяться на наиболее благоприятное сочетание объективных условий для успехов социализма в интернациональном масштабе сомнительно. Да и субъективный фактор — наличие достаточно сильных социальных движений, объединяющих трудящихся и граждан на принципах свободной и добровольной ассоциации, — пока ещё также развит довольно слабо. Но крот истории знает своё дело, а автор отнюдь не принадлежит к числу исторических пессимистов...

В.Н. Миронов
Трагедия Октябрьской революции

Первая группа вопросов, которые находятся в центре моих научных интересов, связана с природой строя, возникшего в СССР и в ряде других стран «реального социализма». Генезис этого строя, рожденного великой русской революцией, уходит своими корнями в Столыпинскую реформу начала 1900-х годов. Суть реформаторских усилий Столыпина заключалась в форсированном разрушении крестьянской общины с целью капиталистического преобразования аграрных отношений. Однако она явила собой вопиющий пример того, как не следует проводить реформы. Ее совершенно нежеланным результатом было ускоренное расслоение крестьянства, беднейшие слои которого оказались вытолкнутыми в большие города и составили ту самую пролетарскую массу, совершившую три русские революции (1905–1917). Ленину принадлежит мысль: если бы реформа Столыпина удалась, то никакой революции не было бы.

Гораздо позже, в начале 1920-х годов, Ленин совершит крутой поворот «во всем нашем взгляде на социализм». Однако выражение «рыночный социализм» имеет не больше смысла, чем выражение «деревянное железо», и отражает собой человеческую, слишком человеческую попытку доделать недоделанную капитализмом работу. Однако нэпманская экономика вошла в антагонистическое противоречие с коммунистическо-пролетарской властью, которая — усилиями Сталина и его Политбюро — задушила бурно развивающийся капиталистический уклад. К концу 20-х годов становилось ясно: еще один-два года нэпа — и Советская власть будет опрокинута. Особую угрозу ей представляло разрушение крестьянской общины под влиянием нэпа. Она неудержимо расслаивалась на богатых кулаков и бедноту, которая выталкивалась в большие города и впоследствии

составила социальную базу сталинизма. По сути, нэп в точности воспроизводил социальные последствия столыпинской реформы, также расколовшей крестьянскую общину и втолкнувшую в города миллионы крестьян, составивших социальную базу Октября. Произошло как бы второе еще более радикальное издание Октябрьской революции. Оседлав пролетарский протест против капитализма, Сталин и его группы развязали вторую гражданскую войну, важнейшим шагом которой стало установление специфической антагонистической формации. Да, в СССР и других социалистических странах были почти физически уничтожены классы и утвердилось бесклассовое общество. Роль денег была сведена до минимума. Они перестали быть мерилom человеческой ценности. Но при этом общество оказалось глубоко иерархизированным: в нем выделились высшая партийная номенклатура, технократия, армейская верхушка и т.д., которые в силу своего статуса обладали монополией на власть и привилегии. Именно бюрократия захватила власть. Вместо социализма в странах «реального социализма» неотвратимо складывался, по определению Карла Маркса, азиатский способ производства, сродни деспотиям, господствовавшим в Древнем Египте, Месопотамии и т.д. Поистине прав Ницше, что новое входит в мир поначалу в искаженном и карикатурном виде.

Трагедия Октябрьской революции состояла в том, что изначально по своим движущим силам, своей природе и своим глубинным тенденциям она была вполне социалистической, то есть нацеленной на выход за пределы антагонистической формации, но строй, который утвердился в ее результате, практически не имел ничего общего с социализмом в марксистском понимании этого термина. Мощи Октябрьской революции, реально уничтожившей капитализм, все-таки не хватило, чтобы пробиться к социалистической формации. Это был удивительный гибрид на уровне идеологической и культурной надстройки — вполне социалистическое общество, которое осознавало себя в терминах свободы и равенства. По своему вектору революция была нацелена на выход за пределы экономической метаформации (рабовладение — феодализм — капитализм), то есть типов обществ, структурированных по оси собственности. На деле же был реализован регрессивный срыв к такой политической формации, при которой общество структурируется по оси власти. Иными

словами, в СССР и других социалистических странах, по сути, сложился однотипный азиатский способ производства, который с учетом более высокой технологической основы можно определить как этатистско-бюрократический. К сожалению, Ленину были неизвестны экономические рукописи 1857–1859 годов, где собственно и разрабатывается концепция «азиатского способа производства». Эти рукописи были опубликованы через много лет после его смерти. Однако ему хорошо была известна эта проблематика. В дискуссии с Р. Люксембург он признает, что в дореволюционной России долгое время господствовал строй азиатского деспотизма: «Всем известно, что подобного рода государственный строй обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации»¹. Его суть — тотальное поглощение государством всего гражданского общества (по теории Маркса при социализме должно быть как раз наоборот).

Удивительно, насколько точно Ницше предугадал грядущий образ отсталого социализма: «Социализм есть фантастический младший брат почти отжившего деспотизма, которому он хочет наследовать; его стремления, следовательно, в глубочайшем смысле реакционны. Ибо он жаждет такой полноты государственной власти, которой обладал только самый крайний деспотизм, и он даже превосходит все прошлое тем, что стремится к формальному уничтожению личности; последняя представляется непомерной роскошью природы, и он хочет реформировать ее, превратив ее в целесообразный орган коллектива». Социализм «нуждается в такой верноподданнической покорности всех абсолютному государству, какая еще не существовала на селе; и так, как он же не может рассчитывать на старое религиозное благоговение перед государством, то ему остается надеяться на краткое и случайное существование с помощью самого крайнего терроризма».² Устанавливается тотальный контроль над всеми сферами жизни: от экономики до сексуальных отношений и образа мыслей. Это общество структурировалось на социальные

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 266.

² Ф. Ницше. Соч. в 2-х т. Т. 1. С. 446–447.

группы, обладающие монополией на государственную власть (бюрократия, в терминологии Джиласа — новый класс), и группы, лишённые всякого доступа к государственной власти (коммунитарият). Полное огосударствление собственности было, в сущности, противоположно реальному обобществлению и оборачивалось сосредоточением собственности в руках бюрократии. Причем ее господство становилось максимально анонимным: кто, например, может сказать, кому принадлежит московское метро? Ясно, что бюрократия затемняет факт владения с тем, чтобы выдавать себя за слугу народа. Собственность растворялась во власти, которая, пронизывая общество сверху донизу, превращала общину в материально-организационную форму бюрократической формации. Именно так появилась коллективизация, возродившая общину в форме колхозов и совхозов. Более того, сама структура общины была экстраполирована на все общество: общинный характер имели не только «социалистические предприятия» в промышленности, но и творческие союзы, профсоюзы и парторганизации.

Крайне любопытно, что в революциях происходит реставрация давно минувших укладов — таким укладом как раз и была община. В итоге, как констатировал Троцкий, «бюрократия победила не только левую оппозицию. Она победила большевистскую партию. Она победила программу Ленина, который главную опасность видел в превращении органов государства «из слуг общества в господ над обществом». Она победила всех этих врагов... не идеями и доводами, а собственной социальной тяжестью. Свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции. Такова разгадка советского Термидора!»¹

Коренной вопрос марксистской теории — почему все ранние, «социалистические» революции XX века вырождались в тоталитарные режимы? По-видимому, потому что главной движущей силой в этих революциях (от Советской России до КНР и Кампучии) было крестьянство, которое отчаянно сопротивлялось разрушению общины под натиском либерально-индустриального уклада. Сегодня можно констатировать, что крестьянство утратило свою реакционную

¹ Л. Троцкий. Преданная революция. В кн.: Перманентная революция. М., 2005. С. 199.

роль. Теперь тон в революционной борьбе задают креативные классы. Становится ясно, что не производительностью труда или новейшими технологиями новый строй превзойдет капитализм. Старый строй рухнет, потому что человеческой свободе стало тесно в его рамках. Новый строй побеждает новой мерой свободы. Уже в 1930-е годы псевдосоциализм начал компрометировать саму идею социализма. Однако подлинно народный классовый характер революции отодвинул гибель Советского Союза и социалистического лагеря еще на полвека. Мировой социализм спасло тогда поистине человеческое чудо: люди оказались участниками величайшего в истории строительства. Они воочию видели, как на глазах меняется некогда отсталая страна, превращаясь в мировую сверхдержаву. И в жизни каждого человека происходили разительные перемены. Ленинский лозунг: «Мы научим каждую кухарку управлять государством»¹ реально воплощался — кухаркины дети становились маршалами и академиками, народными артистами, признанными поэтами. Достоянием всех было бесплатное образование, здравоохранение и отдых. Но советский строй давал даже больше: он давал каждому ощущение великой борьбы за другой мир, ощущение штурмующего небо деятеля, от которого зависят судьбы истории. У десятков миллионов людей появилось Общее Дело, за которое они были готовы отдать жизнь. Именно это радикальное раскрепощение масс придавало широкую народную поддержку сталинскому деспотизму и порождало ощущение того, что в СССР строится социализм. Слова великого пролетарского гимна: «кто был ничем, тот станет всем» — реально воплощались в жизнь. Именно благодаря этому мироощущению народы СССР одержали победу в самой жестокой войне XX века, в войне против фашистской Германии.

Нынешний уровень развития социальной теории не позволяет определить, поддаются ли в принципе реформированию политические формации или же возможен лишь их крах, ведущий к реставрации капитализма. Роковой причиной краха СССР и антикоммунистических революций в Восточной Европе стало маразматическое состояние, в которое был ввергнут марксизм.

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 316.

Кризис марксизма

Как могло случиться, что лучезарная теория освобождения, каковой был марксизм, оказалась низведена на уровень совершенно выхолащенного оправдания свирепого сталинского деспотизма? Как получилось, что почти 70 лет именем Маркса были пролиты потоки крови, совершены чудовищные преступления и создана страшная репрессивная система, превратившая общество в ГУЛАГ? Наконец, почему и как «штурм неба» (любимое марксово выражение) обернулся котлованом ада?

Вопрос о вине пророка — мыслителя, выступившего с радикальной интеллектуальной инициативой, можно адресовать не только Марксу. Вполне законен вопрос: а насколько ответственен Христос за насилие крестовых походов и ужасы инквизиции или Ницше — за ужасы гитлеризма?

Маркс, как никто другой в истории, понимал силу идей, которые овладевают людьми. Ведь идейная инициатива развязывает колоссальную энергию и активность больших человеческих масс. И тогда они начинают творить новую реальность (в полном соответствии с девизом: «Главное — не объяснить мир, а переделать его»). На мой взгляд, Маркс несет ответственность за то, что он не инкорпорировал в свою теорию систему страховки против ее превращения в идеологическое оправдание свирепой тоталитарной власти. Маркс предсказывал, что в России революция задавленных гнетом людей будет страшной, жесткой и предельно насильственной. А какой иной могла быть революция в стране, где на протяжении 400 лет подавляющее большинство населения было рабами, которыми торговали, как лесом или пенькой? Октябрьская революция была жестоким восстанием самых низших классов общества, кого Достоевский называл «униженными и оскорбленными».

Однако открытое революционное насилие эпохи гражданской войны совершенно меняет свою природу при сталинском режиме: оно превращается в тайный ночной террор полицейского государства, главной функцией которого становится создание атмосферы парализующего страха. И освящением этого террора явился марксизм. Почему? Я убежден, что главной причиной превращения величайшей теории освобождения в идеологическое освящение ста-

линского деспотизма стала своего рода роковая болезнь марксизма, пораженного метастазами гегелевской идеологической диалектики. Высокомерие диалектики начинается тогда, когда она забывает о том, что она лишь набор логико-полемиических приемов, и выдает себя за онтологию. Немецкий философ Питер Слотердайт пишет, что диалектике «бесспорно удалось вторгнуться в сферу онтологии, она пытается овладеть всем сущим, как своей вотчиной. Она тем самым превращает космос во всеохватывающий «диалектический процесс» — так, как будто он есть не что иное, как противоречивый феномен... С этим онтологическим раздуванием диалектики в самое большое системное образование истории европейской философии был достигнут пункт, после которого становится неизбежным ответный удар.

«Идущая от Просвещения, подкрепленная Гегелем, затем воспринятая и видоизмененная марксизмом традиция привела в советские времена к значительной интеллектуализации и философии, и духовной культуры в целом, что их, безусловно, обеднило»,¹ — пишет Владимир Келле.

Постмодернизм утверждает иную логику, в которой вводятся в качестве необходимых элементы иррационализма и пралогического мышления.

Судьба гегелевской системы, которая кажется нам из исторического далека призрачными руинами идеалистической метафизики, достаточно ясно обрисовывает возникшую необходимость поворота.² Главный практический аргумент, который Слотердайт выдвигает против диалектики, состоит в том, что она «заканчивает спор диктатором победителя, тем самым она, как и прежде, вмешивается в происходящую борьбу... на стороне власти и господствующего сознания: она усиливает позицию власти в столкновении верхов и низов... Получается результат достойный иронии: позитивные диалектики от Платона до Ленина действуют на практике как помехи для того, что они сделали своей темой, — как помехи для... примирения про-

¹ В. Келле. Марксизм и постмодернизм // Альтернативы, 2006. № 3. С. 9.

² П. Слотердайт. Критика цинического разума. Екатеринбург.: 2001. С. 411, 412.

тивоборствующих сторон (в синтезе)»¹. Маркс действительно пытался освободить диалектику от идеализма. Он первым увидел экономику и политику как предмет для философской рефлексии. Тем самым он предельно демистифицировал философию, введя в сферу философского анализа общественную деятельность.

Марксизм — первая постметафизическая философия. Второй хронологически стало ницшеанство, а третьей — фрейдизм. Однако в марксизме сохранилось внутреннее противостояние и коллизия между метафизикой и ее порождением — диалектикой. В разные исторические периоды на первый план выходило то или иное начало этого противоречия. Именно поздний Энгельс несет ответственность за реметафизацию марксизма, навесив на него метафизический такелаж вроде «основного вопроса» философии, «диалектики природы» с ее тремя противоречиями, «восхождением от конкретного к абстрактному», единства логического и исторического и т.д. Однако ему так и не удалось это довести до конца, что впоследствии дало основание его эпигонам превратить его теорию в инструмент диктатуры. Лишь через сто лет после смерти Маркса по диалектике был нанесен ответный удар усилиями яркой группы постмодернистов: Ф. Фуко, Ф. Лиотар, Ж. Делез, Ф. Гваттари, А. Негри, Ж. Деррида, Ф. Джеймисон. Именно эти философы разработали мощный антидиалектический инструмент. Они, по сути, проделали с марксизмом обратную работу по отношению к той, каковую проделали с ним Ф. Энгельс с его «Диалектикой природы» и И. Сталин с его «Проблемами ленинизма» и «Кратким курсом».

Наступление на диалектику было развернуто по трем направлениям.

Во-первых, диалектика — это мышление оппозициями. Догматизированный марксизм, а именно таков сталинский марксизм, предельно абсолютизирует и противопоставляет друг другу бинарные оппозиции и противостояния. В итоге мы не можем вырваться за рамки диалектических пар, например буржуазии и пролетариата.

Во-вторых, крупнейший изъян диалектики — гипертрофирование противоречий, доведенное до предела в сталинскую эпоху. Абсолютизация противоречий блокирует мышление целостными ком-

¹ Там же. С. 415.

плексами в стиле Гераклита и досократиков, когда противоречия преодолеваются и интегрируются в более высокое единство.

В-третьих, диалектика абсолютизирует категорию субъекта. Наше мышление, противопоставляя субъекта объективному положению вещей, волей-неволей гипертрофирует объективную реальность. Ведь картезианско-гегелевский субъект является идеальным носителем платоновско-христианского логического мышления, автоматически переносящего диалектические законы, которым оно подчинено, на мир онтологии.

Кроме того, диалектика в сути своей теснейшим образом связана с идеализмом, с миром трансцендентных идей, что составляет ядро метафизики. Термин «материалистическая диалектика» звучит как «деревянное железо». Не в этих ли изъянах марксизма причина того, что теория лучезарного освобождения была извращена и превращена в инструмент жесточайшего угнетения? Иначе говоря, не несет и именно идеалистическая диалектика ответственность за то, что марксизм был превращен в идеальную обслугу тоталитарных режимов? И не было ли попыткой неомарксистов Франкфуртской школы вырваться за пределы метафизики, предложив негативную диалектику?

Блестящий опыт беспощадной критики диалектики демонстрирует Жиль Делез в книге «Ницше и философия». Он показывает, что диалектика порождена рабским, рессентиментным сознанием, пронизанным духом мстительности, затаенной обиды и беспомощности. Она была изобретена Сократом, оформлена Платоном и освящена Христом, чтобы духовно оправдать униженное положение рабов, а затем примирить их с этим положением. В этом собственно и состоит искусство диалектики, искусство вскрывать противоречия.

Важнейшее достижение постмодернизма — упразднение метафизического субъекта, наделенного логическим мышлением и нечистой совестью. Первый сокрушительный удар по диалектике субъекта нанес Ницше, возвестивший о смерти Бога. Подрыв идеи Бога, которая метафизически структурировала последние 25 веков весь человеческий мир, открывает дорогу к следующему шагу, который сделал Фуко, провозгласивший смерть платоновско-христианского, метафизического человека. И наконец, окончательный удар наносит Делез, постулируя смерть субъекта.

С этой третьей смертью исторически исчерпывает себя диалектика — логическое мышление оппозициями и противоречиями, имманентно ценностное, то есть ранжирующее мир по шкале добра и зла. Наконец, метафизика заставляет человека искать во всяком своем действии смысл. Однако уже Ницше провозгласил еще в прошлом веке: «Жить так, чтобы не было в жизни смысла, — вот, что становится теперь смыслом жизни»¹. Отныне «нет ничего истинного, все позволено». Открывает эпоху постмодерна ницшеанская фраза: «... ценность истины должна быть однажды экспериментально поставлена под вопрос...»² Постмодернизм взрывает большую триаду Истины, Добра и Красоты, которая скрепляла мир смыслом. Видимо, именно из-за этого разрушения этой большой триады многие не приемлют постмодернизм.

Интерпретируя знаменитую формулу Гераклита «Жить смертью, умереть жизнью», французский философ Эдгар Морэн по существу реализует деконструкцию диалектики и демонстрирует необходимость в сверхчеловеческом мышлении: «... сложная мысль требует уйти от альтернативы, которая устраняет одну из частей противоречия, сохраняя другую. ... Нильс Бор, такой же великий титан научной мысли, как и Эйнштейн... говорил, что противоположно глубокой истине не ошибка, но другая глубокая истина. Он пришел к такому результату на основе микрофизических экспериментов, которые показали, что частица ведет себя то как нематериальная волна, то как индивидуализированная корпускула. Необходимо поэтому допустить логическое противоречие, которое позволило бы признать сложность частицы. Интеграция и конфронтация противоречий, которые составляют мой способ мыслить, имеют таким образом как философский, так и научный источник. А также литературный источник, в частности, Достоевский. О Ставрогине он пишет: «Когда он верит, он не верит, что он верит. А когда он не верит, он не верит, что он не верит»³.

¹ Ф. Ницше. Собр.соч. в 2-х т. Т. II. С. 61.

² Там же. С. 517.

³ E. Morin. *Ze systeme planetaire est condamne a la mort on a la transformation*. *Liberation*. N° 7845. 29 et 30 juillet 2006. P. 26–27.

Марксизм XXI века

Славой Жижек, выдающийся словенский философ-марксист, говоря о Фредерике Джеймисоне, отметил, что в теории случаются чудеса. Именно Джеймисон сотворил чудо, соединив марксизм с наивысшими достижениями постмодернизма и французского структурализма. Я полагаю, что без апроприации марксизмом всех достижений новейшей философской мысли (в том числе и постмодернистской) невозможно выработать марксистскую концепцию социализма XXI века.

Жан-Поль Сартр утверждал, что марксизм нельзя преодолеть, ибо еще не сложились условия, при которых возможно его преодоление. Мартин Хайдеггер, которого отнюдь не заподозришь в симпатиях к марксизму, считал, что марксизм стоит выше всех социальных теорий, потому что увязывает в единое целое движение истории и сущность человека. Ленину принадлежит мысль, что с каждой новой исторической эпохой будут меняться и формы марксизма. Я полагаю, что диалектика не является содержательным ядром марксизма и что гегельянская форма марксизма является исторически преходящей. Именно преодоление диалектики сделает марксизм тем, чем он был для Ленина и Грамши, — философией практики, философией прямого политического действия.

Сегодня мы нуждаемся в перемене нашего взгляда на марксизм. Нам необходимо отказаться от многих традиционных левых догм, которые уже обветшали. Например, сегодня любая система советов, фабзавкомов и тому подобное, выстраиваясь в жесткую иерархию, неизбежно ведет к авторитаризму и даже сталинизму. Ей может противостоять лишь низовая сеть, которая возникает в каждой деревне, городе и таким образом противостоит централизованной власти. Перед марксистами стоит задача соединения марксизма с новейшими философскими достижениями. Я хотел бы подчеркнуть то фундаментальное обстоятельство, что феномен отчуждения в марксизме, явление ressentiment в нищесте и теория невроза у Фрейда — грани различных аспектов бедственного положения человека в современном мире. В начале XXI века мы должны воздать должное трем мыслителям, чье творчество заложило предпосылки нашего возможного освобождения. Если Фрейд показал нам пути освобож-

дения нашей психики, а Ницше — освобождения нашей культуры, то Маркс указал нам пути эмансипации нашей экономической деятельности. По-видимому, все эти три концепта — отчуждение, ressentiment и фрейдовское явление вытеснения — требуют увязывания в единую критическую теорию.

Сегодня очевидно, что капитализм стимулирует в человеке самые низменные инстинкты: стяжательство, страсть к наживе, зависть, корысть, эгоизм. Человек полностью превращен в придаток к технологиям, развитие которых все в большей мере порабощает его, навязывая ему все новые и новые потребности. В этой логике капиталистического господства и скрывается глубинная динамика господства — подчинения. Только преодолев эту динамику, человечество может прорваться в сферу, где отношения обмена сменяются отношениями Дара.

Сегодня очевидно, что мирная эпоха, наступившая после Второй мировой войны, заканчивается. Человечество подошло к радикальным тектоническим сдвигам. Быть готовым к этим сдвигам — задача революционеров XXI века.

С. С. Дзарасов
Переосмысление социализма XXI века

Введение

Означает ли крах советского коммунизма (социализма), что капитализму альтернативы нет и быть не может, следовательно, в дальнейшем надо отказаться от всяких попыток создания конкурентоспособной ему общественно-экономической системы? Именно такой вывод делает современная либеральная мысль из факта развала СССР и мировой системы социализма.

Но такой ход мыслей может казаться верным лишь на первый взгляд. В действительности все гораздо сложнее. Конечно, если иметь в виду советскую модель социализма, которая представляла собой однопартийный тоталитарный режим с одной государственной собственностью и командной экономикой, то она потерпела такое поражение, которое действительно следует считать перевёрнутой страницей истории. Но Книга истории продолжается, и в ней много новых страниц, полных разного рода неожиданностей.

Такой неожиданностью для либеральной концепции является, в частности, провал неоклассической модели капитализма в странах бывшего Советского Союза. В рамках этой модели вместо национального возрождения и прогресса произошел небывалый в нашей истории спад экономики. Мы только после 16 лет реформ достигли советского уровня ВВП, и то лишь по общему показателю, а не по его структурному составу. Это значит, что за годы реформ мы догоняли сами себя. Мы позволили уйти вперед тем, от которых мы теперь сильно отстали как в технико-экономическом, так во многих других отношениях.

Об окончательном поражении социализма можно было говорить, если бы вместо этого ситуация была противоположной. Если бы мы после отказа от социализма на всех парах устремились вперед и достигли вершин научно-технического прогресса и народного благосостояния, которые раньше (при социализме) нам не светили. Но ведь ничего подобного нет. Есть прямо противоположное. С отходом от социализма мы только закрепили свое отставание от развитых стран, и упущенное едва ли теперь можно наверстать.

Происшедшие за годы реформ изменения в области перераспределения национального богатства, когда захватившие их не озабочены ничем другим, кроме собственного обогащения, оставляют мало шансов на этот счет. Число долларовых миллионеров и миллиардеров непрерывно растет, а жизненный стандарт основной массы населения опустился до уровня прожиточного минимума или ниже. В рамках принятой нами модели экономики независимая в прошлом вторая индустриальная держава мира превращается в периферию мирового капитала, за которой закрепляется роль поставщика энергоресурсов развитым странам Запада.

Поскольку в рамках капитализма ситуация в экономике и социальной сфере постсоветских государств изменилась не к лучшему, а к худшему, это надо рассматривать как свидетельство краха неоклассической модели капитализма. Это кажется достаточным основанием для вывода о **необходимости альтернативной капитализму модели развития**. В пользу этого вывода говорит и наблюдаемый нами исторический опыт. Мы имеем в виду чудо высоких темпов экономического роста и народного благосостояния в условиях таких некапиталистических стран, как Китай и Вьетнам. Если капитализму не может быть альтернативы, как нас уверяет либеральная идеология, то почему эти страны вот уже в течение четверти века показывают более высокие, чем у других, показатели роста?

На основании сказанного делаем вывод, что крах советской модели социализма не означает исчезновения альтернативы капитализму. Сегодня эта альтернатива существует в другом, более успешном китайско-вьетнамском варианте социализма. Более того, многие страны и народы, например ряд стран Латинской Америки, испытав все прелести капиталистического пути развития и не найдя счастья на этом пути, мечтают о социалистическом выборе. Это говорит о не-

искоренимости социалистической альтернативы капитализму. Иначе быть не может, пока есть капитализм, есть и порождаемые им проблемы и противоречия, решение которых возможно альтернативным капитализму путем. Таким выступает социалистический выбор.

С крахом советской модели социализма идея альтернативного выбора не может умереть. Эта идея имеет, в частности, в России много приверженцев, глубоко разочарованных негативными последствиями преобразования социализма в капитализм. Авторами этого направления в России опубликована значительная литература по различным аспектам теории и практики социализма¹.

Значительная часть российских интеллектуалов, которые интересуются теорией и практикой социализма, группируется вокруг издаваемого профессором Московского университета А.В. Бузгалиным журнала «Альтернативы», на страницах которого постоянно обсуждаются эти вопросы.

В предлагаемой работе также рассмотрены теоретические положения, которые, по мнению автора, говорят в пользу необходимости социалистической альтернативы капитализму. Социализм, охвативший в XX веке почти треть человечества, не кажется нам случайным зигзагом истории. Поверхностный взгляд на социализм концентри-

¹ Бузгалин А.В. Социализм: уроки кризиса // Альтернативы, 1994. № 2; Бузгалин А.В. Россия: мутация капитализма как продукт полураспада мутантного социализма // Альтернативы, 2000. № 2; Бузгалин А.В. и Колганов А.И. Теория социально-экономических трансформаций. М., 2003; Бузгалин А.В. и Колганов А.И. Сталин и распад СССР. М., 2004; Бузгалин А.В. Ренессанс социализма. М., 2007; Бузгалин А.В. И Колганов А.И. Социализм после «социализма» // Альтернативы, 2007. №4; Воейков М.И. Споры о социализме. М., 1998. Воейков М.И. Политико-экономические эссе. М., 2004. Воейков М.И. Уроки «государственного социализма»: пересмотр идейно-теоретической концепции // Альтернативы, 2006. № 4; Грецкий М.Н. Был ли социализм? // Альтернативы, 1994. № 2; Клоцвог Ф.Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. М., 2005. Межуев В.М., Славин Б.Ф. Диалоги о социализме. М., 2001. Славин Б.Ф. Социализм и Россия. М., 2004.

рует все свое внимание на его недостатках и поражении. Более глубокий взгляд, помимо негативного, находит в опыте социализма немало положительного. А.В. Бугалин и А.И. Колганов по этому поводу пишут, что «опыт СССР с его дефицитом и ГУЛАГом и т.п. преступлениями перед народом, с одной стороны, великой культурой, наукой, образованием, энтузиазмом миллионов и другими вехами на пути к царству свободы — с другой, в чем-то подобен опыту ренессансной Италии, с её инквизицией, гражданскими войнами и Высоким Возрождением. И в том, и в другом историческом прецеденте попытки перейти к новой системе (в первом случае — социалистической, во втором — капиталистической) сопровождались чудовищными мутациями (войны, политический и идеологический террор) и закончились поражением. Однако без Ренессанса не было бы ни культуры, ни экономики Нового времени. Не будет и социализма будущего, пренебрегающего опытом мировой социалистической системы»¹.

Социализм мы рассматриваем как закономерное требование народов, для которых капитализм по экономическим и социальным причинам менее эффективен. Главную причину поиска социалистической альтернативы капитализму мы видим не в безумии делающих такой выбор народов, а в специфике их культуры и менталитета, в соответствии которыми они имеют иное представление о достойной жизни и социальной справедливости. В западной культуре разумный эгоизм считается не грехом, а проявлением естественного права человека на жизнь и свободу. Со времен Реформации индивидуум с его правами и свободами утверждался в общественном сознании как главная ценность природы и общества. Поэтому неслучайно идеал социальной справедливости в буржуазную эпоху усматривался в принципе *laissez faire*, т. е. в капиталистической конкуренции, результатами которой определяется истинная ценность деяний человека.

В восточной культуре при всех громадных различиях между исламом, православием, буддизмом и конфуцианством эгоистический интерес человека не считается движущей силой общества и не ставится в центр внимания. Но если все-таки по западной манере задать вопросом о ценности человека в восточной традиции, то она там определяется скорее его верностью священному делу, которое,

¹ Альтернативы, 2006. № 4. С. 6.

конечно, в каждом случае трактуется по-особому. Но ни в каком случае степень удовлетворения личных (эгоистических) интересов человека не признается высшим смыслом его жизни и мотивов поведения. В этом мы усматриваем причину того, что мы собираемся показать ниже, — экономический и социальный прогресс на Востоке утверждался по модели, глубоко отличной от модели западного капитализма. И раньше, и теперь Восток искал и продвигался к вершине своих успехов глубоко отличной от Запада дорогой.

Исходным для западной модели прогресса выступает отдельный человек или фирма. Если с этим всё в порядке, то остальное, мол, устроится само собой. Отсюда известная формула: что хорошо для «Дженерал Моторс», то хорошо для Америки. Исходным для восточной модели, какой бы она ни была в своем конкретном варианте, является общественный идеал, осуществление которого способно сделать человека счастливым. Уже по одной этой причине модель *laissez faire* не может быть пересажена с западной на восточную почву.

В силу сказанного проблема социализма в XXI веке решается совсем иначе, чем раньше. Произошел коренной сдвиг в осевой линии мирового развития, и это меняет подход к проблеме социализма. Свой подход к этому мы постараемся детальнее показать в первом параграфе работы. Вместе с тем во второй половине XX века произошел также отказ капитализма от принципа *laissez faire*, и это ставит нас перед необходимостью выбора альтернативной модели развития. Этот вопрос рассматривается во втором параграфе. В третьем и четвертом параграфах рассматриваются различные аспекты того изменения осевой линии мирового развития, о котором говорилось выше. В них мы попытались определить, что означает то, что вместо прежнего раскола мира на две системы XXI век характеризуется расколом мира на страны центра и периферии. Там речь идет о том, что неравноправие этих отношений выдвигает на первый план необходимость перестройки международных экономических отношений с учетом интересов не только развитых, но и периферийных стран. В пятом параграфе этот вопрос углубляется путем анализа того, как прошлая периферийность России повлияла на её социалистический выбор.

Особое значение имеет шестой параграф, посвященный японо-китайской модели экономики, на примере которой раскрывается свойственная странам Юго-Восточной Азии **планово-рыночная мо-**

дель. Альтернативная по отношению к *laissez faire*, она, во-первых, наиболее полно учитывает специфику этих стран; во-вторых, сводит к минимуму недостатки рынка и плана и наиболее эффективно сочетает их достоинства. На наш взгляд, по этим причинам в странах Юго-Восточной Азии, хотя и по-разному, но возобладала альтернативная западному капитализму модель развития.

1. Отличие социализма XXI века

На наш взгляд, социализм XXI века выступает в существенно иной форме и, как видно, будет развиваться по другой исторической магистрали, нежели это было до сих пор.

В XIX веке осевой линией исторического развития были отношения между буржуазией и пролетариатом в каждой капиталистической стране. Данный Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом манифесте» (1848), а затем в «Капитале» (1867) анализ этих отношений исходил из презумпции единства интересов рабочего класса во всех странах, выражением чего стало вначале Международное товарищество рабочих (I Интернационал), а затем II Интернационал. Но Первая мировая война внесла существенные коррективы в первоначальное марксистское представление. Национальные интересы рабочих в разных странах оказались сильнее их интернациональных классовых интересов, и вопреки призывам левого крыла социал-демократии рабочие поддержали правящие режимы своих стран в войне друг против друга. Если бы марксистская оценка силы интернационального единства рабочих всех стран была верна, то рабочие всех стран уклонились бы от мировой войны и она не могла состояться.

Однако, потерпев поражение в одном, идея социализма одержала победу в другом — в России произошла социалистическая революция. Тем самым осевая линия мирового развития переместилась в плоскость борьбы между капитализмом и социализмом. Она заполнила всю историю XX века, в особенности его второй половины, когда социализм превратился в мировую систему. В результате противостояние между двумя общественно-экономическими системами приняло самые разнообразные формы, общим названием которых стала «холодная война».

К исходу века в этой войне победу одержал капитализм, и возникла новая ситуация. Победа капитализма над социализмом в «холодной войне» проложила новую осевую линию в мировом развитии. Она открыла перед наиболее развитыми странами («золотым миллиардом») небывалые до тех пор возможности своей экспансии, легализованной под названием глобализации, которая на деле означает установление господства развитых стран над ресурсами всего мира и тем самым над менее развитыми странами. Иначе говоря, вместо прежнего раскола мира на капитализм и социализм история выдвинула другую линию раскола — на центр мирового капитала и его мировую периферию.

Мы считаем, что соответственно должен измениться также взгляд на проблему социализма в мире. Смысл социализма всегда усматривался *в освобождении угнетенных от власти угнетателей и предоставлении всем гражданам равных прав на материальные и духовные блага и доступа к ним*. В XIX веке за эту цель боролись путем революционной замены господства буржуазии господством пролетариата, который считался носителем этого идеала. В XX веке на эту проблему смотрели с точки зрения отношений капитализма и социализма, поскольку тогда носителем этого идеала, — верно или неверно — считался реально существовавший социализм.

Однако поражение советской модели социализма существенно меняет первоначальные представления о том, как на практике может быть осуществлен идеал социальной справедливости. Реальный социализм XX века лишь частично смог реализовать этот идеал путем предоставления гражданам определенных социальных гарантий. Но реальный социализм не обеспечил гражданам необходимые права и свободы для творческой деятельности. Вместо этого он создал и задействовал колоссальный бюрократический аппарат для ограничения и преследования всех недозволенных видов деятельности.

Подобное ограничение свободы придало социализму такие пороки, которые в итоге привели к его гибели. Во-первых, происходило идейное загнивание системы: новые идеи с порога отвергались. Во-вторых, вместо ротации и обновления руководящих кадров происходило их закрепление путем предоставления им разного рода привилегий материального и морального характера. Со временем доступ к этим привилегиям полностью подменил идеал общественного слу-

жения и тем самым был заложен потенциал перерождения общества из социалистического в капиталистическое. В-третьих, пропасть между бюрократическими верхами и народными низами все более углублялась, что закончилось полной потерей доверия к власти со стороны тех, кому она по праву должна была принадлежать.

Таким образом, существовавший в социалистических странах политический режим, ограничивший права и свободы граждан, изолировавший страну и граждан от остального мира, установивший безраздельное господство одной лишь государственной формы собственности и бюрократически функционирующую командную экономику себя дискредитировал. Отказ от этого режима позволяет теперь сформулировать идеал социализма по-новому, в соответствии с реалиями XXI века.

При этом одно остаётся неизменным. Социализм по-прежнему нужен тем, кто страдает от капитализма. В XIX веке идеал социализма был нужен европейскому пролетариату для отстаивания своих интересов в борьбе против буржуазии, а в XX веке — странам социализма для защиты своих интересов на мировой арене. В XXI веке главные страдания от господства капитала выпадают на долю стран, которые принято называть периферией мирового капитала. Это, конечно, не значит, что рядовые граждане стран центра все одинаково удовлетворены всем тем, что у них есть. Но эксплуатация мировых ресурсов и неравноправная система торгово-экономических отношений в мире позволяют развитым странам извлекать такую выгоду из этих отношений, которая дает возможность поддерживать у себя более высокий уровень жизни населения. В результате интерес к социализму в развитых странах хотя и не исчез, но значительно ослаб.

Зато в периферийных странах интерес к социализму в XX веке сильно возрос, и в XXI веке тоже остается достаточно высоким. Именно они больше всего страдают от господства мирового капитала. В современных условиях перед лицом глобального наступления капитала на позиции периферийных стран (что в частности проявляется в согласованной политике развитых стран по подчинения периферийных стран своим интересам) последние могут противопоставить этому лишь собственное единство. Иначе говоря, прежний лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» должен быть заменен теперь новым — «Периферийные страны всех континентов, объединяй-

тесь!». Попытки объединения этих стран под флагом противодействия глобальному наступлению капитала в нынешних условиях, на наш взгляд, следует рассматривать как возрождение прежнего интернационализма в новых условиях и новой форме.

Опорой такого интернационального единства периферийных стран сегодня выступают Китай и Вьетнам. Они — реальная альтернатива капитализму, поскольку демонстрируют наиболее высокие темпы роста экономики и народного благосостояния и тем самым наиболее ярко воплощают сегодня подчиненность экономики осуществлению социальной справедливости. Подчиненность экономики цели удовлетворения потребностей населения — решающий фактор для вывода о том, какая общественно-экономическая система является более эффективной. На наш взгляд, — та, которая *в пределах достигнутого уровня развития производительных сил обеспечивает всему населению, а не только его привилегированной части, максимально возможную свободу и уровень благосостояния*. С точки зрения такого понимания социализм выступает уже не как некий принятый набор свойств (общественная собственность, власть рабочего класса в виде одной правящей партии, командная экономика и т.д.), а как общество социального равенства и справедливости, где один не может подчинять себе и угнетать другого.

Подобный поход к структурированию общества в корне меняет его капиталистические доминанты, в частности, ограничивает возможности беспрепятственного обогащения одних за счет других. Подобное ограничение власти одного над другим является главной причиной ненависти к социализму со стороны тех, кто не мыслит и не допускает существование общества вне своего господства. Между тем ценность любого общества, в том числе подлинность его демократизма, на наш взгляд, определяется не тем, какими благами пользуются некоторые, а тем, какими пользуются все.

С этой точки зрения, на наш взгляд, следует подходить также к определению эффективности экономики. Если, например, капитализм оценивать с точки зрения получения прибыли на единицу инвестированного капитала, то он показывает высокую экономическую эффективность. Но является ли это также социальной справедливостью? Иначе говоря, является ли высокая прибыль для одних также социальной справедливостью для всех?

В условиях капитализма, как мы его теперь воочию видим у себя дома, высокая эффективность достигается за счет социальной несправедливости, когда мясо срезают одним, а кости достаются другим. Ссылки на высокий уровень благосостояния населения в развитых странах не кажутся достаточно убедительными, поскольку такой уровень достигается за счет закачивания туда ресурсов из периферийных стран, в то время как оттуда ресурсы, наоборот, выкачиваются. По этой причине у периферийных стран нет шансов поднять благосостояние своего народа до уровня развитых стран.

Из сказанного, на наш взгляд, вытекает тот вывод, что проблема социальной справедливости в периферийных странах связана, во-первых, с их национальной независимостью и способностью поставить свои ресурсы на службу интересам своего народа; во-вторых, с такой моделью экономического развития, при которой ресурсы использовались, а национальный продукт распределялся в интересах всего населения страны.

Подобный подход противостоит неоклассической экономической теории, согласно которой получение наивысшей прибыли является показателем не только наивысшей эффективности, но и социальной справедливости. Преимущества основанной на принципе *laissez faire* рыночной экономики доказывается тем, что только в этой системе обеспечивается наиболее справедливое распределение продуктов. Спонтанно действующий рыночный механизм тем и хорош и совершенен, говорит эта теория, что в него вмонтирована социальная справедливость. «То, что выгодно для меня, — утверждает капиталист — то справедливо для всех».

Прибыль, утверждает неоклассическая ортодоксия, есть продукт капитала, а потому её получение капиталистом — справедливо. Зарплата является предельным продуктом труда, а потому её размер, определяемый механизмом рыночной конкуренции, автоматически устанавливается на самом справедливом уровне. Справедливо также, утверждает эта теория, деление работников на занятых и безработных. Безработные — это только те, кто не согласен работать за установленную рынком справедливую оплату труда, а следовательно, безработица является добровольной, и это тоже справедливо. Вы потому безработные, говорят им, что не соглашаетесь на честную ставку заработной платы, а потому вы сами сделали свой выбор и т.д.

Таким образом, получается, что капитализм — царств социальной справедливости. Беда только в том, что наёмных работников капитализм никак не может убедить в этом, а потому они устраивают различного рода забастовки и другие протестные выступления с различными экономическими, а то и политическими требованиями. Со временем эти выступления против капитализма, как известно, привели к социалистическим революциям и возникновению во многих странах альтернативного капитализму общественного строя с претензией на то, что он будет более справедливым.

К сожалению, эта претензия оправдалась далеко не полностью. Во многих важных отношениях, например, в обеспечении прав человека возникший социализм был менее справедливым, чем капитализм. Но в смысле фактического равенства граждан и распределения созданного продукта он был более справедливым. Хотя тот социализм, который был в СССР и других странах, не дал гражданам необходимые политические права, и это было главным пороком, но зато он обеспечил **всем** гражданам равные социальные гарантии, от чего капитализм в то время был еще очень далёк. Тем самым опыт реального социализма изменил понятие эффективности. Наряду с экономическим в неё был включен социальный компонент. Эффективность при социализме определялась не только прибылью на единицу инвестированного капитала, но и количеством создаваемых им рабочих мест и другими социальными благами, которые стали возможными благодаря иной системе распределения создаваемого продукта. Социальными гарантиями, а не прибылью на единицу капитала мировой социализм бросил опасный вызов капитализму.

До поры до времени этот вызов игнорировался. Но после Второй мировой войны, когда социализм превратился в мировую систему, а авторитет Советского Союза поднялся до небывалых высот, игнорировать этот вызов стало невозможным. Слишком много народов, особенно в колониальном тогда ещё мире, обратили взоры на заразительный опыт стран, вставших на социалистический путь развития.

Перед лицом угрозы дальнейшего ослабления авторитета капитализма и перехода на социалистический путь новых народов Запад изменил свое отношение к проблеме социальной справедливости. Он перестал полагаться на *laissez faire* и принял кейнсианскую концепцию регулирующей роли государства в экономике. Основной

целью такого регулирования стала борьба с безработицей и частичное принятие социалистической практики контроля над инвестициями, ценами и заработной платой.

Эти изменения настолько не соответствовали прежним представлениям, что породили дискуссию об изменении природы капитализма и его сближении с социализмом. Мы здесь не будем входить в рассмотрение этого вопроса, но признаем, что отличие от прежнего капитализма значительно. В странах развитого капитализма, составляющих по численности населения одну пятую часть мира, ушло в прошлое общество *laissez faire*, и ему на смену пришло кейнсианское «государство всеобщего благосостояния».

Тем самым, по крайней мере в отношении развитых стран, было признано, что «благосостояние» — не удел только удачливых избранных, а необходимость для всех. Но это опровергает приведенное выше утверждение ортодоксии, что справедливость вмонтирована в механизм рыночной конкуренции. Если бы это было так, то результаты конкуренции не пришлось бы поправлять. Но именно потому, что результаты конкуренции несправедливы, их приходится поправлять путем государственного регулирования доходов.

Итак, существование «государства всеобщего благосостояния» при капитализме — признание того, что капитализм сам по себе не может обеспечить социальную справедливость и ввиду этого не может быть безоговорочно принят всеми народами и странами, на чем настаивают его идеологи. В этом причина того, почему капитализм не вполне принимается за пределами стран «золотого миллиарда».

Ниже мы постараемся показать, что страны, отмеченные наибольшими темпами экономического роста в течение второй половины XX века, включая Японию и другие страны Юго-Восточной Азии, не говоря о Китае и Вьетнаме, по методам ведения хозяйства ближе к социализму, чем к капитализму. Их экономика очень далека от *laissez faire*, но очень близка или совпадает с той, которую мы называем **планово-рыночной**. В рамках не рыночной, а альтернативной модели экономики удастся обеспечить наиболее высокие темпы экономического роста и народного благосостояния.

К сожалению, этот вывод не получил ещё должного признания. Благодаря своему глобальному господству страны «золотого миллиарда» во главе США навязывают миру представление, что у капита-

лизма нет и не может быть альтернативы. Крах советского коммунизма придал этому положению видимость навсегда решенной истины. Однако историческая действительность оказывается более сложной. Поскольку проблемы и противоречия капитализма остаются, то остается и необходимость альтернативы капитализму.

Отмеченные ранее высокие темпы роста Японии и Китая и других стран Юго-Восточной Азии достигнуты на основе и в рамках альтернативной западной модели экономики, которую мы называем планово-рыночной ввиду высокой роли в этой модели государственного регулирования и планирования экономики.

Присмотревшись к опыту этих стран, можно заметить по крайней мере три принципиальных отличия от той модели экономики, которую Россия приняла по предложению западных стран. **Первое.** Ни одна из этих стран не поставила себя в зависимое от Запада положение и не является его сырьевым придатком. Наоборот, они выступают на мировом рынке как его конкуренты. **Второе.** Развитие этих стран ориентировано на освоение передовых технологий и поставку на мировой рынок изделий обрабатывающей, а не добывающей промышленности, как у нас. **Третье.** Плоды экономического прогресса достаются не только верхнему, но всем слоям общества, благодаря чему разрыв в доходах и уровне жизни между верхними и нижними слоями не увеличивается, а уменьшается. Экономический рост в этих странах направлен на обеспечение социальной справедливости.

Пока Россия остаётся в рамках принятой нами устарелой рыночной модели экономики, ни подобного роста экономики, ни подобной социальной справедливости, ей не видать. Рискую вызвать огонь на себя, скажу почему. Потому что в результате антинародных реформ она угодила в такую глубокую яму социальной несправедливости, откуда вылезти без крутых перемен в экономике уже невозможно.

Что я имею в виду? Отказ от предложенных нам Западом реформ, которые больше соответствуют его интересам, чем нашим. Судите сами. Мы переориентировали свою экономику с развития обрабатывающих отраслей на добывающие исключительно в интересах обеспечения энергоресурсами западных стран. Мало того, львиная доля получаемых от их продажи валютных средств остается за рубежом и используются для развития западной, а не нашей собственной экономики. А тем временем возросшая за годы реформ смертность

населения поддерживается на высоком уровне, а разрыв между бедными и богатыми всё более углубляется. В такой ситуации ни о какой социальной справедливости говорить не приходится.

«Государство всеобщего благосостояния», о котором говорилось выше, является уделом стран «золотого миллиарда», занимающих на мировом рынке господствующее положение и благодаря этому имеющих возможность использовать мировые ресурсы в собственных интересах. Почему Запад оказывает на нас сильнейшее давление и требует от нас подписания Европейской энергетической хартии? Потому что таким путем он хочет получить свободный доступ к использованию наших ресурсов, ничего не предлагая в обмен. Он проводит политику о принципе: моё-то — моё, но и твоё — моё!

Если не только научно-техническими достижениями, но и природными ресурсами распоряжаются исключительно развитые страны, то нет ничего удивительного в том, что им удаётся обеспечить своим гражданам более высокий уровень благосостояния. На деле это значит, что свое особое привилегированное положение в мировой экономике развитые страны выдают за результат имеющейся у них общественной системы.

Но общественно-экономическая мысль обязана указывать на то, что нищета в другой, притом большей части мира, составляющей периферию мирового капитала, в значительной мере результат этого несправедливого распределения ресурсов. Сегодня нас, россиян, подобно многим другим в прошлом, хотят сделать жертвами этой несправедливости. Принимаемые против этого меры в виде четырех президентских программ по повышению уровня жизни россиян конечно, лучше, чем ничего. Но решить искомую проблему с помощью таких ограниченных мер едва ли возможно. Западная стратегия состоит в том, чтобы превратить Россию в свою сырьевую периферию и таким образом выкачивать из нее ресурсы. Если мы покоримся этому, то никакие социальные программы осуществить не сможем.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что наше включение в мировую систему в качестве поставщика ресурсов развитым странам обрекает нас на технико-экономическое отставание, и мы никогда не сможем достичь такого уровня развития, чтобы поднять народное благосостояние до уровня, требуемого социальной справедливостью. Выход из такой ситуации показан альтернативным опытом отмечен-

ных выше стран, развитие которых происходит в рамках плановой рыночной модели экономики, позволяющей поставить все имеющееся в стране ресурсы на службу народу путем более справедливо-го распределения создаваемого продукта. В этой связи прежде всего необходимо рассмотреть вопрос о том, сколько состоятелен лежащий в основе навязанной нам модели рынка принцип *laissez faire*.

2. Универсален ли *laissez faire*?

Отражая главным образом опыт одной пятой человечества, неоклассическая концепция, по крайней мере теоретически, исходит из предпосылки, что остальные тоже могут жить по тем же законам и правилам, но не живут лишь по причине своего неразумения и привязанности к неблагоприятному историческому наследию. Стоит им отказаться от этого наследия и воспринять западные ценности, как периферийные страны также поднимутся до уровня мирового центра, стран «золотого миллиарда». При этом неоклассические постулаты (положения) в том виде, как они изложены в учебниках экономикс, по мысли их авторов, не должны оставлять места никаким сомнениям в их универсальной ценности.

Однако, если даже согласиться с тем, что эти постулаты (положения) полностью адекватны реалиям центра, — что не факт, как показывает фундаментальная критика в их адрес со стороны различных теоретических школ¹ (Veblen, 1946, Eichner, 1983, Lavoie, 1992), — то все равно трудно согласиться с тем, что они в равной мере соответствуют также условиям жизни четырех пятых стран и народов, составляющих периферию мирового капитализма. Единый для всех стран и народов рецепт неоклассической теории состоит в следовании *laissez faire*. Только на основе этого принципа в развитии рыночных отношений, утверждает ортодоксия, обеспечиваются соответ-

¹ Veblen T. The Place of Science in Modern Civilization. New York: Viking Press. 1946; Eichner A. Why Economics is not yet a Science? London. Macmillan Press, 1983; Lavoie M. Foundations of Post-Keynesian Economic Analysis. Edward Elgar Publishing Company. 1992.

ствующая природе человека справедливость и максимально возможный в данных условиях экономический рост.

Однако эта рекомендация не подтверждается исторической практикой. Если бы она была верна, то большинство отстающих стран давно поднялось бы до уровня развитых. Положение об универсальной ценности *laissez faire* опровергается тем фактом, что Южная Америка, имеющая такую же по длительности рыночную историю, как северная часть континента, тем не менее, не стала Северной Америкой. Почему США и Канада имеют один уровень развития, а латиноамериканские страны — другой уровень?

Laissez faire не может дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. Расположенные за пределами Западной Европы и Северной Америки страны и народы настолько разнообразны, а их экономика развивается под таким воздействием местных культур, укоренившихся традиций и неизменного менталитета, что нелепо ожидать, что их экономику можно понять с помощью правил, не учитывающих их специфику. Эти правила или экономические законы не могут действовать везде одинаково на том основании, что все мы люди и должны питаться, одеваться, иметь жилье и, преследуя собственные интересы, удовлетворять свои повседневные потребности. Все это верно, но недостаточно для признания того, что и способы удовлетворения этих интересов, т.е. связанные с присвоением благ понятия добра и зла тоже должны быть везде одинаковыми. Между тем, мейнстрим современной экономической мысли это и утверждает.

Отрицание нами универсального и непременно благотворного характера этого принципа основано на двух фундаментальных трактовках внутренней механики капитализма. Во-первых, на кейнсианском положении недопустимости чрезмерного имущественного неравенства и безработицы. Во-вторых, на марксовом анализе нарушения равновесия в ходе циклического развития капиталистической экономики. Вначале рассмотрим первое, а затем второе.

Еще в работе «The End of Laissez Faire», написанной после социалистической революции в России и первого посещения СССР, где он увидел реальную альтернативу капитализму за несколько лет до Великой депрессии 1929–1933 годов, Кейнс образно показал, какую опасность несет капитализму усиление имущественного неравенства и обострение социальной напряженности в обществе. По мнению

Кейнса, эти опасные для капитализма различия проистекают из принципа *laissez faire* и неразрывно связанного с ним **само собой (без вмешательства извне)** происходящего **распределения материальных благ**.

Кейнс утверждал, что путем следования принципу *laissez faire* капитализм уже не может обеспечить устойчивость своего роста. На основе этого принципа, доказывал он, капитализм не только не способен поддерживать равновесие и стабильность, но будет впадать в состояние постоянной неустойчивости. Весьма любопытно, по какой логике он пришел к этому выводу. В «Общей теории...» он недвусмысленно разъясняет свой подход. «Что касается меня, то я полагаю, что есть известные социальные и психологические оправдания значительного неравенства доходов и богатства, однако не для столь большого разрыва, какой имеет место в настоящее время»¹. Как видно, определенные различия в имущественном положении людей Кейнс считает естественными и необходимыми для прогресса, хотя и не столь большие, какие были тогда, а тем более имеются сейчас.

В основе кейнсианской критики капитализма, таким образом, лежит идея снижения имущественного неравенства людей и ослабления социальной напряженности в обществе. Имея в виду теорию *laissez faire*, Кейнс пишет, что «идеальное распределение производственных ресурсов, которые движутся в ложном направлении, может быть осуществлено через независимую деятельность. Это подразумевает, что не должно быть жалости или защиты для тех, кто направил свой капитал или свой труд по ложному пути. Это метод выдвижения наверх удачливых охотников за прибылью в ходе безжалостной борьбы за выживание, которое отбирает самых эффективных за счёт банкротства менее эффективных. Он не принимает во внимание цену борьбы, а видит только выгоды конечного результата, которые предполагаются всегда постоянными. Если целью жизни является обрезание листьев с веток на наибольшей высоте, самый подходящий путь для достижения этого — предоставить самым длинношеим жирафам уморить голодом тех, чьи шеи короче»².

¹ Кейнс, Дж. М. Избранные произведения. М.: Экономика, 1993. С. 511.

² Keynes J.M. The End of Laissez faire. London. 1926. Pp. 28–29.

Если рынок предоставлен сам себе, т.е. произволу «длинношеих жирафов», то процветание одних достигается за счёт гибели других. Развивая свое объяснение неизбежных последствий нерегулируемого рынка, Кейнс продолжает: «Таким образом, если только мы предоставим жирафов самим себе, то (1) будет срезано максимальное количество листьев, потому что самые длинношеие жирафы оказываются ближайшими к деревьям, обрекая на вымирание от голода других; (2) каждый жираф набросится на те листья, которые оказываются самыми сочными среди тех, которые достижимы; (3) жирафы, вкусу которых данный лист отвечает больше всего, длиннее всех вытянут шеи, чтобы достать его. Итак, будет проглочено большее количество более сочных листьев, а каждый отдельный лист достигнет того рта, который считает, что он заслуживает наибольшего усилия»¹.

Таков капитализм по определению. Длинношеим жирафам должны доставаться наиболее сочные растения, а короткошеих можно топтать ногами. В работах Поппера², Хайека³, Мизеса⁴, Фридмана⁵ и множества других современных либеральных теоретиков по сущест-

¹ Там же. Р. 30.

² Popper K.R. The open society and its enemies. 5 ed., v. 1–2. London. 1966; Popper K.R. The poverty of historicism. New York — London. 1967.

³ Hayek F.A. The Constitution of Liberty. Chicago: The University of Chicago Press. 1978; Hayek F.A. The Road to Serfdom. London. 1979; Hayek F. A. Individualism and Economic Order. Chicago: The University of Chicago Press. 1980; Hayek F.A. Law, Legislation and Liberty. Vol. 1 and 2. Chicago: The University of Chicago Press. 1983.

⁴ Mises L.E. Human Action. A Treatise on Economics. 3rd edn. Chicago, 1963; Mises L.E. Socialism: An Economic and Sociological Analysis. 3rd English edn, Indianapolis: Liberty Classics. 1981; Mises L.E. Liberalism in the Classical Tradition. The Foundation for Economic Education, Inc. Irvington-on-Hudson, New York: 1985; Mises L.E. Theory and History. An Interpretation of Social and Economic Evolution. The Ludwig von Mises Institute. Auburn University, Alabama and Washington, D.C. 1985.

⁵ Friedman M. Capitalism and Freedom. Chicago: The University Chicago Press. 1982.

ву отстаивается образно изображенное Кейнсом понимание капитализма как наиболее справедливого и свободного общества. Они утверждают, что без того, чтобы все жирафы независимо от длины шеи имели равный доступ к питающим их листьям, нельзя обеспечить основные ценности современной цивилизации — *свободу, эффективность и справедливость*. Поэтому они выступают против того, чтобы строились какие-либо сооружения, позволяющие короткошеим жирафам получить равный доступ к источникам существования. Под такими сооружениями мы имеем в виду осуществляемое в интересах всего населения государственное вмешательство в экономику, в частности, в процесс распределения национального продукта.

Однако, прежде чем говорить о том, насколько обосновано подобное вмешательство в экономический процесс, рассмотрим теоретическую основу отрицания такого вмешательства. Этой основой является теоретическое здание *общего равновесия и саморегулирования* капиталистической экономики.

Неоклассическая теория держится на этом принципе. Требование *laissez faire* было выдвинуто на заре капитализма и первоначально было направлено против сословных ограничений свобод частного предпринимательства. Однако со временем оно приобрело особую идеологическую ценность для неоклассической концепции. На этом принципе возведена вся конструкция принятой нашими странами модели экономики. Поэтому на ней следует остановиться.

Теория общего равновесия обычно приписывается исключительно Вальрасу. Но знакомые с теорией Маркса легко согласятся с Моришима¹, который утверждает, что она была выдвинута как одним, так и другим независимо друг от друга. Однако, с кем бы ее ни связывать, несомненно, что теория общего равновесия лежит в основе понимания механизма капиталистической экономики.

И Вальрас, и Маркс считали, что общественное воспроизводство невозможно осуществить без соблюдения определенного равновесия, т.е. соответствующей пропорциональности между различными его сферами и отраслями. Так, с помощью своего знаменитого аукциониста Вальрас утверждал, что рынок в силу присущих ему имманен-

¹ Morishima M. Marx's Economics. A Dual Theory of Value and Growth. Cambridge: At the University Press. 1973. P. 1–2.

тных свойств всегда стремится к равновесию. То, что Вальрас называл равновесием, Маркс чаще всего называл пропорциональностью. Однако независимо от названий оба рассматривали экономику как единую систему, отдельные элементы которой находятся во взаимной связи и зависимости между собой. Изменения в одной области вызывают соответствующие изменения в другой. В этом они едины. Различие между ними состоит в трактовке того, **как достигается и насколько соблюдается** необходимое в экономике равновесие.

В то время как Вальрас утверждал, что капиталистическая экономика, предоставленная сама себе, естественным образом стремится к гармонии, Маркс доказывал обратное: достигнув равновесия на пике своего роста, экономика в силу присущих ей противоречий начинает нарушать это равновесие и вступает в фазу спада. В отличие от Вальраса Маркс утверждал, что равновесие капиталистической экономики постоянно чередуется с неравновесием. Цикличность капиталистической экономики он рассматривал как чередование одного состояния с другим. Причем, по Марксу, экономика стремится скорее к нестабильности, чем к равновесию. Его знаменитые таблицы воспроизводства наиболее показательны в этом отношении. С их помощью Маркс показал, что расширенное воспроизводство (которое есть иное название экономического роста) осуществляется при условии соблюдения строго определенных пропорций между разными частями экономики по стоимостному и натурально-вещественному составу.

Хотя воспроизводство невозможно без соблюдения равновесия, утверждал Маркс, но в погоне за прибылью капиталист постоянно нарушает необходимое равновесие, и это приводит к кризисным спадам, которые выступают насильственной формой восстановления нарушенного баланса. Этот тезис впоследствии нашел свое подтверждение в кейнсианской модели экономического роста Харрода-Домара¹. согласно которой экономика балансирует на острие ножа.

Понятно, что неоклассической концепции такая теория никак не подходила. Она строила свою систему доказательств на основе теории общего равновесия Вальраса, впоследствии развитую с по-

¹ Harrod R.F. Economic Dynamics. London: Macmillan; New York: St. Martin Press. 1973; Domar E. D. Essays in the Theory of Economic Growth. New York: Oxford University Press. 1957.

мощью экономико-математических моделей лауреатов Нобелевской премии Эрроу и Дебрю¹. С помощью ограниченного круга исходных данных, ограниченных периодов во времени, ограниченного количества событий, товарных групп и других ограничений и допущений Эрроу и Дебрю математически доказали высокую вероятность соблюдения равновесия в условиях свободной конкуренции. Эти доказательства были приняты неоклассической концепцией в качестве не подлежащих сомнению аксиом.

Другие направления экономической мысли не отнеслись к ним со столь полным доверием. По мнению критиков, множество допущений, к которым прибегают неоклассические теоретики, придают математическому обоснованию теории равновесия условный характер. Так, Итвел и Мильгейт² показали, что принятые при построении математических моделей допущения делают их столь несовершенными, что без этих условий рассматриваемое явление не обнаруживается, а следовательно, нет гарантий соблюдения рыночного равновесия.

Известно, что согласно неоклассическому анализу равновесное состояние экономики достигается в точке пересечения функций спроса и предложения на уровне равновесных цен, обеспечивающих оптимальный объем производства на уровне полной занятости. При этом благодаря гибкости заработной платы всем согласным работать по существующей ставке обеспечиваются рабочие места. Ценность подобной трактовки занятости состоит в том, что безработными считаются только те, которые не согласны работать на условиях рынка, а, следовательно, говорит эта теория, безработица при капитализме носит добровольный характер. Однако еще Кейнс доказал несостоятельность этого доказательства и показал, что в действительности безработица носит вынужденный характер. Но если он подверг критике неоклассическую теорию с этой стороны, то его последователи сделали это с более всеобъемлющих позиций. Как отмечалось, они поставили под сомнение правомерность построения моделей с таким количеством ограничений, в силу которых утрачивается ее

¹ Arrow, K. J. and Debreu, G. Existence of an equilibrium for an competitive economy. // *Econometrica* 22. 1954.

² Eatwell, J. and Milgate, M. Keynes's Economics and the Theory of Value and Distribution. London: Duckworth. 1983

связь с реальностью. Закладываемые неоклассическими теоретиками в модели ограничения делают поведение агентов рынка абсолютно прозрачными и предсказуемыми, в то время, как в действительности они имеют дело с неопределенностью рынка, а их поведение далеко не всегда является рациональным и предсказуемым.

Посткейнсианские теоретики утверждают, что «жесткостей» и «отклонений» от предполагаемого поведения агентов достаточно много, чтобы исключить обязательное получение предполагаемого в модели результата. «В литературе по проблеме безработицы, — пишет Итвел, — примеров таких, препятствий — легион. Они включают в себя: “твердые” цены, и в особенности “твёрдую” или даже жестко фиксированную зарплату и/или “жесткие” процентные ставки; институциональные барьеры, снижающие эффективность ценового механизма, такие как монопольное ценообразование (со стороны фирм или отдельных групп работников); проявления неэффективности, внесенные в работу “реальной” экономики действием денежной системы; неспособности индивидуальных агентов должным образом реагировать на ценовые сигналы вследствие неверия в эти сигналы, порождаемого неуверенностью в текущем и будущем состоянии рынка или неверными ожиданиями относительно будущей динамики относительных цен, или же ложными “предположениями” о действительном состоянии рынка»¹.

Всех авторов, указывающих на «отклонения» от предполагаемого неоклассическим анализом состояния экономики, Итвел называет «имперфекционистами». На этом основании Итвел считает возможным «сгруппировать всех авторов с мириадами аргументов такого рода воедино под общей рубрикой “имперфекционистов”» (там же). Приведенные аргументы — лишь малая часть имеющихся в литературе теоретических доказательств того, что опирающаяся на условия *laissez faire* рыночная экономика, предоставленная сама себе, не обеспечивает ее равновесное состояние с сохранением достоинств, приписываемых ей неоклассической теорией. Причем вся имеющаяся аргументация опирается на анализ ситуации в развитых странах. Почти нет ссылок на опыт менее развитых стран, очевидно, потому,

¹ Eatwell J. Imperfectionist models. / The New Palgrave a Dictionary of Economics. Vol. 2. 1998. P. 727.

что их экономика не укладывается в понятия равновесия и саморегулирования в неоклассическом толковании этих явлений.

Это тем более относится к опыту плановой экономики социалистических стран. Как уже отмечалось, он не был предметом объективного анализа, так как априорно был выведен за скобки исторического опыта на том основании, что она функционировала на основе отличных ценностей. Станным образом западная экономическая мысль искала равновесие в экономике, постоянно переходившей от фазы подъема к фазе спада и обратно, причем с массовой и хронической безработицей, и в то же время она отказывала в признании в равновесии экономике непрерывного роста и всеобщей занятости. В любимой системе (при капитализме) безработица объявлялась добровольной, а в нелюбимой системе (при социализме) занятость людей и гарантированность заработка объявлялись пороком.

Такой вывод вытекал из логики *laissez faire*, и на этом основании «реформаторы» наших экономик настаивали на подобном принципе как целительном свойстве рынка. На таком основании они требовали и осуществили «либерализацию экономики», что означало предоставление частным предпринимателям неограниченной свободы внутри страны и в области внешнеэкономической деятельности. Такая неограниченная «свобода» развязывала не хозяйственную инициативу, как многие надеялись, а вела, и привела — к образованию и господству мафиозного капитала.

В итоге, одни получили в свое распоряжение несметные богатства страны и стали свободными во всех отношениях, в том числе от законов и каких бы то ни было моральных норм. Другие же, наоборот, лишились даже тех прав, которые имели в прошлом, и впали в полную зависимость от своих работодателей при безразличии к их судьбе со стороны государства и всего общества. Таковы реальные плоды импортированной извне свободы и демократии.

3. Центропериферийные экономические отношения

Хотя сами понятия, как отмечалось, возникли раньше, однако наиболее глубокий теоретический анализ отношений между центром и периферией капитализма связан с именами таких

выдающихся экономистов, как Роза Люксембург¹, Пол Баран², Раул Пребиш³, Ганц Зингер⁴, Эммануэль⁵. Проанализировав ситуацию в странах «третьего мира», указанные экономисты пришли к выводу, что существующей миросистемой эти страны втянуты в такой порочный круг отставания и бедности и опутаны там такой сетью зависимости, из которой они выхода найти не могут.

Разумеется, разные аспекты отношений центра и периферии мирового капитализма были исследованы многими экономистов, среди которых Амин⁶, Хиршман⁷, Фуртадо⁸, Валлерстайн⁹. Исторический аспект периферийного положения России достаточно полно показан в замечательной монографии российского автора Б. Кагарлицкого¹⁰.

Несмотря на различия во взглядах разных авторов, все признают, что условия торгово-экономических отношений во второй половине XX века существенно изменились. В частности, закон сравнительных преимуществ Рикардо, который все еще во всех неоклассических

¹ Luxemburg R. The Accumulation of Capital. London: Routledge & Kegan, 1951.

² Baran P.A. Political Economy of Growth. Harmondsworth: Penguin, 1973.

³ Prebisch R. The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems. New York: United Nations, 1950.

⁴ Singer H. W. Terms of Trade and Economic Development. / The New Palgrave Dictionary of Economics. Vol. 4. 1998.

⁵ Emmanuel A. Unequal Exchange. New York, London: Monthly Review Press. 1972.

⁶ Amin S. Accumulation on a World Scale. New York, London: Monthly Review Press. 1974.

⁷ Hirschman A. O. The Strategy of Economic Development. New Haven, London: Yale University Press. 1958.

⁸ Furtado C. The Economic Growth of Brazil, Los Angeles: University of California Press. 1963.

⁹ Wallerstein I. Periphery. / The New Palgrave Dictionary... Vol. 3. 1998.

¹⁰ Кагарлицкий Б. Россия — периферийная империя. М.: Ультра Культура. 2004.

учебниках толкуется как основа этих отношений, утратил свою силу. Так, например, Пребиш утверждает, что структура мировой торговли определяется теперь не тем, какие товары выгоднее экспортировать, а какие импортировать, сравнивая издержки их производства дома и за границей, а тем, *какую экономическую политику проводит та или иная страна*. По его мнению, политический фактор, означающий защиту национальных интересов, с помощью протекционизма или фритредерства (либерализма) приобрел решающее значение. Одна и та же политика, говорит он, имеет разные последствия в зависимости от «весовой категории» данной страны на мировой арене. Так, один и тот же либерализм во внешнеэкономических отношениях имеет разные последствия для экспортеров сырья и готовых изделий. Страны, экспортирующие сырьевые товары и импортирующие готовые изделия, оказываются в проигрыше, отстают в своем развитии и приобретают статус периферии, а другие, импортирующие сырье, но экспортирующие готовые изделия оказываются в выигрыше и занимают положение центра, контролирующего ситуацию на мировом рынке. Причем условия этой торговли, говорит он, в долгосрочном периоде имеют тенденцию к ухудшению для экспортеров сырья.

Почему из своего разного положения на мировом рынке одни извлекают выгоды, а другие несут убытки? Этот вопрос возник давно, и его исследователи уже тогда обратили внимание на условия обмена между ними. Одним из тех, кто подверг анализу эти отношения, была Роза Люксембург. На поставленный выше вопрос она попыталась ответить в упомянутой выше работе, впервые опубликованной на немецком языке в 1913 году. Основываясь на схемах воспроизводства К. Маркса, которые согласно трудовой теории стоимости предполагают соблюдение принципа эквивалентности в обмене, она доказывала, что созданный в странах развитого капитализма прибавочный продукт не может быть реализован ни капиталистом, ни рабочим данной страны. Для этого нужны третьи лица. Внутри страны это крестьяне и ремесленники, еще не включенные в капиталистические отношения, а за рубежом — колониальные и зависимые страны. Только с теми, утверждала она, кто находится за пределами капиталистических отношений, капитал может вести обмен на неэквивалентной основе: меньшую стоимость обменивать на большую. В этих

целях капитализм втягивает в орбиту своего господства отсталые страны и превращает их в капиталистические. Но тем самым, утверждала Р. Люксембург, капитализм подрубает сук, на котором сидит. Со временем, когда отсталые страны сами превратятся в полностью капиталистические, будет исчерпана арена реализации прибавочного продукта. Тогда, согласно ее воззрениям, существование капитализма станет невозможным, и наступит его автоматический крах.

Эта концепция критиковалась многими марксистами как нереальная, но нас здесь интересует не критика, а то, что к идее неэквивалентного обмена между развитыми и отстающими странами пришлось вернуться в наши дни. Как бы теперь, спустя сто лет, не относиться к взглядам Р. Люксембург, несомненный интерес, на наш взгляд, представляет то, что отставание одних стран от других она связывала с производством и перемещением прибавочного продукта.

Именно к этой стороне дела обратился почти полвека спустя американский марксист П. Баран в книге, первое издание которого вышло в 1957 году Баран утверждает, что извлекаемый из экономики отстающих стран прибавочный продукт используется не в их интересах, а в интересах развитых стран. В этом он видит основную причину их отставания. «Главное препятствие для быстрого экономического роста в отсталых странах, — пишет он, — это то, как используется их потенциальный экономический излишек. Он поглощается различными формами избыточного потребления правящего класса, приращениями тайных накоплений внутри страны и за границей, поддержанием громадной армии непродуктивной бюрократии и еще более дорогостоящего или не менее избыточного военного аппарата. Очень большая доля его — о величине которой известно больше, чем о величине других долей — изымается иностранным капиталом. То, что прибыли, получаемые иностранными компаниями в слабо-развитых странах, весьма высоки — фактически значительно выше дохода от внутренних инвестиций — хорошо известно»¹.

Баран показывает неблагоприятные условия этого процесса для отстающих стран. Независимо от того, где они были получены, утверждает он, инвестиции направляются в развитые страны, и здесь до-

¹ Baran P.A. Political Economy of Growth. Harmondsworth: Penguin.1973. Pp. 376–377.

стигается несравнимая с отстающими странами высокая концентрация капитала. Благодаря этому развиваются обрабатывающие отрасли промышленности, способные поставлять продукцию в отстающие страны по ценам более высоким, чем цены на продаваемые ими сырьевые материалы. Выкачивая таким путем прибавочный продукт из отстающих регионов, утверждает Баран, развитые страны достигают более высокого уровня развития. Эта идея, подробно рассмотренная на большом историческом и экономическом материале, после его смерти получила дальнейшее развитие в работе его последователя Гарри Макдова¹.

Однако неравноправный характер экономических отношений между развитыми и периферийными странами не всегда признается. Некоторые авторы², ссылаясь на факты высокоприбыльного экспорта капитала в высокоразвитые страны, утверждают, что в богатых странах создают и получают более высокие прибыли, чем в бедных, а следовательно, уровнем своего развития каждый обязан самому себе. Однако такое утверждение опровергается гипотезой Пребиша-Зингера, а также теорией неэквивалентного обмена Эммануэля³.

На основе данных о развитии британской торговли за 1873–1938 годы и разной динамики цен на сырьевые товары, а также изделий обрабатывающей промышленности Пребиш и Зингер пришли к выводу об устойчивости двух противоположных тенденций. Опираясь на богатые эмпирические данные, Пребиш и Зингер утверждали, что, с одной стороны происходит *ухудшение* условий торговли для стран, поставляющих сырьевые товары, а с другой — *улучшение* этих условий для стран, производящих готовые изделия. Такая тенденция в мировой торговле в течение всего XX в. была столь устойчивой, что ее нарушения наблюдались только, а) в периоды войн; б) после энергетического кризиса 1973 года. Но поскольку период войны должен быть исключен как нетипичный, то гипотеза Пребиша–Зингера по-

¹ Magdoff H. The Age of Imperialism: The Economics of U. S. Foreign Policy. New York: Monthly Review Press. 1969

² Nurkse R. Patterns of Trade and Development. Oxford: Blackwell. 1961

³ Emmanuel A. Unequal Exchange. New York, London: Monthly Review Press. 1972

сле многолетних дискуссий была принята как отражение реального ухудшения условий торговли товаров периферийных стран, за исключением нефти. Оценка этих явлений в мировой торговле получила название *гипотезы Пребиша–Зингера*.

Теоретическое объяснение этих тенденций Пребиш и Зингер видят в более низкой эластичности доходов от спроса на первичные продукты (сырьевые товары), чем на изделия обрабатывающей промышленности. На этом основании они прогнозируют, что спрос на сырьевые товары будет расти в меньшей степени, чем на изделия обрабатывающей промышленности. Из этой тенденции, утверждают они, страны центра извлекают выгоду по двум линиям. Во-первых, путем использования своего технологического превосходства для более глубокой обработки первичного сырья. Во-вторых, — использования преимуществ монополистической организации производства и торговли для выгодной реализации товаров на мировом рынке. «Техническое превосходство индустриальных стран, — писал Зингер, — означает, что их экспорт воплощает в себе более совершенную технологию, контроль над которой сосредотачивается в экспортирующих «центровых» странах и особенно в крупных ТНК, расположенных в этих странах. Это значит, что цены на экспортируемые промышленные товары воплощают в себе элемент шumpетерианской новаторской ренты, а также элемент монополистической прибыли вследствие величины и мощи ТНК»¹.

Неравноправные экономические отношения между странами «центра» и «периферии» стали предметом анализа также в упомянутой работе А. Эммануэля. Исходным пунктом объяснения Эммануэлем таких отношений является признание мобильности капитала в периферийных странах и отсутствие такой же мобильности труда в международном масштабе. В силу этого, говорит он, норма прибыли выравнивается в международном масштабе, в то время как различия в оплате труда в разных странах остаются значительными. В результате заработная плата в периферийных странах многократно ниже, чем в странах центра. Это, говорит Эммануэль, оказывает решающее влияние на уровень цен. Он утверждает, что уровень заработной

¹ Singer H.W. Terms of Trade and Economic Development. / The New Palgrave a Dictionary of Economics. Vol. 4. 1998. P. 627.

платы определяет уровень цен, а не наоборот. Выходит, что цены выше там, где заработная плата выше, и наоборот. Коль скоро так, рассуждает он далее, то низкая заработная плата в периферийных странах обуславливает низкий уровень цен на продаваемые ими сырьевые товары, и покупать их выгодно, а продавать невыгодно. Подобным же образом, цены на готовые изделия, импортируемые из развитых стран, — высокие в виду высокой там заработной платы. Поэтому продавать их выгодно, а покупать невыгодно. В результате неэквивалентные отношения между центром и периферией складываются как по линии импорта, так и по линии экспорта.

В виду указанных причин, утверждает Эммануэль, в товарах, имеющих одинаковую цену на мировом рынке и обеспечивающих одинаковую норму прибыли на капитал, воплощена неодинаковая оценка затраченного количества труда. На большее количество труда, воплощенное в товарах периферийных стран, начисляется меньший размер заработной платы. Это несоответствие заработной платы затраченному труду он характеризует как *неэквивалентный обмен* между развитыми и периферийными странами.

В результате сырьевые товары приносят их продавцам гораздо меньшую выгоду, чем изготовленные из них же изделия. Из этой реальности исходит Эммануэль, выдвигая концепцию неэквивалентного обмена.

Однако слабая сторона этой концепции, на наш взгляд, состоит в том, что она не увязана ни с одной из существующих теорий стоимости. Так, с теорией предельной полезности она не может быть увязана по определению, поскольку эквивалентность в обмене эта концепция отвергает в принципе. Согласно этой теории полезность товара или услуги определяется путем субъективной оценки со стороны покупателя, а потому независимой от этой оценки стоимости не существует. При такой трактовке обмена существует не эквивалентность, а взаимная выгода продавца и покупателя на уровне субъективной оценки каждой из сторон.

У Эммануэля нет другого выхода, кроме как объяснять неэквивалентность обмена между странами центра и периферии с помощью трудовой теории стоимости. По существу он так и делает, правда, без ссылки на эту теорию, когда утверждает, что в товарах центра и периферии воплощено неодинаковое количество труда. Но это вер-

но, если измерять труд только количеством затраченного времени. Однако при этом он упускает из виду, что речь ведется о труде разного качества и квалификации, что согласно трудовой теории стоимости имеет значение. По этой теории большее количество простого (неквалифицированного) труда приравнивается к меньшему количеству сложного (квалифицированного) труда. Поэтому если за единицу измерения взять простой (неквалифицированный) труд работника периферийной страны, то для сравнения со сложным трудом работника индустриально развитой страны его придется умножить на коэффициент его квалификации. Но тогда получается, что с учетом качества труда более развитая страна тратит на производство товаров не меньше, а больше труда, чем менее развитая страна. При таком подходе концепция неэквивалентности лишается теоретической основы.

Ущербность периферийных стран в системе мирового капитализма, на наш взгляд, предопределена двумя другими обстоятельствами. Во-первых, все более усиливающимся технологическим разрывом между развитыми и отстающими странами, что позволяет первым неограниченно использовать ресурсы вторых к собственной выгоде, производить и предлагать на мировом рынке товары и услуги с высокой долей добавленной стоимости. Во-вторых, существующей системой торгово-экономических и финансово-кредитных отношений между странами, ограничивающих возможности периферийных стран вырваться из окутывающей их паутины зависимости и подняться до уровня стран центра. Вашингтонский консенсус и Всемирный банк — главные институты, создающие и сохраняющие эту паутину.

Такого рода институтами, условиями торговли и финансовых отношений особое положение стран центра так крепко забетонировано, что одними ценами на сырьевые товары это защитное сооружение нельзя поколебать. Положение Саудовской Аравии — убедительное тому подтверждение. Высокие валютные доходы этой страны не меняют ее зависимого положения.

Технически развитые страны являются таковыми, потому что владеют передовыми технологиями и постоянно удерживают за собой это лидерство. Благодаря накопленным знаниям и их использованию для создания высокопроизводительных технологий и изделий

обладатели знаний становятся и владельцами уникальных товаров, содержащих в себе большую долю добавленной стоимости. Обладая высокой стоимостью, такие технологии и изделия соответственно реализуются по столь же высокой цене. Таким образом, основным источником богатства развитых стран являются знания, воплощенные в их товарах и услугах.

Это, однако, не значит, что всей получаемой стоимостью и доходом развитые страны обязаны только себе. Это было верно в том случае, если бы их экономика и благополучие базировались исключительно на использовании имеющихся у них самих природных ресурсов. Но, как мы знаем, дело обстоит как раз наоборот. Все природные ресурсы Земли, говорят нам, должны принадлежать всему мировому сообществу, что на деле означает — странам «золотого миллиарда». Но при этом ничего не говорится о мировых технических знаниях, которые, как они настаивают, на основании сохранения коммерческой тайны и неприкосновенности авторского права должны принадлежать соответствующим странам, корпорациям, фирмам и отдельным людям. Мировая торговля стран центра и периферии ведется по принципу: наше должно быть нашим, а ваше давайте поделим так, чтобы мясо было нашим, а кости были вашими.

В настоящее время, когда пишутся эти строки, Россия испытывает огромное давление европейских стран и США, которые требуют от нас подписать так называемую Европейскую энергетическую хартию, по которой наши энергетические ресурсы фактически должны стать мировой собственностью. В конце 2006 года в Хельсинки состоялись две общеевропейские конференции, в которых выдвигалось это требование. Но, как говорят по-русски, это ещё цветочки, а ягодки ещё впереди. В дальнейшем нам предстоит испытать еще большее давление, и едва ли мы перед ним устоим. В арсенале развитых стран имеется множество рычагов воздействия, с помощью которых они обычно принуждают несогласных принять свои условия.

По опыту прошлого, наверное, так будет и в данном случае. Для нас же здесь вопрос в том, почему они этого добиваются? Если развитые страны являются богатыми исключительно за счет собственного труда и изобретений, то зачем им чужие нефть и газ? Но в том-то и дело, что имеющиеся у них знания примерно наполовину, (а может быть, еще больше) будут бесполезны без того сырья и энергии, кото-

рые они получают из других стран. То же самое надо сказать в отношении рынков сбыта товаров стран центра в периферийных странах. Если на минуту представить, что развитые страны живут исключительно за свой счет, т.е. ниоткуда не получают ни сырья, ни энергии, а свои товары тоже никуда не вывозят, а продают только на внутреннем рынке, то в течение очень короткого времени они превратятся в отсталые. Если такие островные государства, как Великобритания, Япония, Новая Зеландия, были бы подвергнуты таким же экономическим санкциям, как Куба, то ситуация в них едва ли была бы лучшей. Одно это представление ведет к выводу о неправомерности экономических отношений между странами центра и периферии.

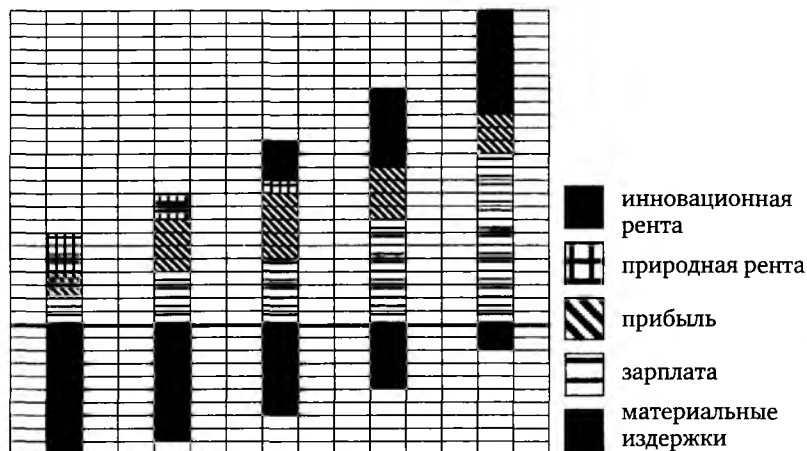
Осуществление этого принципа на практике возможно только в рамках неправомерности отношений, когда развитые страны диктуют неразвитым свои условия отмеченным образом. Теперь представим, что принцип изменился, и отношения между странами начнут строиться на равноправной основе. Это означало бы, что мировой собственностью стали не только природные ресурсы стран, но и их научно-технические знания, изобретения, ноу-хау, учебные заведения и исследовательские центры. В таком случае, например, Всемирный банк и другие международные организации должны ставить условием предоставления кредитов не столько открытие границ для иностранных товаров, сколько проекты модернизации экономик, создание работающих на экспорт производств, что является наиболее надежным гарантом возвратности кредитов. Но вместо этого бывает другое. Кредиты предоставляются так, чтобы они не были возвращены и страна оказалась в долговой кабале. Кредиторы обычно заботятся о показной стороне, о дорогах и небоскребах в видных местах, а не об основании университетов с заработной платой для ученых, стимулирующих приток мозгов в эти страны. Если в периферийных странах возникнет столько же университетов, студентов, исследовательских фондов, как в странах центра, то последние очень скоро утратят свои технологические и другие преимущества и сравняются с теми, от которых сегодня они так выгодно отличаются.

Пока этого нет и, наверно, не будет, существует другая ситуация. Богатства стран, владеющих сырьем и товарами первичной обработки, главным образом, ограничено тем, что им дала природа. Поэтому они могут полагаться, главным образом, на *рентный* компонент в

цене продаваемых товаров. Так, например, обладатели нефтяных месторождений реализуют свое особое положение в цене на нефть, как это делают страны ОПЕК. Но возможности наращивания цены за счет ренты ограничены, во-первых, конкуренцией со стороны других продавцов; во-вторых, возможностью создания с помощью научно-технического прогресса заменителей первичного сырья и новых источников энергии. У обладателя уникального технического изобретения по существу неограниченны возможности наращивания стоимости создаваемого продукта за счет непрерывного улучшения его качества или замены его другим, еще лучшим.

В результате этих различий на мировом рынке наблюдается та динамика цен, о которой говорилось выше. В основе более высоких темпов роста цен на готовые изделия по сравнению с ценами на сырьевые товары лежит закон *возрастания добавленной стоимости по мере все более глубокой переработки исходного сырья*. Проиллюстрируем это графиком, где пять столбиков показывают пять последовательных стадий обработки исходного продукта, а разделительная линия — соотношение материальных затрат и вновь созданной (добавленной) стоимости, включающей ренту на каждой стадии обработки.

*Повышение добавленной стоимости
по мере углубления переработки исходного сырья
и получения конечного продукта*

Как видно, по мере все более глубокой переработки исходного сырья уменьшается доля как материальных затрат, так и природной ренты и многократно возрастает доля добавленной стоимости, создаваемой все более квалифицированным трудом. В качестве примера первой стадии возьмем заготовку леса, продуктом которой выступает кругляк. Цена одного кубометра такого леса, а следовательно, и выручка от его продажи складывается из пяти компонентов. Первые два это стоимость самого кругляка и материальные затраты на его заготовку. В графике они показаны заштрихованной частью первого столбика ниже линии, отделяющей старую (перенесенную) стоимость от новой (добавленной). Выше разделительной линии показана добавленная стоимость, состоящая из трех компонентов: заработной платы, природной ренты и прибыли заготовительной компании.

В каждой следующей стадии обработки исходного материала соотношение между этими элементами цены, как это иллюстрируют столбики, существенно меняется. Если предположить, что второй столбик характеризует структуру цены пиломатериалов, а третий — мебели, то отмеченная тенденция отчетливо видна. На каждой последующей стадии обработки доля материальных затрат и природной ренты уменьшается, а доля добавленной стоимости возрастает. Если же вместо леса взять, скажем, металл, нефть или какой-нибудь вид химического сырья, то будет гораздо больше стадий обработки, и тогда отмеченная закономерность выступит с еще большей отчетливостью. Как видно, на последней стадии материальные затраты сводятся к минимуму, а природная рента вовсе исчезает. Зато максимально возрастает добавленная стоимость, составной частью которой является инновационная (шумпетерская) рента.

Современная ситуация российской экономики в целом, на наш взгляд, подтверждает верность рассмотренных концепций чрезвычайной ущербности односторонней специализации на добыче и импорте сырьевых товаров. Сделав ставку на разработку энергетических ресурсов и других видов сырья, мы работаем в ущерб себе, ограничивая свою выгоду первичной, низко доходной стадией обработки, и в то же время отдаем свои не воспроизводимые и уникальные ресурсы в чужие руки для того, чтобы те извлекли из них многократно большую выгоду.

Если продолжить разбор приведенного выше примера, то получается следующее. В стоимости простых распиленных досок материальные затраты значительны, а добавленная стоимость не очень велика. Зато в изготовленной из них мебели высокого качества добавленная стоимость намного превышает стоимость материальных затрат. С углублением переработки исходного сырья, как показывает приведенный график, возрастает доля живого труда в производимом продукте. На конечной стадии она становится многократно выше материальных затрат за счет более высокой зарплаты, прибыли и инновационной ренты. Так, по данным, любезно предоставленным мне консультативной фирмой «Бейкер Тилли Руссаудит», если рентабельность производства круглых лесоматериалов в российской промышленности составляет 20%, то обработанной сухой доски — 60–70%, а сращенных (подогнанных для окончательного использования) полуфабрикатов — до 80%.

Казалось бы, выгоднее заниматься тем, что обеспечивает большую рентабельность. В нормально функционирующей экономике так и бывает. Ее правовые и этические нормы стимулируют инвестиции и технический прогресс, рассчитанные на длительную перспективу. У периферийной экономики отсутствует мотив долгосрочных инвестиций. Она живет сегодняшним днем, а потому преследует только краткосрочную выгоду. Поэтому российским предпринимателям более выгодно хищнически валить лес и отправлять его на экспорт, чем вкладывать капиталы в высокотехнологичные производства, невыгодные с точки зрения сегодняшних интересов. Здесь мы видим одно из множества проявлений криминальной и спекулятивной природы российского капитала. Гораздо проще за взятки получить лицензию на заготовку леса и при минимальных затратах на заготовительную технику валить его, имея, таким образом, не 20%, а фактически более 100% на капитал. Зачем брать на себя хлопоты по строительству дорогостоящего предприятия по глубокой переработке леса, рассуждает российский лесозаготовитель, не имея при этом ни технических знаний, ни организационного таланта.

Ориентированность на получение краткосрочной выгоды означает расчет на извлечение природной ренты, а не на технический прогресс и получение прибыли за счет высокой добавленной стоимости. Это свойственно не только российским лесозаготовителям,

но и другим разработчикам недр. Они не вкладывают средства даже в разведку новых месторождений, не говоря о других областях экономики и технического прогресса.

4. Научно-техническая отсталость периферийной экономики

Следствием того, что было сказано выше, является консервирование технико-экономического отставания страны. В этом основной порок принятой нами модели экономики. Ведь принадлежность страны к центру или периферии в конечном счете определяется ее техническим уровнем. Не бывает, что технически развитая страна остается в периферии мирового капитала, как и не бывает, что технически отстающая страна принадлежит к центру.

Хотя развитые страны заинтересованы в существовании периферийных стран, экономика и ресурсы которых служили бы их интересам и не были бы способны конкурировать с ними, но наглухо закрыть дверь к техническому прогрессу они не могут. Доступ на мировой рынок ограничен и сильно затруднен, но не исключен. Яркий тому пример — страны, прозванные «азиатскими тиграми» (Тайвань, Южная Корея, Сингапур и др.), которые смогли вырваться из своего периферийного положения и войти в мировой рынок, а затем и в центр на путях ускоренного технического прогресса. Тем же путем стала великой державой Япония. Тем же путем продвигаются к великому будущему сегодня Китай, Вьетнам, Индия, Бразилия.

К сожалению, нам уготована другая судьба. Если до сих пор мы видели примеры превращения отстающих стран в передовые, то нам теперь предстоит увидеть обратный процесс превращения относительно развитых стран в отстающие. Такая судьба ожидает, в частности, Россию и Украину, обреченных на отставание в области образования, науки и технического прогресса.

В рамках социалистической системы страна сплошной безграмотности поднялась к вершинам образования, науки и культуры, вырастила и имела у себя четверть ученых мира и была начинателем многих пионерских научных разработок, первой в мире запустила в космос человека и начала осваивать космическое пространство, до-

стигла паритета с Соединенными Штатами по современным вооружениям. Теперь, в рамках капитализма мы постепенно теряем все свои достижения в области науки и образования. Рыночные отношения повернули каналы финансирования образования, науки и культуры к удовлетворению паразитических нужд бизнеса и чиновничества, образование сделали платным и недоступным, ученых превратили в нищих, в поисках лучшей доли вынужденных эмигрировать в развитые страны.

Такие последствия «реформ» не были случайными. Они сознательно преследовались соответствующими западными дирижерами наших «реформ». Об этом с полной откровенностью пишет бывший сотрудник МВФ, а ныне профессор экономики университета в Оттаве Михаил Чосудовский в книге «The Globalisation of Poverty», изданной несколько лет назад. В параграфе под характерным названием «Ослабление высокотехнологичной экономики России» он свидетельствует: «Микроэкономическая политика поддерживает интересы западных фирм в области хайтека и военных подрядчиков, поскольку ослабляет бывшие советские отрасли — аэрокосмическую и хайтек — и не дает России (как самостоятельной капиталистической державе) конкурировать на мировом рынке». Проводимые под эгидой [западных служб] различные “конверсионные” программы, осуществляемые по договоренности с НАТО и министерствами обороны западных стран, направлены на демонтаж этого комплекса, включая его гражданские филиалы, и на недопущение того, чтобы Россия стала потенциальным соперником на мировом рынке. Конверсионные схемы имеют целью физически демобилизовать производственный потенциал России в военной сфере, авиационной радиоэлектронике и хайтеке, облегчая захват западным капиталом российской базы знаний (прав на интеллектуальную собственность) и человеческий капитал, в том числе ученых, инженеров и НИИ этой страны, и контроль над ними¹.

Приведенные слова следует рассматривать как еще одно подтверждение того, о чем говорилось выше: российские «реформы» были задуманы Западом в целях осуществления «neighbour beggar

¹ Chossudovsky M. The Globalisation of Poverty: Impact of IMF and World Bank Reforms. Zed Books Ltd. London and New Jersey. TWN. 1997. P. 232.

policy» (политика разорения соседа), т.е. в целях вывода из строя своего военно-стратегического соперника и конкурента не мировом рынке. Разрушение его научно-технического потенциала было составной частью этой программы.

«Реформы» привели к тому, что началась массовая «утечка мозгов» за рубеж и созданные за десятилетия и столетия в нашей стране научные школы и традиции стали разваливаться. В результате наша наука стала легкой добычей западных центров. Подготовленные советской системой ученые продолжают свои исследования за рубежом, но теперь уже к выгоде и во славу других. Об одном таком научном достижении российских ученых в области молекулярной биологии в США недавно мы узнали из московского журнала «Наука и жизнь». Свой рассказ о новом научном открытии на страницах журнала один из его авторов завершил следующим многозначительным эпилогом: «А за то, что эта традиция процветает теперь не где ей положено, а на территориях, открытых Колумбом, полезно было бы спросить с рулящих в государстве российском “козлов”»¹.

В русском сленге «козел» означает «дурак» с оттенком презрения, а «змей» — мудрец, с оттенком уважения. Поэтому, продолжая сленговый образ цитированного автора, приходится признавать, что развал науки и культуры «козлами» в Москве поднимает вопрос о том, осуществлен ли он по их глупости или по наущению сидящих в другом месте «змей», достаточно мудрых, чтобы оборачивать развитие событий к собственной выгоде. Не входя здесь в рассмотрение этого вопроса, отметим только, что мы теперь живем в эпоху научно-технического прогресса, когда источники богатства и благополучия стали другими, чем раньше. Теперь наука и образование, объединяемые под одним названием «знания», а не природные ресурсы стали основным источником богатства каждого народа. Главное теперь не в том, что в земле, а том, что в голове. К тому, у кого будет больше знаний, ресурсы так или иначе придут. Но если обладатель ресурсов будет довольствоваться только тем, что дала природа, и не будет обогащаться знаниями, то его ресурсы тем или иным путем уйдут от него к тому, кто будет уметь извлекать из них наибольшую пользу.

¹ Кондрашов А. Хроника неожиданного открытия. // Наука и жизнь. 2006. № 6. С. 34.

Приведенный выше пример касается не только леса, но и добычи нефти, газа, руд для черной и цветной металлургии, производства золота, бриллиантов и других драгоценных металлов. Не глубокая обработка с помощью высоких технологий внутри страны, а поставка их на мировой рынок для получения необходимых валютных ресурсов считается стратегической линией развития российской экономики. Это обусловленное нашим периферийным положением сервильное сознание настолько овладело российской «элитой», что она ничего лучшего не находит для своей страны, как объявить ее «великой энергетической державой», что означает всемерное развитие добычи и неограниченную поставку энергетических ресурсов на мировой рынок.

Наверное, эта сомнительная формула льстить провинциальному самолюбию вершителей наших судеб, но на самом деле означает не что другое, как заверение мирового центра в том, что вместо развития своей экономики в собственных интересах мы готовы служить интересам других, дальнейшему усилению господства центра над миром. Подобное низведение страны до роли поставщика сырья не может быть оправдано ни необходимостью получения валюты, ни необходимостью вхождения в мировой рынок, ибо главный вопрос в том, для чего валюта и в какой роли входить в мировой рынок.

Во-первых, в нынешней ситуации значительная часть валютных доходов, даже тех, что образуют так называемый Стабилизационный фонд государства и резервы Центробанка, остаются за рубежом и только усиливают нашу зависимость от тех, у кого они хранятся. Во-вторых, — и это главное, — ценность валютных доходов определяется не тем, сколько их, а тем, насколько эффективно они используются, направляются они на структурную модернизацию экономики, на достижение страной передового в мире технического и потребительского уровня или на паразитические нужды незаслуженно разбогатевшего класса собственников. Так, например, Арабские Эмираты получают немало валютных доходов, но это не делает их интеллектуально и технически передовой страной. Если мы будем следовать нынешним курсом и не станем заботиться о модернизации своей экономики, то и дальше продолжим скатываться на положение периферийной страны, играя в мировой экономике роль зависимого партнера, служащего больше чужим, нежели собственным интересам.

В рамках предлагаемой в этой работе стратегии, на наш взгляд, иначе следует определить роль России в мировом раскладе сил. Мы должны не опускать бывшую научно-техническую державу до роли поставщика энергетических ресурсов другим, а держать курс на использование имеющегося у нас немалого потенциала для овладения высокими технологиями и поставки на мировой рынок наукоемкой и конкурентоспособной продукции с высокой долей добавленной стоимости. Именно это должно быть основной целью нашей стратегии.

В свете этой стратегической цели следует рассматривать как роль науки, техники и образования, так и энергетических ресурсов страны. При этом подчеркнем, что обеспечение всеобщей энергетической безопасности не может быть нашей особой привилегией и обязанностью. Мы не можем заботиться о других больше, чем они сами заботятся о себе. Альтруизм с нашей стороны здесь совершенно неуместен и никем не будет оценен. Надо извлечь уроки из того, как Горбачев на основе выдвинутого им нового мышления предлагал строить безъядерный мир и общеевропейский дом, а в итоге НАТО оказалось у наших ворот. Никого не надо любить больше, чем самого себя. В преследовании собственных интересов надо учиться у Соединенных Штатов. В этом случае это значит, что следует ограничить поставку энергетических ресурсов на мировой рынок тем, что выгодно нам самим.

Под собственной выгодой мы понимаем в основном такой объем поставок товаров на мировой рынок, на который мы получим валютные доходы, необходимые для приобретения передовых технологий для модернизации нашей экономики. В данном случае мы должны поступать по примеру Советского Союза, который продавал хлеб исключительно в целях покупки передовой западной техники. Или следовать примеру Японии, после Второй мировой войны закупавшей передовые в мире технологии и на этой основе поднявшей свою экономику до небывалой высоты. Поскольку именно это должно нас занимать в первую очередь, то тем, кто не может предоставить нам таких технологий, мы ничего не должны, и их энергетическая обеспеченность должна быть их собственной заботой.

Понятно, что потребности государства в валюте не могут сводиться к тем, которые необходимы для покупки передовых технологий. Но ведь и продажа энергоресурсов не является единственным

источником поступления валюты, а потому за счет других источников следует удовлетворять другие нужды. При всех случаях следует отказаться от нынешней практики не целевой поставки на мировой рынок энергетических и других ресурсов.

Проблему нельзя рассматривать исключительно с сегодняшней точки зрения. Пролежавшие в недрах земли миллионы лет ресурсы не могут принадлежать только нашему поколению. Мы не вправе пустить их по миру в собственных интересах, не думая о том, что достанется нашим потомкам. Учитывая невоспроизводимый характер большинства продаваемых на внешнем рынке ресурсов, никакие высокие цены на них нельзя считать достаточными для их расточительного использования и распродажи к выгоде чуждого народу поколения нуворишей. Поэтому добыча наших природных ресурсов должна быть ограничена умеренными потребностями внутри страны и строго целевым назначением для продажи на внешнем рынке.

Понятно, что такая постановка вопроса очень не понравится тем, кто в результате пиратской приватизации прибрал их к рукам и теперь за их счет удовлетворяет свои неумные аппетиты. Но мы не должны считать себя связанными с эгоистическими интересами корыстных наживал. Нам следует исходить из коренных и перспективных интересов страны и народа. С этой точки зрения предлагаемая мера кажется нам настоящей и обоснованной.

Однако осуществление того, о чем говорится здесь, невозможно в рамках принятой нами неоклассической модели. Она предполагает такие условия функционирования рынка, при которых на международной арене происходит то же самое, что внутри каждой капиталистической страны: наиболее сочные листья достаются длинношеим жирафам, а короткошеим достаются лишь остатки и отходы. Одни неизбежно оказываются в выигрыше и занимают господствующее положение, а другие терпят убытки и обречены быть в подчинении и зависимости от победителей.

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим основные черты периферийной экономики, которая характеризуется:

а) господством криминально-коррумпированного капитала, ориентированного не на рост экономики и народного благосостояния, а на паразитическое потребление и получение краткосрочной выгоды теми, у кого оказались власть и богатства страны;

б) такой структурой, в которой добывающие отрасли преобладают над перерабатывающими, а в структуре последних преобладают производства с большой долей ручного труда для первичной обработки исходного сырья;

в) такой внешней торговлей, в экспорте которой вывоз сырья и полуфабриката преобладает над готовыми изделиями, а в импорте, наоборот, преобладают готовые изделия;

г) хроническим дефицитом платежных средств и необходимостью занимать средства у иностранных государств, банков и международных организаций для оплаты своих долгов и текущих счетов, следствием чего становится полная финансовая зависимость от развитых стран и международного капитала;

д) низкой заработной платой работников и растущим недовольством широких масс народа, чреватого опасностями конфликтов и обострения внутривнутриполитической ситуации в периферийной стране.

5. Сегодняшняя периферийность в свете нашего прошлого

Как мы старались показать выше, принятая модель рынка предопределяет нам периферийную судьбу со всеми вытекающими отсюда последствиями. Такое будущее по-другому высвечивает наше советское прошлое. Было ли оно отрицательным или в нем содержалось также положительное для нас? Верно, что на предложенный нами альтернативный путь развития мировой капитализм ответил экономической блокадой и политическим противостоянием. В результате мы оказались в изоляции от остального мира и лишились возможности пользоваться преимуществами международного разделения труда и сотрудничества. Но, с другой стороны, именно благодаря Октябрьскому (1917 года) повороту в нашей судьбе в течение нашего социалистического периода мы перестали быть периферией мирового капитала. В результате наши ресурсы начали служить нам самим. Благодаря этому стало расти благосостояние населения, а социальные показатели нашего развития при меньшем объеме ВВП на душу населения поднялись на уровень развитых стран или выше. Теперь мы вновь становимся периферийной страной, и

все социальные показатели покатились вниз. Самым тревожным из них является резкое повышение смертности населения и сокращение продолжительности жизни.

Наблюдаемый в результате рост народного недовольства — закономерное следствие нашего поворота на путь капитализма и приобретения черт периферийной страны, экономика которой подчинена больше интересам иностранного капитала, чем интересам своего народа. Ведь при капитализме мировые ресурсы всегда распределялись к выгоде стран центра и в ущерб странам периферии. В результате правящие классы стран центра имеют достаточно средств как для удовлетворения своих интересов, так и для обеспечения благосостояния своих народов и достижения с ними социального компромисса по поводу существующего режима. У правящих классов периферийных стран в виду их компрадорского положения вместо психологии «для себя и для других» вырабатывается другая психология: «все — только для себя». Основную массу населения имущий класс, как мы теперь хорошо видим на собственном примере, оставляет в нужде и страданиях. Но тогда, сколько ни говори о социальном компромиссе и консенсусе, как это делается в современной России, пользы от этого нет. Ограбленные не могут полюбить своих грабителей и прийти с ними к согласию по поводу сохранения существующего режима. Наоборот, ограбленный всегда будет держать камень за пазухой с готовностью кинуть его на голову своего грабителя.

В такой ситуации демократия не может быть устойчивой. Поэтому судьба демократии и ее устойчивость являются разными в странах центра и периферии. В странах центра демократия упрочилась одновременно с ростом народного благосостояния. Можно сказать, что ценой благосостояния там был куплен социальный компромисс. В странах периферии ничего подобного нет и пока не видно признаков изменения ситуации к лучшему. Демократия остается здесь неустойчивой в виду неверия недовольных в чистоту и честность демократических институтов и процедур. «В результате, — пишет исследователь российской периферийности Б. Кагарлицкий, — политические системы Запада оказываются устойчивее, демократии — стабильнее, политические и избирательные процессы — более “чистыми” и т.д. Не наличие «богатой демократической традиции» предопределяет устойчивость западной свободы, а, напротив, неизбежная экономи-

ческая неустойчивость периферии делает невозможным формирование «богатых демократических традиций»¹.

В свете нашего периферийного прошлого и будущего революционный выбор России в начале XX века приобретает существенно другой смысл, чем это воспринимается в последние годы. Поэтому нам представляется, что к опыту идейной борьбы прошлого о путях российского развития необходимо вернуться и хотя бы коротко его рассмотреть под углом зрения тех выводов, которые, на наш взгляд, из нее вытекают.

Для нашей истории, как известно, всегда была характерна борьба двух направлений общественной мысли. Одни предлагали строить наше развитие на основе принятия западных ценностей и за это получили название западников, а другие предлагали придерживаться традиционных ценностей, укоренившихся в жизни и сознании нашего народа на почве его особого исторического пути развития. За это они получили название почвенников. Здесь мы не будем воспроизводить спор между ними с его богатым содержанием, а лучше сразу перейдем к сути вопроса. Когда в конце XIX века Россия встала перед выбором пути своего дальнейшего развития, то спор между отмеченными направлениями приобрел форму борьбы между теми, кого называли народниками, с их ориентацией на народные ценности, и марксистами-либералами с их ориентацией на западный капиталистический путь развития.

До этого спора, разгоревшегося в двух последних декадах XIX века, народники были главной оппозиционной и революционной силой, противостоявшей царскому деспотизму в российском общественном движении. Они предлагали свергнуть монархию, ликвидировать систему помещичьего землевладения и с помощью существовавшей тогда в деревне крестьянской общины перейти к крестьянскому социализму, минуя, таким образом, беды западного капитализма.

Свое негативное отношение к западной модели капитализма народники аргументировали тем, что реализация растущих объемов капиталистического производства требует расширения рынка как внутреннего, так и внешнего, а у нас нет ни того, ни другого. Опираясь

¹ Кагарлицкий Б. Россия — периферийная империя. М.: Ультра Культура, 2004. С. 29.

на воззрения французского экономиста начала XIX века Сисмонди (1773–1842), они утверждали, что капиталистические отношения по природе своей порождают недопотребление масс и тем обрекают людей на материальные лишения и страдания. Помимо нравственной стороны этого дела, которой они придавали решающее значение, большой упор делали на невозможности реализации капиталистического продукта на внутреннем рынке, а следовательно, необходимости иметь для этого внешний рынок.

В спор с народниками по этим вопросам вступили либеральные сторонники западного капитализма. Особой активностью отличались марксисты: Плеханов¹, Ленин² и Туган-Барановский³.

Позиция Ленина, представленная в работе «Развитие капитализма в России», особо показательна. Рынок и капитализм воспеты там с присущим Ленину энтузиазмом как спасительная дорога развития России. Если бы эту работу написал кто-нибудь другой, то сегодня она возносилась бы реформаторами до небес. Плеханов и Туган-Барановский также с не меньшим упорством отстаивали эту идею.

Однако после ста лет перемен в мире и стране видны и слабости односторонней марксистской критики народников. Она была явно односторонней, направленной на опровержение взглядов Сисмонди и доказательство того, что капитализм сам создает себе рынок и бедность ему якобы не помеха. Марксисты выступали за развитие рынка и капитализма как необходимых предпосылок социализма. В то

¹ Plekhanov G. (1974) See «Socialism and The Political Struggle» and «Our Differences» in G. Plekhanov, *Selected Philosophical Workers* (Moscow: Progress Publishers, 1974) vol. I, pp. 49–352.

² Lenin V.I. (1960). *Collected Works* (Moscow: Progress Publishers, 1960) vol. I, II.

³ M.I. Tugan-Baranovsky. (1954). *Promyshlennyye Krisisy v Sovremennoy Anglii* (St. Petersburg: I.N. Skorokhodova, 1894). A second edition appeared in 1900, and a third in 1914. A second edition was translated into German as *Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England* (Jena: G. Fisher, 1901). The third edition has been partially translated into English as «Periodic Industrial Crises», *Annals of the Ukrainian Academy of the Arts and Sciences in the United States*, pp. 745–802.

время перед всеми маячила модель английского капитализма, которая с небольшими изменениями нашла свое воплощение в других странах Западной Европы и в Северной Америке. Англия была авангардом и символом политического и технико-экономического прогресса. Поэтому российские либеральные и марксистские теоретики были уверены, что дело обстоит так, как Маркс написал в предисловии к первому тому «Капитала». «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего»¹. В прошлом не было сомнений в том, что, вступив на путь капиталистического развития, Россия будет интегрирована в мировую экономику и придет к той же вершине, на которой находились страны Западной Европы.

Правда, в конце жизни Маркс стал сомневаться в категоричности своего утверждения и в 1881 году в письме к Вере Засулич уточнил, что сказанное им относится лишь к Западной Европе². В наше время этот вопрос показан также в ряде других работ³. Что касается отношения к русской крестьянской общине, что больше всего хотела выяснить Вера Засулич, то Маркс высказался о ней скорее в духе народников, чем своих последователей, отметив, что она «является точкой опоры социального возрождения России»⁴.

Однако здесь нас интересует не судьба общины, через которую, конечно, нельзя было осуществить социальное возрождение России, а односторонность ее русских критиков, старавшимися быть больше марксистами, чем Маркс. Они обошли своим вниманием основной довод народников, состоявший в том, что у России нет того внешнего рынка, без которого не стать Англией. В доказательстве необходимости внешнего рынка для успеха капитализма Даниельсон (в печати выступал под именем Николай-он,) близко подходил к идее Р. Люкембург и утверждал, что именно внешний рынок — арена

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 9.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 250.

³ Shanin T. (ed.) Late Marx and Russian Road: Marx and the Peripheries of Capitalism. London: Routledge & Kegan Paul. 1983; Howard M. C. and King. J. E. A History of Marxian Economics, vol. 1. Macmillan Education LTD. 1989.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф.. Соч. Т. 19. С. 251.

реализации созданного в развитых странах прибавочного продукта и притока доходов оттуда. Имея в виду колониальные захваты того времени, он писал, что «недалеко то время, когда для дележа ничего не останется, и тогда каждой из промышленных стран придется довольствоваться своим собственным внутренним рынком. А это для капиталистического производства по условиям его существования означает начало конца»¹. Здесь сходство с идеей Р. Люксембург об автоматическом крахе капитализма очевидно. Однако нас интересует не крах капитализма, а роль, которую Даниельсон придавал внешнему рынку для занятия господствующего положения в мире.

Еще более определенно по этому поводу высказывался другой видный представитель народничества Воронцов В.П. (выступал под псевдонимом В.В.). Намекая на английский образец господства в мире через свою внешнюю торговлю, он писал: «Мы не имеем внешнего рынка для своих продуктов, а внутренний сбыт так незначителен, что не может дать пищи для конкуренции»². Своими успехами западный капитализм, по мнению В. Воронцова, особо обязан внешнему рынку. «Дело ускорялось на Западе, — писал он, — привлечением к производству капиталов, нажитых ростовщицеством и эксплуатацией колоний... таким условием явилось существование внешнего рынка для сбыта продуктов»³. Спустя несколько лет, уже в другой работе, он продолжал выступать против иллюзии, что это решающее условие западного успеха когда-нибудь станет доступным для российского капитализма. России, писал он, «не следует строить проекты обеспечения материального преуспевания на соображениях об участии в капиталистической эволюции мирового рынка, потому что он будет скорее использован ее соперниками»⁴.

Из этих и других высказываний видно, что народническая позиция имела под собой определенные основания. Народники не верили, что России по примеру западных стран будет позволено восполь-

¹ Николай-он. Условия внутреннего рынка для продуктов крупной промышленности // Русское богатство. 1899, № 5. С. 68.

² В.В. Судьбы капитализма в России. СПб.: 1882. С. 32.

³ Там же. С. 85.

⁴ В.В. Судьбы капиталистической России. 1907. С. 220.

зоваться плодами мирового рынка, а без этого, говорили они, мы будем страдать от негативных последствий рынка и капитализма, не имея возможности пользоваться их позитивными плодами. Если перевести эту позицию на современный язык, то она означает следующее: если российская экономика будет включена в мировую в качестве ее периферии, то не сможет пользоваться её позитивными плодами. О том, что в таком случае происходит с периферийной страной, хорошо сказано Б. Кагарлицким. «Буржуазное развитие, — пишет он, — оказывается подчинено совершенно иной логике, нежели на Западе. Экономический рост и развитие рынка приводят не к раскрепощению народа, а к его закреплению, буржуазия растет количественно, но одновременно деградирует ее деловая культура. В итоге Россия из “нормальной” европейской страны со своими особенностями превращается в “отсталое” общество, отчаянно пытающееся модернизировать себя, догоняя Запад и постоянно опаздывающее»¹.

Зависимость периферийной страны от центра придает компрадорский характер и ее правящему классу, и тем он принципиально отличается от буржуазии центра. Это хорошо уловило в начале XX века левое крыло тогдашней русской социал-демократии. Самого серьезного внимания заслуживают истоки той перемены, которая произошла во взглядах Ленина через несколько лет после написания им «Развития капитализма в России». От восхваления капитализма он перешел к его резкой критике в лице российской либеральной буржуазии. Эта перемена была настолько судьбоносной для нашей страны и всего мира в течение всего XX века, что представляется чрезвычайно важным разобраться в том, как и почему такое произошло.

В то время когда русские либералы (а заодно с ними и правое крыло социал-демократии — меньшевики) продолжали исходить из прежнего догмата, что Россия должна повторить западноевропейский путь развития капитализма и таким образом выйти на вершину прогресса, левые социал-демократы, т.е. большевики во главе с Лениным по существу стали это отрицать. Они не пересматривали свои прежние идеи о прогрессивной роли рынка и капитализма, но отрицали способность российской либеральной буржуазии возглав-

¹ Кагарлицкий Б. Россия — периферийная империя. М.: Ультра Культура. 2004. С. 30.

лять этот процесс. Главным в левых кругах стал вопрос о том, что собой представляла российская буржуазия, на что она способна, может или не может возглавить демократические преобразования в своей стране? Или ее устраивает статус-кво и она будет — как делала до сих пор — и дальше искать союза с монархией и пренебрегать интересами модернизации страны и широких слоев населения? На языке того времени проблема формулировалась так: кто может выступать гегемоном (ведущей силой) демократической революции, буржуазия или пролетариат?

На эту тему шли горячие споры в российской общественной мысли. Но сама буржуазия в лице своих политических партий проявляла мало интереса к ним. Далекая от страданий народных низов и глухая к ним, она жила одним днем, и перспективы страны ее не занимали. Ее представители, озабоченные исключительно своими положением, постами и доходами, спокойно сидели на пороховой бочке революционного взрыва и справляли пир, не чувствуя грозящей им опасности. Мер к смягчению ситуации, ослаблению социальной напряженности они не принимали. Не пытались они разубеждать и критиков буржуазии и предложить альтернативный революции путь решения российских проблем.

А тем временем в продолжавшихся спорах, в которых меньшевики отстаивали традиционную марксистскую точку зрения, что гегемоном буржуазной революции, как это было, например, во время Великой французской революции 1789 года, в России тоже должна быть буржуазия. Поэтому они, во-первых, предлагали делать ставку на буржуазию и ориентироваться на ее революционные возможности; во-вторых, ограничить российскую революцию свержением монархии и установлением демократической республики, а социалистические преобразования, осуществимые на втором этапе революции, рассматривать как исторически более отдаленную задачу.

Как одни, так и другие были согласны в том, что капиталистическое развитие России затруднено сохранением феодальных отношений в виде помещичьего землевладения и личной зависимости крестьян от них, а также антидемократической монархической формой государственного устройства. В силу этих причин *по примеру западных стран* Россия стоит перед необходимостью осуществления буржуазно-демократической революции, которая устранил эти преграды,

установит буржуазную демократию и откроет свободную дорогу не только для развития капитализма, но и легализации рабочих партий. Тем самым, утверждали они, начнут создаваться предпосылки следующего этапа революции, которая откроет дорогу к социализму.

Однако дальше начинались принципиальные разногласия. Большевики утверждали, что *в отличие от западных стран* русская буржуазия пресмыкается перед монархией, пренебрегает интересами основной части населения и не пользуется ее поддержкой, а потому не может стать ведущей силой (гегемоном) таких преобразований, которые осуществила буржуазия западных стран. Поэтому в этой роли, говорили они тогда, может выступать не буржуазия, а городской пролетариат. Однако после революции 1905 года, которая показала революционный потенциал крестьянства, большевики стали говорить о необходимости союза пролетариата с крестьянством как условия прогресса страны. Но тем самым была признана, по крайней мере частичная, правота народников, которые отрицали, что развитие капитализма само по себе не ведет нас к желанной цели. Теперь Ленин и другие большевики, по существу, вынуждены были больше учитывать российскую специфику и вносить существенные поправки в свои первоначальные представления.

По особому отразилась российская специфика на взглядах Льва Троцкого. Как активный участник революции 1905 года он был избран председателем Петербургского совета рабочих депутатов и приобрел в революции такую популярность, которой никто другой из ее деятелей в то время не имел. Под влиянием опыта 1905 года он пришел к выводу, что ввиду неучастия русской буржуазии в революции её знамя перехвачено и поднято пролетариатом, который никому теперь его не уступит. Поэтому, когда революция начнется вновь, утверждал он, то она уже не остановится на буржуазном этапе, а станет немедленно перерастать в социалистический, минуя исторический интервал, который в то время предполагался не только меньшевиками, но и большевиками. Такую непрерывную революцию он назвал *перманентной*. Но эта позиция была названа крайней, и в то время мало кто ее разделял. Однако когда в 1917 году в России произошла Февральская революция, самодержавие пало и к власти пришли буржуазные партии, стало очевидно, что требуемые народом преобразования в обществе они осуществить не хотят. Перед лицом этой

нерешительности рабочие и крестьянские массы стали проявлять повышенную активность и брать на себя инициативу по революционному преобразованию общества. Тем самым события подтвердили не только оценку, которую давали большевики российской буржуазии, но и прогноз, который давал Троцкий будущему ходу русской революции. Перед лицом неспособности и нежелания буржуазии осуществить необходимые преобразования рабочие и крестьянские массы крайне революционизировались вплоть до осуществления социалистических преобразований через голову буржуазии.

Здесь нет нужды и возможности излагать дальнейший ход русской революции. Подчеркнем лишь, что помимо всего прочего она предполагала преодоление полупериферийного характера страны. Упор народников на ее специфику тоже был обусловлен этим. Хотя в то время не было понятий центра и периферии, но по-своему они говорили об этом. Ведь и тогда существовало деление стран по уровню их развития, и они понимали, что ворота в группу развитых стран блокированы теми, кто уже овладел мировым рынком, хозяйничает в нем, и по их правилам нам туда не попасть.

Отсталость России, которая была следствием ее периферийного положения в мире, большевики ясно сознавали в понятиях тогдашней марксистской доктрины. В отчаянной попытке вытащить свою страну из этого состояния они стали создавать особую теорию революции, в которой решающую роль отводили не буржуазии, а пролетариату. Они исходили из того, что российская буржуазия, пресмыкающаяся перед царизмом и зависимая от Запада, не способна поднять свою страну до уровня развитых стран, и свои надежды связывали с европейским пролетариатом. Большевики полагали, что корыстная европейская буржуазия заинтересована в господстве над Россией и будет консервировать ее отставание, а бескорыстный пролетариат будет заинтересован в освобождении всех народов от угнетения, а потому его победа в революции откроет дорогу созданию Соединенных штатов Европы, куда Россия войдет в качестве равноправного члена семьи европейских народов. В результате исчезнет деление стран на развитые и неразвитые.

Но европейская революция не произошла, и нам пришлось преодолевать свою отсталость собственными силами. И хотя в советское время до уровня развитых стран нам подняться не удалось, но, во-

первых, прежняя отсталость была преодолена, и мы стали одной из двух ведущих держав мира, не только в военном, но и научно-техническом отношении; во-вторых, мы перестали быть периферийной страной. Сейчас эти преимущества потеряны, и мы вновь скатываемся к своему дореволюционному периферийному положению со всеми свойствами, присущими такого рода странам.

Важная особенность таких стран, как уже говорилось, — их вхождение в мировой рынок как поставщиков сырья и рынка сбыта готовых изделий. Это основной способ перекачивания ресурсов из периферии в центр, благодаря чему в центрах капитализма создаются особые условия, необходимые для экономического роста, благополучия населения и достижения социального компромисса, неременного условия упрочения свободы и демократии в странах «золотого миллиарда». Если верна рассмотренная выше мысль, что нищие не могут быть свободными, то демократию следует связывать не только с традицией, но и благополучием людей. Послевоенные Германия и Япония — самый яркий тому пример. Пока народы этих стран были недовольны своим положением, они прибегали к насилию как доступному им средству достижения своих целей. Когда в послевоенный период в силу противоборства двух систем они были поставлены в особые и выгодные условия и благодаря этому благосостояние их населения стало расти, тогда и демократия в них упрочилась.

По той же логике, на наш взгляд, следует оценивать современную российскую ситуацию. Корни трех русских революций (1905 года, Февральской, затем Октябрьской 1917 года) и сопровождавшего их насилия заключены в недовольстве широких масс населения своим положением. Люди прибегли к насилию, так как не видели другого способа улучшения своего положения. От недовольных нельзя ожидать уважения к режиму, обрекающему их на нужду и страдания. Бессмысленно требовать от них и демократии западного типа, которая ни с какой стороны им не известна. Если их тяжелое положение не улучшится, то они всегда будут прибегать к насилию как единственно доступному им средству достижения своих целей.

Поэтому периферийные страны нуждаются не в западных нотациях о том, как хороши свобода и демократии, а в такой системе международных отношений, при которых они могли бы использовать как собственные ресурсы, так и плоды мирового научно-технического

прогресса в интересах благополучия своих народов и достижения таким путем у себя социального компромисса. Пока этого нет — источники насилия, жестокости и террора остаются в силе, и их жертвами будут то одни, то другие.

Показанная выше ситуация полного пренебрежения российским имущим классом интересами и нуждами своего народа чревата серьезной опасностью такого рода. Чем больше мы будем оставаться в рамках принятой модели рынка, а следовательно, бесконтрольности и произвола обезумевшего от своих богатств правящего класса, тем ближе, мы будем к этой опасности. Поэтому от принятой модели рынка как экономически неэффективной и социально опасной, на мой взгляд, нам следует отказаться. Благо, к нашим услугам есть близкая нашей специфике и эффективная во всех отношениях японо-китайская модель экономики.

6. Японо-китайская модель преодоления периферийности

Вслед за японским чудом теперь мир стал свидетелем китайского и вьетнамского чуда, а дальше нас еще ожидает индийское чудо. Как Япония в прошлом, так теперь Китай и Вьетнам показывают миру необычайно высокие темпы экономического роста. Этот феномен, разумеется, не может не привлекать внимание мировой общественности. О нем говорят, пишут, а некоторые им восхищаются. При этом, естественно, делаются попытки объяснить причины необычайности феномена.

Однако в учебниках по экономической теории причины высоких темпов роста в указанных странах объяснения не находят. Ни в одном из тех, что стали доступны нам, нет концептуально-теоретического объяснения причин высоких темпов роста «азиатских тигров», проложивших собственный путь в группу развитых стран. Внимание мировой экономической мысли приковано, главным образом, к западным странам, «золотой век» которых в течение послевоенного (после Второй мировой войны) обычно объясняется использованием кейнсианских методов государственного регулирования экономики, предупреждения спадов и обеспечения занятости. В то же время от-

мечается, что эти методы со временем привели к чрезмерному росту инфляции, а потому от них пришлось отказаться и принять фридменскую концепцию свободного (нерегулируемого) рынка.

А чем же объяснить высокие темпы роста азиатских стран, который приходится как раз на период отказа Западом от кейнсианских методов регулирования экономики? Ответа на этот вопрос нет. Упор на опыт одних и игнорирование опыта других, на мой взгляд, имеет две основные причины.

Первая связана с доминированием западной культуры в современном мире и существованием языковых барьеров изучения ситуации в других странах. В современном мире английский язык играет ту же роль, какую в период господства Рима играл латинский язык. И больше всего это относится к экономической теории, которая создана англичанами и помимо самой Великобритании наибольшее развитие получила в англоязычных странах — США, Австралии, Канаде. Естественно, что англоязычные экономисты, прежде всего, изучают экономику своих стран и делают свои теоретические обобщения на этом материале. Обычно наука так именно и делается, и отдадим им должное за их вклад. Но каким бы ценным ни был опыт англоязычных стран, за его пределами остается много интересного и достойного внимания и изучения, но недоступного исследователям этих стран, как по причине существующих идеологических предвзятостей, так и по причине языкового барьера. Представителям других культур логикой вещей приходится изучать и знать английский язык, и благодаря этому они получают доступ к имеющейся на этом языке экономической литературе. Что касается представителей англоязычных стран, то мало кто из них знает другие языки, а без этого нет доступа к кладовой чужого опыта.

Вторая — и, быть может, более важная причина невнимания теоретиков к опыту экономического чуда других стран, на мой взгляд, связана с тем, что их опыт не укладывается в сложившиеся на Западе стереотипы экономического мышления. Речь идет не только об аксиомах неоклассической ортодоксии, с которыми этот опыт имеет очень мало общего, но и другие направления экономической мысли, в том числе кейнсианство.

Это, разумеется, не означает, что западные люди не замечают местной специфики и о ней не пишут. Вполне замечают и пишут

много интересного. Но здесь имеется в виду другое: опыт стран экономического чуда не укладывается в понятия ни одной из знакомых нам экономических концепций, и теоретик, привыкший обобщать существующую реальность, теряется перед лицом картины, незнакомой ему по прежним представлениям.

Полагаю, что пишу об этом с некоторым знанием дела, поскольку мне пришлось на себе испытать эту растерянность. В отличие от западных советологических центров, которые всегда интересовало разоблачение советского опыта как негодного, в Японии всегда проявляли внимание к его положительной стороне. Поэтому в начале 80-х годов мне удалось побывать в Японии с чтением лекций по советской экономике. Программа моего пребывания предусматривала также знакомство с японской экономикой путем непосредственных наблюдений и контактов с бизнесменами и учеными. На основе предварительного знакомства с доступной мне литературой у меня было представление о Японии, как о такой же, как другие, капиталистической стране. То, что я увидел и узнал на месте, было совершенное другое. Вопреки и западным, и советским стереотипам Япония предстала передо мной больше как социалистическая страна с плановой экономикой, чем как капиталистическая страна с рыночной экономикой. Правда, японский «социализм» отличался от советского принципиально, и тем не менее, имел немало сходного с ним. Разумеется, у японского «капитализма» также немало общего с западным, но совсем не в таком смысле, как его изображает ортодоксальная наука.

Сходства японской экономики с советской были поразительными. Они касались, по крайней мере, трех фундаментальных особенностей японской экономики.

Первая относится к роли государства и национального планирования (программирования) в развитии экономики, осуществляемой специально для этой цели существующим органом — Economic Planning Agency. Разумеется, это не был советский Госплан, который разрабатывал единые и во всех частях — в отраслевом и территориальном разрезах — директивные плановые задания. Но ничего похожего на *laissez faire* или невидимую руку рынка здесь тоже не было. Здесь было мягкое планирование в условиях большей свободы рыночных отношений при полной прозрачности не только того, что есть, но и того, что будет через 5 или 10 лет. Японское плановое агент-

ство прямых директив не издает, но косвенно — с помощью цен, налогов, льгот, процентных ставок или прямого финансирования — умело подгоняет экономический рост под заранее разработанные (по существу плановые) проектировки.

Японские специалисты великолепно знали сильные и слабые стороны советского планирования, и я не раз обращал внимание, что они, имевшие опыт работы в административных органах, знали детали планирования гораздо лучше меня. В двух случаях я заметил у японских коллег даже хорошую осведомленность о советских дискуссиях 20-х годов, когда у нас обсуждался вопрос о том, каким быть плану: планом-прогнозом или планом-директивой. Если японцы действительно были знакомы с ней, то в отличие от нас они сделали выбор явно в пользу первого, а не второго варианта.

Находившаяся у власти в Японии либерально-демократическая партия в отличие от КПСС, разумеется, прямо в экономику не вмешивалась, но японское правительство и другие государственные органы никак нельзя называть ночным сторожем бизнеса, к чему ортодоксия сводит роль государства. Нет, японское государство не только сочиняет музыку, но и дирижирует ее исполнением, а бизнес не считает зазорным танцевать под неё.

Дирижерские функции государства отмечали многие исследователи японской экономики. «Центральная администрация, — пишет один из авторов, — является главным хранителем общественных интересов. Она решает, в чем заключается общественный интерес. Решение о том, как должна быть упорядочена или структурирована экономика страны, находится в ведении администраторов, которые формулируют бюджет, дают административные указания, которым должен следовать бизнес, ведет государственные контракты, назначает и распределяет субсидии, займы, инвестиции и закупки таким образом, что это благоприятно или неблагоприятно отражается на ряде отраслей и предприятий. Другими словами, правительство через своих администраторов стимулирует, защищает, контролирует, регулирует экономическую деятельность и часто управляет ею»¹.

¹ Yanaga C. Role of the Bureaucracy. / Postwar Japan 1945 to the Present. New York: Pantheon Books a Division of Random House. 1973. P. 418.

Из сказанного видно, что в отличие от советских плановых органов, издававших прямые, и обязательные к исполнению директивы, японская администрация применяла более мягкие формы воздействия. Путем использования косвенных рычагов воздействия на агентов рынка в условиях более широкой, но не безграничной свободы рынка она добивалась большей эффективности, чем советская администрация с ее жестким планированием.

Однако, как бы планирование ни осуществлялось — жестко или мягко, — оно предполагает тесные отношения между бизнесом и властью, и в Японии это было и есть. Причем японцы, как это можно было заметить по их рассказам и оценкам, не только не стыдятся, а гордятся этим как цивилизованной формой сотрудничества во имя своего народа. По всему было видно, что неоклассическое требование о невмешательстве государства в экономику здесь не пользуется признанием. Когда же я напоминал об этом, то это вызывало вежливое, но отрицательное движение головы в знак его полной неприемлемости. Не столько мотив получения прибыли, сколько ответственность за величие страны и гордость за ее успехи отчетливо звучали в объяснениях и ответах на вопросы японских бизнесменов.

Впрочем, эту сторону дела отмечают также многие иностранные аналитики. Вот что пишет американский автор, изучавший различные стороны японского образа жизни. «В Японии взаимоотношения между правительством и бизнесом, пишет американский автор, — не как у противников, взаимно подозрительных друг к другу, как в США, а как у тесно сотрудничающих сторон. Контраст настолько велик, что американцы нередко преувеличивают его, ошибочно утверждая, что правительство и бизнес в Японии образуют единое целое — “Япония инкорпорейтед” — в котором, как говорят, либо правительство полностью контролирует бизнес, либо наоборот — таинственным образом объединенный мир крупного бизнеса контролирует правительство»¹.

Из множества имеющихся в литературе высказываний подобно-го рода решил привести именно это, поскольку оно позволяет яснее других выразить мысль. Если бы американская оценка была верна,

¹ Reischauer E.O. The Japanese. Tokyo: Charles E. Tuttle Company. 1982. P. 191.

то не было бы особой разницы между тем, как функционируют советская и японская экономики. О советской экономике действительно можно сказать, что она являлась одной корпорацией. Иногда Ленин так ее и называл. Но о японской этого нельзя сказать, ибо во многом она, конечно, является частной и капиталистической, хотя и существенно иной, чем в западных странах. Таким образом, разницу между экономиками СССР и Японии грубо можно представить как величину американского преувеличения. Короче говоря, с учетом специфики страны можно сказать, что японское планирование это советское планирование за минусом его недостатков.

Вторая особенность японской экономики касается пожизненного найма (a system of lifetime employment) и определения заработной платы в зависимости от стажа работы и возраста. Здесь тоже мы находим больше сходства с советской системой, чем с типичной капиталистической.

Мы не будем вдаваться в вопрос о самурайском происхождении пожизненного найма, но все-таки отметим, что, по мнению многих авторов, писавших на эту тему, он представляет собой модернизированный вариант унаследованных от феодального времени патриархальных отношений, когда крестьяне были привязаны к данному хозяину, а он, в свою очередь, заботился об их благополучии. В современных условиях, когда до одной трети рабочих трудилось на фирмах на условиях пожизненного найма, он стал одним из источников японского чуда. Таких работников ни при каких условиях не увольняют, а они тоже, в свою очередь, ни при каких условиях никуда не уходят. В пору успехов фирмы и в пору ее неудач работники остаются в ней. Фирма — второй дом, как для хозяина, так и для работника.

Такие условия фактически превращают фирму из частной собственности в общественную. По марксистской терминологии эти условия называются непосредственным соединением работника со средствами производства, при которых исключена эксплуатация работника, а понятие хозяина исчезает, поскольку тот теряет власть над работниками. Если работнику гарантировано право на труд и он не может быть уволен, то он уже не является наемным в собственном смысле этого понятия, а по существу превращается в хозяина, заинтересованного в успехе своей фирмы и несущего ответственность за результаты ее деятельности. По марксистской теории такой

работник называется «социалистическим производителем». Сложившиеся таким образом отношения, будь они в Японии или другой стране, не менее, если не более, социалистические, чем те, которые имели место в СССР и других социалистических странах.

Одно только выпадение трети работников из сферы спроса и предложения рабочей силы, как это было в Японии по причине пожизненного найма, сделало неоклассическую концепцию рынка труда не подходящей для объяснения ситуации в этой стране. Но дело не ограничивается этим. Японский опыт показал такой способ определения заработной платы, который также с помощью ортодоксальных положений не поддается объяснению. Мы имеем в виду определение заработной платы по социальным характеристикам работника, т.е. в зависимости от пола, возраста, стажа работы, прилежности и верности компании и т.д. Заработная плата в Японии, где бы человек ни работал, растет с годами по мере изменения его социального статуса (семейное положение, стаж работы, инициативность, занимаемая должность, и т.д.). Правда, молодые работники не всегда довольны этим порядком, считая, что их квалификация и вклад в дело недостаточно учитываются при установлении им заработной платы.

Тем не менее здесь нет ничего похожего на картину, изображаемую неоклассической теорией. Самое главное — нет рынка труда в его западном понимании, а следовательно, и такой свободной конкуренции, которая бы давала ортодоксии основание утверждать, что она (конкуренция) приравнивает заработную плату к предельному продукту труда. Правда, японская специфика не поддается объяснению и с помощью марксистской теории. Здесь нет также и того антагонизма между трудом и капиталом, в силу которого, как утверждает марксистская теория, ненужные в данный момент работники выбрасываются на улицу, и образуется армия безработных. Поскольку здесь нет свободной конкуренции на рынке труда, то не может действовать механизм образования стоимости рабочей силы, превращенной и денежной формой которой, по марксистской теории, выступает заработная плата.

Отношения между трудом и капиталом марксизм определяет как антагонистические. На этом базируется его теория классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Неоклассическая теория рассматривает эти отношения как рыночные, т.е. как куплю-продажу

труда (рабочей силы). На этом базируется ее теория социального партнерства между двумя факторами производства. К Японии неприменимо не только первое, но и второе определение. Отношения работников и работодателей здесь являются такими, каких нигде на Западе нет. Они носят патерналистский характер, и японцы не стыдятся, а гордятся этим. С одной стороны, патернализм выступает как наследие прошлой феодальной эпохи, а с другой — политическое последствие поражения страны во второй мировой войне. Из шока этого поражения японский правящий класс сделал вывод, что единство со своим народом и забота о его интересах и благополучии является основным гарантом не только мирного развития страны, но и ее успехов на мировой арене. Выход Японии на передовые позиции в мировом научно-техническом прогрессе и высокая конкурентоспособность ее товаров на мировом рынке достигнуты не столько потому, что бизнесмены набивали свои карманы, сколько потому что выгоды шли на пользу всего населения страны.

Если бы Япония приняла такую модель экономики, которая позволяла первое, но делала невозможным второе, то ее развели бы социальные конфликты и она не могла стать передовой технической державой. Только потому, что плоды технического прогресса и конкурентоспособности японских товаров шли на благо всего народа, он не только принял этот курс экономической политики, но был его активным проводником в жизнь. В результате благосостояние непрерывно росло, смертность населения опустилась до самой низкой отметки в мире, а по продолжительности жизни Япония заняла одно из ведущих мест.

Третья особенность японской экономики состоит в стопроцентном кооперировании фермерских хозяйств и отсутствии в них наемного труда. Такая система сельского хозяйства возникла путем проведения аграрной реформы в первые послевоенные годы и ликвидации существовавшей до этого помещичьей собственности на землю. В результате класс помещиков был ликвидирован, а их земли проданы государством прежним арендаторам, которые превратились в самостоятельных фермеров, ведущих хозяйство на участках до одного гектара.

В таких хозяйствах нет нужды и возможности найма рабочей силы. Поэтому все хозяйства — семейные. Крупных фермерских хо-

зяйств, где бы применялся наемный труд, в Японии нет. В очень редких случаях лишь на время могут прибегать к найму рабочей силы, что позволяет считать, что практически такого найма нет. Зато все фермерские хозяйства входят в различные кооперативные объединения бытового и снабженческого характера. В своей производственной специализации, т.е. в выборе того, что производить, каждое хозяйство полностью свободно. Зато объем производства квотируется бытовыми возможностями кооператива. В этом смысле японское квотирование есть то, что у нас называлось планированием. Меньше предоставленной квоты (планового объема) фермеру нет смысла производить, а больше у него не берет бытовой кооператив.

В этом вопросе также меня поражало не только блестящее знание японскими специалистами советских концепций и опыта, но в особенности их необыкновенная мудрость и умение брать самое лучшее из чужого опыта. Во всяком случае, японская кооперация была такой, какой ее предлагал Ленин в своих последних работах, в то время как советская коллективизация, как я хорошо знал не только теоретически, но и по опыту своей практической работы, осуществлялась противоположно тому, что содержалось в этих работах. Ленин предлагал объединить российских крестьян в сбыто-снабженческие и кредитные кооперативы. Но у него нет ни одного слова о кооперировании производства, а тем более о директивных заданиях государства по всей номенклатуре изделий, как мы это делали в течение многих лет.

Предпринятые экскурсии в прошлое мы рассматриваем как подтверждение нашей главной мысли здесь. Несмотря на то что Япония политически принадлежит западному миру, ее экономика характеризуется такой глубокой спецификой, которая не дает оснований считать, что она развивается по законам неоклассической аксиоматики. Во всяком случае, сказанное выше в отношении сельского сектора японской экономики, на наш взгляд, так именно и следует расценивать. Отсутствие такого системообразующего свойства капитализма, как наемный труд, дает нам основание утверждать, что японское сельское хозяйство не является капиталистическим. Капитализм всегда предполагает наемные (рыночные) отношения работника и работодателя, а если нет одной из этих сторон, то и другая сторона не может выполнять капиталистическую функцию.

Что касается японской экономики в целом, то при наличии в ней немалых черт капиталистического хозяйства, на наш взгляд, ее также нельзя считать идентичной западному капитализму. Эта мысль не является оригинальной. Она встречается во многих других работах. Так, Раушнер отличает японскую модель экономики как от западной капиталистической, так и от советской социалистической. «Фактически, — пишет он, — данная модель может быть более широко признана в качестве успешного среднего пути между крайностями чистого социализма и классического капитализма. Японскую систему можно назвать посткапиталистической, поскольку ею руководят сидящие на жалованье «бюрократы от бизнеса» и она направлена на службу обществу, а не просто на получение прибыли. Она не подчиняет себя всецело невидимой руке рынка, но следует указаниям правительства. В то же время правительство не душит экономический рост, как оно это делает в некоторых социалистических государствах, настаивая на том, чтобы всё планировать и контролировать всю экономику. Существует широкий простор для свободного предпринимательства, хотя в то же время существует и целенаправленное руководство со стороны правительства. Как наиболее успешная модель в мире за последние годы, она безусловно достойна изучения другими и, где это возможно, подражания, хотя нужно признать, что часть ее успеха кроется в ряде базовых японских характеристик, которые другие народы, может быть, неспособны или не желают имитировать»¹.

Это было написано почти четверть века назад. С тех пор многое изменилось в мире, но эти изменения были подтверждением правильности приведенных слов. Крайности потерпели и терпят поражение. После распада советской плановой системы теперь на тех же территориях терпит крах попытка насаждения западной модели капитализма. Зато лишенный крайностей срединный путь развития — после Японии — в Китае вновь демонстрирует впечатляющий успех. Планово-рыночная экономика Китая переняла у Японии пальму мирового лидерства в темпах экономического роста и уже четверть века никому ее не уступает. Почему страны, вставшие на аль-

¹ Reischauer E.O. The Japanese. Tokyo: Charles E. Tuttle Company. 1982. P. 194.

тернативный Западу путь развития, имеют успех, а перенимающие западную модель и идущие указанным им путем терпят впечатляющий провал?

Если альтернативный Западу характер японской экономики приходится доказывать в виду принадлежности этой страны к западному политическому лагерю, то в отношении Китая нужды в таких доказательствах нет. Ни в каком отношении Китай не принадлежит западному лагерю. Современный Китай — детище социалистической революции 1949 года и со всеми трудностями и проблемами идет по этому пути. Все проведенные в последние годы реформы, в том числе расширение сферы рыночных отношений и частного предпринимательства, поскольку они обеспечивают рост экономики и благосостояния населения, не только не противоречат социалистическому идеалу, а являются формой его осуществления. Перефразируя известные слова Дэн Сяопина, скажем: неважно, каким образом сажать деревья, — важно, чтобы они приносили плоды и побольше.

Из этого вытекает необходимость разграничения разных типов предпринимательства. Если частный предприниматель добывается своего обогащения за счет эксплуатации, угнетения, нужды и страданий других, то он ставит общество перед необходимостью лишения его власти и собственности. Но если он вместе с получением прибыли работает на общее благо, создает рабочие места и способствует росту народного благосостояния, то его надо поддерживать и награждать всеми имеющимися наградами. Поскольку Китай развивает не первый, а второй тип частного предпринимательства, то рассуждения западных либералов о становлении капитализма в Китае путем заимствования рыночных методов хозяйствования лишены оснований.

Рыночные реформы ведут к восстановлению капитализма там, где такие реформы проводятся в рамках предлагаемой Вашингтонским консенсусом модели экономики. Развитие по такой модели, как уже отмечалось, предполагает такую либерализацию, чтобы открыть границы для притока иностранных товаров, капиталов, а неизбежный в таких условиях бюджетный дефицит покрывать за счет иностранных кредитов, втягивающих реформируемую страну в систему зависимости от международных финансовых центров. В случае с Китаем ничего подобного нет. Китай отверг Вашингтонский консенсус и проводит свои реформы своим умом и в собственных инте-

ресах. Китайская стратегия преодоления своей отсталости (периферийности) и подъема до статуса второй, а затем и первой державы мира опирается на модель развития, которую мы называли японо-китайской, хотя ее свойства характерны также для ряда других стран Юго-Восточной Азии.

Вначале Япония, затем другие «азиатские тигры», а теперь Китай и Вьетнам показывают миру новую модель экономического развития, позволяющую преодолеть периферийность (отсталость) страны и обеспечивающую ей выход на передовые позиции в мире. Отличительные черты этой модели мы теперь лучше всего видим на примере Китая:

Во-первых, отказ от фетишизации идеологических ценностей, какими для западной либеральной концепции являются частная собственность и рыночная экономика, а для советской марксистской концепции — государственная собственность и централизованное планирование. Новая модель экономики исходит из прагматической концепции социальной ориентации экономического развития и на первый план выдвигает задачу повышения народного благосостояния во всех областях жизни.

Как мы старались показать выше, попытки реформирования экономики в бывших социалистических странах потерпели крах, потому что они были ориентированы на достижение идеологических целей. Приватизация государственной собственности, разрушение социалистической плановой экономики и утверждение на ее месте рыночной экономики, основанной на частной собственности, были самоцелью. Что будет при этом с населением этих стран, «реформаторов» и их западных наставников не занимало. В результате положение населения ухудшилось. Отсюда его негативное отношение к реформам.

В Японии, Китае и Вьетнаме все по-другому. Реформы были проведены таким образом, что экономический рост сопровождался повышением народного благосостояния. Население пожинало благотворные плоды реформ и принимало активное участие в их осуществлении. Чрезвычайно высокая трудовая, изобретательная и предпринимательская активность значительных слоев общества была и остается одним из важнейших источников японского, а теперь китайского и вьетнамского чуда.

Во-вторых, смешанная планово-рыночная организация экономики со значительными регулирующими функциями государства, в особенности макроэкономических пропорций, вместо чисто рыночной ее организации, когда функция государства сводится к роли ночного сторожа, а развитие экономики предоставлено воле невидимой руки рынка. Тесная связь между бизнесом и государством, о которой говорилось выше на примере Японии, проявление такой модели экономики.

Япония пришла к ней прежде всего под влиянием шока своего поражения в ходе Второй мировой войны, когда ее экономика оказалась в руинах. Тогда было осознано, что своей невидимой рукой рынок не сможет вывести экономику из этого состояния, а тем более поднять ее до нужной высоты. Поэтому государственная власть стала основным рычагом этого подъема.

Китай пришел к необходимости этой модели с противоположной стороны, под влиянием шока «культурной революции» и провала тотального планирования. В начале революции Китай механически заимствовал опыт советского планирования и полагал, что одними директивами без рынка можно сделать рывок к желанной высоте. Однако со сменой маоцзедуновского политического руководства страны стало ясно, что плановое управление имеет преимущества в одном и недостатки в другом, главным из которых является сковывание инициативы низовых звеньев хозяйствования. Стало ясно, что развитие рынка и частного предпринимательства устраняет не только этот недостаток плана, но и позволяет повысить эффективность плановых проектировок. Поэтому Китай резко ограничил сферу плановых заданий и открыл достаточно широкий простор рыночным отношениям и частному предпринимательству. Выдающимися успехами, достигнутыми таким путем, он положил конец басням о несовместимости плана и рынка.

В-третьих, активизация частного предпринимательства, которая осуществляется не путем разрушительной и грабительской приватизации, как это было в постсоветских государствах, а путем основания и развития частных предприятий, их обеспечения ресурсами, повышения результатов деятельности и создания таким образом класса талантливых организаторов и менеджеров частных и государственных предприятий. Правда, Китай имел для этого лучшие

возможности, поскольку частное предпринимательство там до конца не было ликвидировано, и всегда оставались его островки, которые в условиях реформы стали опорой развития частного капитала. Тем не менее главное то, что государственная собственность была не разрушена, а преобразована в соответствии с требованиями рынка, а развитый частный сектор был создан за счет его форсированного роста при полной государственной поддержке.

В-четвертых, улучшение образовательной системы и научных исследований, которые в Японии и Китае в отличие от нас не только не были разрушены в ходе реформ, а получили небывалое до этого развитие. Вместе с заимствованием лучшего зарубежного опыта и повышением отечественного образования и эффективности научных исследований практикуется массовое отправление молодежи на учебу в развитые страны, как и командировки и стажировки в западных научных центрах. Ученые не были опущены до нищенского уровня, как у нас, а, наоборот, было создано все необходимое для их эффективной работы. Наряду с этим была развернута в буквальном смысле массовая охота за лучшими в мире научно-техническими разработками, для приобретения которых не жалели никаких средств. В Японии, Китае и Вьетнаме было и есть полное сознание того, что расходы на образование и науку являются самой эффективной сферой приложения капитала, если иметь в виду не захват краткосрочных доходов, а долгосрочные интересы страны и перспективы ее развития.

В-пятых, экспортная ориентация экономики за счет всемерного развития обрабатывающей промышленности, прежде всего выпуска и поставки на мировой рынок изделий высоких технологий. Как было показано выше, только наукоемкие изделия с высокой долей добавленной стоимости приносят наибольшую выгоду стране и делают ее валютные доходы достаточными при всех условиях для того, чтобы не прибегать к кабальным займам международных финансовых центров и оставаться независимой. Только конкурентоспособность на мировом рынке гарантируют стране ее экономическую, а вместе с тем и политическую независимость от других. В прошлом мы видели это на примере обилия и высокой конкурентоспособности японских товаров на мировом рынке, а теперь то же самое мы видим на примере Китая.

Таковы, на мой взгляд, основные черты новой модели экономики, благодаря которой страны Юго-Восточной Азии демонстрируют впечатляющие успехи. Как видно, она глубоко отлична как от западной капиталистической, так и от советской социалистической систем развития, которые в силу присущих им крайностей взаимно исключали друг друга. Японо-китайская модель устраняет эти крайности и вбирает в себя достоинства обеих экономических систем. Благодаря этому она приобрела потенциал роста, который так изумляет мир. Хотя уже накопилась гора литературы об успехах этих стран, но теоретическое их объяснение явно отстает от констатации явления. Так, Р. Скидельский, опираясь на заключения профессора Оксфордского университета Грея пишет: «Грей предполагает, что японские и китайские модели политической экономики лучше приспособлены к новой дарвиновской борьбе за выживание на глобальных рынках, чем традиционные западные модели»¹.

Как видно, Скидельский считает, что японская и китайская модели являются разными, традиционно относя одну страну к капиталистическому, а другую — к потерпевшему поражение социалистическому миру. Мы же полагаем, что модель западного капитализма также терпит поражение, поскольку признается, что ее альтернатива в виде японо-китайской модели более эффективна для выживания. Но поскольку как Грей, так и Скидельский оставили без ответа вопрос о причинах этой лучшей выживаемости, позволим повторить свой ответ на этот вопрос: они исключили крайности западной и советской систем и вобрали в себя их достоинства.

¹ Skidelsky R. The Road from Serfdom. Penguin books. 1996. P. 167.

Г.Г. Водолазов
От «социализма» к «реальному гуманизму»
(об идейной эволюции
социалиста-шестидесятника)

Взглядом «постороннего»

С интересом (но и настороженно) отнесся я к идее Александра Бузгалина — попытаться описать и осмыслить «вклад», внесенный участниками нашего семинара в социальную теорию (или точнее — в «теорию социализма»). Настороженность была связана с опасением, как бы разговоры не вылились в самолюбование, упоение собственной значимостью, сосредоточение внимания не столько на проблемах, сколько на собственных персоне, демонстрирующих, по словам Маяковского, «титаническое самоуважение».

Я с большим вниманием выслушал «самоотчеты» моих коллег, которые, хотя и отмечали (как, например, Борис Славин) некий дискомфорт, связанный с определенной «нескромностью» описания своего «вклада», но, на мой взгляд, в целом избежали отмеченной выше опасности и нашли достойную интонацию, позволившую сосредоточиться именно на проблемах и рассказать в связи с этим немало интересного и поучительного.

И всё же сам я от подобного «самоотчета» всячески уклонялся — и не столько даже вследствие указанных выше подстерегающих опасностей (хотя меня и сейчас продолжает смущать установка на персоналистский анализ), сколько, во-первых, по причине моей малой озабоченности вопросами «приоритета» (в отличие от Бобчинского с Добчинским меня всегда мало волновало, кто *первый* сказал: «Э!..»), а во-вторых, и это главное — вследствие трудности отделить то, что

сделано, найдено, описано лично тобой, от того, что сделано другими, близкими тебе по духу и мыслям людьми, твоими единомышленниками (вспоминаю, как на защите докторской Эвальд Васильевич Ильенков на вопрос «доброжелателей», что нового он внес в диалектику (по сравнению, подразумевалось, с Марксом), ответил: «По сравнению с вами у меня всё новое, по сравнению с Овсянниковым — меньше нового, по сравнению с Лифшицем — еще меньше...»).

В общем, уклонялся от самоотчетного доклада, как мог. Но загнанный настойчивостью Бузгалина в угол и не имея серьезных причин противиться выступлению, я решился. Правда, несколько видоизменив поставленную модератором нашего семинара задачу.

Так, я не ставлю целью выяснение *личного приоритета* в движении тех теоретических положений, которых я придерживался, определение, насколько и в какой мере они принадлежат мне, а в какой — моим единомышленникам. Я попробую просто описать свою позицию по вопросам социальной теории и социализма, как она выглядела в моих книгах и статьях в разные периоды времени (надеясь, что в ней в какой-то степени отразилась позиция, которую занимали близкие мне по духу и мысли люди моего поколения — и с этой точки зрения она, возможно, будет интересна тем, кто выходит на дорогу теоретического поиска вслед за нами).

И еще. Я попытаюсь дать нечто вроде авторецензии на свои писания. Попробую посмотреть, насколько это для меня возможно, отстраненным взглядом, «со стороны», на то, что писал в своих книгах и статьях человек, «по случайности» носивший такую же, как и я, фамилию. Я постараюсь быть объективным, непредубежденным и независимым. Моя исходная аналитическая позиция: я ничего не знаю об этом авторе, кроме его *текстов*. Я не обращаюсь к его «внутреннему миру» (хотя, полагаю, что он мне более или менее знаком, но есть, правда, очень серьезная опасность исказить, модернизировать, осовременить его под воздействием моих нынешних взглядов и установок). Повторю: передо мной — *только тексты* «неизвестного» мне автора за почти полувековой период — с 1959 года по 2007 год. И основываясь на них, я попробую реконструировать его взгляды и их эволюцию. (Мы будем далее писать слово «Автор» с большой буквы вовсе не из какого-то особого к нему почтения, а просто потому, что оно заменяет имя собственное).

В фокусе теории

Если обозначить центральную идею Автора, к которой он постепенно шел с середины 50-х годов по середину 70-х (и не отказался от нее впоследствии), то это будут тезисы:

— о «несоциализме» СССР;

— о том, что в Советском Союзе сформировалась новая общественная **формация** — несоциалистического (и некапиталистического) типа; **формация** социально-антагонистическая (но со специфическим типом антагонизмов, отличных от тех, что знала мировая история); **формация**, появление которой не удалось предвидеть ни классикам научного социализма, ни представителям каких-либо других научных школ; **формация**, которая решала (а отчасти решила) ряд важных, стоявших перед обществом социально-экономических задач, но в рамках развивавшихся, расширявшихся и углублявшихся внутренних социальных антагонизмов, порождая тем самым острейшие социальные противоречия, снятие, разрешение которых оказывалось возможным только в лоне коренных общественно-экономических преобразований, совокупность которых можно обозначить как «народная, демократическая революция».

Эта идея, фокусирующая основные направления теоретического поиска Автора, сформировалась и получила достаточно развернутое теоретическое оформление, повторяю, к середине 70-х годов.

Будет весьма поучительно рассмотреть, как Автор шел к этой идее, какую трактовку он давал этой **новой формации** и ее внутренним социальным коллизиям, как анализировал процесс ее трансформации в последней четверти двадцатого столетия, какой в результате, по его мнению, строй сложился в нашей стране в начале XXI века, каково его возможное будущее и какие, в этой связи, задачи стоят перед прогрессивными силами гражданского общества России.

Первый рубеж: середина 50-х — конец 60-х годов

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ ЭТОГО ПЕРИОДА

«Вступая в жизнь» (статья в сб. «Журналист». № 40, 1959). Статьи для «Нового мира» (Твардовского): «Суд над судьями»,

«Нравственность и революция» (полностью опубликованы позднее, а в «Новом мире» — ряд их идей в небольших статьях «Ленинский принцип историзма» в № 7 за 1967 год, «Выбор есть всегда», «Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма» и других). И главная работа этого периода — монография «От Чернышевского к Плеханову. Об особенностях развития социалистической мысли в России» (писалась в 1963–1967 годах, опубликована — М.: Изд-во МГУ. 1969 год).

учителя

Их, в сфере социальной теории, — трое: Маркс, Ленин, Чернышевский.

Хорошо заметно преклонение Автора перед их теоретическими исканиями, их борьбой, их образом жизни.

Характер и направление их влияния могут быть обозначены следующим образом.

1. Ими формируется *общемировоззренческий настрой* Автора. В статье «Если хочешь быть Человеком...» — цитата из Маркса, рассматриваемая Автором как обязательное жизненное кредо для всякого, кто хотел бы достойно прожить свою жизнь: «Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о собственной шкуре»¹. Но если хочешь быть Человеком, то помни, что «опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей... Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что она — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам»². Несколько — по-юношески — пафосны эти пассажи из писаний юного Маркса, но в них выражен один из основных тезисов марксизма — о принципиальном, сущностном совпадении индивидуально-личностного и общесоциального (в пределе — общечеловеческого) начала, о том, что реализовать свое ин-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 454.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 40. С. 7.

дивидуальное «я», свою индивидуальную сущность можно только трудясь «для других» (во благо «социума», во благо «человечества»); в пространстве правильно построенной деятельности «для себя» и «для других» полностью совпадают. Вместе с тем, как постоянно подчеркивает Автор (и на что он ориентируется сам и ориентирует читателя), в этой деятельности «на благо человечества» у классиков марксизма напрочь отсутствует элемент тщеславия. Для них — дело в деле. Сколько бы разные околополитологические говоруны ни писали об их тщеславии и славолюбии, для Автора камертоном оценки своих учителей являются слова Мартова о Ленине, сказанные им, между прочим, в конце жизни Мартова, когда их пути с другом молодости — Владимиром Ульяновым — резко разошлись и Мартов вынужден был бежать из России после Октябрьской победы большевиков. И вот, будучи политическим противником (можно даже сказать — прямым врагом) Ленина и одновременно — человеком абсолютной порядочности и российско-интеллигентской честности, Мартов напишет: в Ленине абсолютно не было элементов тщеславия и самолюбования, его деятельность была целиком подчинена выполнению исторических задач, как он их понимал.

2. Они, по мнению Автора, дают образец теоретико-практической деятельности. Этот «образец» предполагает, с одной стороны, ориентацию на теоретическую основательность. Их главные сочинения — это не эссе, не импровизации, не публицистическо-эстетические упражнения в духе младогегельянцев, Шопенгауэра, Ницше, Бердяева и им подобных, а совокупность идей, являющихся результатом обобщения громадного количества — «Монблана» — фактических данных, основательного критического анализа предшествующих теорий. Вместе с тем теория для них не самоцель. Они — не «ученые» (в традиционном смысле этого слова), или, вернее, не только «ученые», они *практические* деятели. Их девиз: философы прежних времен лишь *объясняли* мир, задача же состоит в том, чтобы его *изменить* (См. «Тезисы о Фейербахе» Маркса). Эту установку полностью воспринимает наш Автор и, вслед за Грамши называя марксизм «философией практики», фиксирует: «О чем бы ни писали классики марксизма, какие бы сложные абстрактно-теоретические и, казалось бы, далекие от практики проблемы ни разбирали они, главным и неизменным вопросом, на который они отвечали, было: «Что делать?»»,

«Как преобразовать мир, чтобы сделать его достойным Человека?». Отсюда — энергия, страстность, призывность, мы бы сказали, набатность их произведений. «Что делать?» — эти слова можно смело ставить эпиграфом, заглавием к любой работе Маркса, Энгельса и Ленина, к любому параграфу их работ. Этот вопрос ни на секунду не терялся ими из виду даже тогда, когда расстояние между вопросом и ответом на него было длиной в несколько томов «Капитала»¹.

3. В этой деятельности по преобразованию, изменению социального мира, характеризует Автор позицию классиков марксизма, особенно важны три следующих фактора: наличие серьезной теории (дающей представление о сущности преобразуемого общества и наиболее эффективных путях его реформирования), наличие политических организаций и лидеров, «политического авангарда», способного возглавить эту борьбу за преобразования, и главное — «самодетельность народных масс», просвещенных и сплоченных этим «авангардом». «Самодетельность народных масс» является «важнейшим принципом» классической социалистической теории и практики². Провозглашенная Чернышевским и классиками марксизма «самодетельность народных масс» является, по характеристике Автора, высшим, интегративным показателем демократизма и гуманизма классической социалистической теории. И в этом контексте особенно значимо проходящее через все работы Автора противопоставление классической — демократической, гуманистической теории социализма концепции социализма антигуманного, недемократического, «диктаторского», нашедшей отражение в некоторых течениях русского народничества (Ткачев, Нечаев), в современных Марксу и Энгельсу западных теориях, которые они окрестили именем «казарменного коммунизма», а также в теории и практике сталинизма, маоизма и полпотовщины в двадцатом столетии. Вообще противопоставление марксизма (и ленинизма) сталинизму (и родственных ему идеологий), отделение марксизма (и ленинизма) от сталинизма — одна из центральных тем Автора в этот период. «Через всю историю социалистической мысли в России, — отмечается в книге “От

¹ Водолазов Г.Г.. Диалектика и революция. М., 1975. С. 230.

² См. Водолазов Г. От Чернышевского к Плеханову. М., 1968. С. 205.

Чернышевского к Плеханову», — проходит острая борьба двух линий в оценке возможностей человеческой воли в общественных преобразованиях: одну из них мы назвали бы революционным фанатизмом, другую — революционным реализмом». И далее — резкая, окрашенная в эмоциональные тона характеристика такого «революционного фанатизма», за которой без труда угадывается отвращение к сталинским методам деятельности: «Революционные фанатики (которые часто столь же отвратительны, как и средневековые религиозные фанатики) человеческую волю, сознание, активность превращали в исходное человеческого развития. Естественно, их не интересовали ни объективные законы борьбы, ни объективные потребности людей; природа и люди для них — лишь объект их (фанатиков) деятельности, лишь материал, который надо кромсать и мять, чтобы слепить из него что-нибудь «путное». Это — воля, которая реализуется (по планам фанатиков) в виде большой дубины, которой загоняют людей в социализм»; классический социализм «принципиально отрицает насилие над большинством народа (даже «для его же собственного блага»)»¹. Точка же зрения демократического социализма — «одинаково свободна от фанатических крайностей как преклонения (перед народом), так и презрения (к нему). Сторонники этой точки зрения знали могучую силу народа и уважали его, но они знали и то, что народ этот темен и невежествен, и не приходили в восторг по этому поводу. Деятельность этих революционеров заключалась в пробуждении народного сознания и революционной энергии, они обосновали основной принцип социализма: самостоятельность народных масс — только эта сила способна построить подлинно социалистическое общество»². И ко многому обязывающий вывод об «ином» (понятно, что — сталинистском) «социализме»: «Иной социализм, — то есть социализм, в строительстве которого народные массы принимают участие лишь в качестве пассивного инструмента власть имущего меньшинства, — **такой социализм не есть социализм**»³.

4. Маркс и Ленин для Автора — *абсолютные учителя, абсолютные точки отсчета*; в том смысле, что больше никакие другие имена не

¹ Цит. соч. С. 204.

² Цит. соч. С. 205.

³ Там же.

выступают у Автора в таком качестве. Влияние — да, на Автора оказывали многие — в той или другой сфере. Но исходный теоретический и методологический *фундамент* заложен только Марксом и только Лениным. Правда, с одной, но весьма существенной оговоркой. Автор отнюдь не рассматривает каждое положение классиков марксизма как абсолютную и вечную — на все времена и для всех условий — истину. Он относится к марксизму не как к «священному писанию», представляющему собой набор совершенно несомненных («абсолютных») истин (то есть совсем не так, как требовали, чтобы он относился к марксизму идеологические наставники в школе и институте, а потом — руководящие структуры ЦК). Он относится к марксизму как к явлению *научному*. А науке свойственно *развиваться*, открывать законы и, установив впоследствии их неполноту, их ограниченность, — *исправлять и уточнять* однажды найденное, однажды открытое. «Развитие есть способ существования марксизма» — неоднократно повторяет слова Энгельса Автор. Вся его книга «Диалектика и революция» (М., 1975) есть рассказ о том, как *развивается* марксистская теория капитализма и революционного действия — как открывали Маркс и Энгельс социальные закономерности, как затем выявляли их неполноту (а подчас и ошибочность), как они дополняли и изменяли их. Автор приглашает читателя усвоить не отдельные конкретные положения марксистской теории, а прежде всего и главным образом — *логику, вектор* ее развития, дабы иметь возможность в соответствии с этой логикой участвовать в развитии социальной теории марксизма, исправляя прежние ее положения, открывая новые, творчески применяя ее общие принципы к конкретным условиям. Сегодня, наверное, эти установки покажутся очевидными и даже банальными. Но тогда они вызывали настоящий шок у доминировавшей в то время, пестуемой высшим партийным начальством догматической школы. Ведь у них, по сути, отнималось главное оружие идеологического господства, главный способ «доказательства» правоты своей позиции: «Еще Маркс писал...», — начинали обычно они свои разглагольствования. И всё! Раз Маркс «писал» — значит, это истина, и не нужны более никакие аргументы и доказательства. «Маркс писал!» — и спор окончен. А тут приходит наш странный Автор и на аргумент «Маркс писал!» восклицает: «Ну и что, что он “писал”? Давайте, во-первых, посмотрим, когда и почему он

написал это, полюбопытствуем, во-вторых, а не отказался ли впоследствии он сам от написанного, не уточнил ли, не дополнил ли его, да и вообще, не ошибся ли он в данном случае». Часто и не без удовольствия Автор повторяет ленинские слова о том, что «много и часто» **ошибались** Маркс с Энгельсом. «Не без удовольствия» — отнюдь не потому, что наличие «ошибок» как бы компрометирует основоположников марксизма (без «ошибок» не может обойтись ни одна научная теория!), а потому, что Автору чертовски приятно было публично бросить в лицо начетчикам и догматикам (имеющим обыкновение побивать своих оппонентов **цитатами** из Маркса) этот страшный для «религиозно»-политических идеологов сусловской формации тезис, защищенный к тому же авторитетом Ленина. Вам хотелось бы раздавить, уничтожить творческий марксизм и его сторонников, издевательски смеется над сусловцами-федосеевцами Автор, но тогда вам прежде придется раздавить и уничтожить превращенного вами в идола вашего кумира — Владимира Ленина.

5. Эти маленькие (впрочем, маленькие ли?) хитрости были в те годы, увы, неизбежны. Типичным для теоретиков, подобных Автору, было: выдвинуть абсолютно неприемлемое для партийной бюрократии утверждение и защитить его не только по существу (что мало впечатляло дубоватые головы официальных партийных идеологов), но в дополнение «прикрыться» цитатой из Маркса или Ленина. Отсюда еще одна особенность марксизма как точки отсчета в те годы. Подлинной точкой отсчета был не просто марксизм (или ленинизм) как таковой, но марксизм в Авторской интерпретации. Акцент делался на тех положениях классиков марксизма, которые без труда укладывались в Авторскую концепцию *гуманного и демократического социализма*. Справедливости ради, следует сказать, что при определенной противоречивости утверждений классиков все-таки гуманизм и демократизм были доминирующими линиями в их теориях социализма и коммунизма, и потому Автору не требовалось слишком больших усилий, чтобы представить их гуманистами и демократами (хотя тут есть определенные проблемы, но их Автор затронет только на следующем витке своей эволюции).

6. И еще один аспект затронутой проблемы. Следует отметить, что, говоря (со ссылкой на Ленина) об «ошибках» Маркса и Энгельса, Автор (и тоже вслед за Лениным) подчеркивает, что речь идет об

ошибках эмпирически-конкретного характера — ошибках в определении *конкретных сроков* революционного выступления масс, их возможных итоговых результатов, т. е. ошибках в деталях, в частности, в приложении фундаментальных теоретических положений к условиям борьбы в конкретных обстоятельствах. Сами же эти фундаментальные теоретические положения (принципы диалектического и исторического материализма, оценка исторической роли и противоречий капитализма, данная в «Манифесте» и «Капитале», основы учения о классах и классовой борьбе, о социалистической революции и «всемирно-исторической миссии пролетариата») Автором принимаются практически безоговорочно. Только некоторое время спустя, во второй половине 80-х годов, он поставит, вначале очень осторожно, вопрос об «ограниченности» ряда фундаментальных положений марксизма, о необходимости критического отношения к ним. «Сегодня, — напишет он в 1989 году, — теоретический анализ опускается на куда более глубокие этажи исследования. Речь идет уже не только об оценке сталинизма, но об углубленной оценке идей и концепций Маркса и Ленина. Совершенно очевидно, что теоретические прогнозы классиков “научного социализма” и конкретные результаты “социалистического строительства” драматическим образом не совпали. Может быть, не только в сталинизме дело, может, не безгрешны и марксизм с ленинизмом, может, и они несут “ответственность” за неудачи и провалы коммунистов?»¹. И далее: «Я думаю, — продолжает Автор, — что неудачи и провалы коммунистической политики связаны не только с «плохими» средствами реализации, но с тем, что сам «проект» (классиков марксизма) носил на себе печать определенной исторической ограниченности. И потому недостаточно «очистить» марксизм (и ленинизм) от сталинизма, нужно, далее, преодолеть и его собственную ограниченность»². Мы еще более подробно и более конкретно скажем об этом, когда подойдем к анализу работ Автора второй половины 80-х годов. Сейчас же только зафиксируем это направление развития теоретических взглядов Автора, его постепенно усиливающееся стремление более критично посмотреть на некоторые фундаментальные основы марксистской теории.

¹ Проблемы мира и социализма, 1989.

² Там же.

7. И, наконец, что касается главной для Автора темы: «Марксизм, социализм и Россия». Автора, естественно, интересует, в первую очередь, судьба *его* страны и *его* народа. И вот тут значение марксизма для Автора существенно сужается. Автор неоднократно и с большим удовольствием цитирует письмо Маркса Вере Засулич (1881), где Учитель пишет русской народнице, что анализ, осуществленный в «Капитале», и делаемые из него выводы относятся *только* к Западной Европе и что для понимания процессов, происходящих в России, нужен *особый* анализ. Вообще Автор ясно понимал это до и без указания Маркса. Но тезис немецкого мыслителя в письме Засулич способствовал возникновению благоприятной психологической атмосферы для самостоятельного исследования русских общественных условий без оглядок на марксовы императивы. Вследствие этого у Автора в сфере изучения особенностей социального развития России и специфики ее социалистической мысли Маркс присутствует главным образом в роли философско-методологического советника и наставника. Не более! Полноценными и всесторонними Учителями для Автора здесь выступают два русских теоретика — Владимир Ильич Ульянов (Ленин) и Николай Гаврилович Чернышевский.

8. Вначале — два слова о Чернышевском как Учителе Автора. Кропотливый, можно даже сказать — дотошный, анализ политико-экономических и социально-философских работ Чернышевского приводил Автора к неоспоримому выводу, что русским мыслителем создана оригинальная и удивительно глубокая теория социализма, вернее — русского пути к социализму. Чувствуется, однако, что поначалу Автора смущало только то, что по многим позициям она существенно отличалась от теории обожаемого Автором основоположника «научного социализма». Он мучительно раздваивался между Марксом и Чернышевским. Но однажды — о, удача! — Автор встретил высказывание Маркса о Чернышевском. Маркса, который, как правило, был суров в оценках своих современников. В его конспектах, на полях читаемых им книг почти нет комплиментов в адрес авторов, зато часто можно встретить: «Осёл!», «Тупица!» и т.п. К русским (вроде Ткачева, Нечаева и Бакунина) был особенно нетерпим. И только о Чернышевском — почти немыслимое в устах Маркса: «Самый гениальный из современных экономистов!». И уж совсем невероятное: решил изучать (!) русский язык, чтобы в подлиннике читать статьи

Чернышевского об общине и общественном владении (социальные институты, занимавшие центральное место в социалистической теории Чернышевского)! Это были те самые статьи, которые до знакомства с высказываниями Маркса и независимо от них высочайшим образом оценил наш Автор. И вот, оказывается, его главный Учитель тоже называет эти статьи «гениальными»... А потом еще это письмо Засулич. В этом контексте изучение работ Чернышевского, освященное высказыванием Маркса, приобретало для Автора особо важное значение, позволяло расширять представление о социализме, о многообразии его форм, об оригинальных путях к нему, выходящих далеко за пределы марксова учения. Кроме того, Чернышевский покорял, вдохновлял и очаровывал Автора своим романом «Что делать?». Рахметов, Лопухов, Кирсанов — их благородный принцип «разумного эгоизма» (сводившийся, по сути, к бескорыстному и самоотверженному служению людям — ближним и дальним) был столь для Автора привлекательным и обаятельным, что не удивлюсь, если он, подобно одному известному историческому персонажу, восклицал: «Он меня всего перепахал!»

9. И другой россиянин — Владимир Ульянов. Еще одна точка отсчета для Автора. Ульянов, в частности, давал образец отношения к учителям. Он, твердо отстаивая фундаментальные принципы учения Маркса и Энгельса, не боялся говорить и об их «ошибках» (добавляя, правда, — и это тоже характерно для образцового «ученика» — что подобные ошибки интеллектуальных гигантов несравненно ценнее отдельных фактов мелкой «правоты» их оппонентов, ибо ошибки эти обозначали точки роста их теории). Ленин также выступал для Автора образцом сочетания верности исходным принципам учителей и самостоятельности в исследовании современных ему реалий, что приводило не только к рождению теоретических новаций, но и к коррекции самих исходных принципов.

Из современников Автор не берет никого себе в Учителя. Можно отметить, пожалуй, весьма значительное влияние, оказанное на него тремя современными ему теоретиками — в порядке значимости: Эвальдом Васильевичем Ильенковым, Михаилом Александровичем Лифшицем и Михаилом Яковлевичем Гефтером. Автор их очень ценит, но пришел к их книгам и личному с ними знакомству, хотя и довольно молодым, но в целом вполне определившимся теоретиче-

ским работником со сложившимся в основном мировоззрением. Пожалуй, лишь Эвальда Ильенкова можно считать его Учителем, но только в одной из сфер — сфере философской методологии. Сквозь ильенковскую призму был воспринят им знаменитый гегелевско-марксовский **метод восхождения от абстрактного к конкретному**, ставший у Автора методологическим стержнем всех его исследований. Ильенков был также его проводником (сталкером!) по сложным и запутанным лабиринтам классической немецкой философии (по работам Гегеля, в частности и в особенности), но не в главной для Автора сфере — сфере социального знания.

Из текстов того периода видно, что Автору близки и симпатичны многие из идей, разрабатывавшихся его друзьями и единомышленниками — такими, как Юрий Буртин, Лен Карпинский, Игорь Пантин, Евгений Плимак, Юрий Карякин (60-х годов), Генрих Батищев, Отто Лацис... Но это был круг его общения, пространство *взаимного* обмена идеями, но не отношение «учителя — ученики».

*Теоретические приоритеты
и политические ориентиров (1959–1968 гг)*

исходное: «в СССР — социализм,
но с обширными деформациями»

«Вступая в жизнь» — первая статья Автора, изданная в 1959 году, по которой можно судить о его теоретических взглядах и политических позициях того времени. Автору — 21 год.

Общую позицию Автора относительно существующей в стране социально-политической системы можно сформулировать так: **в Советском Союзе — социализм, но с очень глубокими и обширными деформациями**. Вытекающая отсюда задача: **устранить деформации**. Что за «деформации» и как их «устранить»?

Одно только предварительное замечание — для ясности картины. Мы сказали, характеризуя позицию Автора: «социализм с деформациями». Так вот, о «деформациях» и необходимости борьбы с ними — в статье, действительно написано много, а вот о социализме, об аргументах, доказывающих, что существующая система действительно «социалистическая», там ни слова. По очень, думается, простой

причине. Для Автора, по-видимому, тут просто нет проблемы. Тут нет еще даже постановки вопроса: социализм или несоциализм? Это для Автора сама собой разумеющаяся аксиома: ну, конечно же, — социализм, что же еще, не капитализм же.

А вот теперь — о *деформациях*. Надо сказать, что в статье дается весьма масштабная и впечатляющая картина этих деформаций — так что у читателя, несомненно, должно возникнуть ощущение большой опасности, которая надвигается на страну.

В основе всех деформаций, как это явствует из статьи, — **растающая система бюрократического правления, усиливающееся господство бюрократии: тесно сплоченная бюрократия, преследуя свои клановые, групповые, корпоративные интересы, теснит советскую власть, узурпирует власть народа.**

В статье не об «отдельных бюрократах», не об «отдельных бюрократических извращениях» идет речь, а именно о складывающейся *системе* бюрократического господства — в ее отношении к народу, к социальным (социалистическим) ценностям. В статье (представляющей собой анализ одного литературного произведения) описывается одно из типичных звеньев бюрократической системы, некая ее «клеточка» — на регионально-областном уровне: сплоченный чиновничий клан с четко отработанной внутренней структурой, специфической социально-психологической атмосферой и бюрократической иерархией. «Карьеристы, бюрократы, — пишет Автор, — тесно связаны между собой. Располагая большими возможностями, обширными связями, они покрывают друг друга, действуя как хорошо слаженный механизм»¹. Это — редактор областной партийной газеты (вельможа, барин, «хозяин», как называют его редакционные подхалимы), его дружки и заступники в обкоме партии (всесильное региональное начальство, умеющее «зажимать рты» всем неугодным), секретарь райкома (сравниваемый Автором с известным тургеневским помещиком-самодуром Пеночкиным), председатель колхоза (аттестуемый Автором как «современный бурмистр» — одаривающий партийное начальство «коровками», «баранчиками» и т.п.), чиновная, поддакивающая и обслуживающая их мелюзга, стремящаяся проникнуть в высший бюрократический свет... Бюрократия

¹ Сб. «Журналист». 1959. № 40. С. 21.

предстает здесь не в виде забавных и смешных персонажей вроде Бывалова (из «Волги-Волги»), Огурцова (из «Карнавальной ночи») или даже Победоносикова (из «Бани» Маяковского), а в виде сильных (даже — жестоких) и «опасных врагов». Автор не скупится на самые острые и резкие характеристики их сути. Вот один из руководителей бюрократического клана: «Вглядись в него, товарищ. Крепко запомни его, запомни, как величественно он поднимает голову... Хозяин! Запомни его усталые задумчивые глаза, за которыми пустота, запомни его добрую безразличную улыбку, которая скрывает клыки хищника»; в деле управления людьми он руководствуется «теорией вожжей и кнута» (атрибут лихого «феодалного наездника»). И далее — о ненавистном Автору сословию: «бюрократическая шатия», «бюрократическое зверье»¹. Лихо!

Иначе говоря, «деформации» оцениваются как *очень* серьезные и *очень* опасные: господствующая бюрократия «не может думать и чувствовать по-коммунистически». Речь, стало быть, идет о силе, **враждебной социализму**. И потому всех, кому дороги социалистические идеалы, Автор зовет на бескомпромиссную борьбу с ней. «Не склоняй перед ним (чиновником-бюрокротом) голову! — призывает он. — Выходи на борьбу с ним. Не прогибайся под ним, не сдавайся, не прячься в кусты. Бой — желателен и абсолютно неизбежен!»

К кому же апеллирует Автор, где видит он главную силу, способную «дать бой» бюрократии и победить ее?

Эти силы, прежде всего, «внизу» — «простые, честные люди», те, кто — «в цехах заводов и на полях колхозов, на высоте строек и в глубине шахт», «честные и справедливые» представители интеллигенции, способные «в трудные минуты подниматься до вершин высокого гражданского мужества»².

И другое направление Авторских «апелляций» — к высшему партийному руководству и к тем коммунистам-руководителям («настоящим коммунистам»), которые «не формально принадлежат к ленинской партии», назначение которой быть «душой и мозгом народа»³.

Последнее требует пояснений и добавлений.

¹ Цит. соч. С.19–20.

² Цит. соч. С. 23.

³ Цит. соч. С. 21.

Вначале — о «надеждах» на «высшее партийное руководство». Конструкция, рисуемая Автором кажется на первый взгляд довольно наивной: «внизу» — «народ», сохраняющий в большинстве своем приверженность идеалам Октября, социализма, идеям гуманизма и социального равенства, «посередине» — враждебная социализму бюрократия, и «наверху» какие-то светлые силы, готовые соединиться с «народом» и «дать бой» бюрократии. Получается что-то вроде схемы традиционного российского сознания: «народ» и «добрый царь» против «злонамеренного чиновничества».

Так вот, не так! Автор всё же не столь наивен. Он отнюдь не «надеется» на «верхи», он просто готов *использовать* решения «верхов» (решения XX съезда — на основе известного доклада Хрущева) для подкрепления и укрепления *своей* позиции и позиции тех низовых, народных сил, к которым он, *главным образом*, и обращается. Да, тут нет еще развернутого анализа XX съезда, не выявлены его сильные и слабые стороны, его причины и следствия (это всё будет сделано немного позднее). Пока же, и для Автора этого тогда достаточно — констатируется, что высшее руководство партии (в лице ее лидера Хрущева) начало наступление на сталинизм. И потому теперь, как фиксирует Автор, бороться со сложившейся в сталинскую эпоху бюрократией, используя возможности, приоткрытые XX съездом, становится легче. А что, разве не так?

Вместе с тем даже здесь, в контексте этих установок, Автор постоянно подчеркивает, что всё тут не так просто, что «благодушничать не следует», полагая, что победа придет сама собой. Надо быть готовым к острым и напряженным боям, тем более, что «бюрократы, теряя позиции, становятся злее и хитрее, перекрашиваются в новые цвета»¹, то есть в цвета XX съезда и натягивают на себя маски анти-сталинистов. Срывать эти маски зовет Автор, обнажая антинародную суть современного чиновничества, «сметать эту дрянь, путающуюся в ногах». И уверенность: «Дни бюрократии сочтены, наступило время, когда можно ставить вопрос о ее окончательной ликвидации!»². А решать эту задачу можно и должно — **через партию, через реализацию решений, принятых на XX съезде, через развитие идей,**

¹ Цит. соч. С. 23.

² Там же.

высказанных на высоком партийном форуме, мобилизуя народные и партийные «низы» на выполнение этой задачи. Отмечу, что одним из образцов такой антибюрократической деятельности был для Автора и его единомышленников герой очерков Валентина Овечкина — секретарь райкома партии Мартынов: через завоевание позиций внутри партии, действуя подобно овечкинскому Мартынову, можно наилучшим образом способствовать постепенному избавлению советского социализма от бюрократических деформаций.

ПЕРВАЯ КОРРЕКТИРОВКА ИСХОДНЫХ ПОЗИЦИЙ

Понадобилось 5–6 лет после той статьи («Вступая в жизнь»), чтобы жизненный опыт и теоретические раздумья выявили для Автора узкие места, утопические (а то и действительно наивные) элементы его исходных представлений.

Особенно был значим трехлетний опыт работы в правительственной газете «Известия», возглавлявшейся зятем Хрущева, весьма могущественным в те времена политиком Алексеем Аджубеем. Работая в ведущем отделе газеты — «Советского строительства», Автор сделал лейтмотивом своих публикаций борьбу демократических и бюрократических начал в общественной жизни страны. См. его статьи «Конфликт в Быкове» (об острой схватке бюрократического клана во главе с председателем исполкома с общественными комиссиями — низовыми институтами гражданского общества, как сказали бы сегодня), «Надо ломать копыта!» (о рабочих института народного контроля, жестоко преследуемых и травимых не желающей быть кому бы то ни было подконтрольной бюрократией Харьковской области), «Помогите найти хозяина!» (где советовалось авторам письма в редакцию: не ищите «хозяина» «на стороне», «наверху»; хозяева — это вы сами, и потому ведите себя соответственно) и др.

То есть Автор всерьез пытался следовать программе, намеченной в статье «Вступая в жизнь»: бить бюрократию, обращаясь к «низам», вдохновляя, поддерживая и защищая их, «по-мартыновски» отстаивать ценности партийной и общегражданской демократии, социального равенства и бескорыстия.

Но постепенно выяснялось, что, во-первых, «низам» недостает силы, сознательности, организованности. Получалось, что сплоченной — в масштабе района, области, республики — бюрократии про-

тивостоят герои-одиночки или малые группы честных людей, не имеющих перспектив объединиться с другими, подобными себе группами и превратиться тем самым в серьезную общественную силу, с которой бюрократия вынуждена была бы считаться. А во-вторых, надежды на то, что в партийных органах будут появляться и множиться Мартыновы и что на верхних ступенях партийной лестницы будут расширять свое влияние искренние сторонники анти-сталинистской линии, рушились у Автора с впечатляющей быстротой. Становилось ясно, что даже лучшая партийная газета той поры, рупор Хрущева—Аджубея — «Известия» — не имеет шансов стать органом подлинной партийной демократии и народных низов, органом Овечкиных-Мартыновых. Руководители отдела «Советского строительства» (Юрий Феофанов, Константин Севриков), хорошие, талантливые газетчики и симпатичные по-человечески люди в духе курса, выработанного руководством газеты, внушали своему молодому коллеге: «Да, с бюрократами надо бороться, но не так, как это пытаешься делать ты. Надо бороться с конкретными, плохо работающими «бюрократами», а не с «бюрократией». Ты привозишь материалы из белорусского Пинска, украинского Тернополя, из подмосковного Раменского — и читатель, ознакомившись с твоей фронтальной и зубодробительной критикой местного начальства (в котором ты не видишь ни одного светлого пятна), неминуемо придет к выводу: там вообще нет советской власти. Нет, Гриша, так нельзя. Мы не можем позволить тебе порочить советский строй...».

И не только личный опыт деятельности Автора толкал его к уточнению и перепроверке его исходных позиций. Деятельность хрущевского руководства всё больше обнаруживала свою действительную, глубинную, противоречивую суть: попытки проведения демократизации (да к тому же и в очень узких масштабах) административно-бюрократическими методами. Отсюда — множась безобразия во всех сферах общественной жизни: «партийное руководство наукой» — и вновь полезли вверх авантюристы-лысенковцы; цековские «наказы» работникам философско-идеологического фронта — и вновь на Олимпе слегка подгримировавшиеся сталинские соколы, все эти Федосеевы-Константиновы; «управление искусством» — и чудовищная травля (на сталинско-ждановский манер) Дудинцева, Яшина, Гранина, Пастернака, молодых поэтов и художников,

идиотские эксперименты с кукурузой, повсеместное очковитательство с «перевыполнением» планов (авантюры партийных лидеров Рязани, Тулы и др.), лизоблюдская и бездарная книга, славословящая «нашего дорогого Никиту Сергеевича», авторы которой (во главе с Аджубеем) получили, конечно же, ленинскую премию... И апофеоз — расстрел рабочей демонстрации (по сути, голодного бунта) в Новочеркасске.

Какие тут возможны мартины, через какую еще «партию» тут пытаться выправлять «деформации»? Кто их в этой «партии» вообще выправлять собирается?

В общем, Автору надо было основательно разобраться во всём этом. Для чего прежде всего надо было немедленно и как можно дальше бежать из этой «замечательной» газеты. В аспирантуру МГУ.

И начались три счастливых года фундаментального самообразования. Всё — с самого начала, с самых азов. Особое внимание — до-тошнейшему изучению Маркса, Энгельса, Ленина, стенограмм съездов партии. Что и почему предлагали классики, что предсказывали, как действовали и что из всего этого получилось — вот вопросы, на которые начал искать ответы Автор.

Первые результаты подобного самообразования и подобных размышлений — в статьях для «Нового мира» Твардовского «Суд над судьями» и «Нравственность и революция».

Вообще в центре Авторских размышлений этого периода — вопрос: что все-таки сие есть, эти самые «бюрократические деформации» — болезненные явления на в принципе здоровом социалистическом теле, или они сами уже стали всем телом социума, а социалистические вкрапления — так, некоторые еще не до конца исчезнувшие реликты былых надежд и устремлений? То и дело возникает у Автора вопрос: а вообще-то «социализм» ли у нас получился? Развернутого ответа Автор пока не давал, но неуклонно шел к нему.

И двигался он тут вот по каким теоретическим ступеням.

Вначале — о «бюрократических деформациях».

Открытым текстом писать об этом, разумеется было невозможно — слишком бдителен был контроль со стороны цензуры, партийных органов и, конечно, госбезопасности. Поэтому писалось обо всём этом аналогиями, подтекстами, впрочем, для вдумчивого и тренированного читателя — довольно прозрачными.

Статья «Суд над судьями» — вроде бы о Германии, о том, как демократическим силам можно и нужно судить гитлеризм и преодолеть его наследие — политически, юридически, идейно и психологически. «Нравственность и революция» — о сущности и особенностях тоталитаризма (на примере маоистского Китая, хотя ясно было, что речь там идет о «китайцах», проживающих на территории от Ленинграда до Владивостока).

Конечно, Автор не отождествлял гитлеровскую тоталитарную систему и сталинский тоталитаризм. Он вполне отдавал себе отчет, что у них немало разнящегося (и в политической системе, и в идеологических концепциях). Но есть у них и существенно общее — тоталитарная форма организации общества и государства, господство бюрократии, культ вождя. И вот именно об этих элементах германской тоталитарной системы, роднящих ее с советским тоталитаризмом, и писал Автор, и потому его анализ германской реальности без труда воспринимался проницательными читателями как анализ их, отечественной, реальности. Тот же тип сопоставления использован и в статье о тоталитаризме с «китайским лицом».

Из теоретических новаций, появившихся у Автора в этот период, мы выделили бы три момента:

1. Более основательное проникновение в суть сложившейся при сталинщине бюрократической политической системы и, как следствие этого, более глубокие (и более резкие) ее оценки. Автор не ограничивается уже ее словесным осуждением и программами «устранения деформаций» через некие осуществляемые через партию (при поддержке народа) реформы. Он считает, что нужен масштабный, всенародный суд над этим, преступным, режимом, над его вдохновителями и реализаторами — подобный Нюрнбергскому. Нужно, в ходе такого Исторического суда, всестороннее осмысление происшедшего со страной для выработки иммунитета на будущее.

2. Вторая, очень существенная новация. Автор пришел к выводу, что XX съезд (при всех его несомненных гуманистических заслугах) и хрущевское руководство (со всем его «оттепельным» позитивом) **в принципе не в состоянии по-настоящему осудить и преодолеть сталинизм, самые основы бюрократической системы.** Они способны осудить лишь некоторые крайности сталинской бюрократической системы. Политические же, социальные и идейные ее основы

хрущевцы потрясти не в состоянии, ибо, в общем-то, они одной с ней крови. Система спокойно перенесла смерть своего прежнего вождя и, освободившись от некоторых, наиболее жестоких и кровавых крайностей, продолжала, уже при новом вожде, жить в привычном для себя режиме бюрократической диктатуры.

3. И третий момент: таким наиболее эффективным (высшим!) судом над тоталитарно-бюрократической системой может быть, согласно новым установкам Автора, революция — народная и демократическая. Правда, представление о формах революции, о ее движущих силах Автором пока не конкретизируются. Скорее всего потому, что до нее еще далеко. Она пока — не вопрос сегодняшней повестки дня, а задача и неизбежность будущего. Подойдет время — тогда и будем прояснять все связанные с ней вопросы, так это выглядит у Автора. Но с надеждой на высокостоящих «хрущевых», на райкомовских праведников, вроде овечкинского Мартынова, на возможность реформирования социально-политической системы «через партию» — с этой надеждой покончено раз и навсегда. Только, по убеждению Автора, широкое, «низовое», народное движение, только глубокие, коренные преобразования (= синоним Революции!) способны положить конец господству бюрократической системы. Это был важный и принципиальный шаг в интеллектуально-политической эволюции Автора, сделанный им в первой половине 60-х годов.

Эти новые подходы, новые идеи были развиты, углублены и основательно отрефлексированы Автором в книге «От Чернышевского к Плеханову».

Книга «От Чернышевского к Плеханову» носила подзаголовок: «Об особенностях развития социалистической мысли в России». Вышла в свет в начале 1969 года. А писалась она в 1963–1966 гг., то есть и до Октябрьского (1964 года) Пленума ЦК, сместившего Хрущева (так что нелицеприятные оценки хрущевского периода даются там не постфактум, не вдогонку уходящему «вождю», а в период его всевластия), и после Октябрьского Пленума (поднявшего к власти гениально олицетворявшего помпезную и серую партийно-советскую бюрократию 60-х годов Брежнева), но, что особенно важно заметить, до Пражской весны 1968 года, напроць замороженной советскими танками (отзвуки на это рубежное событие, его оценки в книге, естественно, отсутствуют; они последуют чуть позже и станут

истоком новых шагов, новых витков в интеллектуальной эволюции Автора).

В книге «От Чернышевского к Плеханову» закрепляются, раз-вернуто аргументируются и доводятся до некоего логического за-вершения те новые подходы, которые наметились в «новомировских» статьях Автора. Центральное место займут здесь вопросы о **специфике, особенностях теории русского социализма** (в его сопоставлении с западноевропейскими социалистическими концепциями, в том числе и в особенности — с концепцией Маркса), а также **постановка вопроса о принципиально новой антагонистической формации, возникшей в СССР под ложным именем «социализма»** и получившей распространение в странах так называемого социалистического лагеря.

Разговор о «новой формации» начинается с того, что снимается прежний тезис о неких «деформациях», присущих принципиально здоровому-де социалистическому «телу». Ни о каком принципиальном «здоровье» здесь уже речь не идет. Здесь — **абсолютное неприятие** системы эпохи сталинизма. Правда, развернутой характеристики социально-политической сущности этой системы (составляющей ядро «новой формации») здесь еще нет. Нет здесь и того, что требует классический научный анализ (продемонстрированный, например, Марксом и Энгельсом в их знаменитом «Манифесте» при анализе буржуазной формации), а именно — выяснение тех *задач* развития, которые объективно стоят перед обществом и которые вынуждена была решать эта система. Не прописаны в деталях и подробностях *причины* возникновения подобной формации, не названы те социальные силы, которые стимулировали ее становление и на которые она опирается.

И всё же в книге отчетливо поставлен вопрос о «новой формации» и очерчены некоторые принципиальные подходы к ее познанию. Уже даваемые ей Автором эпитеты — столь жесткие и резкие, что читателю становится понятно, что это — не какие-то там «деформации» (которые можно было бы «выправить»), а завершенная и отлаженная — от экономического фундамента до политических и идеологических надстроек — система, антигуманная и бесчеловечная, с которой никакое сосуществование, никакие компромиссы для порядочных (скажем так) людей невозможны.

А неполнота, «неразвернутость» описания этой «новой формации» в книге связаны не только с необходимостью пересмотра ряда важных положений марксистской теории (задача, требующая особой взвешенности и осторожности), не только с необходимостью изучения и оценки громадного количества фактов социальной, экономической и политической истории Советского государства, но не в последнюю очередь — с невозможностью открытого и прямого разговора об этой проблеме в «партийной советской печати». Автору приходилось крутиться и изворачиваться в поисках форм беседы с читателем.

Поэтому снова, как и в «новомировских» статьях (о, проклятое существование с кляпом во рту!), — аналогии, подтексты, эзопов язык. Только в отличие от статей здесь Автору «на помощь» приходят аналогии другого типа — из российской истории. И снова он прибегает к своему излюбленному приему: он не искажает, не деформирует историю (в стремлении сблизить ее с современными ситуациями и проблемами), а просто отбирает из действительно существовавших в истории фактов и коллизий те, которые по содержанию, по своим параметрам близки к современной Автору ситуации.

Так, суть сталинской эпохи и тяжелейшая ситуация, в которой оказались тогда люди, не желавшие мириться с деспотизмом и политическим варварством, ясно просматривается через описание Автором эпохи... Николая I. Лексика, используемая Автором в ходе этого описания, исторические факты и высказывания деятелей прошлого подбираются таким образом, что в них нет ничего специфического, ничего характерного *только* для николаевского периода XIX века, а лишь то, что сближает этот период со сталинщиной (кстати, и «сближение» это не придумывается Автором, определенная ситуативная общность этих двух эпох несомненна).

Чтобы зримо, воочию представить, как это всё практически делалось, как, опираясь на историю, Автор вводил читателя внутрь *современных* проблем, пробегите, пожалуйста, соответствующий кусочек из книги Автора:

«Период, связанный с именем Николая I (“Сталина!” — читала пронизательная, сочувствующая взглядам Автора публика), — один из самых мрачных в истории России. ... Моровая полоса, идущая от 1825 до 1855 г. — так охарактеризовал его Герцен. “Вглядываясь в

темно-серый фон, видны солдаты под палками, крепостные под розгами, подавленный стон, выразившийся в лицах, кибитки, несущиеся в Сибирь, колодники, плетущиеся туда, бритые лбы, клейменные лица, каски, эполеты, султаны... словом, петербургская Россия". Человеческое уступило место животному. Беззаконие стало законом. Дикая физическая расправа стала будничной работой николаевских палачей. "Имея в руках дикую власть, они не имеют даже того звериного сознания силы, которое удерживает большую собаку от нападения на маленькую". Николаевские (= *ежовско-бериевские*) собаки кусали от злобы, кусали от трусости, кусали потому, что их за это хорошо кормили; кусали на голодное и сытое брюхо, кусали, едва успевая сплевывать кровь со своих клыков».

Читатель-друг, конечно же, понимал, о «собаках» какой эпохи, главным образом, идет здесь речь. Ведь в характеристиках этих «собак» нет ничего специфически *николаевского*, а лишь то, что вполне применимо и к «сталинским собакам». И даже более к сталинским, чем к николаевским. «Кровь, льющаяся с клыков» — образ, мало применимый к полицейщине николаевских времен. Да, и тогда полиция Бенкедорфа–Дубельта была отвратительна, и тогда были репрессии и подлые преследования лучших людей России — одни гонения на Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Белинского, Достоевского, Тургенева чего стоят! — но «рекой льющаяся кровь» — это, понятно, не николаевская, это — сталинская Россия. Но продолжим цитату. «Да, это действительно была моровая полоса, время сибирских рудников и белых ремней. Но оно (и, может быть, самое страшное!) убивало, как писал Герцен, не одними рудниками и белыми ремнями, а своей удушающей, понижающей атмосферой. Николаевское время было, по выражению Герцена, временем нравственного душегубства.

И, наконец, еще более страшное, еще более тягостное заключалось в том, что сколько-нибудь открытая борьба против этого произвола, против этого деспотизма была невозможна. Человек может быть счастлив в самой подлой, самой угнетенной стране, если в руках у него винтовка, если у него не отнята возможность (пусть даже в суде, пусть даже в последней перед казнью речи) обратиться к людям, к народу, через головы правителей. Но если крепко стиснуты руки, если перехвачен полотенцем рот? Если «земли нет под ногами», если

«хотят кричать — языка нет... да нет и уха, которое бы слышало»? И лучшие люди становились «лишними» людьми»¹.

Но Автор не был бы учеником своих Учителей, если бы остановился на этой, хотя и реалистической, но крайне пессимистической ноте, на этой констатации невозможности *открытой* борьбы. Он ищет способы сопротивления этому чудовищному режиму, пусть и не слишком «открытые». Но он обязательно должен ответить на вопрос «Что делать?» — что всё-таки можно было *делать* тогда, в годы сталинского лихолетья (а может, и в недалеком будущем, если сталинизм вдруг возродится в тех или других формах, что вовсе не было невозможностью в эпоху брежневщины): «Мы с грустью останавливаемся перед могилами людей, истомившихся в нравственной душегубке по свободной деятельности. Но мы останавливаемся не только с грустью, но, как и просили эти люди — “с мыслью”; с мыслью о том, что их жизни, их поиск истины не пропали даром для следующих поколений. Они с честью выполнили (кто сознавая, а кто и не сознавая) задачу, возложенную на них историей. Они были теми капиллярами, по которым кровь декабристов перелилась в тело разночинцев, героев “Народной воли”»². Не сдаваться! — провозглашает Автор. — Постараться выполнить эту роль «капилляров», по которым будет перетекать «кровь» свободолюбивых людей от поколения к поколению! И вывод — всё-таки и в условиях сталинщины (а тем более николаевщины) можно найти достойное поле деятельности: «Период, в который они жили, словно специально был предназначен для теоретических размышлений, для философских раздумий; такой период, лишая возможности действовать, концентрирует все уцелевшие силы на анализе происшедшего и происходящего. Это — период теории, когда подготавливается завтрашнее действие»³. И дальше: «Юноша, пришедший в себя и успевший оглядеться после школы, находился в тогдашней России в положении путника, просыпающегося в степи: ступай куда хочешь, — есть следы, есть кости погиб-

¹ От Чернышевского к Плеханову. Об особенностях развития социалистической мысли в России. — М.: Изд-во МГУ. 1969. С. 15–16.

² Цит. соч. С. 18.

³ Там же.

нувших, есть дикие звери и пустота во все стороны, грозящая тупой опасностью, в которой погибнуть легко, а бороться невозможно. Единственная вещь, которую можно было продолжать честно и с любовью, — это *ученье*. Лучшие люди уходят в философию, историю, политическую экономию; запираются в кабинетах, среди книг и лишь близких друзей. Кротоми зарываются они в землю и принимают за работу. На поверхности ни движения, ни ветерка. Но крот делает свое дело. И он хорошо роет, этот крот...»¹.

И со временем начнут — обязательно начнут! — проступать контуры новых возможностей борьбы. Но важно — быть готовым к ним! «Меж тем время залечивало раны, поднималось к жизни новое поколение революционных бойцов». «Новая жизнь прозябала, как трава, пытающаяся расти на губах непростывшего кратера». «В самой пасти чудовища выделяются дети, не похожие на других детей; они растут, развиваются начинают жить совсем другой жизнью. Слабые, ничтожные, ничем не поддержанные, напротив, всеми гонимые, они легко могут погибнуть без малейшего следа...». Но «мало-помалу из них составляют группы. Более родное собирается около своих средоточий». «Главная черта всех их — глубокое чувство отчуждения от официальной России, от среды, их окружающей, и с тем вместе стремление выйти из нее — а у некоторых порывистое желание вывести и ее самое». «Этими детьми ошеломленная Россия начала приходить в себя. К числу этих “детей” и принадлежал Чернышевский»².

И вот — переход ко времени правления Александра II. «Оттепель» середины 50-х годов XIX века? Сходство с ситуацией середины 50-х годов XX века несомненно. Это позволяет Автору, характеризуя эпоху Александра, метить в эпоху Хрущева. И тут — новые, несравненно более, чем прежде, жесткие оценки времен хрущевского правления. Нет, Автор по-прежнему — не без определенной симпатии к Хрущеву. Но тут он берет главную сторону дела: всё же хрущевское время было временем тоже бюрократического господства. Да, без кровавых крайностей, без массовых репрессий, характерных для сталинизма. Но в основе своей это — бюрократическое, недемократическое, ненародное правление. Иллюзии псевдомократической

¹ Там же.

² Там же.

«оттепели» должны быть изжиты окончательно! Отсюда — и те жесткие характеристики (писавшиеся, подчеркну еще раз, в годы, когда Хрущев еще был у власти, когда он был всемогущ, и лизоблюды славали утешающие его слух песнопения).

«Время Александра II (Хрущева! — безошибочно разгадывали Авторский кроссворд читатели-друзья) ничем существенным от николаевского (*сталинского*) времени не отличалось. Разве изменилось положение утесняемых классов, разве изменились формы хозяйствования, разве изменился государственный бюрократический аппарат? Нет, по-прежнему драли три шкуры с крестьян и работников, по-прежнему крепостной и полукрепостной труд давал низкую производительность и по-прежнему утесняемых гнали от парадных подъездов государственных учреждений.

Правда, было одно обстоятельство, которое прикрывало от невнимательных глаз прямую преемственность этих двух эпох. Это обстоятельство заключалось во всеобщем либеральном водолействе, начало которому положил сам Александр (= *Хрущев*) и которое стало прямой обязанностью его вельмож и сановников — от мала до велика. Стало модно осуждать (намекками и полунамекками) николаевское время. Журнальные канарейки (*всего Советского Союза!*) щелкали языками во славу нового «свободолюбивого» императора, во славу «нового времени» и отпускали сердитые трели по адресу времени старого.

А уж как воспевались мужество и смелость Александра и его администрации, которые (*на XX съезде*) будто бы смогли взглянуть правде в глаза, осудили-де прошлое и готовят какие-то там реформы. «Заря свободы восходит над Россией», — писали вчерашние Булгины и Гречи (не поймешь, кто они — полицейские или журналисты). Да что Булгарин! Хорошие, честные, порядочные люди клянули на это и поспешили встать в ряды Александра. Сам Герцен попался на удочку! (И Герцена по-человечески, можно понять: ну как же, теперь хоть можно говорить вслух кое-что из того, что ты думаешь, можно хоть что-то писать, хоть что-то обсуждать с друзьями, не боясь, что завтра тебя отправят куда-нибудь в Вятскую губернию.)

Но, между прочим, мутная волна либерализма, пущенная Александром, пущена была вовсе не по его доброте или смелости, можно даже сказать, и не по его доброй воле. Александром и его прибли-

женными руководил животный страх перед пропастью, куда неслась страна. Россия приближалась к экономическому краху, и Крымская война ясно показала это. (*Действительные причины “смелости” XX съезда!*).

По-старому, по-николаевски (*по-сталински*) управлять было просто нельзя, невозможно. Это значило бы для дома Романовых и его окружения (*партийной бюрократии*) подписать свой смертный приговор. А как управлять по-новому? И что вообще значит это “по-новому”?

Как управлять по-новому, чтобы сохранить все старые привилегии — вот такая задача стояла перед правящим домом. (*Задача, вставшая перед партбюрократами послесталинской эпохи!*). Ясно, что это была не простая задача, ибо старые привилегии были неразрывно связаны со старыми формами.

Поэтому, чтобы выиграть время и поразмыслить над ее решением, царское правительство дало понять, что оно готовит реформы; со сцены были убраны некоторые наиболее одиозные политические фигуры, чуть-чуть отпустили вожжи, чуть-чуть ослабили цензуру, создав видимость некоторой свободы слова, и, не тронув существа, навели некоторый либеральный лоск на правительственные учреждения (= *хрущевские “реформы”!*). Дальше политической спекуляции дело, разумеется, не пошло.

Чиновник быстро и хорошо усвоил “новый стиль” работы. Раньше он, говоря словами Щедрина, два каменных дома ложью нажил, а теперь пошел спрос на “правду”, и он еще два каменных дома уже “правдой” нажил. Правдой ли, ложью ли — чиновнику все равно, лишь бы каменные дома наживать. Такой чиновник ясно и отчетливо видел — чуть-чуть изменились формы, но суть осталась та же самая; одну и ту же суть он совершенно реально видел в своих совершенно одинаковых домах, которые-то и были подлинною сутью. А либеральные писатели, не обращая внимания на одинаковость приобретенных чиновником каменных домов, этот символ одинаковости двух эпох, разглядывали “формы” и ликовали по поводу их “неодинаковости”¹. И повторное, жесткое резюме: «Ничем **существенным**

¹ Цит. соч. С. 25–26.

время Александра от времени Николая не отличается¹. И потому, поняв это, и при Александре (как и при Хрущеве) не следует рассчитывать на разные там «революции сверху». Только — «снизу», и только на подготовку массового народного движения (в близком или не очень близком будущем) есть смысл тратить свои силы. Тем более что время относительной «оттепели» всё-таки более благоприятно для подобной деятельности, чем время трескучих «морозов». И Автор видит в качестве образца деятельности прогрессивных людей в подобные эпохи — деятельность Чернышевского, который, ясно осознавая «сходство двух эпох», не упускал из виду и «некоторое различие» между ними «в формах управления». «И это различие можно и нужно было использовать в политической борьбе. Но, чтобы уметь использовать, надо было правильно оценить его (избежать как недооценки, так и переоценки). И Чернышевский оценил: незначительные изменения, связанные с ослаблением цензуры, и вынужденное некоторое раскрепощение общественной жизни были для Чернышевского не объектом восхищения, не желанной достигнутой целью (как воспринимали их либералы), а взятыми с боя средствами будущей революционной борьбы. Изменившиеся условия для него — это лишь более выгодные условия борьбы, а не условия лучшей жизни. И этими условиями Чернышевский не преминул воспользоваться»².

О чем это здесь? Почему с такой взволнованностью, с такой повышенной эмоциональностью говорит Автор о событиях столетней давности? Да потому, что слова эти, призывы, лозунги эти, извлеченные из глубин истории, целиком обращены в современную Автору реальность. Любопытно, что одна из рецензий на эту книгу Автора была озаглавлена: «Далекое аналогии»; и было несколько неясно, чего хочет рецензент — то ли помочь не слишком догадливому читателю «правильно» понимать указанную книгу, то ли «помочь» товарищам из «органов» — приструнить «щелкопера». А «далекое аналогии» между тем продолжали работать. Автор с вызывающей откровенностью зовет современников брать пример с «шестидесятников» XIX века, которые отнюдь не об исправлении «деформаций» думали:

¹ Цит. соч. С. 27.

² Цит. соч. С. 27–28.

«Современник» и Чернышевский учили и воспитывали новое поколение революционных бойцов, будущих героев 60-х и 70-х годов. Между читателями и «Современником» установился тот живой, духовный контакт, когда люди понимают друг друга с полуслова, с полупамятки. Образно говоря, читатели журнала чувствовали себя членами революционного союза (пусть организационно неформального), центральным комитетом которого был «Современник», а вождем — Чернышевский. Среди них бытовало даже такое название — партия «Современник». Создание такой «партии», с силой которой не могла не считаться реакция и которую ввиду ее «оригинальности» невозможно было разогнать, создание такой партии — бессмертная заслуга Чернышевского и его ближайших сподвижников. Ибо, повторяю, журнал был не просто «любимым» или «популярным» у революционной молодежи, он был не просто «учителем и другом», а он был именно руководителем и организатором лучших революционных сил общества. И если уж продолжать не весьма преувеличенное сравнение журнала с «центральным комитетом», он был именно руководящим центром революционных сил страны, центром, который вырабатывал программу действия и разрабатывал способы ее осуществления. Да, «Современник» представляет собой уникальное явление в истории русской журналистики; в истории развития революционной мысли в России. Ни до, ни после не было такого легального (!) журнала, который был бы не просто органом оппозиционных сил, но крайней левой в революционном движении, главным штабом революционных сил»¹. Автор мечтал именно о таком журнале. И будучи вхож в тогдашний оппозиционный «Новый мир» (правда, по молодости лет — на правах не слишком влиятельного представителя, так сказать, «сержантского», а отнюдь не «офицерского» и тем более не «командного» состава), Автор зачитывал эти страницы Владимиру Лакшину и некоторым другим членам редколлегии, — не встречая, впрочем, слишком горячего сочувствия (умудренные литераторы считали чересчур утопичными и наивными — для советских условий конца 60-х годов — эти горячие речи и радикальные планы). Собеседники Автора считали, что нет ни объективных предпосылок, ни возможностей для такой деятельности. Автор не согла-

¹ Цит. соч. С. 28–29.

шался и полагал, что просто «не находилось людей, которые использовали бы (существующие) «объективные предпосылки» и реализовали бы «возможности». А вот «пятидесятые годы (XIX века), — обращает он внимание современников к опыту истории, — таких людей дали. Ими в первую очередь были Чернышевский и Добролюбов. Что же сделали эти люди, и прежде всего — Чернышевский, чтобы реализовать благоприятные возможности, какой знали они секрет превращения журнала (при данных обстоятельствах) в "главный штаб" и "центральный комитет"?»¹.

«Секрет этот, — разъясняет Автор, — заключался не в чем ином, как в **выработке научно и всесторонне обоснованной программы**. "Современник" сделал глубокий анализ экономического быта России, дал всестороннюю оценку политического момента: и исходя из него выработал программу действий, наметил пути борьбы и ее конечные цели.

Такую программу не может заменить никакая (даже блестящая!) критика частных эксплуататорского строя, никакое (даже самое пылкое!) отрицание существующих общественных отношений, основанное на абстрактно-гуманистических идеалах и разлюбозном "здравом смысле" (мы уж не говорим о мелком обличительстве и булавочных уколах). (Это были скрытые упреки горячо любимому Автором, но недостаточно, по его мнению, радикальному «Новому миру»; сейчас неважно, насколько прав был Автор в своей критике, главное, что сегодня важно для понимания его эволюции, — он выдвигает задачу перехода от поверхностной критики системы, не затрагивающей ее фундамента, к разработке *основательной теории*).

Вообще программа, состоящая только из негативного материала, только из отрицания существующей действительности, для создания революционной партии не годится. История показала, что негативная программа не может сплотить на продолжительное время даже небольшие группы людей. Серьезный революционер должен иметь положительную (созидательную) цель, должен иметь экономическую и политическую программу...

Установить, что самодержавный строй плох, что плоха система организации труда в обществе, что плохи государственные чинов-

¹ Там же.

ники, не трудно. Для этого надо быть просто честным, просто наблюдательным человеком, не прятать голову под подушку и жить так, чтобы толстый кусок колбасы не закрывал весь мир.

Для того чтобы прийти к мысли, что этот мир надо изменить — надо иметь еще несколько важных качеств: обостренное чувство справедливости и недюжинную смелость.

Но, чтобы установить, как его изменить и что строить взамен разрушенного — для этого нужны не просто честность и смелость, не просто “здравый смысл”, для этого надо серьезно изучить историю, философию, политическую экономию, для этого надо уметь не засыпать над экономическими таблицами; в общем, нелегкая это должность — быть инженером истории»¹.

Все эти пассажи ясно свидетельствуют, что Автор твердо закрепляется на новом теоретическом рубеже: в стране сложилась общественная формация неосоциалистического типа, преодолеть которую можно только путем народно-революционных действий. Но чтобы эти действия не были авантюрой, нужна программа борьбы, и важнейшей частью этой программы должно быть осмысление сущности этой новой, не предусмотренной прежними теориями, *формации*. И вот какие подходы к осмыслению этой новой формации намечены в рассматриваемой нами книге.

НОВАЯ ФОРМАЦИЯ

Знали пять формаций — по Марксу: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и предстоящая — коммунистическая (с социализмом — на первом этапе). Всё! Ничего другого быть не могло! Все социальные системы всех стран мира должны укладываться в эту схему (ну, с некоторыми незначительными вариациями, конечно). Это была неприкасаемая часть официальной марксистской идеологии.

Правда, железобетонность этого теоретического фундамента немного расшатывалась дискуссиями об «азиатском способе производства» — шестой? Или какой-то особой, «побочной» (неосновной) формации? Впрочем, решались на все эти «смелости», тоже прикрываясь соответствующими высказываниями Маркса (не вполне, одна-

¹ Цит. соч. С. 30–31.

ко, ясными — отсюда и «дискуссии»). А также — утверждениями, что (тоже опираясь на мысли немецкого классика) можно говорить не о пяти, а о трех формациях (что-де рабовладение, феодализм и капитализм — это не отдельные формации, а три стадии одной формации).

И вот в этот круг «расчисленных светил» вводится Автором некая «незаконная комета» — новая, современная формация, не укладывающаяся в неприкасаемую марксистскую формационную «пятичленку». Формация, сложившаяся в Советском Союзе: не капитализм и не социализм. Тогда — какая же, в чем ее суть?

В книге «От Чернышевского к Плеханову» — первые подходы Автора к описанию этой формации (подходы, которые в дальнейшем будут расширяться, углубляться и уточняться). Итак, какой же предстает она в этой книге? Понятно, как я уже не раз объяснял, прямо, «в лоб», «открытым текстом» она не могла быть представлена; опять-таки только — в форме эзоповой, но достаточно прозрачной. Ее содержание раскрывается в виде ряда социально-политических конструкций, рождавшихся в русских социалистических кругах второй половины XIX века, по большей части — народнических.

В центре анализа — модель социализма, разработанная видным теоретиком и практиком народничества 70-х годов XIX века Петром Ткачевым. Вот эта, ткачевская, модель, по мнению Автора, очень близка к той «модели», что была воплощена в жизнь сталинским руководством в 30–40-е годы XX века. И потому анализ «социализма» Ткачева дает Автору возможность высказать многое из того, что он думает о сталинском «социализме» — о его сущности и причинах возникновения.

Ткачевисты в XIX веке, как и сталинисты — в XX, провозглашали: мы уничтожим частную собственность, вместо неё введем общественную. Это и будет фундаментом (базисом) социализма, где всё будет принадлежать не кучке богатеев-эксплуататоров, а всем и каждому (по Маяковскому: «улица — моя, дома — мои»). Отмечалось также, что общественная собственность приведет к упразднению наемничества («наемного рабства»), и работник превратится из «наемного рабочего» во владельца средств производства, в «хозяина», работающего не на «господина», а «на себя».

Автор не принимает на веру эти красивые предсказания. Он анализирует — что реально стоит за этими красивыми картинками тка-

чевских планов (и сталинских реалий). А стоит за ними — реальность, прямо противоположная той, что так торжественно провозглашалась ткачевцами (и так последовательно выстраивалась сталинцами): работник становится владельцем собственности лишь на словах, на бумаге, а в действительности ее реальным владельцем и распорядителем становится чиновничество, бюрократия. И никакого превращения работника в хозяина, работающего «на себя», не происходит. Трудящийся остается бесправным работником, рабочей силой которого безраздельно распоряжается всевластное бюрократическое сословие. «Что такое общественная собственность? — ведет Автор диалог с ткачевцами. — Это собственность, принадлежащая всему населению страны. А это, в свою очередь, что значит? — А то, что все взрослые граждане участвуют в управлении этой собственностью и в распределении доходов, получаемых от нее. А что нужно для этого? А для этого нужна демократическая организация всего народа. А у вас, господа ткачевисты? Кто управляет собственностью? Пришедшее к власти “цивилизованное” меньшинство. Так? А кто распределяет доход? Конечно же, пришедшее к власти “цивилизованное” меньшинство. **Таким образом, получается, что фактически собственность принадлежит вашему, ткачевцы, меньшинству, а народ — ваш работник**»¹.

Вот это и есть основа, «базис» новой — псевдосоциалистической — формации...

Но оставим литературные аналогии, ныне все и без того прекрасно знают, что там, где большинство народа не имеет влияния на власть, там все разговоры о благе народа, о заботе о народе — пустая идеологическая болтовня. И марксизм, подлинный марксизм, говоря о социализме, никогда не разъединял даже в понятии власть и народ.

Не «власть и народ», а народная власть. Не власть, благодетельствующая народ, а властвующий (правлящий) народ (пролетариат) — вот лозунги марксизма. Марксизм — за твердую власть после революции, за сохранение государства, но такого государства, которое по существу есть уже не государство. В этом соль!

Что же это за «государство — негосударство»?

¹ Цит. соч. С. 143–144.

Как и всякое государство, оно тоже орудие насилия, но насилия большинства над меньшинством, пролетарского, пришедшего к власти большинства над эксплуататорским меньшинством. А насилие во имя интересов и прав большинства населения отличается иным характером: оно попирает «права» эксплуататоров, буржуазии, оно неосуществимо без демократической организации войска и «тыла».

В этом вся суть марксизма в данном вопросе.

Демократическая организация народа — вот основа «государства — негосударства». Без нее государство может быть только орудием в руках тщеславного меньшинства, какие бы народолюбивые слова не вылетали из правительственных канцелярий. К этой мысли часто возвращался Ленин. «Гражданская война, — писал он, — насильственно экспроприирует, сразу и прежде всего, банки, фабрики, железные дороги, крупные сельскохозяйственные имения и т. д. Но именно для того, чтобы экспроприировать все это (то есть действительно, а не на бумаге, не на словах передать во владение народу. — Г. В.), надо ввести и выбор всех чиновников народом и выбор офицеров народом и полное слияние армии, ведущей войну против буржуазии, с массой населения, и полную демократию в деле распоряжения съестными припасами, производства и распределения их и т. д. Целью гражданской войны является завоевание банков, фабрик, заводов и пр., уничтожение всякой возможности сопротивления буржуазии, истребление ее войска. Но эта цель недостижима ни с чисто военной, ни с экономической, ни с политической стороны без одновременно, развивающегося в ходе такой войны, введения и распространения демократии среди *нашего* войска и *нашего* “тыла”».

И дальше: «мы в своей гражданской войне против буржуазии» будем соединять и сливать народы не силой рубля, не силой дубья, не насилием, а добровольным согласием, солидарностью трудящихся против эксплуататоров». «Без демократической организации отношения между нациями на деле, ... гражданская война рабочих и трудящихся масс всех наций против буржуазии невозможна» (Т. е. невозможна в результате такой войны победа действительного социализма. — Г.В.) и в заключении: «Иного пути нет. Иной “выход” не есть выход» (т. е. иной социализм не есть социализм)».

Таким «иным выходом», который «не есть выход», таким социализмом, который не есть социализм, и была программа русских

якобинцев. «**Казарменным коммунизмом**» окрестили его Маркс и Энгельс.

Вот это и есть итоговая оценка, данная Автором сталинскому «социализму»: сталинский «социализм» — **«не есть социализм»**. Сталинизм есть особая форма социального устройства, которое Автор называет пока, прибегая скорее к образной, нежели к строго научной характеристике Маркса, — **казарменным коммунизмом** (где, как понятно, акцент делается на **казарменности** возникшего социального строя).

Здесь, когда Автор делал доклад на научном семинаре, ему были заданы вопросы (Славиным, Бузгалиным, Мироновым): «А всё-таки каков механизм функционирования социального устройства, называемого вами “новой формацией”, в ее сопоставлении с буржуазной формацией, с одной стороны, и с социалистической (коммунистической) формацией — с другой? Как концепция “новой формации” сопрягается с марксовой формационной схемой? Какие общественные классы составляют ее социальную структуру, в чем содержание их противостояния и каковы пути его преодоления?»

Мы обязательно коснемся этих, действительно важных, вопросов, но чуть позже. Ибо избранная в данной работе логика рассказа о последовательной и постепенной эволюции социалиста-шестидесятника не позволяет это сделать сейчас, так как в книге «От Чернышевского к Плеханову» есть лишь некоторые намеки на ответы, но настоящих, развернутых ответов еще нет. Они у Автора — впереди. И мы не будем отступать от однажды выбранной нами логики изложения, не будем отступать от принципа — анализировать только напечатанные **тексты**.

Итак, главное, что зафиксировано книгой «От Чернышевского к Плеханову»: В СССР — не «социализм с деформациями», а — «не-социализм», особое социальное устройство несоциалистического (и некапиталистического) типа, в котором экономическая и политическая власть, собственность на средства производства принадлежат сословию государственных чиновников, бюрократии, а народ — их наемный (и, добавим, бесправный, не имеющий серьезного влияния на социальную и политическую жизнь) работник. И вырастает эта система из особенностей русского социального развития, при катализирующем воздействии на него родившихся на почве Запада соци-

алистических идей, вырастает из стремления построить на российской — не подготовленной для социализма — почве *социалистический идеал* (обрисованный, повторяю, *западными мыслителями*).

70-е годы: «Диалектика и революция»

Конечно, логично было бы далее Автору в своих писаниях попытаться ответить на те — примерно — вопросы, что поставили участники вышеупомянутого семинара. Но, увы, ход жизни отличается от логики семинарских обсуждений.

В начале и середине 70-х годов проблема «социализма» в СССР повернулась вот какой новой гранью, на что следовало, по мнению Автора, реагировать немедленно.

Август 1968 года. Прага. Советские танки на улицах чехословацкой столицы.

Попытка чехословацких коммунистов и чехословацкого общества построить «нормальный» социализм — социализм гуманный («с человеческим лицом») была бандитски подавлена советским бюрократическим режимом.

Стала очевидной — по крайней мере для Автора — одна вещь: «несоциализм» в СССР сложился, употребляя модную тогда лексику, «полностью и окончательно»; он отстоялся и экономически, и социально, и идеологически; его «преобразовать», «реформировать» изнутри — «через партию», «через Советы» — **совершенно невозможно**. Ну, и как быть? Что делать? Как противостоять ему? Кто и как может его преодолеть? И что (и каким образом) должно прийти ему на смену? Вот группа вопросов, которые стимулировали написание Автором работы «Диалектика и революция» (1975 г.). Книга эта писалась в 1970–1974 годах. Здесь — новая концепция социальной (социалистической) революции.

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ НОВИЗНЫ:

1. Если прежде в марксистской теории социальная (социалистическая) революция рассматривалась как форма борьбы с *капитализмом*, как способ его преодоления, т.е. как *антикапиталистический, антибуржуазный феномен*, то теперь, во второй по-

ловине XX века, Автор ставит вопрос о революции как форме борьбы не только с современным капитализмом, но (и это особенно важная новация) одновременно — и с тем «несоциалистическим», бюрократическим социальным строем, что сложился под именем «реального социализма» в СССР.

2. Анализируя революционно-преобразовательные возможности в *странах развитого капитализма*, Автор фиксирует социально-политические изменения, произошедшие в этих странах во второй половине XX века, и выясняет то влияние, которое эти изменения оказывают (должны оказывать) на характер современной революционной борьбы (здесь, в дополнение к книге, см. его статью «Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма» в «Вопросах философии», № 1 за 1972 г.). Особенное внимание при этом он обращает на следующие моменты:

а) Изменение, усложнение — под влиянием научно-технической революции (НТР), «революции управляющих», процесса превращения науки в «непосредственно производительную силу» — структуры и форм собственности, составляющих экономический базис западного общества, а также изменение его социально-классовой структуры и характера, эволюции сути возникающих в этом обществе социальных конфликтов.

б) Формирование нового субъекта революционной борьбы — «совокупного наемного работника» (включающего в себя не только отряды традиционных пролетариев («синих воротничков»), но и — во всё большем объеме — новые слои трудящихся — со специальным средним, а то и высшим образованием, специалистов и значительные группы инженерно-технических работников, так называемые белые воротнички, с новыми потребностями и интересами, новыми мотивами социальной борьбы, что порождает новые, неизвестные ранее, формы социально-классовой борьбы.

3. Но наиболее существенна та часть Авторской концепции, в которой ставится вопрос о необходимости разработки теории революционно-преобразовательной деятельности в странах «бюрократического социализма», вопрос о содержании, возможностях и перспективах народных антибюрократических революций. И хотя подробного, развернутого раскрытия этих вопросов в данной книге нет — и по причинам, как понятно, цензурного характера, да и потому,

что разговор на эти темы требовал проработки и обобщения громадного исторического и статистического материала (в большинстве своем скрываемого правящей бюрократией от глаз объективных, не прикормленных властью, ученых), — тем не менее задача теоретического поиска была сформулирована ясно и четко: определить возможные формы борьбы с бюрократическим режимом. Были намечены и общее содержание, и общая направленность такой борьбы:

— не «через партию», а через *народное движение* снизу, через «самодеятельность народных масс»;

— через введение и широкое использование демократических институтов;

— через ликвидацию тоталитарного политического режима и однопартийной системы;

— через превращение формально общественной (а на деле — корпоративно-бюрократической) собственности в реально общественную (путем демократизации политической и экономической жизни);

через создание правового государства, сменяющего систему бюрократического всевластия и чиновничьего произвола.

4. Но, пожалуй, самая главная и самая существенная теоретическая новация состояла в том, что эти революционные потоки (против монополистического капитализма и бюрократического «социализма») рассматривались Автором не порознь, а как тесно взаимосвязанные стороны *единого* мирового революционного процесса.

И шире — Автор пишет о *трех* потоках мирового революционного процесса. Здесь — внимание: не отождествить концепцию Автора с концепцией Суслова–Пономарева, лежавшей в основе позиции КПСС, где тоже говорилось о «трех потоках мирового революционного процесса». Но там шла речь совсем о других «потоках». Согласно этой, официально-партийной, концепции, таковыми «потоками» считались: 1) «Социалистический лагерь» как лидер «мировой социалистической революции и антиимпериалистической борьбы»; 2) «коммунистическое движение в странах развитого капитализма» (вернее, та часть комдвижения, которая безоговорочно следовала в фарватере советской политики); 3) «национально-освободительное движение» (в той его части, которая ориентировалась на позицию советской бюрократии).

У Автора — принципиально иное содержание трех потоков мирового революционного движения. Это: 1) широкое демократическое, антисистемное движение в странах развитого капитализма, в котором участвуют компартии несталинистской, недогматической ориентации, новые социальные движения («зеленые», низовые движения гражданского общества — потребителей, жильцов, правозащитников и т.п.), демократическо-социалистические и левые социал-демократические силы; 2) демократическо-социалистические, гуманистические, вообще — низовые демократические силы в странах «реального» (т.е. бюрократического, казарменного) «социализма»; 3) национально-освободительные движения «третьего мира», свободные от диктаторско-бюрократических установок и целей.

Вот о единстве каких «трех потоков» ведет речь Автор. Им, по сути, выдвигается идея создания нового Интернационала, который смог бы обеспечить идейное и организационное единство названных революционных потоков.

5. Именно это мировое единство демократических, гуманистических, революционных сил способно, по мнению Автора, существенно ослабить позиции монополистического капитала в странах Запада, бюрократических, диктаторских сил в «третьем мире» и нанести ощутимый удар по системе «бюрократического социализма». Иначе говоря, выдвигается задача формирования — через головы правительств и правящих групп — **всемирного гражданского общества**, способного противостоять в равной мере и буржуазно-бюрократическим и бюрократическо-социалистическим системам.

6. Этот *всемирный, интернациональный контекст*, очерченный в книге «Диалектика и революция», был для Автора и *важной предпосылкой развития темы новой — бюрократической — формации*. Далее мы скажем об этом подробнее. Здесь же заметим, что, разрабатывая концепцию новой формации и нового интернационализма, Автор отнюдь не порывает с марксистской теорией, но, добавим, и не ограничивается ею. Он отталкивается от ряда идей Маркса, не слишком им разработанных, не доведенных до их логического конца, и развивает эти идеи, расширительно толкует их, дополняет в соответствии с реалиями XX столетия, что приводит Автора к теоретическим положениям, хотя корнями и уходящим в марксистский фундамент, но всё же далеко выходящим за намеченные Марксом

горизонты. И потому совокупность теоретических положений, составляющих разработанную Автором концепцию, уже вряд ли можно без существенных оговорок отнести к классическому, традиционному марксизму.

А теперь, как и обещали, обо всём этом — подробнее.

Вначале об одной из центральных идей книги — идее **метаформации**.

Марксистские теоретики традиционно и легко определяли формационный тип, присущий тем или другим отдельным странам: скажем, в Великобритании XVIII–XX веков — буржуазная формация, в России XVIII века — феодальная и т.п.

Но при этом упускалось из виду, что, по мере исторического развития (в особенности начиная с XVI–XVII веков, когда бурно начал развиваться капитализм) заканчивается эпоха «локального» развития стран и народов. Люди живут уже не просто в *отдельных* странах, а в странах, включенных в *систему мирового взаимодействия*. И эта система всемирного взаимодействия, складывающаяся из взаимного влияния стран, находящихся в различных формационных образованиях и на разных ступенях одной и той же формации, представляет собой некую весьма сложную **метаформацию, через призму, через особенности которой только и может быть понят формационный тип отдельных стран**. Иначе говоря, мировая история перестаёт быть просто суммой историй отдельных стран, она становится историей объединяющегося человечества. История становится подлинно *всемирной* историей.

Рассмотрению сущности этой **метаформации**, особенностей и этапов ее развития, ее влияния на социально-политические процессы и формационные структуры отдельных стран посвящены многие страницы вышеупомянутой книги Автора «Диалектика и революция».

Разработка этих идей составляет содержание концепции, которую Автор называет теорией **Всемирности**.

Теорию Всемирности в 60–70-е годы в отечественной науке разрабатывали, наряду с Автором, такие глубокие, такие замечательные мыслители, как М.Я. Гефтер, И.К. Пантин, Я.С. Драбкин, Б.Ф. Поршнев и некоторые другие. Вообще замечу, что мы, россияне, испокон веков не умеем ценить сделанное у себя дома (в своем Отечестве, как известно, пророков не бывает!). Мы апатично проходим мимо собст-

венных достижений и с энтузиазмом кидаемся на заморские цапки. Так мы в 80-е годы накинудились на появившуюся на Западе теорию *Глобальности* и петушком, вприпрыжку, громко кукарекая, побежали за изобретателями «глобализации», вычитывая у них, как откровение, рассуждения о становлении *единого* и многообразного мира и спеша переводить их мысли и термины на язык родных осин. А то, что основы теории Глобальности (названной в 60–70-е годы отечественными теоретиками по-русски — Всемирностью) разработаны российскими учеными (и с основательностью, превосходящей многие современные западные концепции), — забыто напрочь. И тут вопрос о *приоритетности* имеет принципиальный характер. Мы не сомневаемся, что к разработкам российских ученых теории Всемирности наше научное (и политическое) сообщество еще вернется и по-пушкински, «пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет».

Отряхнуть пыль с теории Всемирности (или если вам сегодня больше нравится — Глобальности) и «переписать» высказанные там идеи важно еще и потому, что российская концепция Всемирности органически включает в себя не просто описание процесса превращения Мира и Человечества в единое органическое Целое, но и место в этом Целом России, а также теорию изменения, *революционно-го* преобразования того типа Всемирности (Глобальности), который формируют сегодня богатые страны, страны так называемого золотого миллиарда. То есть теория Всемирности-Глобальности русских теоретиков, и Автора в том числе, включает в себя и те установки на фундаментальное (революционное) изменение типа и направления глобализации, которые, между прочим, сегодня выдвигают *антиглобалисты*.

В общем, наш Автор рассматривает, как возникает и развивается Всемирная «метаморфозация», какие проходит этапы, какие порождает она новые закономерности развития, возникающие, например, на стыке взаимодействия стран разного уровня развития и разных социально-политических устройств, какие преподает уроки для революционных сил отдельных стран и мира в целом.

Попробуем перечислить основные пункты идей по теме Всемирности, которые были разработаны Автором на рубеже 60–70-х годов прошлого века.

Вот как формулировал это в те годы сам Автор:

«**Всемирность** исторического (хозяйственного, культурного и т.д.) процесса, **всемирность** революционного процесса — явление, без осмысления, без полного учета которого невозможно решить (ни теоретически, ни практически) ни одну — ни большую, ни малую — проблему экономического, социально-политического развития отдельных стран и народов.

Всемирность с точки зрения исторической — это особый тип развития человеческого общества, зарождающийся при капитализме, но раскрывающий свою истину, свое богатство и значимость лишь в условиях коммунистического общества.

Всемирность есть *необходимое* экономическое следствие развития производительных сил, есть явление, в котором наиболее полно раскрывается исторический смысл, цивилизаторская миссия капитала (подготавливающего — хотя лишь потенциально и к тому же в уродливой, антагонистической форме — развертывание универсальности человека, его универсальных, всемирных связей и универсальных способностей) и которое вместе с тем выявляет историческую ограниченность капитализма — общества частной собственности и эксплуатации, не могущего в силу этого действительно поставить задачу полного и всестороннего развития человеческой личности.

Всемирность — явление развивающееся — от более или менее случайного взаимодействия отдельных стран к их устойчивой и прочной связи, к их превращению в части **единого** целого...

Всемирность исторического процесса служит основой **всемирности** революционного процесса. Революционный процесс тоже есть единство разнообразного. И задача революционной теории — всесторонне изучить возможности и перспективы этого единства различных отрядов, а задача революционной практики — осуществить это единство в действительности.

Ведущим мотивом теории является отыскание национальных путей к решению единой **интернациональной** задачи. Интернациональное — определяющее, главное, подчиняющее себе национальное, но подчиняющее не прямо, не непосредственно, а путем преломление через национальное бытие.

Всемирность обуславливает появление спектра возможностей для ускоренного развития стран и народов и, следовательно, обу-

словливает возрастание роли сознательности в историческом процессе, роли субъективного фактора, в задачу которого входит выработка путей соединения мирового с национальным, выращивание на национальной почве, из национальных условий — мирового.

Маркс и Энгельс заложили методологический фундамент, выработали общие подходы к проблеме **всемирности**, а также применили это общее к конкретным ситуациям своей эпохи. Однако эпоха домонополистического капитализма не давала много материала для всестороннего освещения этой проблемы, недостаточны были и эмпирические данные о целом ряде эпох в развитии человечества. Поэтому *многие аспекты* этой проблематики у К. Маркса и Ф. Энгельса *остались открытыми, незавершенными*... Как и Маркс, Энгельс абсолютно уверен в том, что “раз только реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами собой потянутся за ними; об этом позаботятся одни уже экономические потребности”. Но, как и Маркс, Энгельс не пытается заглянуть дальше, чем это позволяют современные ему данные, чем позволяет возможность строгого научного расчета: “Какие социальные и политические фазы придется проделать этим странам, пока они дойдут до социалистической организации, об этом, я думаю, мы можем выставить довольно праздные гипотезы”. Возможности всестороннего раскрытия содержания явления **всемирности** были в XIX веке ограничены и тем обстоятельством, что подлинно всемирным капитал становится лишь в форме монополии, в форме, которая ясно сложилась и определилась уже после смерти Маркса — на рубеже XIX–XX веков...

Нарастающий в современных условиях процесс интернационализации хозяйственной и культурной жизни — это процесс, происходящий в обстановке острой классовой борьбы. Капиталистические собственники и **государственно-монополистическая бюрократия** (так аккуратно, но и достаточно прозрачно для внимательного читателя ввел Автор в свою концепцию и *советскую бюрократию* той поры — Г.В.) пытаются узурпировать великие преимущества интернационализации — в интересах ничтожного меньшинства. Народы социалистических стран (снова — тонкость: не о “социалистических странах”, а именно о *народах* этих стран ведет речь Автор — Г.В.), мировой рабочий класс, национально-освободительные движения

борются за демократическую, социалистическую альтернативу — за то, чтобы дополнительные могучие производительные силы, порождаемые процессом интернационализации, были поставлены на службу *гигантскому большинству человечества*.

Это, так сказать, общий фон, на котором Автор далее рассматривает социальные изменения в различных странах и регионах мира, изменения, влияющие, в свою очередь, на современную теорию и практику революционного процесса, на три составляющих его потока. Мы обещали рассказать об этом подробнее. Пора это обещание выполнить.

Итак:

1. Социально-политические изменения в странах развитого капитализма и их влияние на революционный процесс.

Изменения эти Автор связывает со многими моментами — и с развитием производительных сил, и с ростом общественного материального богатства, позволявшего повышать уровень жизни и возвышать культуру труда наемного работника, и с соперничеством с той своеобразной системой, что сложилась в СССР. Но особо значимым фактором и стимулятором изменений стала научно-техническая революция (НТР) середины двадцатого столетия, которая вызвала к жизни новых субъектов социальной деятельности, видоизменила структуру сил, господствующих в экономической сфере, существенно преобразила тип «наемного работника».

Если прежде осевую линию классового противостояния можно было представить так: «капиталист (собственник средств производства) — наемный работник», то теперь ситуация изменилась и усложнилась. Частный собственник средств производства (т.е. классический, традиционный капиталист) перестал быть *единственным* представителем господствующих в обществе социальных сил. Ему пришлось потесниться, уступая место новым «командирам» производства и социальной деятельности. В первую очередь речь идет о технократах, о процессе, который в научной литературе получил название «революции управляющих» (менеджеров, технократов, технотруктуры). Правда, термин «революция» в отношении роста значимости менеджеров — есть некоторое преувеличение, ибо усиление власти технократии коренного признака капитализма как системы эксплуатации наемного работника не меняет. Но то, что управляющие за-

няли в экономической деятельности серьезные командные высоты, в определенной степени сопоставимые с теми, что занимали собственники средств производства, — несомненно. В этой связи Автор высоко оценивает идеи Гэлбрейта, в особенности его книгу «Новое индустриальное общество», где убедительно показано, что менеджеры (техноструктура) перестали быть лишь *обслуживающим* капиталистов персоналом, они перестали быть просто высокооплачиваемыми наемными работниками. Их роль и значение в экономике практически сравнялись с ролью и значением собственников средств производства. И, опираясь на фактический материал, приводимый в книге Гэлбрейта, Автор дает *свое* понимание сущности менеджизма, источников его резко возросшей социальной силы, во многом уже сопоставимой с силой и влиянием традиционных частных собственников. «Технократия, — пишет Автор в статье «Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма» — это разновидность, специфическая форма частной собственности. Технократия — это не просто производственная компетентность и эффективность, **технократия — это частная собственность на знание, образование, информацию, на то, что Энгельс называл «средствами развития»**, это очень жесткая форма разделения труда, отделения управленческого труда от труда исполнительского»¹. (Важно отметить, что, говоря о западных технократах, Автор постоянно подводит читателя к мысли об увеличении социального веса высшей технократии в СССР, о ее возрастающем соперничестве и содружестве с государственной бюрократией, подчеркивая при этом, что процессы эти несколько ослабляют монополию советского чиновничества, и тем создают некоторые дополнительные возможности для усиления демократических, антибюрократических сил; но вместе с тем он предостерегает против преувеличенных надежд на демократический потенциал советской управленческой технократии — подобно тому, как на Западе технократия не изменяет коренной, эксплуататорской, природы общества, так и в Советском Союзе технократия не изменяет сути бюрократического государства; но это — к слову).

Продолжим, однако, наш рассказ о взглядах Автора на эволюцию социальных отношений на Западе (не отказываясь, впрочем, и в

¹ Вопросы философии. 1972. № 1. С. 166.

дальнейшем от проведении аналогий — пусть не прямых, не непосредственных — с ситуацией в стране «реального социализма»).

Научно-техническая революция, отмечает далее Автор в вышеупомянутой статье, **изменяет роль Науки** в системе общественного производства: она всё больше становится **главной и непосредственной производительной силой**. Подобно технократам, деятели науки всё больше перестают быть обслугой собственников средств производства. Резко повышается их роль в экономической деятельности, их *самостоятельное* значение в ней. **Ученый** всё больше выступает в качестве самостоятельной и полноправной силы, обладающей **своей формой собственности — на научное знание** (эту главную во второй половине XX века производительную силу).

И наконец, четвертая привилегированная социальная общность — **государственное чиновничество, государственная бюрократия**. И она в значительной степени перестает быть «приводным ремнем» класса частных собственников. Развитие планирования, программирования в региональных и общенациональных пространствах, разработка и осуществление масштабных общенациональных проектов — делает бюрократию **самостоятельным и влиятельным субъектом экономической деятельности**.

Так формируются по меньшей мере **четыре** социальные общности, обладающие примерным паритетом и примерным равенством сил и возможностей, которым предстоит *договариваться* о совместной деятельности.

В итоге господствующая социальная общность становится многокомпонентной, ее части имеют не только некий общий интерес, но и разные мотивы деятельности. И главное: прежний доминирующий стимул экономической деятельности, присущий «капиталистам» (т.е. частным собственникам средств производства), — получение максимальной прибыли — перестает быть *всеопределяющим* для производства. Так, для менеджеров — важен устойчивый, стабильный и эффективный рост производства; для людей науки — обеспечение условий для развития научного знания; для бюрократии — расширение экономической деятельности государственных структур и т.п. То есть капитализм всё больше перестает быть тем классическим капитализмом, который являлся предметом рассмотрения Маркса в «Капитале». Он трансформируется в некий новый строй (тоже —

вариант некой «новой формации»), где «максимальная прибыль» и «повышение уровня эксплуатации» перестают быть доминирующим мотивом, строй, который называют (не слишком, впрочем, удачно) «индустриальным обществом», а его новый этап (конца XX — начала XXI веков) — «постиндустриальным обществом». Можно спорить о названии, ибо в нем отсутствует *социально-классовая* составляющая этого нового общества, а отражена лишь его *технологическая* сущность. Но как бы там ни было, несомненно одно: эта социально-классовая составляющая существенно модифицировалась за последнее полу столетие: прежний тип *жесткого* (чреватого радикальной революцией, подобной Октябрьской) противостояния капитала и наемного труда уходит в прошлое.

Правда, по мнению Автора, социальные коллизии в «индустриальном» (как и в «постиндустриальном») обществе не исчезают, но обретают другой характер и другие формы, не устраняющие, впрочем, необходимости острой и масштабной борьбы за коренные демократические преобразования (совокупность которых вполне может быть названа демократической *революцией*).

И в этой связи Автор обращается к анализу типа «наемного работника», характерного для современного западного общества. Он обращает внимание на новый уровень, новое содержание потребностей и интересов, присущих современным трудящимся, на новые мотивы их борьбы с господствующими социальными слоями. Отмечается, что в связи с НТР, распространением высоких технологий, автоматизацией многих производственных процессов в экономической деятельности начинают доминировать работники высокой квалификации (со средним специальным, а то и высшим образованием); низкоквалифицированные «синие воротнички» прежней эпохи уступают ведущее, доминирующее место в производстве работникам в «белых воротничках». Сословие «наемных работников», кроме того, активно пополняется инженерно-техническим персоналом (основная масса которого, в особенности в низовых производственных звеньях, перестает быть «привилегированной» рабочей силой и по своим функциям, по своему материальному и социальному положению сближается с традиционным рабочим классом). «Техническая интеллигенция», пишет Автор, бывшая прежде компактной привилегированной прослойкой, теперь разделяется: ее

верхние слои становятся органической частью сословия управляющих, а нижние (и наиболее массовые) — органической частью «совокупного наемного работника».

Формируется, таким образом, по сути, *новая социально-классовая общность* — класс *современных* наемных работников. От прежнего «пролетариата» их отличает, во-первых, достаточно высокий материальный уровень жизни. Прежнему «пролетариату», по справедливому уверению Маркса, «нечего было терять, кроме своих цепей». Современному наемнику — уже есть что «терять», он уже не стоит перед дилеммой, сформулированной Марксом: нищета и гибель в капиталистическом аду или победа в революции. Современный *совокупный* работник и без революции в состоянии добиваться серьезного улучшения своего материального и культурного бытия: он имеет сильные и влиятельные профсоюзы, способные защищать его интересы, он имеет свои политические партии (коммунистические, социалистические, левые социал-демократические и др.), получающие нередко значительное число депутатских мест в парламентах, — и с их помощью он имеет реальную возможность защитить и расширить свои права Человека и Гражданина.

Да и противостоящий ему «совокупный» собственник (средств производства, средств управления, научных производительных сил) — весьма сложное и внутренне противоречивое образование, отдельные части которого отнюдь не склонны к жесткой конфронтации с представителями современного наемного труда. Возможности нахождения социальных компромиссов, мирного, «цивилизованного» решения социальных конфликтов и проблем значительно возрастает.

Это не ситуация середины XIX века, не ситуация, которую анализировал тогда Маркс и из которой он не видел иного выхода, кроме грозной революции, перед неизбежностью которой должны «сдвигаться» господствующие классы.

Вместе с тем Автор отнюдь не считает, что тема Революции (и необходимости преобразований социалистического типа) в странах развитого капитализма снята с повестки дня. Напротив, как это может ни показаться парадоксальным, она становится еще более насущной, еще более необходимой. Более того, эта Революция и была бы в полной мере реализацией марковского предсказания — о преодолении капитализма принципиально новым общественным строем.

Дело в том, что у Маркса (в особенности в его работах 40–50-х годов) есть одно очень существенное противоречие в его революционной стратегии (одна из тех — простительных, впрочем — ошибок, которая связана с «нетерпением» поскорее покончить с миром капитализма — о чем, кстати, писал Ленин). Так вот, Маркс характеризует пролетариат середины XIX века как людей, которых «обесчеловечил» буржуазный строй, превративший их в придаток машины, воспрепятствовавший их интеллектуальному развитию. И вот от этого неразвитого, некультурного, обесчеловеченного субъекта Маркс ожидает победы над миром капитала и построения более высокого типа общества — нонсенс! Правда, в дальнейшем — в 60–70-е годы Маркс, и тем более Энгельс в 80–90-е годы, уточняют свою позицию. Они будут много писать о необходимости развития, созревания рабочего класса, превращении его из рабочего класса «в себе» в рабочий класс «для себя», т.е. — класс, способный осознать свою всемирно-историческую задачу, «сохранить и *преумножить* плоды цивилизации». И всё же... При всех дальнейших оговорках и уточнениях именно от того рабочего класса — «пролетариата» раннекапиталистической эпохи — основоположники «научного социализма» (а уж тем более их многочисленные «нетерпеливые» и ограниченные сторонники и последователи) ждут создания нового общества, по уровню производства, культуры и т.п. превосходящего общество буржуазное.

Автор всё более убеждается в том, что «пролетариат», о котором писали Маркс и Энгельс, может быть, доведенный до отчаяния, способен восстать против буржуазного строя, победить в этом восстании классовых противников и даже захватить власть, но создать общественный строй, который бы «сохранил и преумножил» богатства предшествующего развития, этот социальный субъект **не способен**.

Задачу создания такого, нового, «социалистического», общества, превосходящего буржуазное, задачу, которую формулировал Маркс, может выполнить, по мнению Автора, вот этот новый социальный субъект — «совокупный работник» «нового индустриального» (и тем более — «постиндустриального») общества, субъект, обладающий достаточной культурой, чтобы управлять производством и выстраивать новый, человеческий, социальный мир (и, добавим, субъект, способный в ходе своей социально-преобразовательной деятельности привлечь на свою сторону часть технократии и людей науки).

Иначе говоря, западное общество, по мнению Автора, лишь во второй половине XX столетия *дозрело, доросло* до возможности реализации марксовых прогнозов и призывов.

Но почему — «революция»? Зачем — «революция», если динамично развивается экономика стран Запада, если находятся механизмы «цивилизованного» преодоления кризисных экономических и политических ситуаций, если материальное благополучие наемных работников в общем и целом растет (а проблемы и конфликты не носят неразрешимого характера, и многие из них регулируются за зеленым сукном переговоров)? И что Автор понимает под «революцией» второй половины XX века?

Необходимость коренных («революционных») изменений Автор связывает со следующими моментами.

1. И сегодня сохраняет всё свое значение сформулированная Марксом задача: «Ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, поработанным, беспомощным, презренным существом» (курсив наш — Г.В.), перестроить их так, чтобы Человек стал высшим существом для Человека». Здесь речь не идет о материальной нищете, которая, как полагают некоторые дубоватые «марксисты», главным образом поднимает людей на революционную борьбу. Нет, тут сегодня дело в другом: работник не хочет быть «хорошо откормленным скотом» (Плеханов), он хочет быть Человеком, участвующим наравне с другими в управлении всеми социальными процессами. Вот разъяснения Автора на сей счет: «Недавно, — пишет он в одной из статей той поры, — в рабочем клубе одного маленького финского городка мне довелось беседовать с группой финских рабочих-коммунистов. Это были достаточно материально обеспеченные люди: некоторые приехали на нашу встречу на своих собственных автомашинах (небольших, недорогих, но на своих). Я спросил, как бы они ответили на вопрос, который часто задают буржуазные теоретики (типа Гэлбрейта) или мелкобуржуазные (типа Маркузе): “Зачем рабочему, имеющему холодильник, телевизор, а то и автомашину, вступать в коммунистическую партию, бороться против капитализма, за социализм?”

Отвечая, рабочие упоминали о многом — и о дамокловом мече безработицы, висящем над головой каждого трудящегося, и о потогонной системе труда, и о том, что капитализм не может дать проч-

ного мира людям земли... Но среди прочих был один аргумент особенной силы и особенного звучания.

Да, современный капитализм (конечно, под напором нашей борьбы), перебивая и дополняя друг друга, горячо говорили одновременно молодой парень-слесарь и пожилой рабочий-строитель, может обеспечить работающего человека куском хлеба и даже с маслом на этом хлебе, а то и с сыром на этом масле; но нас капиталисты хотели бы превратить в хорошо откормленных животных, нас «смазывают» маслом так, как рачительный хозяин смазывает машину, чтобы она продуктивнее работала; к нам хозяева относятся как к машине среди других машин, как к станку среди других станков; мы лишены возможности реально влиять на ход дел на своем заводе, на судьбы своей страны; наш рабочий инструмент, станки, на которых мы работаем — эти наши механические руки — принадлежат не нам, а другому — капиталисту, и этот «другой» указывает, как нам ими двигать; мы же стремимся сами распоряжаться своими механическими руками, сами определять, что и во имя чего нам производить, — для этого мы и хотим ликвидировать частную собственность, чтобы перестать быть говорящими машинами и стать в полной мере людьми.

Так вот, по-рабочему, опираясь на собственный опыт, изложили финские товарищи цель, которую Маркс по-научному, по-философски формулировал как присвоение человеком своей собственной сущности, отчужденной от него антагонистическим способом производства».

И еще — из другой статьи Автора: «Подлинной и высшей целью социалистической революции является не просто отстранение капиталистов от руководства производством и государством, не просто развитие производительных сил и повышение производительности труда. Все перечисленное — лишь средства по отношению к высшей цели коммунистического переустройства мира: создание условий для полного всестороннего развития человека, создание общества, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Эту высшую цель необходимо постоянно держать в поле зрения, ни на минуту не упускать из виду среди сложного переплетения, различных линий борьбы, различных задач — ближайших и далеких. Ни на минуту нельзя забывать, что социалистическая революция означает борьбу против того мира, где человек низведен капиталом

до роли придатка машины, всего лишь средства для получения прибыли, до роли одной из деталей сложного механизма капиталистического производства, которое само по себе цель. Социалистическая революция означает борьбу против того мира, который деспотически очерчивает человеку узкий круг его деятельности, “деятельности”, сводящейся к тому, чтобы исполнять, не рассуждая, исполнять то, что приказывают, что требуют хозяин и организованное в соответствии с интересами капитала производство. Социалистическая революция и есть выражение того, что человек хочет перестать быть вещью, придатком машины, средством производства; он хочет стать Человеком — существом, свободно и наравне с другими участвующим в определении целей общей деятельности, выборе средств их достижения и совместной реализации, т.е. хочет стать активным и сознательным участником исторического процесса»¹.

2. Сохраняющаяся и во 2-й половине XX века потребность в преодолении буржуазного типа общества связана и с изменением системы мировых отношений, усилением экономического и политического диктата над миром стран Запада, их стремлением (это особенно относится к США) установить самодержавно-полицейское господство над человечеством (что, в свою очередь, ведет к милитаризации экономики, невероятному раздуванию военных бюджетов — прямое и чудовищное растраниживание общественного богатства и производительных сил человечества).

Что касается возможных форм социальной (в т.ч. — революционной) борьбы, то Автор отмечает — с точки зрения *внутренней* ситуации — рост удельного веса и возможностей *мирных*, невооруженных форм — через деятельность партий, борьбу за демократические преобразования (способные быть весьма эффективными), за завоевание сильных позиций в парламентах, а то и в правительствах (не исключая, впрочем, в зависимости от условий, и более радикальных форм противостояния низов гражданского общества господствующим слоям). Если же брать социальные конфликты на *международной* арене — между «золотым миллиардом» и миллиардами далеко не золотыми, то тут зарекаться от возможных революционных противостояний революционные силы не вправе.

¹ Молодой коммунист. 1974. № 1. С. 85–86.

Таковы некоторые из идей, развивавшихся Автором в сфере проблематики «Запад и Революция». Но, читая его работы, легко заметить, что социальная борьба на Западе Автора интересует не столько сама по себе, сколько в качестве возможного союзника, стимулятора и катализатора социальной борьбы в его стране — Советском Союзе, России, в рамках той «новой общественной формации». Это для него главное.

К этому «главному» мы теперь и переходим.

Итак, по мнению Автора, три главных момента определяют суть и специфику социальной борьбы в России (Советском Союзе): это — «метаформация», т.е. мировая социальная система, частью которой является Россия (фактор «всемирности»); это — специфика русской истории, специфика русского бытия и менталитета; это, наконец — новая, особая общественная формация, сложившаяся в Советском Союзе, под влиянием вышеперечисленных и некоторых других факторов.

ИТАК: НОВАЯ ФОРМАЦИЯ.

Мы уже — при анализе ткачевского социализма — сказали, как Автор представляет себе базис этой необычной формации, т.е. отношения собственности, характерные для нее.

Сейчас мы попытаемся ответить на вопросы, которые возникли у участников семинара при заслушивании устного доклада Автора:

— как эта концепция «новой формации» сопрягается с формационной теорией Маркса, и сопрягается ли вообще?

— каковы главные механизмы ее функционирования?

Вначале — о «сопряжении» с марксизмом. Да, она берет начало в теоретических идеях Маркса, а дальше — уж судите сами, остается ли она в пределах марксизма или выходит за них.

Принципиально особый (по сравнению с западом) путь развития России вполне допускался Марксом. Когда в начале 80-х годов XIX века Вера Ивановна Засулич в письме спросила Маркса: должна ли, по его мнению, Россия развиваться далее по западным образцам, проходя все стадии капитализма, и применим ли анализ «Капитала» к российской реальности, Маркс, как известно, недвусмысленно ответил: анализ, представленный в «Капитале», базируется, главным образом на западноевропейском (преимущественно даже — англий-

ском) историческом материале; что касается путей развития России, то тут нужен *специальный* анализ; ищите, думайте, исследуйте, сопоставляйте и сами делайте выводы. И добавлял: совсем не исключено, что у России будет свой, отличный от Запада, путь развития.

В советское время письмо Маркса к Засулич не слишком было, что называется, «в ходу». Официальные советские марксисты исходили из того, что капитализм — *универсальный общественный строй, с неизбежностью* возникающий по достижении той или другой страной определенного уровня производительных сил, технической оснащенности. И надо сказать, что работы Маркса 50-х (и даже 60-х) годов давали основания для такого толкования. Так, адресуясь к читателям «Капитала» из других стран, Маркс восклицал: не думайте, что речь тут идет о судьбе лишь некоторых стран Европы и что вам удастся подобный путь миновать; нет, это и *ваша* судьба. И эта позиция была подхвачена революционными идеологами незападных стран (и России в первую очередь).

Первые русские марксисты (и их лидер Плеханов), боготворя Маркса, не оценили, однако, его рекомендаций в письме к Засулич и прошли мимо тех глубоких идей о самобытных путях развития России, которые были разработаны Чернышевским и которые так высоко ценил Маркс.

Да, первые русские марксисты (из плехановской группы «Освобождение труда») имеют немалые заслуги перед российской общественной мыслью. Именно они открыли для России марксизм, разъяснили и защитили высокую научность, присущую марксистской теории. Но Плеханов и его «Группа» очень упростили себе исследовательскую задачу: вместо самостоятельного исследования *специфики* русского общественного развития (как рекомендовал их учитель Маркс в письме к Засулич) они просто «пристегнули» Россию к западноевропейской колеснице и, ссылаясь на некоторые элементы подобия, включили Россию в европейское пространство и стали мерить ее мерками марксового «Капитала». Плеханов в своих первых марксистских работах («Социализм и политическая борьба» и «Наши задачи») приложил немало сил, чтобы убедить читателя (да и самого себя), что «Россия нашла на след капиталистического развития»; что если раньше, лет двадцать тому назад, еще можно было размышлять о каких-то «особых» путях развития России, то теперь всякие

разговоры на эту тему становятся беспочвенной и нелепой утопией, ибо капитализм *пришел* в Россию, и теперь все политэкономические выводы «Капитала», все его социальные прогнозы и вся вообще революционная теория Маркса (и Энгельса) прямо и непосредственно применима к России. Теперь нам, русским, незачем изобретать свой велосипед, надо просто брать работы Маркса и Энгельса, списывать оттуда их рекомендации и в соответствии с ними действовать. При этом, правда, отмечалось, что, хотя в Россию и пришел капитализм, но мы только-только ступили на капиталистическую дорогу, что это только ее начало и что мы обречены теперь какое-то время шагать по этой дороге. И что пока русским революционерам рано браться за *реализацию революционных лозунгов* марксистского «Манифеста», что условия для свержения капитализма, для осуществления русской революции должны еще вызреть (в отличие от Запада, где они вполне созрели).

Этот ученическо-марксистский подход и не позволил Плеханову (и его будущим соратникам из меньшевистской фракции РСДРП) по-настоящему понять суть социально-политической борьбы и содержание революционных схваток, которые сотрясали Россию в начале XX века. Этот марксистский догматизм не позволил плехановско-меньшевистскому крылу русской социал-демократии выработать оригинальную (не догматически-марксистскую) стратегию революционной борьбы и наложить серьезный отпечаток на ход революционных процессов — ни в 1905, ни в 1917 годах, и тем более понять — что же произошло в стране после Октября 1917 года. Их теория слабо соприкасалась с реальностью. Кто-то назвал ее красивой, прямой линией, но проведенной в безвоздушном пространстве. И это в общем-то верно.

Вот плехановские-то (меньшевистские) идеи великолепно «сопрягались» с построениями Маркса. Одна беда: они не «сопрягались» с российскими реалиями. Поэтому, между прочим, наш Автор и стремился «сопрягать» свою концепцию не с марксовыми *западноевропейскими* схемами, а с его напутствием, данным всем нам, его симпатизантам, в письме к Засулич.

Но продолжим, однако, нить наших рассуждений, ведущих к осмыслению того оригинального, самобытного социально-политического феномена, что сложился в России после Октябрьской рево-

люции, к 30-м годам XX века. Тут важно понять позицию Ленина в ее развитии. И об этом — несколько слов.

Поначалу, в 90-е годы, Лениным были активно подхвачены ортодоксально-марксистские идеи Плеханова. Его книга «Развитие капитализма в России» как раз об этом — о том, что Россия «напала на след капиталистического развития». Все его статистические таблицы, анализ земской статистики были подчинены одной задаче: доказать, что Россия стала капиталистической страной, и теперь русские революционеры должны действовать «по Марксу». Плеханову очень понравилась позиция тогдашнего Ленина. Они оба не без гордости называли себя «ортодоксальными марксистами».

Любопытна дальнейшая эволюция этих «ортодоксов», этих «верных» и «твердых» учеников Маркса. Плеханов, как был, так и остался «железным ортодоксом» (а за ним потащились и та часть русской социал-демократии, которая получила название «меньшевики»). Он всё время оглядывался на Запад, на его историю, на пройденные им этапы — тут открывались для него пути-дороги, которыми предстояло шагать отставшей России, и он всё время держался за те характеристики этих этапов, которые давали его учителя — Маркс и Энгельс. И так — вплоть до 1917 года, до Февраля, Октября, и до своей смерти в 1918-м: вот Россия прошла этап промышленной революции (во второй половине XIX века — по образцу английской промышленной революции XVIII века), вот прошла этап «первоначального накопления» (с разрушением общины и превращением значительной части крестьянства в фабрично-заводской пролетариат), вот начал формироваться класс буржуазии, вот начались его первые столкновения с появившимся в России «пролетариатом». Пример западного развития подсказывает, как дело в России должно пойти дальше: буржуазия, дабы упрочить пришедший в страну капитализм, должна потеснить дворян и помещиков (классы-сословия уходящего феодального общества), устранить самодержавие (заменяв его тем или другим видом конституционного строя). В общем, Россия — накануне буржуазной революции (которая может быть более или менее мирной — по типу «славной» английской революции конца XVII века или вооруженно-кровавой — по типу французской революции конца XVIII века). В ходе упрочения капиталистических отношений российское крестьянство (опять-таки по примеру Запада) должно разло-

житься на «мелкую буржуазию» и «пролетариат»; пролетариат должен созреть, развиваться, поддержать буржуазию в ее борьбе против самодержавия и помещиков, а потом, по образцу европейских пролетариев середины и второй половины XIX века, — создавать свои политические организации, партии и профсоюзы и постепенно наращивать свою борьбу с капитализмом, который созреет и перезреет. В результате сложатся условия для революционной победы рабочего класса. Но ни в 1905-м, ни в 1917-м Россия, по уверению Плеханова, не созрела для преодоления буржуазного строя, русский пролетариат к построению социализма еще не готов. Надо, стало быть, вести борьбу в рамках капитализма, ждать и готовиться к будущим, решающим битвам.

Иначе шла эволюция взглядов Ленина — от плехановского догматизма до удивительно оригинальных, не укладывающихся в традиционные марксистские схемы идей эпохи революции 1905 года, до финального (на закате жизни) требования о «коренном пересмотре всей нашей точки зрения на социализм». Ленинские идеи о своеобразности русского социального и революционного развития проторяли дорогу к пониманию необычных итогов развития России в XX столетии.

А теперь — некоторые, более конкретные, соображения о ленинской идейной эволюции, еще ближе подводящие нас к Авторской концепции «новой формации».

Итак, начинал Ленин с ортодоксии плехановского типа. «Развитие капитализма в России» — тому пример. Но важно отметить, что даже в этой, в целом по-плехановски ортодоксальной, книге есть ростки будущих весьма неортодоксальных идей. Например, очень важная констатация *специфики* значительной части российского рабочего класса — «рабочий с наделом» (социальный кентавр — нечто среднее между рабочим и крестьянином!). Этот невиданный на Западе субъект революционного процесса наложит свой отпечаток на многие коллизии социальной борьбы в России, что найдет отражение в ленинской теории. Да и фактор российской «отсталости» Ленин начинает трактовать иначе, чем Плеханов: России суждено не просто преодолеть эту «отсталость», формационно «догнав» Запад. В России «отсталость» из количественного фактора перерастает в качественный — в качество особого пути развития. В России «отста-

лое» и порождаемое на Западе «новейшее» соединяются в необычный симбиоз, обуславливая специфику социального развития и классовой борьбы.

Эта тема оригинального сцепления «отсталого» и «новейшего» получает мощное развитие в ленинских работах эпохи революции 1905 года, и вследствие этого пути Ленина и Плеханова раз и навсегда разойдутся. Ленин для Плеханова перестанет быть «подлинным марксистом». «Ленинизм — это не марксизм, это пародия на марксизм», — без конца будет повторять Георгий Валентинович.

Но Ленина эти оценки его вчерашнего Учителя уже мало смущают. Он двинулся своей дорогой, вполне соответствующей общеметодологическим рекомендациям Маркса и Энгельса: теория — не более, чем общее руководство к действию, главное же — «конкретный анализ конкретной ситуации».

А этот конкретный анализ конкретно-русской ситуации начала XX века привел Ленина к выводу, что *самостоятельный* этап буржуазного развития (как это было на Западе) *невозможен*. Русская буржуазия, отметил Ленин, развивалась так медленно и трусливо, что, когда она стала вступать в конфронтацию с самодержавно-помещичьим строем, она увидела, что уже вырос её враг «слева» — рабочий класс, и что она не в состоянии воевать на два фронта — с царем и помещиками и с пролетариями. Пролетариат казался ей (и совершенно справедливо) гораздо опасней царя и помещиков, и потому она жалась к ним.

Ленин первым зафиксировал этот парадокс: объективно (с точки зрения требования развития производительных сил и с точки зрения требования общественных отношений) Россия стоит *перед буржуазной* революцией, и в то же время общественный класс (буржуазия), который должен по своему историческому предназначению решать эту задачу, отказывается (или не в состоянии) это сделать, что чревато катастрофическими последствиями для развития страны, да и просто для ее существования.

И Ленин ищет пути выхода из этой парадоксальной и угрожающей ситуации, в которую попало российское общество. И, естественно, ни у Маркса, ни у Энгельса вычитать это было, увы, невозможно. Ленин понимает необходимость и имеет политическую смелость и теоретическое мужество покинуть берег своих учителей и пуститься

в самостоятельное плавание. А «мученик ортодоксии» Плеханов смотрит с этого, облюбованного им на веки вечные, берега, смотрит, как удаляется в неведомые морские пучины его еще недавно единомышленник, как увлекает он за собой других смельчаков, этих революционных Колумбов, — и посылает им вслед полные сарказма и яда проклятия: это-де не марксизм, это смесь «ревизионизма» с «народовольчеством» и т.д., и т.п. А Ленин, невзирая на проклятия своего недавнего учителя, упрямо движется навстречу новым, никому до него не ведомым теоретическим землям.

Итак, размышляет он, нужны социальные (экономические и политические) преобразования буржуазного типа, русская буржуазия уклоняется от выполнения своей исторической миссии. Значит, во имя спасения общества и страны эту буржуазную задачу должны выполнить небуржуазные силы. В России это — пролетариат, крестьянство, а также возможные их союзники — мелкая городская буржуазия и демократическая интеллигенция.

Таскать из огня каштаны для своего исторического противника? — иронизируют плехановцы.

Да, тут есть проблема. Вышеназванному союзу демократических, революционных классов по силам, конечно, свергнуть власть царя и помещиков, уничтожить все прогнившие феодальные путы. Но дальше-то, дальше что? Пойти на поклон к буржуазии: мы-де расчистили вам дорогу, подготовили почву для развития капитализма — идите теперь и правьте страной и всеми нами? Какая-то нелепая и совершенно невозможная стратегия. Победитель в революции не может, не имеет права добровольно отдавать результаты своей победы в руки враждебной себе общественной силы. Но тогда — что? Но тогда — как? Плехановцы хохотали над этими затруднениями, а Ленин продолжал работать над ними, стремясь развязать, распутать исторические узлы.

Ленинские теоретические конструкции получались громоздкими, сложными. Но что делать — сложна и необычна была задача, вставшая перед российским обществом. Нет, победивший и захвативший власть революционный народ не будет обслуживать враждебные себе — буржуазные — силы. «Революционно-демократическое» правительство, выполняя назревшие преобразования буржуазного типа, будет постоянно выходить за их пределы, преодолевая узкие для него (и

поддерживающих его сил) буржуазные горизонты — вводя по мере возможности элементы будущего социалистического общества.

Так рождалась грандиозная идея некоего «переходного» общества, совмещающего в себе буржуазные и социалистические черты, или можно сказать иначе — общества не буржуазного и не социалистического, а совершенно особого типа.

Здесь, по мнению Автора, — зародыш тех идей, которые потом будут развиты Лениным в годы нэпа, в статье-завещании «О нашей революции» и которые будут началом осмысления выдвинутой Лениным (в 20-е годы) задачи — «коренного пересмотра всей нашей точки зрения на социализм». В общем, идея нового, особого, неведомого истории и непредназначенного в марксистской теории социального устройства (в терминологии Автора — «новой формации») берет начало в теоретических построениях *марксиста* Владимира Ленина. Вот это и есть то направление, на котором концепция Автора «сопрягается» с марксистскими построениями.

Правда, тут нужны две оговорки.

Первая. Предсказывая возможность (и необходимость) появления нового социального устройства — после победы революции в самодержавной и полуфеодальной России — Ленин ни словом, ни намеком не говорит о возможности превращения этого послереволюционного режима в режим антинародного, тоталитарно-бюрократического типа. Стало быть, дав своими теоретическими исканиями толчок в направлении возможного появления «новой формации», Ленин не может быть, увы, помощником в деле понимания того, что реально случилось в истории России после Октября и какое именно социальное устройство сложилось в стране к 30-м годам XX века.

И вторая оговорка, объясняющая, почему, по мнению Автора, Ленин не может быть помощником в осмыслении сути «новой формации». Все-таки эти мысли об особом социальном устройстве России постоянно соседствуют у Ленина с его стремлением (как только позволяют изменившиеся, по его мнению, обстоятельства) вновь возвращаться на круги марксовых идей.

Да, для Ленина главным был не схоластический перепев марксовых формул, а, как он любил выражаться, «конкретный анализ конкретных обстоятельств». И если этот «конкретный анализ» требовал отхода от ортодоксии, Ленин смело шел на это. Но всё же его (сказы-

валось наследие его юношеских увлечений и его «первая любовь» к Плеханову) всегда тянуло в привычную «гавань» Маркса, к его идеям; он отступал от них как бы временно, под сильным давлением необычных обстоятельств. И когда эти обстоятельства изменялись, вновь, напоминая, по его мнению, марксову ситуацию, он немедленно — и с большим удовольствием — возвращался к марксовым установкам и рекомендациям. Так, к 1912–1914 годам, когда капиталистическое производство в России получило определенное развитие и появились организации, подобные западным концернам и трестам, Ленин поспешил возвестить о приходе в Россию монополистического капитализма, высшей фазы буржуазного общества, между которым и социализмом уже нет промежуточных ступеней. «Социализм — это монополия, обращенная на благо всему обществу», — провозгласит он. И не надо уже никаких сложных построений — всех этих «революционно-демократических» схем, «революционно-демократических диктатур пролетариата и крестьянства». Всё! Обстоятельства «доросли» до марксовых условий, и теперь снова можно припасть к первоисточнику и снова чертить схемы развития русской революционной борьбы «по Марксу». И провозгласив в апреле 1917 года курс на социалистическую (!) революцию, он штудировал сочинения Маркса и Энгельса, посвященные проблемам государственного обустройства после свершения социалистической революции. И появляется в результате ортодоксальнейшее произведение — «Государство и революция» — о том, как по чертежам основоположников научного социализма и в соответствии с «опытом Парижской коммуны» строить российскую социально-политическую систему. Произведение, западное содержание идей которого совсем не «сопрягается» с российскими реалиями. Потом, правда, к осени 1917 года, у Ленина опять зазвучат мотивы своеобразия российского общественного развития, и выдвинутые им главные лозунги Октябрьской революции будут совсем не социалистического (а скорее — общедемократического) типа: мир — народам, земля — крестьянам (на основе отнюдь не социалистической, эсеровской, программы), фабрики — рабочим (с упором на идею рабочего контроля)...

Но и потом Ленин (а уж тем более его ученики) будет постоянно колебаться между фундаментальными и универсальными марксистскими установками на немедленное «введение» социализма (напри-

мер, «военный коммунизм» 1918–1920 годов) и «немарксистской» стратегией нэпа, курса на привлечение к строительству нового общества «буржуазных спецов», отказ от «принципов Парижской коммуны» и т. п. ...

Весь этот экскурс нам понадобился для того, чтобы подчеркнуть, что признание особых, самобытных — и в классово-социальном, и в формационном отношении — путей развития стран Востока или стоящих на границе Запада с Востоком (таких, как, например, Россия) отнюдь не означает «разрыва» с марксизмом, однако требует его серьезного дополнения и развития (а то и выхода за пределы его классических установок). Формационная специфика России совсем не обязательно должна вписываться в известную формационную «пятичленку» учебников по историческому материализму. «Мета-формация», сложившаяся на основе всемирности (глобальности), и новые формации (некапиталистического и несоциалистического типа) — это социальные формы двадцатого столетия, и они требуют внесения серьезных коррективов в марксистскую теорию (а в чем-то, повторю, и выхода за ее пределы).

Это к вопросу о сопряжении концепции «новой формации» с формационной теорией марксизма.

Теперь несколько слов в ответ на другой вопрос, задававшийся участниками вышеупомянутого семинара, — о специфических механизмах функционирования этой необычной формации.

Как вы помните, анализируя сталинский «социализм», мы подчеркивали, что, по характеристике Автора, он был «социализмом» лишь на словах: работник не стал «хозяином» и собственность там не стала «общественной», а стала корпоративной собственностью бюрократии, бюрократического сословия, ибо оно, это сословие, определяло цели экономической деятельности, подыскивало средства их достижения и заставляло полностью подвластных им работников трудиться для достижения этих, поставленных бюрократией, целей. Работник по-прежнему был отчужден от средств производства и результатов своего труда. В общем, это не социализм.

Есть, правда, искушение (и ему поддаются некоторые вполне приличные оппозиционные сталинизму теоретики) — представить советско-сталинский строй некой разновидностью «государственного капитализма». Вообще-то сходство с капитализмом тут немалое:

и собственность частная (корпоративно-бюрократическая), и рабочий остается наемным работником («наемным работ» государства). И отчуждение сохраняется, и эксплуатация. Всё так. И всё же это — особая система, особая формация, хотя и родственная капитализму, но далеко с ним не совпадающая; и по-настоящему она может быть понята не через призму капитализма (тогда мы упустим многие важные ее особенности), а без всяких призм — через неё саму.

Так вот, как известно, мотивы деятельности капиталистов определяются производством прибыли, прибавочной стоимости. Капитализм, стало быть, в первую очередь — *экономическая* формация. Между прочим, мотив получения прибыли обуславливает существование черт прогресса в буржуазном обществе: развитие экономики, производительных сил общества — через экономическую конкуренцию, рынок, открытие новых технических возможностей, развитие научного знания (хотя, конечно, и в очень противоречивой форме, которая служит источником всевозможных катаклизмов и кризисов — вплоть до кризисов всеобщих, всемирных, катастрофических).

Бюрократ же (госчиновник «советского» государства) — не *экономический* субъект, не субъект экономики; его не волнует *экономическая* прибыль, «прибавочная стоимость», ибо это не *его* прибыль, не *его* прибавочная стоимость, он не может ее непосредственно себе присвоить. Там, на Западе, всё ясно, просто и прозрачно: разделение произведенного общественного продукта — по капиталу. Здесь же у чиновника никакого «капитала» нет; у него мотивы и стимулы деятельности иные и система распределения иная, и взаимоотношения с работником другие.

Здесь всем распоряжается, можно сказать, «акционерное общество» бюрократии. Что здесь является «акцией», в соответствии с которой чиновник получает свои дивиденды? Не частный капитал, а занимаемое им **кресло** в чиновной иерархии. **Движение по чиновничьей лестнице, из одного кресла в другое — вот стимул деятельности бюрократа.** И тут — целая, тщательно отлаженная, система: к каждому «креслу» привязаны определенные жизненные блага и жизненные возможности. И определенные механизмы и средства движения по этой лестнице — то, что потом сложится в систему номенклатуры. Тут свои — специфические — правила, законы, моральные императивы, объективные и субъективные возможности. Ты

движешься по этой лестнице, только если свято блюдешь все эти законы и правила.

Вот некоторые из них. Ты должен иметь несколько властных мандатов на занимаемое тобой кресло: ты должен быть членом партии; она может называться «коммунистической», «социалистической», «народной» и т.п., но на деле это партия бюрократии (это её «орден»), причем ты должен быть не просто «членом партии» (таких, внизу, бесправных и безгласных «членов» может быть много, они служат фоном, пьедесталом для таких, как ты), но — членом «партийной номенклатуры», этого сравнительно немногочисленного (по сравнению со всем населением и даже по сравнению с количеством всех членов партии) сословия. Внутри номенклатуры — свои этажи, свои ступени: номенклатура районного масштаба, областного, республиканского, всесоюзного. Ты должен быть абсолютно лояльным этой своей организации, предан ей душой и телом. Решения этой твоей организации, твоего «акционерно-бюрократического» сообщества, идущие, конечно же, только сверху вниз, должны быть тобой безусловно и беспрекословно исполняемы. Ты не сопоставляешь эти решения с потребностями жизни страны, с интересами людей твоего общества, ты — всего лишь исполнитель начальственной воли. Правда, ты можешь быть виртуозом исполнительства — всё предписанное исполнять четко, быстро и даже с энтузиазмом, не подвергая ни малейшему сомнению содержание спускаемых тебе предписаний. Тебе сказали: есть «враги народа», их много, их надо «разоблачать», кое-кого расстреливать, а большую часть отправлять за колючую проволоку — в каменоломни Воркуты или на сибирский лесоповал. Вот и виртуозничай: находи «врагов», не найдешь — создавай их сам, выколачивай из них «признания», но не примитивно, не дубово, проявляй при этом особого типа «мастерство», дабы вышестоящие не натыкались на создаваемые твоей деятельностью проблемы. Для начальства ты должен быть беспроблемным — тогда и пойдешь в гору, тогда и будешь получать свой «законный» пай от общего бюрократического пирога размером в соответствии с высотой занимаемого тобой кресла.

Имей также в виду, что движение по карьерной лестнице зависит не только от твоей преданности генеральной линии «акционерно-бюрократического сословия», но главным образом — от благораспо-

ложения твоего ближайшего и непосредственного начальника. То, что «внизу», все эти «люди», «народ», «гражданское общество», для тебя ничто, «фу-фу», как любил выражаться один гоголевский герой. Их мнения, их к тебе и твоим соратникам отношение — это ерунда, пустяки, не стоящие внимания. От них твое положение совершенно не зависит. Главное, повторим, — расположение начальства.

Автор в этой связи любит цитировать народнического публициста XIX века Н.К. Михайловского: «Русская бюрократия, если смотреть на нее снизу вверх — восходящая лестница **бар**, если сверху вниз — нисходящая лестница **лакеев**».

Автор без колебаний и сомнений оценивает эту систему и ее политический режим («диктатуру номенклатуры») абсолютно негативно — как *реакционное явление, со всех сторон и во всех отношениях*. И полагает, что режим этот, его создатели и наиболее ярые активисты заслуживают масштабного исторического **суда**, по типу Нюрнбергского, с основным мотивом обвинения, который можно было бы сформулировать как «преступление против человечности».

Автор считает важным также ответить на один часто, в этом контексте, задаваемый — вполне порядочными людьми — вопрос: как совместить эту вашу абсолютно негативную оценку сталинского режима с тем, что при этом режиме страна решала и, в общем-то, решила масштабную историческую задачу — задачу модернизации и индустриализации России (в соответствии с известным афоризмом Черчилля, насчет того, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил ее с ракетами).

Автор здесь совершенно не приемлет распространенный ответ такого типа — что-де сталинский режим не был какой-то абсолютно черной «дырой»; он был, с одной стороны, конечно злодейским, но, с другой — не лишенным и позитивных, прогрессивных черт; не надо-де всё мазать одной черной краской. И сегодня в соответствии с этой точкой зрения эти «светлые» краски сталинизма все шире, все капитальнее заполняют полки книжных магазинов, все полноводнее разливаются по пространству телевизионных экранов.

Автора, повторим, не устраивает такое «совмещение», его не устраивает формула: «с одной стороны», «с другой стороны». Ему представляется очень удачной, очень эвристичной другая формула — предложенная при характеристике сути бонапартистских режимов

Энгельсом (о чем Автор писал в начале 70-х годов в своей, набранной для публикации в «Новом мире», статье, демонстративно, впрочем, забранной им из редакции — в виде протеста против произведенного цековской бюрократией разгона редколлегии журнала во главе с Твардовским). По свидетельству Автора, Энгельс, анализируя деятельность бонапартистских режимов (режимов отвратительных, но при которых тем не менее решались крупные общенациональные задачи), писал: это — **«реакционная форма выполнения исторически прогрессивной работы»**. Замечательное и глубокое, по мнению Автора, определение. Здесь отнюдь не отрицается, не перечеркивается тот факт, что определенная исторически-прогрессивная работа была страной и обществом выполнена. Но вместе с тем подчеркивается, что порождена, что инициирована эта работа не усилиями бонапартистских режимов, а глубинными потребностями общества (в сфере развития культуры, техники, образования и т.п.), необходимостью реализовать эти потребности — во избежание катастрофических для социума данной страны последствий. Потребность в модернизации порождалась глубинными интересами общественно-го бытия, и задачи модернизации так или иначе решались — независимо от того, какой режим утвердился в той или другой стране.

Так, процесс модернизации шел в России при разных режимах — со второй половины XIX века (отмена крепостного права, промышленная революция, первоначальное накопление, далее — реформы Витте, Столыпина, экономический бум, породивший концерны, синдикаты, крупные монополии, накануне Первой мировой войны...). Более того, сами революции 1905–1907 годов, Февральская и Октябрьская (1917 года) были порождены, во многом, потребностями медленно и «криво» шедшей при царизме модернизации. И, естественно, процесс этот не мог — так или иначе — не продолжаться в Советской России — при Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежневе...

Между прочим, в *разном* политическом оформлении шел процесс модернизации и в странах Запада — и в рамках капитализма (с разной степенью демократичности), и в рамках авторитарно-диктаторских режимов (салазаровско-франкистского типа), и в рамках итальянского фашизма и немецкого национал-социализма. Всё человечество — раньше или позже, с большей или меньшей скоростью — обречено было шествовать через это историческое поле модерна. А

политические формы в разных странах были лишь более или менее адекватны этому неизбежному и неостановимому процессу.

Политическая форма сталинизма — террористическая диктатура номенклатуры — была одной из форм, при которой осуществлялся этот процесс, но которая — и это главное для понимания сути дела! — его сужала, деформировала и калечила. И деформировала его так и настолько, что, в конечном счете, результаты этой (сталинистской) формы модернизации оказались **разрушительными** для страны. Ситуация глубокой стагнации 70-х годов, экономический обвал 80–90-х, наконец, сам распад страны и были неизбежным следствием этой — сталинско-номенклатурной — формы модернизации. Вот почему Автор и оценивает сталинский (и его чуть смягченный вариант — брежневский) режим не как «негативный с одной стороны и позитивный с другой», а как **реакционную** форму выполняемой страной и ее народом исторически-прогрессивной работы, форму — негативную и реакционную **со всех сторон и во всех отношениях**.

Со всем этим связана и «патриотическая» составляющая социалистической концепции Автора — немаловажная деталь всей системы его мышления. Сталинисты, брежневцы, андроповцы и их современные полные или частичные единомышленники из партий нынешней номенклатуры, когда встречаются с безусловным и абсолютным критическим отношением к бюрократическому правлению эпохи «реального социализма», с пафосом и агрессией в голосе восклицают, что нельзя-де историю *своей* страны красить черной краской, что это-де чуть ли не глумление над «подвигом» — хозяйственным и военным — советского народа, что это-де в высшей степени «непатриотично»: какова бы она ни была — это *наша* история. Так вот, Автор далек от следования «патриотизму» на известный манер: «он, конечно, мерзавец, но это — *наш* мерзавец (и поскольку он — «наш», «мы» не позволим его чересчур хулить)». Автор же к «мерзавцам» относится иначе. Для него «наших» мерзавцев не существует. Для него все мерзавцы — какой бы они ни были национальной или страновой принадлежности — **не наши**. А все не-мерзавцы — **наши**! Для него все те его соотечественники, кто послал в августе 68-го года танки в Прагу громить режим чехословацкого «демократического социализма», — полные и законченные мерзавцы, и все они — «не наши». А деятели Пражской весны (Дубчек, Смирковский, Шил-

ган...), лидер «бархатной революции» Вацлав Гавел — все они (чехи, словаки, евреи...) — все они «наши»!

Автор понимает «национальную гордость» — примерно так, как понимал её Владимир Ульянов в статье «О национальной гордости великороссов» (декабрь, 1914 г.): «Как много говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве!.. Нельзя разобрать, где здесь кончается продажный хвалитель палача Николая Романова или истязателей негров и обитателей Индии, где начинается дюжинный мещанин, по тупоумию или по бесхарактерности плывущий «по течению». Да и неважно разбирать это. Перед нами очень широкое и очень глубокое идейное течение, корни которого весьма прочно связаны с интересами господ помещиков и капиталистов великодержавных наций. На пропаганду выгодных этим классам идей затрачиваются десятки и сотни миллионов в год... Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т.е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом... Мы полны чувства национальной гордости, и именно поэтому мы особенно ненавидим свое рабское прошлое...»¹

Такая вот эта «новая формация», сложившаяся в России к 30-м годам XX века и просуществовавшая до середины 80-х.

А затем? Что же случилось затем с «номенклатурной диктатурой»?

А затем, в ходе «перестройки» 80-х годов, реформ 90-х и «стратегии вертикали» первого десятилетия XXI века, она никуда не исчезла,

¹ Ленин В.И. О национальной гордости великороссов. / Ленин В.И. Собр. Соч, 5-е изд. Т. 26. С. 106, 107–108.

она просто перевернулась на другой бок, сохранив свое господство под вывеской «демократии» («номенклатурной», по характеристике Автора, демократии). И так же, как «номенклатурный социализм» не был социализмом, так и «номенклатурная демократия» с действительной демократией не имеет ничего общего, она сохраняет **суть** прежнего режима: господство бюрократии (номенклатуры) в несколько измененной форме — некоторое подобие «демократии» (да и то — постоянно сужаемой) для различных фракций номенклатуры и «диктатура номенклатуры» для гражданского общества.

А теоретически закреплено представление о социальном строе и политическом режиме, сформировавшихся к концу XX века, Автором в содружестве с давним (с «новомировских» времен) другом и единомышленником Юрием Буртиным. Они изложили свою позицию относительно того, какой именно строй сложился в России, в ряде статей (см. «Известия», 1.06.1994, «Независимая газета», 2.06.1994, «Новая газета», № 32, 1996). В следующем разделе — характеристики этого строя, который они определили как единство «номенклатурного капитализма» и «номенклатурной демократии».

*Конец 90-х. «Новый строй»:
номенклатурная демократия,
номенклатурный капитализм*

НОМЕНКЛАТУРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Это — политический режим, отличающийся как от номенклатурного тоталитаризма и авторитаризма (существовавших в сталинско-брежневский период), так и от подлинной, настоящей («общегражданской») демократии.

Как хорошо известно еще со времен Аристотеля, демократия — это «правление многих» («большинства», в пределе — всех). То, что мы имеем сегодня в России, — это «правление немногих» («олигархия», как сказал бы античный классик). Элитарный характер нынешних политических партий, созданный специально для движения вверх «элиты» механизм выборов, узкогрупповые интересы, доминирующие в деятельности парламента и государственно-чиновничьих структур, стали сегодня настолько очевидными, что даже глава ны-

нешнего режима, российский президент, вынужден был отметить как несомненный факт, что «появилось и углубляется новое отчуждение власти от людей».

В элитарности, в усиливающемся механизме отчуждения людей от власти и состоит главное отличие сложившегося в России режима от действительной демократии.

Теперь сопоставим его с режимом сталинско-брежневских времен. Общее у них, во-первых, то, что и тот и другой — форма правления «немногих», меньшинства, «элиты». Схожи в них и механизмы формирования этого «элитарного», господствующего меньшинства. Здесь «элита», «руководящие группы» формируются не на арене открытой демократической конкуренции талантов — на виду, под надзором и влиянием всех слоев гражданского общества, здесь мнение, позиция «низов» не играет никакой существенной роли. Все основные импульсы идут по вертикали — сверху вниз. Люди **назначаются** на руководящие должности волей узких, «закрытых» верховных групп, иногда освящая подобные назначения голосованием какого-либо низового органа. Так осуществляло расстановку руководящих кадров в масштабе страны Политбюро ЦК КПСС, так обкомы партии формировали руководящие структуры районных звеньев. Так затем действовало горбачевское Политбюро, сформировав дружную руководящую команду из будущих путчистов августа 1991 года. Примерно так назначало (после августа 91-го года) представителей президента на местах, руководителей местной администрации некое новое, никем не избиравшееся «политбюро», сложившееся на самом верху, куда входил ряд влиятельных деятелей — так называемых серых кардиналов. Такой метод формирования руководящих структур и именуется «номенклатурным», а таким образом формирующаяся «элита» называется «номенклатурой».

Вот почему, по утверждению Автора, и сталинский, и брежневский, и горбачевский, и нынешний политические режимы принадлежат к одному и тому же роду — номенклатурному правлению. Но между ними (внутри общего рода) существуют и важные, так сказать, **видовые** различия. Сталинско-брежневская номенклатура — однородна, однопартийна, моноидеологична, со строжайшей регламентацией всего и вся и с жесткой (даже жестокой) внутренней дисциплиной. При этом сталинский вариант — более жестокий и всеохватный,

это **номенклатурный тоталитаризм**. Брежневщина — ослабленный, смягченный вариант тоталитаризма; это — **номенклатурный авторитаризм**. Нынешняя «элита» — плюралистична и многопартийна (в ней широкий спектр политических сил — от консерваторов и либералов до коммунистов и националистов). Последнее время внутри нее шел поиск наиболее адекватной времени и ее интересам системы взаимоотношений частей элиты. В духе старого менталитета был испробован режим конфронтации, курс на уничтожение оппонентов. Самые дальновидные поняли, что этот курс губителен для всех частей элиты. Ее общие, долговременные интересы требуют «цивилизованных», «демократических» способов взаимоотношений. Вот почему можно сказать, что сегодня осуществляется переход от номенклатурного тоталитаризма к **номенклатурной демократии**. Но, это демократия «цензовая», для «немногих», внутри меньшинства.

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Новый **экономический** строй, основные черты которого сложились в России, сильно отличается от того, которому он пришел на смену. В то же время он имеет мало общего и с тем, что не раз провозглашалось у нас в качестве цели антитоталитарной революции: развитое гражданское общество, высокоэффективная рыночная экономика, демократическое правовое государство. Ни по одному из перечисленных критериев наш новый строй, который я называю «номенклатурным капитализмом», не приближается к указанному образцу и вообще, кажется, не имеет сколько-нибудь близких аналогов во всей предшествующей мировой истории.

Мы имеем дело с результатом перестройки (очень точное оказалось слово!) нашего прежнего устройства. Система, при которой мы прожили большую часть своей жизни, была не сломана, а перестроена, она сохранилась, только как бы перевернулась на другой бок. При этом в ней много изменилось, кое-что (устаревшее и мало-важное для нее самой) с нее осыпалось. Во-первых, (и раньше всего) отлетела, как пустая шелуха, старая официальная идеология, в которой правящий слой не испытывал большой нужды. Во-вторых, рассыпалась тоталитарная политическая система — с КПСС и Советами, Госпланом и Госснабом, КГБ и цензурой. В-третьих, совершился переход к рынку. В-четвертых, произошла децентрализация госу-

дарственной собственности и раздача ее в персональное владение тем, кто прежде лишь управлял ею в качестве государственных служащих. В результате на базе директорского корпуса и местной администрации у нас сформировалось чрезвычайно оригинальное явление — класс индивидуальных владельцев объектов государственной собственности.

Нынешний строй включает в себе многое от «нормального» капитализма, в том числе свободный рынок (хотя и на монопольной основе), хозяйственную деятельность исключительно с целью извлечения прибыли, постепенно расширяющийся сектор частной собственности на средства производства, землю, недвижимость и прочее. Вместе с тем это принципиально иной строй, прямое продолжение нашего доперестроечного уклада.

Начать с того, что все рычаги государственного управления как в центре, так — в особенности — на местах, остались в руках прежнего «аппарата», лишь слегка разбавленного новыми людьми (впрочем, быстро уподобившимися старым). И даже наш частный бизнес имеет сугубо аппаратную природу. Вот вполне типичный пример, относящийся к Липецкой области: «Бывший первый секретарь обкома Виктор Донских — генеральный директор акционерного общества. Бывший первый секретарь горкома Евгений Васильчиков — заместитель председателя правления акционерного банка. Бывший управляющий делами обкома Анатолий Негробов — совладелец частной фирмы. Бывший секретарь Задонского района Николай Наумов — генеральный директор товарно-сырьевой биржи... Впрочем, движением из агитпропа в бизнес ныне никого не удивишь»¹. А самое главное, осталась в сути своей неизменной основа общественных отношений «реального социализма» — система эксплуатации большинства населения правящим бюрократическим слоем, только к прежнему — коллективному, корпоративному — способу такой эксплуатации прибавились новые, свобода же пользования ими стала почти безграничной.

Это — общество, где средства производства, даже если они «приватизированы», по-прежнему лишены заботливого и инициативно-

¹ Выжутович В. Партия начальства. // Известия. 1994. 12 марта.

го хозяина; где не поощряются трудолюбие и бережливость; где царят казнокрадство и коррупция; где безраздельно властвует чин, а рядовой человек перед ним по-прежнему абсолютно бесправен. Как и то, что было раньше, это принципиально застойная структура, лишенная всяких ресурсов саморазвития. Спокойно, эволюционным путем перерасти в нормальное современное постиндустриальное общество она не в состоянии, в то же время мягкую, «бархатную» революцию, наподобие тех, что прокатились по странам Центральной Европы, наш послеавгустовский режим сумел успешно предотвратить.

И вот этот-то новый застой и новую несправедливость нам предлагают рассматривать как нормальную жизнь! Этот-то ублюдочный псевдокапитализм, результат ограниченных, половинчатых реформ, проведенных за счет народа в пользу «обновленной» и «демократизировавшейся» комноменклатуры пытаются «стабилизировать» и освятить с помощью договора об общественном согласии!

Начало XXI века

В 2003 году вышла в свет книга Юрия Буртина «Исповедь шестидесятника». Вышла посмертно. В заключительной части книги друзья и единомышленники Буртина выясняют его значение для общественной мысли России. Среди них и статья Автора, которая называется «Завещание Юрия Буртина. Что делать? Кому делать?». В ней Автор излагает, по сути, **общие их с Буртиным взгляды**, которые оттачивались в их постоянном, едва ли не каждодневном, общении, а также в совместных публикациях, имевших нередко о многом говорящий подзаголовок: «Монолог в форме диалога». Имеет поэтому смысл привести отрывки из этой статьи, которые дают представление одновременно и о позиции Ю. Буртина, и о современной позиции Автора. И потому мы просим читателя: всюду, где встречается фамилия Буртина добавлять к ней мысленно фамилию Автора.

В приведенных отрывках выясняется сущность общественного строя, сложившегося в России после всяких «перестроек» 80-х годов и «великих реформ» 90-х, а также его взаимосвязь с политической и социальной системой «реального социализма» (отметим только, что глубокие и плодотворные идеи о «конвергентных» и «доконвергент-

ных» формах «капитализма» и «социализма» разработаны *исключительно* Ю. Буртиным).

А теперь обратимся к обещанным отрывкам из вышеупомянутой статьи.

«Ельцин: “чужая власть”». Разумеется, Буртин всем сердцем и всей душой был с защитниками Белого дома в августе 91-го, с теми, кто несколько дней и ночей, безоружными, стояли у нелепых, легко сметаемых баррикад, и кто своим героическим стоянием, своей неколебимой решимостью — умереть, но не стать на колени перед ГКЧП — похоронил прежний режим, и кто, к великому сожалению Буртина, ушёл в никуда, предоставив «августовским победителям» мастерить новую политическую систему.

Ельцинский режим недолго оставался загадкой для Ю. Буртина. Уже в марте 92-го (!) года диагноз — с буртинской беспощадностью — был поставлен: «Чужая власть!». И по адресу своих прежних друзей-товарищей из «Демократической России» (тех, кто после «августа» вольготно обустроился во властных креслах) он прошёлся соответствующим образом (беря, как это для него характерно, часть общей вины и ответственности на себя). Он назвал знаменитое народное переименование «демократов» в «дерьмократы» «справедливым возмездием» — «за то, что, за очень редкими исключениями, все мы действительно оказались никудышными демократами. Едва получив возможность восстановить честь русской интеллигенции, мы очень скоро, за какие-то три-четыре года, снова её потеряли... Мы оказались падки на успех, на свет телевизионных юпитеров... Только и слышно было о наших “прорабах” перестройки: “он сейчас в Англии”, “она завтра прилетает из Швеции”, “на следующей неделе они все уезжают в Барселону”... В Барселону ездили много чаще, чем в Тулу и Кострому... Незаметно возникал стиль жизни, недоступный большинству, и тем самым реальное отдаление от этого большинства. А затем к вкусу популярности для многих “новых людей” добавились вкус власти, маленькие удовольствия, доставляемые высоким общественным положением, могучее действие удостоверения с почтенным титулом, украшающим фамилию, личный кабинет в Белом доме, исполнительность помощников и секретарш... И не с суда над другими надо начинать сегодняшний анализ, а с суда над собой. С личного примера бескорыстия, самоограничения, “нестыжательства”,

— было в русской церковной истории такое течение, вот его бы традицию нам возродить, хотя бы на тот период, пока так бедствует большинство народа! С категорического отказа от привилегий и тайн, от недомолвок и полуправды. Только такое и идет в зачет, всё иное пустяки, слова, слова, слова». Естественно, в «ДемРоссии» Буртина больше не видели. И снова: никто его оттуда не выталкивал, не «оттирал», он сам от них «оттёрся». И никакой «роли» среди них играть не собирался. Он начал активно «играть» не «среди них», а против них. Он был с «нестяжателями» против «стяжателей». Напомню — с самого начала 92-го года!

Ну, а теперь о фундаментальном пороке, свойственном обоим этим — и горбачевской, и ельцинской — социальным системам. Здесь Юрий Григорьевич формулирует одно из своих удивительных теоретических положений. Он отказывается присоединиться к широко распространенной точке зрения, согласно которой Россия совершает переход от одной социально-политической системы («социализма») к другой («капитализму»). Он доказывает, что никакой смены *социально-политических систем* не происходит, а идет изменение лишь *форм* одного и того же социального феномена, а именно — господства правящего слоя («бюрократии», «нового политического класса», или, что для России наиболее точно, — «номенклатуры»). Сталинизм, брежневщина, режим Горбачева, политсистема Ельцина — это перелицовка одного и того же. А «одно и то же» — это, по Буртину, «безраздельная монополия на власть и собственность» правящего сословия. Это и есть главная беда России, это и есть главная причина всех её тупиков.

Поэтому *общим* ответом на вопрос «Что делать?» будет следующий: **сменить номенклатурную форму организации общества — народной** (то есть подлинно демократической).

Понятно, это — самая общая форма ответа. И Буртин, естественно, на ней не останавливается.

Открыв общность указанных выше режимов, выявив их единую сущность, Ю. Буртин отнюдь не считал, что *формы*, которые принимает эта сущность в различные эпохи, не имеют большого значения при решении вопроса «Что делать?». Он отдавал себе ясный отчет, что различие форм проявления этой сущности обуславливает и различие способов, методов социального противоборства и требует,

стало быть, уточнения и конкретизации искомого ответа. Поэтому так внимательно изучает он особенности *форм* господства номенклатуры в каждую эпоху и причины смены этих форм.

Сталинско-брежневская система базируется на «общественной» собственности, что дает основание причислять её к социалистическому типу социума. Но реально собственностью этой владеют, распоряжаются, присваивая основную часть доходов с неё, не граждане (как то мыслилось при «нормальном», «марксовом» социализме), а бюрократия, номенклатура. Бюрократия распоряжается собственностью как её *коллективный* владелец. Поэтому, если это и «социализм», то особого типа — «номенклатурный социализм» (т. е. это «социалистический тип отношений» — только внутри номенклатурного сословия, это — способ организации и деятельности только господствующего класса; общество же в целом, как небо от земли, далеко от социализма, и представляет собой классово-антагонистическое общество, причём — нового, отличного от капитализма типа).

Что касается горбачёвско-ельцинской системы, то она не вырвала собственность из рук бюрократии, чтобы передать её народу (как это обещали «архитекторы» перестройки и реформ). Она лишь перелицевала *форму* номенклатурного владения. Она позволила *членам правящего класса* перейти от коллективных (корпоративно-бюрократических) форм владения собственностью к индивидуальным, частным. В этом и была суть всех процессов «денационализации», «разгосударствления», различных приватизационно-ваучерных кампаний. Раньше, в эпоху «реального (т.е. номенклатурного) социализма», все привилегии, все блага, все дивиденды от бюрократического владения собственностью были, так сказать, «привязаны» к государственно-партийному креслу, и чиновник получал их *только тогда*, когда он это кресло занимал, и в объёме, соответствующем тому, какое место занимало его кресло в общероссийской иерархии кресел. Состояние, надо сказать, не слишком стабильное: у тебя *лично* ничего нет, всё — у «кресла». Теряешь кресло — теряешь всё! Вот потому-то и стали возникать в чиновничьих головах идеи — что не худо было бы «отвязать» все эти блага от государственно-партийного кресла («да здравствует разгосударствление!») и «привязать» их *лично* к госчиновникам и к тем теневикум из центральных, областных и районных партхозактивов, которые вокруг этих «кресел» крутились,

создавая уже в те времена некую «теневую рыночную экономику» («да здравствует приватизация, ваучеры и аукционы!»). И в результате всех этих «перестроек», этих «смелых и великих реформ» появилась не просто обычная, нормальная «частная собственность», а частная собственность особого типа — номенклатурная. И двинулась эта собственность на «рынок», формируя тоже очень специфический — номенклатурный — рынок. Рынок, основным участником которого стал не свободный массовый производитель, а коррумпированный чиновник и тесно связанный с криминалитетом олигарх.

Из этих экономических посылок концепции Буртина логически следуют и фиксируемые им *политические* особенности современного режима. Номенклатурный рынок порождает различие интересов орудующих на рынке корпораций, групп, кланов, криминальных структур. Для защиты своих интересов эти группы стали создавать политические организации — «политические партии». И снова — не «нормальные» политические партии, долженствующие выражать интересы различных слоёв и групп *всего* общества, а особого типа партии — «номенклатурные», то есть организации, выражающие интересы различных фракций *лишь* господствующего сословия. Номенклатурный рынок в экономике дополняется таким образом системой номенклатурного правления в политике — номенклатурная многопартийность, номенклатурный плюрализм, номенклатурная гласность, номенклатурная свобода слова. То есть свобода слова, гласность, многопартийность, всё то, что составляет содержание демократии, — только и исключительно для номенклатуры.

Всё это и образовало ту специфическую социально-политическую систему, которую Буртин и его единомышленники наименовали «номенклатурным капитализмом», или «номенклатурной демократией» (две формулы, выражающие одну и ту же суть).

После сказанного, думаю, понятно, почему не продуктивно ограничиться общим призывом к смене «номенклатурной» системы «народной», «демократической». Речь всегда должна идти о замене не номенклатурной системы *вообще*, а номенклатурной системы *определённого типа*. Сегодня — номенклатурного капитализма, во времена, подобные горбачевским, — номенклатурного социализма.

А раз так, то следует дать более конкретные характеристики и систем, долженствующих приходить на смену.

Что — вместо «номенклатурного капитализма»? Капитализм не-номенклатурный? Обычный, нормальный капитализм — как он описан экономистами-классиками — Локком, Смитом, Марксом, Мизесом...? А что может быть предложено вместо «номенклатурного социализма»? Социализм, как таковой, «нормальный», «классический» — по Марксу и Энгельсу?

Может показаться, что, по логике концепции Буртина, ответ должен быть именно такой. Но нет! Тут есть одна тонкость, связанная, впрочем, с самой сутью проблемы. Дело в том, что согласно Ю. Буртину, нет «капитализма вообще» (как и «социализма вообще»), а есть две принципиально различные разновидности капитализма (как и социализма). И вот для того, чтобы выяснить, каково социально-политическое содержание этих разновидностей, для того, чтобы понять, какая система какой должна приходить на смену, чтобы в максимальной степени способствовать общественному прогрессу и интересам большинства граждан и тем самым более конкретно ответить на вышеупомянутый вопрос «что делать?», понадобилась ещё одна, может быть, самая главная для концепции Буртина, новация.

Конвергентная теория Ю. Буртина. Сам Юрий Григорьевич, добросовестнейший и щепетильнейший, отдавал тут пальму теоретического первенства Андрею Дмитриевичу Сахарову. Об этом свидетельствовал и подзаголовок его программной статьи «Россия и конвергенция» — «Идеи Сахарова вчера, сегодня, завтра». Не смею оспаривать эту точку зрения Юрия Григорьевича, но не могу не сказать, что у Андрея Дмитриевича то были всё же лишь некие наброски, соображения, фрагменты. Содержательные, глубокие, важные. Но стройной, целостной, основательно разработанной, связывающей историю и современность *концепцией* они стали только под пером Ю. Буртина.

Именно Ю. Буртину принадлежит *социально-философская идея* разделения эпох мировой истории на «доконвергентную» и «конвергентную», *им* разработана *социально-политическая концепция* различения обществ «конвергентного» и «доконвергентного» типа, *им* введены в научный оборот *политологические и социально-политические* категории «доконвергентного» и «конвергентного» капитализма (соответственно — «доконвергентного» и «конвергентного» социализма), *он* дал оригинальную трактовку идее их (капитализма

и социализма) исторического движения навстречу друг другу, их сближения и сопряжения, и в перспективе — формирования нового общественного строя (что-то вроде «капитализма-социализма», или — что то же самое — «социализма-капитализма»).

Все эти теоретические наработки и обусловили конкретность и глубокую содержательность ответа Ю. Буртина на вопрос «Что делать?». Вот как он шел к этой всё большей конкретности.

Номенклатурный капитализм, согласно Буртину, это один из вариантов «доконвергентного капитализма» (т.е. «обнаженно классового общества с резким разделением на богатых и бедных, с жестокой эксплуатацией меньшинством населения его огромного большинства, с полярной противоположностью «верхов» и «низов», их взаимной подозрительностью и злобой» — в общем, капитализм, каким он был на ранних стадиях своего развития, например, в эпоху первоначального накопления или в эпоху, описанную в «Капитале» Маркса). Он пришел на смену доконвергентному (же) социализму — тому «реальному социализму», который имел мало общего с социалистическим идеалом, начертанным основоположниками марксизма: «В самом деле, — пишет Буртин, — провозгласили диктатуру пролетариата — получили диктатуру партаппарата. Поставили целью бесклассовое общество — оно обернулось безраздельным господством «нового класса», партийно-советско-ведомственной номенклатуры. Национализировали всё и вся, заменили частную собственность «общенародной» — она быстро стала фактическим достоянием той же номенклатуры, правда, коллективным и анонимным. Объявили о прекращении эксплуатации человека человеком — и создали режим, при котором колхозник мог завидовать своему крепостному предку, потому что нёс тяготы барщины (на колхозном поле) и оброка (со своего приусадебного участка) одновременно, труд же рядовых рабочих и служащих оплачивался в несколько раз ниже реальной стоимости их рабочей силы. В противовес капиталистической анархии производства строили высокорациональное плановое хозяйство — получили экономику всеобщей бесхозяйственности, чудовищно перекошенную, безумно расточительную и неэффективную». И к середине 80-х, что совершенно естественно, «реальный (доконвергентный) социализм» оказался в историческом тупике, из которого формой прогрессивного выхода мог быть только переход

к конвергентному обществу. Не столь даже важно — социалистического или капиталистического типа, ибо конвергентный капитализм и конвергентный социализм не антиподы, а родственные системы, ибо в них — в тех или иных пропорциях — сочетаются капиталистические и социалистические черты и ценности, что и составляет определяющую черту конвергентности. Правда, для России того времени, отмечает Ю. Буртин, больше подходил вариант конвергентного социализма — к этому толкали традиции общественного сознания той эпохи, бывшие в массе своей социалистическими. Но вместо этой прогрессивной возможности осуществилась другая: страна перешла ... даже не к конвергентному капитализму, а к капитализму *доконвергентному*. То есть она не сделала шаг вперед, а, по выражению Буртина, просто «перевернулась на другой бок», оставшись на том же самом тупиковом и бесперспективном месте.

Но не утопия ли это конвергентное общество?

Ни в малейшей степени! Целый ряд западных стран демонстрирует такую возможность. Да, и в российской истории, в традициях российской социально-политической мысли подобный вариант развития, как подробнейшим образом выяснил Ю. Буртин, в той или другой степени предусматривался. И в первую очередь, как это ни покажется ошеломляюще-странным для идеологов всех фракций современной политической «элиты» (от Зюганова до Немцова с Явлинским), такой вариант развития страны был разработан... Лениным.

Нет нужды пересказывать этот феноменальный по глубине и тонкости буртинский анализ знаменитого поворота Ленина (в начале 20-х годов) от традиционных версий социализма (по терминологии Буртина — «доконвергентного») к принципиально новым («конвергентным»). Всё это вы сами прочитаете в статье «Другой социализм». Замечу только: надо было обладать не только исключительным даром теоретического и политического ясновидения, но и поистине буртинской доблестью, чтобы — безупречно и неоспоримо для всех демократу — пойти против течения и столь высочайшим образом оценить теоретические искания вождя Октября.

Я предсказываю, господа-товарищи: в историю образ Ленина войдёт не в красно-коричневой оправе сталинского «Краткого курса» и не фотографией, заплеванной нашими доморощенными либералами. В историю Ленин войдёт портретом, написанном кистью Юрия

Буртина, портретом со сложной игрой теней и света. Войдёт политическим мыслителем и практиком, одна часть идей которого (при определенных исторических условиях) будет подхвачена и в упрощённом до предела виде реализована в чудовищной практике сталинизма. Другая же часть идей (причем, что очень важно отметить, — идей, венчающих ленинскую деятельность и составляющих, по сути, его Завещание потомкам) — будет концепцией решительной и беспощадной борьбы с теорией и практикой «доконвергентного социализма», будет историческим приговором всем сталинам всех времен и народов. Не случайно с особой злобой, с особой жестокостью расправился Сталин с теми, кто попытался поднять и понести дальше знамя новой теории, слишком рано выпавшее из рук творца «нэповского социализма», — с Рыковым, Томским, Рютиным, Бухариным, Красиным...

Ленинская концепция «другого социализма» (наряду с неолиберальными идеями «другого либерализма» и основанной на них практикой ряда стран Запада) должна, по твёрдому убеждению Ю. Буртина, стать сегодня одним из важных теоретических истоков при ответе на вопрос «что делать?».

А теперь — кому делать?

Кому делать? Новация — уже в самой постановке вопроса. «У нашей общественной мысли, — пишет Ю. Буртин, — есть один давний грех. Она чрезмерно любит вопрос «что делать?». Любит составлять всякого рода программы действий, но при этом слишком редко задается сопутствующим, не менее важным вопросом «**кому** делать?». Кому эти программы адресованы? Кто всерьёз, то есть исходя из собственных жизненных интересов, захочет, а захотев, сможет их выполнить?»

Тут вот ведь какая штука. Вопросы «кому делать?» в качестве серьёзной проблемы не существовало для «нашей общественной мысли» потому, что ответ казался совершенно очевидным. Как это — «кому»? Государству, обществу, нам всем. «Общественная мысль» всерьёз принимала басню о том, что наше общество — однородное, что у нас нет принципиально разнящихся слоев и классов, и потому все живут одной мыслью — как сделать жизнь всех лучше и краше. Просто некоторые руководители не знают, что нам всем для этого делать. И вот для них-то обществовед и поясняет: а делать надо нам всем, в

том числе и вам, госчиновники, вот что. В общем, все мы — одна семья.

Но реальное общество (и во времена «реального социализма», и нынешнего «реального капитализма») — это никакое не «однородное» общество, это никакая не «одна семья». Это общество, разделенное на группы, слои и классы с разными (а то и противоположными) интересами. И потому интерес одних (подобных, скажем, руководству РАО «ЕЭС» или членам других олигархических структур) призывает «делать» одно, а интерес других (скажем, врачей, учителей, рабочих, инженеров) — другое, во многом — прямо противоположное.

Поэтому сегодня и необходимо вопрос «что делать» обязательно дополнять вопросами: кто заинтересован в том, чтобы это делать («кому делать?»), и — как именно это делать («как делать?»).

Итак — кому и как?

И снова при ответе на эти вопросы — очередная теоретическая новация. И рождается она, что характерно для мышления Буртина, не на основе игры политологическими дефинициями или премудрой кабинетной фантазии. А на основе анализа исторического *опыта*.

Во-первых, — опыта ряда ведущих стран Запада — либерального реформаторства конца XIX — начала XX века, кейнсианской революции и рузвельтовского неолиберального «нового курса», «революции управляющих» 30–50-х годов и т.д., и т.д. В результате чего «классический» капитализм обретал черты какого-то нового строя: снижался уровень противостояния внутренних социальных сил и расширялось пространство социального *равенства*. Тем самым — хотя и в своеобразной форме — реализовывалась одна из центральных идей социалистических предсказаний и требований. Биполярная классово-политическая система западного капитализма девятнадцатого столетия всё явственнее перерастала в многополярный социально-политический мир, основные субъекты которого вступают в ситуацию примерного социального равенства. Эти основные субъекты: *традиционный собственник* средств производства материальных благ, *менеджер* — собственник «средств управления» (идея Лена Карпинского, высоко оцененная и принятая Ю. Буртиным), *ученый* — собственник научного знания, главной производительной силы современности, *государственный служащий* — собственник «средств кон-

троля и содействия» социальным процессам, наконец, *современный работник* — весьма образованный, культурный человек, обладающий возможностью защитить свои права и интересы с помощью созданных им профсоюзов и политических партий.

Во-вторых, — это весьма поучительный для нас послевоенный опыт перехода ряда тоталитарных режимов (в Германии и Италии в первую очередь) к демократии, к экономическим неолиберальным реформам и «социальному государству». Фиксируя ценные и поучительные стороны *этого* опыта, Ю. Буртин отмечает одну их особенность, которая, к сожалению, не позволяет надеяться на возможность его полновесного использования в наших российских условиях. Дело в том, что тоталитаризм, господство государственной бюрократии указанных режимов преодолевались **сверху**. «Ждать чего-либо подобного от российских властей, — не колеблясь, утверждает Ю. Буртин, — было бы крайней наивностью». Поэтому, по его убеждению, наиболее ценен для нас другой опыт — «опыт размывания и преобразования» тоталитаризма, административно-командных структур **снизу** — опыт Пражской весны (60-х годов) и доперестроечной польской «Солидарности». Анализируя *этот* опыт, Ю. Буртин особое внимание уделяет открытому народами этих стран новому типу «партии», вообще иному, чем прежде, пониманию партии. Речь идёт о партии неклассовой и даже, что особенно важно, — неполитической. А скорее — социальной. О своеобразной **социальной** организации, представляющей интересы «всего народа».

Но и этот, наиболее ценный для России, опыт должен быть преломлен через её специфику. Ибо «в нынешней России ничто — ни в политической системе, ни в морально-психологическом состоянии общества — ничто не способствует появлению на свет» такой оригинальной «партии», такой социальной организации.

Нам надо начать, пишет Буртин на последней странице своей статьи-завещания с «активизации всевозможных, по большей части неполитических, форм низовой общественной организации и инициативы». «О чём идет речь?» — ставит вопрос Ю. Буртин. И отвечает: «Да о разного рода ячейках неформальной связи между людьми, их взаимопомощи, делании чего-то сообща на производственной, профессиональной, потребительской, культурной, правозащитной, соседской, коммунально-бытовой и т.п. почве — совсем мелких, как

домовой комитет, и более крупных, как совет трудового коллектива большого завода, совсем новых, доселе неизвестных, как общество обманутых вкладчиков, и давно существующих, но до поры бездействовавших, как бы дремавших». И ещё, и ещё... Юрий Григорьевич не отказывает себе в удовольствии перечислить все те новые формы самодеятельных организаций и объединений, которые создают в самом «низу» российские граждане и которые свидетельствуют о громадном историческом потенциале этих «низов»: «Добровольно складывающиеся кооперативы и товарищества всех форм и назначений. Стачкомы. Комитеты общественного контроля. Кассы взаимопомощи. Общества взаимного кредита. Внутривзаводские, действительно независимые профсоюзы. Комитеты защиты прав потребителей. Общественные антимонопольные комитеты производителей и покупателей сельхозпродуктов. Сельские сходы. Организации пенсионеров, инвалидов, ветеранов, бывших заключенных» и т.д., и т.д...

Характерно, что, как и всегда, Ю. Буртин не придумывает «новых форм», он всматривается в жизнь. Она рождает эти формы. Он только фиксирует их, он призывает инвентаризировать их, описать и обобщить их опыт, протянуть ниточки связей, способных соединить их в некую целостность. «Ибо в масштабе большой страны каждая из таких ячеек в отдельности не значит почти ничего, но в своей бесчисленной множественности они могут составить то...»

Внимание! Мы цитируем последние абзацы последней статьи Юрия Буртина. Внимание! Сейчас он скажет, может быть, самое важное и самое главное — то, что способно дать могучие победы в будущее.

«...они могут составить то, что называется **гражданским обществом**».

Юрий Григорьевич практически не оперировал этим понятием. Ему, в общем-то, достаточно было такой категории, как «народ». И всё же здесь, в самом конце своей последней статьи, он успел прикоснуться к этому, становящемуся важнейшим, понятию современной политической науки, успел ввести его в систему категорий своей теории. Успел зафиксировать его основополагающее значение для демократических программ и демократических движений будущего. «Нам нужно перестать следить за движением светил на государственно-политическом небосклоне — они того ни в малейшей

степени не заслуживают. Жизнь — внизу, все залогом спасения России — там и только там. Пора переключить общественное внимание. Ни наши вершущие профсоюзы, ни насквозь коррумпированная государственная власть, ни в той же мере криминализированный экологический государственный крупный капитал не стоят и тысячной доли того интереса, какого заслуживают мельчайшие поры, через которые, бог даст, пробьются ростки **гражданского общества**». На этой ноте и заканчивается последняя статья Юрия Буртина.

...Передо мной сборник докладов «Политический плюрализм в современной России». Сборник, вышедшей в 2001 году, то есть уже после смерти Юрия Григорьевича. Передо мной текст одного из докладов. Вчитайтесь, вслушайтесь — не продолжение ли это того, о чем писал Юрий Буртин?

«Мне и моим единомышленникам со всех сторон, из недр разных политологических фондов (тех, что прямо или косвенно подкармливаются государственной бюрократией или олигархической братвой) несутся возражения: нет-де у нас никакого гражданского общества, вообще “граждан” нет, а есть (с претензией на остроумие и глубокомыслие!) лишь “население”, то есть неорганизованная, непросвещенная и потому бессильная “масса”. И вы-де, “новые народники”, вы, неисправимые утописты-фантазеры, предлагающие вместо реальных, выполнимых программ прекраснотушные, но бессильные утопии, только запутываете общественное сознание. Сегодня-де реальным субъектом общественных преобразований может быть только “политическая элита”, и потому надо озаботиться лишь тем, чтобы более эффективно организовать её. Дать ей научно выверенные рекомендации по реформированию общества. При этом наши оппоненты любят не без претензии на тонкую иронию добавить, слегка перефразировав известный сталинский афоризм: другого гражданского общества у нас для вас нет. Помните у Сталина: “других писателей у меня для вас нет”? А между прочим, можно было бы сказать в ответ товарищу Сталину: “У вас других писателей нет, потому что всех «других» вы перебили”. И гражданского общества, отвечу я моим оппонентам, у вас для “нас” не будет, если вы будете продолжать всё делать для его удушения.

Я же думаю, что несмотря ни на что, основа гражданского общества в России, и достаточно широкая и крепкая, существует. И ника-

кое это не «население», будто бы разрозненное и безгласное, а высокоразвитый (интеллектуально и морально) **народ**, стремящийся к организации и исторической самодеятельности».

Приведя в доказательство этого многочисленные цифры и факты, данные весьма представительных опросов, автор заключает:

«Я бы обратил внимание не только на тип и уровень (высокий) политического сознания гражданского общества, но и на тот вдохновляющий всякого действительного демократа факт, что гражданское общество, брошенное на произвол судьбы, презрительно третируемое интеллектуальной “элитой”, зомбируемое “элитой” политической, эксплуатируемое “элитой” финансово-олигархической, тем не менее с энтузиазмом ведет процесс своего структурирования и самоорганизации. То там, то здесь по городам и весям России возникают всевозможные объединения, союзы, комитеты, движения, самоуправленческие структуры. Иные, не выдержав трудностей условий существования, распадаются, но через некоторое время на их месте появляются новые.

Над нами посмеиваются, называя “новыми народниками”. Пусть так. Но мне думается, “новые народники” — это лучше, чем “новые русские” и обслуживающая их “элитная” тусовка.

Мы обязательно проведём инвентаризацию всех инициатив гражданского общества, мы составим и представим на всеобщее обозрение карту подобных инициатив по всем регионам России, и вы увидите: не спит и не бездействует гражданское общество. Собрать крупицы этого опыта самоорганизации и самоуправления, извлечь из него уроки, дать его анализ и на его основе выдвинуть развернутую стратегию развития гражданского общества, “стратегию горизонтали” — это и есть одна из важнейших задач современной российской научной интеллигенции.

Союз гражданского общества, науки, народных, демократических организаций и всерьез пекущихся о народном благе политических партий и деятелей — только это даст России шанс на преодоление её бед»¹.

¹ Политический плюрализм в современной России. Материалы сессии Академии политической науки. М., 2001.

В статье, напечатанной в книге Буртина, Автор поскромничал и не назвал имени человека, из доклада которого взята эта цитата. Сегодня можно раскрыть эту маленькую тайну: речь идет о докладе друга и единомышленника Юрия Буртина — докладе, сделанном нашим Автором.

О теории социализма — на стыке столетий

Итак, общественная формация, называвшаяся официальными советскими идеологами «реальным социализмом» (а на деле, как доказывал Автор, являвшаяся «диктатурой номенклатуры»), совершает в конце XX века эволюционный виток: властвующая бюрократия видоизменяет форму своего господства — на место отслуживших ей казарменно-тоталитарных форм пришел социальный строй, который Автор (вместе с Ю. Буртиным) называет «номенклатурным капитализмом», а политический режим этого строя — «номенклатурной демократией». Эта новая форма ослабляет противоречия, несколько «расширяет» тупики предшествующего периода и в силу этого продлевает бюрократии жизнь в качестве господствующего класса. Но что касается общества в целом, то эта новая форма ввергает его из огня в полымя — из одного исторически обреченного состояния в другое, столь же исторически обреченное. Вот почему Автор не испытывает никакой эйфории по поводу этого переворачивания формации с одного бока на другой. Вот почему Автор не испытывает симпатий ни к одной из фракций современной «элиты». И их «борьбу», которую одна сторона именует борьбой против коммунистического тоталитаризма, а другая — «борьбой народа против антинародного криминально-капиталистического режима», Автор квалифицирует как драчку различных фракций бюрократической «элиты» за верхние ступени властной лестницы, за лучшие места у общественной кормушки. Автор «ни с теми и ни с другими», как он пишет в статье, посвященной изложению взглядов замечательного мыслителя и публициста Игоря Дедкова (взглядов, как хорошо видно из текста, полностью разделяемых автором). Достаточно привести некоторые подзаголовки из этой статьи, чтобы понять, о чем там идет речь: Реальный социализм: «власть отвратительна, как руки

брадобрея»; Перестройка: «великая затея пошлет на глазах»; Эпоха реформ: «черная жижa свободы»¹.

И потому для Автора по-прежнему ответом на вопрос «что делать?» было: упразднить «номенклатурную демократию» и заменить ее демократической властью народа. А идеологическим обоснованием такого рода борьбы в 90-е годы оставалась для Автора идея социализма — социализма, естественно, обновленного и обогащенного опытом социальной жизни двадцатого столетия. И только в самое последнее время Автор, не отказываясь от идейного содержания защищаемой им доктрины «обновленного» («другого» по сравнению с тем, что было в Советском Союзе) социализма, все больше склоняется к мысли о необходимости замены термина «социализм» другим — более, по его мнению, отвечающим реалиям века, термином. И это должна быть не просто смена названия, но новая расстановка акцентов в борьбе за новое человеческое сообщество.

Первая позиция зафиксирована в статье Автора середины 90-х годов «Не дать умереть великой идее». Вторая — изложена в заключении к данной статье.

НЕ ДАТЬ УМЕРЕТЬ ВЕЛИКОЙ ИДЕЕ

Перед тремя опасностями. Говорят, что «рукописи не горят» и «великие идеи не умирают». Лукавые афоризмы, служащие для убаюкивания ленивого сознания! Увы, и рукописи горят, и прекрасные идеи довольно часто гибнут, не оставляя и следа. Рукописи не сгорят, если кто-то самоотверженно защитит от невзгод земных их автора, уберет их от несправедливого суда инквизиторов, если кто-то сохранит и, в конце концов, напечатает их. Идея не умрет, если кто-то будет умело поддерживать горящее в ней пламя и передавать по наследству искусство хранения трепещущего в ней огня, если кто-то сумеет сберечь ее от недругов и от тех «друзей», что хуже недругов, если кто-то сумеет постоянно освобождать ее от пыли времен и хлама, вносимых человеческим сознанием с его исторической ограниченностью, с его слабостями и пороками, отражающими специфику и несовершенство давно пройденных этапов социального бытия.

¹ Свободная мысль. 2004. № 12.

Иначе говоря, рукописи не сами по себе «не горят»; они не горят, когда им не дают сгореть. Идея не сама по себе «не умирает»; она не умирает, когда ей в каждую новую эпоху сообщают новый облик и дают новую жизнь, когда ей таким образом не дают умереть...

Социалистической идее, одной из древнейших и великих политических идей, угрожают сегодня три главные опасности.

Перечислим их по степени возрастания: первая — исходит от ее прямых недругов, вторая — от «друзей», что хуже недругов, и третья — от неумения ее сторонников придать этой идее новые, соответствующие нашему времени очертания, от их неспособности возжечь новый огонь в ее ядре, перевести ее с языка горных вершин идеологических абстракций на язык конкретных политических программ. Устранимы ли, преодолимы ли эти опасности?

Как это ни покажется странным, самое простое и легкое — защититься от недругов. Они открыты и откровенны, а в открытом бою социалистическая идея неуязвима. Недруги откровенно говорят, что им не по душе социалистическая идея социального равенства, которую они именуют идеей «уравнительности». Они — прямо и откровенно за социальное неравенство, ибо «уравнительство» обеспечивает лишь «равенство в нищете», а неравенство, создание слоя сверхбогатых людей стимулирует к активной деятельности и конкуренции остальных и тем способствует росту всего общественного богатства. Они — тоже откровенно против уравнивания и политических возможностей людей, в частности, они решительно против того, чтобы «кухарки» принимали участие в управлении государством. «Кухаркам» надо знать свой шесток — плита и грязная посуда.

И на классиков социализма идут они, что называется, с открытым забралом. В особенности достается Марксу и Ленину. Марксизм для них — просто «преступное учение», провозглашающее «социальный расизм» (так интерпретируется ими марксова теория классовой борьбы и ее тезис о существовании «реакционных социальных слоев») и «абсолютизацию насилия» как универсального средства решения всех социальных проблем, как магистральный путь к обществу «всеобщей уравнительности». («Насилие — повивальная бабка истории», — любят приводить они наиболее «криминальную» цитату из Маркса). Ну, а на Ленине вообще клейма негде ставить: «преступно-бредовые» идеи Маркса начал реализовывать на практике. Наконец,

Сталин-Джугашвили завершил создание преступного общества «уравнительности» и «насилия» по чертежам Маркса и Ленина.

О преступности сталинизма спорить не собираемся. Что же касается Маркса и Ленина, то уж, позвольте, господа. (Тут есть, конечно, проблемы и есть основания для некоторых весьма некомплементарных замечаний в их адрес, но это вовсе не то, о чем пишете вы).

О Марксе. Маркс — вовсе не какая-то «незаконная комета» в ряду «исчисленных светил» европейской мысли. Он считает себя и является на деле учеником и последователем Вольтера и Монтескье, Руссо и Гельвеция, творцов Великой (и заметим — буржуазной!) французской революции. Он приветствует ее гигантский исторический шаг в сфере развития равенства: устранение сословий (установивших неравенство людей от природы) и обеспечение равенства всех перед законом — **политического** равенства. И вместе с тем указывает на **недостаточность** этого шага: сохранившееся и растущее на базе нового капиталистического способа производства экономическое неравенство делает призрачной и идею политического равенства. Нужно политическое равенство дополнить равенством социально-экономическим, что для Маркса означало: устранить возможность присвоения одними труда других, т.е. устранить эксплуатацию человека человеком. Эта идея и стала ядром марксистской формы социализма. Тут нет и речи о какой-либо «уравнительности»: пожалуйста, богачей за счет своего труда, одно только «но»: не живи трудом других. И все!

Насчет «насилия» как универсального средства и теории «классовой борьбы» как теории «социального расизма». Господа хорошие, не Марксом придумана «классовая борьба», он только попытался выяснить ее роль в истории; не Маркс «устранял» «реакционные» сословия во Франции, Англии и других странах Европы. «Социальными расистами» были миллионы европейцев задолго до рождения Маркса. И «методы насилия» не Марксом сочинены и не им внедрены в общественную практику. Это не Маркс развешивал на столбах участников восстания Спартака, не Маркс отправлял на эшафот Людовика XVI и Карла I, не Маркс поднял в 1834 году лионских ткачей на восстание и не Маркс руководил его подавлением. Не взваливайте же на его плечи ответственность за существование насилия в истории. И поймите, пожалуйста, в виду, что именно Маркс был тем

человеком, который поставил вопрос о желательности и возможности изменить подобный, классово-антагонистический тип развития человеческого общества. Не он ли, кстати, разъяснял, что общественный идеал для социалистов исключает всякое насилие над людьми? Можно, конечно, размышлять над тем, не следовало ли Марксу призвать к исключению методов насилия не в будущем, не в «идеале», а в конкретных условиях уже середины девятнадцатого столетия. И уж тем более Ленину — в начале XX века? Я не против того, чтобы поразмышлять. Но, во-первых, это уже другая проблема, а во-вторых, не уверен, что размышление это приведет всех нас к бесспорному и однозначному результату. Прекраснодушных призывов к гуманному отношению предпринимателей к наемным работникам было немало. Но только после того, как сами рабочие «нажали» в европейской революции 1848 года, только тогда стали законодательно устанавливать границы их рабочего дня и расширять их права. И, может быть, только в результате отчаянной полувековой революционной борьбы пролетариата стали появляться возможности его договоренностей и компромиссов с классом предпринимателей. И не один ли из первых появление этих принципиально новых возможностей политической борьбы (с использованием мирных, цивилизованных, парламентских форм) зафиксировал соратник Маркса Фридрих Энгельс в своих работах 90-х годов?

Нет, откровенные противники марксизма выглядят сегодня довольно жалко. Это в большинстве своем или наивные, но претенциозные невежды — вроде чеховского ученого соседушки, или люди, не наивные и знающие, но из тех, кто спешит замолить перед нынешней властью свои марксистские «грехи», допущенные в доперестроечном прошлом. Ведь могут довольно сурово спросить у них сегодня: а чем ты занимался до 1985 года? А пропагандой и агитацией в сталинско-брежневские времена ведал? А доктора-профессора за прославление истмата получал?..

«Друзья» идеи. Эти значительно опасней. Мы имеем в виду и давних «друзей» социалистической идеи и их нынешних наследников. «Давние» — это те, кто кучковался с середины 20-х годов вокруг Сталина-Джугашвили. Тут были все атрибуты горячей приверженности великой идее: прославление «непогрешимого»

Маркса, призыв учиться у Ленина («нашего учителя, нашего вождя»), клятвы на интернационализм и неразрывную «дружбу народов»; здесь и «все для человека», и «депутаты — слуги народа», и наша демократия — «самая яркая демократия земли», и «нерушимое единство партии и народа», и собственность общественная (все хозяева!), и в основе всей жизни — твердые планы. Всё как и должно быть при социализме. Но это были слова.

А дела... Дела были вот какие: в основе экономической системы лежала весьма специфическая «многоукладность»: рабский труд миллионов в лагерях, полуфеодалская эксплуатация крестьянства (крестьяне — без паспортов, намертво прикреплены к земле, трудодни — чистая формальность, на них не проживешь), и подневольный труд рабочих в городах. А «самая яркая демократия земли» была на деле диктатурой номенклатуры. Иначе говоря, никакого социализма тут и близко не было. Сложился строй особого типа, социально-антагонистический и политически-тоталитарный. Шла дискредитация социалистической идеи.

Нынешние наследники этих давних «друзей», так же, как и те, называют себя «коммунистами», так же, как и те, отождествляют прежнюю реальность с социализмом и зовут россиян вернуться к тем словам и тем делам. Более того. Преобладающие среди них сегодня течения вместо интернациональных знамен поднимают «патриотические», «националистические» флаги, формируя тем самым движение, которое справедливо характеризуется как «национал-коммунизм». Очень важно не перемешаться с этими людьми. Это — не «двоюродные братья», не «родственники» сторонников подлинно социалистической идеи. Это — их антиподы.

Что значит быть социалистом сегодня? Я бы так ответил на этот вопрос.

1. Это означает, во-первых, быть наследником не «только марксовой» формы социализма. Марксизм — лишь **один** из источников современного социализма (хотя и чрезвычайно важный, но все же «один из»). Мы должны быть наследниками **всей** многовековой социалистической традиции. Особенное внимание у нас должны вызывать сегодня те особенности домарксистских и немарксистских форм социализма, которые состояли в том, что многие из них рас-

сма тривали социализм не как особую формацию, а как движение, направленное — во все эпохи (от рабовладения до капитализма) — к достижению максимально возможного для тех условий равенства людей и тем способствовавшее гуманизации существовавших форм экономических и демократически-политических отношений. Необходимо также учесть одну важную поправку, которую время внесло в рассуждения Маркса. Маркс жестко связывал уничтожение эксплуатации с неременной ликвидацией частной собственности. История показала, что организованный в сильные профсоюзы и влиятельные партии рабочий класс в состоянии ограничить (а в перспективе — не допустить) присвоения своего труда предпринимателем и при наличии частной собственности.

2. Мы не должны рассматривать свою позицию как единственно справедливую, единственно возможную и единственно допустимую. Естественно и законно наличие других политических позиций. Мы будем решительно защищать их моральное и юридическое право на существование, следуя знаменитому принципу вольтеровского либерализма: я не согласен с вашей точкой зрения, но готов отдать жизнь за ваше право ее высказать.

3. Мы — не абсолютные апологеты ленинской стратегии. Не все ее положения мы оправдываем и в контексте тех времен, и уж тем более не склонны целиком переносить ее в дни сегодняшние. Но подобно большевикам ленинской выучки мы не хотим, чтобы общество делилось на белую и черную кость, на людей благородно-голубой и неголубой крови, чтобы одни были управителями, а другие — бессловесным быдлом. Мы хотим, чтобы в управлении государством участвовали все — в том числе и знаменитые «кухарки».

4. Мы — абсолютные противники сталинизма. Как портреты «социалиста» Гитлера, так и портреты «социалиста» Сталина не могут быть подняты над нашими головами.

5. Мы должны быть **социалистическими критиками** той общественной системы, что, начиная с середины 20-х годов, формировалась в нашей стране. Это не означает, что мы рассматриваем ее существование как какое-то полное и нелепое «выпадение из истории». Методологически наш анализ этой системы должен напоминать тот анализ, который дали капитализму в «Манифесте» Маркс и Энгельс: показать, как в условиях социально-антагонистической и полити-

чески-жестоккой общественной формации создавалось общественное богатство, решались задачи, поставленные историей, и как развитие кричащих противоречий этой формации сделало абсолютно невозможным ее дальнейшее существование, поставило задачу формирования новых общественных отношений. Я бы обратил внимание, в частности, на то, что в специфических формах страна наша решала задачу создания основ индустриального общества, — то, что на Западе осуществлялось в кровавую эпоху первоначального накопления капитала, в жестокие периоды раннего капитализма. И худо-бедно эта задача оказалась в принципе решенной. Кроме того, давление и мощная инерция целого ряда социалистических установок Октябрьской революции способствовали осуществлению — хотя в чрезвычайно деформированном сталинизмом виде — таких исторических задач, как бесплатное всеобщее образование, бесплатное медицинское обслуживание, практически бесплатное жилье и т.п. Нет никакого смысла ликвидировать эти завоевания, доставшиеся такой дорогой ценой нашему народу.

6. В 1956 и 1985 годах наше общество и приверженцы социалистической идеи упустили в высшей степени благоприятные возможности для эволюции общественных отношений страны в направлении демократического социализма и гуманизма. Своеобразие нынешнего момента — идущий переход власти от прежней партгосноменклатуры к номенклатуре нового («демократического») типа. Все основные, боровшиеся за власть политические группировки (Демвыбор, Гражданский союз, Фронт национального спасения, «Наш дом — Россия» и т.д.), — это всего лишь различные фракции номенклатуры — старого и нового типа. Задача социалистов — не погрязнуть в хитросплетениях этой верхушечной политической возни, где речь идет о дележе собственности и власти между различными номенклатурными группами. Быть не «партией власти», а партией, способствующей и помогающей **трудящимся** прийти к реальной власти. Не верхушечным «союзам», «блокам», «круглым столам» следует уделять главное внимание, а деятельности «внизу» — внутри «гражданского общества», способствуя различным формам народных объединений — созданию союзов учителей, врачей, инженеров, клубов ученых, деятелей культуры, объединений рабочих, фермеров. Это тем более важно в преддверии грядущих выборов: сплоченным группам по-

литической номенклатуры должно противостоять хорошо организованное гражданское общество.

И в заключение — в порядке размышления

А может быть, сегодня есть смысл нам отказаться от именованя нашей стратегии деятельности термином «социализм»?

Во-первых, уж очень он стал каким-то расплывчатым, обозначающим очень разные взгляды на социальную реальность и пути ее преобразования. Да, в середине XIX — начале XX века, если человек называл себя социалистом, всем было ясно, чего он хочет, к чему стремится. Это означало, что вы — противник мира капитала, друг трудящихся, сторонник общественной собственности и социального равенства. Если же *сегодня* вы называете себя «социалистом», то никому не будет понятно, *кто* вы: то ли подобно членам французской социалистической партии стремитесь усовершенствовать современный мир капитала, то ли подобно лидерам КПРФ тоскуете по «стабильным» и «светлым» сталинским временам, то ли вы разделяете устремления современной социал-демократии (этих «тоже-социалистов»); а, может, вам близки установки Фиделя Кастро или Уго Чавеса; а вдруг вы — страстный поклонник идей «великого кормчего» Мао или чуть менее великого, но тоже знаменитого и «глубокоуважаемого вождя» Ким Ир Сена (и его теории чучхе), а то, глядишь, и — лидера «красных кхмеров» Пол Пота. В общем, термином «социализм» вы не проясняете, а запутываете дело.

И во-вторых. И это обстоятельство даже более важно, чем первое. Термин «социализм» относится к той эпохе, когда на первом плане стояла задача преодоления *капитализма*. В XX — начале XXI века появилась принципиально новая задача — преодоление системы «бюрократического (казарменного) социализма», а затем и выросшей из него системы «бюрократического (номенклатурного) капитализма». Да, и та, и другая задачи, конечно, родственны. Они включают в себя примерно одинаковые ценности и цели. Но движущие силы антибюрократической борьбы, способы преодоления «бюрократического социализма» существенно отличаются от той борьбы, которая проходила и происходит в современном капиталистическом

мире. Борьба за «антикапиталистический» социализм не может не отличаться (и весьма существенно!) от борьбы за «антибюрократический» социализм. При всей родственности это всё же разные стратегии: для западного мира наиболее существенно движение от частной формы капиталистической собственности к доминированию собственности общественной, для России (эпохи «реального социализма») приоритетны задачи политической и экономической демократизации, позволяющие *формально* общественную собственность сделать *реально* общественной. И еще более специфичны будут формы преодоления нынешнего российского «номенклатурного капитализма» — они не могут не отличаться и от форм «антикапиталистической», и от форм «антибюрократической» борьбы.

Вот по всем этим причинам термин «социализм» сегодня не проясняет, а затемняет дело. Он уже не ориентирует (как прежде), а дезориентирует.

Что же предложить вместо? Какой термин в большей степени служил бы самоидентификации современных борцов против капиталистического и номенклатурно-бюрократического миров?

Я предложил бы: **«реальный гуманизм»**.

В нем, во-первых, фиксируется главная цель и главная ценность нового общества — **человек**. Нермин указывает, что при строительстве нового общества речь идет в первую очередь не о росте материального богатства общества и даже не о развитии его производительных сил (хотя и то, и другое, безусловно, важно), а об **очеловечивании** деятельности людей, о ликвидации отчуждения человека от орудий его деятельности, от процесса и целей труда, о превращении *каждого* человека (в органическом единстве с другими) в подлинного и всемогущего *субъекта* истории, о превращении «хомо экономикс» (т.е. «экономического человека») в «человека творческого», перестающего быть придатком машины (при капитализме) или винтиком бюрократического механизма (при номенклатурных режимах); речь идет о знаменитом — со времен Маркса — «скачке из царства необходимости в царство свободы», о превращении *каждого* индивида из односторонне сложившегося «профессионального кретина» (Маркс) в *универсально и всесторонне* развитого Человека.

В этом термине, кроме того, заложена идея, созвучная нашему времени и современным возможностям, — а именно, что *все* формы

человеческой деятельности и борьбы должны быть подчинены в первую очередь *моральным* требованиям. Нравственность должна доминировать над экономикой, политикой и правом. Образно говоря, речь идет о превращении эконмическо-капиталистического и административно бюрократического обществ в подлинно **человеческое** сообщество. Нравственность, справедливость, гуманизм — вот главные движущие мотивы развития нового, грядущего общества. Добавим, что речь идет не просто об абстрактно-гуманистических настроях и стремлениях, но о гуманизме, в полной мере учитывающем степень зрелости общества, масштабы потенциала сил, приступающих к его преобразованию, культурные традиции данного общества, его экономические, политические и правовые черты. Речь, стало быть, идет не о гуманизме благих пожеланий, но о гуманизме, замешанном на строгой социальной теории. Не о гуманизме бесплодных мечтаний, а о гуманизме выполняемом и абсолютно реалистическом. То есть о *реальном* гуманизме.

Мне этот термин нравится еще и потому, что он рожден в марксовой плавильной теоретической печи. Правда, употребил его немецкий мыслитель, по сути, лишь однажды, и хотя в очень серьезном, можно даже сказать, в программном контексте, но он, судя по всему, не придал ему строгого категориального значения. У него этот образ носит скорее образный, нежели строго научный, категориальный смысл. Мы полагаем, что сегодня у нас есть все основания перевести это марксово выражение из разряда «образов» в разряд строгих научных категорий.

А заимствование марковского термина, «перевод» его из второстепенных во всеопределяющий лишний раз продемонстрирует наше уважение к предшественникам и стремление подниматься на новый уровень теории, опираясь на предшествующий.

Л.А. Булавка
Советская культура
как идеальное «советского социализма»

«Слабосильные топчутся на месте и ждут,
 пока событие пройдет, чтоб его отразить,
 мощные забегают на столько вперед,
 чтобы тащить понятное время».

В. Маяковский

Распад СССР и закат «реального социализма» создали иллюзию того, что вся эта эпоха со всеми трагедиями и достижениями ушла в прошлое. Однако, несмотря на агрессивное торжество либерализма, интерес к феномену «советская культура» сегодня неизменно растет, и не только в России.

За всем этим, однако, скрываются гораздо более глубокие процессы. Мир, все более сталкиваясь с ростом социокультурных противоречий, вызываемых глобализацией и «столкновением цивилизаций», «рыночным фундаментализмом» и медийным манипулированием, дегуманизацией и гегемонией масс-культуры, ищет пути выхода из этих гуманитарных ловушек XXI века.

Вот почему вопреки типичному для нынешней эпохи забвению методологии Гегеля, Ильенкова, Ленина, Лукача, Маркса, Сартра и других гуманистов-диалектиков, автор считает необходимым акцентировать проблему поиска альтернатив тотальной власти постмодернизма, отвергающего идею человека как субъекта истории и культуры. Теоретический поиск этих альтернатив возможен, но не на основе «пустых понятий» постмодернизма, а на базе исследования таких категорий, как «родовая сущность человека», «отчуждение» и «гуманизм».

Генезис советской культуры

СОЦИАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Начало постсоветской истории сопровождалось тенденцией (достаточно сильной в интеллигентских кругах) активного отказа от советского наследия, что проявилось в том числе в отрицании не только понятия, но и самого названия «советская культура». Взамен этому предлагались другие определения: «культура советского периода», «новая культура», «русская культура XX века», «отечественная культура» и, наконец — «тоталитарная культура» (господствующее в западной литературе).

Кстати, следует напомнить, что в период 20-х годов название «советская культура» также не было приоритетным, у этой культуры было много других определений, имеющих иной семантический смысл: *новая, пролетарская, интернациональная, совдеповская, социалистическая, всемирная, революционная.*

Несмотря на все это, автор данной работы все же настаивает на сохранении именно понятия «советская культура», выражающего генетически новый тип культуры, и постарается это теоретически обосновать.

Генезис советской культуры оказался непосредственно связан с рождением нового типа общества. В свою очередь, это общество и его культура стали прямым следствием революций 1917 года, и прежде всего Октябрьской революции.

Октябрь 1917 года (в данном случае не как политическое событие, а как поворотный момент в логике общественного развития) породил главное — у масс появилась возможность не просто адаптироваться к общественным отношениям, а *самим* формировать, *творить* новые общественные отношения в экономике, в социальной сфере, в культуре. Согласно теоретическим разработкам А. Бузгалина и А. Колганова¹, *сущность социального творчества* — это есть созидание самими индивидами качественно новых общественных отношений,

¹ Понятие «социальное творчество» (из которого исходит автор) фундаментально разрабатывалась главным образом в работах А.В. Бузгалина и А.И. Колганова. См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. Ч. 4.

снимающих господство над человеком внешних сил отчуждения (власти рынка, государства и т.п.), и потому оно является антитезой феномену отчуждения и самоотчуждения человека.

Подчеркивая огромное значение социального творчества 20-х гг., в то же время надо понимать, что революционные массы творили новые общественные отношения противоречиво и зачастую примитивно, в меру «культурного богатства», данного им царским самодержавием, при котором более 70% населения было безграмотным.

Сложность этого противоречия большевистские идеологи понимали очень хорошо. Это многократно подчеркивал и В.И. Ленин: *«При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма»*¹. Однако большевики в отличие от большинства интеллигенции не побоялись дать исторический «ход» известному противоречию между низким уровнем культуры и образования революционных масс и исторической необходимостью включения их в качестве главного субъекта в процессы творческого преобразования реальности.

Идеологи большевизма понимали, что, во-первых, неразрешенность этого противоречия гораздо опаснее тех социальных «издержек», которые неизбежно появляются при его практическом разрешении, а во-вторых, непосредственное включение революционных масс в социальные преобразования является важнейшей предпосылкой формирования у них объективной потребности в культуре, без чего невозможно ни преобразование общества, ни самореализации личности индивида.

Таким образом, феномен социального творчества с самого своего зарождения оказался сугубо противоречив.

Социальное творчество несло в себе не только логику разрешения общественных противоречий, преодолевающего конкретные формы отчуждения, но и являлось формой развития субъектности индивида — той формой, которая востребовала личность индивида во всем богатстве его конкретных проявлений и потенциальных возможностей.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 168–169; Подобные оценки можно найти и в других его работах. См.: Т. 9. С. 155–156; Т. 11. С. 180–181; Т. 38. С. 165–166.

«Самое же главное было в том, — писал об этом времени С. Эйзенштейн, — что здесь каждый укреплялся в осознании того, что делу революции нужен всякий. И прежде всего именно в своем неповторимом, угловатом, индивидуальном виде»¹. Именно в этом заключался гуманизм социального творчества, вот почему, несмотря на свою подчиненность решению прежде всего социальных проблем, оно имеет в первую очередь огромное культурное значение.

Диалектичность взаимосвязи интересов индивида и общества, с одной стороны, задавала конкретный адрес социальному творчеству, а с другой — обуславливала развитие индивида как личности. «В революционной деятельности изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств»,² — отмечал В.И. Ленин.

Социальное творчество революционных масс являлось основой поддержки новой власти в первые революционные годы и становилось одним из важнейших оснований для развития культуры в широком смысле этого слова.

Итак, социальное творчество стало формой общественной практики масс, выявлявшей, с одной стороны, всю меру их культурной недостаточности, одновременно становясь формой ее преодоления. А с другой — по мере того как массы утверждались в качестве субъекта истории, в них формировалась потребность в культуре и более того — потребность в осуществлении себя в роли ее субъекта.

Другой вопрос, что в практике социального творчества далеко не всегда находили разрешение вскрытые им противоречия, как самого его субъекта (революционных масс), так и самой действительности. Но здесь важнее другое: трудящиеся наконец-то становились субъектами сознательного исторического творчества, позволяющего им критически осмыслить и самих себя.

Идея субъектности — это центральная идея социального творчества как одной из сторон (наряду со сталинизмом и авторитаризмом и т.п.) советской реальности, которую не видят (или не хотят видеть) многие западные исследователи, проходя мимо богатой самодетальной практики 20-х годов.

¹ Эйзенштейн С. Нунэ // Избр. произв.: В 6 т. Т. I. М., 1964. С. 315.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 201.

Не случайно эта идея был отражена даже в гимне СССР первых лет его существования: «Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой, добьемся мы освобожденья своею собственной рукой». Не из буквы «Интернационала» исходил субъект социального творчества, а из внутренней логики самой практической деятельности, нацеленной на преобразование действительности, освобождения ее от различных форм отчуждения.

Итак, советская культура стала продуктом снятия советской системы во всей полноте и остроте ее противоречий. Сняв в себе логику ее зарождения, развития и распада, советская культура явилась идеальным советской системы, и, что важно, — в ее развитии.

Уже сама природа советской системы как системы переходного общества была предельно противоречивой: с одной стороны, она несла в себе интенции социального освобождения, идущего из практики социального творчества, хотя и противоречивого, но все же снимающего отчуждение, а с другой — социальное отчуждение, идущее не только от прежней царской системы, но и порожденное определенными тенденциями уже советской системы (например, советским бюрократизмом, тягой к патриархальности).

Проявление этого противоречия как раз и нашло свое наиболее жесткое выражение в столкновении освободительной (гуманистической) тенденции советской действительности с теологической модификацией «советского социализма» (сталинизмом). Характер разрешения (или не разрешения) этого противоречия советской системы как раз и определял меру развития каждой из этих тенденций, задавая и соответствующий исторический контекст бытия советской культуры в целом. Используя выражение одного из мыслителей эпохи Возрождения Я. Беме, можно сказать, что советская культура родилась из муки (*Quaal*) социалистической материи XX в. (причем не только советской, но всемирной), из ее мучительных противоречий и трагических попыток прорыва из мира отчуждения. Именно из этих мук родилось то, что потом составило содержание и дух советской культуры, определило ее полифонизм, соединяющий все многообразие ее идейно-художественных (нередко взаимоисключающих) направлений в единое целое.

Здесь следует подчеркнуть то положение, что советскую культуру, вышедшую из освободительной тенденции мировой истории,

выражением которой стал, например, Октябрь 1917 года, нельзя сводить лишь к культуре СССР, т.к. она является конкретно-исторической формой всемирной культуры (отсюда ее интернационализм). Также и отчужденные феномены советской действительности (например, сталинизм) следует рассматривать как результат проявления не только советской, но и мировой исторической реальности.

Всемирный характер советской культуры обусловлен еще и тем, что *советская культура* (как продукт и предпосылка социального творчества) *явила в идеальной форме вызов всем формам отчуждения*, в том числе и советским.

Здесь не помешает напомнить, что отчужденные отношения охватывают всю сферу человеческой жизнедеятельности, в том числе и культуру. В результате этого жизнедеятельность человека оказывается пронизанной также отчужденной формой взаимосвязи социальных процессов и культуры. Соответственно, в этом случае культура как мир, где человек может реализовать свою родовую, т.е. неотчужденную сущность, сама оказывается «отравленной радиацией» отчуждения. Неся в себе отчуждение, культура тем самым становится основой возникновения уже самоотчуждения индивида, вовлекая его в логику всеобщего распада. Практика российского постмодернизма демонстрирует это в полной мере.

Отличительная особенность советской культуры состоит в том, что, с одной стороны, она стала вызовом не только всем формам отчуждения, но самое главное — самим основам отчуждения и его предельному выражению — самоотчуждению. С другой — утверждая принцип разотчуждения как основу реального бытия индивида, советская культура одновременно стала еще и ответом этому вызову. В этом сущность ее гуманизма с его идеей целостного и социально-действенного субъекта.

Этот гуманизм обусловлен тем, что преобразовательные процессы 20-х годов, вскрывающие способность человека к созиданию новых социальных и культурных форм своего бытия (а значит, и самого себя), объективно приводили к высвобождению сущностных, родовых сил индивида. Вот откуда мощный взрыв энергии социального и культурного творчества 20-х годов.

Советская культура как особый вид культуры вообще (мира, в котором осуществляется «родовая сущность человека») стала анти-

тезой отношениям отчуждения (в том числе характерным и для советской системы) и ее утверждение определило весь драматизм бытия *Нового человека*.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МАССЫ: ОТКРЫТИЕ КУЛЬТУРЫ

Социальное творчество объективно вызвало взрыв, который для трудящихся происходил как акт великого открытия культуры, прежде существовавшей для них как некая «вещь в себе», как *l'art pour l'art* — искусство для искусства. Действительно, до революции культура для эксплуатируемых выступала главным образом в отчужденных формах: либо как праздное занятие господ, либо как особый инструмент насилия, эксплуатации, либо как особый и недоступный товар. Логика же социального творчества 20-х годов, как всякая практическая творческая деятельность объективно рождала у его субъекта потребность в знаниях, умениях и в целом в культуре как в важнейшей предпосылке переустройства мира. Вот почему приоритетной сферой массового социального творчества стала прежде всего сфера культуры.

Итак, социальное преобразование в новой России и по сути, и по форме происходило как культурная революция, которая, по мнению известного советского философа-марксиста Н.С. Злобина, есть *не столько проблема доступности продуктов духовного творчества, сколько прежде всего проблема доступности самого духовного творчества*¹.

Социальное творчество 20-х годов в значительной степени отвечало этому требованию, ибо оно связывало идею культуры с решением разных конкретных социальных задач: ликвидацией безграмотности населения, включением его в разные формы художественного творчества, налаживанием органов местного самоуправления, привлечением и обучением масс навыкам общественного учета и контроля власти.

Например, В.И. Ленин не раз указывал (этого никогда не допустит современная российская власть) на важность вопроса повышения культуры масс, необходимой для организации учета и контроля над

¹ См.: Злобин Н.С. Культура и общественный прогресс. М., 1979.

деятельностью всех органов власти, например, через такие формы, как отчеты, которые должны быть доступны каждому через газеты, журналы, листки на афишных тумбах.

Принцип взаимосвязи культуры с конкретными социальными задачами, проводимый большевиками в их политике, позволял, с одной стороны, актуализировать культурное наследие, а с другой — наполнять общественные отношения культурным содержанием. Так, например, выступая на Первом Всероссийском съезде трудовых казаков, Ленин говорит не о «русских национальных корнях» и не о культуре вообще, а о работе комиссии ученых и техников над планом электрификации (ГОЭЛРО), который должен стать программой экономического и культурного развития страны на 10 лет¹.

Октябрь 1917-го открыл новый социальный смысл культуры, и теперь для трудящихся она обретала новую ипостась, *становясь* для них в первую очередь «*рабочим инструментом*» в деле (пусть порою примитивного, но от этого не менее великого) *созидания новой жизни*. Понятие же «рабочий инструмент» для трудящихся — понятие не праздное, отсюда и бережное отношение к культуре.

Хотя, следует отметить, что наряду с нарастающей тенденцией объективной заинтересованности революционных масс в культуре одновременно проявлялось и вандалистское отношение к ней, идущее, как правило, не «сверху» — от идеологов большевизма, как это сегодня официально приписывается им, а «снизу».

Но, *во-первых*, этот стихийный вандализм, кстати, никогда не был настолько массовым, как его обычно представляют сегодня, вменяя это в вину уже не столько идеологам «Совдепии», сколько самой социалистической идее.

Во-вторых, не надо забывать, что последующий после Октября 1917 года революционный взрыв, реально вызванный накалом классового противостояния, происходил в форме гражданской войны, усиленной интервенцией против революционной России. Культурные же «издержки» любой войны (например, весьма «цивилизованной» Первой мировой войны, начатой и ведшейся сугубо «цивилизованными» европейскими государствами, в большинстве из которых господствовали рынок и демократия) оборачиваются большими и не-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 166–187, 188–189.

избежными потерями, даже если одна из ее сторон ориентирована на сохранение культуры.

В-третьих, за проявлением вандализма чаще всего стояло разрушение лишь той части культуры, которая либо выступала инструментом подавления низов, либо была сращена с идеологическими символами режима.

В-четвертых, любая революция наряду с пафосом культурного созидания и идеей качественного обновления мира неизбежно несет в себе и разрушение старых общественных форм жизни. Понимание всей диалектики этого трагического противоречия дается нелегко.

В-пятых, надо признать, что в эти годы не обошлось и без актов откровенного вандализма. Социалистический идеал и практика социалистического строительства в нашей истории оказались далеко не тождественны (и насколько такое тождество в исторической практике возможно в принципе?).

В любом случае «революционный» вандализм был проявлением «культурного наследия» царского режима: создавая «материальное тело» культуры, народ в то же время оставался отчужденным от доступа к ней. Эта накапливающаяся в условиях общественного отчуждения отстраненность трудящихся масс от мира «высокой культуры» если и находила свое выражение, то, как правило, в отчужденных формах.

И действительно, в условиях дореволюционного формально-полицейского порядка любые интенции разрушения или протеста со стороны эксплуатируемых подавлялись, а в условиях устранения этого порядка они проявились во всей своей неводержанности. Но ведь если бы не было этого отчужденного отношения к культуре, выражающегося подчас в формах вандализма, то тогда и актуальность культурной революции оказалась бы под сомнением — можно было бы обойтись просто культурными реформами. Историческая заслуга большевиков как раз в том и состояла, что они сумели перевести всю ярость и агрессивность отчужденного отношения в энергию социального преобразования, а снятие культурного отчуждения сделать одной из главных задач революции.

На принципиальном же уровне советская система и объективно, и субъективно была заинтересована в сохранении и развитии культурного наследства.

Всеобщее советской культуры

РАЗОТЧУЖДЕНИЕ — ИСХОДНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Преодоление отчуждения — вот что было главным для советской культуры. Однако здесь вполне закономерно возникает вопрос: а разве любая другая художественная культура не сопряжена с проблемой отчуждения?

Конечно же, любое подлинное творчество объективно, так или иначе связано с проблемой отчуждения. Более того, в той мере, в какой художник в своем творчестве ставит проблему критического отношения к отчуждению, его взгляд можно считать гуманистичным.

Другой вопрос — каковы постановка и решение этой проблемы.

В одном случае художник в своем произведении лишь констатирует феномен отчуждения (или самоотчуждения) в той или иной форме, что в конечном итоге, как правило, оборачивалось своеобразной художественной легитимизацией этого отчужденного состояния мира и человека как неизбежного зла.

Во втором — отношение к проблеме отчуждения проявляется в форме критики, но не самой его сущности как таковой, а лишь порожденной им действительности (О. Бальзак, русский критический реализм).

В третьем — это отношение проявляется в форме индивидуального протеста (чаще героического), причем не только литературного героя, но уже и самого автора против власти мира отчуждения (Э. Хемингуэй) или даже как манифест открытой борьбы с миром отчуждения (Д. Лондон).

Естественно речь идет не о единстве художественной и идейной позиции того или иного творца. И даже целостность идейных и художественных взглядов В. Маяковского нельзя объяснить только их простым единством — эта взаимосвязь была значительно сложнее и диалектичнее. Так что проблема поиска альтернатив отчуждению вовсе не является прерогативой советской культуры.

Ее особенность состоит в том, что она несла в себе качественно новое отношение к феномену отчуждения — не сводимое только к его отражению. Советская культура содержала в себе подлинно критическое отношение к отчуждению, его основам. Поэтому советская культура несла в себе некий внутренний посыл, установку на *снятие*

отчуждения, причем не в абстрактно-гуманистической, а (NB!) в *конкретно-исторической форме*. Освободительная тенденция (напомним, она была не единственной) советской культуры содержала два качественно новых момента: (1) *установку на преодоление отчуждения в его* (2) *конкретно-исторической форме*.

Именно это критическое отношение к отчуждению объективно актуализировало проблему и значение непосредственно самой действительности как исходной тезы творчества художника. Отсюда рождается глубинная связь советской культуры с реальными процессами жизни в отличие, скажем, от современного постмодернизма, отрицающего эту жизнь.

И в этом смысле советская культура стала тем *идеальным*¹ «советского социализма», которое выразило реальное движение действительных противоречий советской системы.

Более того, именно **сам процесс разрешения противоречий**, снимающий те или иные формы отчуждения и осуществляемый — это принципиально важно — *в настоящем*, понимаемом как процессующая история, т.е. в таком временном континууме как *present continues*, как раз и **составляет суть художественной логики освободительной тенденции** советской культуры, ее гуманизма.

Рассматриваемый нами процесс разрешения противоречия как процесс преодоления «эффекта отчуждения» (Б. Брехт) предполагает единственный тип хронотопа — *здесь и сейчас* — как раз и определяет то, что освободительная тенденция советской культуры всегда

¹ Автор данной статьи исходит из понятия «идеального», разработанного выдающимся советским философом XX в. Э.В. Ильенковым и представленного им как «своеобразное и строго фиксируемое отношение между двумя материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а еще точнее — всеобщей природы этого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта, остающейся инвариантной во всех его измерениях, во всех его очевидных вариациях». См.: Ильенков Э.В. Идеальное и идеал // Философия и культура. М., 1991. С. 235.

имеет дело с хронотопом переходности (из «царства необходимости» в «царство свободы»).

Это качество выражает в себе *особенное* советской культуры и отличает ее от других типов культур, в том числе и русской (дореволюционного периода).

Автор предлагает называть этот процесс разрешения противоречий, обуславливающий преодоление конкретно-исторических форм отчуждения, *«разотчуждением»*.

Процесс разрешения противоречий, будучи всеобщим и особым видом духовной деятельности, во-первых, создает общественную связь (хотя и в форме *идеального*) в виде конкретного художественного феномена советской культуры («форма человеческой деятельности, представленная как вещь, как предмет»), а во-вторых, как таковой является важнейшим его источником. И в этом смысле можно сказать, что ***разотчуждение выступает именно субстанцией советской культуры***. *Разотчуждение* — это вид деятельности по снятию той или иной формы отчуждения, фиксируется не просто в виде вещи, а в таком феномене, который, с одной стороны, является той же самой вещью, а с другой — несет в себе развернутую логику ее сотворения. В этом случае мы имеем дело с таким видом деятельности, результат которой, овеществляясь в том или ином художественном феномене, в то же время сохраняет в себе логику своего становления, т.е. логику самой породившей его общественно-человеческой деятельности.

Процесс разотчуждения, лежащий в основе советской культуры, являет собой не только его результат — новое общественное отношение, но и сам способ его сотворения.

Логика освободительной тенденции советской культуры предполагает непосредственно процесс преодоления отчуждения (*разотчуждение*) и, что очень важно, — взятый не в модусе его фактической *свершенности* (т.е. не в форме его результата и уж тем более не в форме «мертвой предметности») и не в модусе *конструктивных намерений о разотчуждении*. Художественная логика освободительной тенденции советской культуры — это есть непосредственно сам *процесс акта разотчуждения, осуществляемый здесь и сейчас*, т.е. сам процесс высвобождения конкретных общественных отношений от конкретной формы отчуждения в хронотопе *конкретного настоящего*, а не абстрактного будущего или прошлого.

В качестве промежуточных выводов подчеркнем следующее.

Первое. Логика разотчуждения не может возникать вследствие некой автоматической каузальности. Эту логику художник творит всякий раз заново, что, в свою очередь, предполагает тесную связь художника с жизнью, а значит — с живыми противоречиями действительности.

Второе. Логика разотчуждения не просто декларирует манифест свободы от отчуждения, но — и это более важно — несет в себе непосредственно сам метод (конкретный в каждом конкретном случае) высвобождения от власти сил отчуждения.

Третье. Именно принцип разотчуждения, являясь субстанциональным началом освободительной тенденции советской культуры, как раз и задает единство и различие всех форм ее движения, а также богатство ее противоречий.

движение как общественный идеал

Особенность советской культуры определила и качественно новое содержание понятия «*общественный идеал*». Его назначение состоит теперь главным образом не в том, чтобы быть неким всеобщим представлением о том, «как должно быть», т.е. неким трансцендентальным каноном, задающим творчество художника, причем не только на уровне практики, но и творческих помыслов.

Суть идеала советской культуры не столько в том, чтобы *являть* собой *представление* о таком мире, которое должно быть свободно от отчуждения, а в том, чтобы *деятельностно творить* такой мир, понимая под этим преодоление конкретных социальных форм отчуждения (порожденных господствующей властью капитала, рынка, бюрократии, системой разделения труда и т.п.).

Подмена деятельности по разотчуждению действительности лишь манифестацией социалистического идеала как некоего партийно-идеологического императива, как некой «чистой идеи» неизбежно порождала формы мнимой сущности советской культуры.

Одним словом, если классическая культура в качестве идеала несет в себе образ мира, образ отношений, свободных от отчуждения, то в советской культуре идеалом является уже сам процесс практического освобождения от власти отчуждения, т.е. сам процесс *разотчуждения* действительности.

Итак, в советской культуре идеалом становится само *движение*.

Таким образом, идеал свободы, провозглашаемый на заре либерализма, в рамках уже советской культуры получает свое диалектическое развитие, становясь идеалом *освобождения*.

Соответственно, в советском искусстве решалась проблема творчества не только художественного образа того или иного события, но и принципа совместного со-бытия (на основе *метода разотчуждения*) в мире *Культуры* и *Истории*.

Деятельностная основа освободительной тенденции советской культуры определяла и качественно иной принцип бытия ее субъекта: *Новый человек* (как некое диалектическое единство субъекта истории и культуры) из своей декларативной модальности должен был перейти в модальность доказуемости.

Соответственно, экзистенциальный принцип бытия *Нового человека* обретал следующую формулу: «Я разотчуждаю — следовательно, я существую».

Это означает, что в той мере, в коей индивид практически преодолевал те или иные конкретные формы отчуждения (а это и есть созидание «*нового мира*»), он и доказывал свою состоятельность как субъект истории и культуры (*Новый человек*), причем не вообще — на все времена, а лишь на момент свершения данного акта *разотчуждения*. Одним словом, *Новый человек* советской культуры должен был всякий раз заново завоевывать свое право на субъектное бытие, как в *Истории*, так и в *Культуре*. Принцип субъектности требует от индивида не только всех необходимых для этого личностных качеств, но еще и завоевания своего права на это, причем всякий раз.

И здесь следует отметить одно важное противоречие советской действительности: советский человек мог быть субъектом истории и культуры, нередко героически расплачиваясь за это собственной жизнью, но далеко не всегда смог завоевывать свое право на эту субъектность, полагая, видимо, что Октябрьская революция решила эту проблему раз и навсегда. История СССР показала, что отказ индивида (общества) от необходимости завоевывать свое право на субъектность в *Истории* всякий раз объективно приводил к его отказу уже и от самого принципа субъектного бытия в ней.

Если в 20-е годы революционный индивид героически завоевывал право на субъектность, но при этом далеко не всегда мог в куль-

турном смысле обеспечить осуществление этого права, то во второй половине XX века он имел богатый культурный потенциал для этого, но уже не свое право на субъектность. Почему — отдельный вопрос.

«СОВЕТСКИЙ ДУХ» VERSUS «РУССКАЯ ДУША»?

Итак, через понятие «отчуждение» мы попытались показать сущностные стороны советской культуры. Попробуем посмотреть на наш предмет, обратившись к сравнительному анализу таких феноменов советской и русской культуры как «советский дух» и «русская душа».

Феномен «советский дух» генетически возник не только из трагизма совместного с Другим индивидом протеста против мира отчуждения, но в первую очередь из радости совместного созидания альтернативных форм его общественного бытия.

Феномен «советский дух» предполагает активно-деятельностное и личностное бытие человека в конкретный момент истории, ориентированное на разотчуждение действительности. Говоря другими словами, сущность «советского духа» — это не столько *представление* о некотором этическом принципе бытия, сколько сам *акт активно-нравственного бытия в конкретный момент истории*, который мы назовем «поступком».

Поступок индивида, реализующий его чувство личной ответственности за Другого (а значит, за себя) в процессе деятельности по разотчуждению действительности — вот что составляет сущность «советского духа».

Отмечу, что понятие «поступок» предполагает единство не только наличных, но и потенциальных сил индивида, актуализируя такие компоненты его личности, как идеал, мировоззрение, воля к действию, чувство реальности и многое другое. Таким образом, «поступок», лежащий в основе «советского духа», становится формой такого синтеза культурного и исторического бытия индивида, в котором он обретает целостность своего существования как *«Personlichkeit»*.

Отталкиваясь от понятия «советский дух», перейдем теперь к такому феномену русской культуры, как «русская душа», к которой принципиально неправомерно (и в первую очередь в методологическом аспекте) редуцирование всего понятийного и содержательного богатства русской культуры.

Феномен «русская душа», с одной стороны, есть тот гештальт, через который индивид осознает не только свое «Я» (*ego animus*), но и субстанциональную основу своего единства с миром. С другой стороны, феномен «русская душа» — это такое идеальное индивида (точнее — идеальное его субъект-субъектных отношений), которое есть форма совместного с Другим сопереживания «вселенской неустроенности», порожденной господствующим в мире отчуждением.

Для «русской души» более значима проблема конфликта (не противоречия) между индивидом и этой отчужденной действительностью, нежели проблема отчуждения как таковая, и уж тем более проблема его конструктивно-критического преодоления. Ориентированная главным образом на со-переживание, отзывчивая «русская душа» с большим трудом сопрягает такие понятия, как «отчуждение» и «действие» (не потому ли Обломов — знаковая фигура в русской литературе?). Впрочем, это и понятно: для «русской души» главным является снятие — но не самого отчуждения, а лишь отчужденного (в частности, равнодушного) отношения к отчужденной действительности.

Отсюда основное противоречие «русской души» — противоречие между ее устремленностью вобрать в себя все страдания этого мира и в то же время пассивным, а в сущности — не критическим отношением к тем основам, которые их порождают.

Преодолеть эти противоречия, оставаясь в рамках концепта «русской души», оказалось в принципе невозможно, и это не случайно. Возможность деятельностного подхода к проблеме отчуждения — т.е. его разрешение — неизбежно поставила бы под угрозу философскую основу «русской души»: ведь если нет отчуждения, то нет и причины для совместного сопереживания вечной неустроенности этого мира.

Любопытно, что именно неразрешенностью своих внутренних противоречий «русская душа» близка обывателю не только России, но и Запада, ибо если она и требует чего-то от индивида, то максимум способности к сопереживанию, но никогда — готовности изменить этот мир. А это как раз и есть то, на что в самом лучшем случае способен (да и то лишь когда захочет) «культурный» обыватель (отечественный или зарубежный — в данном случае это все равно). Но зато классическая русская культура XIX века не только поставила проблемы, вышедшие из этого противоречия, но и попыталась дать

на них свои ответы. Не случайно Генрих Манн назвал русскую литературу от Пушкина до Горького революцией перед революцией.

Социалистический реализм

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Освободительной тенденции советского искусства соответствовал и свой художественный метод — социалистический реализм (соцреализм).

Практика бытия и исследования «основного метода» советского искусства породила целый ряд его названий: «социальный реализм» (А.В. Луначарский), «социалистический классицизм» (А. Синявский), «тенденциозный реализм» (В. Маяковский), «героический реализм» (Г. Гюнтер), «монументальный реализм» (А. Толстой), «романтический реализм» (Вяч. Полонский), «динамический реализм» (Д. Горбов), «пролетарский реализм» (Ф. Гладков, Ю. Лебединский), «революционно-социалистический реализм» (И. Кулик), «реализм с социалистическим содержанием» (В. Ставский).

Вообще проблема художественного метода является едва ли не одной из центральных в исследовании любого типа культуры, ибо затрагивает вопросы не только инструмента художественного мышления, но и самого метода создания художественной реальности, несущего в себе концепцию мира и личности.

Соцреализм стал попыткой ответа на тот род беспокойства о литературе, который однажды высказал А.П. Чехов: «Мы пишем жизнь такой, какой она есть, а дальше ни тпру, ни ну: дальше хоть плетями нас стегайте. У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати»¹.

Господствующее отношение к проблеме соцреализма в постсоветской России в общем виде может быть выражено так: «Трудно любить соцреализм тем, кто по себе знает, что он был одним из рычагов подавления человеческой личности в советской системе»².

¹ Тимофеев Л.И. Теория литературы. М., 1948. С. 323.

² Морозов А. Сверим часы. Советское время в истории русского искусства // Собрание. 2006. № 2. С. 26.

Данное отношение к соцреализму уже в науке имеет соответствующую форму выражения: соцреализм — это особая функция государственно-партийной власти, с одной стороны, обслуживающая политические интересы власти, а с другой — создающая особый тип культуры, ориентированный «на темные обезличенные массы, практически не вышедшие из состояния первобытного мышления»¹.

Отношение к соцреализму в постсоветской реальности выявляет одно любопытное противоречие: при сохраняющемся до сих пор неприятии этого метода в кругах интеллигенции в то же время нельзя не заметить тенденцию нарастающего интереса уже собственно к самому искусству соцреализма не только в России, но и за рубежом.

Критическая переоценка социальных и культурных практик СССР заставила заново переосмыслить и проблему соцреализма, рождая, например, такие вопросы:

— Насколько соцреализм является вообще художественным методом или это продукт лишь идеологической мифологизации и манипулирования?

— Насколько соцреализм можно считать аутентичным советской культуре?

— Соцреализм — единственный метод советской культуры?

— Какое отношение к действительности предполагает соцреализм?

— Была ли в СССР практика добровольного применения художником соцреализма или же его использование было результатом лишь насильственного внедрения?

На наш взгляд, вопрос соцреализма, несмотря на изменение исторического контекста, тем не менее является теоретически значимым по целому ряду причин.

Во-первых, потому, что в этом вопросе не только предельно полно обнажились противоречия между культурой и идеологией советской системы на разных ее этапах, но самое главное — выявилась родовая сущность каждого из этих понятий.

Во-вторых, проблема соцреализма до сих пор остается едва ли не самым сложным теоретическим вопросом и потому неслучайно

¹ Чегодаева М. «История пастью гроба...». Соцреализм как «опиум для народа» // Собрание. 2006. № 2. С. 75.

большинство исследователей — как отечественных, так и зарубежных, оценивая (негативно) и описывая его проявления, так и не могут объяснить его сущность до конца.

В-третьих, именно отношение к проблеме метода того или иного типа культуры (в данном случае — соцреализма) наиболее откровенно представляет методологическую позицию уже и самого исследователя.

Одна из наиболее очевидных проблем методологии исследования данного вопроса заключается в том, что большинство авторов, как российских — так и зарубежных, определяя соцреализм как некий миф, сами в то же время остаются в плену мифологических форм сознания по отношению к данной проблеме.

Главный вопрос, затрагивающий основу соцреализма, связан с тем, из какого понятия вышел данный метод — из культуры или идеологии? Такая постановка вопроса выявляет ряд противоречий, например, таких.

Если соцреализм — это модус культуры, тогда почему данный метод оказался столь адекватным господствовавшей в СССР идеологии, которая как раз и подавляла саму эту культуру?

А если соцреализм — это модус идеологии, тогда почему в русле этого метода появилось немало выдающихся произведений искусства, получивших признание не только в СССР, но и за рубежом?

Итак, мы выходим на проблему генезиса соцреализма¹.

Существующие в постсоветской литературе подходы к проблеме генезиса соцреализма выявили четыре основных позиции.

Первая. Метод соцреализма — продукт чисто партийно-директивного происхождения — был искусственно создан во времена культуры личности для идеологического контроля над творчеством художника.

Вторая. Функционируя как партийный императив, соцреализм тем не менее возник как закономерный результат общественных процессов в культуре 20-х годов.

Третья. Соцреализм — это феномен развития отечественной и мировой истории, но не культуры.

¹ Об этом подробно см.: Булавка Л. Соцреализм: превратности метода. М.: Культурная революция. 2007.

Четвертая. Соцреализм — это результат некоего онтологического единства власти и масс в СССР.

Несмотря на различие всех этих позиций, все они имеют одну общую основу, утверждающую антагонистическое отношение между идеологией и культурой в СССР.

А теперь автор представит собственную позицию.

Метод соцреализма вышел из практики социального творчества 20-х годов, связанной с преодолением отчуждения. Т.е. соцреализм как метод *разотчуждения* в сфере *идеального* появляется лишь как культурная проекция практики социального творчества.

Рождаясь, как и советская культура, *из противоречий революции*, этот метод с самого начала нес на себе ее отпечаток. Вот почему собственная природа этого метода была так же противоречива, как и сама культура советского периода. Соцреализм с самого начала оказался пронизан противоположностью двух основополагающих и одновременно противоборствующих тенденций.

Первая тенденция возникла на основе освободительного течения советской культуры, и потому соцреализм стал методом освобождения (также по законам социального творчества) объективной реальности от отчуждения в сфере *идеального*.

Вторая тенденция стала отражением действительных форм «строительства социализма», и потому искусство соцреализма в то же время оказалось пронизано (позднее — подчинено) отчужденно-бюрократическим формам гегемонии советской номенклатуры.

Происхождение соцреализма как метода художественного осмысления действительности (не только советской) имеет две субстанциональные основы: социальное творчество и мировую художественную культуру.

СОЦРЕАЛИЗМ — МЕТОД ПЕРЕХОДА

Здесь следует уточнить наше понимание специфики социалистической идеологии: ее особенность такова, что в подлинном виде она может существовать только либо как феномен культуры (наука, искусство, этика и т.п.), либо как особый вид деятельности (социальное творчество).

В противном случае социалистическая идеология обретает превращенную форму, становясь в первом случае риторикой, а во вто-

ром — партийным функционированием, но в любом случае — формой «ложного сознания», если использовать выражение К. Маркса.

Вот почему социалистическая идеология, как никакая другая, содержит в себе два начала, находящихся в сильнейшем противоборстве друг с другом (подлинное и превращенное): первое относится к «царству свободы» (как деятельность социально-творческого снятия отчуждения, т.е. социальное творчество), а второе — к «царству необходимости» («как форма ложного сознания»).

Генетически рождаясь из классового подхода, соцреализм, как никакой другой, нацелен на диалектическое снятие этой классовости в новое отношение мира культуры. Вот почему он становился методом рождения новой (внеклассовой) культуры — достояния всего мира (творчество Эйзенштейна, Маяковского, Дзиги Вертова и др.). Т.е. соцреализм — это метод диалектического снятия идеологии (как отчужденной формы общественного сознания, в т. ч. идеологии классового подхода) в неотчужденные отношения мира культуры. Говоря проще, соцреализм — это метод снятия идеологии в культуре.

Именно то обстоятельство, что соцреализм — это метод трансформации классовой идеологии (идей) в художественную культуру (художественные образы), т.е. метод перехода из «царства необходимости» в «царство свободы», как раз и определяет то, что искусство соцреализма — это искусство переходного типа. Поэтому оно отражает не наличное состояние действительности, а само **движение ее перехода** из одного состояния в другое на пути становления к своей родовой сущности. Соответственно **основным критерием правдивости искусства соцреализма выступает не степень соответствия представленного в нем изображения наличному состоянию действительности, а само движение перехода**. Одним словом, именно само движение перехода (его образ, качество и характер) — вот критерий правдивости искусства соцреализма. В той мере, в какой становится убедительной логика разотчуждения, представленная художником как образ перехода из «царства необходимости» в «царство свободы», рождается художественная «правда» искусства соцреализма.

Здесь действовало своего рода «правило»: сумел художник осуществить этот переход настолько художественно, чтобы стать убедительным для зрителя, — «правда — за ним», не сумел — ... Так что в искусстве соцреализма как в случае с художником, так и со зрите-

лем понятие «*правда*» становится личностно творимым. В искусстве соцреализма «за правдой не ходят», ее не ищут — ее творят.

Кстати, с точки зрения метафизика, предполагающего действительность как некий неизменный абсолют, господствующий над индивидом, искусство соцреализма неприемлемо уже хотя бы по одной этой причине. Для метафизика нет ни противоречий, ни их снятия, ни перехода, ни диалога, ни метода разотчуждения. Не видя и не чувствуя живых токов жизни и ее противоречий, он, скользя по поверхности, замечает лишь внешние формы, и потому соцреализм для него — это некий, искусственно созданный идеологический конструкт, отвечающий интересам политической власти.

Переходный характер соцреализма обусловлен природой самой советской системы как системы переходных отношений, что задавало и два прямо противоположных вектора общественного развития индивида: его освобождение, с одной стороны, и порабощение отчужденными формами — с другой. Эти два вектора развития существовали не изолированно друг от друга, а в теснейшем диалектическом и трагическом переплетении друг с другом в рамках каждого общественного явления, культуры, искусства, а также художника. Именно мера и характер разрешения их онтологического конфликта как раз и определяли меру подлинности или превращенности соцреализма как художественного метода.

Исследуя такой сложный вопрос, как соцреализм, необходимо учитывать все его имманентные противоречия, основное из которых заключается в следующем: с одной стороны, это был метод *реального разотчуждения*, а с другой — он использовался для решения задач, связанных главным образом с властными отношениями, что неизменно порождало имевшую место в советской культуре практику идеологической и культурной эксплуатации соцреализма.

Одним словом, неся в себе установку на диалектическое снятие противоречий, использование соцреализма допускало принцип не только их действительного, но и мнимого разрешения.

художественная логика соцреализма

Следует отметить, что *разотчуждение* как исходное отношение освободительной тенденции советской культуры нашло свое отражение в советском, и в первую очередь соцреалистическом,

искусстве. Автор данной работы еще раз подчеркивает тот момент, что философская сущность специфики (особенного) советского искусства проявляется в первую очередь в его художественной логике, в основе которой также лежит процесс разотчуждения, осуществляемого в хронотопе — *здесь и сейчас*.

На примере советского кино это проявляется с большей очевидностью, поэтому далее будем вести свои рассуждения применительно к этому виду искусства.

Говоря о кино, следует подчеркнуть, что наряду с художественной логикой того или иного фильма есть еще и художественный текст, через который раскрывается его фабула.

Соответственно, советский фильм (соцреализм) имеет два типа времени:

1) **время**, в котором разворачивается его фабула (художественный текст), т.е. время **изображаемого** художником **события** (оно может быть любым: будущим, настоящим или прошлым);

2) **время художественной логики**, т.е. время, в котором разворачивается уже сама художественная логика фильма, в данном случае — логика **разотчуждения** (т.к. речь идет о хронотопе — *здесь и сейчас*, то здесь допустимо только одно время — *Present continuous*¹).

Итак, в искусстве соцреализма одновременно существуют два разных типа хроноса: (1) время художественной логики (разотчуждения) — это величина всегда постоянная (*Present continuous*) и (2) время, в котором разворачиваются события фильма, — величина переменная (прошлое, настоящее или будущее).

Наличие двух типов времени (художественной фабулы и художественной логики), с одной стороны, позволило в фильме показать непосредственно сам процесс высвобождения от конкретных форм отчуждения (*разотчуждение*).

А с другой — стало основой интерпретации искусства соцреализма как мифа, идеологического лубка, сказки, художественной утопии, идеологической пропаганды о «светлом будущем», коллективной мечты, «социальной шизофрении», фантазии и т.д. И здесь обычно в качестве примера называют фильм «Кубанские казаки».

¹ В английском языке — настоящее длительное время (прим. ред.).

Широкий спектр таких интерпретаций, несмотря на их различие, имеет одну общую основу, связанную с такой бинарной парой понятий, как *правда* — *ложь*, позволяющей одним называть советское искусство «абсолютной ложью», а другим — «чистейшей правдой».

Так кто же прав?

И действительно, советское кино при всем разнообразии типов зрительского восприятия активно вызывает в той или иной степени *эффект правды* (или *неправды*).

Обычно *эффект художественной правды* того или иного фильма связывают с правдой представленного в нем изобразительного ряда, а не с его художественной логикой (составляющей его драматургию), хотя это и две стороны единого целого.

Применительно к советскому кино ситуация на самом деле сложнее. Эффект художественной правды советского кино надо связывать в первую очередь не с *правдоподобием* изображаемого в фильме материала, а с понятием «художественная логика». И это действительно так, ибо именно художественная логика, т.е. *процесс разотчуждения* или логика преодоления отчуждения, — через которую развивается драматургия фильма — *является его содержанием*, в то время как сам *художественный материал* — лишь *его формой*.

Это означает следующее: в какой мере герой фильма осуществляет процесс преодоления тех или иных конкретных форм отчуждения (при этом знак его результата — положительный или отрицательный — в данном случае важен, но не является первостепенным), в той мере у зрителя, который также вовлекается в этот процесс, возникает чувство правды (или неправды). И здесь чем более диалектичным является процесс *разотчуждения*, а значит, чем более убедителен с художественной точки зрения *эффект разотчуждения* (как антитеза брехтовскому *эффекту отчуждения*), тем сильнее оказывается *художественная правда* данного кинопроизведения.

Метод соцреализма имеет дело не столько с *разотчужденной*, сколько с *разотчуждаемой* действительностью. Получаемый в результате *разотчуждения* художественный образ оказывался более «продвинутым» по отношению к непосредственно самой реальности, ибо он возникал в силу действительного разрешения одного из ее конкретных противоречий. С реальным миром этот художественный образ связывало не столько изображаемое на экране, по степени

узнаваемости которого часто оценивается мера правдивости искусства, сколько сам процесс *разотчуждения* и его субъект.

Художественный образ соцреализма также нельзя считать и утопией, ибо объективной предпосылкой его возникновения является все-таки реальность со всеми ее противоречиями.

Далее разотчужденный образ вступает в отношение уже с самой советской действительностью, по отношению к которой он выступает объективным вызовом, тем «должным», которое вступало в противоречие с «сущим». Так образ *разотчужденной* действительности впоследствии начинает играть роль некоего катализатора общественных противоречий советской системы.

Итак, в связи с вышесказанным сделаем два вывода.

Первый. В советском кино *эффект художественной правды* связан с художественной логикой фильма, а вот *эффект правдоподобия* — с его фабулой (художественным материалом). Этим отчасти объясняется художественная сила таких фильмов, как «Кубанские казаки», «Цирк» и др., которые, несмотря на их определенную историческую условность, тем не менее рожают у зрителя чувство художественной правды.

Второй. Художественный материал в советском фильме может быть самым различным (от темы Спартака и Гамлета до Великой Отечественной войны), а вот *метод преодоления* показанных в нем конкретно-исторических форм отчуждения — только личностно-авторским, т.е. конкретно-культурным, осуществляемым конкретным художником и соответственно — его героями.

Третий. Для искусства соцреализма главным является *сам процесс* преодоления отчуждения как акт становления художественного образа, в то время как для «официозного соцреализма» главное в том, чтобы представлять уже *готовый результат* разотчуждения, но, минуя непосредственно сам этот процесс, он становится не чем иным, как иллюстрацией к официальной идеологии.

ИДЕАЛ СОЦРЕАЛИЗМА

Искусство соцреализма несет в себе и свой особый «идеал», который не просто утверждает тот или иной тип неотчужденных отношений, но представляет их в нерасторжимом единстве с самим процессом *разотчуждения* и его субъектом.

Так мы выходим на определение соцреализма. Соцреализм — это творчество метода разотчуждения в его авторской модификации в сфере *идеального*. Говоря иначе, общественным идеалом искусства соцреализма является не свобода, обычно понимаемая как определенное *состояние* (социальное, политическое, экзистенциональное) индивида, входящее в систему его ценностей, а непосредственно само творчество этой свободы, т.е. освобождение.

И действительно, лежащий в основе данного метода принцип субъектности становится основной предпосылкой диалектического снятия идеала свободы в идеал самоосвобождения. Именно *на путях сопряжения творчества с идеалом самоосвобождения как раз и рождались лучшие произведения советской художественной культуры*, нередко пугавшие своим «советским духом» идеологов и чиновников от культуры, ибо в них просматривался образ человека как *субъекта* истории и культуры.

Советское искусство, и в частности кино, несет в себе образ того, как индивид во всех его ипостасях (и как художник, и как герой, и как зритель) может творить неотчужденные отношения.

Тем самым художник творит аутентичный себе творческий принцип *разотчуждения* реалий «царства необходимости». Так, разотчужденный образ, взятый в неразрывном единстве с самим процессом его становления, составляет суть общественного идеала искусства соцреализма, который, становясь фактом реального мира культуры, является уже художественным узаконением логики, его породившей, т.е. логики *разотчуждения*. Не изменяя самих материальных основ этого мира, общественный идеал, причем не только как общественное отношение в культуре, но и как художественный образ в искусстве, неизбежно приводит к обострению перманентного противоречия между *должным* и *сущим* советской действительности, между господствующими отношениями отчуждения и объективной необходимостью их снятия.

Путь от социального творчества к *разотчуждаемой действительности* (общественному идеалу) в культуре и далее — к его художественному выражению (в искусстве), а затем опять — в объективную реальность, но уже обновленную этим идеальным, — такова диалектика соцреализма. И то, что этот метод, связывая в единое целое общественную реальность, культуру и искусство, в то же время оказыва-

ется творчески применим к каждому из них в отдельности, как раз и подтверждает универсальную и творческую природу соцреализма.

Тем самым искусство соцреализма появляется как итог (1) разрешения (преодоления) конкретных и действительных противоречий, (2) осуществляемых конкретным индивидом. Последний в этом процессе раскрепощает свои сущностные силы (хотя бы и в идеальной форме), обеспечивая получение (3) художественного и этического результата, несущего в себе (что очень важно) общественный идеал.

Все это, рассматриваемое как единое целое, и становится предпосылкой появления нового типа культурной энергии, характерной для искусства соцреализма и отличающейся свежестью и полнотой чувств, радостью и особым драматизмом, оптимизмом и трагичностью.

Следует особо подчеркнуть, что трагедия в полной мере является художественным измерением искусства соцреализма, которое, с одной стороны, несет жизнеутверждающие настроения и исторический оптимизм, а с другой — связано с такой этической позицией (добровольная ответственность за Другого), которая объективно заставляет его субъекта (во всех ипостасях: автора, героя, зрителя) искать пути разрешения общественных противоречий, за что приходится платить нередко ценой собственной жизни. Практика социального творчества, с одной стороны, дает возможность раскрыть потенциал субъекта, а с другой — выявляет пределы его личностных возможностей в их историческом и культурном измерении.

Так что принцип субъектного бытия в истории и в культуре, предполагающий столкновение человека с объективными противоречиями и попыткой их разрешения, определяет и соответствующий экзистенциальный жанр — трагедию. И если творчество Шекспира показало трагедию человека Ренессанса, то советское искусство — трагедию *Нового человека*.

Неслучайно такие фильмы великого советского режиссера Г. Козинцева, как «Гамлет» (музыка Д. Шостаковича) и «Король Лир», по признанию английских критиков оказались лучшими за всю историю экранизации этих трагедий Шекспира. И здесь дело не только в художественной форме, но и в содержании фильмов, в которых драматургия пьес Шекспира возведена в еще большую степень трагедийности — ту, которая замешана на острейших противоречиях XX века.

И можно ли сегодня в современном искусстве постмодернизма найти трагедию, сопоставимую с этими?

Превращенные формы соцреализма

предпосылки

Анализируя проблему соцреализма, нельзя забывать и о другом феномене, к которому он несводим, но с которым связан. Речь идет об «официозном соцреализме» как одном из проявлений превращенных форм данного метода.

— Каковы предпосылки появления «официозного соцреализма» как одной из форм «ложного сознания» в советской культуре?

— В какой мере «официозный соцреализм» отвечает законам освободительной тенденции советской культуры, а в какой — общим законам проявления отчуждения в мире культуры?

— Почему превращенные формы соцреализма до сих пор многими исследователями принимаются за саму сущность этого метода?

Эти и многие другие вопросы требуют своего серьезного исследования. Понятно только одно: увидеть различие между содержанием соцреализма и его превращенными формами возможно только с позиции диалектики. В противном случае это различие пропадает, становится незаметным, а превращенность форм подменяет содержание соцреализма.

Превращенные формы соцреализма — это вытеснение художественных критериев искусства критериями политической актуальности; необходимости соответствия взглядов художника идеологическим установкам, тематическая ограниченность, приоритет идеи борьбы, монументальность власти, диктат схоластики и догматизма над реальностью и т.д.

Так все-таки, что же предопределило появление превращенных форм соцреализма? Чаше всего можно услышать такой ответ: советская партийно-номенклатурная власть провозгласила этот метод для осуществления контроля в сфере культуры и искусства. Кроме того, он отвечал ментальному коду тоталитарной системы 30-х годов.

По мнению автора, для появления превращенных форм соцреализма были более глубокие основания — нарастание сталинистско-

бюрократических тенденций в период 30-х годов, приведших к вырождению социального творчества и его субъекта.

Соответственно, такой феномен, как социалистический реализм, не мог не отразить этих процессов.

Надо отметить, что внимание к официозному (сталинистскому) соцреализму 30-х годов неслучайно: сущность сталинизма проявлялась не только в политических формах советской реальности, не только в ГУЛАГе. Квинтэссенция его лежит в области соотношения конкретно-исторического и *родового человека*, в культурных эманациях эпохи. И дело здесь не в идеологической риторике. Вот почему проблема творческого метода (разотчуждения), по-прометеевски талантливо и дерзко заявленная большевиками, уже в 30-е годы стала ахиллесовой пятой сталинизма.

Одной из важнейших предпосылок появления «официозного соцреализма» было то, что тенденция отрицания (война с мировой буржуазией) подавляла тенденцию *отрицания отрицания* (социальное творчество). Обе эти тенденции были представлены и в ленинский период, но в 20-е годы сфера *идеального* была высвобождена для тенденции *отрицания отрицания* (синтеза) — социального творчества. В эпоху сталинщины тенденция отрицания капиталистического окружения начинает вытеснять социально-творческую, а точнее — подчинять ее. И здесь ответственность за это положение лежит не только на СССР, но и на политике господствующих классов Западной Европы, выступивших против революции 1917 года, а затем вскормивших фашизм и развязавших Вторую мировую войну.

К этому надо добавить и внутренние предпосылки, например, сознательное использование сталинской властью революционных масс для построения иерархического социума с вождем наверху.

ОТНОШЕНИЕ К ПРОТИВОРЕЧИЮ

С позиции «официозного соцреализма» понятие «противоречия» и их возникновение, как правило, рассматривалось не как проявление объективных законов через общественную практику (социальную, культурную, политическую) конкретных индивидов, а как следствие «привнесения их в советскую реальность некими чуждыми, вражескими силами». И если происхождение обществен-

ных противоречий с позиции «официозного соцреализма» рассматривается как проявление чьей-то субъективной воли, то их разрешение — как результат действия объективных (читай — автоматических) сил истории.

Надо сказать, что этот сталинистский подход с удивительной точностью воспроизводят сегодня современные «критики» советской системы, ибо и те и другие сводят вопрос противоречий советской системы к вопросу ее недостатков, которые, в свою очередь, рассматривают как следствие проявления субъективной воли «вредителей» (теперь уже большевиков), преступно сломавших логику «цивилизационного» пути развития России.

А вот успехи советской системы, связанные с разрешением реальных противоречий, и те и другие рассматривают как результат проявления лишь объективного хода вещей, исключая роль индивида как субъекта *Истории* и *Культуры*.

В любом случае и апологеты соцреализма, и его «критики» одинаково игнорируют не только проблему противоречий общественного развития советской системы, но и значение практики их разрешения (социальное творчество) со всеми ее ошибками и победами вместе с их субъектом. В этом легко убедиться на примере большинства как российских (постсоветских), так и зарубежных работ по советской культуре, в которых нет ни описания, ни анализа практики социального творчества 20-х годов в СССР.

Теперь попытаемся показать природу возникновения превращенных форм соцреализма.

С позиции «официозного соцреализма» понятие «разрешение противоречий» рассматривается не как особый тип творчества, а лишь как принцип приведения его в соответствие с официальным канонем (*общим*). Соответственно, проявление субъектности художника и как субъекта культуры, и как субъекта истории связывается уже с проблемой не столько его творческой самореализации, сколько приобщения его к *общему* (мнению, позиции, проявлению).

Так что, если соцреализм предполагает *конкретно-всеобщую* природу искусства, которая обусловлена (1) действительными (*конкретными*) противоречиями и (2) *конкретно-всеобщим* началом художника, то превращенные формы соцреализма, с одной стороны, несут на себе отпечаток конкретной реальности, а с другой — подчиняют

изначально заявленные автором образы «общему выражению», превращая их в итоге в мертвые схемы.

Так от художника отчуждаются два принципиально важных с точки зрения соцреализма момента: его субъектность и метод *разотчуждения*.

Это неизбежно приводило к утрате художником принципа и основ индивидуально-творческого, т.е. личностного бытия в культуре и истории, а в итоге — к симуляции своего бытия в реальном мире.

Современный постмодернизм, который отрицает человека как субъекта, — тому доказательство.

«Официозный соцреализм», казалось бы, формально не разрывает с диалектикой, он также использует ее риторику, упоминая такие понятия, как «противоречие» и «развитие», но далее происходит одна принципиально важная и опасная подмена.

Суть ее заключается в том, что понятие «противоречие», будучи источником развития, в парадигме «официозного соцреализма» постепенно утверждается и воспринимается как то, что препятствует развитию социализма.

С этих позиций «противоречие» становится выражением того, что является антиподом социализма. Так реально в философии сталинизма шло избавление от понятия «противоречие». Результатом этого стала трансформация социального творчества в теологическую модификацию советской системы (сталинизм). Это вызвало и соответствующие изменения в основах самого мировоззрения: на смену диалектическому материализму большевизма приходил объективный идеализм сталинизма.

Это происходило следующим образом: «противоречие», понимаемое как субъективное по происхождению и диверсионное по характеру проявление антисоциалистических сил, сначала обретало свое персонифицированное выражение в лице очередных «врагителей» или «врагов народа», а затем уже политическими методами с последними велась борьба (на самом деле расправа, в том числе и физическая).

Данная тенденция экстраполировалась и в область культуры: художник, показывающий в своем искусстве противоречия советской действительности, выступал по отношению к утверждаемому канону уже как «врагитель». Именно такой подход и лежал в основе «офи-

циозного соцреализма», обретая свое звучание через ждановско-сусловские вердикты и интерпретации советского искусства. Так видимостное снятие противоречий становилось важнейшей предпосылкой появления превращенных форм соцреализма, что с неизбежностью порождало тот род формализма, который уродовал и творческие интенции художника, и его произведения, а в конечном итоге — его самого.

Логика «официозного соцреализма», диктующая приоритет, но не процесса *разотчуждения*, а полученного в обход его результата, естественно, деактуализировала и значимость важнейшего для искусства вопроса «*как?*».

Применительно к искусству соцреализма игнорирование вопроса «*как?*» означало отрицание самой диалектики *становления* художественного образа, что неизменно приводило к утрате уже и самого художественного качества искусства.

Это имело еще одно последствие: если соцреализм открыл родовое качество кино как особого вида искусства, позволяющего раскрыть логику разотчуждения как процесс во всей полноте (неслучайно появился монтажный метод С. Эйзенштейна), то «официозный соцреализм» превращает кино в набор схематичных картинок, иллюстрирующих идеологические каноны в искусстве.

Итак, еще раз подчеркнем: если метод соцреализма предполагает раскрытие противоречий реальности через их разрешение, то искусство «официозного соцреализма», наоборот, пытается свернуть их, освободиться от них, получая в конечном итоге «искусство, очищенное от противоречий жизни».

В логике превращенных форм соцреализма именно *устранение* (видимостное снятие), а не *разрешение* противоречий рассматривается как верный путь к созданию «идеального», т.е. «очищенного» от противоречий образа «реального социализма». И в этой «очищенности» искусства от «примесей» (противоречий) жизни якобы и заключается его художественная «правда».

И уже затем этот «очищенный от противоречий» образ действительности выдается за некую общую норму «художественного» мирознания, т.е. утверждается как канон «официозного соцреализма».

Далее этот «художественный» канон становится не только начальным (из него творец обязан исходить), но и конечным (на него

он обязан ориентироваться) пунктом того, что именуется художественным процессом. Т.е. в этом случае конечным результатом творчества становится исходный образ (канон). Это прямое и формальное тождество начала и конца одного и того же процесса как раз и обесмысливало то, что должно было их диалектически соединять в единое целое — его содержание, т.е. творчество.

ОБРАЗ ВОЖДЯ

Это логика особенно заметно проявляется на таком феномене, как художественный образ вождя — Сталина. Художественный образ Сталина как воплощающего в себе субъектное начало «революционных масс», в действительности, как правило, был лишен самого главного — драматургического «нерва». Этот образ реально был отчужден от логики развития как в генетическом отношении (он не только возникает из трансценденции, он сам является таковой), так и в экзистенциальном. Этот образ являл собой не столько результат того, как художник непосредственно видел Сталина и выражал его в своем творчестве, сколько представление творца о каноническом образе Сталина в господствующих гештальтах художественного сознания того времени. Связь между художником и действительностью («искрящее замыкание» которых как раз и рождает художественный образ) здесь утрачивает свой непосредственный характер: между ними встает довлеющий и над художником, и над образом «вождя» императивный канон, указующий, как надо видеть и изображать «лично *Самого*».

В результате творец, вместо того чтобы художественно выражать свое непосредственное видение мира, в том числе Сталина, пытается в творчестве выразить свое представление о партийно-каноническом понимании изображаемого им образа. В этом случае и художник, и сама реальность вступают в отношения друг с другом не прямо, а опосредованно — через канон. Так образ (например, вождя), пройдя это двойное абстрагирование (представление о представлении) и утрачивая свою исходную конкретность, объективно превращался в символ (по содержанию), схему (по форме).

Будучи никак не связана с логикой развития (этот образ сам предпосылка всего) и потому обретая значение абсолюта, эта новая (созданная художником) модификация канонического образа (вождя)

в конечном итоге становилась неким предельным понятием: ни к какому другому понятию оно уже не сводимо. Наоборот, теперь все другие понятия сводятся к нему и сходятся в нем. Как предельное понятие данный образ (вождя) становится исходным и одновременно конечным пунктом всего *сущего*, формальное тождество как раз и делает вождя основой, вершиной и центром всего *сущего*. Так символ обретает власть над всем сущим.

ОБЩНОСТЬ АПОЛОГЕТОВ И «КРИТИКОВ» СОЦРЕАЛИЗМА

Здесь надо отметить два важных момента.

Первый. Превратно понимаемый соцреализм и его превращенные формы — это не одно и то же, хотя оба эти понятия лежат очень близко и связаны между собой.

Да, такое явление конечно же существовало, и примеров этого было немало, но не только превращенные формы соцреализма определяли лицо советской художественной культуры и ее создателей. Редуцирование соцреализма к его превращенным формам, равно как и всего советского искусства только к соцреалистическому, — в обоих случаях это не может быть ключом к объяснению пониманию сути даже такого феномена, как «сталинизм в культуре».

Второй. Апологеты официозного соцреализма, так же, как и его «критики» (в действительности мнимые), несмотря на различие своей риторики, обнаруживают много общего.

Во-первых, и те и другие равно одинаково принимают превращенные формы соцреализма за сущность соцреализма.

Во-вторых, предметом их «полемики» являются не сами действительные противоречия метода, которые надо вскрывать и показывать, а их собственные, в действительности превратные, представления о соцреализме.

В-третьих, и те и другие демонстрируют доктринальное отношение (апологетика или негация — это не столь важно) к понятию «соцреализм», затрудняющему и без того сложную проблему его методологического осмысления.

Односторонний подход (акцентирующий либо творческую, либо превращенную сторону — в данном случае неважно) при исследовании такого сложнейшего теоретического вопроса, как соцреализм, в методологическом отношении оказывается бессильным.

С позиции этого подхода нельзя объяснить, **как** сложнейшие по своей природе социальные и художественные практики советской эпохи были спаяны острейшими противоречиями XX века в диалектическое целое под названием «СССР» и как неразрешенность этих противоречий стала важнейшей предпосылкой распада СССР.

То, что касается современной «критики» соцреализма, то она сводится не к анализу предпосылок и содержания его превращенных форм, а лишь к негации данного метода, что в действительности означает отказ от принципа преодоления отчужденных форм соцреализма, и в итоге приводит к узакониванию самих превращенных форм в культуре.

Так что, неразличение *превращенных* форм соцреализма от *непревращенных* в действительности вскрывает глубокую общность между «критиками» и апологетами соцреализма — их неспособность к критическому отношению к феномену отчуждения.

Более того, за этим стоит то, что и адепты, и «критики» превращенных форм соцреализма оказываются чужды принципу творческого разрешения противоречий, ибо это требует (1) деятельностного, (2) творческого и (3) личностного отношения к противоречиям.

Неспособность и адепта, и «критика» соцреализма вырваться из мира отчуждения приводит их к отказу от принципа субъектности, вот почему им остается только одно — приспособливаться к существующим формам отчуждения, выбирая при этом роль либо защитника их исторической необходимости, либо их жертвы.

А пока ограничимся общим заключением: современные «критики» соцреализма при сохранении антисталинской риторики в действительности воспроизводят методологию сталинизма, как в истории, так и в культуре.

выводы

Соцреализм — это не рецепт «изготовления» искусства про социализм. Этот метод позволяет не только критически взглянуть на мир, т.е. понять, какова действительно мера господствующего в нем отчуждения, но самое главное — деятельностно преодолеть его, хотя и в сфере идеального.

Вот почему в искусстве соцреализма важна не тема, а противоречия действительности.

Лежащий в основе соцреализма метод разотчуждения определяет то, что для него приоритетное значение имеет вопрос «как?», что и характеризует его именно как художественный метод.

Искусство соцреализма предполагает диалектическое единство (1) *процесса*, (2) *субъекта* и (3) *результата разотчуждения* и становится неким универсальным «modus operandi». Это единство составляет основу феномена советского кино, будучи основой также и для диалектического единства художника, героя и зрителя. И в этом смысле советское кино стало идеальной формой не только *жизнеописания* и *жизнепознания*, но самое главное — *жизнестроения*.

Соцреализм предполагает единство не только метода разотчуждения действительности, но и метода самосознания этого процесса. Последнее вовсе не означает, что соцреализм — это то, что может и должно появляться «в голове художника или вождя (творческого союза или страны), как это часто принято думать. *Соцреализм как творческий метод рождается из логики личностного бытия художника в истории (объективно развивающейся реальности)*. Вот почему данный метод нельзя специально «сделать» или экспортировать из какой-то другой сферы (идеологии или искусства).

Одним словом, если социальное творчество — это метод разотчуждения в сфере *материального*, то соцреализм — в сфере *идеального*.

Соцреализм — это художественный метод, и доказательством этого служит то, что данный метод носит конкретно-всеобщий характер. Попробуем это показать.

Лежащая в основе соцреализма логика *разотчуждения* действительности составляет *всеобщий момент* данного метода. А вот *конкретный* характер данного метода обусловлен тем, что в искусстве соцреализма и предмет (противоречия действительности), и субъект (художник), и результат творчества (художественный образ) — все это является величиной конкретной.

Соцреализму противопоказан принцип абстрактно-общего. Вот почему сведение соцреализма как авторского метода к некому общему императиву противоречит самой природе данного метода. Это действительно так, ибо «чистого», т.е. абстрактного, соцреализма нет и быть не может, как не может быть абстрактного творца, даже если он является художником-абстракционистом.

Поэтому и сам этот метод существует не как метод вообще, а только в виде его конкретно-авторской модификации.

Ренессанс и советская культура

ОСНОВА ОБЩНОСТИ

Как советская эпоха, так и Возрождение по масштабам того мирового социально-культурного переворота, который произвела каждая из них, несоизмеримы ни с какими другими эпохами в истории человечества, разве что *только друг с другом*.

Более того, насколько эпоха Возрождения в экономическом смысле не была непосредственным началом буржуазно-капиталистической формации¹, а только ей предшествовала, настолько же и «советская система» стала попыткой (с ее поражениями и победами) продвижения к созданию новых социальных отношений.

При этом и эпоха Возрождения, и советская эпоха (в первую очередь периоды 20-х и 60-х годов) являлись переходными этапами со всеми присущими им чертами².

Но то главное, что было характерно и для Ренессанса, и для советской культуры и одновременно являющееся общим для них — это акцент на субъектности, понимании индивида как субъекта.

Акценты на субъектности и творчестве — в своем единстве — не могли не привести к постановке в центр каждой из этих культур проблему человека, что и определяло их гуманистическую суть.

В европейском Ренессансе (в отличие от античной культуры, где личность не имела абсолютизированного значения) индивид как родовое существо, «выделившись» из понятия «Бог» как единственной и абсолютной субстанции своего бытия, сделал первый шаг в мир Культуры, чтобы уже в ней в полной мере обрести свою субъект-

¹ «Он только ее подготавливал, и притом бессознательно, независимо от себя», — писал А.Ф. Лосев. См.: Лосев А.Ф. Эстетика возрождения. М., 1978. С. 63.

² Сравнительный анализ Ренессанса и советской культуры более подробно представлен в работе: Булавка Л. Феномен советской культуры. М.: Культурная революция. 2007.

ность. Это не значит, что индивид тем самым посягает на идею «Бога», он лишь разделил с ним сферу культуры как субстанцию своей субъектности. Выражаясь метафорически, теперь «Бог» для индивида как для субъекта культуры становится товарищем по творческому цеху.

В Средневековье творчество «определялось как действие бога, который творит, т.е. как сотворение мира»¹, соответственно оно рассматривалось не как «результат внутреннего саморазвития, предполагающего непрерывное преодоление собственной ограниченности, а как чисто вербальный акт: достаточно назвать вещь, чтобы ее породить»².

В эстетике же Ренессанса даже божество трактовалось как «мастер» (orifex) и «художник» (artifex). Поэтому не просто «мастер», но именно «художник» есть то, что, по мнению, А. Лосева, отличает возрожденческую личность и от античных демиургов.

Так Ренессанс дал индивиду перспективу обрести в Культуре субстанцию своей субъектности.

Здесь можно привести высказывание Я. Беме: «Слушай же, слепой человек, ты живешь в боге, и бог пребывает в тебе, и если ты живешь свято, то ты сам бог»³. Трудно переоценить революционное значение этого обращения, т.к. Беме предлагает человеку рассматривать свою собственную нравственную сущность в качестве главной основы своего «спасения души», причем, в обход института церкви и вне вероисповедных различий. Так Ренессанс вплотную подошел к идее субъектности человека.

Осталось сделать лишь еще один шаг к тезису о самостоятельном творении Истории родовым человеком. Но этот шаг был сделан существенно позднее — в советской культуре и лежавшем в ее основе социальном творчестве 20-х годов XX века.

Теперь не только Культура, но уже и сама История становится субстанцией субъектности индивида. Вот почему субъект социального творчества идентифицировал себя не с национальной идеей,

¹ Лосев А.Ф. Эстетика возрождения. М., 1978. С. 106.

² Там же. С. 107.

³ Фейербах Л. История философии / Собрание произведений в 3-х томах. М., 1967. Т. 1. С. 331.

не с идеей территории, этноса и государства, а с идеей всеобщего социального освобождения. Т.е. он осознавал себя как субъект истории, причем не только российской, а всемирной.

В той мере, в какой индивид творил непосредственно сами общественные отношения по поводу реализации своего общественного интереса, в той мере он творил уже и самого себя как «ансамбль всех общественных отношений». Это, в свою очередь, определяло и перспективу его становления как родового человека.

Благодаря тому, что человек в революционном преобразовании 20-х годов заявил себя как субъект Истории, советская культура явилась таким феноменом *идеального*, которое нашло в себе выражение родовой сущности человека во всей ее полноте. Не случайно в 20-е годы приоритетной сферой социального преобразования стала сфера культуры, а социальное творчество проявилось прежде всего как культурная революция, в которой и «верхи», и «низы» были единым субъектом.

Актуализация и развитие принципа субъектности дает основание сказать, что в этом смысле именно советскую культуру по праву можно считать наследницей гуманизма Ренессанса. Как заметил М.А. Лифшиц: «Человек снова как в греческой древности, становится самостоятельной творческой силой, своим собственным скульптором, *plastes* по выражению итальянского гуманиста XV века Пико делла Мирандола»¹.

Субъектность как принцип бытия индивида стал тем главным основанием, которое позволяет увидеть глубинную взаимосвязь Ренессанса и советской культуры. Не случайно искусство этих двух разных эпох — Ренессанса и советской эпохи — востребовало общий для них героический и даже титанический, жизнеутверждающий облик Человека, явившийся нам в художественных образах, только в одном случае представленных в творениях Микеланджело, а в другом — Мухиной. Эти образы в полной мере соответствовали представлению одного из самых ярких мыслителей Ренессанса Леона-Баттиста Альберти о предназначении человека: «...будь убежден, что

¹ Лифшиц М.А. Поэтическая справедливость. Идея эстетического воспитания в истории общественной мысли. М., 1993. С. 104.

человек рождается не для того, чтобы влачить печальное существование бездействия, а чтобы работать над великим и грандиозным делом»¹.

Отсюда и взрывообразный характер развертывания творческой энергии, как ренессансного художника, так и *нового человека СССР*, обусловленный его мощными преобразовательными интенциями.

Именно процесс *становления индивида как субъекта* — это то главное, что объединяет Ренессанс и советскую эпоху. В обеих этих эпохах индивид осознает себя субъектом, только в первом случае субстанцией этой *субъектности* выступала прежде всего Культура, во втором — История. В первом случае эта тенденция эмансипации индивида проявлялась как *особенное*, а во втором — обретала уже *всеобщий* характер.

Надо отметить, что принцип *субъектности* не ограничивается только рамками художественного творчества, но постепенно распространяется и на сферу этики, философии, да и самой жизни. Прославляя человека как подобие божества, Пико делла Мирандолла, в то же самое время называет его «кузнецом своего счастья».

Становление индивида как субъекта — это то главное, что, с одной стороны, составляет суть гуманистического пафоса феномена Ренессанса, а с другой — принципиально отличает его от Средневековья.

Идея *субъектности* — это центральная идея также и социального творчества как одной из сторон (наряду с авторитаризмом и т.п.) советской реальности. Не из буквы «Интернационала» исходил субъект социального творчества 20-х годов, а сама внутренняя логика его творчески-преобразующей деятельности объективно воспроизводила этот принцип *субъектности* как основу его качественно нового общественного бытия. Более того, именно эта преобразующая практика являлась для него едва ли не главной формой осмысления себя уже как творца *нового мира*.

Говоря о взаимосвязи Ренессанса и советской культуры, нельзя не заметить ряд общих черт, пусть в разной степени, но тем не менее характерных для генезиса обоих феноменов. Вот некоторые из них:

¹ Цит. по кн.: Карелин М.С. Очерки итальянского Возрождения. М., 1991. С. 164–165.

— и Ренессанс, и советская культура стали идеальной формой диалектического преодоления исторического кризиса в первом случае — эпохи Средневековья, во втором — полуфеодальной России. Это в полной мере можно отнести и к творчеству тех художников, кто являл собой гуманистический дух обеих этих культур;

— революционность и Ренессанса, и советской культуры заключалась в том, что обе эти эпохи стояли на пути человеческого самутверждения, только в первом случае — стихийного, а во втором — уже сознательного. Не случайно искусство этих двух разных эпох — Возрождения и советской эпохи — востребовало общий для них героический и даже титанический, жизнеутверждающий образ Человека, явившийся нам в художественных образах только в одном случае представленных в творениях Микеланджело, а в другом — скульптора В. Мухиной («Рабочий и колхозница»);

— и Ренессансная, и советская культура несли в себе достаточно мощный потенциал общественного развития, ибо он был связан с идеей реального индивида, который оказывался «центральным звеном всей цепи космического бытия». Не случайно обе эти культуры пересматривают заново связь человека с миром, меняя концепцию и самой реальности, и самого индивида (*Нового человека*);

— и советская культура, и Ренессанс показали одержимость идеалами и отречение от них. Эта тенденция отчетливо проявилась и в советской системе, особенно в начале 90-х годов. Общественное сознание и Ренессанса, и СССР в конце каждой из этих эпох приходит к отказу от веры в безграничную творческую силу человека. Так что дух титанизма в конце концов уходит как из Ренессанса, так и из советской художественной культуры, но неизменными остаются для них обеих титанические муки, сопровождающие этот уход. Титаны утратили то, что помогало им прежде бороться со стихией, — волю. Как ни парадоксально, но приходится отметить, что при всем, казалось бы, принципиальном различии позднесоветской и постсоветской системы общим для них является принцип отказа индивида от своих важнейших ипостасей — творца истории и культуры, вне которых невозможно высвобождение его сущностных сил;

— И Возрождение, и советская эпоха показали предел человеческого совершенства и тем самым трагедию отдельного человека. Понятие «трагедия» всегда присуще только такому типу культуры,

которая исходит из гуманистического идеала. Отсутствие «человека» как понятия, идеи, образа, идеала изымает из культуры собственно и само человеческое понятие — «трагедия», что мы и наблюдаем на примере постсоветской культуры;

— И Ренессанс, и советская культура — эти явления сугубо противоречивы и по большому счету *оптимистически-трагичны*.

РЕНЕССАНС И СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА: ОБЩНОСТЬ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Общим для этих, очень разных (по своим типологическим признакам) культур является и то главное, что определяло природу и характер развития каждой из них, — в данном случае имеется в виду острота и мощь общественных противоречий, характерных для этих двух исторических эпох (ренессансной и советской). Вот лишь некоторые из них:

— для обеих культур характерно *противоречие между развивающимися представлениями о полноте действительности и пределах возможностей человека*. Каждая из этих эпох являла, с одной стороны, полное достоверное и объемное чувство реальности, а с другой — болезненное ощущение предела человеческих возможностей;

— и Ренессанс, и советская культура несли в себе трагическое осознание *расхождения между декларируемой этической установкой и реальным миром*;

— созидательная по своему духу фундаментальная идея (субъектности индивида), присущая каждой из рассматриваемых культур, в то же время *посягает на иерархию сложившегося «мира вещей»*;

— для обеих эпох характерна особая обостренность *противоречия между индивидом, утверждающим идею субъектности, и социумом, стремящимся оставаться в логике эволюционного консерватизма*;

— культуры обеих эпох отличает *острейший характер борьбы между старым и новым*. И чем громче, ярче и талантливее заявляло себя новое, тем сильнее оказывалось сопротивление старых форм жизни, в том числе в культуре.

— *противоречие между объективным содержанием творчества художника и тем, как он сам его осознавал*;

— *наряду с утверждением Нового человека происходит и утверждение мещанства*. И если в Ренессансе мещанство развивалось на

путях измельчания индивидуализма, то в советской системе оно возникало, во-первых, как следствие проявления определенной тенденции дореволюционной культуры, а во-вторых, как результат конформистского приспособления частных интересов индивида к советским реалиям;

— обе культуры были пронизаны, с одной стороны, *оптимизмом*, а с другой — *тревогой перед будущим*, что с особой остротой было отмечено в творчестве, например, таких ярких и мощных представителей, как Микеланджело и Маяковский.

Так что, исследуя «лицевую сторону» Ренессанса и советской культуры, не следует забывать и об «обратной стороне»¹, как возрожденческого, так и советского титанизма: в первом случае — инквизиции, во втором — сталинизма.

Данное противоречие порождало и парадоксальность его проявления: из одной и той же идейно-культурной парадигмы (христианства — в одном и коммунизма — в другом) выходили и те, кто являл собой образ *Нового человека*, и те, кто подавлял его (нередко и физически).

При всех различиях инквизиции и сталинщины у них есть не столько формальное, сколько глубинное содержательное единство: дело здесь не только в том, что в обоих случаях использовались механизмы массовых репрессий, физического и духовного насилия. По своей исторической роли и инквизиция, и сталинизм были силами отчуждения, подавлявшими ростки новых освободительных гуманистических тенденций, хотя субъективно представители обоих институтов власти считали себя поборниками интересов общества, государства и духовности.

Точно так же гуманистические тенденции советской культуры пробивали себе дорогу на фоне жесточайших сталинских репрессий, внеэкономического принуждения и авторитарных форм политико-идеологической жизни. И в этом суть реальной диалектики реальной истории, где гуманизм Ренессанса и советской культуры не должен

¹ «В этом термине «обратная сторона» совершенно нет ничего странного, непозволительного или ненаучного», — писал А.Ф. Лосев. См.: Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 121.

служить оправданием зверств инквизиции и сталинизма, а эти зверства не должны затмевать реальных гуманистических интенций культуры этих эпох.

Становление и элиминация субъектности

СУБСТАНЦИЯ СУБЪЕКТНОСТИ: ОТ ИСТОРИИ К КУЛЬТУРЕ

Итак, советская культура не только наследовала гуманистический пафос Ренессанса (идею индивида как субъекта культуры), но и развила его (идею индивида как субъекта культуры и истории). Но как происходило становление индивида как субъекта уже в самой реальности? Попробуем показать это.

Революционный индивид 20-х годов, становясь субъектом социального творчества, объективно востребовал культуру, вне которой это социальное творчество обречено на вырождение. Войдя в Культуру из Истории, революционный индивид (например, Исаак Бабель, Аркадий Гайдар) привносит в нее новые живые токи. Созданное им искусство, не придуманное для эпатажности, а наполненное жизнью, становится художественным вызовом действительности, равно как и сам художник, хотя за это ему нередко приходится расплачиваться, в том числе и собственной жизнью. Так идея *субъектности* индивида осуществляет свой диалектический цикл: из коллективной *практики* социального творчества 20-х годов она приходит в советскую культуру, чтобы стать художественным выражением *всеобщего* — отношения *разотчуждения* — и уже затем в лице самого творца возвращается обратно в советскую действительность, чтобы стать вызовом господствующим в ней формам отчуждения (например, Маяковский). Суть этого вызова прежде всего не в идейно-этических декларациях, а в практических попытках художника преодолеть *конкретно-исторические формы отчуждения* реального мира.

Такова логика становления культурно-исторической субъектности индивида в советских реалиях 20-е годы. Что это, если не цикл восхождения идеи субъектности индивида от *абстрактного* к *конкретно-всеобщему*?

Говоря о субъектности советской культуры (ее освободительной тенденции), не следует забывать, что этот принцип возник вследст-

вие процесса *разотчуждения* (в сфере идеального) на основе субъектного бытия индивида в Истории, т.е. на основе творчества Истории.

Но эта слишком абстрактная формулировка данного тезиса не может не вызвать целый ряд вопросов, сводимых к главному: о каком творчестве Истории может идти речь, если на всех этапах советской системы было подавление государственными и партийными институтами самостоятельных интенций индивида как субъекта. Или может быть автор пытается примирить общественный идеал советской культуры с практикой «советского социализма»?

Для уточнения своей позиции автор постарается показать диалектику развития и смены исторических форм субъектности советского индивида.

Начнем, во-первых, с того, что специфика и буржуазно-демократической, и Октябрьской революций заключалась в том, что каждая из них объективно несла в себе пульс и потенцию социально-творческого преобразования прежнего мира, хотя и по-разному (отличаясь, причем существенно характером, масштабом и содержанием предполагаемых преобразований).

Например, если в 20-е глды революционные массы создавали новые общественные отношения в сфере культуры (масса самодеятельных художественных студий, театров, клубов и т.д. — одно из свидетельств этого), то уже в 30-е годы творческая энергия процессов общественного преобразования из сферы социальной политики и культуры вытеснялась в область материального производства (движение стахановцев, энтузиазм строителей первых пятилеток, которые со временем тоже были подхвачены «ржавчиной» бюрократизма). Для советского индивида 30-х годов, обладавшего в большинстве своем начальным или средним образованием, практическое и физическое созидание предметного мира новой жизни (заводов, электростанций) было единственно доступной формой творческой самореализации, хотя и не вполне адекватной природе социального творчества.

Не следует сбрасывать со счетов и роль европейских государств (не путать с их народами), сначала в объединении стран Антанты, поддерживавших не только идейно, но и материально контрреволюцию, а затем и фашизм. В Великой Отечественной войне против немецкого фашизма погибли около 27 млн. только советских людей,

а это и ученые, и художники, и учителя и в первую очередь молодежь — все те, кто являлся действительным или потенциальным субъектом социального творчества. Но кроме этого, следует учитывать и сами последствия этой страшной войны, разрушение материальной базы советской системы, ее культурного достояния. Все это требовало мощной трудовой мобилизации для ее восстановления, приводящей также к вымыванию социального творчества.

Усиливающаяся в силу внутренних (сталинизм) и внешних причин неадекватность формы и содержания социального творчества стала одной из причин вырождения общественного энтузиазма и замены его государственно-партийными формами управления.

Так социальное творчество (это важнейший подступ к преодолению системы разделения труда, являющейся одной из основных предпосылок мира отчуждения) с конца 20-х гг. становится сферой специальной профессиональной деятельности особой социальной группы — партийных секретарей.

Одним словом, коммунистическое творчество обретает статус профессии, а комиссары как субъекты Истории — сначала статус руководителей (что вовсе не исключало поначалу с их стороны глубокой искренности и предельной отдачи себя делу), а позже — начальников (среди которых, вероятно, было также немало тех, кто «болел душой за дело») особого «духовного производства» — государственно-партийного руководства.

И дело здесь не столько в личных проявлениях партийных секретарей (там были и настоящие герои, и откровенные карьеристы), несущих в любом случае личную ответственность за происходящее, сколько в самой природе их деятельности, которая по мере нарастания бюрократизма объективно усиливала существующий в обществе «эффект отчуждения» (Б. Брехт).

Поэтому можно сказать, что «сворачивание» социального творчества «ударило» не только по революционным массам, но и по их партийным вождям, размывая в них талант, яркость, умение принимать вызовы реальности и отвечать на них.

И все же, несмотря на доминирование бюрократических тенденций, советский человек пытался осуществить себя как субъект Истории в самых разных общественных формах: в 20-е годы — как «борец за мировую революцию»; в 30-е — как энтузиаст первых пятилеток;

в 60-е — как строитель «новых городов, у которых названия нет» и в 70-е — как строитель БАМа.

Смена этих общественных форм субъектности индивида как раз и отражает генезис, развитие и вырождение его как субъекта Истории.

В период 70-х годов сохранение потенциала субъектности, с одной стороны, и «размывание» Истории как его субстанции — с другой, приводило к тому, что индивид уходил в Культуру, чтобы уже там, хотя бы в форме идеального, обрести свою актуальность как творец Истории. Вот почему для индивида культура становилась субстанцией не только смыслов, отношений, но и поступков.

И если растущий интерес к культуре в 20-е годы был обусловлен самосознанием индивида как субъекта Истории, то в период «застоя» напряженный интерес к культуре был вызван в значительной степени самоощущением уже не только своей выключенности из Истории, но отсутствием ее вообще как таковой.

Высокий зрительский успех фильма «Сталкер» как раз и был одним из симптомов того, насколько общество уже осознавало атмосферу сгущающегося застоя 70-х гг. Неслучайно в этом фильме образ застоявшейся «мертвой» воды является основным фоном движения героев к своим так и не свершаемым поступкам.

СУБЪЕКТНОСТЬ БЫТИЯ В КИНО:

ЗРИТЕЛЬСКИЙ СОЦРЕАЛИЗМ

Одним словом, общество уходило в культуру, и в первую очередь в кино, искать ответы на вопросы о смысле бытия. Кино становилось той формой идеального, в которой индивид доосуществлял себя как субъект истории. Если нельзя быть героем (= субъектом) Истории в реальности, то тогда хотя бы в идеальной форме (через кино) через сопереживание главному герою можно было почувствовать себя таковым. И здесь кино не только как искусство, но и как особая область культуры предоставляло индивиду такую возможность во всем богатстве субъект-субъектных отношений (художник — зритель, зритель — зритель, художник — художник).

Кстати, из этих интенций возник и такой особый феномен советского кино, как «пересказы фильмов», когда зрители — и уже каждый на свой лад — пересказывали друг другу содержание недав-

но увиденного фильма. Это делалось не для того, чтобы поделиться киноисторией — она была многим хорошо известна, а для того, чтобы заново *перечувствовать* увиденное, *переучаствовать* в нем, одним словом, *пережить* увиденное в кино как события своей личной жизни.

Говоря иначе, зрительские пересказы фильмов были формой личностной, авторской реконструкции увиденного, которая позволяла индивиду пережить свою субъектность в истории, но уже не в тиши кинозала, а публично как акт некоего культурного откровения или катарсиса. Зрительские пересказы стали не чем иным, как актом личностного совершения в сфере идеального (совместно с киногероем) героических поступков, как правило, связанных с прорывом из мира отчуждения, но теперь уже не наедине с собой в тиши кинозала, а публично в обществе своих друзей, соседей, коллег. Вот почему это явление есть не что иное, как феномен **зрительского социалистического реализма**.

Это отчасти объясняет одну из феноменологических тайн советского кино, «на которое шли» не столько для того, чтобы «*смотреть*» фильм о войне с фашистами, сколько воевать с ними, не столько «*смотреть*» фильм о любви, сколько любить. Советский человек «в кино шел», чтобы не столько «*смотреть*» (отдыхать, развлекаться), сколько через свое сопричастие к героям фильма (т.е. через сферу *идеального*) *совершать поступки* в Культуре и Истории.

Советское кино было тем *идеальным*, через которое индивид пытался проживать новые формы своей субъектности (в Истории и Культуре) либо восполнять недостаточность их уже в своей личной жизни.

С исчезновением основ субъектного бытия индивида в Истории постепенно размывалось и то, что составляло сущность феномена «советское кино», понимаемого в данном случае не только как искусство (оно покоряет зрителя до сих пор), но еще и как особая художественная форма, через которую индивид мог проживать свою субъектность во всех ее ипостасях: и как художник, и как зритель, и как киногерой.

Сегодня постсоветское кино — это уже другой феномен, принадлежащий в первую очередь сфере бизнеса, профессионалов кино и журналистики, чем искусству и обществу.

РАСПАД УНИВЕРСАЛЬНОСТИ

Итак, к 70-м годам субстанцией субъектного бытия советского индивида уже окончательно становилась культура, несущая в себе **образ** движения Истории. Само же движение Истории к этому времени реально «пересохло», хотя интерес к нему со стороны советского общества оставался все еще высоким¹.

Сфера культуры становилась сферой поиска смыслов бытия советского индивида в период 70-х годов. Но при этом не следует забывать и о самих имманентных законах советской культуры. Вышедшая из революционного мирового движения 20-х годов советская культура со временем сама востребовала своего снятия в Истории (кстати, не только советской — всемирной). Решение этого вопроса предполагало качественное обновление уже самих основ советской системы. Объективная нерешенность этой проблемы (почему — это отдельный вопрос другой работы), хотя такие попытки имели место в период «оттепели» и «перестройки», для советской культуры оборачивалась затянувшейся неразрешенностью уже ее внутренних противоречий. Это приводило к подрыву, но не художественной ценности советской культуры — она неизменна, а той роли, которую она играла в советской системе. Здесь имеется в виду, что в истории СССР советская культура была больше, чем культура, она являлась формой *советской универсальности* — *summa rerum* («мир как целое»), выходящей за пределы советских границ. Но, как известно, именно универсальность воспроизводит целостного человека. Вот почему постмодернизм, несущий в себе логику распада универсальности, объективно воспроизводит частного человека с его разорванным сознанием, которое он пытается собрать посредством наркотиков и алкоголя, разрушаясь еще больше².

¹ Глубокое общественное сопереживание народу Вьетнама, оказавшему сопротивление военной агрессии правительства США, обществу Чили, выступившему на защиту правительства Альенде, которое было преступно уничтожено режимом Пиночета.

² Известный греческий врач Катерина Матцас, лечащая больных наркоманией, даже использует метод включения пациентов в процесс коллективного творчества.

Так «засыпание» исторического движения объективно порождало процесс деактуализации культуры, а вместе с этим уже и самой идеи субъектности. В итоге такое положение приводило к утрате советской культурой своего значения как формы универсального бытия индивида. В действительности это означало, что идея *Нового человека* (как творца истории и культуры) постепенно начала утрачивать свою общественную актуальность как значимый для индивида онтологический вектор его бытия. *Новый человек*, будучи чуждым для бюрократической власти, постепенно становился чужим и для общества. *«Мы все понемногу отходили от Маяковского»* — так характеризовал культурную ситуацию 60-х годов известный философ Г. Померанц.

Вот так *Новый человек* XX века со своим энтузиазмом социально-творческого преобразования мира, создания новой всемирной культуры и титаническим героизмом в страшной войне с мировым фашизмом, придя на смену лишнему человеку XIX в., постепенно становился сначала ненужным и опасным для стоящей у власти бюрократии, а потом уже и для большей части советского общества, в конечном итоге — уже и для самого себя.

Так распад диалектического единства Истории и Культуры размывал и внутреннюю целостность его субъекта, постепенно, но неумолимо превращая его в частного человека. *«Теперь титаны должны научиться хитрить, скрывать свои мысли, прятать чувства. За буйные страсти сажают в Тауэр. Мечту скоро сменит чтение Библии у домашнего очага... Возникает начало пути от трагедии к фарсу...*

Языческий восторг перед возможностями человека сменялся интересом к ценам на мировом рынке.... Кончилась молодость эпохи. Кончился век поэзии. Наступал век прозы»¹ — эти слова крупнейшего советского кинорежиссера XX века Г. Козинцева относятся к его

начало см. на с. 663 Автору этой работы удалось побывать на концерте вылеченных ею молодых пациентов, на котором звучали песни, стихи и даже был дан театральный спектакль. Авторский метод врача Катерины Матцас, несущий в себе также принцип разотчуждения, еще требует своего глубокого научного осмысления.

¹ Козинцев Г. Отелло. Замыслы, письма. // Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. Л., 1986. С. 75–76.

рабочим материалам над фильмом «Гамлет», но говорят далеко не только о проблемах обитателей Эльсинора.

Выводы

Подводя итоги, снова подчеркнем: вопрос о сущности советской культуры на глубинном уровне оказывается проблемой ее противоречий. Представим наиболее важные противоречия:

— советская культура была отражением диалектического единства отчужденных реалий советской системы («сущего») и ее освободительной тенденции («должного»). Мера и характер проявления этого противоречия были обусловлены конкретно-историческим контекстом каждого из этапов ее развития;

— советская культура, будучи результатом развития реальных противоречий советской действительности, в то же время была и идеальной формой их разрешения. Возникая именно в условиях развития специфических для системы «реального социализма» противоречий, освободительная тенденция советской культуры в то же самое время содержала в себе потенциал синтеза, который позволял ей быть той формой идеального, в которой эти самые противоречия получали свое действительное разрешение. В этом кроется принципиальное отличие ее от постмодернизма, несущего в себе отрицание (негацию) жизни, что гораздо опаснее, чем любое революционное разрушение, которое связано с созиданием, несущим действительные альтернативы миру отчуждения. Постмодернизм разрушает сущностный принцип культуры — ее способность к синтезу. Но ведь только на основе синтеза возможно диалектическое возвращение альтернативности. В этом смысле логика постмодернизма — это логика десинтезирования, т.е. разложения основ культуры;

— если освободительная тенденция советской культуры становилась мощным оппонированием сталинистским и бюрократическим тенденциям, отторгавшим идею субъектности, тем более идею активного и самостоятельного действующего субъекта, то, как рефлексия отчужденных сторон советской действительности, эта же культура несла на себе печать социального отчуждения, подавляющую субъектное начало индивида;

— *новый человек советской культуры*, с одной стороны, предельно неотчужденно включен в реальность, а с другой — не может принимать действительность в тех превращенных формах, в которых она существует.

— именно в силу того, что советская культура была идеальной формой разрешения действительных противоречий советской системы, она в итоге как раз и становилась мощным катализатором развития ее общественных отношений.

В связи с вышесказанным вывод автора о советской культуре таковы.

Первый. Генезис советской культуры связан с логикой разотчуждения, ибо она возникла из социальной практики преодоления реальных форм отчуждения.

Второй. *Сущность советской культуры заключается в деятельности преодоления конкретно-исторических форм отчуждения*, т.е. в самом акте *разотчуждения конкретных форм действительности*. В этом смысле логика разотчуждения является тем всеобщим отношением, что связывает советскую культуру с реальным миром во всем богатстве его противоречий. Вот почему *советская культура — это идеальное «советского социализма»*.

Третий. *Метод* освободительной тенденции советской культуры — соцреализм есть не что иное как принцип *творческого* и потому *личностного* преодоления конкретно-исторического отношения отчуждения (*разотчуждения*) *в сфере идеального*. Соцреализм — это метод творчества не столько самого образа разотчужденной действительности, сколько метода ее разотчуждения. Именно в силу этого данный метод требует своего творческого воссоздания при каждом акте художественного творчества всякий раз заново, причем самим художником, а не руководством творческого союза или партии.

Четвертый. *Идеал советской культуры предполагает не абстрактный образ, а принцип конкретного движения к разотчужденной действительности*. Идеал советской культуры заключен не столько в понятии «свобода», сколько в понятии «освобождение» от всех форм отчуждения. Вот почему советская культура стала не просто частью мировой культуры, а именно выражением ее всемирности.

Пятый. *Субъект советской культуры — это конкретный индивид, преодолевающий конкретно-исторические формы отчуждения*

в сфере идеального, т.е. конкретный субъект конкретного **акта разотчуждения**.

Шестой. Итак, мы видим, что отношение *разотчуждения* так или иначе пронизывает все основные понятия, составляющие содержание советской культуры. Это дает нам основание утверждать, что **разотчуждение — это исходное и всеобщее отношение советской культуры**, определяющее ее универсальность — *summa rerum* («мир как целое»).

Кроме того, универсальность советской культуры была обусловлена *диалектическим единством* субъекта культуры и субъекта истории. И, наконец, универсальность советской культуры проистекает из *диалектической целостности* самого отношения *разотчуждения*, предполагающего единство его (1) предмета, (2) содержания и (3) субъекта.

Седьмой. Противоречия являются предпосылкой возникновения и развития советской культуры. Более того, советская культура сама является той формой идеального, в которой возможно разрешение действительных противоречий. Не противоречия опасны для советской культуры, а их неразрешенность.

Исходя из этого формулировка «советская культура — это тоталитарная культура» является теоретически несостоятельной. Это утверждение исходит из формально-упрощенной связи: если режим в СССР был тоталитарным, то соответственно и культура была тоталитарной, например, как в фашистской Германии. Исходя из этого получается, что между культурой (художником) и режимом не было никаких противоречий. А если между ними и властью не было никаких конфликтов, то тогда откуда взялась трагедия бытия художника и культуры в СССР, о чем так много пишут у нас и на Западе?

Но этот конфликт был — и очень глубокий. И инициировала его не только власть, но чаще всего сам художник, который в этом конфликте боролся не за деньги и привилегии, а за право отстаивать свои убеждения (какие — это уже другой вопрос) в искусстве и отдавать себя без остатка творчеству, т.е. жить объективно по законам «царства свободы» (коммунизма). И уже в этом художник не совпал с властью, которая в ее сталинистской форме, конечно же, хотела быть тоталитарной, что вовсе не означает, что и само общество, и сама советская культура были тоталитарными. Иначе бы именно

советский (не русский) народ вместе с его культурой не победил европейский фашизм. А он все-таки его победил в 1945 году.

И этот факт уже принадлежит истории, которую сегодня многие хотят переписать. Другой вопрос, что «жить на проценты», особенно не тобой завоеванных побед, нельзя. Надо самим не только понимать, но и отвечать на вызовы уже сегодняшнего времени.

Итак, заключая, можно сказать: советская культура с распадом СССР не только не ушла в прошлое, но еще более востребована сегодняшней реальностью. Лежащий в ее основе *принцип разотчуждения*, актуализирующий значение человека как субъекта творчества неотчужденного мира — вот что сегодня является реальной альтернативой постмодернизму, утверждающему тотальное господство частного интереса, превращая человека в симулякра Культуры и Истории.

В той мере, в какой будут утверждаться реальные альтернативы постмодернизму, в той мере феномен советской культуры имеет перспективу стать в будущем советским неоренессансом.

О.Н. Смолин

**Новейшая революция в России
и перспективы социализма XXI века**

По крайней мере со времени возникновения марксизма слова «социализм» и «революция» почти всегда произносятся и пишутся вместе. С формальной точки зрения «бархатные революции» конца прошлого века здесь мало что изменили. Но в содержательном плане по сравнению с предыдущими полутора веками ситуация прямо противоположная: эти революции не открыли эпоху социализма, но закрыли ее, положив конец историческому периоду, который одни называли «реальным социализмом», а другие — «коммунистическим тоталитаризмом». Попробуем же взглянуть на принципиально новую историческую ситуацию в постсоветской России, используя в этих целях наряду с традиционными методами исследования и сравнительно новый метод политико-ситуационного анализа.

*1. Революция как историческая ситуация
и её особенности в постсоветской России
первой половины 1990-х годов.*

Социально-политические трансформации, происходившие в нашей стране, начиная с прихода к власти М. Горбачева, в официальных политических документах и иной литературе в большинстве случаев квалифицируются как радикальные реформы. Между тем политическая наука определяет социальную реформу как изменение какой-либо существенной стороны жизни общества при сохранении основ его экономического и государственного строя. Поскольку же и в экономике, и в государственном строе России в

названный период произошли действительно коренные преобразования, определять характер всех этих изменений как реформистский не представляется возможным. В действительности *в различные периоды новейшей российской истории в стране происходили как эволюционные, реформистские, так и революционные преобразования.*

Наряду с господствующей оценкой российского социально-политического процесса 1990-х годов в качестве периода реформ в литературе встречаются следующие его характеристики:

- революция (с различными, подчас противоположными, определениями);
- контрреволюция;
- реставрация;
- антиреволюция;
- смута и др.

Помимо идейно-политических воззрений авторов, придающих понятиям «революция», «контрреволюция», «реставрация», «реформа» ярко выраженный аксиологический акцент, помимо сложности и незавершенности самого процесса, такая разноречивость оценок обусловлена тем, что при кажущейся терминологической очевидности в эти понятия вкладывается весьма различное содержание.

ПОНЯТИЕ РЕВОЛЮЦИИ

По числу определений термин «революция» вряд ли может сравниться с такими социально-философскими понятиями, как «общество», «цивилизация», «культура» или «личность», однако и этот термин весьма многозначен, причем различные его значения наиболее четко раскрываются при логическом анализе понятия «революция» в парах с соотносительными категориями.

На общефилософском уровне исследования в паре «*революция — эволюция*» первая выступает как скачок-переворот (взрыв), как быстрое, стремительное, качественное изменение, преобразующее сущность системы; вторая — как постепенное, количественное изменение при сохранении сущности или, что, вероятно, ближе к истине, как постепенное, качественное изменение. С этой точки зрения, социально-политический процесс в России 1990-х годов, как и аналогичные процессы в бывших социалистических странах, несомненно, представляет собой революцию. Достаточно указать на:

— применение «шоковой терапии», в результате которого произошло «взрывное» движение от сверхцентрализованной экономики к практически нерегулируемой;

— обвальный характер приватизации, темпы которой на порядок превосходили по интенсивности аналогичные процессы в индустриально развитых странах (например, в Великобритании в период правления М. Тэтчер) при противоположном социально-экономическом результате;

— разрушение прежней государственности (Советского Союза);

— политические перевороты, а также гражданские войны, которые обычно являются верными спутниками революций, включая малую гражданскую войну в Москве (октябрь 1993 г.) и две локальные гражданские войны в Чечне (декабрь 1994 — август 1996 и август 1999 — март 2000), и т.п.

На политико-аксиологическом уровне в паре «революция — переворот» названные понятия различаются двояким образом: по объему и в аксиологическом аспекте. С точки зрения объема, согласно, например, марксистской традиции, понятие «революция» может употребляться в широком и узком смысле слова. В широком — для обозначения революции социальной, охватывающей различные сферы жизни общества; в узком — как синоним революции политической, решающей вопрос о власти. В последнем смысле понятия «политическая революция» и «политический переворот» тождественны. И в этом смысле в России в 1990-е годы произошли революционные изменения. Что же касается аксиологического аспекта, то для массового сознания да и большей половины теоретиков революция — нечто легитимное, морально оправданное, положительное, тогда как переворот отождествляется с нарушением закона, заговором, авантюрой и т.п.

На уровне политологического анализа в паре «революция–реформа» выделяется целый ряд характеристик, по которым различаются эти категории:

— революция — коренное преобразование, реформа — частичное;

— революция радикальна, реформа более постепенна;

— революция (социальная) разрушает прежнюю систему, реформа сохраняет ее основы;

— революция осуществляется в значительной мере стихийно, реформа — сознательно (следовательно, в известном смысле реформа может быть названа революцией «сверху», а революция — реформой «снизу»).

С теоретической точки зрения важным во всех этих определениях является однозначная характеристика реформы как переустройства отдельных сторон, элементов системы, не затрагивающего ее основ, очевидная для подавляющего большинства специалистов. Впрочем, те же специалисты, переходя к анализу политических процессов в России, дружно называют реформами коренную ломку предшествующего общественного строя.

С точки зрения историко-социологической в паре «*революция–реставрация*» революция интерпретируется как переход к новому типу общества (социетальной системы, цивилизации, формации), а реставрация — как возвращение к его прежнему типу. В этом смысле российские «реформы» 1990-х годов, если и не представляли собой прямую попытку реставрации дооктябрьской общественной системы, то по крайней мере содержали ярко выраженные реставрационные тенденции, по силе соперничавшие с модернизационными, а часто их превосходившие.

Реставрационные тенденции проявлялись прежде всего в знаковой форме, в отношении к прежним символам:

- возвращение дореволюционного флага и герба;
- восстановление топонимов;
- коренное изменение отношения к символическим историческим фигурам (превращение большинства царей, несмотря на прокламируемые демократические ценности, из дьяволов в героев, а большинства генеральных секретарей — из героев в дьяволов);
- восстановление храмов и демонстративная религиозность политических лидеров и т.п.

При этом некоторые реставрационные проявления приобретали алогичный, полукурьезный, а то и трагикомический характер, лишний раз доказывающий справедливость древнего афоризма о невозможности вступить в одну реку дважды. Парадоксально выглядят попытки восстановления существовавших в дооктябрьской России социальных отношений и институтов — от сословий до монархической власти. Разумеется, мало кто станет возражать против освоения

и развития культурного наследия дворянской интеллигенции или традиций казачества как особого российского субэтноса. Но когда поднимается вопрос о придании дворянам или казакам статуса сословий в качестве условия развития «новой России», то полезно чаще вспоминать азбучные истины социологии, согласно которым сословный тип социальной стратификации является признаком доиндустриальной средневековой цивилизации (феодализма), тогда как руководство постсоветской России неоднократно заявляло о намерении двигаться к цивилизации постиндустриальной.

В историко-аксиологическом аспекте в паре «революция — контрреволюция» первое из этих понятий означает прогрессивное преобразование, качественный скачок в движении общества вперед, тогда как второе — преобразование регрессивное, откат назад. Поскольку возникновение качественно новой общественной системы — не всегда прогресс, а восстановление прежней — не всегда регресс (революции тоже бывают консервативными), понятия реставрации и контрреволюции взаимосвязаны, но не тождественны. Последнее, подобно понятиям «прогресс» и «регресс», имеет ярко выраженный аксиологический акцент. В силу этого оценка тех или иных исторических событий как революционных или контрреволюционных является относительной и определяется двумя группами факторов: во-первых, объективными последствиями этих событий для общества, которые нередко выявляются спустя многие десятилетия; во-вторых, мировоззренческими и научными позициями исследователя, включая его отношение к проблеме общественного прогресса и методам преобразования общества.

В последнее время предприняты попытки, рассматривая проблему на политико-философском уровне, вынести ее решение за рамки традиционной «системы координат», введя для обозначения событий 1985–1991 годов в Восточной Европе и Советском Союзе понятие «антиреволюция». При этом главный аргумент в пользу введения нового термина заключается в том, что эти события не только положили конец революционному циклу, связанному с Октябрем 1917 года, но и завершили целую эпоху революционности, порожденной Просвещением, более того, положили конец самой логике просветительской модернизации и связанной с ним революционности. «Изживание “просветительного революционизма”, — отмечает Р. Саква,

— означает отнюдь не то, что больше не будет восстаний, переворотов, мятежей и бунтов, а то, что изменился философский смысл подобных событий»¹, а именно: «отсутствует универсальная система светских догматов, которая могла бы подкрепить надежды на то, что политический переворот откроет путь в царство справедливости, заложит основы лучшего мира»².

При этом, согласно Р. Сакве, «отказ от революционного социализма был не «революцией наоборот», или сокращенно, контрреволюцией, а «противоположностью революции», т.е. оппозицией революционному процессу как таковому»³. Аргументируя данный тезис, автор концепции называет два, по его мнению, кардинальных различия между антиреволюциями и контрреволюциями: «во-первых, они (антиреволюции — О.С.) пытались преодолеть реальные революции, происшедшие в соответствующих странах в 1917-м и 1945–1948 годах, и, во-вторых, они полностью отвергли всю логику революционного мышления, подчинявшую себе воображение европейцев на протяжении почти двух столетий»⁴.

Позиция Р. Саквы приведена здесь столь подробно не только из-за ее оригинальности, но и для того, чтобы предоставить возможность читателю самостоятельно убедиться в характере ее аргументации.

Во-первых, едва ли не единственным реальным основанием этой концепции служит сравнительно мирный, «бархатный» путь осуществления большинства революций 1989–1991 годов. Однако этого явно не достаточно для радикальных выводов об «антиреволюционных революциях», ибо возможность мирного осуществления революций признавалась и прежде, в т.ч. даже такими радикальными революционерами, как основатели марксистской теории. Сказанное в значительной мере относится и к тезису о снятии противоположности между реформами и революцией. Такая противоположность в качестве абсолютной существовала лишь в головах революционе-

¹ Саква Р. Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989–1991 годов // Полис. 1998. № 5. С. 24.

² Там же.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 26.

ров-догматиков, тогда как в реальной жизни реформы нередко перерастали в революцию и практически всегда ее сопровождали, завершая в постреволюционный период процесс трансформации одной общественной системы в другую.

Во-вторых, не более убедительными выглядят аргументы в защиту отличий антиреволюции от контрреволюции: достаточно напомнить, что те, кого Ж. Кондорсе в конце XVIII века именовал контрреволюционерами, также искали свои социальные идеалы не в будущем, но в прошлом (своей страны) или настоящем (феодальной Европы).

В-третьих, осуществление новейших революций в индустриальных обществах и к тому же в мирное время действительно отличает их от большинства предшественниц. Однако отсюда вовсе не следует, будто эти революции кладут конец просветительскому пониманию модернизации. Скорее, наоборот: их лидеры почти повсеместно выдвигали лозунг «возвращения в цивилизацию», представляющий собою по сути вариант хрущевского призыва «Догнать и перегнать», но не за счет более быстрого развития системы, а путем кардинального изменения типа общественного развития.

Логика поведения новейших российских «антиреволюционеров» по всем остальным параметрам, включая готовность к применению насилия, воспроизводила логику поведения их предшественников, несмотря на противоположную направленность социального действия и бесконечные заявления о разрыве с традициями прошлого. Возможно, именно эти заявления Р. Саква и принял за сущность процесса. Более того, утверждение о преодолении просветительской логики представляется безнадежно оптимистичным и в отношении политических лидеров индустриально развитых стран: войны в Югославии, Афганистане и Ираке убедительно показали, что и среди них преобладает революционно-просветительское стремление «железной рукой загнать человечество к счастью».

Наконец, в-четвертых, что касается легкости осуществления «договорных революций», то она находит вполне реалистическое объяснение в бюрократическом характере этих революций (см. ниже).

Термин «смута», нередко используемый для характеристики современного этапа российской истории, не может быть определен через оппозицию к термину «революция». В действитель-

ности термин «смута», во-первых, представляет собой, скорее, образную характеристику, чем научную категорию либо понятие, характеризующее совокупность конкретных исторических событий, но не категорию политической или социологической науки. Во-вторых, при самых разнообразных трактовках применение данного термина к современному периоду российской истории некорректно, ибо это явно период революции либо инволюции (деградации, разложения). По логике вещей, смута должна заканчиваться восстановлением статус-кво с незначительными отклонениями в ту или иную сторону. В России же восстановление прежней системы невозможно.

Как уже отмечалось, в 90-е годы XX века термин «революция» для характеристики происходивших в стране процессов практически не применялся. Однако в начале нового века отказ от использования термина сменился его апологией, причем инициатива исходила как раз от тех, кто в свое время не только в значительной степени определял характер трансформационных процессов, но и присвоил им наименование реформ, утверждая, что «Россия лимит на революции исчерпала». Так, бывший помощник первого Президента России М. Краснов, отвечая на вопрос: «Что произошло в России в последнее десятилетие XX века?» — заявляет: «Произошла революция. Причем Великая революция, т.е. масштабная смена общественного и государственного строя, всего уклада жизни»¹. Ему вторит Г. Саттаров, другой помощник Б. Ельцина, отмечающий, что «общество, которое не умеет вовремя осуществить эволюцию, заслуживает революции», называющий события конца XX века нашей великой буржуазной российской революцией и прогнозирующий ввиду ее незавершенности новые революции².

Новое обращение к термину «революция» объясняется, на наш взгляд, следующими причинами:

а) период революционных преобразований в России завершен, наступил период стабилизации и реформирования постреволюционного политического режима. В новых исторических условиях правящей элите нет необходимости скрывать характер произошедшей

¹ Эволюция российской государственности. М., 2001. С. 9.

² Там же. С. 44, 45.

в стране трансформации. Не случайно Президент РФ В.В. Путин уже в одном из телевизионных выступлений в октябре 2002 года назвал события начала 1990-х годов «бархатной» революцией;

б) если в конце 80-х — первой половине 90-х годов прошлого века был дискредитирован термин «революция», то к началу XXI века дискредитированным оказался и термин «реформа». Ныне в массовом сознании этот термин прочно ассоциируется прежде всего с ухудшением социально-экономического положения.

Итак, популярное на рубеже 1980–1990-х годов, особенно в зарубежной публицистике, выражение «вторая русская революция» гораздо точнее отражает характер российского социально-политического процесса, чем термин «реформы». Самой слабой частью этой характеристики является порядковое числительное, ибо в зависимости от принятой системы отсчета и объема понятия (революция социальная или только политическая, предполагающая смену лидеров или резкий поворот политического курса) «вторая русская революция» может оказаться как третьей (после 1905 и 1917 гг.), так и шестой (после 1905, февраля 1917, октября 1917, перехода к нэпу и сталинского перелома), а скорее всего должна рассматриваться в контексте революционной эпохи (1917–1997 гг.).

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Суть любой *революции как исторической ситуации* (независимо от конкретной расстановки общественных групп и их интересов) в ее чрезвычайном и первоначально деструктивном характере, который жестко навязывает участникам событий определенные направления деятельности, методы борьбы и стереотипы отношений, но вместе с тем может содержать в себе колоссальные социально-инновационные потенции. Пока революция не началась, пока все идет «штатно», жизнедеятельность человека подчинена обычным нормам и происходит под контролем давно сформировавшихся социальных институтов. Но как только «механизм революции» запущен, привычные законы человеческой жизнедеятельности или работают «вхолостую», или подвергаются отрицанию, реализуясь «с точностью до наоборот». Неким слабым аналогом могло бы быть сравнение работы человеко-машинных систем в привычном режиме и в режиме аварийном.

Иначе говоря, у революции свои признаки и законы, принципиально отличные от параметров функционирования социальных систем и существенно отличные от признаков и закономерностей других типов исторических ситуаций, включая сходные по некоторым характеристикам с революцией ситуации войн, экономических и политических кризисов и даже революционные ситуации, предшествующие революции во времени.

В большинстве своем общие ситуационные закономерности революций — системно или бессистемно, в «сборе» или по отдельности, с теоретическим обоснованием или без него — уже назывались в работах теоретиков левого и правого направлений, адептов «религии революции» или ее не менее убежденных противников. Но именно в силу политической остроты вопроса, во-первых, существует сравнительно мало примеров объективного, неидеологизированного его изучения, а во-вторых, общие ситуационные закономерности революций обычно принимаются за конкретно-исторические и довольно часто — сознательно или бессознательно — приписываются лишь той (или тем) революции, идеология которой противоречит убеждениям аналитика. В особенности это относится к так называемым первородным грехам революции, которые легко и уверенно прозреваются сквозь толщу десятилетий (или даже столетий), но никак не обнаруживаются в революции, современником которой является иной автор. Впрочем, теоретики в данном случае идут за политиками и подчиняются той же ситуационной закономерности.

Подобно другим типам исторических ситуаций, революции обладают повторяемостью как в синхроническом (по «горизонтали»), так и в диахроническом (по «вертикали») плане. Последний, «диахронический» аспект повторяемости имеет в данном случае особое значение, поскольку, во-первых, в силу чрезвычайного характера данного типа исторических ситуаций и других факторов социокультурные особенности данной системы сказываются в эти периоды значительно меньше, чем во времена спокойного развития. Во-вторых, «жесткость» ситуационных закономерностей во время революции значительно возрастает. Именно поэтому Франция 1789–1794 годов по многим параметрам политического процесса гораздо более походит на Россию 1917–1921 годов, чем на современные ей (Франции) Германию или Великобританию.

Любая социально-политическая революция в качестве исторической ситуации обладает определенным набором признаков и может рассматриваться:

- как катастрофа (или серия множественных катастроф);
- как радикальное отрицание;
- как всеобщий конфликт;
- как аномия;
- как «праздник»;
- как фактор глобальной мифологизации массового сознания;
- как процесс смены политических элит;
- как трансформация политического режима революционной демократии в режим революционного (или постреволюционного) авторитаризма;
- наконец, как бифуркация.

При этом необходимо иметь в виду по крайней мере три обстоятельства.

Во-первых, каждая из названных характеристик и закономерностей с той или иной степенью интенсивности проявляется в любой революции нового и новейшего времени, т.е. в тех типах социальных революций, которые включают в себя революции политические.

Во-вторых, ни один из этих параметров не может считаться исключительной принадлежностью данного типа исторических ситуаций. Напротив, некоторые из них в отдельности или в определенной избирательной совокупности наблюдаются и в других типах исторических ситуаций (ситуации кризисов, войн, реформ, катастроф и т.п.). Так, бифуркации в истории человечества могут быть связаны не только с социальными и политическими, но и с технологическими революциями; отрицание ярко проявляется в периоды реформ, смены культурных стилей или научных парадигм; аномия — в периоды войн, катастроф, разложения прежней системы; выдвижение мифов и утопий — во время генезиса новой социетальной системы и опять-таки в периоды реформирования.

В-третьих, полным набором названных характеристик и закономерностей не обладает ни один другой тип исторических ситуаций. В совокупности эти параметры дают то системное качество, которое характеризует только данный тип исторических ситуаций и никакой другой.

СОЦИАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

Под *катастрофой* в общенаучном смысле понимается процесс стремительного разрушения системы (либо одного или нескольких основных элементов этой системы), способный привести как к ее полному уничтожению, так и к переходу в новое качественное состояние. Соответственно понятием «*социальная катастрофа*» обозначаются аналогичные процессы в обществе, приводящие к большим людским, материальным и (или) духовным потерям. Особое место в системе социогенных общественных катастроф принадлежит социально-политическим революциям, которые обычно возникают в результате глубокого и длительного общественно-политического кризиса и неминуемо вызывают катастрофические последствия.

Определение *революции как катастрофы* (по крайней мере, в отношении к дореволюционной общественной системе) полностью соответствует российским социально-политическим процессам 1990-х годов. Более того, это время оценивается как период множественных катастроф, включая производственно-экономическую, финансовую, технологическую, социальную, демографическую, нравственную и геополитическую. Действительно, спад производства в 1990-х годах превысил показатели Великой Отечественной войны (1941–1945), хотя и не достиг уровня первой мировой и гражданской войн (1914–1920). Была подорвана база высоких технологий и фундаментальной науки, прошла волна деиндустриализации, и во многих ключевых отраслях промышленности спад превысил 70%. К концу 1990-х годов по объему внешнего долга страна вышла на первое место в мире (более тысячи долларов на душу населения) при федеральном бюджете, уступающем бюджету Греции или Финляндии, и при уровне федеральных расходов на образование, сопоставимом с бюджетом одного крупного американского университета.

Катастрофическим в 1990-х годах оказалось и состояние институциональной системы:

— серия кризисов и попыток государственного переворота, малая гражданская война в Москве в 1993 году, две локальные войны в Чечне и т.п. подорвали легитимность власти;

— правилом в тот период стали противоправные действия и систематическое невыполнение Конституции, законов и указов Президента, включая Указ № 1 Президента Б.Н. Ельцина;

— система преступных группировок не только контролировала большую часть экономики, но и прямо воздействовала на власть.

Катастрофичность непосредственных результатов революции во многом обусловила и другую ее имманентную характеристику — *противоположность* этих результатов первоначально объявленным лозунгам. Применительно к новейшей революции в России это выглядит следующим образом:

— вместо преодоления «застоя» — глубочайший кризис, по размаху которого Россия не только догнала, но и многократно опередила США периода Великой депрессии;

— вместо «вхождения в цивилизацию» — перемещение на уровень между средне- и слаборазвитыми странами, ближе к Египту и Доминиканской Республике и на 25–30% ниже Сирии, Алжира, Туниса, Намибии и Ботсваны;

— вместо избавления от бюрократии — не только ее умножение, но и соединение в ней власти и собственности;

— вместо достойной оплаты квалифицированного труда — вытеснение большей части квалифицированных специалистов из «среднего класса» в «низший класс»;

— вместо подъема жизненного уровня — его падение в среднем в 3–5 раз к концу 1990-х годов;

— вместо «экологии культуры», «культурного катарсиса» — господство пошлости и насилия в средствах массовой информации и т.д. и т.п.

Вопрос о том, насколько отдаленные последствия новейшей российской революции будут соответствовать ее первоначальным лозунгам, открыт и зависит от многих факторов, включая в первую очередь выбор курса современной экономической политики.

РАДИКАЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ. ПРИНЦИП «МАЯТНИКА»

Реализуясь в точке *бифуркации* (она же — граница меры, момент скачка), революция вместе с тем выступает как отрицание, причем не только в общефилософском, но также в социально-психологическом и политическом смысле.

В литературе, представляющей разные направления радикальной революционной мысли, распространено представление, согласно которому чем глубже и решительнее производится разрушение преж-

ней социальной системы, тем быстрее будет происходить и последующее движение вперед, к новому социуму. Однако оно по меньшей мере спорно. Напротив, более радикальные революции, как правило, являются и более масштабными катастрофами, разрушая не только отжившие социальные отношения и институты, но также на некоторое время и основы общецивилизационного развития.

Будучи по социально-политической и идеологической направленности отрицанием прежней общественной системы, революционный процесс в России в полной мере подтвердил наличие известного феномена «маятника» в качестве одной из необходимых характеристик революции как исторической ситуации. При этом колебания революционного «маятника» качественно отличаются от обычных циклов, хорошо изученных социальными науками, как «рваным» ритмом, почти не поддающимся математической формализации, так и особенно — амплитудой (по принципу «из крайности в крайность»).

Суть анализируемой логики исторического развития состоит в том, что чем дальше революция выходит за пределы решения исторически возможных задач, тем больше последующий откат назад, затем — новый цикл, и так до тех пор, пока не установится некое подвижное равновесие и события не войдут в нормальное при данном уровне цивилизации русло. Так, во Франции в конце XVIII века революция сначала шла до отказа влево, вплоть до якобинской диктатуры, затем — вправо: через термидорианский переворот и режим Наполеона к реставрации монархии Бурбонов; и снова влево: через революции 1830-го и 1848 годов до Парижской коммуны и ее подавления. Лишь затем началось более или менее нормальное буржуазное развитие. По аналогичной синусоиде развивалась и советская история: «военный коммунизм» — нэп; сталинский «перелом» — хрущевская «оттепель»; брежневский «застой» — перестройка и постперестроечные потрясения. Стремясь разрушить прежнюю систему, на начальном этапе субъекты революционного действия заходят гораздо дальше реальных возможностей ее отрицания, что проявлялось практически во всех областях общественной жизни начала 1990-х годов. Затем под давлением объективных обстоятельств «маятник» частично возвращается назад. В постсоветской России это происходило, в частности, во второй половине 1990-х, однако лишь временно и в незначительных масштабах.

ВСЕОБЩИЙ КОНФЛИКТ

Понятия «революция» и «конфликт» взаимопересекающиеся по объему. С конфликтологической точки зрения революция — это конфликт:

- 1) открытый — прямое столкновение борющихся сторон;
- 2) по преимуществу внутренний, обусловленный внутренними противоречиями системы и призванный в той или иной форме их разрешить;
- 3) всеобщий и многомерный, т.е. проявляющийся во всех основных сферах жизни общества, вовлекающий в противоборство все основные социальные группы и политические организации, реализующийся как по горизонтали (внутри социально-политических структур), так и по вертикали (между подчиненными и руководящими структурами на всех уровнях организации управления);
- 4) в одной из его наиболее острых форм, отличающийся от функциональных конфликтов и конфликтов внутрисистемного развития крайне низкой эффективностью применения «цивилизованных» (т.е. выработанных современной цивилизацией) средств и методов регулирования, включая механизмы легитимации конфликта, либо их превращением в собственную противоположность.

В условиях любой революции факторы, вызывающие обострение конфликтов, явно доминируют над факторами их сглаживания (погашения). Применительно к новейшей революции в России среди первых заслуживают особого внимания:

- спад производства и потребления товаров, острые проявления дефицита в натуральной либо денежной форме;
- рост напряженности в межнациональных отношениях вплоть до разрушения прежней государственности, этнократическая политика в бывших республиках СССР (а отчасти — и в бывших автономиях РСФСР), проявляющаяся, в частности, в виде «великодержавного сепаратизма» (т.е. стремления отделиться от более крупного государственного образования, одновременно пресекая подобные тенденции со стороны этнических меньшинств на собственной территории);
- борьба за власть и собственность между различными эшелонами управленческого аппарата, общесоюзной и республиканскими, а затем общероссийской и региональными элитами;

— скачкообразный рост социального неравенства, дифференциация по доходам, значительно превысившая уровень не только Западной Европы и Японии, но и США;

— количественный и качественный рост социальных различий между общественными группами, выделяемыми по большинству других оснований социальной стратификации;

— глубокий субкультурный, в т.ч. ценностный, разрыв между разновозрастными когортами, «конфликт поколений», усиленный среди прочего ускорением исторического времени, более быстрой адаптацией молодежи к новым условиям и более глубокой аномией в молодежной среде;

— борьба между «олигархами» (т.е. крупнейшими финансовыми и финансово-промышленными группами) за перераспределение собственности и влияния на власть во второй половине 1990-х годов и в начале XXI века;

— рост зарегистрированной и скрытой безработицы;

— усиление отчуждения народа от власти после провала попыток создания аналога «демократии участия» в конце 1980-х годах;

— идеологический раскол общества по линиям «правые–левые», «либералы–государственники», «западники»–«патриоты» и т.п.

Анализ динамики конфликтов в России конца 1980-х — 1990-х годов и наиболее острых форм их проявления показывает, что после победы антикоммунистической революции в августе 1991 года самым существенным (отражающим сущность процесса) конфликтом, интегральным, ведущим противоречием стала борьба не между социалистическими и рыночными (буржуазными) тенденциями, но между сторонниками различных моделей рынка (промышленно-рациональной и торгово-криминальной).

АНОМИЯ

Интерпретация революции как аномии позволяет выделить следующие основные характеристики данного феномена в революционных условиях и особенности их проявления в России 1990-х годов.

Во-первых, качественный рост несанкционированной, деструктивной аномии и разного рода девиаций, что детерминируется прежде всего глубиной революционной катастрофы.

Во-вторых, как следствие отрицания и других атрибутов революции — появление предписанной аномии, когда сама аномия (т.е. безнормность) становится нормой, углубление дисфункций в прежней системе выступает как одна из функций революции, отказ от системы прежних норм и ценностей сам становится системой, а не исключением, как это обычно имеет место. Такой отказ рассматривается как обязательный для представителей революционных групп и их лидеров.

В-третьих, если принять в качестве рабочей гипотезы концепцию Р.К. Мертон, согласно которой основными формами аномии выступают конформность, ритуализм, ретритизм, инновация и мятеж, становится очевидным, что в революционных условиях происходит рост и модификация всех этих форм проявления, однако особую роль играют две последние. Большинство революций нового и новейшего времени прокламировали намерение сохранить общецивилизационные (общечеловеческие) компоненты нормативно-ценностной системы, решительно заменив при этом компоненты формационные (идеологические) и обеспечив тем самым подъем общества на новый уровень цивилизации. Следовательно, в отличие от обычной инновационной аномии количество новых элементов нормативно-ценностной системы в данном случае переходит в ее собственное новое качество.

В-четвертых, поскольку каждая революция отрицает специфические нормы и ценности прежней системы, поскольку она разрушает эту систему с помощью насилия в той или иной форме, т.е. методами, по обычным, неревolutionным меркам противозаконными, каждая революция в этом смысле выступает как криминальная.

В-пятых, естественным продолжением, дополнением, а отчасти и следствием нового качества аномии становятся революционные социопатии. Если в обычных условиях с социологической точки зрения аномия — это нормальная реакция нормальных людей на ненормальные обстоятельства (Р.К. Мертон), то в революционных условиях речь в известном смысле идет уже и о «ненормальных» людях с «ненормальной» реакцией, иначе говоря о превращении аномии в социальную психопатологию.

Если по первым двум из названных характеристик отличия новейшей российской революции от своих предшественниц несуще-

ственны, то по трем другим — весьма значительны. Так, ее идеологи не предложили никакой новой системы ценностей в отличие от французских и американских революционеров конца XVIII века, выдвинувших в качестве таковых идеи индивидуальной свободы и прав человека, равно как и от российских революционеров 1917 года, предложивших в качестве основы новой нормативно-ценностной системы идею социального равенства. В отличие от тех же революций, где социопатии возникали, как правило, на почве левого радикализма, новейшая революция в России породила социопатии противоположного толка, возникающие на основе радикального правого либерализма.

Наконец, подобно предшественницам, дополняя, так сказать, «исторический криминал» обыденным, новейшая отечественная революция стремилась возвести этот обыденный криминал в ранг исторического, в т.ч. посредством частичной криминализации не только оперативного, но и официального кода морали. В начале 1990-х годов как средства массовой информации, так и официальные лица поразительным образом сочетали призывы к соблюдению христианских заповедей даже не с их нарушением на практике (что характерно и для высокоразвитых индустриальных стран), но с пропагандой прямо противоположных ценностей, утверждая, будто в криминальном характере новейшего российского капитала нет ничего плохого, поскольку все страны прошли тем же путем и при этом потомки вчерашних пиратов и «разбойников с большой дороги» быстро цивилизовались, превратившись в двигатель прогресса.

При этом главной формой предписанной аномии, а вместе с тем и главным фактором криминализации общества стала избранная ваучерная модель приватизации. Благодаря ей, с одной стороны, не приходилось выдвигать лозунг «грабь награбленное», ибо разделяемая собственность была в подавляющей своей части не отобрана у бывших владельцев, а создана трудом миллионов всеми презираемых и проклинаемых «гомо советикус». С другой стороны, уже накопившееся в условиях «развитого социализма» отчуждение работника от собственности, а так же и иллюзии ее равного раздела на всех, до минимума свели сопротивление работников предприятий, которые в других условиях, несомненно, претендовали бы на совладение ими. Уникальность ситуации заключалась, следовательно, в том, что рас-

хищение государственной собственности было временно возведено в ранг государственной политики.

«ПРАЗДНИК»

Интерпретируя революцию как праздник (не только для угнетенных, но и для будущих угнетателей) и обращаясь к исследованию этого феномена в культурологической литературе и, в частности, к работам М.М. Бахтина, легко убедиться, что все основные атрибуты праздника с теми или иными модификациями присущи и революции как исторической ситуации. К числу таких атрибутов могут быть отнесены следующие.

1. Карнавализация, включая использование революционерами нового и новейшего времени исторических «костюмов» героев иных эпох: во Франции в конце XVIII века и в России в 1825 году — древнеримских; во Франции в 1848–1850 годах и в меньшей степени в России в 1917–1920 годах — периода Великой французской революции XVIII века и т.п. В период новейшей российской революции карнавализация проявлялась слабее, чем раньше, однако отечественные политики (либо сами, либо при помощи идеологов и журналистов) регулярно примеряли на себя «костюмы» Столыпина, Пиночета, Наполеона.

2. Ощущение почти неограниченной свободы, всплеск народной площадной стихии в противовес жестким рамкам ролевого поведения в обычной (непраздничной) жизни. Свобода — не только универсальный революционный лозунг с самым высоким мобилизационным потенциалом (не случайно он выдвигался как в наборе с равенством, братством и отменой частной собственности, так и в прямо противоположном наборе — с частной собственностью, неравенством (ликвидацией уравнительности) и индивидуализмом). Ситуативное расширение негативной свободы (свободы от) действительно имеет место в революции, хотя происходит волнообразно и не обязательно сопровождается увеличением пространства свободы позитивной.

Негативная свобода достигает пика в первый период революции — в период революционной демократии (или анархии), сводится до минимума в ее второй период — период революционной или постреволюционной диктатуры, а затем вновь постепенно расширяется. В этом, среди прочего, проявляется и феномен «маятника». Напротив, позитивная свобода для широких слоев народа обычно при-

ближается к нижней критической границе как раз в период революционной катастрофы, которая, в свою очередь, может достигать наибольшего размаха как при революционной демократии, так и при революционной или постреволюционной диктатуре. Обычно наибольшая глубина падения приходится на конец первого из этих периодов и начало периода второго, тогда как экономический подъем, как правило, приводит не только к расширению позитивной свободы, но и к краху постреволюционной диктатуры, раздвигающему вместе с тем и границы свободы негативной.

По сравнению со своими предшественницами (например, революцией 1917 года) новейшая российская революция гораздо меньше ограничивала негативную свободу граждан, используя в качестве главного средства управления не столько прямое насилие, сколько информационное манипулирование. Однако с точки зрения позитивной свободы ее результаты для большинства населения при сопоставлении за конкретный исторический период относительно мирного постреволюционного развития значительно проигрывают. Помимо этого, в отличие от предшественниц революции конца 80–90-х годов XX века, в т.ч. и российская, резко расширили границы позитивной свободы для богатых и значительно — для обеспеченных, столь же существенно ограничив ее для малообеспеченных и бедных. Характеристика У. Пальме неоконсервативной волны на Западе в качестве «бунта богатых» в несомненно большей степени относится к новейшим революциям в Восточной Европе и России.

3. «Обратная иерархия» (М.М. Бахтин), т.е. замена привычной системы социальных статусов, ролей, норм и ценностей принципиально иной, вплоть до противоположной, что уже рассматривалось при характеристике революции как аномии.

4. Приобщение народа к историческому действию, преодоление обыденности, ощущение себя маленьким человеком в качестве субъекта истории, «сродни всему большому» (М.М. Бахтин). Хотя это ощущение сравнительно мало зависит от содержания революции, действительная роль «маленького человека» в исторических ситуациях данного типа весьма противоречива. Активной части народа принадлежит главная роль в разрушении дореволюционной системы, и в этом смысле «маленькие люди», принявшие участие в таком разрушении, безусловно, становятся субъектами исторического дей-

ствия. Не случайно впоследствии именно этот момент чаще всего фиксируется в исторической памяти народа как праздник.

Несравненно меньше роль человека из народа в создании системы постреволюционной. Во-первых, результаты революции сплошь и рядом бывают неожиданны даже для революционных вождей, более того, противоположны первоначальным лозунгам. В таких условиях чувство субъектности, возникшее у «маленького человека» в период разрушения прежней системы, нередко превращается в иллюзию либо через некоторое время может смениться разочарованием и ощущением своей полной подвластности враждебной среде.

Во-вторых, хотя ведущая роль в создании постреволюционной системы всегда принадлежит экономической и политической элите и выполняющей ее волю бюрократии, степень реального участия «простых» граждан в этом процессе, их реальная историческая субъектность во многом зависят от того, интересы каких общественных групп представляет новая элита и в каких группах она видит свою социальную и политическую опору. Критикуя старую бюрократию и рекламируя бизнесменов как носителей будущего процветания, в 1990-х годов российская революционная власть быстро превратила чиновничество и «олигархов» в главную опору, породив глубокую апатию и разочарование в широких слоях народа.

5. Необъяснимый с рациональной точки зрения революционный оптимизм, крутой эмоциональный подъем, когда даже катастрофа воспринимается как веселая и обновляющая мир (М.М. Бахтин). Такой оптимизм, с одной стороны, во многом помогает людям перенести катастрофические последствия революций и нередко сопровождающих их гражданских войн, а с другой — в психологическом плане нередко оказывается сродни опьянению, заставляет не только массы, но и лидеров многократно преувеличивать реальные возможности и совершать стратегические ошибки. Без учета этого фактора невозможно объяснить, почему широкие слои народа почти безоговорочно верят в скорое наступление лучшей жизни, которое обещают им революционеры разных эпох и народов (включая программы типа «500 дней»), а также массовую поддержку, которую получают революционные лидеры, несмотря на первоначально катастрофические результаты их деятельности (включая голосования за лидеров одного и того же направления в России 1991, 1996 и 2000 годов).

М. Джилас обосновал вывод о длительности революционно-оптимистических настроений в качестве одной из особенностей коммунистических революций. Помимо привлекательности идеи социальной справедливости и массовой пропаганды, эта длительность подкреплялась реальным движением общества вперед, повышением уровня цивилизации, несмотря на колоссальные жертвы и разрушения. От противного концепция Джиласа подтверждается непродолжительностью революционно-оптимистических настроений в России конца 1980–1990-х годов, вызванной рядом причин. Среди них:

- глубина и длительность всеобщего кризиса;
- явное преобладание антимодернизационных, противомодернизационных тенденций над тенденциями модернизаторскими, процивилизационными;
- относительная меньшая жесткость внедрения новой идеологии в массовое сознание (при очень высокой плотности информационных потоков плюрализм отчасти сохранялся, а насилие имело гораздо меньший размах и несравненно более мягкие формы);
- отсутствие привлекательной идеологии, масштабного и продуктивного исторического мифа.

СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ

Революция является одним из типов исторических ситуаций, которые особенно активно порождают *мифологизацию массового сознания и распространение социально-политических утопий*, причем данная характеристика революции напрямую связана с другими ее параметрами. Так, всеобщее некритическое отрицание прошлого наряду с глубокой и почти универсальной аномией стремительно разрушает прежние мифологемы и тем самым расчищает место для новых. Человек, оказавшийся в условиях революционной катастрофы, как правило, стремительно переходит от отчаяния к надежде и обратно, причем надеяться нередко приходится лишь на фантастические варианты спасения, что создает благодатную почву для новых мифов. Ощущение социальной бифуркации рождает массовую тягу к конструированию будущего, к созданию огромного количества проектов желаемого общественного устройства, в большинстве своем утопических. В свою очередь, присущие революции как празднику чувства свободы, оптимизма и социального творчест-

ва способны создавать иллюзорные представления о методах и сроках реализации этих идеальных проектов.

Можно выделить следующие основные параметры революционно-мифологического сознания на примере новейшей революции в России.

1. Стремительное разрушение прежней мифологии (псевдокоммунистической) и столь же стремительная замена ее новой, противоположной по содержанию (псевдолиберальной).

2. Обилие политических мифов, среди которых ключевую роль в новейшей отечественной революции сыграл миф о независимости России.

3. Крайнее упрощение системы политических мифов и их поляризация, пропорциональная поляризации интересов общественных групп и обострению политической борьбы. При этом господствующему мифу революционеров о «светлом будущем», как это было и в России, противостоит обычно миф радикальных консерваторов о не менее «светлом прошлом».

4. Значительная доля утопий и антиутопий в составе политических мифов. При этом под утопией мы понимаем такой вид политического мифа, который отличается, по крайней мере:

— объектом отражения (утопия — отражение не существующей, но желаемой реальности, тогда как миф может отражать в фантастической форме и вполне реальные объекты);

— полнотой конструкции (социальные и политические утопии охватывают обычно целую систему представлений, выраженную в логически или художественно законченной форме, тогда как миф вместе с тем может быть отражением определенной стороны, элемента этой системы);

— прямым побуждением (по крайней мере в революционные и иные переломные моменты истории) масс людей к политическому действию.

Другими словами, всякая социальная и (или) политическая утопия, пока она не реализована, есть миф, но отнюдь не всякий политический миф может быть назван утопией.

Роль утопии как предшественницы проекта (М.Г. Алексеев) в революциях весьма противоречива. Не только массы, но и политические элиты, действуя исключительно на основе рациональных мо-

тивов, скорее всего не смогли бы совершить, а возможно, и не решились бы начать революционное действие, будь они наперед способны с точностью рассчитать глубину катастрофы, размах насилия и непосредственные результаты собственного исторического деяния, как правило, противоположные первоначальным лозунгам.

Утопичность революционного сознания выражается в представлениях не только об идеальном будущем, но и об идеальном коротких сроках его пришествия. При этом утопическое сознание выступает не только как отражение реального ускорения исторического времени, когда дни революции с точки зрения развития общества действительно оказываются важнее годов спокойного функционирования (В.И. Ленин), но и как фактор такого ускорения, поскольку великие и в большинстве своем утопические цели рождают у субъектов исторического действия ощущение праздника и энергию, неведомую в обычное время.

Следовательно, в революционную эпоху полное освобождение массового сознания от социально-политических мифов вообще и утопий в особенности не только не всегда возможно, но и не всегда необходимо, а иногда вредно, особенно если это утопии продуктивные, а не контрпродуктивные, относительные (нереализуемые при данных условиях), а не абсолютные (нереализуемые в принципе). Новейшая российская революция среди прочего проигрывает великим предшественницам и потому, что не выдвинула относительной продуктивной утопии, способной мобилизовать широкие слои народа.

СМЕНА ЭЛИТ. БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Анализ революционного характера российского социально-политического процесса 1990-х годов с точки зрения сформулированного классиками политологии закона *смены политических элит* приводит к выводу о том, что и в данном случае этот закон проявлялся, хотя и в своеобразной форме. В отсутствие оформленной контрэлиты названная выше смена выразилась в том, что первый эшелон политических лидеров был оттеснен вторым, союзная политическая элита — элитами республиканскими и т.п.

Образная характеристика этого феномена достаточно удачно выражается формулами: «революция замов и экспертов», «преображенская революция» (подразумеваемая мгновенное преобразование

радикальных коммунистов в столь же радикальных антикоммунистов) и т.п. Более строгими являются термины «бюрократическая революция» или «революция управляющих». На возможность таких революций указывали, с одной стороны, сторонники классического марксизма, увязывая их с перерождением постреволюционных режимов в условиях свертывания демократии и характеризуя термином «контрреволюция», а с другой — создатели технократической идеологии, полагая их прогрессивными и рассматривая как естественное следствие революций технологических.

Доказательства бюрократической природы новейшей российской революции содержатся в ответе на древний вопрос: кому выгодно? Главные из них состоят в следующем:

- численный рост управленческого аппарата (в центре — примерно в 3 раза, в регионах — в 1,5–2 раза);

- улучшение положения управленцев по отношению к общественным группам, получающим доходы от исполнительской деятельности, а во многих случаях — и по отношению к прежнему уровню их собственных доходов с учетом инфляции при одновременном росте затрат на обслуживание управленческого аппарата и так называемых привилегий;

- предельное ослабление контроля над управленческим аппаратом как «сверху», так и «снизу» вследствие, с одной стороны, ослабления партийно-идеологического контроля, а с другой — свертывания демократии и нарастания авторитаризма;

- присвоение в процессе приватизации непропорционально большой доли бывшей государственной собственности, что по значимости на порядок превосходит все остальные доказательства вместе взятые.

Гипотеза, согласно которой управленческий аппарат (бюрократия) выступал в качестве одной из главных движущих сил новейших революций, не только объясняет «бархатные», «договорные» формы их реализации, но и является ключом к пониманию процесса разрушения СССР: именно стремление второго эшелона государственной бюрократии избавиться от власти эшелона первого, стремление республиканских политических элит «освободиться» от элиты союзной, а не «заговор русофобских сил», стало главным непосредственным фактором разрушения прежней государственности.

Даже в ситуациях подлинно великих и прогрессивных социальных революций на практике до сих пор фактически нигде не удалось разрешить противоречие между демократической природой революции и авторитарной формой власти, вытекающей из революции политической. Коренная ломка («радикальная трансформация») одной общественной системы и замена её другой, как правило, невозможна без сильной власти. Такой власти требуют: множественные катастрофы и мобилизационная экономика, с помощью которой их обычно приходится преодолевать; необходимость регулирования и подавления социальных конфликтов, угрожающих полным уничтожением общественной системы; деструкция (разрушение) социальных институтов, связанная с нею аномия и политическая анархия и т.п. Однако, с другой стороны, как показывает исторический опыт, «диктатура пролетариата» очень легко превращается в диктатуру бюрократии, а харизматические лидеры — в вождей авторитарных или тоталитарных режимов.

Теоретические ключи к решению данной проблемы хорошо известны. Главный из них — развитие «демократии участия» (партиципаторной демократии), «базисной демократии», «самоуправления трудящихся» и т.п. Однако с помощью этих ключей «дверь» в подлинно гуманное и демократическое общество до сих пор открыть не удалось.

Таким образом, происходящая в ходе революционных трансформаций смена политических режимов вполне укладывается в схему, хорошо известную еще античным мыслителям: авторитаризм — попытка создания «демократии без берегов» (охлократии) — новое нарастание авторитарных тенденций. Эта логика вполне соответствует и описанному выше феномену «маятника».

В новое и новейшее время среднестатистически, в крупном историческом масштабе, демократические политические системы оказываются жизнеспособнее антидемократических. Эту ситуацию отражает известная формула У. Черчилля, согласно которой демократия — это плохая форма управления, но ничего лучшего человечество еще не выдумало. Однако в каждом отдельном случае обществу приходится искать оптимальную меру демократии, тот ее уровень, который оно может себе позволить. Поэтому в новое и новейшее время в целом преобладает демократическая тенденция. Но развитие обще-

ства и в этом отношении происходит циклично, волнообразно. Так, согласно одному из американских исследований, мир пережил — перефразируя терминологию Н.Д. Кондратьева — три длинные волны демократических колебаний.

Первая началась в середине XIX века и продолжалась до Первой мировой войны. В результате введения выборности и расширения избирательных прав к этому времени на Земле насчитывалось около 30 государств с демократическим режимом. В период между двумя мировыми войнами волна «отхлынула», что выразилось главным образом в формировании тоталитарных режимов (Муссолини, Гитлера, Сталина и др.). К 1942 году на планете осталось около 15 государств с демократическими режимами.

Вторая волна началась после разгрома гитлеровской Германии и самурайской Японии и продолжалась до середины 1970-х годов. Ее откат приходится, условно говоря, на десятилетие 1975–1985 годов.

С середины 1980-х годов начинается новый «прилив» демократии, и сейчас, по оценкам американской организации «Фридом Хаус», при демократических режимах живут не менее 70% землян — абсолютный мировой рекорд всех времен и народов. Разумеется, можно спорить о критериях деления государств на демократические и недемократические, выбранных «Фридом Хаус», еще больше — о ее праве вынесения «приговора» по этому вопросу. Однако сама тенденция последнего десятилетия отражена, по-видимому, верно.

Вместе с тем политологи в большинстве своем отмечают, что демократия — явление хрупкое, и не существует абсолютных гарантий ее сохранения даже в развитых странах Запада, не говоря уже о странах с переходной экономикой или «третьем мире». Согласно логике циклического развития на смену демократическому «приливу» должен прийти «отлив». Есть основания полагать, что в настоящее время он уже начался.

Таковы в самом общем виде основные параметры и закономерности революции как исторической ситуации. Их система, выстроенная с помощью метода политико-ситуационного анализа, позволяет не только осмыслить сложнейший период постсоветской истории, но и прогнозировать обозримое будущее. Особое значение для этих целей имеет еще одна ситуационная характеристика революции, о которой речь пойдет ниже.

2. Революция как бифуркация.

Основные сценарии развития постсоветской России

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИФУРКАЦИЯ И СВОБОДА

Система характеристик революции как исторической ситуации не может быть полной без понимания того, что любая социально-политическая революция является бифуркацией (от лат. *bifurcus* — раздвоение). Иногда этот термин употребляется как синоним термина «катастрофа», однако в соответствии с этимологией более точным является применение его для обозначения точки кризиса системы, после которой возможно ее развитие в различных направлениях, вплоть до полного уничтожения. Очевидно, что любой революционный кризис такому пониманию бифуркации вполне отвечает, и тем более, чем он глубже. После каждой революции возникает новый этап, новая линия в развитии общественной системы, и это не случайно. В условиях «спокойного» функционирования данного социума, циклического воспроизводства его отношений и институтов социальные инновации, разумеется, возникают, но они всегда достаточно жестко ограничены наличными условиями. Возможность инноваций, выходящих за рамки системы, является здесь скорее абстрактной, что и служит основой и известным оправданием для функционализма как социологической парадигмы.

Совершенно иначе выглядит ситуация революционного кризиса: все или большинство социальных институтов разрушены или расшатаны; вера в прежние ценности ослабевает, как и контроль за соблюдением социальных норм; более того, людьми овладевает желание отринуть прежнюю систему любой ценой, а новизна — независимо от того, ведет она к лучшему или к худшему — превращается в самоценность и обретает неодолимую притягательную силу. В этих условиях общественные группы, выступающие как субъект истории, при поддержке широких масс действительно способны направить развитие событий в то или иное русло (хотя отнюдь не всегда — в желаемое), а возможность появления принципиально новой социетальной системы из абстрактной превращается в реальную.

Решение старого теоретического спора о том, расширяется или ограничивается свобода выбора в революционных условиях, выглядит парадоксально: качественное расширение альтернативности

развития при количественном ограничении свободы выбора управленческих решений. Анализ отечественной реальности 1990-х годов это подтверждает.

Возрастание альтернативности в революционных условиях детерминируется:

- расшатыванием или разрушением социальных институтов прежней системы, устанавливавших границы деятельности и поведения людей;

- возможностью появления принципиально новой системы. Иначе говоря, растет не количество альтернатив, а их качество. В обычных условиях альтернативы существуют в рамках данной системы, в условиях революции — альтернативы между различными типами систем.

В свою очередь, ограничение свободы выбора политико-управленческих решений в условиях революции является результатом:

- массового, а иногда и всеобщего отторжения старого, резко снижающего вероятность возврата к прошлому (даже после поражения революции, что бывало нередко, прежняя система практически никогда не восстанавливалась в дореволюционной форме);

- уменьшения количества более или менее эффективных управленческих мер в условиях чрезвычайной ситуации;

- резкого снижения вероятности выбора промежуточных путей («золотой середины») по мере радикализации политических сил, возрастания вероятности реализации радикальных (левого или правого) политических курсов.

Представление о революции как бифуркации приводит некоторых авторов к выводам о принципиальной непредсказуемости ее результатов¹. Однако в действительности бифуркационный характер этой исторической ситуации означает лишь, что последующий исторический процесс вариативен и может быть описан в виде нескольких различных сценариев. При этом описание таких сценариев, определение наиболее вероятного среди них и прогноз ожидаемых результатов его реализации оказываются вполне возможными.

¹ См., например: Моисеев Н. Тектология Богданова — современные перспективы // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 12.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ:
ПРОГНОЗЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Сочетание традиционных для социогуманитарных наук парадигм с методом политико-ситуационного анализа, исследование факторов формирования политического курса 1990-х годов позволило проверить гипотезу о революционном характере российского социально-политического процесса, разработать в конце 1980-х годов возможные сценарии развития России, а главное — определить наиболее вероятный сценарий и ожидаемые результаты его реализации¹. С учетом совершившейся (но не завершившейся к тому времени) революции в 1994 году нами был разработан и в 1995 году опубликован уточненный вариант прогноза, учитывающий уже не только цивилизационно-формационные ориентиры политического курса, но и методы их реализации, характер социально-политического режима. Этот уточненный прогноз включал уже четыре сценария. Позволю себе длинную цитату с их описанием.

«Сценарий первый: возврат к леворадикальному курсу, попытка восстановления уравнилельно-бюрократического социализма (этатистского социализма, административно-командной системы и т.п.). В плане исторических аналогий это можно рассматривать как уже третий в нашей истории (после “военного коммунизма” и сталинизма) вариант якобинской диктатуры. В идеологическом плане именно этот сценарий использовался как главное орудие устрашения населения и доказательство того, что нынешнему курсу альтернативы нет. В практическом плане вероятность реализации такого сценария близка к нулю. К ранее сформулированным аргументам, которые подтверждают это категорическое утверждение, необходимо прибавить следующее.

Во-первых, в России нет значимых политических течений, выступающих за леворадикальный курс, а небольшие группировки, разделяющие идеологию ортодоксального коммунизма, имеют репутацию, намного превосходящую реальные возможности. Что же до единственной массовой левой партии — Компартии Российской Фе-

¹ См.: Смолин О. Куда ж нам плыть? Размышления у придорожного камня истории // Вечерний Омск. 1990. 3 марта. С. 5.

дерации, то она сделала заметные шаги от коммунистической идеологии к социал-демократической и от жесткой классовой позиции к выдвигению на первый план общегосударственных интересов.

Во-вторых, вследствие того, что новейшая российская революция была осуществлена прежде всего в интересах менеджеров (“старой бюрократии”), в России сегодня нет сколько-нибудь заметной экономической либо политической субэлиты, которая бы выступала буквально за возврат к прежней системе. На фоне политического шума о противостоянии “реформаторов” и “антиреформаторов” на деле российскую политику формируют по преимуществу конфликты между представителями национального и компрадорского капитала, а также выходцами из прежних структур и нуворишами (в публицистике они обозначаются обычно терминами “бюрократы” и “теневики”). Власть любого политического течения, ориентированного на интересы одной из названных общественных групп, означает, конечно, отнюдь не возврат к доперестроечным временам, но лишь модификации постперестроечного курса.

Сценарий второй: ультраправый политический курс, установление режима фашистского типа. Прямой аналогии такому сценарию в истории революций найти не удастся, хотя совершенно очевидно, что его реализация означала бы перемещение “маятника” в позицию более правую, нежели та, в которой он находился в начале эпохи российских революций XX века. В идеологическом плане данный сценарий играет роль, аналогичную предыдущему. При этом вероятность его реализации выше, нежели первого, и тем не менее она представляется незначительной.

В настоящее время в специальной литературе и публицистике весьма часто встречаются аналогии между современной Россией и Германией 1930-х годов. И действительно, для таких аналогий есть основания: в обоих случаях радикальные настроения порождаются глубочайшим экономическим кризисом и ущемленными национальными чувствами. Более того, в России, помимо новейшей “великой депрессии” и разрушения прежней государственности, есть еще один мощнейший фактор социальной напряженности — смена типа социетальной системы (общественной формации). Тем не менее существует, как минимум, два фактора, резко снижающих шансы на реализацию правозэкстремистского сценария.

Первый из них — многонациональный состав населения и веками выработанные традиции совместной жизни разных народов. Распространенное в политической науке мнение о том, что в многонациональной стране возможны проявления национализма в отношении определенных этнических групп (в российском случае — евреев, “кавказцев”), но невозможен фашизм как расовая теория и основанная на ней политика, — это мнение заслуживает серьезного внимания. Стоит заметить, что, например, требование пропорционального представительства этносов в органах власти и в средствах массовой информации выдвигается в России лишь группировками, находящимися на политической периферии, и отсутствует в программах сколько-нибудь заметных политических организаций.

Второй фактор — крайне негативное отношение к фашизму, закрепленное в историко-культурной памяти народа, что подтверждается многочисленными социологическими опросами. С точки зрения политической науки распространенные в современной публицистике представления о том, что Россия “сошла с ума”, поскольку около четверти политически активного населения проголосовало (в декабре 1993 года) за “фашизм”, не выдерживают никакой критики. Достаточно напомнить, что по целому ряду ключевых позиций (лояльность президенту, отношение к новому проекту Конституции) позиции ЛДПР и ее лидера совершенно совпадали с позицией лидеров “Выбора России”.

Вообще если правый экстремизм в России имеет какие-то шансы, то обязан он этим правящей политической элите от “Демократической России”, точно так же, как сама эта элита обязана своим приходом к власти правящей номенклатуре от КПСС. Речь здесь идет не только об объективных результатах того или иного правления, но и о том, что на рубеже и в начале 1990-х годов либеральные средства массовой информации сделали очень много для разрушения антифашистских стереотипов в массовом сознании, всячески принижая роль победы Советского Союза в войне с Германией.

Сценарий третий: осуществление курса реформ по одной из левоцентристских моделей (китайской, нэповской, самоуправленческой и т.п.). С точки зрения исторических аналогий, как ни парадоксально, этот сценарий может быть назван «термидором». Термидор, как известно, не уничтожил основных результатов революции, но

вводил ее ход в исторически возможное при данных обстоятельствах русло, хотя и не предотвратил движения вправо. В идеологическом плане различные модификации этого сценария предлагаются в настоящее время оппозицией как основа исторического компромисса для создания широкого общенационального блока, правительства национального доверия и т.п.

Тем не менее вероятность его реализации немногим выше, чем предыдущего. В пользу этого утверждения свидетельствует как все сказанное выше о современной исторической ситуации, маятникообразном движении вправо новейшей российской революции и ее бюрократическом характере, так и явно обнаружившийся процесс размывания центра, понижающий шансы околоцентристских политических течений и предлагаемых ими моделей развития.

Кроме того, левоцентристский политический курс, как показывает исторический опыт, возможен либо при авторитарном режиме левого толка (например, когда у власти находятся компартии, ориентированные на реформы), либо при условии формирования широкого блока партий, представляющих интересы работников и национально ориентированного капитала, при преобладании в этом блоке течений левого толка. То и другое в современных российских условиях представляется проблематичным.

Сценарий четвертый: продолжение нынешнего курса с дальнейшим смещением его вправо, правоконсервативный политический режим с выраженным национально-государственным окрасом. С точки зрения исторических аналогий этот сценарий — своеобразная попытка реставрации дооктябрьской России, “которую мы потеряли”, хотя, разумеется, буквальная реставрация дореволюционной общественной системы была бы утопичной и реакционной одновременно. В идеологическом плане лозунг национального возрождения используется едва ли не всеми политическими силами, однако наиболее успешно — революционерами новейшей формации в целях более глубокой деструкции послеоктябрьских институтов»¹.

¹ Смолин О.Н. Современная Россия: политические альтернативы на завтра // Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Экономическая демократия, 1995. С. 215–220.

Изменения в прогнозе 1994–1995 годов по сравнению с предыдущим связаны, во-первых, с появлением еще одного, правозэкстремистского политического сценария, реализация которого приводила бы к установлению в России политического режима фашистского типа.

Во-вторых, было отмечено, что утвердившийся в начале 1990-х годов в России радикально-либеральный экономический курс будет все более сочетаться с правоконсервативным политическим режимом и что вполне вероятно дальнейшее смещение политического курса вправо чревато переходом от авторитарно-демократического режима к законченному авторитаризму.

В-третьих, в уточненном прогнозе середины 1990-х годов указывалось, что политический режим периодически станет приобретать национально-государственнический окрас. Объективной основой для проявления этой тенденции являлись необходимость защиты национального производства и развитие национального капитала, попытки играть роль одной из великих держав, ущемление в правах русскоязычного населения в ближнем зарубежье.

В-четвертых, несмотря на увеличение числа политических сценариев с трех до четырех, шансы на реализацию всех сценариев, кроме основного, к середине 1990-х годов резко уменьшились.

Вся совокупность описанных характеристик революции как исторической ситуации превращала этот сценарий в наиболее вероятный. Так, стремление к глобальному отрицанию дореволюционной системы вызывало в политических элитах и массовом сознании желание отторгнуть даже те ее черты, которые уже вошли в набор общецивилизационных ценностей или механизмов управления (система социальной защиты, регулирование рынка и т.п.). В свою очередь множественные катастрофы вопреки прекраснодушным намерениям не позволяли приблизиться в цивилизационном отношении к индустриально развитым странам, но, напротив, увеличили отставание от них.

В соответствии с ситуационными закономерностями революции новый общественный идеал («рыночная экономика») был первоначально представлен в мифологизированной форме — массовое потребление без упорного труда, социального неравенства, социальных конфликтов, а квазидемократическая эйфория быстро сменилась насаждением авторитаризма «сверху» при поддержке «снизу». Влияние других параметров революции как исторической ситуации на

формирование право-консервативного экономического курса и популяризаторского политического режима прослеживается столь же определенно, равно как и тот факт, что вероятность реализации иных сценариев (кроме неонацистского) эти параметры понижают.

Аналогичные по главным выводам, хотя и различающиеся деталями, прогнозы были выполнены независимо друг от друга рядом специалистов, в т.ч. зарубежных. В качестве примера приведем выдержку из доклада группы английских парламентариев и экспертов под характерным названием «Почему “невидимая рука” российского Правительства указывает не в ту сторону». Цитирую:

«Нынешняя политика, проводимая российским Правительством, не может быть успешной — она противоположна той, что необходима для успеха. С теоретической и технической точки зрения попытка внедрить полную либерализацию цен в монополизированной экономике неизбежно приведет к инфляции и краху внутреннего рынка, а не к экономическому росту. Такая политика является губительной, так как благодаря реформам экономики доминирующим рынком для России должен быть внутренний национальный рынок. Разрушение потребления ведет к волнениям населения и к опустошительному сельскохозяйственному кризису. Высокая норма процента приведет к удушению мелких производителей. Авторитарные политические решения с необходимостью будут сопровождать этот процесс. Низкая зарплата и авторитарные политические решения в России и бывшем СССР несут угрозу дестабилизации западноевропейцам.

Необходима политика, противоположная политике нынешнего Правительства. В качестве двигателя экономического развития должен рассматриваться внутренний рынок и в особенности массовое потребление. Чтобы достичь этого, необходимо поддерживать реальную заработную плату. Защита должна быть обеспечена и сельскохозяйственным производителям. Необходимо проводить политику низкой нормы процента для поддержания потребления и помощи мелким производителям. Низкая норма процента требует сохранения валютного контроля и постепенного, а не мгновенного, движения к конвертируемости рубля. Экономическая основа для консолидации демократии в России лежит в обеспечении внутреннего рынка.

Демократическая Россия со стабильной национальной экономикой, а не экспортной ориентацией за счет низкой зарплаты, может

быть мощным, но не угрожающим партнером для демократии Западной Европы»¹.

Таким образом, отечественный опыт позволяет сделать три вывода. Во-первых, социально-политические процессы в России в течение 1990-х годов развивались по наиболее вероятному варианту (сценарию). Во-вторых, ход и исход (непосредственные результаты) новейшей российской революции при этом сценарии в главном оказались вполне предсказуемыми.

В-третьих, тем самым получила подтверждение продуктивность как разработанного автором метода политико-ситуационного анализа вообще, так и исследование закономерностей революции как исторической ситуации — в особенности.

Убедившись в возможности и достоверности разработки краткосрочных прогнозов на основе используемого метода политико-ситуационного анализа, обратимся к перспективам долгосрочным, причем начнем с глобального контекста российских трансформаций.

3. Демократический социализм XXI века: перспективы и препятствия

Сформулированная в названии раздела тема имеет, как минимум, две стороны: анализ прошлого и настоящего (что стало с миром в последние 50 лет) и прогноз будущего (что в результате этого нас ожидает), причем вторая сторона представляет собой большие теоретические трудности, чем первая. Трудности эти, помимо общих особенностей социального прогнозирования, связанных с его объектом, осложняются двумя обстоятельствами.

Во-первых, современное человечество явно переживает переход к новому типу общественной системы, причём как в цивилизационном, так и в формационном плане. Все пророки соглашаются, что мы живем в век перемен, но между пророками мало единства насчет того, что нас ждет впереди: одни обещают постиндустриальный рай, другие — глобальную катастрофу; одни уверены в полной и недале-

¹ Рукопись предоставлена автору экспертом Лейбористской партии Великобритании Дж. Россом.

кой победе коммунизма, другие полагают, что концом истории станет западная либеральная цивилизация.

Во-вторых, общество в странах Восточной Европы и бывшего СССР еще не вполне вышло из состояния системного кризиса. Образно говоря, мы оказались в глубокой яме, из которой в лучшем случае видны ближайшие кучи выброшенной земли, но совсем не видна отдаленная перспектива.

Следует заметить, что понимание термина «демократический социализм» в этом случае принципиально отличается от понимания, обычно используемого «правой» (модернистской) социал-демократией. Большинство современных социал-демократов понимают «демократический социализм», как процесс, то есть как общественный идеал, к которому можно стремиться, но невозможно достичь.

Вместе с тем представляется, что «демократический социализм» — это одновременно и прежде всего — модель общественной системы, характеризующаяся определенным набором признаков:

- производство, основанное на высоких и экологически ориентированных технологиях;
- смешанная экономика с преобладанием общественных и коллективных форм собственности;
- приоритетное развитие образования, науки и культуры;
- ограниченное, по преимуществу основанное на результатах труда социальное неравенство и т.п.

Поэтому большинство социал-демократов так или иначе ориентируются на сохранение существующей модели, а большинство демократических левых — на ее изменение.

Сделав эти оговорки, начну с парадокса, который наверняка вызовет огонь критики как слева, так и справа: шансы на реализацию модели демократического социализма невысоки, но если цивилизация их упустит, резко поднимутся ее шансы на самоубийство.

В пользу возможности реализации модели демократического социализма можно предложить, как минимум, три основных аргумента, причем все они — доказательства не прямые, а косвенные.

Аргумент первый основан на исторических аналогиях. До сих пор история не знала случаев, чтобы новая общественная формация, раз возникнув, затем безвозвратно уходила в прошлое и сменялась формацией предыдущей. Возвратные движения всегда были времен-

ными и восстанавливали прежнюю систему лишь отчасти (рабство в Америке, «второе издание крепостного права» в Европе, периоды реставрации в Англии и Франции). При этом, как уже отмечалось, чем более та или иная революция выходила за пределы исторически возможных задач, тем больше («по принципу маятника») было обратное движение к прежней системе. Представление о социализме как о тупиковой ветви цивилизации в этом смысле расходится со всем предшествующим историческим опытом.

Аргумент второй исходит из исторической тенденции глобального масштаба. Сколько-нибудь объективный макроисторический анализ показывает, что вектор социального движения заметно смещается влево к более справедливому обществу. Так, феодальное общество (средневековая цивилизация) справедливее рабовладельческого; современный «социальный капитализм» — справедливее капитализма первоначального и т.п. Другими словами, более эффективное общество в конце концов оказывается и более справедливым, и наоборот. Предположение, будто в настоящее время эта тенденция сменилась противоположной, вряд ли справедливо и во всяком случае нуждается в проверке опытом многих десятилетий.

Наконец, третьим аргументом могут служить тенденции общественного развития в индустриально развитых странах Запада, связанные частью с современным этапом технологической революции, частью с влиянием «реального социализма», в основном уже ликвидированного, частью же с отношениями между странами «золотого миллиарда» и так называемым третьим миром.

Речь идет о формировании экономического уклада, основанного на групповой собственности работников, об относительно высоком среднем уровне жизни, о развитой системе социальных гарантий, об активном экономическом регулировании, об ограничении социального неравенства и т.п. Многие специалисты — от социал-демократов до правых консерваторов типа Хайека — считают все это проявлением социализации, и не без некоторых оснований.

Другими словами, рост цивилизации в развитых странах Запада во многом тождественен росткам посткапиталистических или социалистических отношений в них. И наоборот: разрушение даже бюрократического социализма в бывшем СССР и Восточной Европе сопровождается явным понижением уровня цивилизации и нарас-

танием варварства (в обыденном, а не строго научном смысле этого слова).

Однако трудности общества на пути к демократическому социализму едва ли не больше трудностей гомеровского Одиссея, который должен был проплыть между Сциллой и Харибдой у Геркулесовых столбов. Говоря точнее, подвиг Одиссея на этом пути человечеству придется повторить несколько раз в режиме некоего гигантского исторического слалома, через «огонь, воду и медные трубы». Вот лишь некоторые преграды из тех, что предстоит преодолеть.

1. Совершенно очевидно, что для перехода к новому обществу необходимы, как минимум, два условия: зрелость его предпосылок и нестабильность общества старого. Иными словами, необходимы предпосылки революции социальной и революции (реформы) политической. Точно так же очевидно, что условия эти формируются не одновременно, как полагали авторы Коммунистического манифеста, а разновременно. Не разделяю «теории отсталости» Н. Бухарина, однако простой статистический анализ показывает, что число революционных ситуаций в развитых странах в первой и во второй трети XX в. было на несколько порядков выше, чем в последней его трети. По-видимому, в этих странах период наибольшей нестабильности капитализма миновал, но зато предпосылки нового общества сформировались в настоящее время, как никогда прежде.

Напротив, как показывает опыт последних лет, наибольший рост левых настроений наблюдается в странах Латинской Америки, где предпосылки нового общества находятся лишь в стадии формирования, а противоречия старой общественной системы проявляются значительно острее.

2. До сих пор на практике никому не удалось разрешить противоречие между демократической природой социальной революции и авторитарной формой власти, вытекающей из революции политической. Когда Ф. Энгельс говорил, что революция — самый авторитарный акт в истории; когда М. Вебер разрабатывал идею плебисцитарной демократии и харизматического лидерства; когда современные политологи доказывают, что революционные режимы в большинстве случаев становятся авторитарными, — все это свидетельствует об одном: коренная ломка или «радикальная трансформация» одной социетальной системы в другую, как правило, невозможна без

сильной власти. Однако, с другой стороны, мы знаем, что диктатура пролетариата легко превращалась в диктатуру бюрократии, а харизматические лидеры — в гитлеров или муссолини. Диктатура же бюрократии ведет к бюрократической революции и реставрации капитализма, как это произошло во многих странах, включая СССР.

Теоретически ключи к решению этой проблемы хорошо известны. Главный из них — развитие самоуправления трудящихся. Однако с помощью этих «ключей» дверь в подлинно гуманное и демократическое общество до сих пор открыть не удалось.

3. Наконец, даже в теоретическом плане остается открытым вопрос: как разрешить противоречие между необходимостью большей социализации общества во имя его выживания и частными интересами крупных собственников, высших классов или отдельных государств.

Как известно, в начале 70-х годов прошлого века Римский клуб выступил с критикой безудержного потребительства и неконтролируемого технического прогресса, предложив взамен идеи более регулируемого и справедливого общества, в котором социальное неравенство было бы поставлено под контроль. Удивляюсь, как в постсоветской России левого либерала А. Печчеи не объявили «красно-коричневым». В более мягкой форме «концепции устойчивого развития» эти идеи были поддержаны Конференцией по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Интересно, что в России первой из серьезных политических сил эти идеи включила в свою программу Коммунистическая партия Российской Федерации.

Работы авторов Римского клуба, как и документы ООН, убедительно показывают, что нынешняя модель потребительского общества себя исчерпала. Попытка распространения этой модели на все человечество равнозначна его гибели в результате энергетического и экологического кризисов. Лозунг «Развитие вместо роста» предполагает замену этой модели иной, более регулируемой и справедливой. Не могу не заметить также, что выводы Римского клуба в художественной форме предвосхитил известный советский фантаст и палеонтолог И. Ефремов, роман которого «Час быка» описал возможную катастрофу современной цивилизации несколькими годами раньше, чем «Пределы роста» Д. Медоуза.

Однако неочевидно, что аргументы Римского клуба или ООН, весьма убедительные в научном отношении, окажутся убедительны-

ми вместе с тем и для высших классов развитых стран, которым предстоит жертвовать частью богатства во имя общего выживания. Неочевидно, что альтернатива «новая общественная модель или гибель» будет вовремя осознана широкой общественностью и населением. Имеющиеся социологические опросы показывают: население способно поступиться своими материальными интересами лишь в том случае, когда катастрофа угрожает немедленно.

Нет гарантий, что человечество в целом, как и отдельный человек, в альтернативе между сиюминутными удовольствиями и продлением жизни не выберет сиюминутных удовольствий по принципу «после нас хоть потоп!»

Конкретизируя исходный парадокс, можно утверждать, что возможность реализации идеала демократического социализма равна произведению вероятностей разрешения человечеством противоречий, обозначенных выше. Если учесть, что число этих противоречий может быть расширено, а вероятность разрешения каждого из них невысока, то первое суждение парадокса о проблематичности реализации демократического социализма становится очевидным. Однако это отнюдь не снимает убедительности второго суждения, ибо в силе остаются все аргументы в пользу демократического социализма и главный из них: большая социализация является условием выживания человечества.

Вопрос о демократическом социализме XXI века остается открытым. Однако для левых это означает не индульгенцию на бездействие, а стимул к действиям. Популярная в России формула «За успех нашего безнадежного дела!» в данном случае вполне осмыслена, ибо, работая во имя своих социальных идеалов, демократические левые тем самым работают и во имя выживания человечества. Однако вернемся в Россию.

4. Современная Россия: ближайшее будущее и задача левых

Возвращаясь к отечественной политической проблематике, подчеркнем еще раз: в силу множественных катастроф маятникообразного движения политического процесса и других, опи-

санных выше характеристик революции как исторической ситуации, социально-экономические предпосылки социализма в современной России оказались сформированными значительно слабее, чем в социальных государствах Европы, а социально-политические и социально-психологические предпосылки, включая популярность левых настроений в обществе, — значительно слабее, чем в Латинской Америке. В таких условиях социалистическая перспектива для страны выглядит достаточно отдаленной. Что же касается задач на ближайшее будущее, то они, на взгляд автора, могут быть сформулированы в виде трех тезисов.

1. Стране как воздух нужен левый поворот.
2. Левый поворот возможен только в рамках политической свободы, хотя бы относительной.
3. Для того чтобы сохранить политическую свободу, необходимо объединение усилий левой оппозиции с другими политическими силами, включая цивилизованных либералов, при сохранении различий в их социально-экономических программах.

Обосновывая первый тезис, необходимо обратить внимание на следующее.

Пока в России считают доллары от продажи нефти и газа; пока складывают их в грандиозную «заначку», гордо называя её Стабилизационным фондом; пока эта «заначка» обесценивается вместе с долларом без всякой пользы для людей и с убытками для бюджета — пока всё это происходит, весь т.н. цивилизованный мир давно уже поменял ориентиры. Разумеется, никто не отрицает, что экономика — это фундамент. Но видят в ней уже не цель, а средство. Средство развития человека.

В обиход науки и международной политики введены специальные понятия: «индекс человеческого развития» (ИЧР) или «индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП). Складывается он из трёх показателей. Для простоты назовём их так:

- благосостояние;
- долголетие;
- образование.

В России официальные власти о человеческом развитии стараются говорить поменьше. И не случайно: несмотря на хваленый экономический рост, по сравнению с другими государствами показате-

ли этого развития в нашей стране падают. Вот факты, взятые мною из докладов Организации Объединённых Наций и российских учёных о развитии человеческого потенциала.

Международные измерения человеческого потенциала в советский период мне не известны. Но, думаю, если бы они проводились, мы оказались бы в лидирующей группе — скорее всего вошли в десятку лучших. В страшном, кризисном 1992 году, когда страна разваливалась и кровоточила, когда цены выросли в 26 раз, а люди ходили в магазин, как в музей, — не покупать товары, но лишь посмотреть на них — в этом году Россия заняла по индексу человеческого развития 34-е место в мире. Так велико было наследие «прошлого». В 1999 году (следующем после второго по уровню кризисного кошмара 1998 года) страна по этому показателю заняла 55-е место.

А дальше начинается *«экономическое чудо наоборот»*. Достигнув в 1998 году дна кризисной пропасти, с 1999-го страна переживает экономический рост. Да, в основном нефтегазовый. Да, сильно преувеличенный властями. Да, ниже, чем в большинстве других республик бывшего СССР. И тем не менее в денежном выражении экономика прибавляет в среднем по 6–7 % в год. Начиная с 2001 года доходы бюджета страны превосходят его расходы, причём на астрономические суммы. А вот по человеческому развитию мы всё больше отстаём от других государств. По последним данным, в 2004 году Россия по этому показателю опустилась на 65-е место в мире. Впереди нас, на 64-м месте, Ливийская Арабская Джамахирия. Впереди нас регулярно оказывались такие страны, как Беларусь (53-е место в 1999 году) и Куба (50-е место в 2004 году).

Что касается слагаемых индекса человеческого развития, то картина выглядит следующим образом.

*Место России в международных исследованиях
по развитию человеческого потенциала*

годы	благосостояние	долголетие	образование
1992	51-е место	90-е место	36-е место
1999	55-е место	98-е место	29-е место
2004	55-е место	114-е место	15-е место

Сошлюсь и на другие данные, которые приходилось видеть в печати.

Когда в конце советского периода стала публиковаться информация о социальных показателях нашей страны, мы с некоторым разочарованием узнали, что, по разным измерениям, **на шкале уровня жизни** занимаем места от 19-го до 32-го. В последние годы такие же измерения дают нашей стране **от 65-го до 102-го места**.

Советский Союз не был лидером по продолжительности жизни, но не был и в числе отстающих. В конце 1980-х годов по этому показателю наша страна соответствовала среднеевропейскому уровню. Как бы ни относиться к кампании борьбы с пьянством со всеми её перегибами, именно в этот период ожидаемая продолжительность жизни в СССР резко пошла вверх. Позднее появилась шутка: Егор Кузьмич¹ лишил нас выпивки, а Егор Тимурович² — закуски. Начиная с Тимуровича, продолжительность жизни круто упала. По заявлению М. Зурабова в Госдуме, в 2005 году по этому показателю наши женщины оказались на 91-м месте в мире, мужчины — на 136-м. Но, пожалуй, самые страшные цифры прочёл в официальном письме из Росстата. Оказалось, что продолжительность жизни, несмотря на все восторги по поводу «экономического чуда», по-прежнему падает:

— женщины: 2005 г. — 72 года, 2006 г. — 70 лет;

— мужчины: 2005 г. — 58 лет, 2006 г. — 56 лет.

При таких показателях никакой рост рождаемости за вымиранием не успеет и никакой материнский капитал не поможет. Далёк от мысли, что в стране проводится преднамеренный геноцид. Но от того, что он непреднамеренный, людям не легче. Убийство по неосторожности и преступная самонадеянность, приводящая к гибели людей, — это тоже уголовные преступления.

Другие международные исследования показали, что в последние годы по качеству жизни Россия занимала места от 73-го до 151-го,

¹ Лигачёв — член Политбюро ЦК КПСС в 1985–1990 годах, один из главных идеологов антиалкогольной кампании 1985 года.

² Гайдар — в 1991–1992 годах заместитель Председателя правительства РСФСР, министр экономики, министр финансов, и.о. Председателя Правительства России.

по экономической свободе — 120-е, а по т.н. индексу счастья (т.е. по удовлетворённости человека жизнью) — 167-е!

Единственное «светлое» (точнее, не такое тёмное) пятно на этом фоне — образование. Те, кому сейчас под 70, в пору своей юности при сравнительных международных исследованиях входили в тройку самых интеллектуальных поколений эпохи. В послесоветское время ситуация изменилась к худшему.

Так, согласно последнему Докладу о развитии человека, мы оказались 15-ми. По результатам международных исследований, которые специалистами именуются PISA, Россия занимала места в третьем десятке. Конечно, PISA несовершенна и приспособлена к западной, а не российской системе образования. Однако не видеть падения уровня образованности подростков и молодёжи в стране невозможно. Так, за первое послесоветское десятилетие выпуск художественной литературы в России сократился в 4 раза и в начале XXI века составлял в среднем 3 книги на человека, тогда как во многих европейских странах — 10–12 книг. По данным социологов, 2/3 граждан России в тот период вовсе перестали читать книги.

Тем не менее места, которые мы занимаем по показателю образованности, оказываются всё же во втором или третьем десятке, а не седьмом и, слава богу, не во второй сотне. Поэтому образование может и должно стать звеном, за которое можно и нужно вытягивать из трясины «цепь» развития человеческого потенциала страны.

В большинстве стран с переходной экономикой, включая бывшие прибалтийские республики СССР, Беларусь и Украину, приняты законы о том, чтобы минимальная заработная плата устанавливалась не ниже прожиточного минимума. В России же в настоящее время она составляет от него менее 60%, а от минимального потребительского бюджета — менее четверти.

В Германии доля бюджетных мест в высших учебных заведениях далеко превышает 90%. Во Франции — более 80%. В России таких мест около 40%.

По сравнению с советским периодом в реальных деньгах в России основное детское пособие упало примерно в 14 раз; расчетная студенческая стипендия в вузах — более чем в 2,7 раза; стипендия студента техникума — в 5 раз; учащегося ПТУ — в 8 раз. Совершенно очевидно: если при экономическом росте (который новый вице-

премьер А. Кудрин называет экономическим чудом) по сравнению с другими государствами в стране падают показатели человеческого потенциала, это означает лишь одно: экономическая политика государства осуществляется не в интересах человека, но против него. В последнее время это, кажется, понимают даже власти.

Динамика демографических процессов не оставляет сомнений: если страна не совершит левого поворота, она будет развиваться по сценарию, предсказанному В. Набоковым: Россия может разделить судьбу Древнего Рима — культура останется, а народ исчезнет...

Важнейшая черта, характерная для постреволюционного периода, — сужение пространства свободы и нарастание авторитаризма. Вот некоторые ее показатели. Согласно международным рейтингам, по экономической свободе современная Россия занимает 120-е место в мире. По данным организации «Репортёры без границ», за последние пять лет российское общество не поднималось выше 121-го места в мире по свободе информации, а по последним данным — 147-е место из 168 стран.

Партийная система, которую искусственно создают в России, во многом выглядит как ручная, искусственная, квазипартийная система. Но если «Единая Россия» всегда представляла собой кремлёвский «партийный проект», а партия Жириновского (ЛДПР) всегда была младшим сателлитом партии власти, то в настоящее время кремлёвские технологи разрабатывают ещё две модели: левоцентристскую модель — партия «Справедливая Россия» и праволиберальную модель — партия «Гражданская сила».

В итоге мы имеем якобы демократию со всеми её атрибутами, но при противоположном содержании.

Периодически из либерального лагеря слышится, что всё дело в чекистах, которые пришли к власти. На самом же деле в России демократия сворачивается не потому, что к власти пришли чекисты. Остатки демократии сворачиваются в России потому, что наступил период формирования постреволюционного авторитаризма. Именно поэтому чекисты и приходят к власти.

Безусловно, мы должны разрабатывать программы и исследовать пути перехода к социалистической перспективе. При этом должны понимать, что политическая ситуация в стране крайне неблагоприятна. В этой ситуации напрашиваются три практических вывода.

1. Стране как воздух нужен левый поворот. По уровню социальных гарантий мы далеко отстали не только от Советского Союза, но и от социальных государств Европы. Приведу только один пример. Среднемировая доля расходов центральных правительств на социальные программы развития человека составляет 22%, включая Азию, Африку, Латинскую Америку. В России эта доля в последние годы составляет не более 16%.

Неудивительно, что при экономическом нефтяном росте человеческий потенциал страны падает. По международным данным, в самом страшном, кризисном 1992 году Россия ещё занимала 34-е место по развитию человеческого потенциала. Так сильно было наследие советского периода. В 1999 году — 55-е место, а последний доклад о развитии человеческого потенциала даёт ей 65-е место, несмотря на несколько лет экономического роста. Для сравнения: даже Ливийская Арабская Джамахирия по развитию человеческого потенциала занимает 64-е место, Куба — 50-е место, т.е. значительно выше, несмотря на то что беднее нашей страны.

2. Левый поворот в стране невозможен без политической свободы. Надеяться, что окружение президента будет поворачивать в сторону развития человеческого потенциала и социальных программ, нельзя. Экономия на самом дорогом, на человеческой жизни, продолжается. 23 марта 2007 года в Государственной Думе выступал министр здравоохранения и социального развития М. Зурабов, сказавший следующее: в России вполне достаточный бюджет, если считать, что мужчина должен жить 59 лет, а если считать, что мужчина должен жить хотя бы 70 лет, женщина хотя бы 75, тогда нам нужен другой бюджет, другая медицина и другой образ жизни. Я мог бы добавить к словам экс-министра только одно: и другое правительство.

3. Для обеспечения сохранения политической свободы политики левого направления: коммунисты, социалисты, левые социал-демократы, неважно как они себя называют, должны были бы взаимодействовать с другими политическими силами, заинтересованными в сохранении политической свободы. Не сливаясь с ними, как правило, не создавая официальных блоков, но тем не менее взаимодействовать. В противном случае мы переживаем такой период, когда может не стать ни цивилизованных левых, ни цивилизованных либералов.

Приведу аргументацию в пользу второго тезиса — о невозможности левого поворота без политической свободы. Поскольку страной правят «олигархические» структуры, объединившие в своих руках власть и собственность, по своей воле, без давления «снизу» они не намерены «делиться» доходами с большей частью населения. Именно поэтому социальное неравенство в России много выше, чем в любой из стран так называемого цивилизованного мира. Именно поэтому отечественная налоговая система устроена так, что не богатые «делятся» с «бедными», но, напротив, «бедные» — с «богатыми». Речь идет не только о «плоской» шкале налога с физических лиц, реально не известной развитым странам, но в еще большей степени — о регрессивной шкале социального налога. Согласно этой шкале, чем выше зарплата в организации, тем меньше социального налога эта организация платит. Как некогда пелось в известной песне, «я другой такой страны не знаю»...

Распространенное в России стандартное либеральное представление о ситуации сводится к следующему: при Борисе Ельцине страна была свободной, а в настоящее время свобода сворачивается потому, что «чекисты пришли к власти». На самом деле все как раз наоборот: так называемые чекисты пришли к власти потому, что наступил исторический период ограничения политической свободы.

Как уже отмечалось, в первой половине 1990-х годов страна пережила не реформы, но социально-политическую революцию. Соответственно, один из законов революции как исторической ситуации заключается в следующем: на смену периоду относительной революционной демократии всегда приходит период революционного или постреволюционного авторитаризма, если не диктатуры. Именно такой период в настоящее время переживает Россия, а потому у власти закономерно оказались «чекисты», т.е. «бизнесмены-силовики», или «силовики-бизнесмены». Историческая ситуация предопределяет характер политического режима, а не наоборот.

Отсюда и крайне низкие показатели, которые Россия имеет в различных международных рейтингах «демократичности». Так, Freedom House перевела нашу страну из группы частично свободных в ранг несвободных государств. По экономической свободе страна занимает 120-е место по свободе информации за последние 5 лет (2003–2007) — ни разу не поднялась выше 121-го места, а по уровню

коррупции откатилась с 90-го места на 143-е, считая от наименее коррумпированных стран (рейтинг Transparency International — РБК Daily, 2007, 27 сентября).

Однако из всего этого вовсе не следует, что бороться за сохранение политической свободы в стране не нужно или бесполезно. Напротив, берусь утверждать: сама политика правящей партии способствует объединению усилий различных политических сил, ибо она одновременно и антисоциальная, и антилиберальная. Разумеется, о правящей партии в данном случае можно говорить только условно, ибо в действительности это не партия, но клиента. Вот лишь две иллюстрации сказанного.

1. Образовательное законодательство, принятое в стране в 1990-х годах, основывалось одновременно на социальных ценностях (установление социальных гарантий для тех кто учится и учит) и на ценностях демократических (если угодно, либерально-демократических) — широкие экономические свободы для образовательных учреждений и экономические свободы для участников образовательного процесса. Напротив, его «модернизация» в 2004 году «вычистила» из соответствующих законодательных актов и свободы, и социальные гарантии. Неслучайно группа депутатов от оппозиции во главе с нобелевским лауреатом Жоресом Алферовым подписала в тот период подготовленный автором текст под названием «Погром в законе».

2. Точно так же постсоветское законодательство о социальной защите инвалидов было в значительной степени заимствовано из опыта социальных государств Европы. Однако в процессе так называемой монетизации инвалиды лишились и предоставлявшихся ранее льгот (включая транспортные, телефонные и т.п.), и стимулов к собственной реабилитации, включая труд, занятия искусством, спортом, общественной деятельностью и т.п. Отныне каждый, кто пытается работать над собой, находится под угрозой снижения так называемой степени ограничения трудовой деятельности, а это снижение приводит к потерям в пенсионных социальных выплатах, а то и к полному лишению их.

Как видим, в обоих случаях государственная политика выстраивается по известному сценарию: ни «рыбы», ни «удочек». Иначе говоря — ни социальных гарантий, ни возможности самостоятельно зарабатывать средства на жизнь. Понятно, что это вызывает оппо-

зиционные настроения как со стороны социалистов, так и со стороны либералов.

В подобной ситуации вполне логичным выглядит и третий тезис о необходимости совместных действий противников антисоциальной и антилиберальной бюрократической политики во имя сохранения политической свободы. Такое объединение усилий становится тем более реальным, что в последние годы российские политические течения, называющие себя правыми, явно эволюционируют влево под давлением ситуации и массовых настроений. Так, известный московский правозащитник А. Бабушкин произвел анализ результатов голосований по ключевым вопросам в Государственной Думе третьего созыва (2000–2003 гг.) и пришел к выводу: наибольшее количество совпадений имеют фракции КПРФ и «Яблоко». Программа так называемой достройки капитализма, предложенная «Союзом правых сил», тяготеет, скорее, к социал-демократическим европейским аналогам, чем к аналогам право-консервативным. Заметим, что ранее СПС явно эволюционировал в направлении европейских «новых правых».

В заключение позволю себе обратить внимание на следующий парадокс: как ни странно, именно цивилизованная оппозиция, требующая левого поворота, объективно помогает сохранить в России относительно спокойный, реформистский сценарий развития. Напротив, действия власти, отказывающейся совершать такой поворот и при этом ограничивающей политическую свободу, провоцируют в стране сценарий с применением насилия, своего рода «цветную революцию». Не раз говорил об этом с трибуны Государственной Думы Федерального Собрания РФ приблизительно в следующих выражениях: «Коллеги из правящего большинства поражены антиоранжевой «паранойей» и страшно боятся, что в России какие-то внешние силы подорвут политическую стабильность и политический режим в целом. Однако на самом деле в современных условиях никто кроме правительства и правящей партии организовать революцию не в состоянии. Кто в этом сомневается, пусть вспомнит 2005 год, когда именно принятие непопулярного закона о монетизации льгот вывело на улицы, по разным данным, от 540 тыс. до 2 миллионов человек. Следует лучше изучать теорию легитимации конфликтов. А если не давать пару возмущений выходить даже в «свисток», политический

«котёл» обязательно взорвется: не в 2007-м, так в 2011-м; не в 2011-м, так в 2015-м. Но непременно».

Если оппозиция не сумеет объединить усилия и найти общий язык, действия правящей «олигархии» могут вызвать в стране революционный сценарий, последствия которого в настоящее время предсказать крайне сложно. В целом, повторю, ситуация для левых в России менее благоприятна, чем в социальных государствах Европы и в странах Латинской Америки, хотя и по разным причинам. Однако альтернативой левому повороту является дальнейшая деградация человеческого потенциала нации. А потому самое время вспоминать известные выражения: в мире гораздо больше людей сдавшихся, чем побежденных...

Смолин О.Н. — первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, председатель общественного движения «Образование — для всех»

В.Г. Арсланов, Г.А. Багатурия, А.В. Бузгалин, Л.А. Булавка,
Г.Г. Водозазов, М.И. Воейков, С.С. Дзарасов, Л.Г. Истягин,
А.И. Колганов, В.М. Межуев, В.Н. Миронов, Б.Ф. Славин,
О.Н. Смолин

Социализм-21.

14 текстов

постсоветской школы

критического марксизма

Корректор *Г. Пармонова*

Подписано в печать 26.12.2008.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура CharterC. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 45. Тираж 1000 экз. Заказ № 190

Издательство «Культурная Революция»

Адрес Москва, Милютинский пер., д. 2

Телефон/факс (495) 621 8471

E-mail editor@kultrev.ru

При участии ООО «ЭМПРЕЗА»

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати».

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14